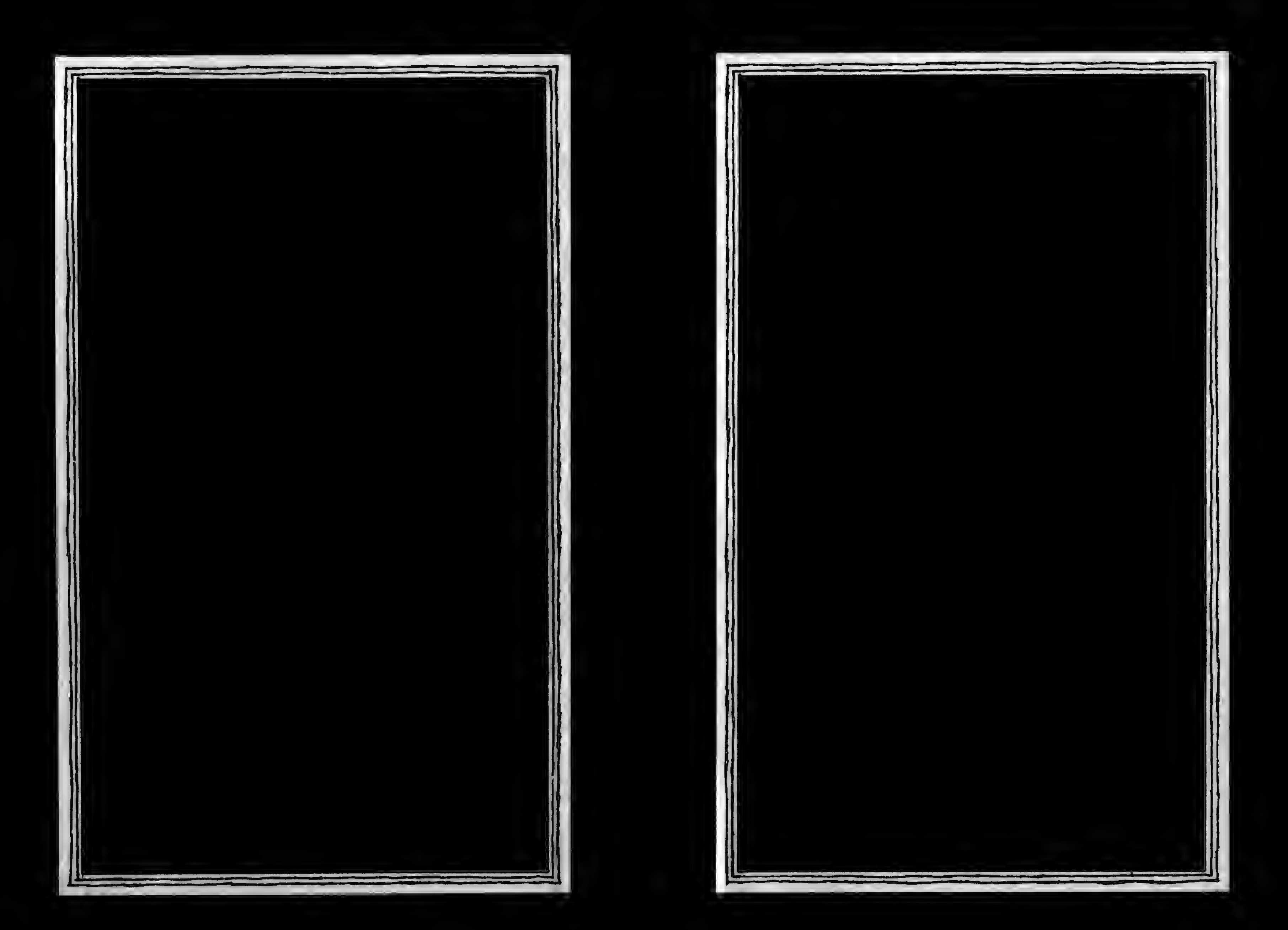
М.А.БУЛГАКОВ

3

Михаил Булгаков

3

Михаил Булгаков

Собрание сочинений
в пяти томах

М.А.БУЛГАКОВ

Собрание сочинений в пяти томах

■

■

Москва

«Художественная литература»

1990

М.А.БУЛГАКОВ

Собрание сочинений в пяти томах
Том третий

■

ПЬЕСЫ

■

Москва
«Художественная литература»
1990

ББК 84Р7
Б90

Составление
А. А. НИНОВА

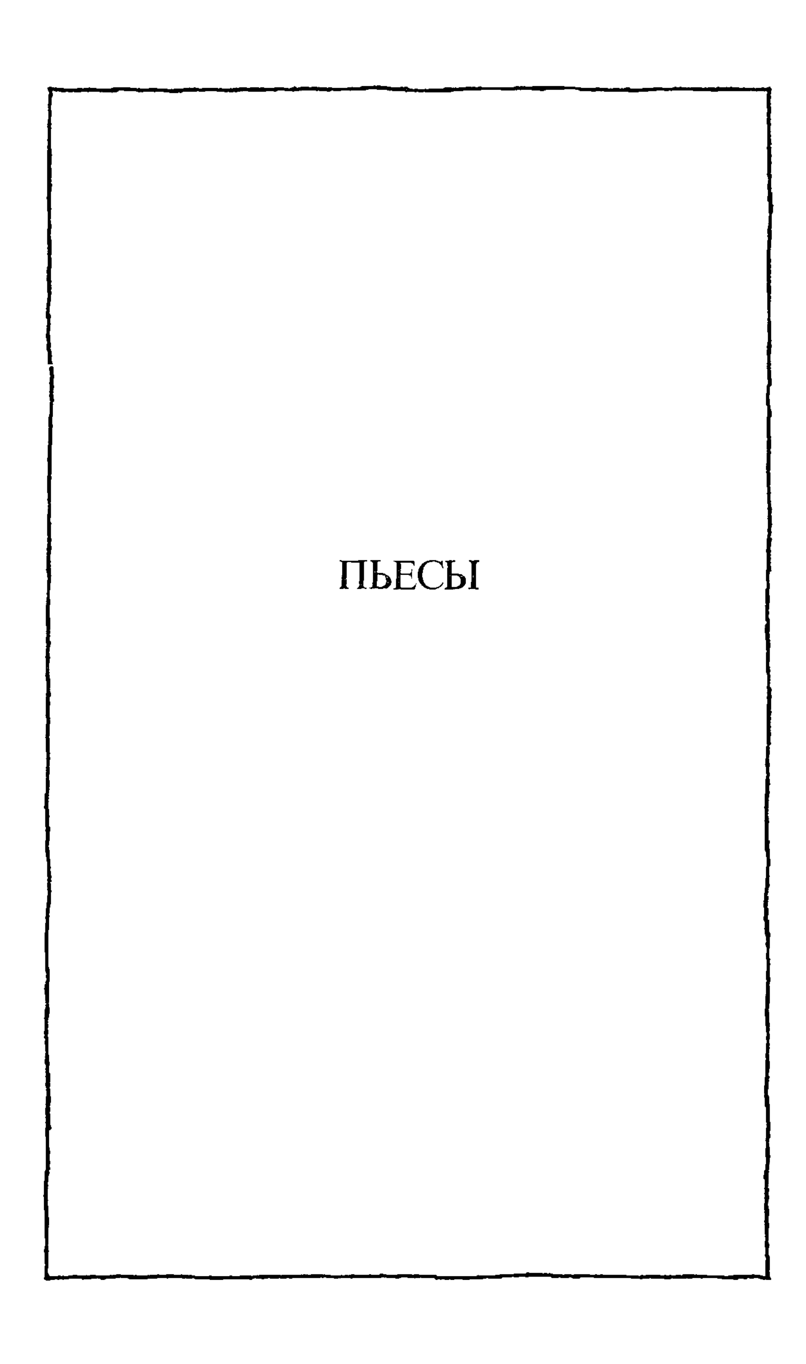
Статья-послесловие
А. М. СМЕЛЯНСКОГО

Подготовка текста и комментарии
В. В. ГУДКОВОЙ, И. Е. ЕРЫКАЛОВОЙ, Е. А. КУХТА, Я. С. ЛУРЬЕ,
А. А. НИНОВА, О. В. РЫКОВОЙ

Оформление художника
Ю. КОПЫЛОВА

Б $\frac{4702010203-245}{028(01)-90}$ Подписное

ISBN 5-280-00980-6 (Т. 3)
ISBN 5-280-00760-9

ПЬЕСЫ

ДНИ ТУРБИНЫХ

Пьеса в 4-х актах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Турбин Алексей Васильевич, полковник-артиллерист, 30 лет.
Турбин Николка, его брат, 18 лет.
Тальберг Елена Васильевна, их сестра, 24 лет.
Тальберг Владимир Робертович, генштаба полковник, ее муж, 35 лет.
Мышлаевский Виктор Викторович, штабс-капитан, артиллерист, 38 лет.
Шервинский Леонид Юрьевич, поручик, личный адъютант гетмана.
Студзинский Александр Брониславович, капитан, 29 лет.
Лариосик, житомирский кузен, 21 года.
Гетман всея Украины.
Болботун, командир 1-й конной петлюровской дивизии.
Галаньба, сотник-петлюровец, бывший уланский ротмистр.
Ураган.
Кирпатый.
Фон Шратт, германский генерал.
Фон Дуст, германский майор.
Врач германской армии.
Дезертир-сечевик.
Человек с корзиной.
Камер-лакей.
Максим, гимназический педель, 60 лет.
Гайдамак-телефонист.
1-й офицер.
2-й офицер.
3-й офицер.
Юнкера и гайдамаки.

I, II и III акты происходят зимой 1918 года в городе Киеве.
IV акт — в начале 1919 года.

АКТ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Квартира Турбиных. Вечер. В камине огонь. При открытии занавеса часы бьют девять раз и нежно играют менуэт Боккерини. Алексей склонился над бумагами.

Николка *(играет на гитаре и поет).*

Хуже слухи каждый час.
Петлюра идет на нас!
Пулеметы мы зарядили.
По Петлюре мы палили.
Пулеметчики-чики-чики...
Голубчики-чики...
Выручали вы нас, молодцы!

Алексей. Черт тебя знает, что ты поешь! Кухаркины песни. Пой что-нибудь порядочное.

Николка. Зачем кухаркины? Это я сам сочинил, Алеша. *(Поет.)*

Хошь ты пой, хошь не пой,
В тебе голос не такой!
Есть такие голоса...
Дыбом встанут волоса...

Алексей. Это как раз к твоему голосу относится.

Николка. Алеша, это ты напрасно, ей-богу! У меня есть голос, правда, не такой, как у Шервинского, но все-таки довольно приличный. Драматический, вернее всего, баритон. Леночка, а Леночка! Как по-твоему,— есть у меня голос?

Елена *(из своей комнаты).* У кого? У тебя? Нету никакого.

Николка. Это она расстроилась, потому так и отвечает. А между прочим, Алеша, мне учитель пения говорил: «Вы бы, говорит, Николай Васильевич, в опере, в сущности, могли петь, если бы не революция».

Алексей. Дурак твой учитель пения.

Николка. Я так и знал. Полное расстройство нервов в турбинском доме. У меня голоса нет, а вчера еще был, учитель пения дурак, и вообще пессимизм. А я по своей натуре более склонен к оптимизму. *(Трогает струны.)* Хотя ты знаешь, Алеша, я сам начинаю беспокоиться. Девять часов уже, а он сказал, что днем придет. Уж не случилось ли чего-нибудь с ним?

Алексей. Ты потише говори.

Николка. Вот комиссия, создатель, быть замужней сестры братом.

Елена. Который час в столовой?

Николка. Э... девять. Наши часы впереди, Леночка.

Елена. Не сочиняй, пожалуйста.

Николка. Ишь, волнуется. *(Напевает.)* Туманно... Ах, как все туманно...

Алексей. Не надрывай ты мне душу, пожалуйста. Пой веселую.

Николка *(поет)*.

Здравствуйте, дачники!
Здравствуйте, дачницы!
Съемки у нас уж давно начались...
Гей, песнь моя!.. Любимая!..
Буль-буль-буль, бутылочка
Казенного вина!!
Бескозырки тонные,
Сапоги фасонные,
То юнкера-гвардейцы идут...

Электричество внезапно гаснет. Громадный хор за стеной в тон Николке, проходя, поет: «Бескозырки тонные...»

Алексей. Елена! Свечи у тебя есть?

Елена. Да!.. Да!..

Алексей. Черт их возьми! Каждую минуту тухнет... Какая-то часть, очевидно, прошла.

Елена *(выходя со свечой)*. Тише, погодите! *(Прислушивается.)*

Электричество вспыхивает. Елена тушит свечу. Далекий пушечный удар.

Николка. Так близко. Впечатление такое, будто бы под Святошином. Интересно, что там происходит? Алеша, может быть, ты пошлешь меня узнать, в чем дело в штабе. Я бы съездил.

Алексей. Конечно, тебя еще не хватает. Сиди, пожалуйста, смирно.

Николка. Слушаю, господин полковник. Я, собственно, потому, знаешь, бездействие... обидно несколько... Там люди дерутся... Хотя бы дивизион наш был скорее готов.

Алексей. Когда мне понадобятся твои советы в подготовке дивизиона, я тебе сам скажу. Понял?

Николка. Понял. Виноват, господин полковник.

Елена. Алеша, где же мой муж?

Алексей. Придет, Леночка.

Елена. Но как же так? Сказал, что приедет утром, а сейчас девять часов, и его нет до сих пор. Уж не случилось ли с ним чего?

Алексей. Леночка, ну конечно, этого не может быть. Ты же знаешь, что линию на запад охраняют немцы.

Елена. Но почему же его до сих пор нет?

Алексей. Ну, очевидно, стоят на каждой станции.

Николка. Революционная езда. Час едешь, два стоишь.

Звонок.

Ну вот и он, я же говорил! *(Бежит открывать дверь.)* Кто там?

Мышлаевский *(за сценой)*. Открой, ради бога, скорее!

Алексей. Нет, это не Тальберг.

Николка *(впуская Мышлаевского в переднюю)*. Да это ты, Витенька?

Мышлаевский. Ну я, конечно, чтоб меня раздавило! Никол, бери винтовку, пожалуйста. Вот дьяволова мать!..

Алексей. Да это Мышлаевский.

Елена. Виктор, откуда ты?

Мышлаевский. Ох... Осторожно вешай, Никол. В кармане бутылка водки. Не разбей. Ох... Из-под Красного Трактира. Позволь, Лена, ночевать, не дойду домой, совершенно замерз.

Елена. Ах, боже мой, конечно! Иди скорей к огню.

Идут к камину.

Мышлаевский. Ох... ох... ох...

Алексей. Что же, они валенки вам не могли дать, что ли?

Мышлаевский. «Валенки». Это такие мерзавцы! *(Бросается к огню.)*

Елена. Вот что: там ванна сейчас топится, вы его раздевайте поскорее, а я ему белье приготовлю. *(Уходит.)*

Мышлаевский. Голубчик, сними, сними, сними...

Николка. Сейчас, сейчас. *(Снимает с Мышлаевского сапоги.)*

Мышлаевский. Легче, братик, ох, легче. Водки бы мне выпить, водочки.

Алексей. Сейчас дам.

Мышлаевский. Пропали пальцы, к чертовой матери, пропали, это ясно.

Алексей. Ну что ты. Отойдут. Николка, растирай ему ноги водкой.

Мышлаевский. Так я и позволил ноги водкой тереть. Три рукой. Больно... Больно... Легче.

Николка. Тс... тс... Как замерз капитан!

Елена *(появляется с халатом и туфлями)*. Сейчас же в ванну его. На!

Мышлаевский. Дай тебе бог здоровья, Леночка. Дайте-ка водки еще. *(Пьет.)*

Николка. Что, согрелся, капитан?

Мышлаевский. Легче стало.

Николка. Ты скажи, что там под Трактиром делается?

Мышлаевский. Метель под Трактиром. Вот что там. И я бы эту метель, мороз, немцев-мерзавцев и Петлюру!..

Алексей. Зачем же, не понимаю, вас под Трактир погнали.

Мышлаевский. А мужички там эти под Трактиром. Вот эти самые милые мужички из сочинений Льва Толстого!

Николка. Да неужели? А в газетах пишут, что мужики на стороне гетмана...

Мышлаевский. Что ты, юнкер, мне газеты тычешь? Я бы всю эту вашу газетную шваль перевешал бы на одном суку! Я сегодня утром лично на разведке напоролся на одного деда и спрашиваю: «Где ваши хлопцы?» Деревня точно вымерла. А он сослепу не разглядел, что у меня погоны под башлыком, и отвечает: «Уси побиглы до Петлюры»...

Николка. Ой-ой-ой-ой...

Мышлаевский. Вот именно «ой-ой-ой-ой»... Взял я

этого богоносного хрена за манишку и говорю: «Уси побиглы до Петлюры? Вот я тебя сейчас пристрелю, старую... ты у меня узнаешь, как до Петлюры бегают... Ты у меня сбегаешь в царство небесное».

Алексей. Как же ты в город попал?

Мышлаевский. Сменили сегодня, слава тебе господи! Пришла пехотная дружина. Скандал я в штабе на Посту устроил! Жутко было! Они там сидят, коньяк в вагоне пьют. Я говорю, вы, говорю, сидите с гетманом во дворце, а артиллерийских офицеров вышибли в сапогах на мороз с мужичьем перестреливаться! Не знали, как от меня отделаться. Мы, говорят, командируем вас, капитан, по специальности в любую артиллерийскую часть. Поезжайте в город. Алеша, возьми меня к себе.

Алексей. С удовольствием. Я и сам хотел тебя вызвать. Я тебе первую батарею дам.

Мышлаевский. Благодетель...

Николка. Ура!.. Все вместе будем. Студзинский старшим офицером.

Мышлаевский. Вы где стоите?

Николка. Александровскую гимназию заняли. Завтра или послезавтра можно выступать.

Мышлаевский. Ты ждешь не дождешься, чтобы Петлюра тебя по затылку трахнул?

Николка. Ну, это еще кто кого!

Елена *(появляется)*. Ну, Виктор, отправляйся, отправляйся. Иди мойся.

Мышлаевский. Лена ясная, позволь, я тебя за твои хлопоты обниму и поцелую. Как ты думаешь, Леночка, мне сейчас водки выпить или уже потом, за ужином сразу?

Елена. Нет, я думаю, что потом, за ужином сразу. Мужа ты моего там где-нибудь не видел? Муж пропал.

Мышлаевский. Что ты, Леночка, найдется. Он сейчас приедет. *(Уходит.)*

Начинается непрерывный звонок.

Николка. Ну вот он — он! *(Бежит в переднюю.)*

Алексей. Господи, что это за звонок?

Николка отворяет дверь. Появляется в передней Лариосик с чемоданом и с узлом.

Лариосик. Вот я и приехал. Со звонком у вас я что-то сделал.

Николка. Это вы кнопку вдавили. *(Выбегает за дверь.)*

Лариосик. Ах, боже мой! Простите, ради бога! *(Входит в комнату.)* Вот я и приехал. Здравствуйте, глубокоуважаемая Елена Васильевна, я вас сразу узнал по карточкам. Мама просит вам передать ее самый горячий привет.

Звонок прекращается. Входит Николка.

А равно также и Алексею Васильевичу.

Алексей. Мое почтение.

Лариосик. Здравствуйте, Николай Васильевич, я так много о вас слышал. Вы удивлены, я вижу? Позвольте вам вручить письмо, оно вам все объяснит. Мама сказала мне, чтобы я даже не раздевался, а прежде всего дал бы вам прочитать письмо.

Елена. Какой неразборчивый почерк!

Лариосик. Да, ужасно! Позвольте, лучше я сам прочитаю. У мамы такой почерк, что она иногда напишет, а потом сама не понимает, что она такое написала. У меня тоже такой почерк. Это у нас наследственное. *(Читает.)* «Милая, милая Леночка! Посылаю к вам моего мальчика прямо по-родственному; приютите и согрейте его, как вы умеете это делать. Ведь у вас такая громадная квартира...» Мама очень любит и уважает вас, а равно и Алексея Васильевича. *(Читает.)* «Мальчуган поступает в Киевский университет. С его способностями...» Ах уж эта мама!.. «невозможно сидеть в Житомире, терять время. Содержание я буду вам переводить аккуратно. Мне не хотелось бы, чтобы мальчуган, привыкший к семье, жил у чужих людей. Но я очень спешу, сейчас идет санитарный поезд, он сам вам все расскажет...» Гм... вот и все.

Алексей. Позвольте узнать, с кем я имею честь говорить?

Лариосик. Как с кем? Вы меня не знаете?

Алексей. К сожалению, не имею удовольствия.

Лариосик. Боже мой! И вы, Елена Васильевна?

Николка. И я тоже не знаю.

Лариосик. Боже мой, это прямо колдовство! Да ведь мама в телеграмме все написала. Мама дала вам телеграмму в шестьдесят три слова.

Николка. Шестьдесят три слова!.. Ой... ой... ой...

Елена. Мы никакой телеграммы не получали.

Лариосик. Боже, какой скандал! Простите меня,

пожалуйста. Я думал, что меня ждут, и прямо не раздеваясь... извините, я, кажется, что-то раздавил... Я ужасный неудачник.

Алексей. Да вы будьте добры, скажите, как ваша фамилия?

Лариосик. Ларион Ларионович Суржанский.

Елена. Вы — Лариосик? Житомирский кузен?

Лариосик. Ну да.

Елена. И вы... к нам приехали?

Лариосик. Да. Но, видите ли, я думал, что вы меня ждете, после маминой телеграммы. А раз так... Простите, пожалуйста, я наследил вам на ковре. Я сейчас поеду в какой-нибудь отель...

Елена. Какие теперь отели! Погодите, вы прежде всего раздевайтесь.

Алексей. Да вас никто не гонит, снимайте пальто, пожалуйста.

Лариосик. Душевно вам признателен.

Николка. Вот здесь, пожалуйста. Пальто можно повесить в передней.

Лариосик. Душевно вам признателен. Как у вас хорошо в квартире. *(Уходит.)*

Елена *(шепотом)*. Ну что ж, Алеша, надо будет его оставить. Он симпатичный. Ты ничего не будешь иметь против, если мы его в библиотеке поместим, все равно комната пустует?

Алексей. Конечно, поди, скажи ему.

Лариосик входит.

Елена. Вот что, Ларион Ларионович, прежде всего в ванну. Там уже есть один — капитан Мышлаевский... А то, знаете ли, после поезда...

Лариосик. Да, да, ужасно... Ведь я одиннадцать дней ехал от Житомира до Киева...

Николка. Ой... ой... ой... одиннадцать дней!

Лариосик. Ужас, ужас... Это такой кошмар!

Елена. Ну, пожалуйте.

Лариосик. Душевно вам... Ах, извините, Елена Васильевна, я не могу идти в ванну.

Алексей. Почему?

Лариосик. Извините меня, пожалуйста: какие-то злодеи украли у меня в санитарном поезде чемодан с бельем. Чемодан с книгами и рукописями оставили, а белье все пропало.

Елена. Ну, это беда поправимая.

Николка. Я дам, я дам.

Лариосик *(интимно, Николке).* Рубашка, впрочем, у меня здесь, кажется, есть одна. Я в нее собрание сочинений Чехова завернул. А вот не будете ли вы добры дать мне кальсоны?

Николка. С удовольствием. Они вам будут велики, но мы их заколем английскими булавками.

Лариосик. Душевно вам признателен.

Елена. Мы вас устроим, Ларион Ларионович, в библиотеке. Николка, проводи.

Николка. Пожалуйте за мной.

Лариосик и Николка уходят. Звонок.

Алексей. Вот тип! Я бы его остриг прежде всего. Ну, Леночка, зажги свет, я пойду к себе, у меня еще масса дел, а мне здесь мешают. *(Уходит.)*

Звонок.

Елена. Кто там?

Тальберг *(за сценой).* Я, я. Открой, пожалуйста.

Елена. Слава богу! Где же ты пропадал? Я так волновалась!

Тальберг. Не целуй меня, я с холоду, ты можешь простудиться.

Елена. Где же ты был?

Тальберг. В германском штабе задержали важные дела.

Елена. Ну, иди, иди скорее, грейся. Сейчас чай будем пить.

Тальберг. Не надо чаю. Лена, погоди. Позвольте, чей это френч?

Елена. Мышлаевского. Он только что приехал с позиций совершенно замороженный.

Тальберг. Все-таки можно прибрать.

Елена. Я сейчас. *(Вешает френч за дверь.)* Ты знаешь новость? Сейчас неожиданно приехал мой кузен из Житомира, знаменитый Лариосик. Алексей оставил его у нас в библиотеке.

Тальберг. Я так и знал. Недостаточно одного сеньора Мышлаевского. Появляются еще какие-то житомирские кузены. Не дом, а постоялый двор. Я решительно не понимаю Алексея.

Елена. Володя, ты в дурном расположении духа. Что тебе сделал Мышлаевский? Он очень хороший человек.

Тальберг. Замечательно хороший. Трактирный завсегдатай.

Елена. Володя!

Тальберг. Впрочем, сейчас не до Мышлаевского. Лена. Закрой дверь. Лена, случилась важная вещь.

Елена. Что такое?

Тальберг. Немцы оставляют гетмана на произвол судьбы.

Елена. Володя, да что ты? Откуда ты узнал?

Тальберг. Только что, под строгим секретом, в германском штабе. Никто не знает, даже сам гетман.

Елена. Что же теперь будет?

Тальберг. Что теперь будет. Гм... Половина десятого. Так-с... Что теперь будет? Лена!

Елена. Что ты говоришь?

Тальберг. Я говорю — Лена!

Елена. Ну что «Лена»?

Тальберг. Лена. Мне сейчас нужно бежать.

Елена. Бежать? Куда?

Тальберг. В Берлин. Гм... Без двадцати девяти десять. Дорогая моя, ты знаешь, что меня ждет в случае, если русская армия не отобьет Петлюру и он придет в Киев?

Елена. Тебя можно будет спрятать.

Тальберг. Миленькая моя, как можно меня спрятать! Я не иголка. Нет человека в городе, который не знал бы меня. Спрятать помощника военного министра при гетмане! Не могу же я, подобно сеньору Мышлаевскому, сидеть без френча в чужой квартире. Меня отличнейшим образом найдут.

Елена. Постой! Я не пойму, как же бежать. Значит, мы оба должны уехать?

Тальберг. В том-то и дело, что нет. Сейчас выяснилась ужасная картина. Город обложен со всех сторон, и единственный способ выбраться — в германском штабном поезде. Женщин они не берут. Мне одно место дали благодаря моим связям.

Елена. Другими словами, ты хочешь уехать один?

Тальберг. Дорогая моя, не «хочу», а иначе не могу! Пойми, катастрофа! Поезд идет через полтора часа. Решай, и как можно скорее.

Елена. Как можно скорее? Через полтора часа? Тогда я решаю — уезжай.

Тальберг. Ты умница. Я всегда это утверждал. Что

я хотел еще сказать? Да, что ты умница! Впрочем, я это уже сказал.

Елена. На сколько же времени мы расстаемся?

Тальберг. Я думаю, месяца на два. Я только пережду всю эту кутерьму в Берлине, а когда гетман вернется...

Елена. А если он совсем не вернется?

Тальберг. Этого не может быть. Даже если немцы оставят Украину, Антанта займет ее и восстановит гетмана. Европе нужна гетманская Украина как кордон от московских большевиков. Ты видишь, я все рассчитал.

Елена. Да, я вижу, но только вот что: как же так, ведь гетман еще тут, наши формируются в армии, а ты вдруг бежишь на глазах у всех. Ловко ли это будет?

Тальберг. Милая, это наивно. Я тебе говорю по секрету: я бегу, потому что знаю, что ты этого никогда никому не скажешь. Полковники генштаба не бегают. Они ездят в командировку. В кармане у меня командировка в Берлин от гетманского министерства. Что, недурно?

Елена. Очень недурно. А что же будет с ними со всеми?

Тальберг. Позволь тебя поблагодарить за то, что сравниваешь меня со всеми. Я не все.

Елена. Ты же предупреди братьев.

Тальберг. Конечно, конечно. Как мне ни тяжело расстаться на такой большой срок... я отчасти доволен, что уезжаю один, ты побережешь наши комнаты.

Елена. Владимир Робертович, здесь мои братья! Неужели же ты хочешь сказать, что они вытеснят нас? Ты не имеешь права.

Тальберг. О нет, нет, нет... Конечно, нет. Но ты же знаешь пословицу: ки ва а ла шасс, пер са пляс[1]. Теперь еще просьба, последняя. Здесь, гм... без меня, конечно, будет бывать этот... Шервинский...

Елена. Он и при тебе бывает.

Тальберг. К сожалению. Видишь ли, моя дорогая, он мне не нравится.

Елена. Чем, позволь узнать?

Тальберг. Его ухаживания за тобой становятся слишком назойливыми, и мне было бы желательно... Гм...

---

[1] Qui va à la chasse, perd sa place — кто уходит на охоту, теряет свое место *(фр.)*. (Переводы в пьесе принадлежат М. А. Булгакову.)

Елена. Что желательно было бы тебе?

Тальберг. Я не могу сказать тебе, что! Ты женщина умная и достаточно воспитанная. Ты прекрасно понимаешь, как нужно держать себя, чтобы не бросить тень на фамилию Тальберг.

Елена. Хорошо... я не брошу тень на фамилию Тальберг.

Тальберг. Почему ты отвечаешь мне так сухо? Я ведь не говорю тебе о том, что ты мне изменишь. Я прекрасно знаю, что этого быть не может.

Елена. Почему ты полагаешь, Владимир Робертович, что я не могу тебе изменить?

Тальберг. Елена, Елена, Елена! Я не узнаю тебя. Вот плоды общения с Мышлаевским! Замужняя дама, изменить! Без четверти десять! Я опоздаю!

Елена. Я сейчас тебе уложу.

Тальберг. Милая, ничего, ничего, только чемоданчик, в нем немного белья. Только, ради бога, скорее, даю тебе одну минуту.

Елена. Ты же с братьями попрощайся!

Тальберг. Само собою разумеется, только смотри,— я еду в командировку.

Елена. Алеша! Алеша! *(Убегает.)*

Алексей *(выходя)*. Да, да... А, здравствуй, Володя.

Тальберг. Здравствуй, Алеша.

Алексей. Что за суета?

Тальберг. Видишь ли, я должен сообщить тебе важную новость. Сегодня положение гетмана стало весьма серьезным.

Алексей. Как?

Тальберг. Серьезно, и весьма.

Алексей. В чем дело?

Тальберг. Очень возможно, что немцы не окажут помощи и придется отбивать Петлюру своими силами.

Алексей. Неужели? Дело желтенькое... Спасибо, что сказал.

Тальберг. Теперь второе. Я сию минуту должен уехать в командировку.

Алексей. Куда, если не секрет?

Тальберг. В Берлин.

Алексей. Куда? В Берлин?

Тальберг. Да. Как я ни барахтался, выкрутиться не удалось. Такое безобразие.

Алексей. Надолго, смею спросить?

Тальберг. На два месяца.

Алексей. Ах, вот как.

Тальберг. Итак, позволь пожелать тебе всего хорошего. Берегите Елену. *(Протягивает руку.)* Что это значит?

Алексей *(спрятав руку за спину)*. Это значит, что командировка ваша мне не нравится.

Тальберг. Полковник Турбин!

Алексей. Я вас слушаю, полковник Тальберг.

Тальберг. Вы мне ответите за это, господин брат моей жены.

Алексей. А когда прикажете, господин Тальберг?

Тальберг. Когда... Без десяти десять... Когда я вернусь.

Алексей. Ну, бог знает что случится, когда вы вернетесь!

Тальберг. Вы... вы... Я давно хотел уже объясниться с вами.

Алексей. Жену не волновать, господин Тальберг.

Елена *(выходя)*. О чем вы говорите?

Алексей. Ничего, ничего, Леночка!

Тальберг. Ничего, ничего, дорогая! Ну, до свидания, Алеша!

Алексей. До свидания, Володя!

Елена. Николка! Николка!

Николка. Вот он я.

Елена. Володя уезжает в командировку. Попрощайся!

Тальберг. До свидания, Никол.

Николка. Счастливого пути, господин полковник.

Тальберг. Елена, вот тебе деньги. Из Берлина немедленно переведу. Будьте здоровы, будьте здоровы... *(Стремительно идет в переднюю.)* Не провожай меня, дорогая, ты простудишься.

Алексей *(неприятным голосом)*. Елена, ты простудишься!

Пауза.

Николка. Алеша, как же это он так уехал? Куда?

Алексей. В Берлин.

Николка. В Берлин. Ага... В такой момент... С извозчиком торгуется. *(Философски.)* Алеша, ты знаешь, я заметил, он на крысу похож.

Алексей. А дом наш на корабль. Ну, иди к гостям. Иди, иди.

Николка уходит.

Алексей. Дивизион в небо как в копеечку попадает. «Весьма серьезно». «Серьезно, и весьма». Крыса! *(Уходит.)*

Елена *(возвращается из передней. Смотрит в окно).* Уехал...

КАРТИНА ВТОРАЯ

Накрыт стол для ужина.

Елена *(у рояля, берет один и тот же аккорд).* Уехал. Как уехал?

Шервинский *(появляется внезапно).* Кто уехал?

Елена. Боже мой! Как вы меня испугали, Шервинский! Как же вы вошли без звонка?

Шервинский. Да у вас дверь не заперта — все настежь. Здравия желаю, Елена Васильевна. Позвольте вам вручить. *(Вынимает из бумаги громадный букет.)*

Елена. Сколько раз я просила вас, Леонид Юрьевич, не делать этого. Мне неприятно, что вы тратите деньги.

Шервинский. Деньги существуют на то, чтобы их тратить, как сказал Карл Маркс. Разрешите снять бурку?

Елена. А если б я сказала, что не разрешаю?

Шервинский. Я просидел бы в бурке всю ночь у ваших ног.

Елена. Ой, Шервинский, армейский комплимент.

Шервинский. Виноват, это гвардейский комплимент. *(Снимает в передней бурку, остается в великолепнейшей черкеске.)* Я так рад, что вас вижу! Я так давно вас не видал!

Елена. Если память мне не изменяет, вы были у нас вчера.

Шервинский. Ах, Елена Васильевна, что такое в наше время «вчера». Итак, кто же уехал?

Елена. Владимир Робертович.

Шервинский. Позвольте, он же сегодня должен был вернуться?

Елена. Да, он вернулся и... опять уехал.

Шервинский. Куда?

Елена. Какие дивные розы... В Берлин.

Шервинский. В... Берлин? И надолго, разрешите узнать?

Елена. Месяца на два.

Шервинский. На два месяца. Да что вы!.. Печально, печально... Я так расстроен, я так расстроен!

Елена. Шервинский, пятый раз целуете руку.

Шервинский. Я, можно сказать, подавлен, боже мой, да тут все! Ура! Ура!

Николка *(за сценой)*. Шервинский! Демона!

Елена. Чему вы так бурно радуетесь?

Шервинский. Я радуюсь... Ах, Елена Васильевна, вы не поймете!..

Елена. Вы не светский человек, Шервинский.

Шервинский. Я не светский человек. Позвольте, почему же... Нет, я светский. Просто я, знаете ли, расстроен... Итак, стало быть, он уехал, а вы остались.

Елена. Как видите. Как ваш голос?

Шервинский *(у рояля)*. Ма-ма... миа... ми... Он далеко, он да... он далеко и не узнает... Да... В хорошем голосе. Ехал к вам на извозчике, казалось, что и голос сел, а сюда приезжаю — оказывается, в голосе.

Елена. Ноты захватили?

Шервинский. Вы чистой воды богиня.

Елена. Единственно, что в вас есть хорошего, это голос, и прямое ваше назначение — это оперная карьера.

Шервинский. Кое-какой материал есть. Вы знаете, Елена Васильевна, я однажды в Жмеринке пел Эпиталаму из «Нерона», там вверху фа, как вам известно, а я взял ля и держал девять тактов.

Елена. Сколько?

Шервинский. Восемь тактов держал. Напрасно вы не верите. Ей-богу! Там была графиня Гендрикова, красавица... Она влюбилась в меня после этого ля.

Елена. И что же было потом?

Шервинский. Отравилась. Цианистым кали.

Елена. Ах, Шервинский. Это у вас болезнь, честное слово. Господа! Идите к столу!

Алексей. Здравствуйте, Леонид Юрьевич. Милости просим.

Шервинский. Виктор! Жив! Ну, слава богу. Почему ты в чалме?

Мышлаевский. Здравствуй, адъютант.

Шервинский. Мое почтение, капитан.

Мышлаевский *(в чалме из полотенца)*. Старший офицер нашего дивизиона капитан Студзинский, а это мсье Суржанский. Вместе с ним купались.

Николка. Кузен наш из Житомира.

Студзинский. Очень приятно.

Лариосик. Душевно рад познакомиться.

Шервинский. Ее императорского величества лейб-гвардии уланского полка и личный адъютант его светлости поручик Шервинский.

Лариосик. Ларион Суржанский. Душевно рад с вами познакомиться.

Мышлаевский. Да вы не приходите в такое отчаяние. Бывший лейб, бывшей гвардии, бывшего полка...

Елена. Господа, идите к столу.

Алексей. Двенадцать. Господа, садимся, а то ведь завтра рано вставать.

Шервинский. Ух, какое великолепие! По какому случаю пир, позвольте спросить?

Николка. Последний ужин дивизиона, господин поручик, послезавтра выступаем.

Шервинский. Ага...

Студзинский. Где прикажете, господин полковник?

Шервинский. Где прикажете?

Алексей. Где угодно, где угодно. Прошу, господа! Леночка!

Усаживаются.

Шервинский. Итак, стало быть, он уехал, а вы остались?

Елена. Шервинский, замолчите.

Мышлаевский. Леночка, водки выпьешь?

Елена. Нет, нет, нет.

Мышлаевский. Ну, тогда белого вина.

Студзинский. Вам позволите, господин полковник?

Алексей. Мерси. Вы, пожалуйста, себе.

Мышлаевский. Вашу рюмку.

Лариосик. Я, собственно, водки не пью.

Мышлаевский. Помилуйте, я тоже не пью. Но одну рюмку. Как же вы будете селедку без водки есть? Абсолютно не понимаю.

Лариосик. Душевно вам признателен.

Мышлаевский. Давно, давно я водки не пил.

Шервинский. Господа! Здоровье Елены Васильевны! Ура! Ура!

Студзинский.
Мышлаевский. } Ура!
Лариосик.

Елена. Тише! Что вы, господа! Весь переулок разбудите. И так уж твердят, что у нас каждый день попойка. Спасибо. Спасибо.

Мышлаевский. Ух, хорошо! Освежает водка. Не правда ли?

Лариосик. Да, очень!

Мышлаевский. Умоляю, еще по рюмке. Господин полковник.

Алексей. Ты не гони особенно, Виктор, завтра выступать.

Николка. И выступим.

Елена. Что с гетманом, скажите?

Студзинский. Да, да, что с гетманом?

Шервинский. Все в полном порядке, Елена Васильевна. Вчера, господа, был ужин во дворце!.. На двести персон. Рябчики... Гетман в национальном костюме...

Елена. Да, говорят, что немцы нас оставляют на произвол судьбы?

Шервинский. Не верьте... никаким слухам, Елена Васильевна. Все обстоит совершенно благополучно.

Лариосик. Благодарю, глубокоуважаемый Виктор Викторович, я ведь, собственно говоря, водки не пью.

Мышлаевский *(выпивая)*. Стыдитесь, Ларион!

Шервинский.
Николка. } Стыдитесь!

Лариосик. Покорнейше благодарю.

Алексей. Ты, Никол, на водку-то не налегай.

Николка. Слушаю, господин полковник! Я — белого вина.

Лариосик. Как это вы ловко ее опрокидываете, Виктор Викторович.

Мышлаевский. Достигается упражнением. Алеша!

Алексей. Спасибо, капитан, а салату?

Студзинский. Покорнейше благодарю.

Мышлаевский. Лена, золотая! Пей белое вино. Радость моя! Рыжая Лена, я знаю, отчего ты так расстроена. Брось! Все к лучшему.

Шервинский. Все к лучшему.

Мышлаевский. Нет, нет, до дна, Леночка, до дна!

Николка *(берет гитару)*. Кому чару пить, кому здраву быть... пить чару...

Все. ...Свет Елене Васильевне! Леночка, выпейте, выпейте... выпейте...

Елена пьет.

Все. Браво!! *(Аплодируют.)*

Мышлаевский. Ты замечательно выглядишь сегодня. Ей-богу. И капот этот идет к тебе, клянусь честью. Господа, гляньте, какой капот, совершенно зеленый!

Елена. Это платье, Витенька, и серое.

Мышлаевский. Ну, тем хуже. Все равно. Господа, обратите внимание, не красивая она женщина, вы скажете?

Студзинский. Елена Васильевна очень красива. Ваше здоровье!

Мышлаевский. Лена, ясная, позволь я тебя обниму и поцелую.

Шервинский. Ээ...

Мышлаевский. Леонид, отойди. От чужой мужней жены отойди!

Шервинский. Позволь...

Мышлаевский. Мне можно, я друг детства.

Николка *(вставая)*. Господа, здоровье командира дивизиона!

Студзинский, Шервинский и Мышлаевский встают.

Лариосик. Ура!.. Извините, господа, я человек не военный.

Мышлаевский. Ничего, ничего, Ларион! Правильно!

Елена. Я очень, очень тронута.

Алексей. Очень приятно.

Лариосик. Многоуважаемая Елена Васильевна! Не могу выразить, до чего мне у вас хорошо...

Елена. Очень приятно.

Лариосик. Многоуважаемый Алексей Васильевич.

Алексей. Очень приятно.

Лариосик. Господа, кремовые шторы... за ними отдыхаешь душой... забываешь о всех ужасах гражданской войны. А ведь наши израненные души так жаждут покоя...

Мышлаевский. Вы, позвольте узнать, стихи сочиняете?

Лариосик. Я? Да... пишу.

Мышлаевский. Так. Извините, что я вас перебил.

Лариосик. Пожалуйста... кремовые шторы... Они отделяют нас от всего света. Впрочем, я человек не военный. Эх... Налейте мне еще рюмочку.

Мышлаевский. Браво, Ларион! Ишь хитрец, а

говорил — не пьет. Симпатичный ты парень, Ларион, но речи произносишь, как многоуважаемый сапог.

Лариосик. Нет, не скажите, Виктор Викторович, я говорил речи, и не однажды... в Житомире... сослуживцы моего покойного папы на обедах... Податные инспектора там... Они меня тоже — ох как ругали!

Мышлаевский. Податные инспектора известные звери.

Шервинский. Пейте, Лена, пейте, дорогая.

Елена. Напоить меня хотите? У, какой противный!

Мышлаевский. Давай сюда гитару, Николка, давай!

Николка *(с гитарой, поет).*

Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?

Лариосик *(поет).*
Так громче, музыка, играй победу.
Все *(поют).*
Мы победили, и враг бежит.
Так за...
Лариосик. Царя!..
Алексей. Что вы, что вы!
Все *(поют фразу без слов).*
....
Мы грянем дружное ура! Ура! Ура!

Николка.
Скажи мне всю правду, не бойся меня...

Все поют.

Лариосик. Эх. До чего у вас весело, Елена Васильевна. Дорогая! Огни! Ура!

Шервинский. Господа! Здоровье его светлости гетмана всея Украины! Ура!

Пауза.

Студзинский. Виноват. Завтра драться я пойду, но тост этот пить не стану и другим офицерам не советую.

Шервинский. Господин капитан.

Лариосик. Совершенно неожиданное происшествие.

Мышлаевский *(пьян).* Из-за него, дьявола, я себе ноги отморозил. *(Пьет.)*

Студзинский. Господин полковник, вы тост одобряете?

Алексей. Нет, не одобряю!

Шервинский. Господин полковник, позвольте, я скажу.

Лариосик. Нет, уж позвольте, я скажу. Здоровье Елены Васильевны, а равно ее глубокоуважаемого супруга, отбывшего в Берлин!

Мышлаевский. Во! Угадал, Ларион! Лучше трудно!

Лариосик. Простите, Елена Васильевна, я человек не военный.

Елена. Не обращайте на них внимания, Ларион. Вы душевный человек, хороший. Идите сюда ко мне.

Лариосик. Елена Васильевна! Ах, боже мой, красное вино...

Николка. Солью, солью посыпем... ничего.

Студзинский. Этот ваш гетман...

Алексей. Что же, в самом деле? В насмешку мы ему дались, что ли?! Если бы ваш гетман вместо того, чтобы ломать эту чертову комедию с украинизацией, начал бы формирование офицерских корпусов, ведь Петлюры бы духом не пахло в Малороссии. Но этого мало — мы бы большевиков в Москве прихлопнули, как мух. Ведь самый момент! Там, говорят, кошек жрут. Он бы, мерзавец, Россию спас.

Шервинский. Немцы бы не позволили формировать армию, господин полковник: они ее боятся.

Алексей. Неправда-с. Немцам нужно было объяснить, что мы им не опасны. Кончено! Войну мы проиграли. У нас теперь другое, более страшное, чем война, чем немцы, чем вообще все на свете: у нас большевики. Немцам нужно было сказать: «Вам нужен украинский хлеб, сахар. Берите, лопайте, подавитесь, только помогите нам, чтобы наши мужики не заболели московской болезнью». А теперь поздно, теперь наше офицерство превратилось в завсегдатаев кафе. Кофейная армия! Пойди его забери. Так он тебе и пойдет воевать. У него, у мерзавца, валюта в кармане. Он в кофейне сидит на Крещатике. Там же, где вся штабная орава. Нуте-с, великолепно. Дали полковнику Турбину дивизион: лети, спеши, формируй, ступай, Петлюра идет! Отлично-с! А

вот глянул я на них, и даю вам слово чести — в первый раз дрогнуло мое сердце.

Мышлаевский. Алеша, командирчик ты мой! Артиллерийское у тебя сердце! Пью здоровье!

Алексей. Дрогнуло, потому что на сто юнкеров — сто двадцать человек студентов и держат они винтовку, как лопату. И вот вчера на плацу... Снег идет, туман вдали... Померещился мне, знаете ли, гроб...

Елена. Алеша, зачем ты говоришь такие мрачные вещи? Не смей!

Николка. Не извольте расстраиваться, господин командир, мы не выдадим.

Алексей. Вот, господа, сижу я сейчас среди вас, и у меня одна неотвязная мысль. Ах! Если бы мы все это могли предвидеть раньше! Вы знаете, что такое этот ваш Петлюра? Это миф, черный туман. Его и вовсе нет. Вы гляньте на окна, посмотрите, что там. Там метель, какие-то тени... В России, господа, две силы: большевики и мы. Мы встретимся. Вижу я более грозные времена. Ну, не удержим Петлюру. Но ведь он ненадолго придет. А вот за ним придут большевики. Вот из-за этого я и иду! На рожон, но пойду! Потому что, когда мы встретимся с большевиками, дело пойдет веселее. Или мы их закопаем, или — вернее — они нас. Пью за встречу, господа!

Лариосик *(за роялем запел).*

Жажду встречи,
Клятвы, речи —
Все пустяки,
Все трын-трава.

Николка. Здорово, Ларион.

Жажду встречи...
Клятвы, речи...

Все сумбурно поют. Лариосик внезапно зарыдал.

Елена. Лариосик, что с вами?

Николка. Ларион!

Мышлаевский. Что ты, Ларион, кто тебя обидел?

Лариосик *(пьян).* Я испугался.

Мышлаевский. Кого? Большевиков? Ну, мы им сейчас покажем! *(Берет маузер.)*

Елена. Виктор, что ты делаешь?

Мышлаевский. В комиссаров стрелять буду. Который из вас комиссар?

Шервинский. Маузер заряжен, господа!!

Студзинский. Капитан, сядь сию минуту.

Елена. Господа, отнимите у него!

Отнимают маузер.

Алексей. Что ты, с ума сошел? Сядь сию минуту! Это я виноват, господа.

Мышлаевский. Стало быть, я в компанию большевиков попал. Очень приятно. Здравствуйте, товарищи. Выпьем за здоровье комиссаров. Они симпатичные!

Елена. Виктор, не пей больше!

Мышлаевский. Молчи, комиссарша!

Шервинский. Боже, как нализался!

Алексей. Господа, это я виноват. Не слушайте того, что я сказал. Просто у меня расстроены нервы.

Студзинский. О нет, господин полковник. Мы понимаем. И поверьте, мы разделяем все, что вы сказали.

Шервинский. Вы меня не поняли. Гетман так и сделает, как вы предлагаете. Союзники помогут нам разбить большевиков, гетман положит Украину к стопам его императорского величества государя императора Николая Александровича.

Мышлаевский. Какого Александровича? А говорят,— я нализался.

Николка. Император убит...

Шервинский. Господа! Известие о смерти его императорского величества...

Мышлаевский. Несколько преувеличено.

Студзинский. Виктор, ты офицер!

Елена. Дайте же ему сказать, господа.

Шервинский. Вымышлено большевиками. Вы знаете, что произошло во дворце императора Вильгельма, когда ему представлялась свита гетмана? Император Вильгельм сказал: «А о дальнейшем с вами будет говорить...» — портьера раздвинулась, и вышел наш государь. Он сказал: «Поезжайте, господа офицеры, на Украину и формируйте ваши части. Когда же настанет время, я лично вас поведу в сердце России, в Москву!» И прослезился.

Студзинский. Убит он!

Елена. Шервинский! Это правда?

Шервинский. Елена Васильевна!

Алексей. Поручик, это — легенда!

Николка. Все равно. Если даже император мертв, да

здравствует император! Ура! Гимн!.. Шервинский. Гимн. *(Поет.)* Боже, царя храни...

Шервинский.
Студзинский.
Мышлаевский. } Боже, царя храни!

Лариосик *(поет)*. Сильный, державный...

Николка.
Студзинский.
Шервинский. } Царствуй на...

Елена.
Алексей. } Господа, что вы! Не нужно этого!

Мышлаевский *(плачет)*. Алеша, разве это народ! Ведь это бандиты. Профессиональный союз цареубийц. Петр Третий... Ну что он им сделал? Что? Орут: «Войны не надо!» Отлично... Он же прекратил войну. И кто? собственный дворянин царя по морде бутылкой — хлоп! Где царь? Нет царя! Нет царя! Павла Петровича князь портсигаром по уху... А этот... Забыл, как его. С бакенбардами, симпатичный, дай, думаю, мужикам приятное сделаю, освобожу их, чертей полосатых. Так его бомбой за это? Пороть их надо, негодяев. Алеша! Ох, мне что-то плохо, братцы...

Елена. Ему плохо!

Николка. Капитану плохо!

Алексей. В ванну.

Студзинский, Николка и Алексей поднимают Мышлаевского и выносят.

Елена. Пойду посмотрю, что с ним.

Шервинский *(загородив дверь)*. Не надо, Лена!

Елена. Господи, ведь нужно же так. А Лариосик-то, Лариосик! Хаос. Накурили. Лариосик!

Шервинский. Что вы, что вы, не будите его. Он проспится, и все...

Елена. Я сама из-за вас напилась. Боже, ноги не ходят.

Шервинский. Сюда, сюда... Можно мне сесть рядом?

Елена. Садитесь... Чем же все это кончится, Шервинский? А? Я видела дурной сон. Вообще кругом за последнее время все хуже и хуже.

Шервинский. Елена Васильевна! Все будет благополучно, а снам вы не верьте. Какой вы сон видели?

Елена. Нет, нет, мой сон вещий. Будто мы все ехали на корабле в Америку и сидим в трюме. И вот шторм.

Ветер воет. Холодно, холодно. Волны. А мы в трюме. Вода подбирается к самым ногам. Влезаем на какие-то нары. И, главное, крысы. Такие омерзительные, огромные. До того страшно, что я проснулась.

Шервинский. А вы знаете что, Елена Васильевна, он не вернется.

Елена. Кто?

Шервинский. Ваш муж.

Елена. Леонид Юрьевич, это нахальство. Какое вам дело? Вернется, не вернется.

Шервинский. Мне-то большое дело. Я вас люблю.

Елена. Слышала. И все вы сочиняете.

Шервинский. Ей-богу, я вас люблю.

Елена. Ну и любите про себя.

Шервинский. Не хочу, мне надоело.

Елена. Постойте, постойте. Почему вы вспомнили о моем муже, когда я сказала про крыс?

Шервинский. Потому что он на крысу похож.

Елена. Какая вы свинья все-таки, Леонид! Во-первых, вовсе не похож...

Шервинский. Как две капли. В пенсне, носик острый...

Елена. Очень, очень красиво! Про отсутствующего человека гадости говорить, да еще его жене!

Шервинский. Какая вы ему жена!

Елена. То есть как?

Шервинский. Вы посмотрите на себя в зеркало. Вы красивая, умная, как говорится — интеллектуально развитая. Вообще женщина на ять. Аккомпанируете прекрасно. А он рядом с вами — вешалка, карьерист, штабной момент.

Елена. За глаза-то! Отлично! *(Зажимает ему рот.)*

Шервинский. Да я ему это в глаза скажу. Давно хотел. Скажу и вызову на дуэль. Вы с ним несчастливы.

Елена. С кем же я буду счастлива?

Шервинский. Со мной.

Елена. Вы не годитесь.

Шервинский. Почему это я не гожусь?.. Ого!..

Елена. Что в вас есть хорошего?

Шервинский. Да вы всмотритесь.

Елена. Ну, побрякушки адъютантские, смазлив, как херувим. И больше ничего. И голос.

Шервинский. Так я и знал! Что за несчастье. Все твердят одно и то же: Шервинский — адъютант, Шервин-

ский — певец, то, другое... А что у Шервинского есть душа, этого никто не замечает. Никто. И живет Шервинский, как бездомная собака, и не к кому ему на грудь голову склонить.

Елена *(отталкивает его голову)*. Вот гнусный ловелас! Мне известны ваши похождения. Всем одно и то же говорите. И этой вашей, длинной... Фу, губы накрашенные...

Шервинский. Она не длинная. Это — меццо-сопрано. Елена Васильевна, ей-богу, ничего подобного я ей не говорил и не скажу. Нехорошо с вашей стороны, Лена, как нехорошо с твоей стороны!

Елена. Я вам не Лена!

Шервинский. Ну, нехорошо с твоей стороны, Елена Васильевна. Значит, у вас нет никакого чувства ко мне.

Елена. К несчастью, вы мне очень нравитесь.

Шервинский. Ага! Нравлюсь. А вы мужа своего не любите.

Елена. Нет, люблю.

Шервинский. Лена, не лги. У женщины, которая любит мужа, не такие глаза. О, женские глаза. В них все видно.

Елена. Ну да, вы опытны, конечно.

Шервинский. Как он уехал?

Елена. И вы бы так сделали.

Шервинский. Я? Никогда! Это позорно. Сознайтесь, что вы его не любите!

Елена. Ну, хорошо: не люблю и не уважаю. Не уважаю. Довольны? Но из этого ничего не следует. Уберите руки.

Шервинский. А зачем вы тогда поцеловались со мною?

Елена. Лжешь ты! Никогда я с тобой не целовалась. Лгун с аксельбантами!

Шервинский. Я лгу? Нет!.. У рояля. Я пел «Бога всесильного»... и мы были одни. И даже скажу когда — восьмого ноября. Мы были одни — и ты поцеловала в губы.

Елена. Я тебя поцеловала за голос. Понял? За голос. Матерински поцеловала. Потому что голос у тебя замечательный. И больше ничего.

Шервинский. Ничего?

Елена. Это мученье. Честное слово! Посуда грязная. Эти пьяные. Муж куда-то уехал. Кругом свет...

Шервинский. Свет мы уберем. *(Тушит верхний свет.)* Так хорошо? Слушай, Лена, я тебя очень люблю. Я тебя ведь все равно не выпущу. Ты будешь моею женой.

Елена. Пристал, как змея... как змея.

Шервинский. Какая же я змея?

Елена. Пользуется каждым случаем и смущает меня и соблазняет. Ничего ты не добьешься. Ничего. Какой бы он ни был, не стану я ломать свою жизнь. Может быть, ты еще хуже окажешься.

Шервинский. Лена, до чего ты хороша!

Елена. Уйди! Я пьяна. Это ты сам меня напоил нарочно. Ты известный негодяй. Вся жизнь наша рушится. Все пропадает, валится.

Шервинский. Елена, ты не бойся, я тебя не покину в такую минуту. Я возле тебя буду, Лена.

Елена. Выпусти меня. Я боюсь бросить тень на фамилию Тальберг.

Шервинский. Лена, ты брось его совсем и выходи за меня. Лена!

Целуются.

Разведешься?

Елена. Ах, пропади все пропадом!

Целуются.

Лариосик *(внезапно)*. Не целуйтесь, а то меня тошнит.

Елена. Пустите меня! Боже мой! *(Убегает.)*

Лариосик. Ох!..

Шервинский. Молодой человек, вы ничего не видали!

Лариосик *(мутно)*. Нет, видел.

Шервинский. То есть как?

Лариосик. Если у тебя король, ходи с короля, а дам не трогай! Ой!..

Шервинский. Я с вами не играл.

Лариосик. Нет, ты играл.

Шервинский. Боже, как нарезался!

Лариосик. Вот посмотрим, что мама скажет вам, когда я умру. Я говорил, что я человек не военный, мне водки столько пить нельзя. Мне нехорошо... *(Падает на грудь Шервинскому.)*

Часы бьют три, играют менуэт.

Занавес

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Рабочий кабинет гетмана во дворце. Громадный письменный стол, на нем телефонные аппараты, отдельно полевой телефон. На стене портрет Вильгельма II. Ночь. Кабинет ярко освещен. Дверь отворяется, и камер-лакей впускает Шервинского.

Шервинский. Здравствуйте, Федор.

Лакей. Здравия желаю, господин поручик.

Шервинский. Как! Никого нет? А кто из адъютантов дежурит у аппаратов?

Лакей. Его сиятельство князь Новожильцев.

Шервинский. А где же он?

Лакей. Не могу знать. С полчаса назад вышли.

Шервинский. Как это так? И аппараты полчаса стоят без дежурного?

Лакей. Да никто не звонил. Я все время был у дверей.

Шервинский. Мало ли что не звонил. А если бы позвонил? В такой момент. Черт знает что такое!

Лакей. Я бы принял телефонограмму. Они так и распорядились, чтобы, пока вы не приедете,—я бы записывал.

Шервинский. Вы? Записывать военные телефонограммы?! Да у него размягчение мозга. А, понял, понял. Он заболел?

Лакей. Никак нет. Они вовсе из дворца выбыли.

Шервинский. Вовсе из дворца? Вы шутите, дорогой Федор. Не сдав дежурства, отбыл из дворца? Значит, он в сумасшедший дом отбыл?

Лакей. Не могу знать. Только они забрали свою зубную щетку, полотенце и мыло из адъютантской уборной. Я же им еще газету давал.

Шервинский. Какую газету?

Лакей. Я же докладываю, господин поручик; во вчерашний номер они мыло завернули.

Шервинский. Позвольте, да вот же его шашка?!

Лакей. Да они в штатском уехали.

Шервинский. Или я с ума сошел, или вы. Запись-то он мне оставил, по крайней мере? *(Шарит на столе.)* Что-нибудь приказал передать?

Лакей. Приказали кланяться.

Шервинский. Вы свободны, Федор.

Лакей. Слушаю. Разрешите доложить, господин адъютант.

Шервинский. Что такое?

Лакей. Они изволили неприятное известие получить.

Шервинский. Откуда, из дому?

Лакей. Никак нет. По полевому телефону. И сейчас же заторопились. При этом в лице очень изменились.

Шервинский. Мне кажется, Федор, что вас не касается окраска лиц адъютантов его светлости. Вы лишнее говорите.

Лакей. Прошу извинить, господин поручик. *(Уходит.)*

Шервинский *(протяжно свистит, потом говорит в телефон на гетманском столе)*. 14-23. Мерси. Это квартира князя Новожильцева? Попросите Сергея Николаевича. Что? Во дворце? Его нет во дворце. Я сам говорю из дворца. Постой, Сережа, да это твой голос! Сере... Позвольте...

Телефон звонит отбой.

Что за хамство! Я же отлично слышал, что это он сам. *(Пауза.)* Шервинский, Шервинский... *(Вызывает по полевому телефону, телефон пищит.)* Это штаб Святошинского отряда? Попросите начштаба. Как, его нет? Помощника. Вы слушаете? *(Пауза.)* Фу-ты, черт!

Садится за стол, звонит. Входит камер-лакей. Шервинский пишет записку.

Федор, сейчас же эту записку вестовому. Чтобы срочно поехал ко мне на квартиру, на Львовскую улицу, там ему по этой записке дадут сверток. Чтобы сейчас же привез сюда. Вот два карбованца ему на извозчика. Вот записка в комендатуру на пропуск.

Лакей. Слушаю. *(Уходит.)*

Шервинский *(трогает баки, задумчиво)*. Чертовщина, честное слово.

На столе звонит телефон.

Я слушаю. Да... Личный адъютант его светлости поручик Шервинский. Здравия желаю, ваше превосходительство. Как-с? *(Пауза.)* Болботун?! Как со всем штабом? Слушаю! Так-с, передам. Слушаю, ваше превосходительство. Его светлость должен быть в двенадцать часов ночи. *(Вешает трубку.)*

Телефон звонит отбой. Пауза.

Я убит, господа! *(Свистит.)*

За сценой глухая команда: «Смирно!», потом многоголосый крик караула: «Здравия желаем, ваша светлость!»

Лакей *(открывает обе половинки двери)*. Его светлость!

Гетман входит в богатейшей черкеске, малиновых шароварах и сапогах без каблуков кавказского типа и без шпор. Блестящие генеральские погоны. Коротко подстриженные седеющие усы, гладко обритая голова, лет 45.

Гетман. Здравствуйте, поручик.

Шервинский. Здравия желаю, ваша светлость.

Гетман. Приехали?

Шервинский. Осмелюсь спросить — кто?

Гетман. Я назначил без четверти двенадцать совещание у меня. Должен быть командующий русской армией, начальник гарнизона и представители германского командования. Где они?

Шервинский. Не могу знать. Никто не прибыл.

Гетман. Сводку мне за последний час. Живо!

Шервинский. Осмелюсь доложить вашей светлости: я только что принял дежурство. Корнет князь Новожильцев, дежуривший передо мной...

Гетман. Я давно уже хотел поставить на вид вам и другим адъютантам, что следует говорить по-украински. Это безобразие, в конце концов. Ни один человек не говорит на языке страны, а на украинские части это производит самое отрицательное впечатление. Прохаю ласково.

Шервинский. Слухаю, ваша светлость. Дежурный адъютант корнет... *(В сторону.)* Как «князь» по-украински?.. Черт! *(Вслух.)* ...Новожильцев, временно исполняющий обязанности. Я думаю... Я думова́ю...

Гетман. Говорите по-русски!

Шервинский. Слушаю, ваша светлость. Корнет Новожильцев отбыл домой, внезапно, по-видимому, захворав, до моего прибытия.

Гетман. Что вы такое говорите? Отбыл с дежурства? Вы сами-то как? В здравом уме? Бросил дежурство? Что у вас тут происходит, в конце концов? *(Звонит по телефону.)* Комендатура?.. Дать сейчас же наряд... По голосу надо слышать, кто говорит. Наряд на квартиру к моему адъютанту корнету Новожильцеву, арестовать его и доставить в комендатуру. Сию минуту. За́раз.

Шервинский *(в сторону)*. Так ему и надо! Будет знать, как чужими голосами по телефону разговаривать. Хам!

Гетман. Ленту он оставил?

Шервинский. Так точно. Но на ленте ничего нет.

Гетман. Да что ж он? Спятил. Да я его расстреляю сейчас, здесь же, у дворцового парапета. Я вам покажу всем. Соединитесь сейчас же со штабом командующего. Просить немедленно ко мне. То же самое начгарнизона и всем командирам полков. Живо!

Шервинский. Осмелюсь доложить, ваша светлость, известие чрезвычайной важности.

Гетман. Какое там еще известие?

Шервинский. Пять минут назад мне звонили из штаба командующего и сообщили, что командующий добровольческой армии при вашей светлости тяжко заболел и отбыл со всем штабом в германском поезде в Германию.

Пауза.

Гетман. Что? Вы в здравом уме? У вас глаза больные... Вы соображаете, о чем вы доложили? Что такое произошло? Катастрофа, что ли? Они бежали? Что же вы молчите. Ну...

Шервинский. Так точно, ваша светлость, катастрофа. В десять часов вечера петлюровские части прорвали городской фронт и конница Болботуна пошла в прорыв...

Гетман. Болботуна?.. Где?..

Шервинский. За Слободкой, в десяти верстах.

Гетман. Погодите... погодите... так... что такое?.. Вот что... Во всяком случае, вы — отличный, расторопный офицер. Я давно это заметил. Вот что. Сейчас же соединитесь со штабом германского командования и просите представителей его сию минуту пожаловать ко мне.

Шервинский. Слушаю. *(По телефону.)* Третий. Зайн зи битте либенсвюрдих ден херн майор фон Дуст анс телефон цу биттен.

Стук в дверь.

Я... я...[1]

Гетман. Войдите, да.

Лакей. Представители германского командования генерал фон Шратт и майор фон Дуст просят их принять.

---

[1] Seien Sie bitte so liebenswürdig, Herrn Major von Dust ans Telephon zu bitten.—Будьте любезны, позовите к телефону господина майора фон Дуст. Ja... ja...—Да... да... *(нем.)*

Гетман. Просить сюда сейчас же. *(Шервинскому.)* Отставить.

Лакей впускает фон Шратта и фон Дуста. Оба в серой форме, в гетрах. Шратт — длиннолицый, седой. Дуст — с багровым лицом. Оба в моноклях.

Шратт. Вир хабен ди эре ире хохейт цу бегрюссен[1].

Гетман. Их фрейэ мих херцлих дас зи, мейне херрн, гекоммен зинд. Битте немен зи пляц[2].

Немцы усаживаются.

Их хабе эбен ди нахрихт фон дэр шверен цуштанде унзерер арме бекоммен[3].

Шратт. Дас хабен вир шон зайт ланге гевуст[4].

Гетман *(Шервинскому).* Пожалуйста, записывайте протокол совещания.

Шервинский. По-русски разрешите, ваша светлость?

Гетман. Генерал, могу просить говорить по-русски?

Шратт *(с резким акцентом).* О, с большим удовольствием.

Гетман. Мне сейчас стало известно, что петлюровская конница прорвала городской фронт. *(Шервинский пишет.)* Кроме того, из штаба русского командования я имею какие-то совершенно невероятные известия. Штаб русского командования позорно бежал! Дас ист я унерхерт[5].

Пауза.

Я обращаюсь через ваше посредство к германскому правительству... со следующим заявлением: Украине угрожает смертельная опасность. Банды Петлюры грозят занять столицу. В случае такого исхода в столице произойдет анархия. Поэтому я прошу германское командование немедленно дать войска для отражения хлынувших сюда банд и восстановления порядка на Украине, столь дружественной Германии.

---

[1] Wir haben die Ehre, Euer Hochheit zu begrüssen.— Имеем честь приветствовать вашу светлость *(нем.).*

[2] Ich freue mich herzlich, Sie zu sehen, meine Herren. Bitte nehmen Sie Platz.— Я очень рад вас видеть, господа. Прошу вас, садитесь *(нем.).*

[3] Ich habe die Nachricht von der schweren Zustande unserer Armee bekommen.— Я только что получил известие о тяжелом положении нашей армии *(нем.).*

[4] Das haben wir schon seit lange gewußt.— Об этом мы знали уже давно *(нем.).*

[5] Das ist ja unerhört.— Это неслыханно *(нем.).*

Шратт. С зожалени, германски командование не имэит возможность такое сделайть.

Гетман. Как? Уведомьте, генерал, почему?

Шратт. Физиш унмеглих. Это физически невозможно есть. Эрстенс: во-первых,—у Петлюры, по сведениям штаба, двести тысяч войск великолепно вооружен. А между тем германски командование забирайт дивизии и уходит в Германии.

Шервинский *(в сторону).* Мерзавцы!

Шратт. Таким образом, в распоряжении нашим вооружении достаточны сил нет. Цвейтенс: во-вторых,— вся Украина, оказывается, на стороне Петлюры...

Гетман. Поручик, подчеркните эту фразу в протоколе.

Шервинский. Слушаю-с.

Шратт. Ничего не имейт протиф. Подчеркните. Итак, остановить Петлюру невозможно.

Гетман. Значит, меня, армию и правительство германское командование внезапно оставляет на произвол судьбы?

Шратт. Ниэт, мы командированы брать меры к спасению вас.

Гетман. Какие же меры командование предлагает?

Шратт. Моментальную эвакуацию вашей светлости. Тотчас вагон и в Германию.

Гетман. Простите, я ничего не понимаю... Как же так. Виноват. Может быть, это германское командование эвакуировало князя Белорукова?

Шратт. Точно так.

Гетман. Без согласия со мной? *(Волнуясь.)* Я заявляю правительству Германии протест против таких действий. Я не согласен. У меня есть еще возможность собрать армию в городе и защищать его своими средствами. Но ответственность за разрушение столицы ляжет на германское командование. И я думаю, что правительства Англии и Франции...

Шратт. Правительства Англии, Франции?! Германское правительство ощущает в себе достаточно силы, чтобы не давать разрушение столицы.

Гетман. Это угроза, генерал?

Шратт. Предупреждение, ваша светлость. У вашей светлости не имеется никаких сил в распоряжении. Положение катастрофическое...

Дуст *(тихо, Шратту).* Мэйн генерал, вир хабен гар кэйне цэйт. Вир мюссен...[1]

Шратт. Да, да... Ваша светлость, позвольте сообщить последнее: мы сейчас хватали сведения, что конница Петлюры восемь верст от Киева. И утром завтра она войдет...

Гетман. Я узнаю об этом последний!

Шратт. Ваша светлость знает, что будет его случае взятия в плен? На вашей светлости у Петлюры есть приговор. Он весьма есть печален.

Гетман. Какой приговор?

Шратт. Прошу извинения у вашей светлости. *(Пауза.)* Повесить. *(Пауза.)* Позвольте вас попросить ответ мгновенно. В моем распоряжении только десять маленьких минут, после этого я раздеваю с себя ответственность жизнь вашей светлости.

Большая пауза.

Гетман. Я еду!

Шратт *(Дусту).* Будьте любезны, майор, дэйствовать тайно и без всяки шум.

Дуст. О, никакой шум!

Стреляет из револьвера в потолок два раза. Шервинский растерян.

Гетман *(берясь за револьвер).* Что это значит?

Шратт. О, будьте спокойны, ваша светлость. *(Скрывается в портьере правой двери.)*

За сценой гул, крик: «Караул, в ружье». Топот.

Дуст *(открывая среднюю дверь).* Руих[2]. Спокойно! Генерал фон Шратт зацепил брюками револьвер, ошибочно попал к себе на голова.

Голоса за сценой: «Гетман! Где гетман?»

Гетман есть очень здоровый. Ваша светлость, любезно высуньтесь... Караул...

Гетман *(в средних дверях).* Все спокойно, прекратите тревогу.

Дуст *(в дверь).* Прошу пропускайт врача с инструментом.

Тревога утихает. Входит германский врач с ящиком и медицинской сумкой. Дуст закрывает среднюю дверь на ключ.

---

[1] Mein General, wir haben gar keine Zeit. Wir müssen...— Ваше превосходительство, у нас нет времени. Мы должны... *(нем.)*

[2] Ruhig.— Тише *(нем.).*

Шратт. Ваша светлость, прошу переодеваться в германский форм, и как будто вы есть я, а я есть раненый. Мы вас тайно из города вывезем, чтобы не вызвать возмущения среди караула.

Гетман. Делайте как хотите.

Дуст *(вынимая из ящика германскую форму).* Прошу вашу светлость. Где угодно?

Гетман. Направо, в спальню.

Он и Дуст уходят направо.

Шервинский *(у авансцены).* Поедет Елена или не поедет? *(Решительно к Шратту)* Ваше превосходительство, покорнейше прошу взять меня с гетманом, я его личный адъютант. Кроме того, со мной... моя невеста...

Шратт. С зожалением, поручик, не только невеста, но и вас не могу брать. Если вы хотите ехайть, отправляйтесь на станцию наш штабной поезд, только имейт в виду, мест нет, там уже есть личный адъютант.

Шервинский. Кто?

Шратт. Как его... Князь Новожильцев.

Шервинский. Новожильцев? Да когда же он успел?

Шратт. Когда катастрофа, каждый станет проворный очень. Он был у нас в штабе сейчас.

Шервинский. И он там, в Берлине, будет при гетмане служить?

Шратт. О, нейн, гетман будет один. Никакая свита. Мы только довезем до границ. Кто желает спасать свою шею от ваших мужик, а там каждый как желает.

Шервинский. О, покорнейше благодарю. Я и здесь сумею спасти свою шею...

Шратт. Правильно, молодой человек.

Входят гетман и Дуст. Гетман переодет германским генералом. Растерян, курит.

Никогда не следует покидать своя родина.

Гетман. Все бумаги здесь сжечь, поручик.

Дуст. Херр доктор, зейн зи либенвюрдих...[1] Ваша светлость, пожалюста, садитесь.

Гетмана усаживают. Врач забинтовывает ему голову наглухо.

Врач. Фертиг[2].

Шратт *(Дусту).* Машину!

---

[1] Herr Doktor, seien Sie so liebenswürdig...— Господин доктор, будьте так любезны... *(нем.)*

[2] Fertig.— Готово *(нем.).*

Дуст. Зоглейх![1]

Шратт. Ваша светлость, ложитесь.

Гетман. Но ведь нужно же объявить об этом народу... манифест?

Шратт. Манифест? Я... пожалюй...

Гетман *(глухо)*. Поручик, пишите... «Бог не дал мне силы... и я...»

Дуст. Нет времени манифест...

Шратт. Из поезда телеграммой... Ваша светлость, ложитесь.

Гетмана укладывают на диван. Шратт прячется. Среднюю дверь открывают, появляется лакей. Дуст, врач и лакей выносят гетмана в левую дверь. Шервинский помогает до двери, возвращается. Входит Шратт.

Все в порядке. *(Смотрит на часы-браслет.)* Один час ночи. *(Надевает кепи и плащ.)* До свидания, поручик. Вам советую не засиживаться здесь. Вы свободно можете расходиться. Снимайте погоны. *(Прислушивается.)* Слышите?

Шервинский. Беглый огонь!..

Шратт. Именно. Каламбур! Беглый! Пропуск на боковой ход имеете?

Шервинский. Точно так.

Шратт. Так до свидания. Спешите. *(Уходит.)*

Шервинский *(подавлен)*. ...Чистая немецкая работа. *(Внезапно оживает.)* Нуте-с, времени нету. Нету, нету, нету... *(У стола.)* О, портсигар. Золотой. Гетман забыл. Оставить его здесь? Невозможно, лакеи сопрут. Ого! Фунт, должно быть, весит. Историческая ценность. *(Закуривает, прячет портсигар в карман.)* Так-с. *(За столом.)* Бумаг мы никаких палить не будем, за исключением адъютантского списка. Свинья я или не свинья? Нет, не свинья. *(В телефон.)* 14-53. Да. Это дивизион? Командира к телефону попросите срочно. Разбудить. *(Пауза.)* Полковник Турбин? Говорит Шервинский. Слушайте, Алексей Васильевич, внимательно: гетман драпу дал. Драпу дал, говорю вам... Нет, до рассвета есть время... Елене Васильевне передайте, чтобы из дома завтра ни в коем случае не выходила... Я приеду утром прятаться. Прощайте. *(Дает отбой.)* И совесть моя чиста и спокойна. *(Звонит.)*

Входит лакей.

Вестовой привез пакет?

---

[1] Sogleich! — Сию минуту! *(нем.)*

Лакей. Так точно.

Шервинский. Сейчас же дайте его сюда.

Лакей выходит, потом возвращается с узлом.

Благодарю вас.

Лакей *(растерян).* Позвольте узнать, что с их светлостью?

Шервинский. Что это за вопросы? Вы хороший человек, Федор. В вашем лице есть что-то... этакое... привлекательное... пролетарское. Гетман изволит почивать. И вообще — молчите.

Лакей. Так-с.

Шервинский. Федор, из адъютантской уборной принесите мне мое полотенце, бритву и мыло.

Лакей. Газету прикажете?

Шервинский. Совершенно верно. И газету.

Лакей выходит в левую дверь. Шервинский в это время надевает штатское пальто и шляпу, снимает шпоры. Свою шашку и шашку Новожильцева увязывает в узел. Появляется лакей.

Идет мне эта шляпа?

Лакей. Как же-с. Бритвочку в карман возьмете?

Шервинский. Бритву в карман... Ну-с... Дорогой Федор, позвольте вам на память оставить пятьдесят карбованцев.

Лакей. Покорнейше благодарю.

Шервинский. А также пожать вашу честную трудовую руку. Не удивляйтесь, я демократ по натуре. Федор, я адъютантом никогда не служил.

Лакей. Понятно.

Шервинский. Во дворце никогда не был, вас не знаю. Вообще я оперный артист...

Лакей. Неужто ходу дал?

Шервинский. Смылся.

Лакей. Ах, прощелыга!

Шервинский. Неописуемый бандит!

Лакей. А нас всех, стало быть, на произвол судьбы.

Шервинский. Вы же видите. Вам-то еще полгоря, но каково мне. Ну, дорогой Федор, как ни приятно беседовать с вами... Слышите?

Далекий пушечный гул. Звонок телефона.

Слушаю. А! Капитан! Да! Бросайте все к чертовой матери и бегите. Значит, знаю, что говорю. Шервинский. Всего хорошего! До свидания! *(От двери.)* Знаете что?

Берите себе весь этот кабинет. Что вы смотрите? Чудак! Вы сообразите, какое одеяло выйдет из этой портьеры. *(Исчезает.)*

Пауза. Звонок по телефону.

Лакей. Слушаю... Чем же я вам помогу? Бросайте все к чертовой матери и бегите... Федор говорит... Федор!..

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Появляется пустое, мрачное помещение. Надпись: «Штаб 1-й Кинной Дивизии». Штандарт голубой с желтым. Керосиновый фонарь у входа. Вечер. За окнами изредка стук лошадиных копыт. Тихо наигрывает гармоника — знакомые мотивы. Внезапно за стеной свист, удары.

Телефонист *(в телефон)*. Це я, Франько,— вновь включився в цепь. В цепь, кажу! Слухаете? Це штаб кинной дивизии.

Телефон поет сигналы. Шум за сценой. Ураган и Кирпатый в красных хвостах за папахах вводят дезертира-сечевика. Лицо у него окровавленное.

Болботун. Що такое?

Ураган. Дезертира поймали, пан полковник.

Болботун. Якого полку?

Молчание.

Якого полку, я тебя спрашиваю?

Молчание.

Телефонист. Та це ж я! Я из штабу, Франько,— включився в цепь!

Болботун. Що ж ты, бога душу твою мать! А? Що ж ты. У то время, як всякий честный казак вийшов на защиту Украинськой республики вид белогвардейцив та коммунистив, у то время, як всякий хлибороб встал в ряды украинськой армии, ты ховаешься в кусты? А ты знаешь, що роблють з нашими хлиборобами гетьманськие офицеры, а там комиссары? Живых у землю зарывають! Чув? Так я ж тебе самого закопаю у могилу! Самого! Сотника Галаньбу!

Голос за сценой: «Сотника требуют к полковнику!» Суета.

Де ж вы его взяли?..

Кирпатый. По-за штабелями, сукин сын, бежав, ховався!

Болботун. Ах ты, зараза, зараза.

Входит Галаньба, холоден, черен, с черным шлыком.

Допросить, пан сотник, дезертира...

Галаньба *(с холодным лицом)*. Якого полку?

Молчание.

Дезертир *(плача)*. Я не дезертир. Змилуйтесь, пан сотник! Я до лазарету пробырався. У меня ноги поморожены зовсим.

Телефонист *(в телефон)*. Де ж диспозиция? Прохаю ласково. Командир кинной дивизии прохае диспозицию. Вы слухаете?

Галаньба. Ноги поморожены? А чему ж це ты не взяв посвидченья вид штабу своего полка? А? Якого полку? *(Замахивается.)*

Слышно, как лошади идут по бревенчатому мосту.

Дезертир. Второго сечевого.

Галаньба. Знаем вас — сечевиков. Вси зрадники. Изменники. Большевики. Скидай сапоги, скидай. И если ты не поморозив ноги, а брешешь, то я тебя тут же расстреляю. Хлопцы! Фонарь!

Телефонист. Пришлить нам ординарца для согласования. В Слободку! Так! Так! Слухаю!

Фонарем освещают дезертира.

Галаньба *(вынув маузер)*. И вот тебе условие: ноги здоровые,— будешь ты у меня на том свете. Отойдите сзади, чтобы я в кого-нибудь не попал.

Дезертир садится на пол, разувается. Молчание.

Болботун. Це правильно. Щоб другим був пример.

Кирпатый *(со вздохом)*. Поморожены... Правду казав.

Галаньба. Записку треба було узять. Записку. Сволочь! А не бежать из полка...

Дезертир. Нема у кого. У нас ликаря в полку нема. Никого нема. *(Плачет.)*

Галаньба. Взять его под арест! И под арестом до лазарету! Як ему ликарь ногу перевяжет, вернуть его сюды в штаб и дать ему пятнадцать шомполив, щоб вин знав, як без документов бегать с своего полку.

Ураган *(выводя)*. Иди, иди!

За сценой гармоника. Голос поет уныло: «Ой, яблочко, куда котишься, к гайдамакам попадешь, не воротишься...» Тревожные голоса за окном: «Держи их! Держи их! Мимо мосту... Побиглы по льду...»

Галаньба *(в окно)*. Хлопцы, що там? Що??

Голос. Якись жиды, пан сотник, мимо мосту по льду дали ходу из Слободки.

Галаньба. Хлопцы! Разведка! По коням! По коням! Садись! Садись! Кирпатый! А ну, проскочить за ними! Тильки живыми вызьмить! Живыми!

Топот за сценой. Появляется Ураган, вводит человека с корзиной.

Человек. Миленькие, я ж ничего. Что вы! Я ремесленник.

Галаньба. С чем задержали?

Человек. Помилуйте, товарищ военный...

Галаньба. Що? Товарищ? Кто ж тут тебе товарищ?

Человек. Виноват, господин военный.

Галаньба. Я тебе не господин. Господа с гетманом в городе вси сейчас. И мы твоим господам кишки повыматываем. Хлопец, дай, тебе близче. Урежь этому господину по шее. Теперь бачишь, яки господа тут? Видишь?

Человек с корзиной. Вижу.

Галаньба. Осветить его, хлопцы! Мени щесь здается, що вин коммунист.

Человек с корзиной. Что вы! Что вы, помилуйте! Я, изволите ли видеть, сапожник.

Болботун. Що-то ты дуже гарно размовляешь на московской мови.

Человек с корзиной. Калуцкие мы, ваше здоровье. Калужской губернии. Да уж и жизни не рады, что сюда, на Украину к вам, заехали. Сапожник я.

Галаньба. Документ!

Человек с корзиной. Паспорт? Сию минуту. Паспорт у меня чистый, можно сказать.

Галаньба. С чем корзина? Куда шел?

Человек с корзиной. Сапоги в корзине, ваше... бла... ва... сапожки... с... Мы на магазин работаем. Сами в Слободке живем, а сапоги в город носим.

Галаньба. Почему ночью?

Человек с корзиной. Как раз в самый раз, к утру в городе.

Болботун. Сапоги... Ого-го... Це гарно!

Ураган вскрывает корзину.

Человек с корзиной. Виноват, уважаемый гражданин, они не наши, из хозяйского товару.

Болботун. Из хозяйского? Це наикраще. Хозяйский товар хороший товар. Хлопцы, берите по паре хозяйского товару.

Разбирают сапоги.

Человек с корзиной. Гражданин военный министр! Мне без этих сапог погибать. Прямо форменно в гроб ложиться! Тут на две тысячи рублей... Это хозяйское...

Болботун. Мы тебе расписку дадим.

Человек с корзиной. Помилуйте, что ж мне расписка! *(Бросается к Болботуну, тот дает ему в ухо. Бросается к Галаньбе.)* Господин кавалерист! На две тысячи рублей. Главное, что если б я буржуй был бы или, скажем, большевик...

Галаньба дает ему в ухо. Человек садится на землю.

(Растерянно.) Что ж это такое делается? А впрочем, берите на снабжение армии... Пропадай все. Только уж позвольте и мне парочку за компанию. *(Начинает снимать сапоги.)*

Болботун. Ты що ж, смеешься, гнида? Отойди от корзины. Долго ты будешь крутиться под ногами? Долго? Ну, терпение мое лопнуло. Хлопцы, расступитесь. *(Берется за револьвер.)*

Человек. Что вы! Что вы! Что вы!

Болботун. Геть отсюда!

Человек *(бросается к двери. Сталкивается с Кирпатым, который втаскивает окровавленного еврея. Крестится.)* Берите все, только душу на покаяние отпустите.

Галаньба. А-а... Добро пожаловать.

Гайдамак. Двоих, пан сотник, подстрелили, а этого удалось взять живьем, согласно приказа.

Еврей. Пан сотник!

Галаньба. Ты не кричи. Не кричи...

Еврей. Пан старшина! Що вы хочете зробыть со мною?

Галаньба. Що треба, то и зробим. *(Пауза.)* Ты чего шел по льду?

Еврей. Що б мне лопнули глаза, що б я не побачив бильше солнца, я шел повидать детей в городу. Пан сотник, в мене дити малы в городу.

Болботун. Через мост треба ходить до детей! Через мост!

Еврей. Пан генерал! Ясновельможный пан! На мосту варта, ваши хлопцы. Они гарны хлопцы, тильки жидов не любят. Воны мене уже билы утром и через мост не пустили.

Болботун. Ну, видно, мало тебя били.

Еврей. Пан полковник шутит. Веселый пан полковник, дай ему бог здоровья!

Болботун. Я? Я — веселый. Ты нас не бойся. Мы жидов любимо, любимо.

Слабо слышна гармоника.

Ты перекрестись, перекрестись.

Еврей. Я перекрещусь с удовольствием. *(Крестится.)*

Смех.

Гайдамак. Испугался жид.

Болботун. А ну кричи: хай живе вильна Вкраина!

Еврей. Хай живе вильна Вкраина!

Хохот.

Галаньба. Ты патриот Вкраины?

Молчание. Галаньба внезапно ударяет еврея шомполом.

Обыщите его, хлопцы!

Еврей. Пане...

Галаньба. Зачем шел в город?

Еврей. Клянусь, к детям.

Галаньба. Ты знаешь что: кто ты? Ты шпион!

Болботун. Правильно!

Еврей. Клянусь — нет!

Галаньба. Сознавайся, что робыл у нас в тылу?

Еврей. Ничего. Ничего, пане сотник, я портной, здесь в Слободке живу, в мене здесь старуха мать...

Болботун. Здесь у него мать, в городе дети. Весь земной шар занял!

Галаньба. Ну, я вижу, с тобой не сговоришь. Хлопец, открой фонарь! Подержите его за руки. *(Жжет лицо.)*

Еврей. Пане... Пане... Бойтесь бога... Що вы робыте! Я не могу больше! Не могу! Пощадите!

Галаньба. Сознаешься, сволочь?

Еврей. Сознаюсь.

Галаньба. Шпион...

Еврей. Да! Да! *(Пауза.)* Нет! Нет! Не сознаюсь. Я ни в чем не сознаюсь. Це я от боли... Панове, у меня дети, жена... Я портной. Пустите! Пустите!

Галаньба. Ах, тебе мало? Хлопцы, руку, руку ему держите!

Еврей. Убейте меня лучше! Сознаюсь! Убейте!

Галаньба. Що робыл в тылу?

Еврей. Хлопчик, родненький, миленький, отставь фонарь, все скажу. Шпион я! Да! Да! О, мой бог!

Галаньба. Коммунист?

Еврей. Коммунист.

Болботун. Жида не коммуниста не бывае на свете. Як жид — коммунист.

Еврей. Нет! Нет! Что мне сказать, пане? Що мне сказать? Тильки не мучьте. Не мучьте! Злодеи! Злодеи! Злодеи! *(В исступлении вырывается, бросается в окно.)* Я не шпион!

Галаньба. Тримай его, хлопцы! Держи!

Гайдамаки. В прорубь выскочит.

Галаньба стреляет еврею в спину.

Еврей *(падая).* Будьте вы про...

Болботун. Эх, жаль!.. Эх, жаль!..

Галаньба. Держать нужно было.

Гайдамак. Легкою смертью помер, собака.

Грабят тело.]

Телефонист *(по телефону).* Слухаю!.. Слухаю!.. Слава! Слава! Пан полковник! Пан полковник!

Болботун *(в телефон).* Командир первой кинной дивизии полковник Болботун... Я вас слухаю. Так... так... Выезжаю зáраз. *(Галаньбе.)* Пан сотник, прикажите швидче, чтоб вси четыре полка садились на конь! Подступы к городу взяли! Слава! Слава!

Ураган.
Кирпатый. } Слава! Наступление!

Суета.

Галаньба *(в окно).* Садись! Садись! По коням!

За окном гул: «Ура!» Галаньба убегает.

Болботун. Снимай аппарат! Коня мне!

Телефонист снимает аппарат. Суета.

Ураган. Коня командиру!

Голоса: «Перший курень рысью марш. Другой курень рысью марш...» За окном топот, свист. Все выбегают со сцены. Потом гармоника гремит пролетая...

Занавес

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Вестибюль Александровской гимназии. Ружья в козлах. Ящики, пулеметы. Гигантская лестница. Портрет Александра I наверху. В стеклах рассвет. За сценой грохот: дивизион с музыкой проходит по коридорам гимназии.

Николка *(за сценой запевает на нелепый мотив солдатской песни).*

Дышала ночь восторгом сладострастья,
Неясных дум и трепета полна!

Свист.

Юнкера *(оглушительно поют).*

Я вас ждала с безумной жаждой счастья,
Я вас ждала и млела у окна!

Свист.
Николка поет.

Студзинский *(на площадке лестницы).* Дивизион, стой!

Дивизион за сценой останавливается с грохотом.

Отставить! Капитан!

Мышлаевский. Первая батарея! на месте! Шагом марш!

Дивизион марширует.

Студзинский. Ножку! Ножку!

Мышлаевский. Ать! Ать! Ать! Батарея, стой!

1-й офицер. Вторая батарея, стой!

Дивизион останавливается.

Мышлаевский. Батарея, можете курить! Вольно!

За сценой гул и говор.

1-й офицер *(Мышлаевскому).* У меня, господин капитан, двадцати двух не хватает. По-видимому, дали ходу. Студентики!

2-й офицер. Вообще чепуха свинячья. Ничего не разберешь.

1-й офицер. Что ж командир не едет? В шесть назначено выходить, а сейчас без четверти семь.

Мышлаевский. Тише, поручик, во дворец по телефону вызвали. Известия есть, сейчас приедет. *(Юнкерам.)* Что, озябли?

Юнкер. Так точно, господин капитан, прохладно.

Мышлаевский. Отчего ж вы стоите на месте. Синий, как покойник. Потопчитесь, разомнитесь. После команды «вольно» вы не монумент. Каждый сам себе печка. Пободрей! Эй, первый взвод, в восьмой класс парты ломать, печи топить! Живо!

Юнкера *(кричат)*. Братцы, вали в класс! Парты ломать, печки топить!

Шум, суета.

Максим *(появляется из каморки, в ужасе)*. Ваше превосходительство, что ж это вы делаете такое? Партами печи топить. Что ж это за поношение! Мне господином директором велено...

1-й офицер. Явление четырнадцатое...

Мышлаевский. А чем же, старик, печи топить?

Максим. Дровами, батюшка, дровами... Только дров нет.

Мышлаевский. Ну, спасибо тебе за сообщение. *(Грозно.)* Катись отсюда, старик, колбасой к чертовой матери! Эй, второй взвод, какого черта?..

Максим. Господи боже мой, угодники святители! Что же это делается. Татары, чистые татары. Много войска было... *(Уходит. Кричит за сценой.)* Господа военные, что ж это вы делаете!

Юнкера *(ломают парты, пилят их, топят печь. Поют)*.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя.
То как зверь она завоет,
То заплачет, как дитя...
Ах вы, сашки-канашки мои!..

(Печально.)

Помилуй нас, боже, в последний раз...

Внезапный близкий разрыв. Пауза. Суета.

Юнкер. Это по нас, господин капитан, пожалуй.

Мышлаевский. Вздор. Петлюра плюнул.

Песня замирает.

1-й офицер. Я думаю, господин капитан, что придется в пешем строю с Петлюрой повидаться? Интересно, какой он из себя?

2-й офицер *(мрачен)*. Узнаешь, не спеши.

Мышлаевский. Наше дело маленькое, но зато верное. Прикажут, повидаем. *(Юнкерам.)* Юнкера, какого ж вы... Чего скисли? Веселей!

Юнкера.

> И когда по белой лестнице
> Вы пойдете в синий край...

Юнкер *(подлетает к Студзинскому)*. Командир дивизиона!

Студзинский. Дивизион, смирно! Господа офицеры! Господа офицеры!

Алексей *(входит, Студзинскому)*. Список! Скольких нету?

Студзинский *(тихо)*. Двадцати двух человек.

Алексей. Позвольте-ка мне его сюда.

Студзинский. Слушаю. *(Подает список.)*

Алексей *(рвет список)*. Наша застава на Демиевке?

Студзинский. Так точно!

Алексей. Вернуть ее сейчас же сюда!

Студзинский *(юнкеру)*. Вернуть заставу!

Юнкер. Слушаю. *(Убегает.)*

Алексей. Приказываю дивизиону внимательно слушать то, что я ему объявляю.

Тишина.

За ночь в нашем положении, в положении всей русской армии, я бы сказал, в государственном положении Украины произошли резкие и внезапные изменения... Поэтому я объявляю вам, что наш дивизион я распускаю.

Мертвая тишина.

Борьба с Петлюрой закончена. Приказываю всем, в том числе и офицерам, снять с себя погоны, все знаки отличия и немедленно же бежать и скрыться по домам. *(Пауза.)* Я кончил. Исполнять приказание!

Студзинский. Господин полковник, Алексей Васильевич!

Алексей. Молчать, не рассуждать!

3-й офицер. Что такое? Это измена!

Шевеление, гул.

Его надо арестовать!

Шум.

Юнкера. Арестовать!.. Мы ничего не понимаем!.. Как арестовать?.. Что ты, взбесился?! Петлюра ворвался... Вот так штука! Я так и знал!.. Тише!..

1-й офицер. Что это значит, господин полковник?

3-й офицер. Эй, первый взвод, за мной!

Вбегают растерянные юнкера с винтовками.

Николка. Что вы, господа, что вы делаете?

2-й офицер. Арестовать его! Он передался Петлюре!

3-й офицер. Господин полковник, вы арестованы!

Мышлаевский *(удерживая 3-го офицера)*. Постойте, поручик!

3-й офицер. Пустите меня, господин капитан! Руки прочь! Юнкера, взять его!

Мышлаевский. Юнкера, назад!

Студзинский. Алексей Васильевич, посмотрите, что делается.

Николка. Назад!

Студзинский. Назад, вам говорят! Не слушать младших офицеров!

1-й офицер. Господа, что это?

2-й офицер. Господа!

Суматоха. В руках у офицеров револьверы.

3-й офицер. Не слушать старших офицеров!

Юнкер. В дивизионе бунт!

1-й офицер. Что вы делаете?

Студзинский. Молчать! Смирно!

3-й офицер. Взять его!

Алексей. Молчать! Я буду еще говорить!

Юнкера. Не о чем разговаривать! Не хотим слушать! Не хотим слушать! Равняйтесь по командиру второй батареи!

Николка. Дайте ему сказать!

3-й офицер. Тише, юнкера, дайте ему высказаться, мы его не выпустим отсюда!

Мышлаевский. Уберите своих юнкеров назад сию секунду!

1-й офицер. Смирно! на месте!

Юнкера. Смирно! Смирно! Смирно!

Алексей. Да... Очень я был бы хорош, если бы пошел в бой с таким составом, который мне послал господь бог в вашем лице. Но, господа, то, что простительно юноше-добровольцу, непростительно *(3-му офице-*

ру) вам, господин поручик! Я думал, что каждый из вас поймет, что случилось несчастье, что у командира вашего язык не поворачивается сообщить позорные вещи. Но вы недогадливы. Кого вы желаете защищать? Ответьте мне.

Молчание.

Отвечать, когда спрашивает командир! Кого?

3-й офицер. Гетмана обещали защищать.

Алексей. Гетмана? Отлично! Сегодня в три часа утра гетман бросил на произвол судьбы армию, бежал, переодевшись германским офицером, в германском поезде, в Германию. Так что, в то время как поручик собирается защищать его, его давно уже нет.

Юнкера. В Берлин! О чем он говорит?! Не хотим слушать!

Гул. В окнах рассвет.

Алексей. Но этого мало. Одновременно с этой канальей бежала по тому же направлению другая каналья, его сиятельство командующий армией князь Белоруков. Так что, друзья мои, не только некого защищать, но даже и командовать нами некому. Ибо штаб князя дал ходу вместе с ним.

Гул.

Юнкера. Быть не может! Быть не может этого! Это ложь!

Алексей. Кто крикнул «ложь»? Кто крикнул «ложь»? Я только что из штаба. Я проверил все эти сведения. Я отвечаю за каждое мое слово! Итак... Вот мы, нас двести человек. А там — Петлюра. Да что я говорю — не там, а здесь. Друзья мои, его конница на окраинах города! У него двухсоттысячная армия, а у нас на месте мы, четыре пехотных дружины и три батареи. Понятно? Тут один из вас вынул револьвер по моему адресу. Он меня страшно испугал. Мальчишка!

3-й офицер. Господин полковник.

Алексей. Молчать! Ну, так вот-с. Если при таких условиях вы все вынесли бы постановление защищать... что? кого?.. Одним словом, идти в бой, — я вас не поведу, потому что в балагане я не участвую, и тем более, что за этот балаган заплатите своею кровью и совершенно бессмысленно — вы.

Николка. Штабная сволочь!

Гул и рев.

Юнкера. Что же нам делать теперь? В гроб ложиться! Позор!.. Поди ты к черту! Что ты, на митинге? Стоять смирно! В капкан загнали.

Юнкер *(вбегает с плачем)*. Кричали вперед, вперед, а теперь — назад. Найду гетмана — убью!

1-й офицер. Убрать эту бабу к черту! Юнкера, слушайте: если то, что говорит полковник, верно, равняться на меня! На Дон! На Дон! Достанем эшелоны и к Деникину!

Юнкера. На Дон!.. К Деникину! Легкое дело, что ты несешь! На Дон! На Дон!

Студзинский. Алексей Васильевич, верно, надо все бросить. Вывезем дивизион на Дон!

Алексей. Капитан Студзинский! Не сметь! Я командую дивизионом! Молчать! На Дон! Слушайте вы, там, на Дону, вы встретите то же самое, если только на Дон проберетесь. Вы встретите таких же генералов и ту же штабную ораву.

Николка. Такую же штабную сволочь!

Алексей. Совершенно верно. Они вас заставят драться с собственным народом. А когда он вам расколет головы, они убегут за границу... Я знаю, что в Ростове то же самое, что и в Киеве. Там дивизионы без снарядов, там юнкера без сапог, а офицеры сидят в кофейнях. Слушайте меня, друзья мои!.. Мне, боевому офицеру, поручили вас толкнуть в драку. Было бы за что! Но не за что. Я публично заявляю, что я вас не поведу и не пущу! Я вам говорю: белому движению на Украине конец. Ему конец в Ростове-на-Дону, всюду! Народ не с нами. Он против нас. Значит, кончено! Гроб! Крышка! И вот я, кадровый офицер, Алексей Турбин, вынесший войну с германцами, чему свидетели капитаны Студзинский и Мышлаевский, на свою совесть и ответственность принимаю все, все принимаю и, любя вас, посылаю домой.

Рев голосов. Внезапный разрыв.

Срывайте погоны, бросайте винтовки и немедленно по домам!

Юнкера срывают погоны, бросают винтовки.

Мышлаевский *(кричит)*. Тише! Господин полковник, разрешите зажечь здание гимназии?

Алексей. Не разрешаю.

Пушечный удар. Дрогнули стекла.

Мышлаевский. Пулемет!

Студзинский. Юнкера, домой!

Мышлаевский. Юнкера, бей отбой, по домам!

Труба за сценой. Юнкера и офицеры разбегаются.
Николка ударяет винтовкой в ящик с выключателями. Наступает тьма.
Все исчезает.
Долгая пауза.

Алексей *(сидит и рвет бумаги).* Ты кто такой?

Максим. Я сторож здешний.

Алексей. Пошел отсюда вон, убьют тебя здесь.

Максим. Ваше высокоблагородие, куда ж это я отойду? Мне отходить нечего от казенного имущества. В двух классах парты поломали, такого убытку наделали, что я и выразить не могу. А свет... Ведь что ж это делать мне теперь? Ведь это чистый погром! Много войска бывало, а такого — извините...

Алексей. Старик, уйди ты от меня.

Максим. Меня теперь хоть саблей рубите, я уйти не могу. Мне сказано господином директором...

Алексей. Ну, что тебе сказано господином директором?

Максим. Максим, ты один останешься... Максим, гляди.

Алексей. Ты, старичок, русский язык понимаешь? Убьют тебя. Уйди куда-нибудь в подвал, скройся там, чтоб духу твоего не было.

Максим. А кто отвечать-то будет? Максим за все отвечай. Всякие — за царя и против царя были, солдаты оголтелые, но чтоб парты ломать... Царица небесная...

Алексей. Куда списки девались? *(Разбивает шкаф ногой.)*

Максим. Ваше высокопревосходительство, ведь у него ключ есть. Гимназический шкаф, а вы ножкой. *(Отходит, крестится.)*

Пушечный удар.

Алексей. Так его! Даешь! Даешь! Концерт! Музыка! Ну! Попадешься ты мне когда-нибудь, пан гетман! Гадина!

Мышлаевский появляется наверху. В окна пробивается легонькое зарево.

Максим. Ваше превосходительство, хоть вы ему прикажите. Что ж это такое? Шкаф ногой взломал!

Мышлаевский. Старик, не путайся под ногами. Пошел вон.

Максим. Татары, прямо татары. *(Исчезает.)*

Мышлаевский *(издали).* Алеша. Зажег я цейхгауз. Будет Петлюра шиш иметь вместо шинелей.

Алексей. Ты, бога ради, не задерживайся.

Мышлаевский. Дело маленькое. Сейчас вкачу еще две бомбы в сено и ходу. Ты-то чего сидишь?

Алексей. Пока застава не прибежит, не могу!

Мышлаевский. Алеша, надо ли? А?

Алексей. Ну что ты говоришь, капитан!

Мышлаевский. Я тогда с тобой останусь.

Алексей. На что ты мне нужен, Виктор. Приказываю: к Елене сейчас же! Карауль ее! Я следом за вами. Да что вы, взбесились все, что ли? Будете ли вы слушать или нет?

Мышлаевский. Ладно, Алеша. Бегу к Ленке!

Алексей. Николка, погляди, ушел ли? Гони его в шею, ради бога!

Мышлаевский. Ладно! Алеша, смотри не рискуй!

Алексей. Учи ученого!

Мышлаевский исчезает.

Серьезно, и весьма, весьма серьезно... И когда по белой лестнице... Вот застава засыпется... Ах ты, боже мой!

Николка *(появляется наверху, крадется).* Алеша!

Алексей. Ты что же, шутки со мной вздумал шутить, что ли? Сию минуту домой, снять погоны! Вон!

Николка. Я без тебя, полковник, не пойду.

Алексей. Что? *(Вынул револьвер.)*

Николка. Стреляй, стреляй в родного брата.

Алексей. Болван!

Николка. Ругай, ругай родного брата. Я знаю, чего ты сидишь. Знаю. Ты, командир, смерти от позора ждешь, вот что! Ну, так я тебя буду караулить. Ленка меня убьет.

Алексей. Эй, кто-нибудь! Взять юнкера Турбина! Капитан Мышлаевский!

Николка. Все уже ушли!

Алексей. Ну, ладно же! Я с тобой дома поговорю.

Шум и топот.

Юнкера *(застава, пробегая).* Конница Петлюры в Киев прорвалась! Конница за нами следом! Ходу!

Алексей. Юнкера! Слушать команду! Подвальным ходом на Подол! Срывайте погоны по дороге!

За сценой приближающийся лихой свист, глухо звучит гармоника: «И шумит, и гудит...»

Бегите, бегите! Я вас прикрою! *(Бросается к окну наверху.)* Беги, я тебя умоляю. Ленку пожалей!

Стекла лопнули. Алексей падает.

Николка. Господин полковник! Алешка, Алешка, что ты наделал?!

Алексей. Унтер-офицер Турбин, брось геройство, к чертям! *(Смолкает.)*

Николка. Господин полковник, этого быть не может! Алёша, поднимись!

Топот и гул. Вбегают гайдамаки.

Ураган. Тю! Бачь, бачь! Тримай его, хлопцы, тримай!

Кирпатый стреляет в Николку.

Галаньба *(вбегая)*. Живьем! Живьем возмить его, хлопцы!

Николка отползает вверх по лестнице, оскалился.

Кирпатый. Ишь волчонок! Ах, сукино отродье!

Ураган. Не уйдешь! Не уйдешь!

Гайдамаки появляются.

Николка. Висельники, не дамся! Не дамся, бандиты! *(Бросается с перил и исчезает.)*

Кирпатый. Ах, сукин сын, циркач! *(Стреляет.)*

Галаньба. Что ж вы выпустили его, хлопцы! Эх!

Гармоника: «И шумит, и гудит...» За сценой крик: «Слава, слава!» Трубы за сценой. Болботун, за ним гайдамаки со штандартами. Знамена плывут вверх по лестнице и оглушительный марш.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Квартира Турбиных. Рассвет. Электричества нет. Горит свеча на ломберном столе.

Лариосик. Елена Васильевна, дорогая! Располагайте мною как хотите. Я оденусь и пойду их искать.

Елена. Ах нет, нет. Что вы, Лариосик?! Вас убьют на улице. Будем ждать. Боже мой, еще зарево. Какой ужасный рассвет! Что там делается? Я только хотела бы одно знать, где они?

Лариосик. Да... Боже мой, как ужасна гражданская война!

Елена. Знаете что: я женщина, меня не тронут. Я пойду посмотрю, что делается на улице.

Лариосик. Елена Васильевна! Я вас не пущу. Что вы! Что вы! Да я... я вас не пущу... Что мне скажет Алексей Васильевич. Он велел ни в коем случае не пускать вас на улицу, и я дал ему слово.

Елена. Я близко...

Лариосик. Елена Васильевна!

Елена. Хотя бы узнать, в чем дело...

Лариосик. Я иду...

Елена. Оставьте это... Будем ждать...

Лариосик. Ваш супруг очень хорошо сделал, что отбыл. Это очень мудрый поступок. Он переждет в Берлине в безопасности всю эту ужасную кутерьму и вернется.

Елена. Мой супруг? Мой супруг... имени моего супруга больше в доме не упоминайте. Слышите?

Лариосик. Хорошо, Елена Васильевна... Всегда я найду что сказать вовремя... Может быть, вам чаю подогреть? Я бы поставил самоварчик...

Елена. Нет, не надо... Не хочется...

Стук.

Лариосик. Ага! Вот кто-то!.. Постойте, постойте, не открывайте, Елена Васильевна, сразу. Кто там?

Шервинский. Это я! Я... Шервинский...

Елена. Слава богу! *(Открывает.)* Что это значит? Катастрофа?

Шервинский. Петлюра город взял!

Лариосик. Взял? Боже, какой ужас!

Елена. Где же наши? Погибли? Как взял?

Шервинский. Не волнуйтесь, Лена... Елена Васильевна. Что вы! Все в полном порядке!

Елена. Как в порядке?

Шервинский. Не волнуйтесь, Елена Васильевна. Они сейчас вернутся...

Елена. Где же они? В бою?

Шервинский. Успокойтесь, Елена Васильевна. Они не успели выйти из гимназии. Я предупредил.

Елена. А гетман? Войска?

Шервинский. Гетман сегодня ночью бежал.

Елена. Бежал? Бросил армию?

Шервинский. Точно так. И князь Белоруков. *(Снимает пальто.)*

Елена. Подлецы!

Шервинский. Неописуемые прохвосты!

Лариосик. А почему свет не горит?

Шервинский. Обстреляли станцию.

Лариосик. Ай-ай-ай...

Шервинский. Елена Васильевна, можно у вас спрятаться? Теперь офицеров будут искать.

Елена. Ну конечно!

Шервинский. Я счастлив, что вы живы и здоровы.

Елена. Что ж вы теперь будете делать?

Шервинский. Я в оперу поступаю.

Стук.

Спросите, кто там...

Лариосик. Кто там?

Мышлаевский *(за сценой)*. Свои, свои...

Лариосик открывает.
Входят Мышлаевский и Студзинский.

Елена. Слава тебе господи. А где же Алеша и Николай?

Мышлаевский. Спокойно, спокойно, Лена, сейчас придут. Не бойся ничего. Улицы еще свободны. А уж он тут? Ну, стало быть, ты все знаешь...

Елена. Спасибо, все. Ну, немцы, немцы!

Студзинский. Ничего, ничего, когда-нибудь вспомним мы все. Ничего...

Мышлаевский. Здравствуй, Ларион!

Лариосик. Вот, Витенька, какие ужасные происшествия. Ай-ай-ай!

Мышлаевский. Да уж, происшествия первого сорта...

Елена. Господи, на кого вы похожи. Идите к огню, я вам сейчас самовар поставлю.

Шервинский *(от камина)*. Помочь вам, Лена?

Елена. Не надо. Сидите. *(Убегает.)*

Мышлаевский. Здоровеньки булы, пане личный адъютант. Чему ж це вы без аксельбантов?.. «Поезжайте, господа офицеры, на Украину и формируйте ваши части»... И прослезился. За ноги вашу мамашу!

Шервинский. Что означает этот балаганный тон?

Мышлаевский. Балаган получился, оттого и тон балаганный. Ты ж сулил и государя императора, и за

здоровье светлости пил. Кстати, где эта светлость в настоящее время?

Шервинский. Зачем тебе?

Мышлаевский. А вот зачем: если бы мне попалась сейчас эта самая светлость, взял бы я ее за ноги и хлопал бы головой о мостовую до тех пор, пока не почувствовал бы полного удовлетворения. А вашу штабную ораву в уборной следует утопить!

Шервинский. Господин Мышлаевский, прошу не забываться!

Мышлаевский. Мерзавцы!

Шервинский. Что-о?

Лариосик. Зачем же ссориться?

Студзинский. Сию же минуту, как старший, прошу прекратить этот разговор. Совершенно нелепо и ни к чему не ведет! Чего ты, в самом деле, пристал к человеку. Поручик, успокойтесь.

Шервинский. Поведение капитана Мышлаевского в последнее время нестерпимо...

Лариосик. Господи! Зачем же...

Шервинский. И главное,—хамство! Я, что ль, виноват в катастрофе. Напротив, я всех вас предупредил. Если бы не я, еще вопрос—сидел бы он сейчас здесь живой или нет!

Студзинский. Совершенно верно, поручик. И мы вам очень признательны.

Елена *(входит)*. Что это такое? В чем дело?

Студзинский. Не извольте беспокоиться, Елена Васильевна. Все будет спокойно. Я вам ручаюсь. Идите к себе.

Елена уходит.

Извинись, ты не имеешь никакого права.

Мышлаевский. Ну ладно, брось, Леонид! Я погорячился. Ведь такая обида!

Шервинский. Довольно странно...

Студзинский. Бросьте, совсем не до этого. *(Садится к огню.)*

Пауза.

Мышлаевский. Где Алеша с Николаем, в самом деле?

Студзинский. Я сам беспокоюсь, чего он там застрял?! Пять минут жду, а после этого пойду навстречу...

Пауза.

Мышлаевский. Обязательно. *(Пауза.)* Что ж, он, стало быть, при тебе ходу дал?

Шервинский. При мне, я был до последней минуты.

Мышлаевский. Замечательное зрелище, клянусь богом. Дорого бы дал, чтобы присутствовать при этом! Что ж ты не пришиб его, как собаку?

Шервинский. Спасибо. Ты бы пошел и сам его пришиб!

Мышлаевский. Пришиб бы, будь спокоен. Что ж тебе, по крайней мере, сказали на прощанье?

Шервинский. Что ж сказал? Обнял, поблагодарил за верную службу...

Мышлаевский. И прослезился?

Шервинский. Да, прослезился...

Лариосик. Прослезился. Скажите пожалуйста!

Мышлаевский. Уж не подарил ли чего-нибудь на прощанье? Например, золотой портсигар с монограммой?

Шервинский. Да, подарил портсигар.

Мышлаевский. Вишь, черт!.. Ты меня извини, Леонид, боюсь, что ты опять рассердишься. Человек ты, в сущности, неплохой, но есть у тебя странности...

Шервинский. Что ты хочешь этим сказать?

Мышлаевский. Да как бы выразиться... Тебе бы писателем быть... Фантазия у тебя богатая... Прослезился... Не хочется мне затруднять... ну, а если бы я сказал: покажи портсигар!

Шервинский молча показывает портсигар.

Студзинский. Ах, черт возьми!

Мышлаевский. Убил! Действительно, монограмма.

Шервинский. Капитан Мышлаевский, что нужно сказать?

В окно передней бросили снегом.

Мышлаевский. Сию минуту. При вас, господа, прошу у него извинения.

Лариосик. Я в жизни не видал такой красоты! Ого! Целый фунт, вероятно, весит?

Шервинский. Восемьдесят четыре золотника.

В окно бросили снегом.

Постойте, господа!

Встают.

Мышлаевский. Не люблю фокусов... Почему не через дверь?.. И где Алеша?.. *(Вынимает револьвер.)*

Студзинский. Черт возьми!.. А тут это барахло! *(Схватывает амуницию, бросает под диван.)*

Шервинский. Господа, вы поосторожнее с револьверами. Лучше выбросить. *(Прячет портсигар за портьеру.)*

Все идут к окну, осторожно заглядывают.

Студзинский. Ах, я себе простить не могу!

Мышлаевский. Что за дьявольщина!

Лариосик. Ах, боже мой! *(Кинулся известить Елену.)* Елена...

Мышлаевский. Куда ты, черт?.. С ума сошел!.. Да разве можно!.. *(Зажал ему рот.)*

Все выбегают. Пауза. Вносят Николку.

Тихонько, тихонько... Ленку, Ленку надо убрать куда-нибудь... Боже мой!.. Алеша-то где же? Убить меня мало. Кладите, кладите... прямо на пол... Снегом... Снегом...

Студзинский. Лучше бы на диван. Ищи рану, рану ищи...

Шервинский. Голова разбита!

Студзинский. Кровь в сапоге... Снимайте сапоги...

Шервинский. Давайте перенесем его... туда... нельзя же на полу, в самом деле...

Мышлаевский. Невозможно. Застонет,— Ленку напугаем. Кладите на диван!

Студзинский. Режь сапог!.. Режь сапог!..

Мышлаевский. У Алешки бинты в кабинете... Волоките скорее сюда!

Шервинский и Лариосик убегают.

Иод, иод захватите! Господи боже мой, как он подвернулся? Что такое?.. Где Алеша?

Шервинский и Лариосик прибегают с иодом и бинтами.

Студзинский. Бинтуй, бинтуй голову... Осторожно!..

Лариосик. Он умирает?

Николка *(приходя в себя)*. О!..

Мышлаевский. С ума сойти!.. Говори одно только слово: где Алеша?

Студзинский. Где Алексей Васильевич?

Николка. Господа...

Мышлаевский. Что?

Елена входит стремительно.

Леночка, ты не волнуйся. Упал он и головой ударился. Страшного ничего нет.

Елена. Да его ранили. Что ты говоришь?

Николка. Нет, Леночка, нет...

Елена. А где Алексей? Где Алексей? *(Настойчиво.)* Ты же с ним был. Отвечай одно слово — где Алексей?

Мышлаевский. Что же делать теперь?

Студзинский *(Мышлаевскому).* Этого не может быть. Не может...

Елена. Ты что же молчишь?

Николка. Леночка... Сейчас...

Елена. Не лги! Только не лги!

Мышлаевский делает знак Николке: «Молчи».

Студзинский. Елена Васильевна...

Шервинский. Лена, что вы...

Елена. Ну, все понятно! Убили Алексея!

Мышлаевский. Что ты, что ты, Лена! Успокойся, что ты? С чего ты взяла?!

Елена. Ты посмотри на его лицо. Посмотри. Да что мне лицо. Я ведь чувствовала, еще когда он уходил, знала, что так кончится.

Студзинский *(Николке).* Говорите, что с ним?!

Шервинский. Лена, перестаньте... Дайте воды...

Елена. Ларион! Алешу убили! Ларион! Алешу убили! Позавчера вы с ним за столом сидели — помните? А его убили.

Лариосик. Елена Васильевна, миленькая...

Шервинский. Лена, Лена!..

Елена. А вы?! Старшие офицеры! Старшие офицеры! Все пришли, а командира убили?!

Мышлаевский. Лена, пожалей нас, что ты говоришь. Мы все исполняли его приказание. Все. Пойми, он приказал провожать юнкеров.

Студзинский. Нет, она совершенно права! Я кругом виноват! Нельзя было его оставить! Ладно! Я старший офицер, и я свою ошибку поправлю! *(Хочет уйти.)*

Мышлаевский. Куда? Нет, стой! Нет, стой!

Студзинский. Убери руки!

Мышлаевский. Ну, нет! Что ж, я один останусь? Я один! Ты ни в чем ровно не виноват! Ни в чем! Я его видел последний, предупреждал и все исполнил. Лена!

Студзинский. Капитан Мышлаевский, сию минуту выпустите меня!

Мышлаевский. Отдай револьвер! Шервинский.

Шервинский. Вы не имеете права! Вы что, еще хуже сделать хотите? Вы не имеете права! *(Держит Студзинского.)*

Мышлаевский. Лена, прикажи ему! Все из-за твоих слов. Возьми у него револьвер!

Елена. Я от горя сказала. У меня помутилось в голове. Отдайте револьвер!

Студзинский *(истерически).* Никто не смеет меня упрекать! Никто! Никто! Все приказания полковника Турбина я исполнил!

Елена. Никто! Никто! Я обезумела! *(Бросает револьвер.)*

Мышлаевский. Николка, говори... Лена, будь мужественна. Мы его найдем... Говори начистоту...

Николка. Убили командира.

Елена падает в обморок.

Занавес

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Через два месяца. Крещенский сочельник 19-го года. Квартира освещена. Елена и Лариосик убирают елку.

Лариосик *(на лесенке).* Я полагаю, что эта звезда... *(Таинственно прислушался.)* Нет, это мне послышалось... Глубокоуважаемая и дорогая Елена Васильевна, уверяю вас, это конец. Они взяли город.

Елена. Не спешите, Лариосик, ничего еще не известно.

Лариосик. Верный признак—стрельбы нет. Откровенно вам признаюсь, Елена Васильевна, мне страшно надоела стрельба за эти два месяца. Я не люблю.

Елена. Я разделяю ваш вкус. *(Прислушалась.)* Да нет...

Лариосик. Я полагаю, что эта звезда здесь будет очень уместна. Ах, господи, я свечи уронил...

Елена. Слезайте, Лариосик, а то я боюсь, что вы себе голову разобьете. Ничего, ничего, там еще есть одна коробка.

Лариосик. Вот—елка на ять, как говорит Витенька. Хотел бы я видеть человека, который бы сказал, что елка

некрасива. Дорогая Елена Васильевна, если б вы знали... Елка напоминает мне невозвратные дни моего детства в Житомире... Огни... Елочка зеленая... *(Пауза.)* Впрочем, здесь мне лучше, чем в детстве. Мне не хочется никуда уходить. Так бы и сидел весь век под елкой у ваших ног, и никуда бы меня не сдвинули.

Елена. Вы бы соскучились. Вы страшный поэт, Ларион.

Лариосик. Нет, уж какой я поэт! Куда там, к черту!.. Ах, извините, Елена Васильевна.

Елена. Прочтите, прочтите что-нибудь новенькое. Ну, прочтите. Мне очень нравятся ваши стихи. Вы очень способны.

Лариосик. Вы искренно говорите?

Елена. Совершенно искренно.

Лариосик. Ну, хорошо, хорошо, я прочитаю. Посвящается... Ну, одним словом, посвящается... Нет, не буду я вам читать эти стихи.

Елена. Почему?

Лариосик. Нет, зачем же.

Елена. А кому посвящается?

Лариосик. Одной женщине.

Елена. Секрет?

Лариосик. Секрет... Вам.

Елена. Спасибо вам, милый.

Лариосик. Что мне спасибо... Эх... из спасиба шинели не сошьешь... Ох, извините, это я от Мышлаевского заразился. Все такие выражения повторяются...

Елена. Я вижу. По-моему, вы в Мышлаевского влюблены.

Лариосик. Нет. Я в вас влюблен.

Елена. Не надо в меня влюбляться, Ларион, не надо.

Лариосик. Знаете что, выйдите за меня замуж.

Елена. Вы трогательный, Ларион, только это невозможно.

Лариосик. Он не придет... А как же вы будете одна? Одна! Какое страшное слово. Без поддержки, без участия. Хотя, конечно, я поддержка довольно парши... слабая. Но я вас буду очень любить всю жизнь. Вы — мой идеал. Он не приедет. Теперь в особенности, когда наступают большевики, он не вернется.

Елена. Я знаю, он не вернется. Но не в этом дело. Если б он даже и вернулся, моя жизнь с ним окончена.

Лариосик. Его отрезали... А у меня сердце облива-

лось кровью, когда я видел, что вы остались одна. Ведь на вас было страшно смотреть, ей-богу.

Елена. Разве уж я такая плохая была?

Лариосик. Ужас! Кошмар! Лицо желтое-прежелтое!

Елена. Что вы выдумываете, Ларион!

Лариосик. Но теперь вы лучше, гораздо лучше... румяная-прерумяная...

Елена. Вы, Лариосик, неподражаемый человек. Идите ко мне, я вас в лоб поцелую, в лоб...

Лариосик. В лоб? Эх, в лоб так в лоб! Черная моя звезда! Конечно, разве можно полюбить меня?

Елена. Очень даже можно. Только у меня есть роман.

Лариосик. Что? У кого? У вас? Не может быть!

Елена. Позвольте, разве уж я не гожусь?

Лариосик. Что вы! Нет! Не вы! Кто он? Кто он? Я его знаю?

Елена. И очень хорошо.

Лариосик. Стойте, стойте, стойте, стойте!.. Молодой человек... вы ничего не видали... Ходи с короля... А я-то думал, что это сон. Проклятый счастливец!

Елена. Лариосик, это нескромно!

Лариосик. Я ухожу, я ухожу.

Елена. Куда, куда?

Лариосик. За водкой к армянину. И напьюсь до бесчувствия.

Елена. Так я вам и позволила. Ларион, я буду вам другом.

Лариосик. Читал, читал в романах... Как «буду другом», так, значит, кончено, крышка, конец! *(Надевает пальто.)*

Елена. Лариосик, возвращайтесь скорее.

Лариосик сталкивается в передней с входящим Шервинским. Тот в мерзком пальто, в шапке, в синих очках.

Лариосик. Кто это?

Шервинский. Здравствуйте.

Лариосик. Ах, здравствуйте, здравствуйте. *(Исчезает.)*

Елена. Бог мой, на кого вы похожи!

Шервинский. Ну, спасибо, Елена Васильевна, я уж попробовал! Сегодня еду на извозчике, а уж какие-то пролетарии по тротуарам так и шныряют. И один говорит: «Ишь, украинский барин! Ну, подожди до завтра, завтра мы вас с извозчиков поснимаем!» Мерси. У

меня глаз опытный. Я, как на него посмотрел, сразу понял, что надо ехать домой и переодеваться. Поздравляю вас, Петлюре крышка! Сегодня ночью красные будут. Стало быть, начинается советская республика и тому подобное...

Елена. Чему же вы радуетесь? Можно подумать, что вы сами большевик!

Шервинский. Я сочувствующий, а пальтишко это я у дворника напрокат взял. Беспартийное пальтишко.

Елена. Сию минуту извольте снять эту гадость.

Шервинский. Слушаю-с! *(Снимает пальто, шляпу, калоши, очки, остается в ослепительном фрачном костюме.)* Вот, поздравьте, только что с дебюта. Пел и принят.

Елена. Поздравляю вас.

Шервинский. Ах, Лена... Как Николка?

Елена. Сегодня начал подниматься. Сейчас, вероятно, отдыхает.

Шервинский. Лена, Лена...

Елена. Пустите... Постойте, зачем же баки вы сбрили?

Шервинский. Гримироваться удобнее.

Елена. Большевиком вам так удобнее гримироваться. Не бойтесь, никто вас не тронет. У, хитрое, малодушное созданье!

Шервинский. Еще бы тронули человека, у которого в голосе две полные октавы да еще две ноты вверху!.. Лена, пока никого нет, я приехал объясниться.

Елена. Объяснитесь.

Шервинский. Лена, вот все кончилось... Николка выздоровел, Петлюру выгоняют, я дебютировал,— вообще начинается новая жизнь. Все хорошо. Томиться так больше невозможно. Он не приедет, его отрезали. Разводись с ним и выходи за меня. Лена, я не плохой, ей-богу, я не плохой. А то ведь это мученье. Ты одна скучаешь.

Елена. Ты исправишься?

Шервинский. А от чего мне, Леночка, исправляться?

Елена. Леонид, я стану вашей женой, если вы изменитесь, и прежде всего перестанете лгать. Срам! Государя императора в портьере видел. И прослезился... И ничего подобного не было. Эта длинная — меццо-сопрано, а оказывается, она просто продавщица в кофейне Сомадени...

Шервинский. Леночка, она очень недолго служила, пока без ангажемента была.

Елена. У нее, кажется, был ангажемент.

Шервинский. Лена, клянусь памятью покойной мамы, а также и папы, у нас ничего не было. Я ведь сирота.

Елена. Мне все равно. Мне не интересны ваши грязные тайны. Важно другое: чтобы ты перестал хвастать и лгать. Единственный раз рассказал правду про портсигар, и то никто не поверил, доказательство пришлось предъявлять.

Шервинский. Про портсигар я именно все наврал. Гетман мне его не дарил, не обнимал и не прослезился. Просто он его на столе забыл, а я его подобрал.

Елена. Стащил со стола? Боже мой, этого еще недоставало! Дайте его сюда!

Шервинский. Леночка, но папиросы в нем — мои.

Елена. Молчи. Счастлив ваш бог, что вы догадались об этом сами сказать. А вот если бы я узнала!..

Шервинский. А как бы вы узнали?

Елена. Дикарь!

Шервинский. Вовсе нет. Леночка, я, знаете ли, очень изменился за эти два месяца. Сам себя не узнаю, честное слово! Катастрофа на меня подействовала, смерть Алеши тоже, да... Я теперь иной. А материально ты не беспокойся, Ленуша. Я ведь — ого-го... Сегодня на дебюте спел, а режиссер мне говорит: «Вы, говорит, Леонид Юрьевич, изумительные надежды подаете. Вам бы, говорит, надо ехать в Москву, в Большой театр...» Обнял меня и...

Елена. И что?

Шервинский. И ничего... Пошел по коридору.

Елена. Неисправим!

Шервинский. Леночка!

Елена. Что ж мы будем делать с Тальбергом?

Шервинский. Развод, развод. Ты его адрес знаешь? Телеграмму ему и письмо о том, что все кончено, кончено.

Елена. Ну, хорошо! Тоскливо мне и скучно. И одиноко. Хорошо, согласна.

Шервинский. Ты победил, Галилеянин! Лена! *(Указывает на портрет Тальберга.)* Я требую выбросить его в срочном порядке. Он — оскорбление для меня. И я его видеть не могу.

Елена. Ого, какой тон!

Шервинский *(ласково)*. Я его, Леночка, видеть не могу. *(Рвет портрет из рамки, бросает на диван.)* Крыса! И совесть моя чиста и спокойна. Лена, поиграй мне. Идем к тебе. А то ведь два месяца мы словом не перемолвились. Все на людях да на людях.

Елена. Да ведь придут сейчас. Ну, идем.

Уходят, закрывают дверь. Слышен рояль. Шервинский великолепным голосом поет Эпиталаму из «Нерона».

Николка *(входит, в черной шапочке, на костылях. Бледен и слаб)*. Елена! Елена! Ты слышишь?.. А! Репетируют! *(Видит пустую раму портрета.)* А, вышибли. Понимаю. Я давно догадывался. Ну, репетируйте. *(Ложится на диван.)*

Лариосик *(появляется в передней)*. Николаша! Что ж ты сам? Позволь, позволь, я тебе сейчас подушку принесу. *(Приносит подушку Николке.)*

Николка. Не беспокойся, Ларион. Видно, Ларион, я так калекой и останусь.

Лариосик. Ну что ты, Николаша, как тебе не совестно! Что ты! Что ты!

Николка. Их еще нету?

Лариосик. Будут скоро. Обозы сейчас, понимаешь ли, по улицам едут. И на них эти, с красными хвостами. Видно, здорово их поколотили большевики.

Николка. Так им и надо!

Лариосик. Тем не менее, несмотря на всю эту кутерьму, водочку достал! Единственный раз в жизни мне свезло! Думал, ни за что не достану. Такой уж я человек! Погода была великолепная, когда я выходил. Звезды блещут, пушки не стреляют... Ну, думаю, небо ясно, все обстоит в природе благополучно, но стоит мне показаться на тротуаре, как обязательно пойдет снег. И действительно, вышел, мокрый снег лепит в самое лицо. Погода точь-в-точь такая, как в тот вечер, когда я приехал к вам, Николаша. Вот она, водочка! Принес! Пусть видит Мышлаевский, на что я способен. Два раза упал, затылком трахнулся, но водку удержал в руках.

Шервинский за сценой: «Ты любовь благословляешь...»

Николка. Смотри, видишь, нету портрета. Потрясающая новость. Елена расходится с мужем. И сердце мое чувствует, что она за Шервинского выйдет.

Лариосик *(разбил бутылку)*. Уже?

Николка. Э, Лариосик! Э-э!..

Лариосик. Как, уже?

Николка. Что ты, Ларион, что ты? А, тоже врезался?

Лариосик. Никол, когда речь идет об Елене Васильевне, такие слова, как «врезался», неуместны. Она золотая!

Николка. Рыжая она, Ларион, рыжая. Прямо несчастье! Оттого всем и нравится, что рыжая. Все ухаживают. Кто ни увидит, сейчас же букеты начинает таскать. Так что у нас в квартире букеты все время, как веники, стояли. А Тальберг злился. Собирай, Лариосик, осколки поскорее. А то сейчас Мышлаевский придет, он тебя убьет.

Лариосик. Ты ему не говори. *(Собирает осколки.)*

Звонок. Лариосик впускает Мышлаевского и Студзинского, оба в штатском.

Мышлаевский. Здравствуй, Ларион! Здорово, братцы, Петлюра город оставляет!

Студзинский. Красные в Слободке. Через полчаса будут здесь.

Мышлаевский. Завтра, таким образом, здесь получится советская республика... Позвольте, водкой пахнет! Ей-богу, водкой! Кто пил водку раньше времени? Сознавайтесь. Что ж это делается в этом богоспасаемом доме!!. Вы водкой полы моете?! Я знаю, чья это работа! Что ты бьешь все?! Это в полном смысле слова — золотые руки! К чему ни притронется — бац — осколки! Ну, если уж у тебя такой зуд,— бей сервизы!

За сценой все время рояль.

Лариосик. Какое ты имеешь право делать мне замечания! Я не желаю!

Мышлаевский. Что это на меня все кричат? Скоро бить начнут! Впрочем, я сегодня добрый почему-то. Мир, Ларион, я на тебя уже не сержусь.

Николка. А почему стрельбы нет?

Студзинский. Тихо, вежливо идут. И без всякого боя!

Лариосик. И главное — удивительнее всего, что все радуются, даже буржуи недорезанные. До того всем Петлюра осточертел!

Николка. Интересно, как большевики выглядят.

Мышлаевский. Увидишь, увидишь.

Лариосик. Капитан, ваше мнение?

Студзинский. Не знаю, ничего не понимаю теперь. Лучше всего нам подняться и уйти вслед за Петлюрой. Как мы, белогвардейцы, уживемся с ними? Не представляю.

Мышлаевский. Куда за Петлюрой?

Студзинский. Пристроиться к какому-нибудь обозу и уйти в Галицию.

Мышлаевский. А потом куда?

Студзинский. А там на Дон, к Деникину, и биться с большевиками.

Мышлаевский. Так, опять, стало быть, к генералам под команду. Очень остроумный план. Жаль, жаль, что лежит Алешка в земле, а то бы он много интересного мог рассказать про генералов. Но жаль, успокоился командир.

Студзинский. Не терзай мою душу, не вспоминай.

Мышлаевский. Нет, позвольте, его нет, так я говорю... Опять в армию, опять биться?.. «и прослезился»?.. Спасибо, я уже смеялся. В особенности, когда Алешку повидал в анатомическом театре.

Николка заплакал.

Лариосик. Николашка, Николашка, что ты, погоди!

Мышлаевский. Довольно! Я воюю с девятьсот четырнадцатого года. За что? За отечество! А когда это отечество бросило меня на позор? И я опять иди к этим светлостям! Ну, нет,— видали? *(Показывает шиш.)* Шиш!

Студзинский. Изъясняйся, пожалуйста, словами.

Мышлаевский. Я сейчас изъяснюсь, будьте благонадежны. Что я, идиот, в самом деле? Нет. Я, Виктор Мышлаевский, заявляю, что больше я с этими мерзавцами генералами дела не имею. Я кончил.

Николка. Капитан Мышлаевский большевиком стал.

Мышлаевский. Да, ежели угодно, я за большевиков, только против коммунистов.

Лариосик. Позволь тебе сказать, что это одно и то же. Большевизм и коммунизм.

Мышлаевский *(передразнивая)*. «Большевизм и коммунизм». Ну, тогда и за коммунистов...

Студзинский. Слушай, капитан, ты упомянул слово «отечество». Какое же отечество, когда большевики. Россия — кончена. Вот, помнишь, командир говорил, и был прав командир: вот они, большевики!..

Мышлаевский. Большевики... великолепно, очень рад!

Студзинский. Да ведь они тебя мобилизуют.

Мышлаевский. И пойду, и буду служить.

Студзинский. } Почему?!
Николка. }

Мышлаевский. А вот почему. Потому. Потому что у Петлюры, вы говорите,— сколько? Двести тысяч! Вот эти двести тысяч пятки салом смазали и дуют при одном слове «большевик». Видал? Чисто! Потому что за большевиками мужички тучей... А я им всем что могу противопоставить, рейтузы с кантом? А они этого канта видеть не могут... Сейчас же за пулеметы берутся. Не угодно ли?.. Спереди красногвардейцы, как стена, сзади спекулянты и всякая рвань с гетманом, а я посредине. Слуга покорный. Мне надоело изображать навоз в проруби. Пусть мобилизуют! По крайней мере, я знаю, что буду служить в русской армии.

Студзинский. Они Россию прикончили. Да они нас все равно расстреляют.

Мышлаевский. И отлично. Заберут в Чека, по матери обложат и выведут в расход. И им спокойнее, и нам.

Студзинский. Я с ними буду биться.

Мышлаевский. Пожалуйста. Надевай шинель! Валяй, дуй! Шпарь к большевикам, кричи им — не пущу! Николку с лестницы уже сбросили. Голову видал? А тебе ее и вовсе оторвут! И правильно — не лезь! Теперь пошли дела богоносные.

Лариосик. Я против ужасов гражданской войны. В сущности, зачем проливать кровь?

Мышлаевский. Ты на войне был?

Лариосик. У меня, Витенька, белый билет. Слабые легкие. И кроме того, я — единственный сын при моей маме.

Мышлаевский. Правильно, товарищ белобилетник.

Студзинский. Была у нас Россия — великая держава.

Мышлаевский. И будет, будет.

Студзинский. Да, будет,— ждите!

Мышлаевский. Прежней не будет, новая будет. А ты вот что мне скажи. Когда вас расхлопают на Дону, а что расхлопают, я вам предсказываю, и когда ваш Деникин даст деру за границу... а я вам это тоже предсказываю, тогда куда?

Студзинский. Тоже за границу.

Мышлаевский. Нужны вы там, как пушке третье

колесо, куда ни приедете, в харю наплюют. Я не поеду, буду здесь, в России. И будь с ней что будет... Ну и кончено, довольно, я закрываю собрание.

Студзинский. Я вижу, что я одинок.

Шервинский *(вбегает)*. Позвольте, господа, не закрывайте собрание. Вот что: Елена Васильевна Тальберг разводится с мужем своим, бывшим полковником генерального штаба, и выходит...

Входит Елена.

Лариосик. Ах!

Мышлаевский. Брось, Ларион, куда нам с суконным рылом в калашный ряд. Лена, ясная, позволь я тебя обниму и поцелую.

Студзинский. Поздравляю вас, Елена Васильевна.

Мышлаевский. Ларион, поздравь,— неудобно!

Лариосик. Поздравляю вас и желаю вам счастья.

Мышлаевский. Лена, ясная... Ну, а ты молодец! Ведь такая женщина. По-английски говорит, на фортепьяно играет. И в то же время самоварчик может поставить. Я сам бы на тебе, Лена, с удовольствием женился.

Елена. Я бы за тебя, Витенька, не вышла.

Мышлаевский. Ну и не надо. Я тебя и так люблю. Я, по преимуществу, человек холостой и военный. Люблю, чтобы дома было уютно, без женщин и без детей, как в казарме... Ларион, наливай!

Шервинский. Погодите, господа. Не пейте это вино! Я вам шампанского налью. Вы знаете, какое это винцо? Ого-го-го!.. *(Взглянул на Елену, смутился.)* Обыкновенное Абрау-Дюрсо. Три с полтиной бутылка... среднее винишко...

Мышлаевский. Леночкина работа. Лена, рыжая, ты умница! Женись, Шервинский, ты совершенно здоров! Ну, поздравляю вас и желаю вам...

Дверь в переднюю открывается, входит Тальберг в штатском пальто, в снегу, с чемоданом.

Тальберг. Дверь почему-то не заперта.

Мышлаевский. Это номер!

Тальберг. Здравствуй, Лена. Виноват, кажется, мое появление удивляет почтенное общество? Здравствуй, Лена! Немного странно! Казалось бы, я мог больше удивляться, застав на своей половине столь веселую компанию в столь трудное время. Здравствуй, Лена. Что это значит?

Шервинский. А вот что...

Елена. Погоди, Леонид. Вот что: господа, прошу вас, выйдите все на минутку, оставьте нас вдвоем с Владимиром Робертовичем.

Шервинский. Лена, я не хочу.

Мышлаевский. Постой, постой, все уладится. Соблюдай спокойствие. Ты слушайся ее. Нам выкатываться, Леночка?

Елена. Да.

Мышлаевский. Я знаю, ты умница. В случае чего кликни меня. Персонально. Ну что ж, господа, покурим, пойдем к Лариону.

Шервинский. Я тебя прошу...

Мышлаевский. Я за все отвечаю. Прошу, господа.

Шервинский. Постой!

Мышлаевский. Я тебя прошу.

Все уходят, и дверь закрывается.

Тальберг. Что все это значит, прошу объяснить. Что за шутки! Где Алексей?

Елена. Алексея убили.

Тальберг. Не может быть... Когда?

Елена. Два месяца тому назад, через два дня после вашего отъезда.

Тальберг. Ах, боже мой, конечно, ужасно. Но ведь я же предупреждал, ты помнишь?

Елена. А Николка калека.

Тальберг. Но согласись, ведь это никак не причина для этой глупой демонстрации. Я же не виноват во всем этом.

Елена. Скажите, как же вы вернулись? Ведь сегодня большевики будут... сейчас...

Тальберг. Я прекрасно в курсе дела. Гетманщина оказалась глупой опереткой. Немцы нас обманули. Но в Берлине мне удалось получить командировку к генералу Краснову на Дон. Киев надо бросить совсем. Я за тобой.

Елена. Я, видите ли, с вами развожусь и выхожу замуж за Шервинского.

Тальберг. Очень хорошо! Ага! Очень хорошо, очень хорошо! Воспользоваться моим отсутствием для устройства пошлого романа. Ты...

Елена. Виктор!

Мышлаевский. Лена, ты меня уполномочиваешь объясниться?

Елена. Да!

Мышлаевский. Понял.

Пауза. Елена уходит. Ухватив Тальберга за глотку, вынимает револьвер.

Вон!

Тальберг набрасывает на плечи пальто, берет чемодан и уходит.

Мышлаевский. Лена! Персонально!

Елена. Ну?!

Мышлаевский. Уехал, развод дает. Очень мило поговорили.

Елена. Спасибо, Виктор! *(Убегает.)*

Мышлаевский. Рад стараться. Ларион!

Лариосик. Уже уехал?

Мышлаевский. Уехал!

Лариосик. Ты гений, Витенька.

Мышлаевский. Я гений — Игорь Северянин. Туши свет, зажигай елку.

Лариосик поворачивает штепсель, и елка вспыхивает электрическими лампочками. Входят Шервинский, Студзинский и Елена.

Студзинский. Очень красиво! И как стало сразу уютно!

Мышлаевский. Ларионова работа. Браво, браво! Ну-ка, Ларион, сыграй нам марш.

Лариосик выбегает и начинает на рояле бравурный марш. Николка выходит, ложится на диван.

Ну вот, все в полном порядке. Давайте же поздравим вас начисто. Ларион, довольно.

Лариосик входит с гитарой, передает ее Николке.

Поздравляю тебя, Лена ясная, раз и навсегда. Забудь обо всем, и вообще — ваше здоровье. *(Пьет.)*

Николка трогает струны гитары.

Лариосик. Огни... огни...

Николка *(напевает тихо)*. Скажи мне, кудесник, любимец богов...

Мышлаевский, Ларион. Скажи нам речь. Ты мастер.

Лариосик. Я, господа, право, не умею. И, кроме того, я очень застенчив.

Мышлаевский. Ларион говорит речь.

Лариосик. Что ж, если обществу угодно,— я скажу. Только прошу извинить: ведь я не готовился. Мы встретились в самое трудное и страшное время, и все мы

пережили очень, очень много, и я в том числе. Я ведь тоже перенес жизненную драму. Впрочем, я не то... И мой утлый корабль долго трепало по волнам гражданской войны...

Мышлаевский. Очень хорошо про корабль, очень.

Лариосик. Да, корабль. Пока его не прибило в эту гавань с кремовыми шторами, к людям, которые мне так понравились... Впрочем, и у них я застал драму... Но не будем вспоминать о печалях... Время повернулось, и сгинул Петлюра. Мы живы... да... все снова вместе... И даже больше этого. Елена Васильевна, она тоже много перенесла и заслуживает счастья, потому что она замечательная женщина. И мне хочется сказать ей словами писателя: «Мы отдохнем, мы отдохнем...»

Далекие пушечные удары.

Мышлаевский. Так! Отдохнули!.. Пять... шесть... девять...

Елена. Неужто бой опять?

Шервинский. Нет. Знаете что: это салют.

Мышлаевский. Совершенно верно: шестидюймовая батарея салютует.

Далекая глухая музыка.

...Большевики идут!

Все идут к окну.

Николка. Господа, знаете, сегодняшний вечер — великий пролог к новой исторической пьесе.

Студзинский. Для кого — пролог, а для меня — эпилог.

Занавес

Конец

1926

ЗОЙКИНА КВАРТИРА

Пьеса в трех актах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Зоя Денисовна Пельц, вдова, 35 лет.
Павел Федорович Обольянинов, 35 лет.
Александр Тарасович Аметистов, администратор, 38 лет.
Манюшка, горничная Зои, 22-х лет.
Анисим Зотикович Аллилуя, председатель домкома, 42-х лет
Ган-Дза-Лин, он же Газолин, китаец, 40 лет.
Херувим, китаец, 28 лет.
Алла Вадимовна, 25 лет.
Борис Семенович Гусь-Ремонтный, коммерческий директор треста тугоплавких металлов.
Лизанька, 23-х лет.
Мымра, 35 лет.
Мадам Иванова, 30 лет.
Роббер, член коллегии защитников.
Мертвое тело Ивана Васильевича.
Очень ответственная Агнесса Ферапонтовна.
1-я безответственная дама.
2-я безответственная дама.
3-я безответственная дама.
Закройщица.
Товарищ Пеструхин.
Толстяк.
Ванечка.
Швея.
Голоса.
Фокстротчик.
Поэт.
Курильщик.

Действие происходит в городе Москве в 20-х годах XX-го столетия, 1-й акт в мае, 2-й и 3-й — осенью, причем между 2-м и 3-м актами проходит три дня.

АКТ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Сцена представляет квартиру Зои — передняя, гостиная, спальня. Майский закат пылает в окнах. За окнами двор громадного дома играет как страшная музыкальная табакерка:

Шаляпин поет в граммофоне: «На земле весь род людской...»
Голоса: «Покупаем примуса!»
Шаляпин: «Чтит один кумир священный...»
Голоса: «Точим ножницы, ножи!»
Шаляпин: «В умилении сердечном,
прославляя истукан...»
Голоса: «Паяем самовары!»
«Вечерняя Москва» — газета!»

Трамвай гудит, гудки. Гармоника играет веселую польку.

Зоя *(одевается перед зеркалом громадного шкафа в спальне, напевает польку)*. Есть бумажка, есть бумажка. Я достала. Есть бумажка!

Манюшка. Зоя Денисовна, Аллилуя к нам влез.

Зоя. Гони, гони его, скажи — меня нет дома...

Манюшка. Да он, проклятый...

Зоя. Выставь, выставь. Скажи — ушла, и больше ничего. *(Прячется в зеркальный шкаф.)*

Аллилуя. Зоя Денисовна, вы дома?

Манюшка. Да нету ее, я ж вам говорю, нету. И что это вы, товарищ Аллилуя, прямо в спальню к даме! Я ж вам говорю — нету.

Аллилуя. При советской власти спален не полагается. Может, и тебе еще отдельную спальню отвести? Когда она придет?

Манюшка. Скудова ж я знаю? Она мне не докладается.

Аллилуя. Небось к своему хахалю побежала.

Манюшка. Какие вы невоспитанные, товарищ Аллилуя. Про кого это вы такие слова говорите?

Аллилуя. Ты, Марья, дурака не валяй. Ваши дела нам очень хорошо известны. В домкоме все как на ладони. Домком око недреманное. Поняла? Мы одним

глазом спим, а другим видим. На то и поставлены. Стало быть, ты одна дома?

Манюшка. Шли бы вы отсюда, Анисим Зотикович, а то неприлично. Хозяйки нету, а вы в спальню заползли.

Аллилуя. Ах ты! Ты кому же это говоришь, сообрази. Ты видишь, я с портфелем? Значит, [лицо] должностное, неприкосновенное. Я всюду могу проникнуть. Ах ты! *(Обнимает Манюшку.)*

Манюшка. Я вашей супруге как скажу, она вам все должностное лицо издерет.

Аллилуя. Да постой ты, юла!

Зоя *(в шкафу)*. Аллилуя, вы свинья.

Манюшка. Ах! *(Убежала.)*

Зоя *(выходя из шкафа)*. Хорош, хорош председатель домкома. Очень хорош!

Аллилуя. Я думал, что вас в сам деле нету. Чего ж она врет? И какая вы, Зоя Денисовна, хитрая. На все у вас прием...

Зоя. Да разве с вами можно без приема, вы же человека без приема слопаете и не поморщитесь. Неделикатный вы фрукт, Аллилуйчик. Гадости, во-первых, говорите. Что это значит «хахаль»? Это вы про Павла Федоровича?

Аллилуя. Я человек простой, в университете не был...

Зоя. Жаль. Во-вторых, я не одета, а вы в спальне торчите. И в-третьих, меня дома нет.

Аллилуя. Так вы ж дома.

Зоя. Нет меня.

Аллилуя. Дома ж вы.

Зоя. Нет меня.

Аллилуя. Довольно-таки странно...

Зоя. Ну, говорите коротко — зачем я вам понадобилась.

Аллилуя. Насчет кубатуры я пришел.

Зоя. Манюшкиной кубатуры?

Аллилуя. Ги... ги... уж вы скажете. Язык у вас... уж... и язык...

Зоя. Манюшкиной кубатуры?

Аллилуя. Само собой. Вы одна, а комнат шесть.

Зоя. Как это одна? А Манюшка?

Аллилуя. Манюшка — прислуга. Она при кухне шестнадцать аршин имеет.

Зоя. Манюшка! Манюшка! Манюшка!

Манюшка *(появляясь)*. Что, Зоя Денисовна?

Зоя. Ты кто?

Манюшка. Ваша племянница, Зоя Денисовна.

Аллилуя. Племянница. Ги... ги... Это замечательно. Ты же самовары ставишь.

Зоя. Глупо, Аллилуя. Разве есть декрет, что племянницам запрещается самовары ставить?

Аллилуя. Ты где спишь?

Манюшка. В гостиной.

Аллилуя. Врешь!

Манюшка. Ей-богу!

Аллилуя. Отвечай, как на анкете, быстро, не думай. *(Скороговоркой.)* Жалования сколько получаешь?

Манюшка *(скороговоркой)*. Ни копеечки не получаю.

Аллилуя. Как же ты Зою Денисовну называешь?

Манюшка. Ма тант[1].

Аллилуя. Ах, дрянь девка! Вот дрянь!

Манюшка. Мне можно идти, Зоя Денисовна?

Зоя. Иди, Манюшечка, ставь самовары, никто тебе запретить не может.

Манюшка хихикнула и упорхнула.

Аллилуя. Так, Зоя Денисовна, нельзя. Я вас по дружбе предупреждаю, а вы мне вола вертите. Манюшка — племянница! Что вы, смеетесь? Такая же она вам племянница, как я вам тетя.

Зоя. Аллилуя, вы грубиян.

Аллилуя. Первая комната тоже пустует.

Зоя. Простите, он в командировке.

Аллилуя. Да что вы мне рассказываете, Зоя Денисовна! Его в Москве вовсе нету. Скажем объективно: подбросил вам бумажку из Фарфортреста и смылся на весь год. Мифическая личность. А мне из-за вас общее собрание сегодня такую овацию сделало, что я еле ноги унес. Бабы врут — ты, говорят, Пельц укрываешь. Ты, говорят, наверное, с нее взятку взял. А я — не забудьте — кандидат.

Зоя. Чего ж хочет ваша шайка?

Аллилуя. Это вы про кого так?

Зоя. А вот про общее ваше про собрание.

Аллилуя. Ну, знаете, Зоя Денисовна, за такие слова и пострадать можно. Будь другой кто на моем месте...

---

[1] Ma tante.— Тетя *(фр.)*.

Зоя. Вот в том-то и дело, что вы на своем месте, а не другой.

Аллилуя. Постановили вас уплотнить. А половина орет, чтобы и вовсе вас выселить.

Зоя. Выселить? *(Показывает шиш.)*

Аллилуя. Это как же понимать?

Зоя. Это как шиш понимайте.

Аллилуя. Ну, Зоя Денисовна! Я вижу — вы добром разговаривать не желаете. Только на шишах далеко не уедете. Вот чтоб мне сдохнуть, ежели я вам завтра рабочего не вселю! Посмотрим, как вы ему шиши будете крутить. Прощенья просим. *(Пошел.)*

Зоя. Аллилуя, Аллилуйчик! Дайте справочку: почему это у вас в доме жилищного рабочего товарищества Борис Семенович Гусь-Ремонтный один занял в бельэтаже семь комнат?

Аллилуя. Извиняюсь, Гусь квартиру по контракту взял. Заплатил восемьсот червей въездных, и дело законное. Он нам весь дом отапливает.

Зоя. Простите за нескромный вопрос: а вам лично он сколько дал, чтобы квартиру у Фирсова перебить?

Аллилуя. Вы, Зоя Денисовна, полегче, я лицо ответственное: ничего он мне не давал.

Зоя. У вас во внутреннем кармане жилетки червонцы лежат серии Бэ-Эм, номера от 425900 до 425949 включительно. Выпуска 1922 года.

Аллилуя расстегнулся, достал деньги, побледнел.

Алле-гоп! Домком — око. Недреманное. Домком — око, а над домкомом еще око.

Аллилуя. Вы, Зоя Денисовна, с нечистой силой знаетесь, я уж давно заметил. Вы социально опасный элемент!

Зоя. Я социально опасный тому, кто мне социально опасный, а с хорошими людьми я безопасный.

Аллилуя. Я к вам по-добрососедски пришел, как говорится, а вы мне сюрпризы строите.

Зоя. А! Ну, это другое дело. Прошу садиться.

Аллилуя *(расстроен)*. Мерси.

Зоя. Итак: Манюшку и Мифическую личность нужно отстоять.

Аллилуя. Верьте моей совести, Зоя Денисовна, Манюшку невозможно. Весь дом знает, что прислуга, и,

стало быть, ее загонят в комнату при кухне. А Мифическую личность можно: у его документ.

Зоя. Ну, ладно. Верю. На одного человека самоуплотняюсь.

Аллилуя. А на остальные-то комнаты как же? Ведь сегодня срок истекает.

Зоя. На остальные комнаты мы, прелесть моя, мы вот что сделаем. *(Достает бумагу.)* Нате.

Аллилуя *(читает)*. «...Сим разрешается гражданке Зое Денисовне Пельц открыть показательную пошивочную мастерскую и школу...» Ого-го...

Зоя. И шко-лу.

Аллилуя. Понимаем, не маленькие... *(Читает.)* «...для шитья прозодежды для жен рабочих и служащих... гм... дополнительная площадь... шестнадцать саженей... при Наркомпросе». *(В восхищении.)* Елки-палки! Виноват. Это... это кто же вам достал?

Зоя. Не все ли равно?

Аллилуя. Это вам Гусь выправил документик. Ну, знаете, ежели бы вы не были женщиной, Зоя Денисовна, прямо б сказал, что вы гений.

Зоя. Сами вы гений. Раздели меня за пять лет вчистую, а теперь — гений. Вы помните, как я жила до революции?

Аллилуя. Нам известно ваше положение. Неужто в самом деле ателье откроете?

Зоя. Почему же нет? Вы поглядите, я хожу в штопаных чулках. Я, Зоя Пельц! Да я никогда до этой вашей власти не только не носила штопаного, я два раза не надела одну и ту же пару.

Аллилуя. Нога у вас какая...

Зоя. Туда же! Нога! Ну вот что, уважаемый товарищ, копию с этой штуки вашим бандитам, и кончено. Меня нет. Умерла Пельц. Больше с Пельц разговоров нету.

Аллилуя. Да, с такой бумажкой что же. Теперь это проще ситуация. У меня как с души скатилось.

Зоя. С души как бремя скатится, сомненье далеко, и верится, и плачется... Кстати, дали мне у Мюра сегодня пятичервонную бумажку, а она фальшивая. Такие подлецы! Посмотрите, пожалуйста. Ведь вы спец по червонцам...

Аллилуя. Ах, язык. Ну уж и язык у вас. *(Смотрит бумажку на свет.)* Хорошая бумажка.

Зоя. А я вам говорю — фальшивая.

Аллилуя. Хорошая бумажка.

Зоя. Фальшивая! Фальшивая! Не спорьте с дамой, возьмите эту гадость и выбросьте.

Аллилуя. Ладно, выбросим. *(Бросает бумажку в свой портфель.)* А может, и Манюшку удастся отстоять...

Зоя. Вот это так. Молодец, Аллилуя. В награду можете поцеловать меня в штопаное место. *(Показывает ногу.)* Закройте глаза и вообразите, что это Манюшкина нога.

Аллилуя. Эх, Зоя Денисовна, эх... какая вы!

Зоя. Что?

Аллилуя. Обаятельная...

Зоя. Ну, будет. К стороне. Дорогой мой, до свиданья. До свиданья. Мне нужно одеваться. Марш. Марш.

Рояль где-то отдаленно и бравурно играет Вторую рапсодию Листа.

Аллилуя. До свиданья. Только уж вы сегодня решите, кем самоуплотнитесь, я зайду попозже. *(Идет к двери.)*

Зоя. Ладно.

Рояль внезапно обрывает бравурное место, начинает романс Рахманинова. Нежный голос поет:

«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной...»

Аллилуя *(остановился у двери, говорит глухо)*. Что ж это? Выходит, что Гусь номера червонцев записывает?

Зоя. А вы думали как?

Аллилуя. Ну, народ пошел! Вот народ! *(Уходит.)*

Обольянинов *(стремительно входит, вид его ужасен)*. Зойка! Можно?

Зоя. Павлик! Павлик! Можно, ну конечно, можно! *(В отчаянии.)* Что, Павлик, опять?

Обольянинов. Зоя, Зоя, Зойка! *(Заламывает руки.)*

Зоя. Ложитесь, ложитесь, Павлик. Я вам сейчас валерианки дам. Может быть, вина?

Обольянинов. К черту вино и валерианку! Разве [мне поможет валерианка?]

Голос поет: «...Напоминают мне они другую жизнь и берег дальний...»

Зоя *(печально)*. Чем же мне вам помочь? Боже мой!

Обольянинов. Убейте меня!

Зоя. Нет, я не в силах видеть, как вы мучаетесь! Бороться не можете, Павлик? В аптеку! Рецепт есть?

Обольянинов. Нет, нет. Этот бездельник врач

уехал на дачу. На дачу! Люди погибают, а он по дачам разъезжает. К китайцу! Я больше не могу. К китайцу!

Зоя. К китайцу. Да... да... Манюшка, Манюшка!

Манюшка появилась.

Зоя. Павел Федорович нездоров. Беги сейчас же к Газолину. Я напишу записку... Возьми раствор. Поняла?

Манюшка. Поняла, Зоя Денисовна...

Обольянинов. Нет, Зоя Денисовна! Пусть он сам сюда придет и при мне разведет. Он мошенник. Вообще в Москве нет ни одного порядочного человека. Все жулики. Никому нельзя верить. И голос этот льется, как горячее масло за шею... Напоминают мне они... другую жизнь и берег дальний...

Зоя *(отдает Манюшке записку)*. Сейчас же привези. На извозчике поезжай.

Манюшка. А как его дома нету?

Обольянинов. Как нет? Как нет? Должен быть! Должен! Должен!

Зоя. Где хочешь достань! Узнай, где он. Беги. Лети.

Манюшка. Хорошо. *(Убегает.)*

Зоя. Павлик, родненький, потерпите, потерпите. Сейчас она его привезет.

Голос упорно поет: «...напоминают мне они...»

Обольянинов. Напоминают... мне они... другую жизнь. У вас в доме проклятый двор. Как они шумят. Боже! И закат на вашей Садовой гнусен. Голый закат. Закройте, закройте сию минуту шторы!

Зоя. Да, да. *(Закрывает шторы.)*

Наступает тьма.

[КАРТИНА ВТОРАЯ]

...Появляется мерзкая комната, освещенная керосиновой лампочкой. Белье на веревках. Вывеска: «Вхот в санхайскую працесную». Ган-Дза-Лин (Газолин) над горящей спиртовкой. Перед ним Херувим. Ссорятся.

Газолин. Ты зулик китайский. Бандит! Цесуцю украл, кокаин украл. Где пропадаль? А? Как верить, кто? А?

Херувим. Мал-мала малци! Сама бандити есть. Московски басак.

Газолин. Уходи сицас, уходи с працесной. Ты вор. Сухарски вор.

Херувим. Сто? Гониси бетни китайси? Сто? Мене украли сесуцю на Светном, кокаин отбил бандит, цуть мал-мала меня убиваль. Смотли. *(Показывает шрам на руке.)* Я тебе работал, а тепель гониси! Кусать сто бетни китаси будет Москве? Палахой товалис! Убить тебе надо.

Газолин. Замалси. Ты если убивать будешь, комунистай полиций кантрами тебе мал-мала будет делать.

Херувим. Сто, гониси, помосники гониси? Я тебе на волотах повесусь!

Газолин. Ти красть-воровать будесь?

Херувим. Ниэт, ниэт...

Газолин. Кази... «и-богу».

Херувим. И-богу.

Газолин. Кази «и-богу» ессё.

Херувим. И-богу, богу... госсподи.

Газолин. Надевай халат, будись работать.

Херувим. Голодни, не ел селый день. Дай хлепса.

Газолин. Бери хлепца, на пецки.

Стук.

Кто? Кто?

Манюшка *(за дверью)*. Открывай, Газолин, свои.

Газолин. А, Мануска! *(Впускает Манюшку.)*

Манюшка. Чего ж ты закрываешься? Хороша прачешная. Не достучишься к вам.

Газолин. А, Манусэнька, драсти, драсти.

Манюшка. Ах, какой хорошенький. На херувима похож. Это кто ж такой?

Газолин. Помосиники мой.

Манюшка. Помошник. Ишь ты! На, Газолин, тебе записку. Давай скорей лекарство.

Газолин. Сто? Навелно, Обольян больной?

Манюшка. У, не дай бог! Руки лежит кусает.

Газолин. Пяти рубли стоит. Давай денг.

Манюшка. Нет, они велели, чтоб ты сам пришел и при них распустил, а то говорят, что ты у себя жидко делаешь.

Газолин. Моя не мозит сицас сама итти.

Манюшка. Нет, уж ты, пожалуйста, пойди. Мне без тебя не велено приходить.

Херувим. Сто? Молфий?

Газолин *(по-китайски)*. Ва ля ва ля.

Херувим *(по-китайски)*. У ля у ля... Ля да но, ля да но.

Газолин. Мануска. Она пойдет, сделает сто надо.

Манюшка. А она умеет?

Газолин. Умеит, не бойси. Ты, Манусенька, отвернись мало-мало.

Манюшка. Что ты все прячешься, Газолин? Знаю я все твои дела.

Газолин *(поворачивает Манюшку).* Так, Мануска. *(Херувиму.)* Калаули двери. *(Уходит и возвращается с коробочкой и склянкой.)* Ва ля ва ля...

Херувим. Сто ты уцись мене? Идем, деуска.

Газолин *(Манюшке).* А сто деньги не даесь?

Манюшка. Не бойся, там заплатят.

Газолин *(Херувиму).* Пяти рубли пириноси. Ну, Мануска, до свидани. А когда за меня замузь пойдесь?

Манюшка. Ишь! Разве я тебе обещала?

Газолин. А, Мануска! А кто говориль?

Херувим. Хороси деуска, Мануска.

Газолин. Ты малаци. Иди, иди. Ты пиралицно види, веди. Ты, Мануска, его смотли. Белье возьми.

Херувим. Сто муциси бетни китайси? *(Берет фальшивый узел с бельем.)*

Манюшка. Что ты его бранишь? Он тихий, как херувимчик.

Газолин. Он, Хелувимцик,— бандит.

Манюшка. Прощай, Газолин.

Газолин. До свидани, Мануска. Пириходи скорее... я тебе угоссю.

Манюшка. Ручку поцелуй даме, а в губы не лезь. *(Уходит с Херувимом.)*

Газолин. Хоросая деуска Мануска... *(Напевает китайскую песню.)* Вкусная деуска Мануска... *(Угасает.)*

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

...Вспыхивает спиртовка в квартире Зои. Херувим с полотенцем и подносом.

Зоя. Минутку терпения, Павлик. Сейчас. *(Делает укол в руку Обольянинову.)*

Пауза.

Обольянинов. Вот. *(Оживает.)* Вот. *(Ожил.)* Вот. Напоминают мне они... иную жизнь и берег дальний...

Зачем же, Зойка, скрыли закат? Я так и не повидал его. Откройте шторы, откройте.

З о я. Да, да... *(Открывает шторы.)*

В окне густой майский вечер. Окна зажигаются одно за другим. Очень отдаленно музыка в «Аквариуме».

О б о л ь я н и н о в. Как хорошо, гляньте... У вас очень интересный двор... И берег дальний... Какой дивный голос пел это...

З о я. Хорошо сделан раствор?

О б о л ь я н и н о в. Изумительно. *(Херувиму.)* Ты честный китаец. Сколько тебе следует?

Х е р у в и м. Семи рубли.

З о я. Прошлый раз у вас же покупали грамм — четыре рубля стоил, а сегодня уже семь. Разбойники.

О б о л ь я н и н о в. Пусть, Зоя, пусть. Он достойный китаец. Он постарался.

З о я. Павлик, я заплачу, погодите.

О б о л ь я н и н о в. Нет, нет, нет. С какой стати...

З о я. Ведь у вас, кажется, нет больше.

О б о л ь я н и н о в. Нет... у меня есть еще... В этом... как его... в пиджаке, дома...

З о я *(Херувиму).* На.

О б о л ь я н и н о в. Вот тебе еще рубль на чай.

З о я. Да не нужно, Павлик, он и так содрал сколько мог.

Х е р у в и м. Сапасиби.

О б о л ь я н и н о в. Черт возьми! Обратите внимание, как он улыбается. Совершенный херувим. Ты прямо талантливый китаец.

Х е р у в и м. Таланти мал-мала... *(Интимно Обольянинову.)* Хоцесь, я тебе казды день пириносить буду? Ты Ган-Дза-Лини не говоли... Все имеим... Молфий, спирт... Хоцись, красиви рисовать буду? *(Открывает грудь, показывает татуировку — драконы и змеи. Становится странен и страшен.)*

О б о л ь я н и н о в. Поразительно. Зойка, посмотрите.

З о я. Какой ужас! Ты сам это делал?

Х е р у в и м. Сам. Санхаи делал.

О б о л ь я н и н о в. Слушай, мой херувим: ты можешь к нам приходить каждый день? Я нездоров, мне нужно лечиться морфием... Ты будешь приготовлять раствор... Идет?

Х е р у в и м. Идет. Бетни китайси любит холосий кварлтир.

Зоя. Вы смотрите, Павлик, осторожнее. Может быть, это какой-нибудь бродяга.

Обольянинов. Что вы — нет. У него на лице написано, что он добродетельный человек из Китая. Ты не партийный, послушай, китаец?

Херувим. Мы белье стилаем.

Зоя. Белье стираешь? Приходи через час, я с тобой условлюсь. Будешь гладить для мастерской.

Херувим. Ладано.

Обольянинов. Знаете что, Зоя, ведь у вас есть мои костюмы. Я хочу ему брюки подарить.

Зоя. Ну что за фантазии, Павлик. Хорош он будет и так.

Обольянинов. Ну, хорошо. Я в другой раз тебе подарю. Приходи же вечером. Желаю тебе всего хорошего. Ты свободен, китаец.

Херувим. Холоси кварлтир.

Зоя. Манюшка! Проводи китайца.

Манюшка *(в передней)*. Ну, что? Сделал?

Херувим. Сиделал. До савидани, Мануска. Я через час приходить буду. Я, Мануска, каздый день пириходи. Я Обольяну на слузбу поступил.

Манюшка. На службу? На какую службу?

Херувим. Ликалство. Мал-мала пириносить буду. Мене Обольян шибко шанго бируки дарить будет.

Манюшка. Ишь ловкач.

Херувим. Ти мене поцелуй, Мануска.

Манюшка. Обойдется. Пожалте.

Херувим. Я когда богатый буду, ты меня целовать будись. Мене Обольян бируки даст, я карасиви буду. *(Выходит.)*

Манюшка. До чего ты оригинальный. *(Уходит к себе.)*

Обольянинов *(в гостиной)*. Напоминают мне они...

Зоя. Павлик, а Павлик. Я достала бумагу. *(Пауза.)* Граф, следует даме что-нибудь ответить, не мне вас этому учить.

Обольянинов. Напоминают... Простите, ради бога, я замечтался. Так вы говорите — граф. Ах, Зоя, пожалуйста, не называйте меня графом с сегодняшнего дня.

Зоя. Почему именно с сегодняшнего?

Обольянинов. Сегодня ко мне в комнату является какой-то длинный бездельник в высоких сапогах, с сильным запахом спирта, и говорит: «Вы бывший граф»... Я говорю — простите... Что это значит — «бывший граф»?

Куда я делся, интересно знать? Вот же я стою перед вами.

Зоя. Чем же это кончилось?

Обольянинов. Он, вообразите, мне ответил: «Вас нужно поместить в музей революции». И при этом еще бросил окурок на ковер.

Зоя. Ну, дальше?

Обольянинов. А дальше я еду к вам в трамвае мимо Зоологического сада и вижу надпись: «Сегодня демонстрируется бывшая курица». Меня настолько это заинтересовало, что я вышел из трамвая и спрашиваю у сторожа: «Скажите, пожалуйста, а кто она теперь, при советской власти?» Он спрашивает: «Кто?» Я говорю: «Курица». Он отвечает: «Она таперича пятух». Оказывается, какой-то из этих бандитов, коммунистический профессор, сделал какую-то мерзость с несчастной курицей, вследствие чего она превратилась в петуха. У меня все перевернулось в голове, клянусь вам. Еду дальше, и мне начинает мерещиться: бывший тигр, он теперь, вероятно, слон. Кошмар!

Зоя. Ах, Павлик, вы неподражаемый человек!

Обольянинов. Бывший Павлик.

Зоя. Ну, бывший, дорогой мой, нежный Павлик, слушайте, переезжайте ко мне.

Обольянинов. Нет, милая Зойка, благодарю. Я могу жить только на Остоженке, моя семья живет там с 1625 года... триста лет.

Зоя. Придется, видно, Лизаньку или Мымру прописать, ах, как бы мне этого не хотелось! Ну, ладно. Ответьте, Павлик, на предприятие вы согласны? Имейте в виду, мы разорены.

Обольянинов. Согласен. Напоминают мне они...

Зоя. Сегодня дала взятку Аллилуе, и у меня осталось только триста рублей. На них мы откроем дело. Квартира—это все, что есть у нас, и я выжму из нее все. К Рождеству мы будем в Париже.

Обольянинов. А если вас накроет эта... как ее...

Зоя. Умно буду действовать—не накроет.

Обольянинов. Хорошо, я не могу больше видеть бывших кур. Вон отсюда, какою угодно ценой.

Зоя. О, я знаю, вы таете здесь как свеча. Я вас увезу в Ниццу и спасу.

Обольянинов. Нет, Зоя, на ваш счет я ехать не хочу, а чем я могу быть полезен в этом деле, я не представляю.

Зоя. Вы будете играть на рояле.

Обольянинов. Помилуйте, мне станут давать на чай. А не могу же я драться на дуэли с каждым, кто предложит мне двугривенный.

Зоя. Ах, Павлик, вас действительно нужно поместить в музей. А вы берите, берите. Пусть дают. Каждая копейка дорога.

Голос глухо и нежно где-то поет под рояль: «Покинем, покинем край, где мы так страдали...» Потом обрывается.

Зоя. В Париж! К Рождеству мы будем иметь миллион франков, я вам ручаюсь.

Обольянинов. Как же вы переведете деньги?

Зоя. Гусь!

Обольянинов. Ну, а визы? Ведь мне же откажут.

Зоя. Гусь!

Обольянинов. По-видимому, он всемогущий, этот бывший Гусь. Теперь он, вероятно, орел.

Зоя. Ах, Павлик... *(Смеется.)*

Обольянинов. У меня жажда. Нет ли у вас пива, Зоя?

Зоя. Сейчас. Манюшка! Манюшка...

Манюшка. Что, Зоя Денисовна?

Зоя. Принеси, детка, пива побыстрей...

Манюшка. Я в Мисильпроме возьму. Сколько?

Зоя. Бутылки четыре.

Манюшка. Счас. *(Упорхнула и забыла закрыть дверь в передней.)*

Обольянинов *(таинственно)*. Манюшка посвящена?

Зоя. Конечно. Манюшка мой преданный друг. За меня она в огонь и воду... Молодец девчонка!

Обольянинов. Кто же еще будет?

Зоя *(таинственно)*. Лизанька, Мымра, мадам Иванова... Пойдемте ко мне, Павлик.

Уходят. Зоя опускает портьеру, глухо слышны их голоса. Голос тонкий и глупый поет под аккомпанемент разбитого фортепиано:

«Вечер был, сверкали звезды,
На дворе мороз трещал...
Шел по улице...»

Аметистов *(появился в передней)*. Малютка.

Голос: «Боже, говорил малютка,
Я озяб и есть хочу.
Кто накормит, кто согреет,
Боже добрый...»

Сироту. *(Ставит замызганный чемодан на пол и садится на него.)*

Аметистов в кепке, рваных штанах и френче с медальоном на груди.

Фу, черт тебя возьми! Отхлопать с Курского вокзала четыре версты с чемоданом — это тоже номер, я вам доложу. Сейчас пива следовало бы выпить. Эх, судьба ты моя загадочная, затащила ты меня вновь в пятый этаж, что-то ты мне тут дашь? Москва-матушка. Пять лет я тебя не видал. *(Заглядывает в кухню.)* Эй, товарищ! Кто тут есть? Зоя Денисовна дома?

Пауза. Глухо слышны голоса Обольянинова и Зои. Аметистов подслушивает.

Ого-го...

Обольянинов *(за сценой, глухо)*. Для этого я совершенно не гожусь. На такую должность нужен опытный прохвост.

Аметистов. Вовремя попал!

Манюшка *(с бутылками)*. Батюшки! Двери-то я не заперла! Кто это? Вам что?

Аметистов. Пардон-пардон. Не волнуйтесь, товарищ. Пиво? Чрезвычайно вовремя! С Курского вокзала мечтаю о пиве!

Манюшка. Да кого вам?

Аметистов. Мне Зою Денисовну. С кем имею удовольствие разговаривать?

Манюшка. Я племянница Зои Денисовны.

Аметистов. Очень приятно. Очень. Я и не знал, что у Зойки такая хорошенькая племянница. Позвольте представиться: кузен Зои Денисовны. *(Целует Манюшке руку.)*

Манюшка. Что вы. Что вы. Зоя Денисовна!

Входит в гостиную, Аметистов за нею с чемоданом. Выходят Зоя и Обольянинов.

Аметистов. Пардон-пардон! Лучшего администратора на эту должность вам не найти. Вам просто свезло, господа. Дорогая кузиночка, же ву салю[1]! Прошу извинения, что перебил столь приятную беседу.

Зоя *(окаменев)*.

Аметистов. Познакомьте же меня, кузиночка, с гражданином.

---

[1] je vous salue! — я вас приветствую! *(фр.)*

З о я. Ты... вы... Павел Федорович, позвольте вас познакомить. Мой кузен Аметист...

А м е т и с т о в. Пардон-пардон. *(Обольянинову.)* Путинковский, беспартийный, бывший дворянин.

О б о л ь я н и н о в *(поражен)*. Очень рад...

А м е т и с т о в. Кузиночка, позвольте мне попросить вас на два слова а парт[1], как говорится.

З о я. Павлик... извините, пожалуйста. Мне нужно перемолвиться двумя словами с Александром Тарасовичем...

А м е т и с т о в. Пардон! Василием Ивановичем. Прошел ничтожный срок, и вы забыли даже мое имя! Мне это горько. Ай-яй-яй.

З о я. Павлик...

О б о л ь я н и н о в *(поражен)*. Пожалуйста, пожалуйста... *(Уходит.)*

З о я. Манюшка, налей Павлу Федоровичу пива.

Манюшка уходит.

Тебя же расстреляли в Баку, я читала!

А м е т и с т о в. Пардон-пардон. Так что из этого? Если меня расстреляли в Баку, я, значит, уж и в Москву не могу приехать? Хорошенькое дело. Меня по ошибке расстреляли, совершенно невинно.

З о я. У меня даже голова закружилась.

А м е т и с т о в. От радости.

З о я. Нет, ты скажи... ничего не понимаю.

А м е т и с т о в. Ну, натурально, под амнистию подлетел. Кстати об амнистии, что это у тебя за племянница?

З о я. Ах, какая там племянница. Это моя горничная Манюшка.

А м е т и с т о в. Так-с. Понимаем. В целях сохранения жилплощади. *(Зычно.)* Манюшка!

Манюшка появилась.

А м е т и с т о в. Милая, приволоки-ка мне пивца. Умираю от жажды. Какая же ты племянница, шут тебя возьми!

М а н ю ш к а *(расстроенно)*. Я... сейчас... *(Уходит.)*

А м е т и с т о в. А я ей руку поцеловал. Позор-позор!

---

[1] à parte — в сторону *(фр.)*.

Зоя. Ты где же собираешься остановиться? Имей в виду, в Москве жилищный кризис.

Аметистов. Я вижу. Натурально, у тебя.

Зоя. А если я тебе скажу, что я не могу тебя принять?

Аметистов. Ах, вот как! Хамишь, Зойка. Ну что ж, хами... хами... Гонишь двоюродного брата, пешком першего с Курского вокзала? Сироту? Гони, гони... Что ж, я человек маленький. Я уйду. И даже пива пить не стану. Только вы пожалеете об этом, дорогая кузиночка.

Зоя. Ах, ты хочешь испугать. Не беспокойся, я не из пугливых.

Аметистов. Зачем пугать? Я, Зоя Денисовна, человек порядочный. Джентльмен, как говорится. И будь я не я, если я не пойду и не донесу в Гепеу о том, что ты организуешь в своей уютной квартирке. Я, дорогая Зоя Денисовна, все слышал!

Зоя *(стала бледна, глухо)*. Как ты вошел без звонка?

Аметистов. Дверь была открыта.

Зоя. Судьба — это ты!

Манюшка входит с пивом.

Ах, Манюшка, Манюшка! Ты дверь не закрыла?

Манюшка *(расстроенно)*. Извините, Зоя Денисовна, забыла.

Зоя. Ах, Манюшка, ах. Ну, ничего, ничего. Иди. Извинись перед Павлом Федоровичем...

Манюшка ушла.

Аметистов *(пьет пиво)*. Фу, хорошо! Прекрасное пиво в Москве! В провинции такая кислятина, в рот взять нельзя. Квартиру-то ты сохранила, я вижу. Молодец, Зойка.

Зоя. Судьба. Видно, придется мне еще нести мой крест.

Аметистов. Ты что ж, хочешь, чтобы я обиделся и ушел?

Зоя. Нет, постой. Что ты хочешь прежде всего?

Аметистов. Прежде всего — брюки.

Зоя. Неужели у тебя брюк нет? А чемодан?

Аметистов. В чемодане шесть колод карт и портреты вождей. Спасибо дорогим вождям, ежели бы не они, я бы прямо с голоду издох. Шутка сказать, в почтовом поезде от Баку до Москвы. Понимаешь, захватил в культотделе в Баку на память пятьдесят экземпляров вождей. Продавал их по двугривенному.

Зоя. Ну, ты и тип!

Аметистов. Чудное пиво. Товарищ, купите вождя! Один буржуй пять штук купил. Я, говорит, их родным раздарю. Они любят вождей.

Зоя. Карты крапленые?

Аметистов. За кого вы меня принимаете, мадам?

Зоя. Брось, Аметистов. Где ты шатался пять лет?

Аметистов. Эх, кузина!.. Эх... В Чернигове я подотделом искусств заведовал.

Зоя. Воображаю.

Аметистов. Белые пришли. Мне, значит, красные дали денег на эвакуацию в Москву, а я, стало быть, эвакуировался к белым в Ростов. Ну, поступил к ним на службу. Красные немного погодя. Я, значит, у белых получил на эвакуацию и к красным. Поступил заведующим агитационной группой. Белые, мне красные на эвакуацию, я к белым в Крым. Там я просто администратором служил в одном ресторанчике в Севастополе. Ну, и напоролся на одну компанию, взяли у меня пятьдесят тысяч в один вечер в железку.

Зоя. У тебя? Ну, уж это, значит, специалисты были.

Аметистов. Темные арапы, говорю тебе, темные! Нуте-с, и пошел я нырять при советском строе. Куда меня только не швыряло, господи! Актером был во Владикавказе. Старшим музыкантом в областной милиции в Новочеркасске. Оттуда я в Воронеж подался, отделом снабжения заведовал. Наконец, убедился за четыре года: нету у меня никакого козырного хода. И решил я тогда по партийной линии двинуться. Чуть не погиб, ей-богу. Дай, думаю, я бюрократизм этот изживу, стажи всякие... И скончался у меня в комнате приятель мой Чемоданов Карл Петрович, светлая личность, партийный.

Зоя. В Воронеже?

Аметистов. Нет, уж это дело в Одессе произошло. Я думаю, какой ущерб для партии? Один умер, а другой на его место становится в ряды. Железная когорта, так сказать. Взял я, стало быть, партбилетик у покойника и в Баку. Думаю, место тихое, нефтяное, шмендефер можно развернуть — небу станет жарко. И, стало быть, открывается дверь, и знакомый Чемоданова — шасть. Дамбле! У него девятка, у меня жир. Я к окнам, а окна во втором этаже.

Зоя. Узнаю коней ретивых...

Аметистов. Ну, не везло, Зоечка, ну что ж ты поделаешь. Возьмешь карту — жир, жир... Да... На суде я заключительное слово подсудимого сказал, веришь ли, не только интеллигентная публика, конвойные несознательные и те рыдали. Ну, отсидел я... Вижу, нечего мне больше делать в провинции. Ну, а когда у человека все потеряно, ему нужно ехать в Москву. Эх, Зойка, очерствела ты в своей квартире, оторвалась от массы.

Зоя. Ну, ладно. Все понятно. Раз уж ты притащился, ничего с тобой не сделаешь. Слушай, я тебя оставлю... Все слышал?

Аметистов. Свезло, Зоечка.

Зоя. Я не только тебя пропишу, но дам место администратора в предприятии...

Аметистов. Зоечка!

Зоя. Но в квартире мне о картах не будет и речи. Понял?

Аметистов. Что она делает, товарищи? Зоя, это не марксистский подход! Ведь у тебя ж карточная квартира. Да дай ты мне сюда спецов штук пять, у них теперь деньги...

Зоя. Карт не будет.

Аметистов. Эх!

Зоя. И работать будешь под строгим контролем. Смотри, Аметистов, ой смотри. Если ты выкинешь какой-нибудь фокус, я, уж так и быть, рискну всем, а посажу тебя. Ты вздумал меня попугать. Не беспокойся, за меня найдется кому заступиться, а ты... ты слишком много о себе рассказал.

Аметистов. Итак, я грустную повесть скитальца доверил змее. Мон дье![1]

Зоя. Молчи, болван. Где колье, которое ты перед самым отъездом в восемнадцатом году взялся продать?

Аметистов. Колье? Постой, постой... Это с бриллиантами?

Зоя. Ах ты, мерзавец, мерзавец!

Аметистов. Спасибо, спасибо. Видали, как Зоечка родственников принимает!

Зоя. Документы-то у тебя есть?

Аметистов. Документов-то полный карман, весь вопрос в том, какой из этих документов, так сказать, свежей. *(Достает бумажки.)* Чемоданов Карл... об этом

---

[1] Mon dieu! — Мой бог! *(фр.)*

речи быть не может. Сигурадзе Антон... Нет, это нехороший документ.

Зоя. Это ужас, ужас, честное слово. Ты же Путинковский!

Аметистов. Нет, Зоечка, я спутал. Путинковский в Москве—это отпадает. Пожалуй, лучше всего моя собственная фамилия. Я думаю, что меня уж забыли за пять лет в Москве. На, прописывай Аметистова. Постой, тут по воинской повинности у меня еще грыжа где-то была...

Зоя достает из шкафа великолепные брюки.

(Надевая штаны.) Бог благословит твое доброе сердечко, сестренка. Отвернись.

Зоя. Очень ты мне нужен. Потрудись штаны вернуть, это Павла Федоровича.

Аметистов. Морганатический супруг?

Зоя. Попрошу держать себя с ним вежливо. Это мой муж.

Аметистов. Фамилия ему как?

Зоя. Обольянинов.

Аметистов. Граф? У-у, это карась. Впрочем, у него уж, наверное, ни черта не осталось. Судя по физиономии, контрреволюционер... *(Выходит из-за ширм, любуется штанами, которые на нем надеты.)* Гуманные штанишки! В таких брюках сразу чувствуешь себя на платформе.

Зоя. Сам выпутывайся с фамилией. В нелепое положение ставишь. Павлик! Голубчик!

Обольянинов входит.

Извините, милый, что бросили вас одного. По делу говорили.

Аметистов. Увлеклись воспоминаниями детства. Ведь мы росли с Зоечкой. Я сейчас прямо рыдал.

Обольянинов *(смотря на брюки)*. Напоминают мне они...

Аметистов. Пардон-пардон. Обокрали в дороге. Свистнули в Ростове второй чемодан. Прямо гротеск! Я думаю, вы не будете в претензии? Между дворянами на это нечего смотреть.

Обольянинов. Пожалуйста, пожалуйста. Я их все равно хотел подарить китайцу...

Зоя. Вот, Павлик, Александр Тарасович будет у нас работать администратором. Вы ничего не имеете против?

Обольянинов. Помилуйте, я буду очень рад. Если вы рекомендуете Василия Ивановича...

Аметистов. Пардон-пардон, Александра Тарасовича. Вы удивлены? Это, видите ли, мое сценическое имя, отчество и фамилия. По сцене — Василий Иванович Путинковский, а в жизни Александр Тарасович Аметистов. Известная фамилия, многие представители расстреляны большевиками. Тут целый роман. Вы прямо будете рыдать, когда я расскажу.

Обольянинов. Очень приятно. Вы откуда изволили приехать?

Аметистов. Откуда я приехал, вы спрашиваете? Из Баку в данный момент. Лечился от ревматизма. Тут целый роман.

Обольянинов. Вы беспартийный, разрешите спросить?

Аметистов. Кель кестьон![1] Что вы!

Обольянинов. А у вас на груди был этот портрет... Впрочем, может быть, мне это показалось.

Аметистов. Это для дороги. Знаете, в поезде очень помогает. Плацкарту вне очереди взять. То, другое.

Манюшка *(появилась)*. Аллилуя пришел.

Зоя. Зови его сюда. *(Аметистову.)* Имей в виду: председатель домкома. Поговори с ним как следует.

Аллилуя. Добрый вечер, Зоя Денисовна. Здравствуйте, гражданин Обольянинов.

Обольянинов. Мое почтение.

Аллилуя. Ну, что? Надумали, Зоя Денисовна?

Зоя. Да, вот, пожалуйста, документы. Пропишите моего родственника Александра Тарасовича Аметистова. Только что приехал. Он будет администратором школы. *(Подает Аллилуе документы.)*

Аллилуя. Очень приятно. Послужить, стало быть, думаете.

Аметистов. Как же, я старый закройщик, товарищ, по специальности. Стаканчик пива, уважаемый товарищ?

Аллилуя. Мерси. Не откажусь. Жарко, знаете, а тут все на ногах да на ногах.

Аметистов. Да, погода, как говорится. Громадный у вас дом, товарищ дорогой. Такой громадный!

Аллилуя. И не говорите. Прямо мученье. Ну что ж, документы в порядке. А по воинской повинности грыжа у вас?

---

[1] Quelle question! — Что за вопрос! *(фр.)*

Аметистов. Точно так. Вот она. *(Подает бумажку.)* Вы партийный, товарищ?

Аллилуя. Сочувствующий я.

Аметистов. А! Очень приятно. *(Надевает медальон.)* Я сам, знаете ли, бывший партийный. *(Тихо, Обольянинову.)* Деван ле жан[1]. Хитрость.

Аллилуя. Отчего же вышли?

Аметистов. Фракционные трения. Не согласен со многим. Я старый массовик со стажем. С прошлого года в партии. И как глянул кругом, вижу — нет, не выходит. Я и говорю Михаил Ивановичу...

Аллилуя. Калинину?

Аметистов. Ему! Прямо в глаза. Я старый боевик, мне нечего терять, кроме цепей. Я одно время на Кавказе громадную роль играл. И говорю, нет, говорю, Михаил Иванович, это не дело. Уклонились мы — раз. Утратили чистоту линии — два. Потеряли заветы... Я, говорит, так, говорит, так я тебя, говорит, в двадцать четыре часа, говорит, поверну лицом к деревне. Горячий старик!

Обольянинов *(дико изумлен)*. Он гениален, клянусь.

Зоя. Ах, мерзавец, ах, мерзавец! *(Вслух.)* Довольно политики. Итак, товарищ Аллилуя, с завтрашнего дня я разворачиваю дело.

Аллилуя. Ну что ж, в добрый час. Таперича я спокоен.

Аметистов. Итак, мы начинаем! За успех показательной школы и за здоровье ее заведующей, товарища Зои Денисовны Пельц. Ура!

Пьют пиво.

А теперь здоровье нашего уважаемого председателя домкома и сочувствующего Анисима Зотиковича... Да... Я говорю, Зотиковича... *(Зое.)* Как бишь его фамилия?

Зоя *(тихо)*. Аллилуя.

Аметистов. Вот я и хотел сказать: Аллилуя, Аллилуя, Ал-ли-луя! И пожелать ему...

Радостные мальчишки во дворе громадного дома запели: «Многая лета. Многая лета».

Вот именно — многая лета! Многая лета!

Манюшка появилась в дверях. За ней Херувим.

Аллилуя. Это что ж за китаец?

Херувим. Я присел договаривать.

---

[1] Devant les gens.— Не при чужих *(фр.)*.

Зоя. Потом. Да это новый работник моей мастерской. *(Аллилуе.)* Будет гладить юбки в мастерской.

Аллилуя. Ага.

Аметистов *(вручает Херувиму стакан пива).* Кричи — многая лета тов. Аллилуя! Манюшка, племянница, что стоишь, как китайская стена? Ура!

Обольянинов *(раздавлен).* Это выдающийся человек.

Зоя. Ах ты, мерзавец. Ах, мерзавец.

Аметистов. Многая лета, многая лета!

Херувим. Миноги и лета.

Занавес

АКТ ВТОРОЙ

[КАРТИНА ПЕРВАЯ]

Гостиная в квартире Зои превращена в мастерскую. На стене портрет Карла Маркса. Манекены, похожие на дам, дамы, похожие на манекенов. Швея трещит на машине. Волны материи. Дело под вечер.

Первая *(примеряет манто).* Фалдит, фалдит, дорогая моя. Уверяю вас, безумно фалдит. И на юбку линия западает.

Закройщица. Да, линия немножечко неправильная. Мы здесь в припосадочку возьмем.

Первая. Ах, нет, миленькая, нужно весь угол вынуть. А то ужасное впечатление, будто у меня не хватает двух ребер. Ради бога, выньте, выньте!

Закройщица. Хорошо. *(Размечает мелом на даме.)*

Вторая. ...И говорит мне: прежде всего, мадам, вам нужно остричься. Я моментально бегу на Арбат к Жану и говорю: стригите меня, стригите. Он остриг меня, я бегу к ней, она надевает на меня спартри, и, вообразите себе, у меня физиономия моментально становится как котел.

Третья. Хи-хи.

Вторая. Ах, миленькая. Вам смешно, а на самом деле это печально. И представьте, какая наглость с ее стороны...

Первая. И, по-моему, у воротника нужно сделать вытачки, чтобы не морщило.

Закройщица. Помилуйте, какие же здесь могут быть вытачки, мадам! Ворот не позволяет.

Первая. А если так?

Вторая. Наглость, наглость, наглость. Это, говорит, оттого, мадам, что у вас широкие скулы. Как вам это нравится? Как по-вашему, у меня широкие скулы?

Третья. Хи. Да! Широкие.

Вторая. Простите, это у вас самой широкие скулы.

Третья. Право, не знаю. Я не имею возможности каждый месяц делать себе новую шляпу, так что не могла проверить.

Вторая. Простите, кто это вам насплетничал, что я каждый месяц делаю новую шляпу?

Третья. Извиняюсь, я сплетен не слушаю. Просто ваш муж служит в тресте, стало быть, получает червонцев семьдесят пять.

Вторая. Простите, муж получает спецставку — сорок червонцев, и больше никаких доходов у него нету.

Аметистов *(пролетая).* Пардон-пардон. Я не смотрю.

Вторая. Мосье Аметистов!

Аметистов. Вотр сервитер[1], мадам?

Вторая. Скажите, пожалуйста, как по-вашему, у меня широкие скулы? Неужели это правда?

Аметистов. У кого? У вас? Ха-ха. Скулы? У вас? Ха-ха. У вас совсем нету скул! Пардон-пардон. Долг службы. *(Улетает.)*

Первая. Кто это такой?

Закройщица. Главный администратор школы.

Первая. Шикарно поставлено дело.

Аметистов *(в передней).* Извините, товарищ, ничего не могу сделать. Апсольман[2]. Ежели бы у вас было удостоверение с биржи труда. Место-то есть...

Голос *(утомлен).* А на бирже говорят, дайте удостоверение с места службы, тогда запишем. А пойдешь наниматься, говорят, дай с биржи. Что ж, удавиться мне прикажете?

Аметистов. Закон-с. А закон для меня свят. Ничего не могу. До свидания. *(Пролетает через сцену.)* Пардон-пардон! Я не смотрю. Манто ваше очаровательно. *(Исчезает.)*

Первая. Какое там очаровательно. *(Смотрится в зеркало.)* Неужели у меня такой зад? Этого не может быть.

Швея *(тихо).* Зад как рояль. Только клавиши приделать, и в концертах можно играть.

---

[1] Votre serviteur.— Ваш слуга *(фр.)*.
[2] Absolument.— Абсолютно *(фр.)*.

Закройщица. Тише, Варвара Никаноровна. *(Первой.)* Я заберу с боков.

Звонок.

Аметистов *(пролетая)*. Пардон-пардон, я не смотрю.

Третья. Какой бойкий!

Аметистов *(из передней)*. Что, место? Вы — член профсоюза?

Голос. То-то, что нет.

Аметистов. Тогда, виноват, ничего не могу сделать.

Голос. Как же быть? В союзе говорят — поступите на службу, тогда запишем, а вы говорите, дай из союза, тогда примем. Быть-то как же?

Аметистов. Обратитесь, товарищ, в юридическую консультацию.

Голос. Эхо-хо.

Аметистов. Честь имею кланяться. *(Проносится.)* Пардон-пардон, я не смотрю.

Звонок.

(В сторону.) Ах, чтоб тебе сдохнуть! *(Улетает.)*

Третья. Какое громадное дело у мадам Пельц.

Закройщица *(снимает с первой манто)*. Ну, ладно, так и сделаем.

Первая. Только, пожалуйста, миленькая, чтобы к среде было готово.

Закройщица. К среде невозможно, мадам, Варвара Никаноровна не поспеет.

Первая. Ах, боже, это ужасно! *(Швее.)* Варвара Никаноровна! Голубчик! К среде!

Швея. Немыслимо, мадам. Шесть туалетов на очереди. *(Стучит на машинке.)*

Первая. Ах, это ужасно... А к пятнице?

Швея. Постараюсь. *(Стучит.)*

Первая. До свиданья... До свиданья. *(Уходит.)*

Аметистов выходит из передней.

Мосье! К пятнице!

Аметистов. Все, что в моих силах, все будет сделано.

Первая. До свиданья. *(Уходит.)*

Аметистов. О ревуар[1], мадам.

Звонок.

Чтоб тебя громом убило! *(Улетает.)*

---

[1] Au revoir.— До свидания *(фр.)*.

Вторая. Простите, кажется, моя очередь?

Третья. Ваша.

Аметистов *(в передней)*. Место? А вы член профсоюза?

Голос. Член!

Аметистов. А на бирже, позвольте узнать, дорогой товарищ, состоите?

Голос *(победоносно)*. Состою!

Аметистов. К сожалению, ни одного места нет.

Голос *(потрясен)*. Неужели? Я партийную рекомендацию могу представить.

Аметистов. Обязательно. Мы и не берем никого без партийной рекомендации. Разве можно? У нас мастерская показательная. Бог знает кто придет.

Голос. Я ведь швея хорошая...

Аметистов. Охотно верю, но места, увы, нет. До свидания, дорогой товарищ.

Вторая. Голубушка, только запáх должен быть больше, больше!

Закройщица. Но ведь это вас будет толстить.

Вторая. Ах, толстить? Тогда не надо, не надо.

Третья. К полным не идет большой запáх.

Вторая. Простите, вы полнее меня.

Третья. Хи-хи.

Аметистов *(проносясь)*. Пардон-пардон, я не смотрю.

Вторая. Скажите, пожалуйста, месье Аметистов, какой запáх мне больше пойдет, большой или малый?

Аметистов. Зáпах? Ага... да, запáх. Угу... Всякий запах вам очень пойдет. Пардон-пардон, дела. *(Улетает.)*

Швея *(третьей)*. Пожалуйста, мадам. *(Примеряет на третьей.)*

Третья. Вот теперь хорошо.

Звонок.

Аметистов *(летит)*. Товарищ Манюша. Никого не принимайте. Восемь часов уже. *(В передней.)* Ах, очень приятно, очень приятно...

Манюшка *(пролетая)*. Зоя Денисовна, Агнесса Ферапонтовна приехали! *(Исчезает.)*

Аметистов *(входит)*. Милости просим, Агнесса Ферапонтовна...

Агнесса. Здравствуйте, здравствуйте, товарищ Аметистов.

Аметистов. Присаживайтесь, Агнесса Ферапонтовна.

Агнесса. Мерси, я на минуту. *(Закройщице.)* Здравствуйте, дорогая.

Закройщица. Здравствуйте, Агнесса Ферапонтовна.

Зоя *(выходит).* Очень рада, очень рада...

Агнесса. Здравствуйте, милая Зоя Денисовна.

Зоя *(тихо третьей).* Прошу вас, уступите вашу очередь Агнессе Ферапонтовне. Она, наверно, спешит...

Третья. Простите, Зоя Денисовна, почему я должна уступать свою очередь?

Аметистов *(на ухо ей).* Это жена... *(Шепчет.)*

Вторая. Я могу уступить очередь.

Третья. Нет, уж пожалуйста. Пожалуйста, я уступаю.

Зоя. Пожалуйста, Агнесса Ферапонтовна.

Агнесса *(третьей).* Очень вам признательна. Меня машина ждет. *(Развязывая сверток.)* Вот видите. Бант поместили слишком низко. Ужасное уродство.

Вторая. Ах, какая прелесть. Парижское?

Агнесса. Парижское.

Закройщица. Это нетрудно переставить. Вы примéряете сейчас?

Агнесса. Нет, нет, я спешу.

Закройщица. Мы на манекене переставим. Варвара Никаноровна!

Аметистов. Эн момэн[1], мадам. *(Надевает платье на манекен.)*

Вторая. Вы давно из Парижа, мадам?

Агнесса. Две недели. *(Швее.)* Вот сюда, милая, сюда.

Вторая. Простите, ваш супруг не мог бы оказать некоторое содействие к получению визы в Париж? Я тоже собираюсь съездить. Мой муж, моя фамилия Сепурахина, правда, беспартийный, но занимает видное положение в Электротресте...

Агнесса. Извините, пожалуйста, я очень тороплюсь. Мой муж, к сожалению, ничего не может сделать. Он не имеет никакого отношения к выдаче виз... Зоя Денисовна, у меня большая просьба, нельзя ли к завтрашнему дню?

Зоя. О да, это несложно. Варвара Никаноровна?

Швея. Поспеем...

---

[1] Un moment.— Одно мгновенье *(фр.).*

Агнесса. Очень вам признательна, очень. Всего хорошего, Зоя Денисовна. Ну, как идут дела?

Зоя. Как видите, совершенно завалены.

Вторая *(сбрасывая манто)*. Извините, нескромный вопрос, вы сейчас куда?

Агнесса *(удивленно)*. На Кузнецкий мост.

Вторая. Ах, нам по дороге. Вы ничего не будете иметь против, если я вас провожу?

Аметистов *(тихо)*. Вот чертова баба, пристала как банный лист.

Агнесса. Очень вам благодарна, но я, видите ли, в машине.

Аметистов. Агнесса Ферапонтовна в машине.

Вторая. Ничего, я вас по лестнице провожу.

Агнесса. Не затрудняйтесь, пожалуйста. До свидания, Зоя Денисовна.

Вторая. Я завтра зайду, Зоя Денисовна. Всего хорошего. *(Летит за Агнессой.)*

Третья. Боже, какая особа.

Закройщица. Как рак вцепилась. Хи.

Третья. Ужас. Ужас. До свидания. Я завтра зайду.

Закройщица и швея снимают с третьей манто.

Третья. Мерси, милая. Зоя Денисовна, сколько я вам должна?

Зоя. Восемьдесят пять рублей.

Третья. Пожалуйста. Пятьдесят. А остальные я во вторник принесу. Хорошо?

Зоя. Пожалуйста.

Третья. Всего хорошего, Зоя Денисовна.

Зоя. До свидания. Все?

Закройщица. Все!

Зоя. Ну, прекрасно, кончайте. *(Уходит.)*

Аметистов *(входит)*. Уф! Ну-с, дорогие товарищи, закрывайте лавочку. Устали?

Закройщица. Ужасно устала.

Швея. Человек тридцать было сегодня.

Аметистов. Отдыхайте, товарищи дорогие, согласно Кодекса труда. Отдыхайте. Предайтесь разумным развлечениям, съездите на Воробьевы горы...

Швея. Какие тут горы, Александр Тарасович. До постели бы только добраться!

Аметистов. Я вас понимаю. Я сам мечтаю только об одном, как бы лечь. Лягу, почитаю на ночь что-нибудь по

историческому материализму и усну. Не надо убирать, Варвара Никаноровна, товарищ Манюша все сделает.

Закройщица. Прощайте, Александр Тарасович.

Швея. До свидания.

Уходят.

Аметистов. До свидания, до свидания... У, черт, замучили, окаянные. В глазах только одни зады и банты, больше ничего нет. *(Достает из шкафа бутылку коньяка, выпивает рюмку.)* Фу... Зоечка! Дорогая директриса!

Зоя *(выходит)*. Ну?

Аметистов. Ну вот что, кузина. Дела важные. Аллу Вадимовну даешь в срочном порядке.

Зоя. Не пойдет. Я уже думала об этом.

Аметистов. Пардон-пардон. Ты меня слушай. Финансовые дела у нее последнее время швах. Она тебе сколько задолжала?

Зоя. Около пятисот рублей.

Аметистов. Ну вот и козырек.

Зоя. Заплатит.

Аметистов. Не заплатит, я тебе говорю. Ты меня слушай. У нее глаза некредитоспособные. По глазам всегда видно, есть у человека деньги или нет. Я по себе сужу: когда я пустой, я задумчивый, философия нападает, на социализм тянет. Говорю тебе, баба задумывается, на отлете она. Ежели женщина задумывается, это означает только одно из двух,— или она с мужем разводится, или из СЕСЕРЕ лататы хочет дать. Деньги ей нужны до зарезу, а денег нет. Ты подумай, экземпляр какой. Украшение квартиры. Мадам Ивановой панданчик[1]. А Мымра твоя и Лизанька только и умеют визжать.

Зоя. Они — второй сорт.

Аметистов. Так нельзя же, шер маман[2], все на втором сорте отъезжать.

Звонок.

Еще кого-то черт несет. Ты Аметистова слушай, Аметистов большой человек. Ежели он ставит дело, то на хозрасчете, но на широкую ногу...

Манюшка. Алла Вадимовна спрашивает, можно к вам?

Аметистов. Во! Случай. Жми ее, жми.

---

[1] pendant — в пару *(фр.)*.

[2] chere maman — мамочка *(фр.)*.

Зоя. Ладно, не суетись. *(Манюшке.)* Проси сюда.

Алла *(ослепительная женщина входит).* Здравствуйте, Зоя Денисовна. Простите, если я не вовремя.

Зоя. Нет, нет, очень рада. Пожалуйста.

Аметистов. Целую ручку, обожаемая Алла Вадимовна. Платье. Что сказать о вашем платье, кроме того, что оно очаровательно!

Алла. Это комплимент Зое Денисовне.

Аметистов. Алла Вадимовна. Уверяю вас, что, увидав те модели, которые мы сегодня получили из Парижа, вы выбросите это платье за окно. Даю вам в этом честное слово бывшего кирасира.

Алла. Вы были кирасиром?

Аметистов. Мез' уй[1].

Алла. Вы разрешите мне, Зоя Денисовна, потом взглянуть на модели?

Зоя. Конечно, Алла Вадимовна.

Аметистов. Ну-с, я лечу, покидаю вас.

Алла. Все хлопочете?

Аметистов. Как же, как же. Как говорится: того согрей, тем свету дай и все притом благословляй. *(Зое, тихо.)* Жми ее, жми. *(Исчезает.)*

Алла. Превосходный у вас администратор, Зоя Денисовна. Он положительно создан для этой должности. Скажите, он действительно бывший кирасир?

Зоя. Не могу вам сказать точно, к сожалению. Присаживайтесь, Алла Вадимовна. Чаю хотите?

Алла. Благодарю вас, нет. Не беспокойтесь.

Пауза.

Я к вам по важному делу, Зоя Денисовна.

Зоя. Я слушаю вас, Алла Вадимовна.

Алла. Я хотела переговорить с вами, во-первых, относительно моего долга. Я ведь должна вам, если не ошибаюсь...

Зоя *(открыв книгу).* Пятьсот один рубль.

Алла. Пятьсот один. Да, совершенно верно. Да. Дорогая Зоя Денисовна, я наношу вам большой ущерб тем, что задерживаю уплату?

Пауза.

Вопрос мой, впрочем, нелеп, простите меня. Я сама это прекрасно понимаю. Но дело в том, что финансовые мои

---

[1] Mais oui.— Ну разумеется *(фр.).*

обстоятельства в последнее время очень неважны. Я крайне стеснена. Как никогда еще. И мне очень совестно, Зоя Денисовна.

Пауза.

Вы меня убиваете вашим молчанием, Зоя Денисовна.

Зоя. Что же я могу сказать, Алла Вадимовна? Это очень печально.

Алла. Тогда... вы простите меня, Зоя Денисовна... Вы, конечно, правы. Я попрошу у вас дня два или три и употреблю все усилия, чтобы достать эту сумму. Мне очень совестно, поверьте.

Пауза.

До свидания, Зоя Денисовна.

Зоя. До свидания, Алла Вадимовна.

Алла идет к двери.

Алла Вадимовна, минуточку. Вы же хотели посмотреть модели.

Алла. Зоя Денисовна, вы шутите. Но это, я бы сказала, суровая шутка. Мне нечем уплатить за то, что я сшила, я не знаю, как быть, а вы...

Зоя. Ах, Алла Вадимовна, ну что же сделаешь? Я ведь сама в очень неважном положении. Ну что ж, не плакать же? Нельзя же все время говорить о деньгах. Мне приятно показать вам, ведь эти нэпманши хуже кухарок. А вы одна из очень немногих женщин в Москве с огромным вкусом. Гляньте, ведь это прелесть.

Открывает зеркальный шкаф, в нем ослепительная гамма туалетов.

Смотрите, вечернее...

Алла. Изумительно. Пакэн?

Зоя. Пакэн.

Алла. Я узнала сразу. О, великий художник!

Зоя. Но это не на всякие плечи. На ваши это годилось бы. А вот сиреневое. Обратите внимание на отделку пояса. Просто, не правда ли?

Алла. Гениальная простота. Сколько оно стоит?

Зоя. Тридцать два червонца. *(Пауза.)* Так плохи дела, детка?

Алла. Зоя Денисовна, это уже переходит границы шутки.

Зоя. О нет, Аллочка, так нельзя, милая! Я к вам добром, а вы мне отвечаете холодом. Это не годится. И дело не в пятистах рублях. Мало ли кто кому должен.

Дело в тоне. Вот если бы вы пришли ко мне, сказали бы просто и дружелюбно: Зоя, дела мои паршивы,— мы бы вместе подумали, как выпутаться из них... Но вы вошли ко мне как статуя свободы. Я, мол, светская дама, а ты Зоя-коммерсантка, портниха. Ну, а если так, я плачу тем же.

Алла. Зоя Денисовна. Дорогая. Это вам показалось, честное слово. Просто я настолько была подавлена, что не знала, как вам смотреть в глаза. Мой долг меня мучает.

Зоя. Ладно, садитесь. Довольно о долге. Поговорим по-иному. Итак, денег нет. Отвечайте просто и откровенно, как другу: сколько надо?

Алла. Много надо. Даже под ложечкой холодно, так много.

Зоя. Ну, сколько?

Алла. Сто пятьдесят червонцев.

Зоя. Зачем?

Алла. Я хочу уехать за границу.

Зоя. Понятно. Значит, здесь ни черта не выходит?

Алла. Ни черта.

Зоя. Ну, а он, ваш этот... Я не хочу знать, кто он, имя его мне не нужно, одним словом — он. Разве у него нет денег, чтобы прилично вас устроить здесь?

Алла. С тех пор, как умер мой муж, у меня никого нет, Зоя Денисовна.

Зоя. Ой!

Алла. Правда.

Зоя. Ой? Странно! Чем же вы жили до сих пор?

Алла. Продавала свои бриллианты. Но их больше нет.

Зоя. Ну, ладно, верю. Итак: сто пятьдесят червей достать можно.

Алла. Зоя Денисовна...

Зоя. Не волнуйтесь, товарищ. Слушайте, вам в визе отказали три месяца назад?

Алла. Отказали.

Зоя. Ну вот, а я берусь вам устроить это. И к Рождеству вы уедете, я вам за это ручаюсь.

Алла. Зоя. Если вы это сделаете, вы обяжете меня на всю жизнь. И, клянусь, за границей я верну вам всю сумму до копейки.

Зоя. Ах, не нужны мне ваши деньги. Я вам дам возможность их заработать, и очень легко.

Алла. Милая Зоечка, мне кажется, что в Москве у

меня нет возможности заработать не только сто пятьдесят червонцев, но даже сто пятьдесят копеек, то есть, я подразумеваю, сколько-нибудь приличным трудом.

Зоя. Ошибаетесь. Мастерская — приличный труд. Поступите у меня манекенщицей.

Алла. Зоечка. Но ведь за это же платят гроши!

Зоя. Понятие о грошах растяжимо. Ну, вот что: ни слова никому никогда о том, что я вам предложу, даже если вы откажетесь, что, кстати говоря, будет крайне глупо. Ни слова?

Алла. Ни слова.

Зоя. Честное слово?

Алла. Честное слово.

Зоя. Я вам буду платить шестьдесят червонцев в месяц, кроме того, аннулирую долг в пятьсот рублей, кроме того, достану визу. Ну?

Пауза.

Заняты только вечером, и то не каждый день.

Пауза.

Ну?

Алла *(пятясь)*. Вечером. Вечером? Зоя, это штука. Это штука!

Зоя. До Рождества только четыре месяца. К Рождеству вы свободны как птица, в кармане у вас виза и не сто пятьдесят червонцев, а втрое, вчетверо больше, я не буду контролировать вас, и никто... никогда. Слышите, никто не узнает, как Алла работала манекенщицей... Весной вы увидите Большие бульвары. На небе над Парижем весною сиреневый отсвет, точь-в-точь такой. *(Выбрасывает из шкафа сиреневую материю.)*

Голос под рояль поет глухо: «Покинем, покинем край, где мы так страдали...»

Знаю. Знаю... В Париже любимый человек.

Алла. Да.

Зоя. Весною под руку с ним по Елисейским полям. И он никогда не будет знать, никогда.

Алла *(в ошеломлении)*. Вот так мастерская! Поняла. Вечером. Знаете, Зойка, кто вы? Вы черт! И никому и никогда?

Зоя. Клянусь!

Алла. Это фокус.

Зоя. Ну? *(Пауза.)* Как в воду, сразу, вниз головой... алле...

Алла. Зойка, никому, и я через три дня приду.

Зоя. Ап! *(Раскрывает шкаф.)* Выбирайте. Мой подарок. Любое!

Алла. Сиреневое!

Сцена гаснет.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Вечер.

Аметистов *(хохочет)*. Видала, что значит Александр Аметистов? Я же говорил!

Зоя. Ты не глуп, Александр Аметистов.

Аметистов. Не глуп. Вы слышите, товарищи,— не глуп. Что, Зоечка, хорошо я работаю?

Зоя. Да, ты исправился и поумнел.

Аметистов. Ну, Зоечка, половина твоего богатства сделана моими мозолистыми руками, и визу ты мне выправишь. Ах, Ницца, Ницца, когда же я тебя увижу? Лазурное море, и я на берегу его в белых брюках! Не глуп! Я — гениален!

Зоя. Слушай, гениальный Аметистов, об одном тебя попрошу, не говори ты по-французски. По крайней мере при Алле не говори. Ведь она на тебя глаза таращит.

Аметистов. Что это значит? Я плохо, может быть, говорю?

Зоя. Ты не плохо говоришь... ты кошмарно говоришь!

Аметистов. Это нахальство, Зоя. Пароль донер[1]. Я с десяти лет играю в шмендефер, и на́ тебе. Плохо говорю по-французски!

Зоя. И еще: зачем ты врешь поминутно? Какой ты, ну какой ты, к черту, кирасир? И кому это нужно?

Аметистов. Нету у тебя большего удовольствия, чем какую-нибудь пакость сказать человеку. Вот характер! Будь моя власть, я бы тебя за один характер отправил бы в Нарым.

Зоя. Но так как власть не твоя, так готовься скорее. Не забудь, сейчас Гусь будет. Я иду переодеваться. *(Уходит.)*

Аметистов. Гусь? Что ж ты молчишь? *(Впадает в панику.)* Гусь, гусь, гусь! Господа, Гусь! *(Лезет вверх по*

[1] Parole d'honneur.— Честное слово *(фр.)*.

лестнице, снимает портрет Маркса.) Слезайте, старичок, нечего вам больше смотреть. Ничего интересного больше не будет. И где это ласточкино гнездо, Небесная Империя! Племянница Манюшка!

Манюшка *(появляясь).* Вот она я.

Аметистов. Мне интересно, чего ты там сидишь? Я, что ль, один все буду двигать?

Манюшка. Я посуду мыла.

Аметистов. Успеешь с посудой. Помогай!

Квартира под руками Аметистова и Манюшки волшебно преображается. Звонок три раза.

Маэстро. Открывай.

Манюшка. Здравствуйте, Павел Федорович.

Обольянинов *(во фраке).* Здравствуй, Манюша. Здравствуйте.

Аметистов. Маэстро, мое почтение.

Обольянинов. Простите, я давно хотел попросить вас: называйте меня по имени и отчеству.

Аметистов. Чего ж вы обиделись? Вот чудак человек! Между людьми одного круга... Да и что плохого в слове «маэстро»?

Обольянинов. Просто это непривычное обращение режет мне ухо, вроде слова «товарищ».

Аметистов. Пардон-пардон. Это большая разница. Кстати о разнице: нет ли у вас папиросочки?

Обольянинов. Конечно, прошу вас.

Аметистов. Мерси боку[1].

Обольянинов. Зоя, к вам можно?

Зоя *(за сценой).* Нет, Павлик, погодите, я еще не одета. Как вы себя чувствуете?

Обольянинов. Сносно, мерси.

Аметистов *(Манюшке).* Давай нимфу.

Манюшка. Сейчас. *(Выдвигает из-за занавеса картину обнаженной женщины.)* Ги...

Аметистов. Вот это я понимаю! Хорошая картиночка. Граф, что вы скажете про этот сюжетик? Манюшка. Не чета тебе?

Манюшка. Бесстыдник. А может, я лучше. *(Скрывается.)*

Аметистов. Вуаля![2] Ведь это рай. А? Граф, да вы гляньте, развеселитесь, что вы сидите, как квашня!

---

[1] Merci beaucoup.— Большое спасибо *(фр.).*

[2] Voilà! — Смотрите-ка! *(фр.)*

Обольянинов. Что это такое — квашня?

Аметистов. Ну, с вами не разговоришься! Как квартиру находите? А?

Обольянинов. Очень уютно. Отдаленно напоминает мою прежнюю квартиру.

Аметистов. Хороша была?

Обольянинов. Очень хороша, только у меня ее отобрали.

Аметистов. Да неужели?

Обольянинов. Какие-то с рыжими бородами выкинули меня...

Аметистов. Это печальная история.

Зоя. Павлик! Здравствуйте! Вы сегодня бледный. Ну-ка, идите к свету, я погляжу на вас... Тени под глазами...

Обольянинов. Нет, это пустяки. Просто я сегодня слишком долго спал.

Зоя. Ну, идемте ко мне, посидим до гостей. *(Скрывается с Обольяниновым.)*

Условный звонок — три долгих, два коротких.

Аметистов. Вот он, черт его возьми... Где ты пропадал?

Херувим *(с узлом)*. Я мал-мала юпки гладил.

Аметистов. Ну тебя к богу с твоими юбками. Кокаину принес?

Херувим. Да.

Аметистов. Давай, давай! Слушай, ты, Сам-Пью-Чай, смотри мне в глаза.

Херувим. Смотлю тебе галаза.

Аметистов. Отвечай по совести: аспирину подсыпал?

Херувим. Ниэт... ниэт...

Аметистов. Ох, знаю я тебя. Бандит ты! Ну, если только подсыпал, бог тебя накажет! *(Нюхает.)*

Херувим. Мал-мала наказит.

Аметистов. Да не мал-мала, а он тебя на месте пришибет. Стукнет по затылку, и нет китайца! Не сыпь аспирин в кокаин. Нет, хороший кокаин. Чувствую. Мысли яснее. При такой чертовой гонке порядочному человеку невозможно без кокаина. Ну, уважаемый сын Поднебесной Империи, переодевайся.

Херувим. Счас. *(Надевает китайскую кофту и шапочку.)*

Аметистов. Совершенно другой разговор. И на какого черта вы, китайцы, себе косы бреете. С косой тебе совершенно другая цена была бы!

Звонок условный.

Ага. Мымра. Эта аккуратнее всех.

Херувим. Мымла писла.

Аметистов. Цыть ты! Какая она тебе Мымра!

Мымра. Здравствуйте, Александр Тарасович. Здравствуй, Херувимчик! Сегодня как-то особенно нарядно. Ах, какая прелесть! Хризантемы. Это мой любимый цветок. Обожаю. *(Поет.)* И на могилу обещай ты приносить мне хризантемы...

Аметистов. Шли бы вы одеваться, Наталия Николаевна, а то поздно. Сегодня большой день: новые модели будем демонстрировать.

Мымра. Прислали? Ах, какая прелесть! *(Убегает.)*

Херувим зажег китайский фонарь в нише, дымит курением.

Аметистов. Не очень налегай.

Херувим. Я не буду налегай. *(Хлопочет, исчезает.)*

Звонок.

Лизанька. Почтение администратору этого монастыря.

Аметистов. Бон суар[1], Лизанька. Летите переодевайтесь, сейчас будет важное лицо.

Лизанька. Ну? Мне?

Аметистов. Это уж от него зависит.

Лизанька. А то я в последнее время почему-то в загоне. *(Исчезает.)*

Звонок.

Аметистов *(летит к зеркалу, охорашивается).* Здравствуйте, мадам Иванова...

Иванова. Дайте мне папироску.

Аметистов. Манюшка. Папиросы!

Пауза.

Холодно на дворе?

Иванова. Да.

Аметистов. У нас сюрприз: модели пришли из Парижа.

Иванова. Это хорошо.

---

[1] Bonsoir.—Добрый вечер *(фр.).*

Аметистов. Изумительные. Прямо пальчики оближешь.

Иванова. Ага.

Аметистов. Вы в трамвае приехали?

Иванова. Да.

Аметистов. Народу много в трамвае?

Иванова. Да.

Манюшка *(подает папиросы)*. Вот.

Аметистов. Вот-с. Прошу.

Иванова. Спасибо. *(Уходит.)*

Аметистов. Вот женщина! Ей-богу. Всю жизнь с такой можно прожить, и не соскучишься. Не то что ты — тарахтишь, тарахтишь.

Манюшка. Я ведь необразованная.

Аметистов. А ты образовывайся, деточка. А ты только с китайцами умеешь перемигиваться.

Манюшка. Ничего я не перемигиваюсь...

Властный звонок.

Аметистов. Он! Узнаю звонок коммерческого директора. Великолепно звонит! Открывай, впускай. Потом сейчас же лети переодеваться. Херувим будет подавать.

Херувим *(возбужден)*. Гусь идет. *(Исчезает.)*

Манюшка. Ах, батюшки! Гусь! *(Бежит открывать.)*

Аметистов. Зоя, Гусь! Зоя, Гусь! Принимай. Я исчезаю. *(Исчезает.)*

Зоя *(в роскошном туалете)*. Как я рада, милый Борис Семенович!

Гусь. Здравствуйте, Зоя Денисовна, здравствуйте!

Зоя. Садитесь сюда, здесь уютнее. Ай-яй-яй, какой же вы нехороший!

Гусь. Вы мне говорите, что я нехороший? Это замечательно. Вся Москва мне твердит на всех перекрестках, что я именно хороший, и только вы одна находите, что это наоборот.

Зоя. Ах, Борис Семенович. Москва льстива. Она преклоняется перед людьми, занимающими такое громадное положение, как ваше, а я бедная портниха, мне все равно. Ай-яй! Сосед, близкий знакомый, а хоть бы раз зашел.

Гусь. Поверьте мне, я с удовольствием, но у меня...

Зоя. Я шучу... Я знаю, что у вас дела по горло.

Гусь. Не по горло, а вот сколько. Утром заседание, в полдень заседание, днем — заседание, вечером заседание, а ночью...

Зоя. Тоже заседание.

Гусь. Нет, бессонница.

Зоя. Бедненький, вы переутомитесь.

Гусь. Уже.

Зоя. Ну, вот видите. Вам нужно развлекаться!

Гусь. О том, чтобы я развлекался, не может быть и речи... *(Увидел картину.)* Ай, замечательный художник... Замечательный художник... прямо замечательный.

Зоя. Французская школа.

Гусь. Замечательная школа. Вот это школа! Скажите, вы не хотите продать эту картину?

Зоя. А вы хотели бы ее купить?

Гусь. Да, я ничего бы не имел против. Я люблю картины. У меня теперь большая квартира, а стены, извините за выражение, голые.

Зоя. Так вы бы хотели на голую стену повесить голую женщину? Я и не знала, что вы такой.

Гусь. Вы пикантная женщина.

Зоя. Ах, какая там пикантная. Старость, старость, дорогой Борис Семенович. Картину я не собираюсь продавать, но, когда я буду уезжать за границу, я вам ее подарю.

Гусь. С какой же стати?

Зоя. Вы обидите меня отказом. Ни слова. Вы так много сделали для меня. Мастерская обязана вам своим существованием.

Гусь. Ах, это пустяки. Кстати о мастерской. Я ведь к вам отчасти по делу. Только это между нами. Мне нужен парижский туалет. Знаете, какой-нибудь крик моды, червонцев на двадцать или двадцать пять.

Зоя. Понимаю. Подарок.

Гусь. Между нами.

Зоя. Ах, плутишка! Влюблен! Ну, сознавайтесь. Влюблен?

Гусь. Между нами.

Зоя. Не бойтесь. Не скажу супруге. Ах, мужчины, ах, мужчины!

Гусь. Замечательный художник.

Зоя. Хорошо, сейчас мы все это устроим. Только уговор: это тоже между нами. Мой администратор покажет вам модели, и вы выберете все, что вам нужно. А потом будем ужинать. Сегодня вы мой, я вас не выпущу.

Гусь. Мерси. У вас есть администратор? Это замечательно. Посмотрим, посмотрим, какой у вас такой администратор.

Зоя. Сейчас вы его увидите. *(Скрывается.)*

Аметистов *(во фраке, внезапно).* Кан он парль дю солей, он вуа ле рейон. Что в переводе на русский язык означает: когда говорят о солнце, видят его лучи.

Гусь. Это вы мне про лучи?

Аметистов. Вам, глубокоуважаемый Борис Семенович. Позвольте представиться — Аметистов.

Гусь. Гусь.

Аметистов. Желаете иметь туалетик? Доброе дело задумали, доброе дело задумали, многоуважаемый Борис Семенович. Могу вас уверить, что такого выбора вы нигде в Москве не встретите. Херувим!

Херувим появился.

Гусь. Позвольте. Это же китаец!

Аметистов. Точно так. Китаец, с вашего позволения. Не обращайте на него внимания, почтеннейший Борис Семенович. Обыкновенный сын Поднебесной Империи, и отличается только одним качеством — примерной честностью.

Гусь. А зачем китаец?

Аметистов. Преданный старый мой лакей, драгоценнейший Борис Семенович. Вывез я его из Шанхая, где долго странствовал, собирая материалы.

Гусь. Это замечательно. Для чего материалы?

Аметистов. Для большого этнографического труда. Впрочем, я вам как-нибудь после расскажу о своих скитаниях, глубочайше уважаемый мною Борис Семенович. Вы прямо будете рыдать. Херувим! Дай нам чего-нибудь прохладительного.

Херувим. Сицас. *(Исчезает и тотчас появляется с шампанским.)*

Аметистов. Прошу.

Гусь. Это шампанское? Замечательно вы поставили дело, гражданин администратор.

Аметистов. Же панс![1] Поработав у Пакэна в Париже, можно приобрести навык.

Гусь. Вы работали в Париже?

Аметистов. Пять лет, любезнейший Борис Семенович. Херувим, можешь идти.

Херувим исчезает

---

[1] Je pense! — Я думаю! *(фр.)*

Гусь. Вы знаете, если б я верил в загробную жизнь, я бы сказал, что он действительно вылитый херувим.

Аметистов. Глядя на него, невольно уверуешь. Ваше здоровье, глубоко и искренне уважаемый мною Борис Семенович! А также здоровье вашего почтенного треста тугоплавких металлов! Ура, ура и ура! Нет, нет, до дна, не обижайте фирмы.

Гусь. У вас замечательно поставлено дело.

Аметистов. Будьте спокойны. Итак, она блондинка, шатенка?

Гусь. Кто?

Аметистов. Пардон-пардон. Та уважаемая особа женского пола, для которой предназначается туалет.

Гусь. Между нами — она светлая брюнетка.

Аметистов. У вас есть вкус. Прошу вас еще бокальчик, а также попрошу привстать.

Гусь. Так?

Аметистов. Мерси, благодарю вас. К этой визитке светлая брюнетка прямо сама просится. Гигантский вкус у вас, Борис Семенович! Иначе, впрочем, и быть не может.

Гусь. Позвольте, а если я сниму визитку?

Аметистов. Если вы снимете вашу уважаемую визитку, мы к ней подберем такой пандан из области брюнеток, что вы будете поражены.

Гусь. Я уже поражен вашей постановкой.

Аметистов. Херувим!

Херувим появился.

Попроси маэстро, а также мадемуазель Лиз.

Херувим. Сицас. *(Исчезает.)*

Обольянинов выходит.

Аметистов. Конт[1] Обольянинов. Располагайтесь поудобнее, милейший Борис Семенович. Миндалю? *(Затемняет сцену, хлопнув в ладоши.)* Ателье!

Обольянинов у рояля. Играет печальное. Открывается освещенная эстрада, и на ней появляется Лизанька в зеленом туалете. Изображает замерзающую девушку. Херувим сыплет на нее снег.

Аметистов *(монотонно)*. Что вы плачете так, одинокая бедная девочка. *(Пауза.)* Кокаином распятая в мокрых бульварах Москвы.

Лизанька умирает возле уличной урны.

---

[1] Comte — граф *(фр.)*.

Ваш сиреневый трупик закроет саваном мгла.

Лизанька оживает, танцует бурно.

Анфан террибль[1]. Мерси, мадмазель.

Лизанька. Вытряхиваться?

Аметистов. Вытряхайтесь, Лизанька.

Лизанька исчезает, Обольянинов прекращает музыку. Занавеску закрывает Аметистов.

Что вы скажете, драгоценнейший Борис Семенович?

Гусь. Да-а...

Аметистов. Бокальчик?

Гусь. Мерси. Нет, вы прямо обаятельная личность.

Аметистов. Знаете, Борис Семенович. Пообтесался в свое время. Потерся при дворе.

Гусь. Вы были при дворе?

Аметистов. Точно так. Я, знаете ли, если расскажу вам некоторые тайны своего деторождения, вы прямо изойдете слезами.

Гусь. Это замечательно. Э... у вас есть, может быть, что-нибудь более...

Аметистов. Закрытое...

Гусь. Открытое...

Аметистов. Узнаю ваш вкус, почтеннейший Борис Семенович. И поверьте фирме. *(Берет скрипку.)* Ателье!

Мымра на эстраде в роскошном и открытом туалете кормит искусственных голубей. Аметистов играет на скрипке ноктюрн Шопена под аккомпанемент Обольянинова.

Не выгибайтесь так, Наталья Николаевна. Вечер еще впереди.

Мымра. Не смейте мне делать замечания!

Аметистов *(играя)*. Больше жизни, мадмуазель Натали!

Музыка прекращается.

Фить!

Мымра *(исчезая)*. Невежа!

Аметистов *(ей вслед)*. Ву зет тре земабль[2]. Как вы находите, очаровательнейший Борис Семенович?

Манюшка появляется на эстраде в русском костюме.

---

[1] Enfant terrible.—Ужасное дитя *(фр.)*.

[2] Vous-êtez très aimable.—Вы очень любезны *(фр.)*.

Аметистов. Мадемуазель Мари, стиль рюсс! Маэстро!

Обольянинов играет «Светит месяц». Манюшка танцует. Аметистов играет на балалайке.

Херувим *(интимно).* Мануска! Когда танцуиси, мене самалатли, гости не самалатли.

Манюшка *(интимно).* Уйди, черт ревнивый!

Обольянинов. Я играю, горничная на эстраде танцует... Бывшие куры... Что происходит в Москве?

Аметистов. Цсс. Манюшка, скатывайся с эстрады, накрывай ужин в два счета. *(Гусю.)* Э бьен?[1]

Гусь *(восторженно).* Ателье!

Аметистов. Совершенно верно, обаятельнейший Борис Семенович! Ателье!

Иванова появляется на эстраде в роскошном и рискованном платье. Обольянинов играет страстный вальс.

Аметистов. Что скажете, Борис Семенович? Моя постановочка. *(Вбегает на эстраду, танцует с Ивановой. В паузе показывает.)* Декольте сюр ле бра[2]. *(Танцует. В паузе.)* Декольте... *(ищет складку)* сюр ле до[3]. *(Танцует.)* В сущности, я очень несчастлив, мадам Иванова. Моя мечта уехать с любимой женщиной в Ниццу, туда, где цветут рододендроны...

Иванова *(танцуя).* Болтун.

Аметистов *(заканчивая танец, бросает Иванову к ногам Гуся.)* Я — палач!

Музыка обрывается.

Херувим *(выбегает из-за занавески, аплодирует).* Постановсика! Постановсика! Аметистова!

Аметистов *(скромно).* Ну что ты. Что ты.

Херувим исчезает.

Что вы скажете, чудеснейший Борис Семенович, по поводу разрезов на этом платье?

Гусь. Где вы их видите, гражданин администратор?

Аметистов. Мадам, продемонстрируйте мосье разрезы. Пардон-пардон. *(Исчезает.)*

Иванова. Вам угодно видеть разрезы, мосье?

---

[1] Et bien? — Ну как? *(фр.)*
[2] Dékollté sur les bras.— Декольтированные плечи *(фр.).*
[3] Dékollté sur le dos.— Открытая спина *(фр.).*

Гусь. Очень вам признателен, до глубины души...

Иванова *(внезапно садится к Гусю на колени).* Ах, что вы делаете! Дерзкий. Не смейте держать меня!

Гусь. Кто вам сказал, что я вас держу?!

Иванова. Дерзкий! В вас есть что-то африканское!

Гусь. Вы мне льстите. Я никогда даже не был в Африке.

Иванова. Ну, может быть, читали про нее. *(Целует Гуся.)* Что вы делаете? Нет, вы безумно дерзкий. Не трогайте меня, сейчас войдут сюда. Вы знаете, мне нравятся такие, как вы. Для вас, наверное, не существует препятствий. *(Целует.)* Я пропала...

Аметистов *(появился внезапно).* Пардон!

Иванова. Ах! *(Исчезает.)*

Гусь *(исступленно).* Ателье!!

Аметистов. Пардон. Ан-тракт!

Занавес

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Осенний вечер в квартире Зои. Цветы в вазах. Аметистов во фраке. Аллилуя таинственно шепчет.

Аметистов. Какая же ехидна это говорила?

Аллилуя. Да что ж ехидна! Люди болтают. Народ, говорят, ходит в квартиру.

Аметистов. Уважаемый лорд-мэр, как же им не ходить, ежели у нас мастерская.

Аллилуя. Фокс-троты по ночам. В мое положение тоже нужно входить.

Аметистов. Кстати о положении. Зоя Денисовна, кажется, вам осталась должна за электричество два червонца?

Аллилуя. Три.

Аметистов. Два с половиной.

Аллилуя. Нет, три.

Аметистов. Ну, три так три. Прошу.

Аллилуя. Квитанцию я вам завтра пришлю.

Аметистов. К черту этот бюрократизм и волокиту. Не беспокойтесь. *(Икает.)* Ик! А, чтоб тебя!

Аллилуя. Что, икается все? Поминает вас кто-то.

Аметистов. Только вот не знаю кто!

Аллилуя. Так уж вы, пожалуйста, Александр Тарасович, потише с фокс-тротами, а то долго ли до беды. У вас что, сегодня гости опять будут?

Аметистов. Да, легонькие именины.

Аллилуя. Ну, прощенья просим.

Аметистов. Рукопожатия отменяются. Хи-хи. Шучу-с. Ревуар!

Аллилуя уходит.

Видал я взяточников на своем веку, но этот Аллилуя экстраординарное явление в нашей жизни. Ик! А, черт тебя возьми! Селедки я, что ли, переложил за обедом?

Обольянинов входит как тень, скучный, во фраке.

Ик! Пардон.

Звонит телефон.

Херувим, телефон.

Херувим *(по телефону).* Слусаю. Да, да. Тебе Гусь зовет.

Аметистов *(по телефону).* Товарищ Гусь? Здравия желаю, Борис Семенович. В добром ли здоровье? В делах, в делах все. Как же, обязательно, сегодня ждем. День, можно сказать, такой выдающийся. Часикам... Ик! Пардон!.. К десяти... Вспоминали вас, вспоминали вас, вспоминали. Когда же, говорит, я увижу этот ассирийский профиль. Хи-хи. Секрет, секрет. Сюрприз есть. Ждем, ждем. Честь имею кланяться. Ик!

Обольянинов. Удивительно вульгарный человек этот Гусь. Вы не находите?

Аметистов. Да, не нахожу. Человек, получающий двести червонцев в месяц, не может быть вульгарным. Ик! Какому черту я понадобился? Уважаю Гуся. Кто пешком по Москве таскается — вы!

Обольянинов. Простите, месье Аметистов. Я хожу, а не таскаюсь.

Аметистов. Да не обижайтесь вы, вот человек! Ну, ходите. Вы ходите, а он в машине ездит. Вы в одной комнате сидите, пардон-пардон,— может быть, выражение «сидите» неприлично в высшем обществе,— так восседаете, а Гусь в семи! Вы в месяц наколотите, пардон-пардон, наиграете на вашем фортепиано десять червяков, а Гусь две сотни. Кто играет — вы, а Гусь танцует!

Обольянинов. Потому что эта власть создала такие

условия жизни, при которых порядочному человеку существовать невозможно.

Аметистов. Пардон-пардон. Порядочному человеку при всяких условиях существовать возможно. Я — порядочный, однако же существую. Я, извините за выражение, в Москву без штанов приехал. У вас же, папаша, пришлось брючки позаимствовать. Помните, в клеточку, а теперь я во фраке.

Обольянинов. Простите, но какой я вам папаша?

Аметистов. Да не будьте вы такой недотрогой! Что за пустяки между дворянами? Ик!

Обольянинов. Простите меня. Вы действительно дворянин?

Аметистов. Мне нравится этот вопрос! Да вы сами не видите, что ли?

Обольянинов. Ваша фамилия мне, видите ли, никогда не встречалась.

Аметистов. Мало ли что не встречалась! Известная пензенская фамилия. Эх, синьор, да если бы вы знали, что я вынес от большевиков, у вас бы волосы стали дыбом. Имение разграбили, дом сожгли.

Обольянинов. У вас в каком уезде было имение?

Аметистов. У меня-то? Вы говорите, у меня, которое...

Обольянинов. Ну да, которое сожгли.

Аметистов. Ах, это... В этом... Не хочу даже вспоминать, потому что мне тяжело. Белые колонны, как сейчас помню... Эн, де, труа, фир, фюнф, зехс...[1] Семь колонн, одна красивее другой. Эх! Да что говорить! А племенной скот, а кирпичный завод!

Обольянинов. У моей тетки был превосходный конский, у Варвары Николаевны Барятниковой.

Аметистов. Что Барятникова, тетка. У меня лично был, да какой! Да что вы так приуныли? Приободритесь, отец.

Обольянинов. Многое вспомнилось. У меня была лошадь Фараон. Я вам очень сочувствую.

Аметистов. Да как же не сочувствовать. Злодей и тот посочувствует.

Обольянинов. У меня тоска.

---

[1] Un, deux, trois, vier, fünf, sechs...— Один, два, три *(фр.)*, четыре, пять, шесть... *(нем.)*

Аметистов. Вообразите, у меня тоже. Почему — неизвестно. Предчувствия какие-то. От тоски карты помогают хорошо.

Обольянинов. Я не люблю карт, я люблю лошадей. Фараон. В тринадцатом году в Петербурге он взял гран-при. Напоминают мне они...

Голос глухо поет: «Напоминают мне оне...»

Обольянинов. Камзол красный, рукава желтые, черная перевязь — Фараон.

Аметистов. Я любил заложить фараон. Пойдет партнер углами гнуть, вы, батюшка, холодным потом обольетесь, но уж как срежете ему карточку на полном ходу, и ляжет она, как подкошенная! Хлоп, как серпом! Аллилуя, что ли, меня расстроил... Эх, убраться бы из Москвы поскорей!

Обольянинов. Да, поскорей. Я не могу здесь больше жить.

Аметистов. Эх! Бросьте раскисать, братишка! Три месяца еще, и мы уедем в Ниццу. Вы бывали в Ницце, граф?

Обольянинов. Бывал много раз.

Аметистов. Я тоже, конечно, бывал, но только в глубоком детстве. Моя покойная матушка, помещица, возила меня. Две гувернантки с нами ездили, нянька. Я, знаете ли, с кудрями. Интересно, бывают ли шулера в Монте-Карло? Наверное, бывают.

Обольянинов. Я не знаю. *(В тоске.)* Ах, я не знаю.

Аметистов. Схватило. Вот черт! Экзотическое растение. Граф, коллега! Знаете что, времени у нас вагон, до прихода гостей прошвырнемся в «Баварию». Пиво при тоске прямо врачами прописано.

Обольянинов. О, мой бог! Вы меня совершенно ошеломляете вашими словами. В пивных грязь и гадость.

Аметистов. Вы, стало быть, не видели раков, которых вчера привезли в «Баварию». Хорошенькая гадость! Каждый рак величиной... ну, с чем бы вам сравнить, чтоб не соврать... с гитару... Ползем, папаня!

Обольянинов. Хорошо, идем.

Аметистов. Вот это правильно. Херувим!

Херувим. Сто?

Аметистов. Если Зоя Денисовна вернется раньше нас, скажи, чтобы не беспокоилась. Скоро придем. Понял?

Херувим. Мало-мало понял.

Аметистов. По глазам вижу, что ничего не понял. Одним словом, через двадцать минут придем. Первое — шампанское поставить в ледник и водку тож, а красное наоборот, в теплое место в кухню. Второе... Одним словом, дорогой мажордом желтой расы, поручаю тебе квартиру и ответственность возлагаю на тебя. Граф! Алле ву зан [1]. Во — раки!.. *(Выходит с Обольяниновым.)*

Херувим. Мануска... Усли!

Манюшка *(выбегает, целует Херувима).* Чем ты мне понравился, в толк не возьму. Желтый ты, как апельсин, но вот понравился! Вы, китайцы, лютеране?

Херувим. Лютеране, белье мало-мало стираем. Стой, Мануска. Я тебе сецяс вазный дела говорить буду. Ми скоро уехать будем, будем, Мануска! Я тебе беру Санхай.

Манюшка. В Шанхай? Не поеду я.

Херувим. Поедиси.

Манюшка. Да не поеду я.

Херувим. Поедиси. Казу — едиси.

Манюшка. Фу-ты какой. Ишь, что ты командуешь? Что я тебе, жена, что ли?

Херувим. Я тебе зеню, Мануска, Санхай. Красиви Санхай.

Манюшка. Меня нужно спросить, пойду я за тебя или нет. Что я тебе, контракт подписывала, что ли? Ишь косой.

Херувим. А! Ты Газолини зенить хотеси?

Манюшка. А хотя бы и за Газолина. Я девушка свободная. Ты, если ухаживаешь, ухаживай вежливо, чтобы я согласилась. Ишь буркалы шанхайские выпятил. Крикун, я тебя не боюсь.

Херувим. Газолини?

Манюшка. Нечего, нечего...

Херувим *(становится страшен).* Газолини?!

Манюшка. Что ты, что ты...

Херувим. Ап! *(Берет Манюшку за глотку.)* Я тебе сичас резать буду.

Манюшка задыхается.

Херувим. Ты кази, Газолини целовала?

Манюшка. У... У... пусти глотку, ангелок.

Херувим *(выхватил нож).* Газолини целовала?

---

[1] Allez-vous en.— Пошли вон *(фр.).*

Манюшка. Судьбинушка моя горькая. Помяни, господи, рабу Марию во царствии твоем.

Херувим. Целовала?!

Манюшка. Херувимчик, хрустальный... Один разок. Не режь сиротку, пожалей ты мою юную жизнь.

Херувим *(спрятал нож.)* Зенить будешь на Газолини?

Манюшка. Нет, нет, нет.

Херувим. Кем будешь зити мало-мало?

Манюшка. Зарекусь, ни с кем не буду.

Херувим. Со мною зить будеси?

Манюшка. Нет, нет... буду, буду. Что ж это такое, товарищи, он делает?

Херувим. Я тебе предлозение делал.

Манюшка. Вот так предложение. Ай, предложение шанхайское! Ай, женишок с ножичком!

Херувим. Я тебе люблен. Осень люблен. Мы с тобой дело имеит Санхай. Опиум торговать будем. Весело. Ты будесь родить ребенки китайски мало-мало, много ребенки, сесть, восемь, десять.

Манюшка. Десять, да я удавлюсь.

Херувим. Ниет, ниет. Тут каздый скучный Москве, давится, в Санхае китайский зивет веселый.

Манюшка. Ты меня бить будешь.

Херувим. Ниет, ниет. Никто бить. Я тебе, если циловать чузой китайцы будесь, горло только буду резать.

Манюшка. Спасибо.

Херувим. Пожалуйста. Ты силюсай теперь. Мы скоро ехать будем. Я думал денг доставать, много сирвонси.

Манюшка. Где?

Херувим. Молци.

Манюшка. Ой, Херувимка, что-то ты затеваешь?

Херувим. Затеваисси...

Звонок.

Манюшка. Катись на кухню.

Херувим исчезает. Манюшка открывает дверь.

Ой, господи боже мой!

Газолин. Здрасьте, Мануска.

Манюшка. Ой, уйди, Газолин!

Газолин. Нет, я зачем уйди? Я не уйди. Ты одна, Мануска? Я к тебе пришел предложение делать.

Манюшка. Что, предложение?

Газолин. Воскресенье. Прачесный закрыт.

Манюшка. Газолинушка, куда ты лезешь? Уйди, уйди.

Газолин. Нет, зацем уйди? А, Мануска. Ты мне сто говорила, а? Говорила, любиси. Обманула Газолини.

Манюшка. Что врешь, ничего я тебе не говорила. Уходи, сейчас же уходи. Что ты нахальничаешь. Вот я кликну Зою Денисовну.

Газолин. Ты вресь. Никого дома нет. Ты, Мануска, много вресь. Каждый день мал-мало вресь, а я тебе люблен.

Манюшка. Ты с ножом? Ты говори, если с ножом, я прямо буду караул кричать.

Газолин. Я с ножом. Предложение делать.

Херувим *(внезапно)*. Кто предложение?

Газолин. А-а-а... Вот он, помосники, а помосники. Ах ты, сукин сын!

Херувим. Ты иди с квартиры, иди! Это моя квартира Зойкина, моя.

Манюшка. Ой, что это будет!

Газолин. Твоя? Бандить! Захватил квартиру Зойкину Я тебя подобраль, ты как собака был, а ты... Не месай. Я предложение буду делать Мануське!

Херувим. Я узе делал. Она моя зена. Со мною зивет.

Газолин. Врешь, со мною зивет.

Манюшка. Врет, врет, врет! Херувимчик, голубчик бриллиантовый, раз поцеловались.

Херувим. Врес! Уходи из моей квартиры.

Газолин. Ты уходи! Я милиции все расскажу, какой ты китайский тип!

Херувим. Милиции рассказы?

Манюшка. Зайчики, миленькие! Только не режьтесь, дьяволы!

Херувим и Газолин шипят.

Херувим *(бросается на Газолина с ножом)*. Ап.

Манюшка. Караул, караул, караул!

Газолин. Караул! *(Бросается в зеркальный шкаф.)*

Херувим бросается в шкаф с ножом. Вдруг звонок.

Манюшка. Слава тебе господи! Брось ножик, черт окаянный! На каторгу тебя заберут! Позвонили, дурак! Беги в кухню!

Херувим *(закрывая шкаф на ключ)*. Я его потом дорежу! *(Прячет ключ в карман и исчезает.)*

Манюшка. Ох ты, господи, господи! *(Бежит в переднюю.)* Вам кого, товарищ?

Толстяк. Это не у вас, товарищ, караул кричали?

Манюшка. Что вы, что вы, какой караул. Это я пела.

Толстяк. Хороший голос у вас, товарищ.

Манюшка. А вам кого, товарищ?

Пеструхин. Мы, товарищ, комиссия из Наркомпроса. Покажите-ка нам мастерскую.

Манюшка. Заведующей сейчас нету, сегодня воскресенье, занятиев нет.

Толстяк. А вы кто ж такая сами будете?

Манюшка. Я ученица-модельщица.

Пеструхин. Ну вот, вы и покажите, а то нам времени нету.

Манюшка. Ну, тогда пожалуйста.

Толстяк. Здесь что же помещается?

Манюшка. А это примерочная.

Толстяк. Хорошая комнатка. Вы что же, только на дам шьете?

Манюшка. Зачем только на дам, и на женщин шьем, прозодежду для пролетариата.

Пеструхин. Покажите-ка нам прозодежду.

Манюшка. Пожалте.

Отдергивает занавеску, среди юбок сидит Херувим.

Толстяк. Вот так прозодежда! Китаец.

Манюшка. Это из прачечной к нам ходит, юбки гладит.

Пеструхин. А, юбки.

Толстяк. Ты что же, ходя, сдельные получаешь?

Херувим. Сидельни.

Толстяк. Ну, гладь, гладь, мы тебе не будем мешать. *(Задергивает занавеску.)*

Пеструхин. Тэкс, брекекекс. Здесь кто живет при самой мастерской?

Манюшка. Пельц, заведующая, а потом администратор Александр Тарасович Аметистов.

Толстяк. Красивая фамилия. А еще кто?

Манюшка. А еще я.

Пеструхин. Вы сами кто будете, товарищ, по происхождению?

Манюшка. Мой папаша крестьяне были.

Толстяк. А теперь они кто?

Манюшка. Померли.

Толстяк. Какая жалость, а мамаша?

Манюшка. Они чернорабочие.

Толстяк. Где работают?

Манюшка. Они в Тамбове на базаре ларек имеют.

Толстяк. Молодец ваша мамаша. Ну, товарищ дорогой, покажите-ка нам остальное помещение.

Манюшка. Пожалуйста. Вот малая примерочная. *(Уходит с Толстяком.)*

Ванечка *(шепотом)*. Товарищ Пеструхин, так невозможно. Ну, хорошо, на горничную напали, на дуру, а будь Аметистов здесь, ведь это безобразие. Я ему говорю: давай, говорю, наркомпросовскую бородку клинышком, чтоб под Главполитпросвет была сделана, а он сует спецовскую экономическую жизнь. *(Снимает бородку.)* Натереть ему морду этой бородой. Халтурщик. Гнать таких надо парикмахеров.

Пеструхин. Не гудите, Ванечка. Приступайте.

Ванечка надевает бороду, оживает, как ртуть, вынимает отмычки, осматривает столы, отдергивает занавески, обнаруживает картину обнаженной женщины.

Го-го-го, сюжетец.

Ванечка. Абсолютно. Говорил я, товарищ Пеструхин, квартирка.

Пеструхин. Не гудите, Ванечка. Действуйте.

Ванечка открывает шкаф с Газолином.

Газолин *(глухо)*. Караул.

Пеструхин. Что это такое? Куда ни плюнешь — китаец.

Ванечка. Абсолютно.

Пеструхин. Сидишь?

Газолин. Сидю.

Пеструхин. Ты что здесь делаешь?

Газолин. Я мало-мало прятался. Мене сейчас Херувимка-бандити резать будет.

Пеструхин. Как резать?

Газолин. Он тут, бандит Херувимка, Сен-Дзин-По.

Пеструхин. Это который сейчас рядом сидел?

Газолин. Да, да. Меня мало-мало спасите.

Пеструхин. Спасем, спасем, не расстраивайся.

Ванечка. Абсолютно.

Пеструхин *(шепотом)*. А зачем же Херувимка в квартире бывает?

Газолин. Он мерзавец, бандит. Сюда опиум таскает. Здесь опиум в квартире курят. Танцуют все, в квартире.

Пеструхин. Тэкс, тэкс, брекекекс. Ванечка, он вам известен?

Ванечка. Абсолютно. Ган-Дза-Лин, прачешная на Садовой.

Пеструхин. Ну, вот что, дружок. Выкатывайся из шкафа, лети к себе домой и там жди. Мы к тебе сейчас будем. Все расскажешь. Только ты, уважаемый, ходу не вздумай дать. Мы тебя на дне моря найдем.

Ванечка. Абсолютно.

Газолин. Я не убегу. Только вы Херувима заберите, он бандит, он узе одного человека резал, его милиций ищет.

Пеструхин. Будь благонадежен. Ну, прыгай домой.

Газолин исчезает. Ванечка закрывает за ним выходную дверь.

Пеструхин. Ну, дела. *(Закрывает шкаф на ключ.)*

Толстяк *(входя с Манюшкой)*. Прекрасно. И светло, и ясно. Отлично устроено помещение, товарищ Пеструхин.

Пеструхин. Да, это верно. А скажите, дорогой товарищ, тут в шкафу что у вас?

Манюшка. Тут... тут... тряпки разные. Да у меня ключа нету, ключ-то у заведующей.

Пеструхин. Ну, не беспокойтесь тогда. В другой раз как-нибудь посмотрим. Ну, вот что, товарищ модельщица. Передайте заведующей, что была комиссия из Наркомпроса, осмотрела все, нашла мастерскую в образцовом порядке. Мы им бумагу пришлем официальную.

Толстяк. Кланяйтесь.

Ванечка. Абсолютно.

Пеструхин. До свиданья.

Выходят. Манюшка закрывает за ними дверь и возвращается.

Херувим *(вылетает как буря, с ножом)*. Усли! Милиция расскази! Я тебе рассказу! *(Бросается к шкафу.)*

Манюшка. Дьявол! Караул!

Херувим открывает шкаф, в нем пусто.

Манюшка. Что же это такое делается?!

Выпучив глаза, смотрит на Херувима. Херувим на нее. Сцена гаснет. Тьма.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Ночь. Квартира ярко освещена. Шампанское. Цветы. Во всех комнатах идет пир. При открытии занавеса звенит гитара, звенят бокалы.

Лизанька *(стоя на столе, поет под аккомпанемент Аметистова на гитаре).*

Отчего да почему да по какому случаю
Коммуниста я люблю, а беспартийных мучаю!

Аметистов. Эх, раз, еще раз!

Роббер.
Поэт. } Браво, Лизанька! Эх, раз!

Аметистов *(кричит хроматической гаммой).* Делай! Ах-тах-тах-тах-тах!

Бурные взрывы хохота за сценой, звон битого стекла.

Зойка *(появляется в ослепительном туалете).* Господа, кому угодно еще шампанского? Александр Тарасыч, не забывайте гостей.

Аметистов. Ни в коем случае я их забыть не могу. Клиент нашей фирмы должен чувствовать себя как на лоне природы. Херувим!

Распахивается занавес, показывается ниша, превращенная в курильню с китайским бумажным фонарем. Виден Курильщик в качалке.

Курильщик *(стонет).* Нирванна...

Зойка исчезает.

Херувим *(появляется из ниши. Он странен, великолепен).* Сто?

Аметистов. Шампанского!

Херувим исчезает.

Лизанька.

Я ли милую мою из могилы вырою,
Вырою, обмою...

Аметистов *(с пафосом).* И опять зарою!

Роббер.
Поэт. } Эх, раз, еще раз! Лизанька, браво, браво! *(Аплодируют.)*

Херувим подает шампанское, исчезает в нишу, задергивает Курильщика. Взрыв хохота за сценой. Слышен глухой вопль Мертвого тела. Хохот Мымры, хохот Ивановой.

Зойка *(за сценой).* Господа, что вы!

Поэт. Лизанька, Лизанька! Нет, у меня нет слов, чтобы выразить вам мой, мой... Что я хотел сказать... восторг. Вот книжка моих стихов. Прочтите. Вы поймете, что у меня вселенская душа.

Аметистов. Браво, браво!

Лизанька *(принимает книжку стихов)*. Мерси. *(Засовывает книжку за чулок.)*

Роббер. Лизанька, поцелуйте меня!

Поэт. Нет, меня!

Роббер. Виноват, молодой человек. Виноват.

Поэт. Лизанька, неужели мои стихи не стоят поцелуя?

Аметистов. Пардон-пардон, кто же в этом сомневается?

Роббер. Лизанька, долой поэта! Молодой человек, что вы прилипли?

Поэт. Простите, я имею такое же право, как и вы! *(Явно пьян.)*

Аметистов. Виноват, миль пардон. Лизанькин поцелуй такого сорта, что спор неизбежен. Если б я вам рассказал, какие люди добивались ее поцелуя...

Лизанька *(пьяна)*. И добились.

Аметистов. Пардон-пардон...

За сценой начинается фокс-трот под рояль. Слышно, как шаркают ногами — танцуют.

Пардон-пардон. Я Лизаньку поцеловал однажды и после этого рыдал два месяца. Ой! Пардон.

Роббер. Лизанька, я жду.

Поэт. А я? Да разве эта черствая душа в пенсне...

Роббер. Молодой человек, полегче.

Аметистов *(вскакивает на стол, зажигает над Лизанькой лампу, придает Лизаньке позу)*. Рынок невольниц в Алжире или Тунисе, по желанию почтенной публики. Поцелуй Лизаньки продается с аукциона! Основная цена пять... рублей.

Роббер. Шесть.

Аметистов. Я принимаю вашу цену. Шесть — раз.

Лизанька. Еще раз!

Аметистов. Шесть — два! *(Стучит молотком.)*

Поэт. Семь рублей.

Аметистов. У пианино — семь рублей. Благодарю вас, семь — раз.

Лизанька. Еще много, много раз!

Роббер. Восемь!

Поэт. Девять!

Аметистов. Благодарю вас. Девять.

Распахивается занавес, и из ниши выходит Курильщик.

Курильщик *(смеется странным смехом).* Десять.

Аметистов. Благодарю вас. В нише — десять.

Курильщик. Одиннадцать.

Аметистов. Вы восхищаете меня. Одиннадцать — раз. Одиннадцать — два.

Роббер. Держу.

Зойка *(внезапно).* Поцелуй Лизаньки за одиннадцать рублей! Я стыжусь за вас, господа. Тогда я даю пятнадцать.

Аметистов. Гран мерси[1]. Фирма бьет. Фирма не уступит. Пятнадцать — раз, пятнадцать — два.

Зойка исчезает, все время звучит фокс-трот за сценой.

Роббер. Держу.

Курильщик. Шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать, еще раз...

Лизанька. Еще много, много раз...

Аметистов. Ниша ведет. В нише двадцать. В нише — два червонца — раз, в нише два червонца — два...

Роббер. Уступаю.

Аметистов. Здесь уступают, ниша получает шанс. Я завидую вам. Два червонца — два...

Поэт. Лизанька, я вас теряю. Лиза, прочти книгу моих стихов.

Аметистов. Двадцать — три. Я поздравляю вас, счастливец.

Курильщик достает бумажник. Зойка появляется как из-под земли, принимает два червонца. Один из них протягивает Лизаньке, та прячет его в чулок.

Курильщик *(поднимается на стол, тянется губами).* Я не могу. Мой златокудрый Аполлон! *(Скрывается в нише.)* Дарю.

Поэт. Я понимаю этого человека. Лизанька, он подарил ваш поцелуй мне.

Роббер. Объедочками питаетесь, молодой человек. *(Уходит.)*

Аметистов *(философски).* Пардон-пардон, не оскорбляйте фирмы. *(Исчезает.)*

Фокс-трот за сценой принимает несколько дикий характер. Взрывы хохота. Опять глухой вопль Мертвого тела. Не разберешь, что он кричит. В фокс-троте вылетает Иванова с Фокстротчиком.

---

[1] Grand merci.— Большое спасибо *(фр.).*

Фокстротчик *(танцуя)*. Вы танцуете совершенно исключительно. *(Напевает.)* Пам-пам-пам...

Иванова. В вашем профиле есть что-то греческое

Лизанька проносится в фокс-троте с Поэтом.

Поэт. Лизанька, в этом фокс-троте звучит что-то инфернальное. В нем нарастающее мученье без конца.

Лизанька. Лам-ца-дрица-а-ца-ца...

Улетают

Мымра *(проносится в фокс-троте с Роббером)*. Вы, вероятно, страшно страстный. Ах, мужчины в пенсне меня волнуют!

Роббер. Благодарю вас. *(Уносится.)*

Мертвое тело *(выплывает с хриплым пением)*. Из-за острова на стрежень, на простор речной волны... Басы, полегче... Выплывают расписные — тенора, тише — Стеньки Разина челны...

Херувим входит из ниши.

Мертвое тело. Позвольте вас спросить, мадам.

Херувим. Я не мадама есте.

Мертвое тело. Что за черт! К кому ни ткнешься, все не мадам да не мадам... а сулили девочек.

Херувим исчезает

И за борт ее бросает в набежавшую волну... *(Подходит к манекену.)* Ага, наконец-то дама. Мадам, один тур. Улыбаетесь? Улыбайтесь, улыбайтесь, только смотрите, чтоб вам потом плакать не пришлось. Вы, может быть, думаете, что я пьян? Жестоко ошибаетесь.

За сценой ликует фокс-трот

(Обнимает манекен за талию и танцует с ним.) Сколько вам лет, милочка? Неужели? Никогда бы не дал. Никогда в жизни не держал в руках такой талии. *(Танцует, рыдая, кричит тоскливо.)* Долой присяжного поверенного Роббера, захватившего всех дам! Уйди, подлец! *(Бросает манекен на диван.)* Глаза б мои на тебя не смотрели.

Аметистов *(внезапно)*. Пардон-пардон. Чего же вы расстроились, почтенный Иван Васильевич? Что вы, что вы? Чего вам не хватает в жизни?

Мертвое тело. Погоди, погоди! Вот придут наши, я вас всех перевешаю. *(Поет уныло.)* Пароход идет прямо к пристани, будем рыб мы кормить коммунист...

Аметистов. Неудобно, неудобно, Иван Васильевич. Позвольте, я вам нашатырного спирта накапаю.

Мертвое тело. Так, так. Новое оскорбление. Все пьют шампанское, а мне нашатырного спирту!

Аметистов. Пардон-пардон, Иван Васильевич. Вы переутомились.

Роббер. Боже мой, Иван Васильевич! Нарезался как зонтик. Ну как тебе не стыдно! Ну, ты подумай. Где ты? В «Новой Баварии», что ли? Ты посмотри, какие женщины!

Мертвое тело. Да, спасибо. *(Указывает на манекен.)*

Роббер. Иван Васильевич, постыдись!

Мымра *(появляется).* Иван Васильевич, миленький, что с вами?

Аметистов. Иван Васильевич, пожалуйте в столовую, вам необходимо подкрепиться.

Мымра. Негодный, я буду вашим спутником, хоть вы этого не заслужили.

Мертвое тело. Пойди ты от меня к черту. Ты предатель!

Мымра. Противный, вы не узнаете меня? Я сидела рядом с вами за ужином.

Мертвое тело. Ну и что ж, что сидела? И она сидела. *(Указывает на Аметистова.)* А какой толк?

Роббер. Опозорил ты меня навеки, Иван Васильевич. Наталья Николаевна, примите мое глубочайшее извинение. Вы хотите — я на колени стану!

Мымра. Ах, что вы, что вы!

Роббер *(на коленях).* Не сердитесь на него. У него, в сущности, золотое сердце. Он из Ростова-на-Дону, домовладелец, симпатичнейшая личность. Но, понимаете, вот...

Мертвое тело. Унижайся, унижайся, как насекомое.

Аметистов *(Мымре).* Наталья Николаевна, берите его под ручку. Иван Васильевич, пожалуйте, пожалуйте.

Мертвое тело. Спасибо тебе. Один ты порядочный человек. Я тебя знаю, подлец,— ты из Воронежа.

Уходят.

Зоя *(вырастает из-под земли).* Справились?

Роббер. Зоя Денисовна, примите мои глубочайшие извинения, от имени Ивана Васильевича тоже.

Зоя. Ну, какие пустяки. Бывает, бывает.

Роббер. У него острое малокровие. Он из Ростова-на-Дону, шампанское бросилось в голову. На коленях молю у вас...

Зоя. Ах, что [вы], что вы! Ну, какие пустяки. Бывает. Только... я не знаю, как я с ним распрощаюсь. Он плохо отдает себе отчет в происходящем...

Роббер. Помилуйте, Зоя Денисовна. Я сию же секунду улажу этот вопрос. Сколько я вам должен?

Зоя. Двести десять рублей.

Роббер. Слушаюсь. Иван Васильевич тоже?

Зоя. Да.

Роббер. Слушаю. *(Достает деньги.)* Двести десять и двести десять—это четыреста...

Зоя. Двадцать.

Роббер. Точно так. Какие у вас математические способности. Зоя Денисовна! Мерси, мерси. От имени Ивана Васильевича тоже. Ваш вечер поразителен.

За сценой гремит фокс-трот.

Зоя Денисовна, окажите мне честь. Один тур.

Зоя. Ах, я стара.

Роббер. Ах, что вы. Это звучит кощунственно.

Устремляется в танце с Зоей.

Херувим в позе китайского божка остается в нише. В его агатовых глазах забота.

Манюшка *(пробегает с подносом).* Ты что ж, дурачок, такой скучный сидишь?

Херувим. Я, Мануска, мало-мало думаю. Куда Газолини пропал?

Манюшка. Ну, куда пропал? Ключ в кармане был, отпер да выскочил.

Херувим. Нет, Мануска. Мы мал-мало скоро бези будем.

Манюшка. Куда там бези! *(Убегает.)*

Аметистов *(входя).* Херувим, сейчас должна прийти Алла Вадимовна. Понял? Задержи ее в передней и вызови меня или Зою Денисовну. Понял?

Херувим. Понял.

Аметистов исчезает. Херувим уходит за занавеску. За сценой буйно и весело, под рояль, поют «Светит месяц».

Гусь. Гусь, ты пьян. До чего ты пьян, коммерческий директор тугоплавких металлов, не может изъяснить язык. Ты один только знаешь, почему ты пьян, но никому не скажешь, ибо мы, гуси, гордые. Вокруг тебя Фрины и

Аспазии вертятся, как легкие сильфиды, и все увеселяют тебя, директора. Но ты не весел. Душа твоя мрачна. Почему? Ответь мне. *(Манекену.)* Тебе одному, манекен французской школы, я доверяю свою тайну. Я...

Зоя *(внезапно)*. Влюблен.

Гусь. А, Зойка! Вот так мастерская! Ай да пошивочная. Ну, ничего, ничего. Ты — гениальная женщина. Хочешь, я выдам тебе удостоверение — предъявительница сего есть действительно гениальная предъявительница. Ах, Зоя! Змея обвила мое сердце, и я догадываюсь, что она дрянь.

Зоя. Гусь, стоит ли мучаться? Ты найдешь другую.

Гусь. Ах, Зоя! Покажи мне кого-нибудь, чтобы я хоть на время забыл про нее и вытеснил ее из своего сердца, потому что иначе в Москве произойдет катастрофа: Гусь разрушит на Садовой улице свою семейную жизнь с двумя малютками и уважаемой женой... двумя малютками, похожими на него, как червонец на червонец.

Зоя. О, мой Гусь, мой старый приятель! Подожди только несколько минут, и ты увидишь такую женщину, что забудешь все на свете. И она будет твоя, потому что кто же с тобой, Гусем, может тягаться!

Гусь. Спасибо тебе, Зойка, за такие слова. Зойка, я хочу тебя наградить. Сколько я должен тебе?

Зоя. Такие вечера мы устраиваем в складчину, но вы мой друг и гость. Я с вас ничего не возьму.

Гусь. Ах, ты не хочешь брать? Но а я хочу давать. Гусь широк, как Волга, когда пылает его душа. Зоя, бери триста рублей.

Зоя. Мерси.

Гусь. И зови их всех, сзывай, сзывай сюда всех.

Зоя *(кричит)*. Лизанька, мадам Иванова.

Гусь *(играет на губах кавалерийский сигнал)*. Я буду всех награждать.

Аметистов *(вырос из-под земли)*. Всякий труд достоин награды. Пардон-пардон.

Гусь. Администратор! Ты устроил на Садовой улице, в Москве, Париж, в котором отдохнула моя измученная душа! Прими!

Аметистов. Данке зэр[1]. *(Манит пальцами кого-то из-за занавески.)*

Лизанька и Иванова появляются.

[1] Danke sehr. — Благодарю *(нем.)*.

Гусь. Вы прямо весталки. *(Дает деньги.)*

Лизанька. Рады стараться, ваше превосходительство.

Гусь *(целует Иванову)*. На!

Иванова. В вас есть что-то азиатское!

Гусь *(Лизаньке)*. На!

Лизанька. Мерси.

Херувим входит.

Гусь. А, китаец. Получай, Херувим. Кому бы мне еще дать? Покажите мне еще кого-нибудь, чтоб я мог его озолотить.

Манюшка появилась.

Зоя. Не надо, Борис Семенович. Ваша щедрость не по советским временам.

Гусь. Не бойся, Зоя. Трудно Гуся выставить из денег. *(Манюшке.)* Светит месяц, говоришь? Ну, свети, свети. *(Дает деньги.)*

Манюшка. Мерси.

Поэт *(выскакивает с криком)*. Лизанька, где же вы?

Гусь. На!

Поэт. Что вы, уважаемый Борис Семенович?

Гусь. Не возражать!

Поэт. Тогда разрешите, уважаемый Борис Семенович, поднести вам книжку моих стихов.

Гусь. Не разрешаю! Обратись к секретарю!

Аметистов *(отдернул занавеску, выводит Обольянинова)*. Месье Обольянинов!

Гусь *(Обольянинову)*. На!

Обольянинов. Мерси. Когда изменятся времена, я вам пришлю моих секундантов.

Гусь. Дам, дам, и им дам!

За сценой взрыв мужского хохота.

(Манекену.) На!

Аметистов. Маэстро, марш в честь Бориса Семеновича.

Обольянинов играет на пианино марш, под него все торжественно выходят.

Аллилуя появился внезапно из передней, изумлен.

Зоя. Что это значит, любезнейший? Как вы пробрались без звонка?..

Аллилуя. Извиняюсь. У меня ключи от всех квартир. Ай да Зоя Денисовна, ай да показательная! Ну, теперь все понятно! Открыли вы, Зоя Денисовна...

Зоя. Аллилуя, вы наглец! *(Дает ему деньги.)* Молчать! *(Шепотом.)* Все уладим, Аллилуя, не волнуйтесь.

Аллилуя. Это другой разговор. *(Исчезает.)*

Аметистов *(появляется)*. Маэстро, прошу в залу к роялю. Гости просят уан-стэп.

Обольянинов. Хорошо.

Зоя. Павлик, Павлик, потерпите, потерпите.

Обольянинов. Я терплю. Напоминают мне они.

Зоя, Аметистов и Обольянинов уходят. Тихий звонок. Херувим пробегает в переднюю, потом таинственно обратно. Зоя пробегает в переднюю. В это время Херувим задергивает занавеску и закрывает двери.

Зоя. Ну, скорее проходите на эстраду, я вас сейчас, Аллочка, выпущу сюрпризом для них.

Алла *(в вуали)*. Сюда?

Зоя. Сюда.

Проходят. За сценой говор, гул.

Аметистов. Пардон-пардон. Прошу, господа.

За Аметистовым выходят: Поэт, Лизанька, Мымра, Иванова, Фокстротчик, Зоя, Роббер под ручку с Мертвым телом.

Пожалуйте. *(Отдергивает занавеску.)*

Выходит Курильщик, все усаживаются.

Роббер. Вы прямо фея, Зоя Денисовна. Гениально!

Мертвое тело. Как не гениально. Нашатырным спиртом. В Ростове за такие вещи морду бьют.

Роббер. Это ужас. Зоя Денисовна, простите.

Зоя *(Гусю)*. Сюда, Борис Семенович, пожалуйста.

Усаживаются.

Аметистов *(у занавеса)*. Сиреневый туалет! Демонстрирован на вечере у президента Французской Республики. Цена шесть тысяч франков. Ателье!

Херувим отдергивает занавес. На эстраде сирень.

Маэстро, прошу!

Обольянинов начинает страстный вальс.
Алла на эстраде выступает под музыку.

Гусь. Что такое?! Это она... Очень хорошо!..

Поэт. Очень хорошо!

Все. Браво, очень хорошо!

Алла. Ах!

Гусь. Ах! Как вам нравится этот «ах»! Очень хорошо! Замечательно. Алла Вадимовна!

Все аплодируют.

Алла. Это вы?

Гусь. Нет, это мой сосед!

Алла. Как вы попали сюда?!

Гусь. Как вам это понравится? А? Она спрашивает, как я сюда попал, в то время когда я должен спросить ее, как она сюда попала!

Роббер. Вот так штука!

Алла. Я поступила модельщицей.

Гусь. Модельщицей! Женщина, которую я люблю, женщина, на которой я, Гусь-Ремонтный, собираюсь жениться, бросив супругу и пару малюток, очаровательных ангелков,— она поступает в модельщицы! Да ты знаешь ли, несчастная,— да, именно несчастная,— куда ты поступила?

Алла. Конечно, знаю. В ателье.

Гусь. Ну да. Оно пишется ателье, а выговаривается веселый дом!

Все. Что такое, что такое, что такое?

Гусь. Видали вы, дорогие товарищи, такое ателье, где костюмы показывают под музыку!

Мертвое тело. Правильно! Бей их!

Аметистов. Пардон-пардон...

Поэт. Что такое произошло?

Зоя. Ага. Теперь понятно. «У меня никого нет, Зоя Денисовна, с тех пор, как умер мой муж...» Ах вы, дрянь, ах вы, ломака! Ведь я же вас спрашивала. Предупреждала. Спасибо, Аллочка, за скандал!

Поэт. В чем дело?

Роббер. Понятно в чем. Хи-хи.

Поэт. Уважаемый Борис Семенович!

Гусь. Вон! Спасибо вам, Зоя Денисовна. Спасибо, спасибо! Вы мне в качестве модельщицы выставили мою невесту! Мерси.

Алла. Я не невеста вам!

Гусь. Я с нею живу, между нами.

Мертвое тело. Ура!

Аметистов. Пардон-пардон, Иван Васильевич.

Роббер. Интереснейшая история.

Гусь. Зоя, убери их всех. Убери эту рвань!

Фокстротчик. Позвольте!

Мымра. Ах! *(Обморок.)*

Роббер. Ну, уж вы, будьте добры, полегче, Борис Семенович!

Поэт. Это задевает достоинство!

Лизанька. Сюрприз!

Гусь. Все вон!

Обольянинов *(оборвал вальс)*. Что такое?

Зоя. Господа, господа! Мне крайне неприятно. Маленькое недоразумение, оно сейчас разъяснится! Господа, я очень прошу всех в зал. Александр Тарасович, уладьте.

Аметистов. Пардон-пардон. Прошу, господа. Пожалуйте. Маэстро, в зал! Господа, такие происшествия нередки в высшем свете. Прошу!

Зоя. Павлик, фокс-трот немедленно в зале. Мадам Иванова...

Иванова *(Фокстротчику)*. Идемте. *(Обхватывает его.)*

Зоя. Сашка, уладь, уладь, уладь! *(Исчезает, закрывает за собою дверь.)*

Курильщик уходит с Херувимом. На сцене остаются Алла и Гусь, через некоторое время появляется Аметистов и во все время объяснения выглядывает из-за занавески. За сценою начинается фокс-трот, слышно, как танцуют

Гусь. Ателье! Ты, ты...

Алла. А как же вы попали в это ателье?

Гусь. Кто? Я? Я?! Я — мужчина! Я хожу в брюках, а не в платье, на котором разрез до самой шеи. Я хожу сюда потому, что ты выпила из меня всю кровь! А ты? А ты зачем?

Алла. За деньгами.

Гусь. Ты это сделала сознательно?

Алла. Совершенно сознательно.

Гусь. Так-с. Видали вы, граждане, сознательную женщину? Сознательные поступки, нечего сказать! Зачем тебе деньги?

Алла. Я уеду за границу.

Гусь. Не дам!

Алла. Вот я и хотела здесь взять.

Гусь. А, за границу? Как же, за границей уже все дожидаются. Отчего это Алла Вадимовна не едет? Президент в Париже волнуется!

Алла. Да, волнуется. Только не президент, а мой жених.

Аметистов. Скажи пожалуйста!

Гусь. Кто-кто-кто? Жених? Ну, знаешь, если у тебя есть жених, тогда ты знаешь, кто ты? Ты — дрянь!

Алла. Нет, я не дрянь! Не смейте оскорблять меня! Я поступила нехорошо тем, что скрыла это, но ведь я никак

не полагала, что вы влюбитесь в меня. Я хотела взять у вас деньги на заграницу и уехать.

Гусь. Бери, бери; но только оставайся!

Алла. Ни за что! Где угодно достану и уеду!

Гусь. А, теперь, когда она в моих кольцах, так она в другом месте достанет. Ты посмотри на свои пальцы!

Алла. Нате, нате! *(Бросает кольца.)*

Гусь. К черту кольца! Отвечай, сколько времени ты здесь?

Алла. В первый раз сегодня.

Гусь. Лжешь, кобра!

Алла. И не думаю лгать. Мне так надоело лгать.

Гусь. Ну, хорошо. Сию секунду слезай с этого помоста. Ты поедешь со мной или нет?

Алла. Нет. Не поеду!

Гусь. Нет? Считаю до трех. Раз, два! Ты отвечай! Считаю до десяти!

Алла. Бросьте это, Борис Семенович! И до сорока не поеду, не люблю.

Гусь. Ты — проститутка!

Алла плюет в Гуся.

Гусь *(в исступлении)*. Попрошу не плевать!

Аметистов. Пардон-пардон, и не курить. Разменом денег не затруднять, через переднюю площадку не входить! Борис Семенович...

Гусь. Виноват. Прошу вас выйти отсюда!

Аметистов. Пардон-пардон.

Гусь. Я вам говорю, виноват!

Зоя *(как фурия)*. Спасибо, спасибо! Великосветская дрянь!

Алла. Не смейте оскорблять меня, Зоя Денисовна! Мне в голову не пришло, что Борис Семенович может посещать мастерскую. Туалет я вам верну.

Зоя. Я вам его дарю. За глупость. Идиотка!

Алла. Что?! Что?!

Гусь. Стой! Куда? За границу?

Алла. Издохну, но сбегу!

Гусь. Ну, так вот. Не будь я Гусь-Ремонтный, если вы не получите шиш вместо заграницы. Увидите вы визу!

Алла. Без визы удеру!

Мертвое тело в дверях.

Мертвое тело. Позвольте. Самое интересное без меня!

Роббер. Иван Васильевич! *(Увлекает его назад.)*

За сценою фокс-трот.

Гусь. Без визы? Не удастся!

За сценою шум, фокс-трот оборвался.

Обольянинов *(в дверях)*. Я попрошу не оскорблять женщину!

Гусь. Пианист, уйди.

Обольянинов. Простите, я не пианист!

Зоя. Павлик, сейчас же играйте. Что вы делаете?

Обольянинов исчезает.

Гусь. Будете вы вещи на Смоленском рынке продавать! Вы попадете в больницу, и посмотрю я, как вы в вашем сиреневом туалете... Ах, ах...

Фокс-трот [то] обрывается, то вспыхивает вновь.

Аметистов. Алла Вадимовна, прошу. Манюшка, выпусти!

Манюшка в дверях.

Гусь. Алла, люблю! Алла, вернись! Я тебе визу достану! Визу... *(Ложится на ковер ничком.)*

Зоя. Успокаивай, успокаивай! *(Исчезает.)*

Аметистов. Коврик грязный! Все устроится. Одна она, что ли, на свете? Плюньте! Она даже и не красива. Так, ординер[1].

Гусь. Скройся! Оставь меня одного. Я буду тосковать.

Аметистов. Отлично, потоскуйте. Я возле вас здесь ликерчик поставлю и папироски. Потоскуйте. *(Исчезает, закрыв двери.)*

Глухо фокс-трот.

Гусь. Гусь тоскует. Ах, до чего Гусь тоскует! Отчего ты, Гусь, тоскуешь? Оттого, что ты потерпел непоправимую драму. Ах, я, бедный Борис! Всего ты, Борис, достиг, чего можно, и даже больше этого. И вот ядовитая любовь сразила Бориса и он лежит, как труп в пустыне, и где? На ковре публичного дома! Я, коммерческий директор! Алла, вернись!

Аметистов. Пардон-пардон. Тихонечко, а то внизу пролетариат слышит. *(Скрывается.)*

Гусь. Ах, я несчастный. Алла, вернись.

Херувим, крадучись.

---

[1] ordinaire — обычная *(фр.)*.

Гусь. Уйди, я тоскую.

Херувим. Тоскуеси. Зацем тоскуеси? Ты очинь вазный. Цего тоскуеси мало-мало?

Гусь. Не могу видеть ни одного человеческого лица, только ты один симпатичный, Херувим, китайский человек. Печаль меня терзает, и от этого я нахожусь на ковре.

Херувим. Пецаль? Я тозе пицяль.

Гусь. Ах, китаец! Чего тебе печалиться? У тебя еще все впереди. Алла!

Херувим. Мадама обманула. Все мадамы сибко нехоросие мал-мало. Ну, сто? Другую мадаму забираись. Много мадама на Москве.

Гусь. Нет, не могу я себе достать другую мадаму!

Херувим. Тебе диенге нет?

Гусь. Ах ты, симпатичный китаец! Разве может быть такой случай на свете, чтобы Гусь не имел денег! Но вот одного не может голова придумать, как эти деньги превратить в любовь! Ах, китаец мой. На, смотри.

Херувим. Сикольки много цирвонцев.

Гусь. Утром получил пять тысяч, а вечером такой удар, от которого я свалился. Я лежу на большой дороге, и пусть каждый в побежденного Гуся плюет, как Гусь плюет на червонцы! Тьфу, тьфу!

Херувим. Плюесь деньги. Смесной. У тебя деньга есть, мадама нет. У меня мадама есть, деньга нет. Дай погладить цервонцы.

Гусь. Гладь.

Херувим. А, цирвонцики, цирвончики миленьки.

Гусь. Как мне забыться? Алла!

Херувим ударяет Гуся под лопатку ножом. Гусь умирает.

Херувим. Цирвонци. Теплы Санхай. *(Усаживает Гуся в нише в качалку и дает в руки трубку.)*

Аметистов *(выглянул)*. Где он?

Херувим. Тс, я ему дал курить. Никто не ходи. Он теперь спакойни.

Аметистов. Молодец, ходя. *(Исчезает.)*

Херувим. Мануска, Мануска.

Манюшка. Чего тебе?

Херувим. Тс, Мануска. Сицяс — Санхай бези, бези вокзал.

Манюшка. Что ты, очумел?

За сценой Мымра поет: «Покинем, покинем край, где мы так страдали». Аплодисменты.

Херувим. Сицяс моклая беда будет. Цирвонци имеем.

Манюшка. Ты что такое сделал, черт?

Херувим. Гуся резал.

Манюшка. А-а-а! Дьявол! Господи Иисусе, царица небесная!

Херувим. Беги, тебе резать будем!

Манюшка. Господи! *(Исчезает с Херувимом в переднюю.)*

Аметистов. Борис Семенович. Пардон-пардон. Лежите? Ну, лежите, лежите, только как же это он вас одного оставил? Вы с непривычки можете перекурить. Ну вот, и ручка холодная. А-а! Что-о?! Сукин кот! Бандит! Этого в программе не было. Как же теперь быть? Все засыпались, разом крышка, гроб! Херувим, Херувим! Ну, конечно: ограбил и ходу дал. А я-то идиот! Что теперь делать, дорогие товарищи? Деньги на текущем. Завтра его хватятся. Вот тебе и Ницца, вот тебе и заграница. Аминь! Чего же это я сижу? А? Ходу! Верный мой товарищ, чемодан. Опять с тобою вдвоем, но куда? Объясните мне, теперь куда податься? Судьба ты моя, судьба! Звезда ты моя горемычная! Прикупил к пятерке — дамбле. Ходу! Ну, Зоечка, прощай! Прощай, Зойкина квартира!

Зоя. Александр Тарасович! Александр Тарасович! А... Борис Семенович. Один? Вы не сердитесь на меня? Я совершенно не понимаю Аллы Вадимовны. *(Глухо вскрикивает.)* Что это такое, что это такое? *(Видит брошенный фрак.)* Да неужели это он! Негодяй! Судьба моя! Манюшка, Манюшка, Манюшка! *(Мечется.)* И они! Это невозможно! *(Открывает дверь, зовет.)* Павел Федорович, Павел Федорович, на минутку! Господа, простите!

Обольянинов. Что такое, Зоечка?

Зоя. Павлик, стряслась беда! Эти негодяи, китаец с Аметистовым, убили Гуся! Ужас! И Манюшка с ними участвовала, и, пока мы там сидели, бежали.

Обольянинов. Как вы странно шутите, Зоя.

Зоя. Опомнитесь. Павлик! В качалке труп. Он в крови. Мы пропали!

Обольянинов. Позвольте, но ведь это ужасно! Нас же никто не может обвинить в убийстве. Если эти мерзавцы... При чем же мы здесь? Я не постигаю.

Зоя. Не только не могут, но наверное обвинят.

Павлуша, нельзя терять ни одной минуты! Документ есть. Деньги в спальне. *(Бросается в спальню.)*

За сценой глухая музыка, изредка аплодисменты.
Обольянинов бросается вслед за Зоей. Пауза.
Из передней появляются: Пеструхин, Ванечка, Толстяк и Газолин.
Все, кроме Газолина, в смокингах и в пальто.

Пеструхин. Тэкс, брекекекс.

Газолин. Херувимка всегда ножом ходит. Херувимку надо брать первого.

Толстяк. Тише, не расстраивайся.

Пеструхин. Это что ж, накурился?

Ванечка. Да, квартирка.

Пеструхин. Тише.

Прячутся в передней за занавеской.

Зоя *(вбегает со взломанной шкатулкой)*. Нет денег! Сашкина работа! Вор и убийца...

Обольянинов. Зоя, я ничего не постигаю.

Зоя. Некогда постигать!

Обольянинов. А эти гости?

Зоя. Павлушка, черт с ними! Бежим! *(Бросается к передней.)*

Пеструхин. Виноват. Попрошу не спешить, гражданочка.

Зоя. Ах!

Пеструхин. Мадам Пельц?

Ванечка. Абсолютно. Она.

Зоя. Кто это? Кто вы? Павлушка, это бандиты! Они зарезали Гуся!

Ванечка. Спокойно, мадам. Никого не режем. Мы с мандатом.

Зоя. А, позвольте. Я поняла! Это Уголовный Розыск.

Пеструхин. Вы угадали, мадам Пельц.

Ванечка. Абсолютно.

Зоя. Ну, вот что. Я и Обольянинов никакого отношения к убийству не имеем. Это китаец. Я даже не знаю, как его зовут,— [и] негодяй Аметистов, которого я приютила. Они убили и бежали.

Пеструхин. Кого убили?

Зоя. Гуся.

Все бросаются к трупу.

Газолин. Херувимка безал!!

Пеструхин. Эге-ге, Ванечка! Сразу надо было брать Херувимку.

Газолин. Ванецка, Херувимку выпустил! Ванецка!

Толстяк. Тише, тише, тише, тише, не расстраивайся.

Суета.

Пеструхин. Кто за дверями?

Зоя. Гости, у меня именины.

Пеструхин. Ага, так.

Зоя. Это никакого отношения к убийству не имеет!

Пеструхин. Ванечка!

Ванечка *(открывает двери)*. Ваши документы, граждане.

За сценой сразу обрывается фокс-трот.

Толстяк *(по телефону)*. Шесть шестнадцать два нуля, добавочный одиннадцать. Товарищ Каланчеев. Я говорю. Ну, я, я. Следователя и доктора. Садовая, 105, квартира 104.

Из внутренних дверей высыпают гости, все.

Роббер. Виноват. Тут недоразумение. Я совершенно случайно [попал]...

Поэт. Боже мой, боже мой!

Лизанька *(Мымре)*. Наташка, засыпались!

Иванова. Вот так номер.

Пеструхин. Пожалуйте, пожалуйте документики, граждане.

Суета. Фокстротчик попытался улизнуть.

Толстяк. Виноват, виноват. Куда ж так спешить?

Фокстротчик. Я только танцевал, видите ли...

Роббер. Простите, в чем дело? Семейные именины. Это законом не преследуется. Я сам юрист.

Толстяк. В квартирке убийство, гражданин юрист.

Все. Что, что такое? Господа, позвольте!..

Мымра. Гуся убили! *(Падает в обморок.)*

Роббер. Помилуйте, это чудовищно!

Поэт. Господи Иисусе. *(Крестится.)*

Суета.

Иванова. Что ж делать?

Лизанька. Сидеть будем без конца, лам-ца-дрица-аца-ца!

Мертвое тело *(выплывает)*. Слава тебе господи, наконец-то! Скука дьявольская. Раздевайтесь, братцы, раздевайтесь, братцы. Мы сейчас такой тарарам устроим...

Роббер. Заткнись, идиот. В квартире убийство!

Суета.

Пеструхин. Ванечка, осмотрите, нет ли еще кого.

Ванечка *(в дверях)*. Никого нету, сухо, товарищ Пеструхин.

Газолин. Выпустили Херувимку, выпустили Херувимку!!

Зоя. Эх вы, ловкачи в смокингах, кого же вы берете?

Мертвое тело. Кого берете, товарищи, а? Раздевайтесь!

Зоя. А убийцы бежали!

Толстяк. Что вы, мадам. Куда это они сбегут? По СССР бегать не полагается. Каждый должен находиться на своем месте.

Ванечка. Абсолютно.

Звонок.

Пеструхин. Тише. Ванечка, впустить. Граждане, никаких разговоров о происшествии, за это строго ответите. Попрошу соблюдать прежнее настроение.

Звонок повторяется.

Мертвое тело. Совершенно правильно. Никаких разговоров. Шампанского! Человек!

Ванечка впускает Аллилую.

Аллилуя. Здрасьте, граждане. Зоя Денисовна, вечерок еще не кончился? Соседи обижаются.

Толстяк. Вы кто такой, гражданин?

Аллилуя. Довольно странно. Это я вас, председатель домкома, могу спросить, кто вы такой?

Толстяк. Гуся знал?

Аллилуя. Да что это вы, в самом деле? Я к Зое Денисовне. Пропустите, пожалуйста.

Пеструхин. Отвечай, гражданин, на вопрос.

Аллилуя. А вы кто ж это сами-то будете? А? Гуся? Как же, как же, знаю. Они в нашем доме проживают, товарищи. Я, товарищи дорогие, давно начал замечать. Подозрительная квартирка. Все как будто тихо, мирно. А вот не нравится. Сосет у меня сердце и сосет. Я и сейчас, товарищи дорогие, для наблюдения прибыл. Подозрительная квартирка.

Зоя *(внезапно)*. Для наблюдения! Ах ты, мерзавец! Слушайте, вы! Я ему деньги платила. У него и сейчас в кармане моя десятичервонная бумажка, и я знаю номер!

Аллилуя засунул в рот червонец.

Толстяк. Ты что же это? Дефективный, что ли? Червонцы грызешь!

Аллилуя. Я, товарищи, человек малосознательный, от станка. Испугался.

Толстяк. Испугался. У тебя под носом Гуся режут, а ты червонцами закусываешь, председатель свинячий!

Аллилуя. Господи Иисусе! *(Падая на колени.)* Товарищи, принимая во внимание темноту и невежество, как наследие царского режима, а равно также... считать приговор условным... Что такое говорю, и сам не понимаю.

Толстяк. Поднимайся.

Аллилуя. Товарищ...

Роббер. Нельзя ли по телефону позвонить?

Толстяк. Телефон отпадает.

Пеструхин. Ванечка, забирайте. Граждане, пожалуйте. На лестнице, граждане, никаких разговоров. За это ответите.

Роббер. Какие уж тут разговоры, разве что о погоде.

Мертвое тело. Ехать так ехать, сказал попугай. *(Валится к пианино и играет бравурный марш.)*

Пеструхин. Забрать его.

Зоя. Павлушка, будьте мужчиной. Я вас не брошу в тюрьме. Прощай, прощай, моя квартира!

Занавес

Конец

1926

БАГРОВЫЙ ОСТРОВ

ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ ПЬЕСЫ ГРАЖДАНИНА ЖЮЛЯ ВЕРНА В ТЕАТРЕ ГЕННАДИЯ ПАНФИЛОВИЧА. С МУЗЫКОЙ, ИЗВЕРЖЕНИЕМ ВУЛКАНА И АНГЛИЙСКИМИ МАТРОСАМИ

В 4-х действиях с прологом и эпилогом

Действие 1-е, 2-е и 4-е происходят на необитаемом острове, действие 3-е в Европе, а пролог и эпилог в театре Геннадия Панфиловича.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Геннадий Панфилович, директор театра, он же лорд Эдвард Гленарван.

Василий Артурыч Дымогацкий, он же Жюль Верн, он же Кири-Куки — проходимец при дворе.

Метелкин Никанор, помощник режиссера, он же слуга Паспарту, он же ставит самовары Геннадию Панфиловичу, он же Говорящий попугай.

Жак Паганель, член Географического общества.

Лидия Иванна, она же леди Гленарван.

Гаттерас, капитан.

Бетси, горничная леди Гленарван.

Сизи-Бузи 2-й, белый арап, повелитель острова.

Ликки-Тикки, полководец, белый арап.

Суфлер.

Ликуй Исаич, дирижер.

Тохонга, арап из гвардии.

Кай-Кум, первый положительный туземец.

Фарра-Тете, второй положительный туземец.

Музыкант с валторной.

Савва Лукич.

Арапова гвардия (отрицательная, но к концу пьесы раскаялась), красные туземцы и туземки (положительные и несметные полчища), гарем Сизи-Бузи, английские матросы, музыканты, театральные кадристы, парикмахеры и портные.

ПРОЛОГ

Открывается часть занавеса, и появляется кабинет и гримировальная уборная Геннадия Панфиловича. Письменный стол, афиши, зеркало. Геннадий Панфилович, рыжий, бритый, очень опытный, за столом. Расстроен. Где-то слышна приятная ритмическая музыка и глухие ненатуральные голоса (идет репетиция бала). Метелкин висит в небе на путаных веревках и поет: «Любила я, страдала я... а он, подлец... сгубил меня...»

День.

Геннадий. Метелкин!

Метелкин *(сваливаясь с неба в кабинет).* Я, Геннадий Панфилыч.

Геннадий. Не приходил?

Метелкин. Нет, Геннадий Панфилыч.

Геннадий. Да на квартиру-то к нему посылали?

Метелкин. Три раза сегодня курьер бегал. Комната на замке. Хозяйку спрашивает, когда он дома бывает, а та говорит: «Что вы, батюшка, его с собаками не сыщешь!»

Геннадий. Писатель. А? Вот черт его возьми.

Метелкин. Черт его возьми, Геннадий Панфилыч.

Геннадий. Ну что квакаешь, как попугай. Делай доклад.

Метелкин. Слушаю. Задник «Марии Стюарт» лопнул, Геннадий Панфилыч.

Геннадий. Я, что ли, тебе задники чинить буду. Лезешь с пустяками. Заштопать!

Метелкин. Он весь дырявый, Геннадий Панфилыч. Намедни спустили, а сквозь него рабочих на колосниках видать...

На столе звенит телефон.

Геннадий. Заплату положи. *(По телефону.)* Да? Театр. Контрамарок не даем. Честь имею. *(Кладет трубку.)* Удивительное дело. В трамвай садится, небось он у кондукторши контрамарку не просит, а в театр почему-то священным долгом считает ходить даром. Ведь это нахальство. А? Нахальство?

Метелкин. Нахальство.

Геннадий. Дальше!

Метелкин. Денег пожалте, Геннадий Панфилыч, на заплату.

Геннадий. Сейчас отвалю. Червонцев сорок, как этому гусю уже отвалил. Возьмешь, вырежешь...

Телефон.

Да. Контрамарок не даем. Да. *(Кладет трубку.)* Вот типы! Возьмешь...

Телефон.

Ах, чтоб тебе треснуть... Что? Никому не... Виноват... Евгений Ромуальдович? Не узнал голоса. Как же... С супругой? Очаровательно. Прямо без четверти восемь пожалуйте в кассу... Всего добренького. *(Вешает трубку.)* Метелкин, будь добр, скажи кассиру, чтобы загнул два кресла во втором ряду этому водяному черту.

Метелкин. Это кому, Геннадий Панфилыч?

Геннадий. Ну, заведывающему водопроводом.

Метелкин. Слушаю.

Геннадий. Возьмешь, стало быть... *(Задумчиво.)* «Иоанн Грозный» больше не пойдет... Стало быть, вот что. Возьмешь ты, вырежешь подходящий кусок. Понял?

Метелкин. Понятно. *(Кричит.)* Володя. Возьмешь из задника у «Ивана Грозного» кусок, выкроишь из него заплату в «Марию Стюарт». Не пойдет «Иван Грозный»... Запретили!.. Значит, есть за что... Какое тебе дело?..

Геннадий. Еще что.

Метелкин. Велите вы кадристам, Геннадий Панфилыч, ведь это безобразие! Они жабáми лица вытирают!

Геннадий. Ничего не понимаю.

Метелкин. Выдал я им жáбы на «Горе от ума», а они ими вместо тряпок грим стирают.

Геннадий. Ах, бандиты! Ладно, я им скажу.

Телефон звенит.

(Не снимая трубки.) Никому контрамарок не даем!!

Телефон умолкает.

Ступай.

Метелкин. Слушаю. *(Уходит.)*

Геннадий. Первый час. Но если, дорогие граждане, вы желаете знать, кто у нас в области театра главный проходимец и бандит, я вам сообщу: это Васька Дымогацкий, который пишет в разных журнальчиках под псевдо-

нимом Жюль Верн. Но вы мне скажите, товарищи, чем он меня опоил? Как я мог ему довериться?

Метелкин *(быстро входит).* Геннадий Панфилыч! Пришел!

Геннадий *(хищно).* А! Зови его сюда, зови!

Метелкин. Пожалуйте. *(Уходит.)*

Дымогацкий *(с грудой тетрадей в руках).* Здравствуйте, Геннадий Панфилыч.

Геннадий. А, здравствуйте, многоуважаемый товарищ Дымогацкий, бонжур, мсье Жюль Верн!

Дымогацкий. Вы сердитесь, Геннадий Панфилыч?

Геннадий. Что вы? Что вы! Я сержусь? Хи-хи! Я в полном восторге!

Дымогацкий. Болен я был, Геннадий Панфилыч! Ужас! Ужас...

Геннадий. Скажите пожалуйста?.. Ах... ах... Скарлатиной?

Дымогацкий. Жесточайшая инфлуенца, Геннадий Панфилыч.

Геннадий. Так, так...

Дымогацкий. Вот, я принес, Геннадий Панфилыч.

Геннадий. Какое у нас сегодня число, гражданин Дымогацкий?

Дымогацкий. Восемнадцатое по новому стилю.

Геннадий. Совершенно верно. А вы дали честное слово, что пьесу доставите пятнадцатого!

Дымогацкий. Всего три дня, Геннадий Панфилыч.

Геннадий. Три дня! А вы знаете, что за эти три дня произошло? Савва Лукич в Крым уезжает! Завтра в одиннадцать часов утра.

Дымогацкий. Да что вы?!

Геннадий. Вот вам и «да что вы». Стало быть, ежели мы сегодня ему генеральную не покажем, то получим вместо пьесы кукиш. Вы мне, господин Жюль Верн, сорвали сезон. Я, старый идеалист, поверил вам. Когда вы аванс в 400 рублей тяпнули, у вас небось инфлуенцы не было по новому стилю. Я на декорации потратился! Производственный план сломал! Так поступатели не пи... Так писатели не поступают, дорогой гражданин Жюль Верн.

Дымогацкий. Геннадий Панфилыч! Что же теперь делать?

Геннадий. Что теперь делать? Метелкин! Метелкин!

Метелкин *(вбегает).* Я, Геннадий Панфилыч!

Геннадий. Вот что: чего они там шумят?

Метелкин. Бал репетируют.

Геннадий. К черту бал! Вели прекратить и чтобы ни один человек из театра не уходил.

Метелкин. Разгримироваться?

Геннадий. Некогда. Все нужны. Как есть.

Метелкин. Слушаю. *(Убегая.)* Володька! Вели швейцару, чтоб ни одного человека из театра не выпускал!

Геннадий *(вслед)*. Первый час в начале. Ну, господи благослови! *(По телефону.)* 16-17-20. Савву Лукича, пожалуйста. Директор театра, Геннадий Панфилыч... Савва Лукич? Здравствуйте, Савва Лукич. Как здоровьице? Слышал, слышал. Починка организма! Переутомились? Хе-хе. Вам надо отдохнуть. Ваш организм нам нужен. Вот какого рода дельце, Савва Лукич. Известный писатель Жюль Верн представил нам свой новый опус «Багровый остров». Как умер?! Он у меня в театре сейчас сидит... Ах... Хе-хе. Псевдоним. Гражданин Дымогацкий. Подписывается — Жюль Верн. Страшный талантище...

Дымогацкий вздрагивает и бледнеет.

Геннадий. Так вот, Савва Лукич, необходимо разрешеньице. Чего-с? Или запрещеньице? Хи. Остроумны, как всегда. Что? До осени? Савва Лукич, не губите! Умоляю просмотреть сегодня же на генеральной... Готова пьеса, совершенно готова. Ну что вам возиться с чтением в Крыму? Вам нужно купаться, Савва Лукич, а не всякую ерунду читать. По пляжу походить! Савва Лукич, убиваете!.. До мозга костей идеологическая пьеса. Неужели вы думаете, что я допущу что-нибудь такое в своем театре... Через двадцать минут начинаем. Ну, хоть к третьему акту, а первые два я вам здесь дам посмотреть. Крайне признателен. Гран мерси. Слушаю! Жду. *(Вешает трубку.)* Фу! Ну, теперь держитесь, гражданин автор!

Дымогацкий. Неужели он так страшен?

Геннадий. А вот сами увидите. Я тут наговорил — идеологическая, идеологическая, а ну, как она вовсе не идеологическая?.. Главное горе, что и просмотреть-то ведь некогда... *(Разбирает тетради.)*

Дымогацкий. Я старался, Геннадий Панфилыч.

Геннадий. Как стараться, как стараться! Итак, стало быть, акт первый. Остров, населенный красными туземцами, кои живут под властью белых арапов... Позвольте, это что же за туземцы такие?

Дымогацкий. Аллегория это, Геннадий Панфилыч. Тут надо тонко понимать.

Геннадий. Ох уж эти мне аллегории. Смотрите! Не любит Савва аллегорий до смерти! Знаю я, говорит, эти аллегории! Снаружи аллегория, а внутри такой меньшевизм, что хоть топор повесь. Метелкин!

Метелкин *(вбегая)*. Чего изволите?

Геннадий. На монтировку пьесы назначаю тебя. Получай, дружок, экземпляр. Первый акт — экзотический остров. Бананы дашь, пальмы... *(Дымогацкому.)* Он в чем живет? Царь-то ихний?

Дымогацкий. В вигваме, Геннадий Панфилыч.

Геннадий. Вигвам, Метелкин, нужен.

Метелкин. Нету вигвамов, Геннадий Панфилыч.

Геннадий. Ну, хижину из «Дяди Тома» поставишь, тропическую растительность, обезьяны на ветках и самовар!

Метелкин. Самовар бутафорский?

Геннадий. Э, Метелкин, десять лет ты в театре, а все равно как маленький. Савва Лукич приедет генеральную смотреть.

Метелкин. А! Так-так-так!..

Геннадий. Ну, значит, сервируешь чай. Скажи буфетчику, чтобы составил два бутерброда побогаче, с кетовой икрой, что ли.

Метелкин *(в дверь)*. Володя! Сбегай к буфетчику. Самовар на генеральную.

Геннадий. Вот оно! Не пито, не едено, а уж расходы начинаются! Смотрите, господа авторы. Какой-то доход от вашей пьесы будет, еще неизвестно, да и вообще будет ли он. Да-с. Вулкан? Э... А без вулкана обойтись нельзя?

Дымогацкий. Геннадий Панфилыч! Помилуйте. Извержение во втором акте! На извержении все построено.

Геннадий. Авторы! Авторы! Метелкин! Гор у нас много?

Метелкин. Гор хоть завались. Полный сарай.

Геннадий. Ну, так вот что: вели бутафору, чтоб он гору, которая похуже, в вулкан превратил.

Метелкин *(уходя, кричит)*. Володя, крикни бутафору, чтобы в Арарате провертел дыру вверху и в нее огню! А ковчег скиньте!

Лидия *(стремительно входит)*. Здравствуй, Геня!

Геннадий. Здравствуй, котик, здравствуй. Вот, позволь тебя познакомить... Василий Артурыч — Жюль Верн. Известный талант.

Лидия. Ах, я так много слышала об вас.

Геннадий. Моя жена, гран-кокетт.

Дымогацкий. Очень приятно.

Лидия. Вы, говорят, нам пьесу представили?

Дымогацкий. Точно так.

За сценой музыка внезапно прекращается.

Лидия. Ах, это очень приятно. Мы так нуждаемся в современных пьесах. Надеюсь, Геннадий, я занята. Впрочем, может быть, я не нужна в вашей пьесе?

Дымогацкий *(не знает — нужна она или не нужна).* Мм...

Геннадий. Конечно, душончик, натурально. Вот: леди Гленарван. Вкуснейшая роль... Вполне твоего типажа женщина. Вот, бери.

Лидия *(овладевая ролью).* Наконец-то! Мой Геннадий, из-за того, чтобы не подумали, что он дает мне роли вследствие родства, совершенно игнорирует меня. В этом сезоне я была занята только восемь раз...

Геннадий *(рассеянно).* Театр, матушка, это храм... Метелкин! Всех на сцену. Всех срочно!

Метелкин *(за сценой).* Володя!!

Слышны отчаянные электрические звонки. Занавес раздвигается и скрывает кабинет Геннадия. Появляется громадная пустынная сцена. Посредине ее стоит вулкан, сделанный из горы, и изрыгает дым.

Метелкин *(отступая задом).* Живет! Володя! Ставь его на место!

Вулкан скромно уезжает в сторону. На сцену начинает выходить труппа. Дирижер Ликуй Исаич во фраке, суфлер, Ликки во фраке, Сизи-Бузи во фраке, какие-то тонконогие барышни с накрашенными губами... Гул, говор...

Сизи. В чем дело? Репетиция?

Появляются Геннадий, Лидия Иванна и Дымогацкий. С неба мягко спускается банан и садится на Дымогацкого.

Геннадий. Легче, черти, автора задавили!

Женские голоса: «Володя, Володя!!»

Метелкин. Володька, легче! Убери его назад!

Банан уходит вверх.

Геннадий *(становится на уступ вулкана и взмахивает тетрадями).* Попрошу тишины! Я пригласил вас, товарищи, с тем, чтобы сообщить вам...

Сизи *(из Гоголя).* Пренеприятное известие...

Лидия. Тише, Анемподист.

Геннадий. ...гражданин Жюль Верн — Дымогацкий разрешился от бремени.

Кто-то хихикнул.

А интересно знать, кому здесь смешно?

Голос: «Мы не смеялись, Геннадий Панфилыч!»

Я ясно слышал «Ги-ги». Если среди кадристов есть весельчак неудержимый, он может поступить в какой-нибудь смешной театр. Я не буду удерживать. Кстати, я не позволю жабо́м стирать грим с лица. Это недопустимо, и с виновного я строго взыщу! Итак: Василий Артурыч — колоссальнейший современный талант — представил нашему театру свой последний идеологический опус под заглавием «Багровый остров»...

Гул и интерес.

...Попрошу внимания! Обстоятельства заставляют нас спешить. Савва Лукич покидает нас на целый месяц, поэтому я сейчас же назначаю генеральную репетицию в гриме и костюмах!

Сизи. Геннадий! Ты быстрый, как лань, но ведь ролей никто не знает.

Геннадий. Под суфлера. И я надеюсь, что артисты вверенного мне правительством театра окажутся настолько сознательными, что приложат все силы-меры к тому... чтобы... ввиду... и невзирая на очередные трудности... *(Зарапортовался.)* Мухин!

Суфлер. Вот он я!

Геннадий *(вручая ему экземпляр пьесы).* Подавать попрошу четко.

Суфлер. Слушаю...

Геннадий. По дороге будут исправления...

Суфлер. Понятно-с.

Геннадий. Итак, позвольте вам вкратце изложить содержание пьесы. Впрочем, налицо наш талант... Василий Артурыч! Пожалте сюда, на вулкан.

Дымогацкий. Я... Гм... Моя пьеса, в сущности, это просто так...

Геннадий. Смелее, Василий Артурыч, мы вас слушаем.

Дымогацкий. Это, видите ли, аллегория... на острове... Это, видите ли, фантастическая пьеса... На острове живут угнетенные красные туземцы под властью белых

арапов... И вот происходит извержение вулкана... Я очень люблю Жюль Верна... Даже избрал это имя в качестве псевдонима... поэтому мои герои носят имена из Жюль Верна в большинстве случаев... Вот например — лорд Гленарван...

Геннадий. Виноват, Василий Артурыч. Разрешите мне более, так сказать, конспективно... Ваше дело, хе-хе, музы, чернильца. Итак! Акт первый. Кири-Куки провокатор. Ловят двух туземцев (положительные типы). Хлоп! В тюрьму. Суд. Хлоп! Повесить. Убегают. Хлоп! Приезжают европейцы. Переговоры. Праздник на острове. Конец первого акта. Занавес.

Сизи. Вот это рассказал.

Геннадий. Заметьте, Ликуй Исаич, праздник.

Ликуй Исаич. Не продолжайте, Геннадий Панфилыч, я уже понял.

Геннадий. Вот, познакомьтесь. Наш капельмейстер. Уж он сделает музыку, будьте спокойны. Отец его жил в одном доме с Чайковским. Итак: роли...

Гул и интерес.

Сизи-Бузи, повелитель туземцев, белый арап. Тупой злодей на троне. Ну, если злодей, да еще тупой,— Сундучков. Получи, Анемподист.

Сизи. Бог тебя благословит!

Геннадий. Ликки-Тикки, полководец, впоследствии раскаялся в этом. Александр Павлович Ринский. Прошу...

Ликки. Фрак снимать, Геннадий?

Геннадий. Некогда, Саша. Сверху костюм. Туземец Кай-Кум, положительный тип... Бондаклевский. Прошу. Туземец Фарра-Тете. Тоже жутко положительный — Щурков... получите.

Сизи. Пьеса заканчивается победой арапов?

Геннадий. Она заканчивается победою красных туземцев, и никак иначе закончиться не может.

Сизи. А меня уж во втором акте нету. Этак до победных торжеств не доживешь...

Геннадий. Анемподист Тимофеевич! Я тебя убедительно попрошу школьников меньшевистскими остротами не смущать. Вообще театр — это храм. Мне юношество вверено государством... Леди Гленарван... Гм. Ну, это гранд-кокетт. Значит — Лидия Иванна. Это ясно... Лида... Ах, ты уже взяла роль...

Гул в женской группе.

Бетси. Ну конечно, ясно. Как же не ясно!

Геннадий. Виноват. Аделаида Карповна. Вы что-то хотите сказать?

Лидия. Я извиняюсь...

Бетси. Нет, так, ничего. Хорошая погода.

Лидия. Есть актрисы, которые полагают...

Бетси. Что они полагают? Они полагают, что женам директоров трудно получать роли.

Геннадий. Медам, я категорически протестую!.. Бетси, горничная леди Гленарван. Аделаида Карповна, вам.

Бетси. Я, Геннадий Панфилыч, десять лет уже на сцене, и выносить подносы мне поздновато!

Геннадий. Аделаида Карповна! Побойтесь вы бога!

Бетси. Не далее как вчера на общем собрании вы утверждали, Геннадий Панфилыч, что бога нет, так как присутствовал Савва Лукич. Но как только тот из театра вон, бог мгновенно появляется на сцене!

Лидия. Ну, характерец!

Геннадий. Аделаида Карповна! Я протестую против такого тона! Театр — это...

Бетси. Место интриг!!

Геннадий. Бетси! Субретка! Дивная роль! Толстенная роль! Понятно? Угодно, или я передаю Чудновской?!

Бетси. Пожалуйста. *(Схватывает роль.)*

Геннадий. Жак Паганель, француз. Акцент. Империалист. Суздальцев-Владимирский. Капитан Гаттерас — Чернобоев. Аппетитнейшая ролька.

Гаттерас. Черта пухлого аппетитная. Две страницы.

Геннадий. Во-первых, не две, а шесть, а во-вторых, припомните, что сказал наш великий Шекспир: «Нету плохих ролей, а есть паршивые актеры, которые портят все, что им ни дай». Лорд Гленарван. Ну, это я сам сыграю. Потружусь для вас, Василий Артурыч. Арап Тохонга — любовник — Соколенко. Паспарту — лакей... Метелкин... придется тебе.

Метелкин. Мне ведь монтировать, Геннадий Панфилыч!

Геннадий. Метелкин! Я не узнаю тебя, старый дружище.

Метелкин. Слушаю, Геннадий Панфилыч.

Геннадий. Ну, теперь главная роль. Проходимец Кири-Куки. Это по праву роль Варравы Аполлоновича Морромехова. Кто не знает Морромехова? Кто не знает Варравы? Любимец публики! Скромность, простота. На

днях предлагали ему звание народного Варравы. Отказался Варрава. К чему, говорит, это мне? Варрава Аполлонович!

Голос: «Его нет!»

Метелкин! Как так нет? Вызвать срочно! В чем дело?

Метелкин *(интимно)*. Они в отделении милиции, Геннадий Панфилыч.

Геннадий. Как в отделении? Зачем же он туда попал?

Метелкин. Ужинали вчера в «Праге» с почитателями таланта. Ну, шум случился.

Геннадий. Шум случился?! Каково?.. У нас экстренный выпуск пьесы, все на посту... и шум случился! А? Да разве это актер? Актер это разве? Босяк он, а не актер! Сколько раз я упрашивал... Пей ты, говорю, Варрава, сдержанно!..

Метелкин. Звонили, к вечеру выпустят.

Геннадий. На кой предмет он мне вечером? На какого дьявола?.. Савва будет днем, Савва в Крым уезжает! Он нужен мне сию секунду или никогда не нужен! И ты хорош! «В отделении»!..

Метелкин. Помилуйте, Геннадий Панфилыч. Поил я его, что ли?

Геннадий. К черту все, одним словом. Не будет репетиции, не будет и пьесы. Закрываю театр. Я не могу работать в окружении мещан и алкоголиков! Уходите все!

Движение.

Стоп! Назад.

Лидия. Геннадий! Не волнуйся!

Ликки. Геннадий! Дай кому-нибудь из кадристов почитать!

Геннадий. Да что ты? Смеешься, что ли? Они только и умеют жабо портить. Все на моих плечах, все на меня валится!..

Дымогацкий. Геннадий Панфилыч!

Геннадий. Оставьте меня все! Оставьте. Пусть идеалист Геннадий, мечтавший о возрождении театра, умрет как бездомный пес на вулкане.

Дымогацкий. Если гибнет пьеса, позвольте, я сегодня сыграю Кири-Куки. Я ведь наизусть знаю все роли.

Геннадий. Что вы. Помилуйте. Заменять Морромехова... *(Пауза.)* Да вы играли когда-нибудь?

Дымогацкий. Я на даче играл.

Геннадий. На даче? *(Пауза.)* Хорошо, рискнем. Пусть все видят, как старый Геннадий спасал пьесу. Роль Кири-Куки, проходимца, исполнит сам автор.

Лидия. Нечего было и истерику устраивать.

Геннадий *(по тетради).* Итак: арапы, несметные полчища красных племен, заняты все кадристы.

Гул.

Английские матросы — хор. Говорящий попугай... Гм... Ну, это Метелкин, натурально. Ликуй Исаич! В музыке — экзотика.

Ликуй Исаич. Не продолжайте, я уже понял. Ребятишки, ссыпайтесь в оркестр!

Музыканты идут в оркестр.

Геннадий. Всех на грим! Василий Артурович, пожалуйте в мою уборную.

Сизи. Портные!

Ликки. Парикмахеры!

Актеры разбегаются.

Метелкин. Володя, начинай!

Задник уходит вверх, и открывается ряд зеркал с ослепительными лампионами... Появляются парикмахеры... Актеры усаживаются и начинают гримироваться и одеваться.

Ликки *(по тетради).* «Молчать, когда с тобой разговаривают!» Ма... ма... Белые перья мне!

Сизи. Федосеев, мне корону нужно!

Кай-Кум. И всегда мне добродетельная голубая роль достается. Уж такое счастье!

Сизи. А ты слышал, что Шекспир сказал: «Нет голубых ролей, а есть красные». Эй вы, фашисты! Получу я корону или нет?!

Метелкин *(пролетая бурей).* Володя!!

Дирижер *(в оркестр).* А где же валторна? Больна? Я ее вчера видел в магазине, она носки покупала. Это прямо смешно. Я прямо не понимаю таких музыкантов!

Геннадий *(из своей уборной).* Сто лет мне штанов дожидаться? Портные! Штаны в крупную клетку!

Метелкин *(на сцене).* Володя! Давай задник!

Сверху сползает задник — готический храм, в который вшит кусок Грановитой палаты с боярами,— закрывает зеркала.

Володька, черт! Ну что спустил? Не готический, а экзотический! Давай океан с голубым воздухом!

Задник уходит, открывает зеркала. Возле них шум, парики на болванках.

Ликки. Опять трико лопнуло! Скупердяй этот Геннадий.

Сизи. Режим экономии, батюшка.

Мрачно шумя, спускается океан, в оркестре настраивают инструменты... Зеркала исчезают... Спускаются горящие софиты, какие-то блоки...

Метелкин. Вулкан налево, налево двинь!

Вулкан едет, изрыгая дым.

Дирижер. Увертюра номер семнадцать!

Метелкин. Готовы актеры?

Голоса: «Готовы!»

Володя! Давай занавес!

Идет общий занавес и закрывает сцену.

Конец пролога

АКТ ПЕРВЫЙ

Метелкин *(в разрезе занавеса)*. Готово. Ликуй Исаич, начинайте! *(Исчезает.)*

Удар гонга.

Дирижер. Тише!

Оркестр начинает увертюру.
Музыкант с валторной появляется в разрезе занавеса. Он опоздал и взволнован.

Дирижер *(опускает палочку, музыка разваливается)*. А? Это вы? Очень приятно. Отчего вы так рано? Ах, вы в новых носках. Ну, поздравляю вас, вы уже оштрафованы. Пожалуйте в оркестр.

Музыкант спускается в оркестр. Увертюра возобновляется. С последним тактом ее открывается занавес. На сцене волшебство — горит в солнце, сверкает и переливается тропический остров. На ветках обезьяны, летают попугаи. Вигвам Сизи-Бузи на уступе вулкана, окружен частоколом. На заднем плане океан. Сизи-Бузи сидит на троне в окружении одалисок из гарема. Возле него стоит в белых перьях сверкающий Ликки-Тикки, Тохонга и шеренга арапов с копьями.

Сизи. Ай-ай-ай. Мог ли я думать, что мои верноподданные туземцы способны на преступление против своего государя? Не верю моим царственным ушам... Где же преступники?

Ликки. В тюремном подземелье, повелитель. Кири-Куки я посадил вместе с ними.

Сизи. Зачем?

Ликки. Так он придумал. Чтобы туземцы не догадались о его вероломстве.

Сизи. А, это умно.

Ликки. Прикажете представить злоумышленников, ваше величество?

Сизи. Представь, бодрый генерал.

Ликки. Эй! Тохонга. Вынуть бездельников из подземелья.

Арапы открывают трап и выталкивают Кай-Кума, Фарра-Тете и Кири-Куки.

Сизи. Ай-яй-яй. Ну, здравствуйте, дорогие мерзавцы!

Кири. Здравия желаю, ваше величество.

Кай и Фарра удивлены.

Сизи. Допроси их, милый храбрец.

Ликки. Нуте, красавцы, что вы говорили у маисовых кустиков?

Кай. Мы ничего не говорили.

Ликки. Ах вот как. Да ты глазами не моргай! Говорил?

Фарра. Нет.

Ликки. Молчать, когда с тобою разговаривают. Говорил? Отвечать, когда тебя спрашивают!

Сизи. Ай-яй-яй. Какие упорные. Если вы будете запираться, бог Вайдуа на том свете накажет вас.

Кай. Мы не верим больше в бога Вайдуа!

Сизи. Ах! Поставь их подальше от меня. Если в них ударит молния, она может зацепить и меня.

Ликки. Видно, от них не добьешься толку. Кири, рассказывай ты.

Кай. Брат наш арап, будь мужественен, молчи.

Кири. Виноват, я вам не брат. Ваше величество! Ужас, ужас, ужас!

Кай и Фарра поражены.

Давно я стал замечать, что в умах ваших верноподданных происходят брожения. Угнетаемый мыслью о том, что будет с нашим дорогим островом в случае, если движение примет гибельные размеры, решил я пуститься на хитрость...

Кай. Как? Кири!!

Фарра. Вот оно что. Он провокатор. Все ясно.

Ликки. Молчать!

Кири. Давно уже эти двое молодцов у меня на примете. Сегодня утром подсел я к ним и разговорился. Так, мол, и так. Отчего, ребятишки, вы такие грустные? Аль вам плохо живется...

Фарра. Кай, мы в руках предателя! Ну, погоди же ты, гнусная гадина!

Кири. Ваше величество, защитите вашего преданного Кири от нападок госпреступников.

Ликки. Молчать!

Сизи. Продолжай, умник.

Кири. Ужас, ужас, ужас! Я говорю им, чего вы, братцы, мнетесь? А они говорят,— ты белый арап, состоишь в свите у Сизи-Бузи! Ну, тут я им наплел с три короба. Что я по виду только арап, а в душе я с ними, с красными туземцами...

Кай. О, есть ли на свете мера человеческой подлости?!

Кири. ...и что давно я уже задумал... бунт против вашего величества... И спрашиваю их: «А что, пошли бы вы в случае чего за мной?» И вообразите, они отвечают: «Пошли бы».

Сизи. Где же ты, небесная молния? Нету небесной молнии! Ну!

Кири. Ну, я, натурально, тут засвистел, и нас всех схватили.

Сизи. И это правда?

Кай. Да, это правда. *(Сизи.)* Слушай, ты, пьявка!

Сизи. Пьявка? Это ты мне?

Кай. Тебе. Ты...

Ликки. Заткнуть ему рот!

Тохонга затыкает рот Каю.

Фарра. Тысячи туземцев, задавленный народ, работает для тебя от восхода до заката солнечного бога...

Ликки. Заткнуть и этого!

Кири. Ужас, ваше величество!

Фарре затыкают рот.

Кай (*вырывается*). Но трепещи, злодей! Уже светит зловещим пламенем молчавший доселе вулкан Муанганам. Гляди!

Туча скрывает солнце, и над вулканом показывается зловещий отблеск.

Сизи. Тьфу, тьфу, сухо дерево!

Туча уходит, светло. Каю и Фарре наглухо затыкают рты.

Кири. Извольте видеть, ваше величество, каких типчиков я вам обнаружил.

Сизи. Спасибо тебе, верный министр Кири. Ты получишь награду.

Кири. Ах, не из-за наград я работаю, ваше величество. Сознание исполненного долга самая сладкая награда моя! Кстати о наградах, ваше величество. Мне некоторое время не придется показываться на глаза туземцам. Пусть объявят, что я сижу в подземелье.

Сизи. Это умная мысль. Хорошо! Читай им приговор.

Кири. Красные туземцы Кай-Кум и Фарра-Тете за попытку к бунту против законного повелителя острова... Сизи-Бузи...

Дирижер дает знак, в оркестре фанфары. Арапы берут на караул.

Кири. ...приговариваются к лишению всех прав, конфискации имущества... Где помещается ваше имущество? Эй, вынуть тряпку у этого!

Кай. Сволочь ты!..

Кири. Заткнуть! И повешению на пальме.

Сизи. Не забудь — «но принимая...».

Кири. Эх, ваше величество, избалуете вы их этими «принимая».

Сизи. Я не хочу этим мерзавцам дать повод упрекать меня в жестокости.

Кири. Как бы это они упрекнули, вися на пальме? Висели бы себе тихо и вежливо... Но принимая: прав не лишать. Повесить со всеми правами.

Кай и Фарра вырываются из рук арапов и забегают на скалу.

Кай (*Фарре*). Лучше смерть в волнах, чем в петле, за мною!

Фарра. Долой тирана!

Бросаются в океан.

Сизи. Ах!

Кири. Что же вы, черти, не держали их?

Ликки. Поймать!

Арапы бегут.

Кири. К пирогам!

Тохонга. К пирогам! *(Пускает стрелу со скалы.)*

Все убегают. Сизи тоже.

Паспарту *(за сценою).* Европейцы, на выход! Володька, что же ты корабль не спустил! У, накладчики, черти!

Дирижер дает знак.

Матросы *(за сценой, с оркестром, поют).*

По морям... по морям...
Нынче здесь, завтра там.

С неба на тросах спускается корабль, на нем лорд, леди, Паганель, Паспарту, Гаттерас и матросы. Все в костюмах с иллюстраций к книжкам Жюль Верна.

Матросы *(поют).* Ах, далеко нам до Типперери...

Пушечный удар.

Земля! Земля!

Леди. Лорд Эдвард! Земля!

Лорд. О, ес. Капитан!

Гаттерас. Трап спустить! Ротозей! Эй! Ты, в штанах клеш, ползешь по трапу, как вошь! А, чтоб тебя лихорадка бросала с кровати на кровать, чтобы ты мог понимать...

Леди. О, боже мой, как он выражается!

Паганель. Как вы выражаетесь при мадам, мсье Гаттерас!

Гаттерас. Тысячу извинений, леди, я вас не заметил. Спустите трап, ангела, спустите, купидончики, английским языком я вам говорю! Трам-та-рам-та-рам... *(Ругается беззвучно.)*

Матросы спускают трап, все сходят на берег.

Леди. Какая дивная земля! Лорд Эдвард, мне кажется, что остров необитаем!

Паганель. Мадам имеет резон. Остров необитаем.

Показывается Сизи и вся остальная компания.

О, вуаля! Смотрите!

Лорд. Остров обитаем! Кто вы такие?

Кири. Позвольте поздравить, ваше сиятельство, по поводу прибытия на наш уважаемый остров.

Лорд. Вы здесь живете?

Кири. Точно так. Прописаны на острове.

Лорд. Кто же владеет островом?

Сизи *(поместившись на троне).* Я, милостию богов и духа Вайдуа...

Фанфары.

Я — Сизи-Бузи — царствую здесь. Вот гвардия моя, арапы верные, и предводитель Ликки-Тикки!

Кири. Честь имею рекомендовать себя. Я — Кири-Куки, церемониймейстер двора его величества.

Сизи. А вы кто такие будете, дорогие гости?

Лорд. Я...

Музыка.

...лорд Эдвард Гленарван. Со мною леди Гленарван и Гаттерас, мой капитан, с командою.

Паганель. Я...

«Марсельеза».

...Жак Элиасин Мария Паганель! Со мною лакей мой... слева...

Паспарту. Паспарту.

Сизи. Сердцу моему приятны знатные гости...

Лорд. Подать сюда складные стулья!

Матросы подают стулья, европейцы усаживаются.

Где же ваш народ?

Сизи. Народ у нас — красные туземцы. Они живут там, далеко.

Лорд. Много их?

Сизи. О, много... Один... два... пятнадцать... и еще много полчищ.

Лорд. Вы управляете, а они работают?

Сизи. Так, дорогой, так.

Лорд. О, это умно! Добрый народ?

Кири. Симпатичнейший народишко, ваше сиятельство! Тут намедни двоих приводили... впрочем, ничего.

Лорд. Остров богат?

Сизи. Слава богам. Есть маис, черепахи, слоны, попугаи, а о прошлом годе объявился жемчуг.

Леди. Жемчуг! О, это крайне интересно!

Паганель. О да.

Лорд. Жемчуг? Вы говорите — жемчуг? И много вы добываете его?

Сизи. Немного, дорогой. Пудов пятьсот каждый год.

Лорд.
Леди.
Паганель.
Гаттерас.
Паспарту. } Сколь-ко?!.

Сизи. Почему ты так удивился, о знатный иностранец?

Лорд. Мало?! И куда вы деваете этот жемчуг?

Сизи. Продали.

Лорд *(тихо)*. Сэр... ведь это что же такое. А? Желаете?

Паганель. Сертенеман. Конечно.

Лорд. Пополам?

Паганель. Пополам.

Лорд *(вслух)*. Ну, вот что... Сейчас есть жемчуг?

Сизи. Сейчас, дорогой, не имеем. Весною будет, через три месяца.

Леди. Покажите, какой он! Образчик!

Сизи. Показать можно. Тохонга, принеси из вигвама жемчужину, которой я забиваю гвозди.

Тохонга приносит жемчужину сверхъестественных размеров.

Тохонга. Вот.

Кири. Вуаля!

Леди. Ах, мне нехорошо!..

Лорд. Ну, вот что. Коротко. Я покупаю весь ваш жемчуг. И не только тот, что вы добудете весной, но все, что вы выловите за десять лет. Я заплачу вам...

Паганель. Пополам со мной...

Лорд. Да, пополам с господином Жаком Паганелем. Ты видел когда-нибудь фунт стерлингов?

Сизи. Нет, дорогой. Это что?

Лорд. Это удобная вещь. Всюду, где бы ни был на земном шаре, одним словом, это бумажка... Вот она. Всюду, где бы ты ни предъявил ее, ты получишь ситец, горы табаку, штанов и сколько угодно огненной воды.

Сизи. Боги благословят тебя, иностранец!

Лорд. Слушай. Я дам тебе тысячу фунтов стерлингов. Я дам тебе пятьсот бочек коньяку, я дам тебе тысячу аршин коленкору. Пятьдесят коробок сардинок... Чего ты еще хочешь?

Сизи. Больше ничего не хочу.

Кири. А мне чемодан, ваше сиятельство.

Сизи. Я люблю тебя, иностранец.

Лорд. Я тебя тоже, только обслюнил меня ты всего. Целуй мсье Паганеля.

Паганель. Мерси, я целовался недавно.

Лорд. Подпишись здесь.

Сизи. Я, дорогой, все забыл.

Кири. Позвольте мне, лорд. Вот пожалте. К и И. Ки. Кири. Куки.

Леди. О, вы грамотный. *(Тихо.)* Он очень недурен, этот арап. *(Вслух.)* Кто выучил вас?

Кири. Заезжие европейцы, сударыня.

Лорд *(читает)*. «Кири-Куки и... чемодан». Что такое?

Кири. А это я напоминаю. Не забыть бы про чемодан, ваше сиятельство.

Лорд. А! Выдать ему чемодан с блестящими застежками!

Паспарту подает чемодан.

Кири. Какая прелесть! Верить ли мне моим голубым глазам! Ах, ах! Нет, я не достоин такого чемодана. Позвольте мне обнять вас, лорд!

Лорд уклоняется, Кири обнимает леди.

Леди. Ах вы, дерзкий!

Лорд. Ну, это лишнее. Итак, получай... *(Выдает толстые пачки денег.)* Через три месяца я приеду за жемчугом. Не плутовать! Иначе я рассержусь. *(Идет наверх.)*

Паганель. Я тоже. Мы сделаем войну. Пиф-паф!

Сизи. Ах, что пугаешь старого Сизи? Он не обманет.

Лорд. Матросы, выкатить ром!

Гаттерас. Даешь ром! Там-тар... *(Идет наверх.)*

Матросы. Эгей!.. *(Выбрасывают товары, выкатывают ром в бочках.)*

Сизи. Спасибо тебе. Я тебе дарю жемчужину... На.

Леди. Мерси! Ах, чудо! Чудо!

Кири. Тохонга, поймай для леди попугая...

Тохонга. Сейчас.

Стая попугаев взлетает. Тохонга ловит чудовищного и подносит его.

Вот!

Кири. Позвольте вам, сударыня, поднести на память попугая? Приятное украшение вашей гостиной в Европе.

Ликки. Ловок, каналья!

Паганель. Черт! Дикарь галантен...

Леди. Он очарователен, мсье Паганель! Мерси, мерси. Он говорит?

Кири. Еще как!

Гаттерас. В первый раз в жизни вижу такой экземпляр! Ах! Чтоб тебе сдохнуть!

Попугай. Чтоб тебе самому сдохнуть.

Общее изумление.

Гаттерас. Ты это кому? Ах ты, сатана бесхвостая!

Попугай. Сам сатана.

Гаттерас. Вот я тебя!

Леди. Что вы, капитан? Не смейте! Попка дурак!

Попугай. Сама дура!

Леди. Ах!

Лорд. Полегче, Метелкин.

Попугай. Слушаю, Геннадий Панфилыч.

Гаттерас. Лорд, солнце садится. У острова рифы.

Лорд. Поднимайте паруса!

Гаттерас. Слушаю. Команда!

Матросы идут на корабль, и он одевается парусами.

Лорд. Гуд бай!

Сизи. Пока!

Леди. Паспарту! Взять попугая!

Паспарту. Слушаю, леди.

Паганель. О ревуар.

Гаттерас. Трап поднять! Трам-та-ра-рам!

Попугай. Мать, мать, мать...

Гаттерас. Ах, чтобы ты сгорел в камбузе. Завязать ему клюв канатом!

Поднимают якорь. Корабль начинает уходить. Солнце садится в океан.

Матросы *(затихая)*. По морям... по морям...

Попугай *(поет)*. Нынче здесь, завтра там!

Сизи. Уехали. Хорошие иностранцы.

Кири. Честь имею поздравить, ваше величество, с выгодной сделкою.

Ликки. А тебя с чемоданом. Умеешь ты клянчить, чертов сын!

Кири. Ты знаешь, Ликки, иностранка в меня влюбилась, кажется.

Ликки. Ну конечно, она никогда не видала такого красавца, как ты.

Сизи. Кири, прими деньги и спрячь.

Кири. Слушаю, ваше величество. *(Прячет деньги в чемодан.)*

Сизи. Арапам выдать по чарке огненной иностранцевой воды.

Арапы. Покорнейше благодарим, ваше величество!

Сизи. Молодцы, ребята!

Арапы. Рады стараться, ваше величество!

Сизи. Хорошо, только замолчите.

Тохонга вскрывает бочку. Она вспыхивает синим огнем в сумерках.

Вот это я понимаю.

Ликки. Ваше величество, следовало бы и туземцам объявить какую-нибудь милость.

Сизи. Милость? Ты думаешь? Ну, что ж! Объявите им, что я прощаю и тех двух головорезов, которые потонули.

Кири. Добрейший государь! *(Тихо.)* Однако хотел бы я наверняка знать, что они потонули.

Сизи. Назначаю сегодня вечером праздник всем придворным и верной моей гвардии, и пусть в час восхода ночного светила...

Всходит таинственная луна.

...потешат нас пляскою одалиски из нашего гарема.

Дирижер дает знак, и оркестр бурно играет 2-ю рапсодию Ференца Листа. Одалиски начинают пляску. Радостнее всех пляшет Кири-Куки с чемоданом. Идет занавес и закрывает сцену.

Паспарту *(в прорезе занавеса взмахивает рукою, и музыка прекращается).* Антракт.

В залу дают свет.

Конец первого акта

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

В оркестре раскаты катастрофы. Открывается занавес. На сцене тьма, и только над вулканом зловещее зарево.

Кири *(с фонариком).* О... кто тут есть? Ко мне! Ко мне!.. Кто это? Полководец, ты?

Ликки *(с фонариком).* Я. Я. Это ты, Кири?

Кири. Я. Я. Вот так штука. Ты уцелел?

Ликки. Как видишь, благодаря богам.

Кири. Отвечай: погиб Сизи-Бузи?

Ликки. Погиб.

Кири. Сколько раз я твердил старику: «Убери ты вигвам с этого чертова примуса». Нет, не послушался. «Боги не допустят». Вот тебе и не допустили... Кто еще погиб?

Ликки. Весь гарем и половина арапов. Все, кто были в карауле.

Кири. Сядем... Ох!

Ликки. Что?

Кири. Кажется, я ногу вывихнул. Ох... Ох... Итак... Прежде всего разберемся в том, что произошло... Произошло...

Ликки. Извержение.

Кири. Да, хлынула лава и затопила царский вигвам. И вот мы остались без повелителя.

Ликки. И без половины гвардии.

Кири. Да, это ужасно, но это факт. Спрашивается, что же теперь произойдет на острове?

Ликки. А что?

Кири. Я тебя спрашиваю — что?

Ликки. Не знаю.

Кири. А я знаю. Произойдет бунт.

Ликки. Да неужели?

Кири. Будь спокоен. Итак, спрашивается, что нужно сделать, чтобы избежать ужаса бунта и безначалия?

Ликки. Не знаю.

Кири. Ну, а я знаю. Необходимо сейчас же избрать нового правителя.

Ликки. Ага. Понял. Но кого?

Кири. Меня.

Ликки. Ты как, в здравом уме?

Кири. Я в здравом.

Ликки. Ты — правитель?.. Слушай, это нахальство!

Кири. Молчи, ты ничего не понимаешь. Эти двое чертей утонули наверное?

Ликки. Кай-Кум и Фарра-Тете?

Кири. Ну да!

Ликки. Мне кажется, я видел, как головы их скрылись под водою.

Кири. Хвала богам! Только эти две личности и могли помешать исполнению моего блестящего плана...

Ликки. Кири, ты нагл. Кто ты такой, чтобы тебе лезть в правители?

Кири. Не спорь. Ой... Слышишь?

Шум за сценой.

Ликки. Ну конечно, проснулись, черти...

Кири. Да, они проснулись, и если ты не хочешь, чтобы они тебя вместе с остатками твоей гвардии выкинули в воду, слушайся меня. Коротко. Я пройду в правители, отвечай мне, желаешь ли ты оставаться у меня начальником гвардии?

Ликки. Это неслыханно, я — Ликки-Тикки, полководец,— буду начальником гвардии у какого-то проходимца!..

Кири. Ах, так. Ну, ладно. До свидания. У меня нет времени.

Ликки. Стой, мерзавец. Я согласен!

Кири. Ага! Собери уцелевших арапов и молчи в тряпочку. Что бы здесь ни происходило. Понял? Молчи!

Ликки. Ладно. Посмотрю я, что из этого выйдет... Тохонга. Гохонга... Где ты?

Тохонга. Я здесь, генерал.

Ликки. Зови сюда всех, кто уцелел...

Тохонга. Слушаю, генерал...

Шум громаднейшей толпы. На сцену — сперва отдельные, потом толпами появляются туземцы с красными флагами. Пламя дрожит, и от этого вся сцена освещается мистическим светом.

Кири *(вскочив на пустую ромовую бочку)*. Эй! Эгей! Туземцы! Сюда! Сюда!

Туземцы. Кто зовет? Что случилось? Извержение! Кто? Что? Почему?

Тохонга вводит на сцену гвардию с белыми фонарями.

Кири. Я зову. Зову я, Кири-Куки, друг туземного народа! Сюда!

Туземцы. Кто это говорит? Кто говорит? Кто?

Кири. Это говорю я — Кири. Друг туземного народа. Сегодня ночью, в то время, когда бывший царь наш, Сизи-Бузи...

В оркестре звуки фанфар.

...напившись огненной воды, мирно спал в своем гареме, вулкан Муанганам, молчавший триста лет, внезапно изрыгнул потоки лавы, кои и стерли с лица острова Сизи-Бузи, и волею духа Вайдуа тирана не стало...

Гул.

Ликки. До чего, каналья, красноречив!

Кири. Туземцы! Как стали вы теперича свободные, объявляю вам — спасибо!

Туземцы *(вначале тихо, потом громче).* Ура! Ура! Ура!

Гул утихает.

4-й туземец. Кто говорит? Это Кири?

Кири. Да, это я. Кто не знает Кири-Куки? Кто не слышал его не далее как вчера, у маисовых кустов?!

1-й туземец. Да, да, мы слышали!

3-й туземец. Где Кай-Кум и Фарра-Тете?

Кири. Меня ввергли в подземелье и оставили там на сутки, чтобы изобрести для меня неслыханную по жестокости казнь. Там, сидя в сырых недрах, я слышал, как доблестно Кай и Фарра-Тете вырвались из рук палачей, бросились с Муанганама в океан и уплыли. Бог Вайдуа да хранит их в бурлящей пучине!

Ликки *(тихо).* А ну, как они выплывут, батюшки мои?!

1-й туземец. Боги да хранят Кая и Фарра! Да здравствует Кири-Куки, друг туземного народа!

Туземцы. Да здравствует Кири! Да здравствует Кири!

Кири. Дорогие друзья, что делать нам? Неужели цветущий остров наш останется без правителя?.. Неужели нам грозит ужас безначалия и анархии?

Туземцы. Он прав, Кири-Куки! Он прав!

Кири. Друзья мои, я предлагаю тут же, не сходя с места, избрать человека, которому мы могли бы без страха доверить судьбу нашего острова и все богатства его. Он должен быть честен и правдив, друзья. Он должен быть справедлив и милостив, но он, друзья мои, должен быть и образован, чтобы вести сношения с европейцами, нередко посещающими наш плодоносный остров. Кто же это, друзья?

Туземцы. Это ты, Кири-Куки!..

Кири. Да, это я... То есть нет. Нет! Ни за что! Я не достоин такой чести.

Туземцы. Кири, ты не смеешь отказываться, Кири! Ты не можешь покинуть нас в столь трудную минуту! Ты единственный.

Кири. Нет. Нет.

Ликки. Кири! Зачем ты ломаешься?

Кири *(тихо).* Пошел вон, болван. *(Громко.)* Неужели

мне придется взять на себя эту страшную тяжесть и ответственность? Неужели мне?.. Хорошо, я согласен.

Туземцы *(громовыми голосами)*. Ура! Да здравствует Кири-Куки Первый — друг туземного народа!

Кири. Слезы умиления застилают мне глаза, о дорогие мои! Хорошо, дорогие туземцы, я приложу все старания, чтобы вы не раскаялись в вашем выборе. И в знак того, что я душою и сердцем с вами, я снимаю с себя белый арапов убор и надеваю ваши прелестные туземные цвета... *(Снимает головной убор, надевает багряные туземные перья.)*

Туземцы ликуют. Музыка.

Кири. Я, Кири-Куки Первый, объявляю вам свой первый декрет. В знак радости переименовываю наш дорогой остров, во времена Сизи-Бузи носивший название Туземного острова, в остров Багровый.

Туземцы ликуют.

Кири. Теперь возникает вопрос, что делать нам с остатками гвардии Сизи-Бузи? Вот они.

Ликки и арапы растеряны.

Туземцы. В воду их!

Тохонга. Генерал, ты слышишь?

Ликки. Предатель!

Туземцы. В океан!!

Кири. Нет! Выслушайте меня, верноподданные мои. Кто будет защищать остров в случае нашествия иноплеменников? Кому мы, наконец, поручим охрану меня? Жизнь человека, который, по-видимому, так нужен острову! Я предлагаю, друзья мои, в случае их раскаяния, простить их и взять их на службу к нам. *(Ликки.)* Отвечай, преступный генерал! Согласен ли ты раскаяться и верою-правдою служить туземному народу и мне?

Ликки молчит.

Отвечай, тумба, когда тебя спрашивают!

Ликки. Согласен, повелитель.

Кири. Будешь служить?

Ликки. Так точно, ваше величество!

Кири. Не пойдешь против меня и народа?

Ликки. Никак нет, ваше величество!

Кири. Молодец, ты верный старик!

Ликки. Рад стараться, ваше величество!

Кири *(арапам)*. А вы согласны?

Арапы. Согласны, ваше величество!!

Кири. Прощаю вас и в знак милости переименовываю в заслуженных народных арапов.

Арапы. Покорнейше благодарим, ваше величество!

Кири. А, черт вас возьми. У меня могут барабанные перепонки лопнуть. Прикажи им молчать.

Ликки. Молчать!

Кири. Переодеть их в наш туземный цвет.

Ликки. Слушаю, ваше величество!

Кири. Пожалуйста, без крику. Молчи!

Ликки. Слуш!..

Хлопает в ладоши, с арапов мгновенно сваливаются белые перья, и на голове вырастают багровые. Фонари их вместо белого цвета загораются розовым.

Кири. Вот, туземный народ. Вот твоя гвардия.

Туземцы. Ура!

Ликки. По церемониальному маршу...

Дирижер взмахивает палочкой.

Ликки. ...шагом... арш!

Оркестр играет марш. Арапы идут мимо Кири церемониальным маршем. Туземцы, несметные полчища, машут фонариками.

Кири. Здравствуйте, гвардейцы!

Арапы. Здр... жел... ваше величество!..

Ликки, отмаршировав, становится рядом с Кири.

Кири. Видал?

Ликки. Ты — гениальный человек! Теперь я вижу.

Кири. То-то!

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Царственный вигвам Кири-Куки.

Кири. Неделя всего прошла, как я управляю нашим проклятым островом, а между тем от этого жемчуга у меня уже голова кругом идет.

Ликки *(закусывая)*. Сам виноват. Насулил им черт знает чего, теперь отдувайся. *(Иронически.)* Друг туземного народа. *(Жует.)* Кто квакал — всего у вас вдоволь будет, вдоволь и маису... и огненной воды? Вы сами

хозяева. Помнишь, как ты им говорил? Ну, вот они и хозяйничают.

Кири. Чудовищнее всего это требование не отдавать жемчуг англичанам. Хорошенькое дельце. Как же это я не отдам, когда он за них деньги заплатил?

Ликки. И огненную воду. Стало быть, и подавай жемчуг англичанам.

Кири. Да они всерьез не желают отдавать его! Выловить, говорят, выловим, а пусть нам пойдет. У меня мороз по коже подирает при мысли о том, как явится на корабле эта толстая физия с рыжими бакенбардами. О, великое счастье, что потонули эти два подстрекателя!.. Кай-Кум и Фарра-Тете.

Выходит Тохонга.

Тохонга. Привет тебе, правитель!

Кири. Спасибо. Что скажешь, дорогой мой?

Тохонга. Туземцы опять пришли. Желают лицезреть твою милость.

Кири. Опять? Наказанье, честное слово! Гони ты их... сюда в кабинет.

Тохонга. Слушаю, повелитель. *(Выходит.)* Входите!

Входят 1-й, 2-й, 3-й туземцы.

1-й туземец. Привет тебе, Кири, наш повелитель и друг, да хранят тебя боги.

Кири. А-а! И вас они пусть да хранят то же самое. Очень приятно. Я прямо соскучился по вас. Ведь с самого утра вас не было.

2-й туземец. Боги да хранят Ликки-Тикки, храброго полководца народной гвардии!

Ликки. И вас, и вас.

1-й туземец. Ты закусываешь, бравый Ликки?

Ликки. Нет, танцую.

2-й туземец. Наш храбрый Ликки любит пошутить.

Кири. Да, он веселого нрава человек. Кстати, полководец, я нахожу, что ты мог бы разговаривать более приветливо с дорогими моими подданными.

Ликки ворчит.

Кири. Присаживайтесь, ребятки, на корточки.

Туземцы усаживаются.

Кири. Не теряя драгоценного времени, излагайте, голуби, что вас привело к моему вигваму в час высшего

стояния солнечного бога, когда не только правители, но и простые смертные, утомленные сбором маиса, отдыхают в своих вигвамах? *(Тихо.)* Не понимают, черти, намеков!

1-й туземец. Мы пришли сообщить тебе радостную весть.

3-й туземец. Мы пришли сказать, что улов жемчуга сегодня был чрезвычайно удачен. Мы вытащили пятнадцать жемчужин, из которых самая маленькая была величиною с мой кулак.

Кири. Я в восторге! И поражает меня только одно, почему вы их немедленно не доставили в мой вигвам, как я уже говорил вам сегодня утром.

1-й туземец. О, Кири-повелитель. Народ очень волнуется по поводу этих жемчужин и послал нас к тебе, чтобы узнать, что ты собираешься сделать с ними.

Кири. Дорогие мои, сейчас очень жарко, чтобы по десяти раз повторять одно и то же. Тем не менее повторяю вам в одиннадцатый — жемчуг должен быть доставлен в мой вигвам, а когда мы накопим пятьсот пудов, за ним приедет англичанин и заберет его.

2-й туземец. Кири! Народ не хочет отдавать англичанину жемчуг.

Кири. Тем не менее жемчуг придется отдать. Сизи получил за него уплату полностью и выдал англичанину бумагу.

3-й туземец. Кири, ты знаешь, о чем болтал народ сегодня в бухте во время ловли?

Ликки *(сквозъ зубы)*. Поболтал бы он при Сизи...

1-й туземец. Что ты говоришь, телохранитель?

Ликки. Нет, ничего. Это я напеваю романс.

Кири. Полководец, вредно петь на жаре.

Ликки. Я молчу, молчу.

Кири. Что же он болтал?

3-й туземец. Он болтал о том, что наш Кири, боги да продлят его жизнь, поступает плохо, настаивая на выдаче жемчуга англичанам.

Кири. Дорогие, вы понимаете туземный язык? Англичанин приедет с пушками, а бумагу подписал я.

1-й туземец. Кири, друг народа, поступил легкомысленно, подписав бумагу.

Кири. Не находишь ли ты, дорогой мой, что простому туземцу неудобно таким образом отзываться о правителе острова?

1-й туземец. Я говорил любя.

Кири. А я вам любя говорю, чтоб вас... боги хранили, что жемчуг должен быть доставлен сюда.

2-й туземец. Туземный народ не сделает этого.

Кири. А я говорю, что сделает.

Туземцы. Нет, не сделает.

Кири. Нет, сделает.

Туземцы. Нет, не сделает.

Кири. Тохонга?

Тохонга. Чего изволите?

Кири. Дай мне огненной воды! *(Пьет, кричит.)* Сделает!..

1-й туземец. Кири, если ты будешь кричать так страшно, у тебя может лопнуть жила на шее.

Кири. Нет, я больше не в силах разговаривать с вами. Тогда придется мне поступить иначе. Полководец! Потрудись принять меры, чтобы жемчужный улов был доставлен сюда сейчас же. Я ухожу и раскинусь на циновках, чтобы мои истомленные члены отдохнули хоть немного.

Ликки. Стало быть, ты передаешь это дело мне?

Кири. Да. *(Скрывается.)*

Ликки. Слушаю-с! *(Начал засучивать рукава.)*

1-й туземец. Что ты собираешься делать, храбрый начальник?

Ликки. Я собираюсь дать тебе в зубы и для того засучиваю рукава.

1-й туземец. Верить ли мне моим ушам? Дорогие, вы слышали? Он собирается мне дать в зубы! Мне, свободному туземцу... Он, начальник нашей гвардии... дает в зубы...

2-й и 3-й туземцы. Э-ге-ге! Хе-хе!

Ликки дает в зубы 1-му. 2-й и 3-й туземцы садятся в ужасе на землю.

Ликки. Будет жемчуг! Будет! Будет!

2-й и 3-й туземцы. Караул!

Ликки. Позвать сюда стражу!

Тохонга. Эй!..

Вбегают арапы.

Ликки. Взять этих негодяев в подвал!

2-й и 3-й туземцы. Как? Нас?

Страшный шум за сценой, показывается толпа туземцев. Сзади — Кай-Кум и Фарра-Тете.

Туземцы. Пустите, пустите-ка нас! Кири! Где Кири!

Тохонга. Стой, стой! Куда? Куда?

Ликки. Назад. Как вы смеете лезть непрошеные в вигвам повелителя?

4-й туземец. Нет, Ликки, ты это брось. Кончились вигвамы! Друзья, сюда.

2-й и 3-й туземцы. Караул...

1-й туземец. Друзья, вы знаете, что произошло... Он... он...

Ликки. Опять с жемчугом? Я вам покажу, как не слушаться законного и вами самими избранного повелителя! Эй!

4-й туземец. Нет, тут дело не в жемчуге. Произошли более интересные события. Где Кири?

Туземцы. Кири! Кири!

Ликки. Да что такое, черт возьми! Прекратить гвалт! Эй, Тохонга! Оттесни их!

4-й туземец. Ну, нечего, нечего...

Туземцы. Кири! Кири!

Кири *(выходит)*. В чем дело?

Туземцы *(взволнованно)*. Вот он! Вот он! Вот он! А-а!

Кири. Да, я — вот он. Здравствуйте, дорогие друзья. Как вас много. Прелесть.

4-й туземец. Мы принесли тебе новость, Кири. Да.

Кири. Друзья мои, я уже выслушал сегодня одну новость. Кроме того, я хочу спать. Но все-таки в чем дело?

4-й туземец. Сегодня, когда вторая партия ловцов бросилась в бухте в воду, чтобы таскать жемчуг... как ты полагаешь, Кири, что они вытащили, кроме жемчуга?

Кири. Очень интересно! Крабов, наверно, или паршивенькое ожерелье.

4-й туземец. Нет, Кири. Мы вытащили не крабов! Мы вытащили двух изнемогающих людей... Смотри. Друзья мои, раздвиньтесь.

Туземцы раздвигаются, и выходят Кай и Фарра. Наступает полное молчание.

Кири *(падая с трона)*. Черт возьми!

Ликки. Теперь будет игра!

Кай. Здравствуй, Кири! Ты узнаешь нас?

Кири *(всматриваясь)*. Нет... гм... нет, не узнаю.

Фарра-Тете. Ах, подлец, подлец!

Кири. Как вы смеете так говорить с правителем? *(Ликки, тихо.)* Готовь гвардию, сейчас будет скандал.

Л и к к и. Я знаю, уже знаю. Тохонга! Тохонга!

К а й *(преградив ему дорогу).* Постой, постой! Назад, приятель.

Ф а р р а. Так не узнаешь?

К и р и. Лицо знакомое... но не вспомню, где я видел вашу честную открытую физиономию и идеологические глаза... Уж не во сне ли?

Ф а р р а. Прохвост. Ты видел нас в последний раз на этом самом месте в день суда над нами у Сизи-Бузи. *(Ликки.)* И ты тоже, палач!

Л и к к и. Да я ничуть не отказываюсь, я вас сразу узнал, смутьяны!

К и р и. Ба! Да где же были мои глаза? Нет, право, мне нужно завести очки, я становлюсь близорук. Ведь это же Кай и Фарра-Тете. Вы спаслись. О, какое счастье! Хвала бессмертным богам!

К а й. Сукин сын!

К и р и. Я не понимаю тебя, миленький Кай-Кум. Что ты, господь с тобою! Неужели ты забыл, как мы с тобою томились в подземелье? Вот здесь, где сейчас стоят твои честные ноги?

К а й. А вы, ослепленные, темные люди! Кого же вы избрали себе в правители?

К и р и. Да, кого?! Вот в чем вопрос, как воскликнул великий Гамлет... Ликки, готовь стрелы!

Л и к к и. Не тяни, лучше сразу начинать драку. Тохонга, Тохонга... Копье мне давай!

К а й. Кого?! Прохвоста, которого мир еще не видел со дня основания его великими богами. Провокатора, подлеца и проходимца. Братья! Вот этот негодяй, изукрасивший себя вашими перьями, сам на этом месте прочитал нам смертный приговор. Он, понимаете, этот бесчестный мерзавец, обманул нас и вас тогда у маисовых кустов, прикинувшись другом народа и революционером. Он царский Сизин жандарм!

К и р и. Ой, ой... что это будет?!

Т у з е м ц ы. Предатель!

К а й. Смерть ему.

Ф а р р а. Смерть ему и гнусному душителю Ликки-Тикки!

Л и к к и. Ну, нет! Полегче, я, брат, так не дамся.

1-й и 4-й т у з е м ц ы. Смерть им!

К а й. Сдавайся, мерзавец!

Т у з е м ц ы. Сдавайся!

Лики. Гвардия, вперед!

Дирижер дает знак — слышна труба.
Арапы с копьями выбегают на сцену, суета.

Кай. Братья туземцы! К оружию! К оружию!

Туземцы *(разбегаются с криками).* К оружию!

Лики. Видал, друг народа? Тохонга, запереть ворота! Гвардия, стройся!

Арапы бросаются к частоколу.

Кири. Голубчик, Лики, отбей их, красавец, чтобы мы успели убежать к пирогам. К оружию, мои верные гвардейцы! *(Бросается к вигваму и выбегает со своим чемоданом.)*

Лики. Чемодан, по-твоему, оружие? Изволь идти вперед к частоколу! Личным мужеством ты должен показать пример гвардейцам!

Кири. Я лучше отсюда покажу им пример личного му... господи, как они воют... из вигвама...

Лики. Жалкий трус... ты причина...

Туземцы *(за сценой).* Сюда, товарищи, сюда! Смерть предателю Кири-Куки, награда за его голову!

Кири. Ты слышишь, что они кричат? Ой, ужас, ужас, ужас!

Лики. Ну, валяйся здесь, презренная тварь! Тохонга, ворота заперты?

Тохонга. Так точно, генерал.

Лики. Гвардия, по наступающим туземцам... залпами...

1-й туземец внезапно показывается над частоколом.

Лики. Огонь!

Арапы пускают стрелы.

1-й туземец *(со стрелой в груди).* Я умираю! *(Исчезает за частоколом.)*

С громом вылетает стекло в вигваме Кири.

Кири. Ой, что это?

Лики. Это первый подарок тебе, друг народа. Камнем в окно. Арапы, не трусь! Огонь! *(Кири тихо.)* Негодяй, не смей обнаруживать своей трусости перед гвардией.

Кири. Милый Лики, я ведь не специалист по военным делам. Теперь твоя очередь. А я пойду в вигвам и обдумаю план дальнейших действий. Тем более что доктор мне строжайше запретил волноваться.

Туземцы *(за сценой)*. Ура!

На сцену влетает туча туземцевых стрел.

1-й арап. Ах, я умираю!

Ликки. Ободри гвардию каким-нибудь вступительным словом.

Вылетает второе стекло.

Кири. Гвардия! Спасайся кто может! *(Открывает чемодан, прячется в него и в чемодане ползком уезжает.)*

Ликки. Подлец!

Летят стрелы.

Занавес

Конец второго действия

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Богатая гостиная лорда Гленарвана, обставленная во вкусе 60-х годов. Вечер. Рядом с гостиной набережная.

Леди. Попочка, ты помнишь твой остров?

Попугай вздувает перья.

Леди. Попочка, на острове лучше? А? Лучше? Хочешь опять на свой остров?

Попугай. Куа...

Лорд. Кстати об острове. Прелестную покупку мы все-таки сделали с вами, уважаемый сэр. Не правда ли?

Паганель. Очаровательную...

Леди. Ах, у меня до сих пор перед глазами этот удивительный жемчуг... Когда мы поедем за ним? Я жду не дождусь.

Лорд. Через месяц...

Леди. Попочка, через месяц, слышишь? Мы поедем с тобою... Ты опять увидишь родной берег... Ах, как бы я хотела знать, что там происходит теперь. О, далекий, таинственный остров... он сверкает, как белый кусок сахару на синем шелковом океане. Вы помните, господа, волны с гребешками?

Лорд. Превосходно помню.

Паспарту. Отличнейшие волны, ваше сиятельство.

Лорд. Паспарту, выйди, твоим мнением никто из джентльменов не интересуется.

Паспарту. Слушаю, ваше сиятельство.

Леди *(мечтательно)*. А у нас все-таки ужасно скучно... душа моя томится... Мне хочется каких-нибудь неожиданных приключений...

Лорд. Терпеть не могу неожиданностей.

Резкий колокольчик.

Леди. Бетси! Откройте!

Бетси *(пробегает открывать, потом возвращается и пятится задом в ужасе)*. Ах!

Лорд. Что такое?

Бетси. Там... там...

Леди. Бетси... Я совершенно не понимаю этих фокусов! Что такое?

Гаттерас. Что за дьявольщина! Посмотрю.

Появляется изумленный Паспарту.

Дверь открывается, и входят Ликки, Кири и Тохонга. У Кири в руках его чемодан, а лицо перевязано, как при зубной боли. Ликки хромает.

Кири. Бон суар, ваше сиятельство.

Лорд. Что это означает? Кто вы такой?

Кири. Вы видите перед собою, лорд, злосчастного Кири-Куки с острова.

Леди. Это он!

Паганель. Клянусь площадью Этуали, это дикие!

Кири. Точно так, мсье Паганель. А вот это—мужественный полководец Ликки и адъютант его Тохонга.

Лорд. Позвольте узнать, чему я обязан?

Бетси. Боже мой! Кто это такие, Паспарту?

Паспарту. Молчи, сейчас узнаешь.

Кири. Кхе... вот сидели, сидели на острове... соскучились... Дай, думаем, проедемся в Европу, навестим нашего лорда. Погода, кстати, отменная. Взяли пироги и поехали. По морям...

Лорд поражен.

Паганель. Черт! Дикие делают визит.

Леди. Помните, я еще на острове говорила, что он необыкновенно галантен. Это бесконечно мило. Пожалуйста, садитесь.

Кири. Мерси... Садитесь, Тохонга, лорд добрый...

Леди. Что это у вас такое?

Кири. Ушибся.

Леди. Бедненький! Обо что?

Кири. Об вулкан, многоуважаемая леди.

Леди. Неужели? Вы, наверное, пили огненную воду?

Кири. Эх, ваше сиятельство, какое тут питье!..

Лорд. Мне, конечно, очень приятно, что вы приехали ко мне с визитом, но я все-таки полагал, что вы будете сидеть на вашем острове и добывать жемчуг.

Кири. Ах, ваше сиятельство!..

Леди. Как поживает добрый толстяк царь? Я забыла его имя.

Кири. Имя... А, да. Как же, Сизи-Бузи, сударыня... Как же... кланялся, видите ли, сударыня...

Ликки *(тихо)*. Да не тяни ты, чертов врун!

Кири. Видите ли, сударыня, он приказал долго жить.

Паганель. Как приказал долго? Он умер немного?

Ликки. Какое там немного! Начисто старик помер.

Кири. Ах, ваше сиятельство!..

Лорд. Да что случилось? Расскажете вы наконец?!

Кири. Ужас. Ужас. Ужас. Но позвольте уже тогда, дорогой лорд, все изложить по порядку.

Лорд. Я жду.

Кири. Случилось несчастье, дорогой лорд.

Леди. Ах!

Кири. Вулкан вы изволили заметить, когда были у нас на острове?

Лорд. Не помню.

Кири. Как же, ваше сиятельство, громаднейший вулкан. Вот так вигвам царский, а сзади него вулкан — невероятных размеров — Муанганам.

Лорд. Ну-с?

Кири. Колоссальнейший... вверху дыра.

Лорд. К черту эти подробности!

Кири. Да... так, стало быть, вулкан... Охо-хо.

Все. Ну?..

Гаттерас. Ты что, визитер, издеваешься, что ли... Позвольте, дорогой лорд, я его по затылку трахну, чтобы из него слова скорее выскакивали.

Ликки. Рассказывай, черт!

Кири. Ах, я так волнуюсь... Так вот, вигвам, то бишь вулкан... Ужас! Ужас! Ужас! И вот в одну прекрасную ночь произошло величайшее извержение, ваше сиятельство, и вигвам повелителя затопило лавою.

Леди. Ах, как интересно!

Кири. Таким образом, повелитель наш Сизи-Бузи погиб.

Лорд. Понял. Кто же теперь управляет островом?

Кири. Увы. Вы видите перед собою, лорд, злосчастного повелителя Багрового острова Кири-Куки Первого.

Леди. Как, вы царь? О, как интересно!

Лорд. О, но почему же вы приехали сюда, в Европу?

Кири. Увы, ваше сиятельство. Мне теперь нельзя даже показываться на острове!

Ликки. Тем более что там чума.

Все. Как чума?

Кири. Ужас! Ужас! Двое бродяг, Кай-Кум и Фарра-Тете, подстрекнули туземные полчища к бунту. Подавляющие несметные орды взбунтовавшихся рабов атаковали вигвам, и мы еле спаслись с оставшейся гвардией. Ужас. Ужас.

Лорд. Ах, черт возьми! В чьих же руках теперь остров?

Кири. В руках злодеев — Кай-Кума и Фарра-Тете.

Лорд. Как? Хорошенькую покупку мы сделали, дорогой сэр?

Паганель. Я совершенно потрясен. Но, позвольте, они же отдадут нам жемчуг?

Кири. Увы, дорогие джентльмены! Из-за этого все началось. Туземцы заявили, что не отдадут жемчуг ни за что.

Леди. Как? Этот жемчуг? За который мы заплатили деньги? Лорд. Вы не допустите этого. Их нужно наказать.

Лорд. О да.

Паганель. О нет! Я не согласен. Это называется разбой на... как это... большой дороге...

Лорд. Где же ваша гвардия?

Кири. Здесь, ваше сиятельство!

Ликки. Ребята, входите!

Через все окна и двери вламываются арапы с копьями и щитами. Леди и Бетси с визгом бросаются в стороны.

Лорд.
Паганель. } О, черт возьми!
Гаттерас.

Ликки. Смир-на!

Паганель. О, черт возьми!

Лорд. И это вы ко мне приехали?

Арапы *(оглушительно)*. Так точно, ваше сиятельство!

Лорд *(в ужасе).* Спасибо.

Арапы. Рады стараться, ваше сиятельство!..

Леди. О боже, как они кричат!

Лорд. Пусть не...

Ликки. Мол-чать!

Арапы. Молчим, ваше сиятельство!

Кири. Вот, дорогой лорд! И это все, что мне осталось, как дивный, чудный сон! Ужас!

Лорд *(очнувшись).* Извольте объяснить, ваше величество, на сколько времени приехала эта орава... то есть гвардия?

Ликки. Насовсем...

Лорд.
Паганель. } Что?!

Гаттерас. Ах, чтоб тебя!

Кири. Виноват, лорд, виноват. Не торопись, мужественный военачальник. Нет, дорогой лорд, мы прибыли только временно, в надежде, что вы окажете нам военную и материальную помощь к тому, чтобы вернуться на остров.

Лорд. Ах, понял. В таком случае поезжайте сейчас. Капитан!

Кири. Увы и увы! Как я уже имел честь доложить, лорд, на острове сейчас чума. И пока она не утихнет, проникнуть на него нечего и думать.

Лорд. Час от часу не легче.

Паганель. Пест?

Кири. Уи. Пест. На острове горы трупов после наших битв с туземцами, и от разложения вышеупомянутых трупов произошла зловредная чума.

Лорд. Но позвольте! Кто же будет содержать всю эту компанию? У вас есть деньги? Провизия?

Кири. Ах, ах, ах. Какая тут провизия, лорд. Спасибо нужно сказать богам, что хоть ноги-то мы унесли.

Лорд. Как, выходит, что я должен кормить всю вашу банду? Выгодную сделку мы учинили, мсье Паганель!

Паганель. О да.

Кири. Дорогой лорд. Я взываю к лучшим чувствам вашим! К чувствам человека и гражданина. А кроме того, уважаемый лорд, я уверяю вас, что вы ничего не получите с острова, если какая-нибудь сила не водворит нас вновь на него.

Лорд *(Паганелю).* Что вы скажете по этому поводу, мсье Паганель?

Паганель *(интимно)*. Арапский царь имеет резон. Придется принять всю эту компанию и содержать. Но когда их чума кончится, вы посылайте корабль на остров, водворяйте этого Кири-Куки. Он очень смышленый арап, и весь жемчуг мы получим. Клянусь Комической оперой, иного выхода нет.

Гаттерас. Я готов поставить вашингтонский доллар против польской марки, что французский джентльмен совершенно прав!

Лорд. Кормить пополам!

Паганель. Согласен.

Лорд. Ес. Вашу руку.

Паганель. Кроме того, мы можем заставить их работать здесь, чтобы они не ели даром хлеб.

Лорд. Ес. Вы очень умны. Итак: я принимаю всю эту компанию.

Кири. О, благородное сердце! Там на небе вы получите награду, сэр, за вашу добродетель. Верные гвардейцы! Лорд принимает нас!

Арапы. Покорнейше благодарим, ваше сиятельство!

Лорд. Тише. Без крику. Но объявляю вам, что вы будете здесь работать и вести себя прилично. Прежде всего потрудитесь сложить ваше оружие.

Ликки. Как?

Леди. О да! О да! Эдвард, я ни одной минуты не буду спокойна, пока они с этими ужасными длинными копьями!

Ликки. Кири! Ты слышишь? Он хочет отнять у нас оружие. Позвольте доложить, ваше сиятельство, что так невозможно. Посудите сами, какая же, к дьяволу, это будет гвардия, ежели у нее оружие отобрать. Как же это, спрашивается, мы будем остров покорять?

Кири. Не спорь, пожалуйста.

Ликки. Да что ты, смеешься?

Гаттерас. Эге-ге... ваше сиятельство... Молчать!

Ропот арапов.

Лорд. Капитан, дать сюда матросов!

Тохонга. Вот так дружеский визит!

Попугай. Дай ему, дай!

Дирижер внезапно появляется за пультом. В оркестре вспыхивает свет.

Гаттерас. Вызвать сюда команду. Сию секунду, лорд.

В оркестре трубы, потом марш... Слышен мерный топот.

Леди. Эдвард! Эдвард! Я убедительно прошу не стрелять. Только не стрелять. Это ужасно. Бетси. Бетси. Где мой одеколон?

Бетси. Сию минуту, леди.

Кири. Братцы, покоритесь! Что вы делаете?

Ликки *(Кири)*. Ну, так сам ты, черт, остров покоряй с армией без копий!

Распахиваются стены, и появляются шеренги вооруженных матросов.

Тохонга. Вот это приехали в гости! Сила ломит и соломушку! Бросайте, дорогие ситуайены, копья.

Арапы. Э... хе... хе...

Гаттерас. Раз!

Звук трубы.

Леди. Умоляю не стрелять!

Паганель. Европа не любит бунт. Бросайте ваше оружие. Или мы паф... паф будем делать...

Гаттерас. Два!

Арапы бросают копья.

Паганель. Отлично.

Леди. Слава богу!

Лорд. Ну, нет, полководец, за то, что вы устроили скандал сразу же, как приехали, вы понесете наказание. Целую неделю будете без горячей пищи и получать только один рис.

Арапы издают стон.

Лорд. А вам, полководец, за то, что вы позволили себе противоречить, объявляю наказание. Взять их всех на работу в каменоломни на все время, пока они будут здесь.

Ликки. Ваше превосходительство! За что же? *(Кири.)* Ну, спасибо тебе, черт махровый!

Кири. Я тебе говорил, чтобы ты не протестовал.

Двое матросов уводят Ликки.

Гаттерас. А теперь вы, пожалуйте. Марш!

Матросы конвоируют арапов.

Тохонга. Так нам, дуракам, и надо!

Попугай. Так вам, дуракам, и надо!

Кири. Совершенно правильно изволили поступить, ваше сиятельство. Ежели их в страхе божием не держать...

Лорд. Вы сознательный правитель. Я теперь вижу.

Паганель. О, он понимает, этот белый арап.

Кири. Ваше сиятельство. Как же мне не понимать. Слава богу, побывал в Европах.

Лорд. Вы остаетесь у меня жить. Будете мой гость.

Кири. Очень приятно, очень приятно. *(Паспарту.)* Рюмочку коньяку!

Паспарту. Сейчас. *(Подает.)*

Кири. Вотр сантэ, мадам! Итак, позвольте провозгласить тост. За здоровье его сиятельства лорда Эдварда Гленарвана, а равно также его очаровательной супруги.

Леди. Право, он изумительно галантен! Бетси, дайте мне носовой платок. Бетси! Ах, до чего вы невнимательны!

Бетси *(про себя).* Вот ломака. *(Вслух).* Извольте, леди.

Кири. За покорение острова и благополучное возвращение лорду Гленарвану и мсье Паганелю затраченных ими средств! Ура!

Паганель. Дикарь, право, мог бы быть дипломатом. Сэр, клянусь Пале-Роялем, вам нужно сказать ответный тост.

Лорд. Ес. *(Дает знак оркестру.)* Я пью за благополучное возвращение на остров его законного повелителя Кири-Куки Первого.

Кири *(восторженно).* Ура!

Попугай. Ура! Ура! Ура!

Музыка.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Вечер в доме лорда Гленарвана. Бетси вытирает чашки у буфета. Кири (в европейском костюме) подкрадывается и закрывает Бетси глаза ладонями.

Бетси. Ах! *(Роняет и разбивает чашку.)*

Кири. Угадай, милочка, кто?

Бетси *(вырываясь).* Нетрудно угадать автора глупой шутки. Извольте оставить меня, сударь.

Кири. Милочка, ты нисколько не ошибешься, если будешь называть меня «ваше величество».

Бетси. Ваше величество! Не хватайте меня руками.

Кири. Тише ты!

Бетси. Не хочу тише. Я нарочно крикну, чтобы услышала леди.

Кири. Тише!

Бетси. Мне надоели ваши приставания, сэр с острова! И кроме того, кто будет отвечать за разбитую чашку леди?

Кири. За чашку будешь отвечать ты.

Бетси. Как?..

Кири. Чему же ты удивляешься? Ведь ты же хлопнула ее!

Бетси. Ну, знаете, сэр, вы такой подлец!

Кири. Как ты смеешь? Ты забыла, с кем разговариваешь. Бетси...

Бетси. Нет, я не забыла... Мне кажется, что я разговариваю с подозрительным проходимцем.

Кири. Ах, вот как! Повелителю Багрового острова такие слова... Ну, ты поплатишься мне за это, моя дорогая кошечка.

Бетси. Я не боюсь вас. И мало того, что не боюсь, но еще и презираю! Сами вы живете у лорда в отличных условиях, в то время как ваши товарищи томятся в каменоломнях. Вы поступили подло... Прочь от меня, негодяй...

Кири. Постой, постой, постой!..

Леди *(входит внезапно)*. Ах!

Кири. Кхм... На чем бишь я остановился? Да, на разбитой чашке... Напрасно вы убегаете, дорогая Бетси, стараясь скрыть свое преступление. Это очень нехорошо! Бить посуду нельзя...

Бетси. О, подлый человек!

Леди. Что означает эта сцена, ваше величество? Вы гоняетесь за горничными?

Кири. Простите, уважаемая леди, эта милая фамм де шамбр раскокала одну из ваших чашек, а когда я хотел ее уличить в этом, бросилась от меня бежать...

Леди. Как? Мою чашку? Любимую чашку?.. Голубую чашку Марии Антуанетты... О!..

Бетси. Сударыня!..

Леди. Не смейте перебивать меня! Ваше поведение нестерпимо! Вы только и делаете, что все бьете и ломаете!

Бетси. Сударыня, позвольте...

Леди. Нет. Она еще разговаривает. Она еще расстра-

ивает меня. Это чудовище. Где мой флакон с нюхательной солью?.. Ах...

Кири. Бетси, как вам не стыдно. Вы расстраиваете вашу добрую хозяйку. Ужас, ужас, ужас!

Бетси. Знаете, сэр, вы такой подлец...

Кири. Вы видите, леди?

Леди. Чаша моего терпения переполнилась. Довольно. Я не могу терпеть больше в доме грубиянку. Вон! Сейчас же вон! Вот ваш паспорт. Вам следует десять шиллингов. За разбитую чашку я вычитаю с вас десять шиллингов. Следовательно, вам причитается... Сэр, сколько ей причитается?

Кири. Сию минуту. Ноль из нуля — ноль. Единица из единицы — ноль... Ноль плюс ноль — ноль. Ничего не причитается, леди.

Леди. Вон!

Бетси. Спасибо. Спасибо. *(Выходит, рыдая.)*

Входят Паганель, лорд и Гаттерас.

Суфлер *(зычно)*. Прекрасная погода.

Паганель. Прекрасная погода, леди. И я беру на себя смелость предложить небольшую прогулку в экипаже.

Леди. Я с удовольствием. Тем более что я сегодня расстроилась очень. Я прогнала мою горничную Бетси, лорд... Она стала совершенно нестерпима.

Лорд. Ну что же, дорогая, найдем другую.

Леди. А вашему величеству угодно?

Кири. Авек плезир, мадам. Вашу руку...

Лорд. Паспарту! Вели подавать лошадей. Мы прокатимся при лунном свете по эспланаде.

Паспарту. Слушаю, сэр.

Все уходят. Сцена некоторое время пуста. Слышно, как глухо на эспланаде играет оркестр. Появляется Бетси. Она с узелком.

Бетси. Ну вот, мой узелок со мной. Куда же пойду? Куда я денусь? Прощай, замок! Злая госпожа выгнала меня. Одно остается мне — пойти и броситься с набережной в океан...

Тохонга *(внезапно появился в окне)*. Бетси! Бетси!

Бетси. Ах, боже мой! Это ты, Тохонга?

Тохонга. Я, моя дорогая, я. *(Влезает в окно.)* Ты одна?

Бетси *(печально)*. Одна.

Тохонга *(обнимая ее).* О моя золотая Бетси! Но что это? Твое лицо в слезах? Ты плакала? Что с тобою, моя дорогая?

Бетси. Ах, Тохонга, леди Гленарван выгнала меня сейчас из дому, сейчас я должна покинуть замок.

Тохонга. Как? Совсем?

Бетси. Да, совсем. Мне некуда деться.

Тохонга. За что?

Бетси. Этот Кири-Куки давно уже преследует меня своими ухаживаниями. Сегодня он обнял меня, а я разбила чашку, и вот...

Тохонга. О, какой подлец! Ну, подожди же, друг туземцев! Погоди, мерзкий плут, увлекший нас в лордовы каменоломни! Придет для тебя час расплаты!

Бетси. Бедный Тохонга. Теперь некому уже кормить тебя хлебом. Ты будешь томиться в каменоломне... до тех пор, пока вас не повезут на остров сражаться с туземцами. И там, быть может, сложишь свою голову, а я... я... найду себе приют в волнах океана.

Тохонга. Не говори так, дорогая. Все, что ни делается, всегда к лучшему. Хвала богам! Слушай, мы одни?

Бетси. Да, никого дома нет.

Тохонга. Ты любишь меня?

Бетси. Да, я люблю тебя, Тохонга.

Тохонга. О! *(Обнимает.)* Слушай, моя возлюбленная. Ты согласилась бы разделить со мною трудную участь?

Бетси. О да.

Тохонга. Так вот что. Бежим со мною на остров.

Бетси. Но как же?.. я не понимаю...

Тохонга. Я больше не в силах голодать под бичами Гленарвановых надсмотрщиков в каменоломнях. И в последнее время у меня созрел план. Я присмотрел великолепную моторную лодку на набережной. Когда закатится луна и ночь станет черной, я отобью замок и выйду в море. Лучше в миллион раз рисковать переходом океана в утлой скорлупе, нежели влачить здесь жизнь раба.

Бетси. Но ведь туземцы убьют тебя!

Тохонга. Нет, я уверен, что они меня не тронут. Это добрый народ, а я виноват перед ним только в одном, что шел против него, когда служил в гвардии. Но ведь я был слеп. А теперь, когда я сам попробовал на

своей шкуре, что значит рабство, я все понял... Я покаюсь в своих грехах перед туземцами, они простят меня. Мы построим вигвам, я возьму тебя в жены, и мы славно заживем на моей родине, где нет ни каменоломен, ни леди Гленарван.

Бетси. Ах, Тохонга. Мне страшно... ведь остров мне чужой.

Тохонга. О, ты быстро привыкнешь. Какое солнце там, какое небо! Там всю ночь океан шуршит и плещется. Там так тепло, что ночью можно спать на голой земле! Бетси! Бежим! Бетси! Бежим!

Бетси. Я согласна.

Тохонга. О моя прелесть! *(Обнимает.)*

Ликки *(оборванный и страшный, внезапно появляется в окне)*. Где этот паровой катер?

Бетси. Ах!

Тохонга. Нас подслушали! Кто это? Кто? Ах, боги! Это Ликки-Тикки! Ты подслушал нас?

Ликки. Конечно.

Тохонга *(выхватив нож)*. Так умри же! Ты не унесешь из этой комнаты моей тайны и не помешаешь побегу! *(Бросается с ножом на Ликки.)*

Бетси. Тохонга! Опомнись, что ты делаешь?

Тохонга. Не мешай. Он погубит нас.

Ликки *(вырвав нож)*. Да поди ты к дьяволу со своим ножом. Барышня! Уймите вашего жениха.

Тохонга. Что тебе нужно от нас, храбрый Ликки?

Ликки. Прежде всего мне нужно, чтобы ты не был идиотом. Сядь, чтоб тебе пусто было!

Тохонга. Неужели ты предатель, Ликки? О, все погибло!

Ликки. Нет, он положительно осатанел. Сядешь ты или нет? Молчать!.. Сядешь? Сидеть, когда тебе говорят!

Бетси. Что вы хотите сделать с ним? Я закричу!

Ликки. Ну, теперь вы еще. Молчать! Сидеть! Пардон, барышня! *(Тохонга и Бетси в ужасе садятся.)* Отвечай, где катер?

Бетси. Ответь, ответь ему, Тохонга!

Тохонга. Но только если ты, Ликки...

Ликки. Молчать, когда с тобою разговаривают!.. Где катер?

Тохонга. Под окном.

Ликки. Так. Дрова есть?

Тохонга. Хватит.

Ликки. Ты свинья!

Бетси. За что вы оскорбляете его?

Ликки. За то, что он не подумал о других. О том, что вместе с ним томится в каменоломне его непосредственный начальник и друг, не раз сражавшийся с ним плечом к плечу.

Тохонга. Ликки! Если бы я знал, что ты с добрыми намерениями...

Ликки. Одним словом, я еду вместе с вами!

Тохонга. Ликки! *(Бросается к нему на шею.)*

Ликки. Уйди ты в болото.

Тохонга. Постой, Ликки! Но ты не подумал, как тебя примут туземцы.

Ликки. Подумал. Не беспокойся... Итак: провизия?

Тохонга. Нету, Ликки.

Ликки *(берет буфет и полностью передает его Тохонге).* Грузи в лодку... Где у лорда оружие?

Бетси. В шкафу... здесь.

Ликки. Так. *(Берет шкаф и передает в окно Тохонге.)* Осторожно, оружие.

Бетси. Боже, какая у вас сила... Но что скажет лорд?

Ликки. Молчать!.. Пардон, мадемуазель. Что он скажет?.. Он грабитель. Одна жемчужина, которую он уволок с острова, стоит дороже, чем все это барахло. Принимай. *(Бросает в окно Тохонге кресла, стол... ковер, картины.)*

Бетси. Вы... вы замечательный человек.

Ликки. Молч... когда с тобой... Что бишь еще... не забыть бы...

Попугай. Не забыть бы.

Ликки. А, старый друг. И ты не останешься здесь. Получай, Тохонга. *(Передает Тохонге клетку с попугаем в окно.)* Не забудь захватить бочонок с пресной водой под окном.

Тохонга *(за окном).* Да, да...

Ликки. Пожалте, барышня. *(Берет Бетси и передает в окно.)*

Бетси. Ах!

Ликки. Молчать, когда с тобой разговар... Да... Теперь записку... *(Пишет записку и ножом прикалывает ее к стене.)*

В комнате не остается ни одного предмета за исключением горящей лампы на стене. Ее Ликки снимает и уходит с нею через окно.
Сцена во тьме. Слышны за сценою голоса.

Бетси. Вы настолько полно нагрузили, что он может перевернуться.

Ликки. Молчать... когда с тобой... садитесь, барышня, на клавиши. Вот так... Погодите, мы его перевернем... *(Грохочут струны в рояле.)* Ну, вот...

Тохонга. Лампу не раздави, лампу...

Ликки. Заводи...

Слышен стук машины в катере.

Попугай *(постепенно утихая, поет).* По морям... по морям...

Пауза.
Потом голоса, в полной тьме.

Лорд. Почему такая тьма?

Гаттерас. Темно, как в... бочке.

Лорд. Паспарту, зажгите лампу.

Паспарту. Слушаю, сэр.

Все входят.

Паспарту. Сэр, тут нету лампы. Ничего не понимаю.

Паганель. Паспарту, вы немного пьяны.

Паспарту. Мсье, я ничего не пил...

Леди. Я боюсь натолкнуться на стул...

Гаттерас. Да принесите лампу из соседней комнаты. Кресло сквозь землю провалилось.

Паспарту. Сию минуту. *(Входит с лампой в руке.)*

Все окоченели.

Лорд. Что такое?

Паганель. Однако!

Леди. Что это значит?

Паспарту. Сэр, у вас в доме были мазурики...

Леди. Бетси, Бетси!!

Гаттерас. Стой! Записка. *(Снимает записку.)*

Лорд. Дайте ее сюда...

Кири. Нож Тохонги! Это работа арапов. Ой, ой, ой! Ужас, ужас, ужас.

Лорд *(читает).* «Спасибо за каменоломни... и за бичи.... надсмотрщиков... приезжайте на остров, мы вам проломим головы... Мерзавцу Кири поклон. Ликки и Тохонга».

Кири. Батюшки!

Паганель. Клянусь... не знаю даже, чем поклясться, это потрясающе!

Лорд. Стойте, здесь еще приписка. Черт, ничего не пойму! Через ять написано. А! Бе... Ять... «Бетси и попугай всем кланяются».

Леди. Мерзавка! Ах. Мне дурно. Дурно...

Паганель. О, мадам, только не падайте в обморок.

Леди. На что я упаду, спрашивается?

Гаттерас. Комната вылизана, как тарелочка языком голодного боцмана. Чтоб те сдохнуть. Я не видел более чистой работы! Ведь не на подводах же уперли они все это?! Лихие ребята, чтоб их смыло в море. Но на чем же они уехали? *(Бросается к окну.)* Сэр! Черти дали тягу в вашем катере.

Лорд *(остервенившись, ухватил Паспарту за горло).* Негодяй. Ты должен был смотреть! Смотреть!

Паспарту *(с лампой).* Караул! Помогите, господин Паганель! При чем тут я?!

Паганель. Мсье, попрошу вас выпустить моего лакея.

Паспарту исчезает, поставив лампу на пол.

Лорд *(бросаясь к Кири).* А вы! Спасибо вам за всю эту банду, которую вы доставили в мой дом. Я вам... я вам...

Кири. Дорогой лорд. Помилуйте, разве я виноват?.. Я... *(Прячется за юбку леди.)*

Леди. Лорд, за что вы? За что? В чем же виноват его величество?

Лорд. Молчать! Не заступаться!

Паганель. Дорогой лорд, успокойтесь. Необходимо взвесить положение и принять сейчас же меры.

Лорд. Да, вы правы. Хорошенькая покупка. Ни жемчуга, ни вещей!

Кири. Ваше сиятельство...

Лорд. Молчать! *(Кири прячется.)* Сейчас мы взвесим положение. *(Думает.)* Эй, капитан!

Гаттерас. Есть, лорд!

Лорд. Корабль! Команду! Всех арапов вооружить! Мы едем на остров! Я не посмотрю на чуму!

Паганель. Совершенно правильно. Европа не может допускать разбой. Где мой саквояж? Лорд, я вас уверяю, мы вернем жемчуг и вещи.

Гаттерас. Точно так. *(Свистит в свисток.)* Команду, та-рам-та-рам-та-там...

На заднем плане показывается корабль с матросами, усеянный электрическими огнями.

Леди. Лорд, я поеду с вами. Я хочу видеть своими глазами, как схватят эту негодяйку и воровку Бетси.

Лорд. Хорошо. Одевайтесь! *(Суета.)*

Паспарту *(вбегает, растерян).* Лорд! Лорд! Лорд!

Лорд. Какая еще пакость случилась в моем замке?

Паспарту. Савва Лукич приехали!!

В оркестре немедленно поднимаются любопытные головы музыкантов.

Суфлер *(из будки).* Геннадий Панфилыч, Савва Лукич!

Матросы *(с корабля на мотив «Типперери»).* Савва Лукич... в вестибюле... снимает калоши!..

Лорд. Слышу. Слышу. Ну что же, принять, позвать, просить, сказать, что очень рад... Батюшки, сцена голая! Сесть не на чем. Вернуть что-нибудь из мебели!

Паганель бросается в окно и втаскивает попугая на сцену.

Лорд. Ну, гражданин Жюль Верн... Того, этого... что бишь я хотел сказать?.. Да. Театр—это храм... Одним словом, ничего лишнего... Метелкин. Бенгальского давай!

Паспарту. Тигра, Геннадий Панфилыч?

Лорд. Не тигра, черт тебя возьми, огню бенгальского в софит!

Паспарту. Володя! В верхний софит бенгальского красного гуще...

Сцена немедленно заливается неестественным красным светом.

Лорд. Метелкин! Попугай пусть что-нибудь поприятнее выкрикивает. Не очень бранись. Лозунговое что-нибудь...

Паспарту. Слушаю, Геннадий Панфилыч. *(Прячется за попугая.)*

Лорд. Батюшки! Наконец-то, уж мы вас ждали, ждали, ждали. Здравствуйте, драгоценнейший Савва Лукич!

Савва *(входит).* Хе... хе... Извините, что опоздал... дела... заседаньице задержало. Здравствуйте, здравствуйте...

Лорд. Вот, позвольте рекомендовать вам, Савва Лукич, гражданин Жюль Верн... автор... страшеннейший талант... идеологическая глубина души... светлая личность! В наше время, Савва Лукич, такие авторы на вес золота. Им бы двойной гонорар нужно бы платить, по сути дела... *(Тихо Кири.)* Это я пошутил.

Савва. Очень приятно... Какие у вас волосы странные, молодой человек...

Кири. Это я в гриме, Савва Лукич.

Савва. Как, сами и играете?

Лорд. Точно так, Савва Лукич. Ничего не жалел для постановки. Заболел Варрава Аполлонович... и автор согласился сыграть за него. Кири — проходимец.

Савва. Так, так... Сразу видно... Сразу... Ну что же... продолжайте, пожалуйста.

Лорд. Слушаю. Позвольте вам вручить экземплярик пьески...

Савва. Какая прелесть. Попугай?

Лорд. Специально для этой пьесы заказал, Савва Лукич.

Савва. И дорого дали?

Лорд. ...Семьсот... пятьсот пятьдесят рублей, Савва Лукич, говорящий. Ни в одном театре нету, а у нас есть!

Савва. Скажите! Здравствуй, попка.

Попугай. Здравствуйте, Савва Лукич. Пролетарии всех стран, соединяйтесь. Рукопожатия отменяются.

Савва *(в ужасе упал на пол, чуть не перекрестился).* Сдаюсь!

Лорд. Ну, дурак, Метелкин! Боже, какой болван!

Савва. Что же это такое? Ничего не понимаю... *(Заглядывает за клетку попугая.)*

Паспарту перебегает на другую сторону.

Лорд. Не пересаливай, Метелкин.

Паспарту. Слушаю, Геннадий Панфилыч.

Савва. Прелестная вещь! Буду рекомендовать всем театрам, кои в моем ведении. Итак... продолжайте... На чем вы остановились?

Лорд. Сейчас на необитаемый остров едем, Савва Лукич. Капиталисты мы. Взбунтовавшихся туземцев покорять. На корабле. Вам откуда угодно смотреть? Из партера? Из ложи? Или, может быть, здесь, на сцене, за стаканчиком чайку?

Савва. Нет, уж позвольте мне, старику, с вами на корабле... хочется прокатиться на старости лет.

Лорд. Да милости просим. Господа! Прошу продолжать. *(Хлопает в ладоши.)*

Гаттерас. Корабль готов, лорд.

Лорд. Дать сюда арапов.

Гаттерас. Есть, лорд! *(Свистит.)*

Стены разламываются, и появляются шеренги арапов с копьями.

Лорд. Здравствуйте, арапы.

Арапы *(оглушительно)*. Здравия желаем, ваше сиятельство!

Савва. Очень хорошо. Еще раз можно попросить? Здравствуйте, арапы!

Арапы. Здравствуйте, Савва Лукич!

Савва Лукич потрясен.

Лорд. Арапы! Ваш военачальник совершил гнусную измену. Он только что ограбил мой замок и бежал на остров с целью передаться туземцам. Нужно достойно наказать его и непокорных туземцев. Во главе вас станет ваш царь Кири-Куки Первый, а я окажу помощь.

Арапы. Рады стараться, ваше сиятельство!

Лорд. Потрудитесь, ваше величество, показывать им пример личного мужества.

Кири. Слушаю-с. Ну, влопался, черт меня возьми!

Леди. Кири, мой дорогой, не унывайте, я душою с вами, и я уверена, что вы выйдете победителем.

Кири. Ах, уйди ты от меня, Христа ради! Где мой чемодан?

Паспарту. Извольте, ваше величество. Ого, какой тяжелый.

Кири. В нем два пуда воззваний к моему заблудшему народу.

Лорд. Все на корабль! Поднять трап! Пожалте, Савва Лукич. Ножку не ушибите об трап.

Все всходят на корабль. Паганель по дороге выбрасывает попугая в окно.

Лорд. Вперед, и смерть туземцам! Смерть Ликки и Тохонге.

Матросы. Смерть им!

Гаттерас. Из бухты вон!

Дирижер взмахивает палочкой. Оркестр начинает «Ах, далеко нам до Типперери!». Лорд за спиной Саввы грозит дирижеру кулаками. Оркестр мгновенно меняет мотив и играет «Вышли мы все из народа...».

Кири. Геннадий Панфилыч, что вы! Европейские матросы не могут этого петь!

Лорд *(грозит ему кулаками)*. Молчите, злосчастный!

Корабль начинает отходить.

Савва *(красуясь на корабле)*. Отличный финальчик третьего акта.

Занавес

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Остров. Бывший вигвам Кири украшен красным флагом. Кай-Кум, Фарра-Тете и туземцы всматриваются в открытое море.

3-й туземец. Если бы я не знал, что Ликки-Тикки сейчас в Европе, я бы поклялся, что это он на корме.

4-й туземец. А этот, на носу, вылитый Тохонга...

Фарра. Приготовить стрелы!

Кай. Ей-богу... как две капли воды Ликки!

Фарра. Баба сидит на каком-то черном ящике.

Туземцы. И попугай... Ликки... не Ликки... Ликки... не Ликки...

Кай. Ликки!

Катер входит в бухту, и из него выпрыгивают Ликки, Тохонга и Бетси.

Туземцы. Ликки-Тикки!

Ликки. Совершенно верно. Не нужно так орать. Молчать, когда... Что вы на меня выпятились?

Кай. Слушай, белый арап. Мы будем тебя судить!..

Фарра. Бросай оружие!

Ликки. Что вы, братцы, кричите так?..

Кай. Руки вверх!

Ликки, Тохонга и Бетси поднимают руки вверх. Их обыскивают.

Бетси. Ах, Тохонга, я боюсь. Что они сделают с нами?

Тохонга. Не бойся, дорогая моя. Они поймут. Мы им сейчас все объясним. Ликки расскажет им.

Ликки. Сейчас. Да отойдите от меня! Я не могу говорить, когда пятьдесят человек мне пыхтят в лицо.

Кай. Но если ты вздумаешь тронуть кого-нибудь из туземцев...

Ликки. Молчать, когда... я все-таки не идиот, чтоб тронуть кого-нибудь из вас... Я один, а вас... пятьсот человек!

Кай. Зачем ты явился?

Ликки. Вот я и хочу это объяснить. Где туземец, которого я треснул в зубы?

Фарра. Он убит твоими арапами во время осады...

Ликки. Жаль. Боги да примут его в небесное лоно, и дух Вайдуа незримо да почиет на нем в селениях праведных...

Кай. Аминь. Аминь. Но в чем же дело? Отвечай без лукавства.

Ликки. Итак, он умер. Заочно прошу у него прощения и у вас также. Прошу прощения за то, что, вследствие слепоты и недостаточного образования, состоял на службе у тирана Сизи-Бузи и был в его руках... Так я говорю?

Бетси. Верно, верно, храбрый Ликки. Продолжайте.

Тохонга. Продолжай, Ликки. Они поймут.

Ликки. Был орудием угнетения. Я не отдавал себе отчета в том, что я делал... Во-вторых... Что бишь во-вторых? Прошу у туземного народа прощения за то, что, будучи... обманут проходимцем Кири-Куки, пошел против народа и треснул в зубы, а равно также был причиною многих смертей.

Туземцы. Он кается. Вы слышите?

Ликки. Да, я каюсь. Вы можете меня судить.

Тохонга. И обо мне скажи!

Ликки. В том же самом кается и мой адъютант... Тохонга.

Тохонга. Да.

Кай. Кто эта белая женщина?

Тохонга. Не бойся, Бетси... сейчас я скажу... То горничная лорда. Ее прогнали. Она моя возлюбленная, я на ней женюсь. Она никогда никому не причинила зла, потому что обладает добрым сердцем. Примите и не обижайте ее, даже если вы убьете меня.

Кай. Туземный народ не убивает женщин, ни в чем не повинных.

Фарра. И вы приехали затем, чтобы раскаяться?

Ликки и Тохонга. Да.

Бетси. Да, я подтверждаю это.

Фарра. Ликки, Ликки! Нас слишком часто обманывали. Кто поручится, что за твоими словами не кроется предательство?

Ликки. Я тебя уверяю, предательства нет.

Фарра. Кто поручится?

Ликки. Да что ты все «поручится» да «поручится»?! Молчать, когда...

Фарра. Как, ты еще кричишь на меня?

Ликки. Ну что ты придираешься? У меня такая привычка. Пойми, что, испытав на своей шкуре в Европе все, чему подвергал вас Сизи-Бузи здесь, я все сообразил и более не перейду ни на чью сторону. Рабство меня выучило. Я клянусь!

Тохонга. И меня тоже.

Фарра. И вы докажете это туземному народу?

Тохонга. Да.

Ликки. Да. И даже скорее, чем я бы этого хотел. Смотри, на горизонте...

2-й туземец. Сильный дым!..

Ликкки. Да, дым... Это зловещий дым! Эй! Кто теперь у вас царь?

Туземцы. У нас нет и не будет более царя.

Ликки. Ну, кто управляет вами?

Туземцы. Они! Выбраны нами.

Ликки. Я так и полагал. Привет вам, повелители! Кай, вели вскрыть этот шкаф...

Фарра. Будь осторожен, Кай.

Ликки. Как не стыдно тебе! Я стар и поклялся.

Бетси. О, верьте им, верьте...

Кай. Вскрыть шкаф!

Туземцы вскрывают шкаф.

Туземцы. Оружие. Оружие.

Ликки. Да, это европейские ружья.

2-й туземец *(на пальме)*. На горизонте корабль!

Ликки *(громовым голосом)*. Слушайте, туземцы! Это корабль лорда Гленарвана. Они идут с тем, чтобы истребить вас, посадить негодяя Кири на трон и ограбить вас. И я, Ликки-Тикки, военачальник, перешедший на вашу сторону, явился к вам, чтобы помочь вам отразить их. И посмотрел бы я, как это сделали бы вы без меня, самого искусного полководца на всех островах океана! Разбирайте оружие.

Фарра. Теперь мы верим тебе, Ликки-Тикки, ты искупил свои грехи. Народ, простить ли его?

Туземцы. Простить!

Кай. Ликки и Тохонга, именем народа—вы прощены!

Ликки. Спасибо. Вы не раскаетесь в этом.

Фарра. К оружию, братцы!

Туземцы мгновенно разбирают ружья. Слышна труба...

Ликки. У вас чума?

Кай. Она почти кончилась.

Ликки. Есть ли хоть один непогребенный труп?

Кай. О да.

Ликки. Ну, так вот что! Сейчас же стрелы ваши обмакните в чумной яд. Чума — это единственное, чего боятся жадные европейцы. Поняли меня?

Кай. О, Ликки! Ты действительно великий полководец. Слушайте его. Слушайте.

2-й туземец *(на пальме).* Корабль приближается!

Происходит страшнейшая суета вооружения. Весь остров покрывается тучею копий.

Ликки. Скройтесь... за камни, за кусты.

Играет рожок.

Тохонга. Скройся!

Все скрываются, и сцена пуста.

Слышна зловещая музыка, и корабль входит в бухту. Первым с него сходит Савва с экземпляром пьесы в руках и помещается на бывшем троне, он царит над островом.

Лорд. Леди, прошу вас не высовываться!

Гаттерас. Команда. Слушай... трап подать...

Лорд. Нуте-с, ваше величество, потрудитесь встать во главе вашего войска. Вы теперь имеете возможность вернуть свой трон, а мне — мой жемчуг.

Паганель. О да. Нам надоело буйство вашего народа. Клянусь Французской Республикой.

Кири *(с чемоданом).* Слушаю, ваше прев... бла... фу-ты, черт, попал я в положение... Всадят мне стрелу в живот. И зачем я ввязался в это дело?..

Леди. О, не подвергайте опасности его величество.

Лорд. Леди, мне начинает казаться странным ваше заступничество. Арапский царь! Что же вы?

Кири. Иду, иду, достоуважаемый лорд. Иду, но у меня ноги подкашиваются от храбрости и нетерпения. Охо-хо!.. Ну, арапчики милые, не выдавайте!

Гаттерас. Арапы, вперед!

Арапы сходят по трапу под звуки военной музыки.

Кири. Я, ваше сиятельство, сзади пойду, чтобы кто-нибудь из них не вздумал дать ходу... ведь это такой народ...

Леди. О, вы и трус! Я презираю вас!

Кири. Очень мне надо это теперь, когда моя жизнь висит на волоске!

Кири идет вслед за арапами на остров. Матросы выстраиваются в шеренгу на палубе... Арапы идут с копьями наперевес. Пауза, и внезапно появляется Ликки с револьвером в руке.

Ликки *(грозно).* А куда вы прете, щучьи дети?

Арапы *(в ужасе).* Военачальник!!

Ликки. Да, это я, Ликки-Тикки, прозванный на островах неустрашимым. Куда?

Арапы *(в полном замешательстве).* Ликки... мы что ж... мы люди маленькие... конечно...

Гул.

Ликки. Молчать, когда с вами разговаривают!..

Паганель. Клянусь флаконом лоригана, они в замешательстве... Лорд...

Лорд *(с подзорной трубою).* Капитан Гаттерас, примите меры.

Гаттерас *(в рупор).* Вперед, сто тысяч чертей и один Вельзевул. Вперед!

Ликки. Назад!.. когда с вами разговаривают...

Арапы. Отцы родные, что же это такое делается?!

Замешательство.

Гаттерас. Вперед!

Ликки. Назад!

Туземцы *(за сценою).* Ура!.. Полководец Ликки.

Кай и Фарра *(появляются на скале).* Ликки. Молодец!

Арапы *(падают мгновенно, как срезанные, с воплем).* Сдаемся!

Ликки. Марш к туземцам!

Арапы исчезают со сцены.

Туземцы *(издают громовой вопль).* Ура!!.

На сцене остается Кири с чемоданом.

Кири. Ваше сиятельство! *(Отчаянно.)* Караул, караул! Ваше сиятельство... Помогите... Меня бросили на произвол судьбы. Ужас, ужас, ужас.

Ликки *(зловеще).* А-а. Вот где он. Давно, давно я жду этого момента. Ну, молись, подлец, пришел твой срок.

Кири. Миленький, золотой Ликки. Я сдаюсь. Или, вернее, уже сдался давным-давно. Плюсквамперфектум. Сдался. О Ликки! Неужели ты убьешь несчастного юного Кири-Куки, который всегда любил тебя нежною любовью?

Ликки. Ах, гнусный подлец!

Паганель. Лорд... они бежали, а туземский царь схвачен.

Леди. О лорд, вы должны выручить его.

Паспарту. Туземский царь засыпался.

Лорд. Капитан! Капитан!

Гаттерас. Команда, к оружию!

На Ликки направляются пушки. Ликки схватывает Кири и закрывается им, как щитом.

Кири. Ваше сиятельство, не стреляйте.

Леди *(схватив Гаттераса за руки)*. О, вы убьете его! Не стреляйте!

Лорд. Леди! Что это значит? Я начинаю подозревать вас!

Кири. Совершенно верно, ваше сиятельство. Я открою вам колоссальных размеров тайну, только не стреляйте!

Лорд. Какую тайну?

Кири *(сложив руки щитком)*. Ваша жена вам изменила со мною.

Леди. О, гнусная тварь! *(Падает в обморок.)*

Ликки. Ну, видал я прохвостов...

Лорд. Я обесчещен! *(Вынимает револьвер и стреляется.)*

Паспарту. Лорд застрелился.

Паганель. Боже мой. Что такое происходит у этого проклятого острова! Будь я трижды проклят за то, что я связался с этим жемчугом.

Ликки. Эй, туземцы. Все сюда.

Тучей выходят туземцы, арапы и покрывают сцену.

Кай и Фарра. Все сюда.

Ликки. Слушайте, вы, европейцы!

На корабле тишина.

Вы видите, что попытка покорить остров при помощи... впрочем, я не оратор, черти б меня съели!.. Молчать, когда с тобой... Кай, скажи им.

Кай. Слушайте, европейцы. Ваши попытки завоевать остров ни к чему не приведут, потому что несметные и сознательные полчища туземцев вам его не отдадут.

Фарра. Жемчуга вам не видать никогда. Он принадлежит свободному туземному народу, и более никому.

Кири. Совершенно верно, правильно, до чего правильно... Я сам так полагал, Кай.

Кай. Молчи, дрянь. Твое дело еще впереди.

Кири. Молчу, как рыба об лед.

Кай. И вот вам последнее наше слово. Перед вами тысячи луков и в них стрелы, отравленные чумою.

Паганель. Как чума? Черт возьми!

Ропот матросов.

Фарра. Если сию минуту вы не оставите остров, мы дадим залп по вас, и вам не помогут никакие дальнобойные пушки...

Гаттерас. Ко псам этот поход! Я думал воевать со стрелами и бомбами, а не с чумой.

Паспарту. Мсье! Черти разложили команду. Она волнуется.

Паганель. Капитан, домой!

Гаттерас. Из бухты вон!!

С громом поднимают якорь, и корабль начинает уходить. Матросы поют: «По морям... по морям...»

Леди *(встает у борта. Тоскует).* О, я несчастная. В один миг я потеряла все... жемчуг, мужа, любовника... Что делать мне?

Паганель. Сударыня, казнитесь, глядя на труп вашего супруга. Общественное мнение Европы убьет вас!

Леди *(тоскливо).* Плевать я хотела на общественное мнение.

Матросы: «По морям... по морям...»
Все глуше и тише.
Корабль скрывается. Солнце садится.

Кай *(на скале).* Братья туземцы. Поздравляю вас. Все испытания наши кончены. Больше Багровому острову не угрожает никакая опасность. Кричите же радостно — «ура»!

Все. Ура! Ура! Ура!

Кай. Расступитесь!

Все расступаются и обнаруживают Кири на чемодане.

Кири. Я думал, что меня забудут в общем ликовании. Увы, нет!

Фарра. Что делать нам с этим негодяем?

Ликки. Убить его! И то мало.

Кай. Что делать с ним?

Туземцы. Что делать?

Кири. Только простить, и больше ничего! Неужели вы, дорогие правители Кай-Кум и Фарра-Тете, не понимаете, что нельзя омрачать столь колоссальный народный праздник пролитием крови, хотя бы даже и виновного человека?

Ликки. Тебя можно повесить, не проливая ни одной капли крови.

Кай. Как ты хотел повесить меня и Фарра-Тете...

Кири. О драгоценный Кай! Не будь злопамятен. О туземный народ! Ты знаешь, что у меня в чемодане?

Фарра. Что, негодяй?

Кири. Два пуда стерлингов, тех самых, что покойный лорд вручил Сизи за жемчуг. Как видите, я честно сберег народное достояние, не утаив ни копейки.

Ликки. Сознайся, что ты берег их, чтобы присвоить.

Кири. Но ведь не присвоил. Ах, Ликки, зачем ты топишь человека? Ужас, ужас, ужас.

Ликки. Глаза бы мои на тебя не смотрели. Ну тебя к свиньям. Простите его, братцы. Рук не хочется марать.

Кай. Простить ради победы и торжества?

Туземцы и арапы. Простить!!

Фарра. Вставай. Ты слышал — народ прощает тебя. Присуждаем тебе звание прохвоста.

Кири. О, боги благословят вас за великодушие! Какая тяжесть спала с моей души. Но стерлингов немножко жалко. Впрочем, жизнь человеческая, хотя и подлая, дороже всяких стерлингов. Позвольте же мне принять теперь участие в ликовании.

Всходит луна.

Кай. Туземцы, вот она, ночная богиня, изливает свой свет на переживший все испытания остров!.. Встретим же ее радостно.

Вспыхивают бесчисленные фонари. Громадный хор поет с оркестром:

«Испытания закончены,
Утихает океан,—
Да живет Багровый остров —
Самый славный средь всех стран!»

Кири. Пьеса закончена!!

Фонарики и луна исчезают, и на сцену дают полный свет.

ЭПИЛОГ

Начинается гул и движение... Туземцы расходятся. На сцену выходят: покойный лорд, леди, Паганель, Гаттерас, Паспарту, Савва Лукич один, неподвижен, сидит на троне над толпой. Вид его глубокомыслен и хмур. Все взоры обращены на него.

Лорд. Кхм... ну, что же вам угодно будет сказать по поводу пьески, Савва Лукич?

Гробовая тишина.

Савва. Пьеса запрещается.

Проносится стон по всей труппе. Из оркестра вылезают головы пораженных музыкантов. Из будки — суфлер.

Кири *(болезненно)*. Как?!.

Лорд *(бледнея)*. Как вы сказали, Савва Лукич? Мне кажется, я ослышался.

Савва. Нет. Не ослышались. Запрещается к представлению.

Ликки. Вот тебе и идеологическая! Поздравляю, Геннадий Панфилыч!

Лорд. Савва Лукич, может быть, вы выскажете ваши соображения?.. Чайку, кстати, не прикажете ли стаканчик?

Савва. Чайку выпью... мерси... а пьеска не пойдет... Хе... хе...

Лорд. Паспарту!! Стакан чаю Савве Лукичу!

Паспарту. Сейчас, Геннадий Панфилыч. *(Подает чай.)*

Савва. Мерси... мерси. А вы, Геннадий Панфилыч?

Лорд. Я уже закусил давеча.

Гробовая тишина.

Ликки. Торговали кирпичом и остались ни при чем... Эхе... хе...

Паспарту. Кадристы спрашивают, Геннадий Панфилыч, им можно разгримироваться?

Лорд *(шипящим голосом)*. Я им разгримируюсь, я им так разгримируюсь...

Паспарту. Слушаю, Геннадий Панфилыч... *(Исчезает.)*

Внезапно появляется Сизи, он в штатском костюме, но в гриме царя и с короной на голове.

Сизи. Я к вам, гражданин автор... Сундучков, позвольте представиться. Очень хорошая пьеска... Замечательная... Шекспиром веет от нее даже на расстоянии... у меня нюх, батюшка, я двадцать пять лет на сцене. С покойным Антоном Павловичем Чеховым, бывало, в Крыму... Кстати, вы на него похожи при дневном освещении анфас. Но, батюшка, нельзя же так с царями... Ну что такое?.. В первом акте... исчезает бесследно...

Кири *(смотрит тупо)*. Убит...

Сизи. Я понимаю. Я понимаю. Так царю и надо. Я бы

сам их поубивал всех. Слава богу, человек сознательный, и у меня в семье одни сплошные народовольцы... Иных не было... Убей!.. но во втором акте...

Л и к к и. Что у тебя за манера, Анемподист, издеваться над людьми? Ты видишь, человек убит.

С и з и. Как то есть?

Л и к к и. Ну, хлопнул Савва пьесу.

С и з и. А-а. Так... так. Так. Понимаю. Превосходно понимаю. Ведь разве же можно так с царями? Какой бы он ни был арап, он все же помазанник...

Л о р д. Анемподист! Ты меня очень обяжешь, если помолчишь одну минуту.

С и з и. Немею. Перед лицом закона немею. Дура лекс... дура.

П о п у г а й. Дура!

С и з и. Это не я, Геннадий Панфилыч, это семисотрублевый попугай.

Л о р д. Метелкин. Без шуток. Савва Лукич! Я надеюсь, это решение ваше не окончательно?

С а в в а. Нет, окончательно... Я люблю чайку попить за работой... В центросоюзе, наверно, брали?

Л о р д. В сентр... цаюзе... да... Савва Лукич.

К и р и *(внезапно)*. Чердак?! Так, стало быть, опять чердак? Сухая каша на примусе?.. Рваная простыня?..

С а в в а. Кх... виноват, вы мне? Я немного туг на ухо...

Гробовейшая тишина.

К и р и. ...Прачка ломится каждый день: когда заплатите деньги за стирку кальсон?! Ночью звезды глядят в окно, а окно треснувшее, и не на что вставить новое... Полгода, полгода я горел и холодел, встречал рассветы на Плющихе с пером в руках, с пустым желудком. А метели воют, гудят железные листы... а у меня нет калош!..

Л о р д. Василий Артурыч!!

С а в в а. Я что-то не пойму... это откуда же?..

К и р и. Это? Это отсюда. Из меня. Из глубины сердца... вот... «Багровый остров»! О, мой «Багровый остров»...

Л о р д. Василий Артурыч, чайку!.. Монолог. Это, Савва Лукич, монолог!

С а в в а. Так... так... что-то не помню.

К и р и. Полгода... полгода... в редакции бегал, пороги обивал, отчеты о пожарах писал... по три рубля семьдесят

пять копеек... Да ведь как получал гонорар... без шапки, у притолоки... *(Снимает парик.)* Заплатите деньги... дайте авансиком три рубля... Вот кончу... вот кончу «Багровый остров»... И вот является зловещий старик...

Савва. Виноват, это вы про кого?

Кири. ...и одним взмахом, росчерком пера убивает меня... Ну, вот моя грудь, пронзи ее своим карандашом...

Лорд. Что вы делаете, несчастный?!. Чайку!..

Кири. Ах, мне нечего терять!.. Плюйте в побежденного, топчите полумертвую падаль орла!

Бетси. } Бедный, бедный, успокойтесь!.. Василий
Леди. } Артурыч!

Лорд. Вам нечего, а мне есть чего! Братцы, берите его в уборную. Театр — это храм. Паспарту!

Сизи, Ликки, Паспарту увлекают Кири.

Бетси. Василий Артурыч... успокойтесь, все будет благополучно... Что вы?

Кири *(вырываясь)*. А судьи кто? За древностию лет к свободной жизни их вражда непримирима. Сужденья черпают из забытых газет времен колчаковских и покоренья Крыма...

Лорд. Уж втянет он меня в беду! Сергей Сергеич... я пойду... Братцы, берите его!

Леди. Миленький, успокойтесь, я вас поцелую.

Бетси. И я.

Савва. Это что же такое?

Лорд. На Польском фронте контужен в голову... громаднейший талантище... форменный идиот... ум... идеология... он уже сидел на Канатчиковой даче раз. Театр — это храм, не обращайте внимания, Савва Лукич. Вы меня знаете не первый день, Савва Лукич. Савва Лукич! Пятнадцать тысяч рублей! Три месяца работы... Скажите, в чем дело?..

Савва. Контрреволюционная пьеса.

Лорд. Савва Лукич! Побойтесь бо... что это я говорю... Побойтесь... а кого... неизвестно... Никого не бойтесь... Контрреволюция... В моем театре? Савва Лукич! В чем дело? На пушечный выстрел я не допускаю контрреволюционеров к театру! В чем дело?..

Савва. В конце.

Общий гул, внимание.

Лорд. Совершенно правильно. Батюшки мои. То-то я чувствую, чего, думаю, не хватает в пьесе? Савва Лукич, золотой вы человек для театра! Клянусь вам. На всех перекрестках это твержу! Нам нужны такие люди в СССР! Нужны до зарезу! В чем же дело в конце?

Савва. Помилуйте, Геннадий Панфилыч. Как же вы сами не догадались? Не понимаю. Я удивляюсь вам!..

Лорд. Совершенно верно, как же я не догадался, старый осел-шестидесятник?

Савва. Матросы-то, ведь они кто?

Лорд. Пролетарии, Савва Лукич, пролетарии, чтоб мне скиснуть...

Савва. Ну дак как же? А они, в то время когда освобожденные туземцы ликуют, остаются...

Лорд. В рабстве, Савва Лукич, в рабстве. Ах, я кретин!

Сизи. Не спорим, не спорим.

Лорд. Анемподист!!

Савва. А международная-то революция, а солидарность?..

Лорд. Где они, Савва Лукич? Ах я, ах я... Метелкин. Если ты устроишь международную революцию через пять минут, понял... Я тебя озолочу...

Паспарту. Международную, Геннадий Панфилыч?

Лорд. Международную!

Паспарту. Будет, Геннадий Панфилыч!

Лорд. Лети!! Савва Лукич... сейчас будет конец с международной революцией.

Савва. Но, может быть, гражданин автор не желает международной революции?

Лорд. Кто? Автор? Не желает? Желал бы увидеть человека, который не желает международной революции. *(В партер.)* Может, кто-нибудь не желает?.. Поднимите руку...

Сизи. Кто против? Хи-хи. Оч-чевидное большинство, Савва Лукич!

Лорд *(с чувством)*. Таких людей у меня в театре не бывает. Кассир такому типу билета не выдаст, нет... Анемподист, я лучше сам попрошу, чтобы автор приписал тебе тексту в первом акте, только чтобы ты не путался сейчас.

Сизи. Вот за это спасибо.

Лорд. Всех на сцену. Всех!

Паспарту. Володя. Всех на вариант!

Лорд. Ликуй Исаич, международная!..

Дирижер. Не продолжайте, Геннадий Панфилыч, я уже понял полчаса тому назад и не расходился.

Лорд. Автора дайте!

Бетси и леди под руки вводят Кири.

Лорд *(шипящим шепотом)*. Сейчас будем играть вариант финала... импровизируйте международную революцию, матросы должны принять участие... если вам дорога пьеса...

Кири. А. Я понял... Понял.

Леди. Мы поможем вам все.

Бетси. Да... да.

Раздается удар гонга, и луна вспыхивает на небе, мгновенно загораются фонарики в руках у туземцев. Сцена освещается красным...

Суфлер. Вот она, ночная богиня...

Кай. Луна... Встретим же ее ликованием!..

Хор поет с оркестром:

«Да живет Багровый остров —
Самый славный средь всех стран!..»

2-й туземец. В море огни!..

Кири. Тише, в море огни!

Кай. Что это значит? Корабль возвращается?! Ликки, будь наготове...

Ликки. Всегда готов...

В бухту входит корабль, освещенный красным. На палубе стоят шеренги матросов, в руках у них багровые флаги с надписями: «Да здравствует Багровый остров». Впереди них — Паспарту.

Паспарту. Товарищи! Команда яхты «Дункан», выйдя в море, взбунтовалась против насильников-капиталистов... После страшного боя команда сбросила в море Паганеля, леди Гленарван и капитана Гаттераса. Я принял команду. Революционные европейские матросы просят передать туземному народу, что отныне никто не покусится на его свободу. Мы братски приветствуем туземцев...

Бетси *(на скале)*. О, как я счастлива, Паспарту, что наконец и ты освободился от гнета лорда. Да здравствуют свободные европейские матросы, да здравствует Паспарту!

Туземцы. Да здравствуют революци-он-ные мат-росы... Ура! Ура! Ура!

Попугай. Ура. Ура. Ура.

Громовая музыка.
Савва встает и аплодирует.

Лорд. Выноси, выноси... ой, ой, ой...

Хор с оркестром поет:

«Вот вывод наш логический
Не важно, эдак или так...
Финалом (сопрано) победным!!!
(басы) идеологическим!!!
Мы венчаем наш спектакль!!!»

Сразу тишина. Кири затыкает уши.

Сизи *(появился)*. Может быть, царю можно хоть постоять в сторонке... Может, он не погиб во время извержения, а скрылся, потом раскаялся...

Лорд. Анемподист! Вон!!

Сизи. Исчезаю... Иди, душа, во ад и буди вечно пленна. О, если бы со мною погибла вся вселенна! *(Освещенный адским пламенем, проваливается в люк.)*

Лорд. Савва Лукич. Савва Лукич. Савва Лу... вы слышали, как они это сыграли?.. Вы слышали, как они пели?.. Савва Лукич... Театр — это храм.

Тишина.

Савва. Пьеса к представлению *(пауза)* разрешается...

Лорд *(воплем)*. Савва Лукич!!.

Громовой взрыв восторга, происходит кутерьма. Задник уходит вверх... Появляются сверкающие лампионы и зеркала, парики на болванках...

Все. Ура... Слава те господи... Поздравляем... браво... браво...

Ликки. Парикмахеры!!

Сизи *(поднимается из люка в глубине сцены)*. Портные!!

Кай. Эх, здорово звезданули финал!

Фарра. Где мои брюки?

Лорд. Василий Артурыч, встаньте, вас поздравляют...

Кири. Ничего не хочу слышать... ничего... я убит...

Лорд. Опомнитесь, Василий Артурыч. Пьеса разрешена.

Бетси, Леди. Василий Артурыч, милый Жюль Верн. Все кончено. Поздравляем... Поздравляем...

Кири. Что? Кого?..

Лорд.
Бетси. } Поздравляем. Разрешена!
Леди.

Кири. Как разрешена?! О, мой «Багровый остров»! О, мой «Багровый остров»!

Савва. Ну, спасибо вам, молодой человек: утешили... Утешили, прямо скажу, и за кораблик спасибо... Далеко пойдете, молодой человек. Далеко... Я вам предсказываю...

Лорд. Страшеннейший талант, я же вам говорил.

Савва. В других городах-то я все-таки вашу пьеску запрещу... Нельзя все-таки... Пьеска — и вдруг всюду разрешена. Курьезно как-то...

Лорд. Натурально. Натурально, Савва Лукич. Им нельзя давать таких пьесок. Да разве можно? Они не доросли до них, Савва Лукич. *(Тихо Кири.)* Ну, Василий Артурыч, мы эту пьеску берем у вас монопольно. Мы им, провинциалам, и понюхать ее не дадим... Мы ее сами повезем. Кстати, Василий Артурыч, чтоб уже прочнее было, вы в другие театры и не заходите, а прямо уж домой, баиньки... Там я вам сорок червонцев дал, дак уже примите еще сотенку... Для равного счета, а вы мне расписочку... Вот так... Мерси-с... хе... хе...

Бетси. Какое у него вдохновенное лицо...

Сизи. Дайте мне сто червей, и у меня будет вдохновение. В первом акте царя угробили...

Кири *(мутно)*. Деньги! Червонцы!

Попугай. Червонцы! Червонцы!

Кири. А! Чердак! Шестнадцать квадратных аршин и лунный свет вместо одеяла. О вы, мои слепые стекла, скупой и жиденький рассвет... Червонцы! Кто написал «Багровый остров»? Я, Дымогацкий, Жюль Верн. Долой, долой пожары на Мещанской... бродячих бешеных собак... Да здравствует солнце... океан... Багровый остров...

Тишина.

Сизи. А вот таких монологов небось в пьесе не пишет.

Все. Тсс...

Кири. Кто написал «Багровый остров»?!

Лорд. Вы, вы, Василий Артурыч... Уж вы простите, ежели я наорал на вас под горячую руку... Хе... хе... старик Геннадий вспыльчив...

Савва. Увлекающийся молодой человек. Я сам когда-

то был таков... Это было во времена военного коммунизма... Что теперь!

Кири. А репортеры, рецензенты! Ах... Так! Дома ли Жюль Верн? Нет, он спит, или он занят, он пишет... Его не беспокоить... зайдите позже... Его пылающее сердце не помещается на шестнадцати аршинах, ему нужен широкий вольный свет...

Леди. Как он интересен!

Дирижер. Оркестр поздравляет вас, Василий Артурыч...

Кири. Мерси... спасибо, данке зер. Прошу вас, граждане, ко мне на мою новую квартиру, квартиру драматурга Дымогацкого — Жюль Верна, в бельэтаже, с зернистой икрою... Я требую музыки...

Оркестр играет из «Севильского цирюльника».

Кири *(лорду)*. Что, мой сеньор? Вдохновение мне дано, как ваше мнение? Что, мой сеньор?!.

Лорд. Дано, дано, Василий Артурыч... Дано... Дано, кому же оно дано, как не вам!

Кири. Коль славен наш господь в Сионе... Ах, далеко нам до Типперери.

Савва. Это он про что?

Паспарту. Осатанел от денег... Легкое ли дело... Сто червонцев... Геннадий Панфилыч! Кассир спрашивает, разрешили ли?.. Можно ли билеты продавать?

Лорд. Можно, должно, нужно, немедленно...

Музыка.

Пусть обе кассы торгуют от девяти до девяти... Сегодня, завтра, ежедневно...

Кири. И вечно!

Лорд. Снять «Эдипа»... Идет «Багровый остров»!

На корабле, на вулкане, в зрительном зале вспыхивают огненные буквы: «Багровый остров» сегодня и ежедневно».

Кири. И ныне, и присно, и во веки веков!!

Савва. Аминь!!

Занавес

Конец

1927—1928

БЕГ

ВОСЕМЬ СНОВ

Пьеса в четырех действиях

Бессмертье — тихий, светлый брег;
Наш путь — к нему стремленье.
Покойся, кто свой кончил бег!..

Жуковский

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Серафима Владимировна Корзухина, молодая петербургская дама.

Сергей Павлович Голубков, сын профессора-идеалиста из Петербурга.

Африкан, архиепископ Симферопольский и Карасу-Базарский, архипастырь именитого воинства, он же — химик Махров.

Паисий, монах.

Дряхлый игумен.

Баев, командир полка в конармии Буденного.

Буденовец.

Григорий Лукьянович Чарнота, запорожец по происхождению, кавалерист, генерал-майор в армии белых.

Барабанчикова, дама, существующая исключительно в воображении генерала Чарноты.

Люська, походная жена генерала Чарноты.

Крапилин, вестовой Чарноты, человек, погибший из-за своего красноречия.

Де Бризар, командир гусарского полка у белых.

Роман Валерьянович Хлудов.

Голован, есаул, адъютант Хлудова.

Комендант станции.

Начальник станции.

Николаевна, жена начальника станции.

Олька, дочь начальника станции, 4-х лет.

Парамон Ильич Корзухин, муж Серафимы.

Тихий, начальник контрразведки.

Скунский } служащие в контрразведке.
Гурин }

Белый главнокомандующий.

Личико в кассе.

Артур Артурович, тараканий царь.

Фигура в котелке и интендантских погонах.

Турчанка, любящая мать.

Проститутка-красавица.

Грек-донжуан.

Антуан Грищенко, лакей Корзухина.

Монахи, белые штабные офицеры, конвойные казаки белого главнокомандующего, контрразведчики; казаки в бурках; английские, французские и итальянские моряки; турецкие и итальянские полицейские, мальчишки турки и греки, армянские и греческие головы в окнах; толпа в Константинополе.

Сон первый происходит в Северной Таврии в октябре 1920 года.

Сон второй, третий и четвертый — в начале ноября 1920 года в Крыму.

Пятый и шестой — в Константинополе летом 1921 года.

Седьмой — в Париже осенью 1921 года.

Восьмой — осенью 1921 года в Константинополе.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СОН ПЕРВЫЙ

...Мне снился монастырь...

Слышно, как хор монахов в подземелье поет глухо: «Святителю отче Николае, моли бога о нас...» Тьма, а потом появляется скупо освещенная свечечками, прилепленными у икон, внутренность монастырской церкви. Неверное пламя выдирает из тьмы конторку, в коей продают свечи, широкую скамейку возле нее, окно, забранное решеткою, шоколадный лик святого, полинявшие крылья серафимов, золотые венцы. За окном — безотрадный октябрьский вечер с дождем и снегом. На скамейке, укрытая с головой попоной, лежит Барабанчикова. Химик Махров, в бараньем тулупе, примостился у окна и все силится в нем что-то разглядеть. В высоком игуменском кресле сидит Серафима, в черной шубе. Судя по лицу, Серафиме нездоровится. У ног Серафимы, на скамеечке, рядом с чемоданом, Голубков, петербургского вида молодой человек в черном пальто и в перчатках.

Голубков *(прислушиваясь к пению)*. Вы слышите, Серафима Владимировна? Я понял, у них внизу подземелье... В сущности, как странно все это! Вы знаете, временами мне начинает казаться, что я вижу сон, честное слово! Вот уж месяц, как мы бежим с вами, Серафима Владимировна, по весям и городам, и чем дальше, тем непонятнее становится кругом... видите, вот уж и в церковь мы с вами попали! И знаете ли, когда сегодня случилась вся эта кутерьма, я заскучал по Петербургу, ей-богу! Вдруг так отчетливо вспомнилась моя зеленая лампа в кабинете...

Серафима. Эти настроения опасны, Сергей Павлович. Берегитесь затосковать во время скитаний. Не лучше ли было бы вам остаться?

Голубков. О нет, нет, это бесповоротно, и пусть будет что будет! И потом, ведь вы уже знаете, что скрашивает мой тяжелый путь... С тех пор, как мы случайно встретились в теплушке под тем фонарем, помните... прошло ведь, в сущности, немного времени, а между тем мне кажется, что я знаю вас уже давно, давно!

Мысль о вас облегчает этот полет в осенней мгле, и я буду горд и счастлив, когда донесу вас в Крым и сдам вашему мужу. И хотя мне будет скучно без вас, я буду радоваться вашей радостью.

Серафима молча кладет руку на плечо Голубкову.

(Погладив руку.) Позвольте, да у вас жар?

Серафима. Нет, пустяки.

Голубков. То есть как пустяки? Жар, ей-богу, жар!

Серафима. Вздор, Сергей Павлович, пройдет...

Мягкий пушечный удар. Барабанчикова шевельнулась и простонала.

Послушайте, мадам, вам нельзя оставаться без помощи. Кто-нибудь из нас проберется в поселок, там, наверно, есть акушерка.

Голубков. Я сбегаю.

Барабанчикова молча схватывает его за полу пальто.

Серафима. Почему же вы не хотите, голубушка?

Барабанчикова *(капризно)*. Не надо.

Серафима и Голубков в недоумении.

Махров *(тихо, Голубкову)*. Загадочная, и весьма загадочная особа!

Голубков *(шепотом)*. Вы думаете, что...

Махров. Я ничего не думаю, а так... лихолетье, сударь, мало ли кого не встретишь на своем пути! Лежит какая-то странная дама в церкви...

Пение под землей смолкает.

Паисий *(появляется бесшумно, черен, испуган)*. Документики, документики приготовьте, господа честные! *(Задувает все свечи, кроме одной.)*

Серафима, Голубков и Махров достают документы. Барабанчикова высовывает руку и выкладывает на попону паспорт.

Баев входит, в коротком полушубке, забрызган грязью, возбужден. За Баевым—буденовец с фонарем.

Баев. А, чтоб их черт задавил, этих монахов! У, гнездо! Ты, святой папаша, где винтовая лестница на колокольню?

Паисий. Здесь, здесь, здесь...

Баев *(буденовцу)*. Посмотри.

Буденовец с фонарем исчезает в железной двери.

(Паисию.) Был огонь на колокольне?

Паисий. Что вы, что вы? Какой огонь?

Баев. Огонь мерцал! Ну, ежели я что-нибудь на колокольне обнаружу, я вас всех до единого и с вашим седым шайтаном к стенке поставлю! Вы фонарями белым махали!

Паисий. Господи! Что вы?!

Баев. А эти кто такие? Ты же говорил, что в монастыре ни одной души посторонней нету!

Паисий. Беженцы они, бе...

Серафима. Товарищ, нас всех застиг обстрел в поселке, мы и бросились в монастырь. *(Указывает на Барабанчикову.)* Вот женщина, у нее роды начинаются...

Баев *(подходит к Барабанчиковой, берет паспорт, читает)*. Барабанчикова, замужняя...

Паисий *(сатанея от ужаса, шепчет)*. Господи, господи, только это пронеси! *(Готов убежать.)* Святый славный великомученик Димитрий...

Баев. Где муж?

Барабанчикова простонала.

Нашли время, место рожать! *(К Махрову.)* Документ!

Махров. Вот документик! Я — химик из Мариуполя.

Баев. Много вас тут химиков во фронтовой полосе!

Махров. Я продукты ездил покупать, огурчики...

Баев. Огурчики!

Буденовец *(появляется внезапно)*. Товарищ Баев! На колокольне ничего не обнаружил, а вот что... *(Шепчет на ухо Баеву.)*

Баев. Да ты что! Откуда?

Буденовец. Верно говорю. Главное, темно, товарищ командир.

Баев. Ну, ладно, ладно, пошли. *(Голубкову, который протягивает свой документ.)* Некогда, некогда, после. *(Паисию.)* Монахи, стало быть, не вмешиваются в гражданскую войну?

Паисий. Нет, нет, нет...

Баев. Только молитесь? А вот за кого вы молитесь, интересно было бы знать? За черного барона или за советскую власть? Ну, ладно, до скорого свидания, завтра разберемся! *(Уходит вместе с буденовцем.)*

За окнами послышалась глухая команда, и все стихло, как бы ничего и не было.

Паисий жадно и часто крестится, зажигает свечи и исчезает.

Махров. Расточились... Недаром сказано: и даст им начертание на руках или на челах их... Звезды-то пятиконечные, обратили внимание?

Голубков *(шепотом, Серафиме).* Я совершенно теряюсь, ведь эта местность в руках у белых, откуда же красные взялись? Внезапный бой?.. Отчего все это произошло?

Барабанчикова. Это оттого произошло, что генерал Крапчиков задница, а не генерал! *(Серафиме.)* Пардон, мадам.

Голубков *(машинально).* Ну?

Барабанчикова. Ну что ну? Ему прислали депешу, что конница красная в тылу, а он, язви его душу, расшифровку отложил до утра и в винт сел играть.

Голубков. Ну?

Барабанчикова. Малый в червах объявил.

Махров *(тихо).* Ого-го, до чего интересная особа!

Голубков. Простите, вы, по-видимому, в курсе дела: у меня были сведения, что здесь, в Курчулане, должен был быть штаб генерала Чарноты?..

Барабанчикова. Вон какие у вас подробные сведения! Ну, был штаб, как не быть. Только он весь вышел.

Голубков. А куда же он удалился?

Барабанчикова. Совершенно определенно, в болото.

Махров. А откуда вам все это известно, мадам?

Барабанчикова. Очень уж ты, архипастырь, любопытен!

Махров. Позвольте, почему вы именуете меня архипастырем?!

Барабанчикова. Ну, ладно, ладно, это скучный разговор, отойдите от меня.

Паисий вбегает, опять тушит свечи, все, кроме одной, смотрит в окно.

Голубков. Что еще?

Паисий. Ох, сударь, и сами не знаем, кого нам еще господь послал и будем ли мы живы к ночи! *(Исчезает так, что кажется, будто он проваливается сквозь землю.)*

Послышался многокопытный топот, в окне затанцевали отблески пламени.

Серафима. Пожар?

Голубков. Нет, это факелы. Ничего не понимаю, Серафима Владимировна! Белые войска, клянусь, белые! Свершилось! Серафима Владимировна, слава богу, мы опять в руках белых! Офицеры в погонах!

Барабанчикова *(садится, кутаясь в попону)*. Ты, интеллигент проклятый, заткнись мгновенно! «Погоны», «погоны»! Здесь не Петербург, а Таврия, коварная страна! Если на тебя погоны нацепить, это еще не значит, что ты стал белый! А если отряд переодетый? Тогда что?

Вдруг мягко ударил колокол.

Ну, зазвонили! Засыпались монахи-идиоты! *(Голубкову.)* Какие штаны на них?

Голубков. Красные!.. а вон еще въехали, у тех синие с красными боками...

Барабанчикова. «Въехали с боками»!.. Черт тебя возьми! С лампасами?

Послышалась глухая команда де Бризара: «Первый эскадрон, слезай!»

Что такое? Не может быть! Его голос! *(Голубкову.)* Ну, теперь кричи, теперь смело кричи, разрешаю! *(Сбрасывает с себя попону и тряпье и выскакивает в виде генерала Чарноты. Он в черкеске со смятыми серебряными погонами. Револьвер, который у него был в руках, засовывает в карман; подбегает к окну, распахивает его, кричит.)* Здравствуйте, гусары! Здравствуйте, донцы! Полковник Бризар, ко мне!

Дверь открывается, и первой вбегает Люська, в косынке сестры милосердия, в кожаной куртке и в высоких сапогах со шпорами. За ней — обросший бородой де Бризар и вестовой Крапилин с факелом.

Люська. Гриша! Гри-Гри! *(Бросается на шею Чарноты.)* Не верю глазам! Живой? Спасся? *(Кричит в окно.)* Гусары, слушайте! Генерала Чарноту отбили у красных!

За окном шум и крики.

Ведь мы по тебе панихиды собирались служить!

Чарнота. Смерть видел вот так близко, как твою косынку. Я как поехал в штаб к Крапчикову, а он меня, сукин кот, в винт посадил играть... малый в червах... и — на́ тебе — пулеметы! Буденный — на́ тебе — с небес!

Начисто штаб перебили! Я отстрелялся, в окно и огородами в поселок, к учителю Барабанчикову, давай, говорю, документы! А он, в панике, взял да не те документы мне и сунул! Приползаю сюда, в монастырь, глядь, документы-то бабьи, женины,— мадам Барабанчикова, и удостоверение — беременная! Кругом красные, ну, говорю, кладите меня, как я есть, в церкви! Лежу, рожаю, слышу, шпорами — шлеп, шлеп!..

Люська. Кто?

Чарнота. Командир-буденовец.

Люська. Ах!

Чарнота. Думаю, куда же ты, буденовец, шлепаешь? Ведь твоя смерть лежит под попоною! Ну, приподымай, приподымай ее скорей! Будут тебя хоронить с музыкой! И паспорт он взял, а попону не поднял!

Люська визжит.

(Выбегает, в дверях кричит.) Здравствуй, племя казачье! Здорово, станичники!

Послышались крики. Люська выбегает вслед за Чарнотой.

Де Бризар. Ну, я-то попону приподыму! Не будь я краповый черт, если я на радостях в монастыре когонибудь не повешу! Этих, видно, красные второпях забыли! *(Махрову.)* Ну, у тебя и документ спрашивать не надо. По волосам видно, что за птица! Крапилин, свети сюда!

Паисий *(влетает)*. Что вы, что вы? Это его высокопреосвященство! Это высокопреосвященнейший Африкан!

Де Бризар. Что ты, сатана чернохвостая, несешь?

Махров сбрасывает шапку и тулуп.

(Всматривается в лицо Махрову.) Что такое? Ваше высокопреосвященство, да это действительно вы?! Как же вы сюда попали?

Африкан. В Курчулан приехал благословить Донской корпус, а меня пленили красные во время набега. Спасибо, монахи снабдили документиками.

Де Бризар. Черт знает что такое! *(Серафиме.)* Женщина, документ!

Серафима. Я жена товарища министра торговли. Я застряла в Петербурге, а мой муж уже в Крыму. Я бегу к

нему. Вот фальшивые документы, а вот настоящий паспорт. Моя фамилия Корзухина.

Де Бризар. Миль экскюз, мадам![1] А вы, гусеница в штатском, уж не обер ли вы прокурор?

Голубков. Я не гусеница, простите, и отнюдь не обер-прокурор! Я сын знаменитого профессора-идеалиста Голубкова и сам приват-доцент, бегу из Петербурга к вам, к белым, потому что в Петербурге работать невозможно.

Де Бризар. Очень приятно! Ноев ковчег!

Кованый люк в полу открывается, из него подымается дряхлый игумен, а за ним хор монахов со свечами.

Игумен *(Африкану).* Ваше высокопреосвященство! *(Монахам.)* Братие! Сподобились мы владыку от рук нечестивых социалов спасти и сохранить!

Монахи облекают взволнованного Африкана в мантию, подают ему жезл.

Владыко! Прими вновь жезл сей, им же утверждай паству...

Африкан. Воззри с небес, боже, и виждь и посети виноград сей, его же насади десница твоя!

Монахи *(внезапно запели).* Исполла эти деспота!..[2]

В дверях вырастает Чарнота, с ним Люська.

Чарнота. Что вы, отцы святые, белены объелись, что ли? Вы не ко времени эту церемонию затеяли! Ну-ка, хор!.. *(Показывает жестом — «уходите».)*

Африкан. Братие! Выйдите!

Игумен и монахи уходят в землю.

Чарнота *(Африкану).* Ваше высокопреосвященство, что же это вы тут богослужение устроили? Драпать надо! Корпус идет за нами по пятам, ловит нас! Нас Буденный к морю придушит! Вся армия уходит! В Крым идем! К Роману Хлудову под крыло!

Африкан. Всеблагий господи, что же это? *(Схватывает свой тулуп.)* Двуколки с вами-то есть? *(Исчезает.)*

---

[1] Mille excuses, madame! — Тысяча извинений, мадам! *(фр.)*
[2] Σις πολλά ἔτη δέσποτα! — Многая лета, владыка! *(греч.)*

Чарнота. Карту мне! Свети, Крапилин! *(Смотрит на карту.)* Все заперто! Гроб!

Люська. Ах ты, Крапчиков, Крапчиков!..

Чарнота. Стой! Щель нашел! *(Де Бризару.)* Возьмешь свой полк, пойдешь на Алманайку. Притянешь их немножко на себя, тогда на Бабий Гай и переправляйся хоть по глóтку! Я после тебя подамся к молоканам на хутора, с донцами, и хоть позже тебя, а выйду на Арабатскую стрелу, там соединимся. Через пять минут выходи.

Де Бризар. Слушаю, ваше превосходительство.

Чарнота. Ф-фу!.. Дай хлебнуть, полковник.

Голубков. Серафима Владимировна, вы слышите? Белые уезжают. Нам надо бежать с ними, иначе мы опять попадем в руки к красным. Серафима Владимировна, почему вы не отзываетесь, что с вами?

Люська. Дай и мне.

Де Бризар подает фляжку Люське.

Голубков *(Чарноте).* Господин генерал, умоляю вас, возьмите нас с собой! Серафима Владимировна заболела... Мы в Крым бежим... С вами есть лазарет?

Чарнота. Вы в университете учились?

Голубков. Конечно, да...

Чарнота. Производите впечатление совершенно необразованного человека. Ну, а если вам пуля попадет в голову на Бабьем Гае, лазарет вам очень поможет, да? Вы бы еще спросили, есть ли у нас рентгеновский кабинет! Интеллигенция!.. Дай-ка еще коньячку!

Люська. Надо взять. Красивая женщина, красным достанется...

Голубков. Серафима Владимировна, подымайтесь! Надо ехать!

Серафима *(глухо).* Знаете что, Сергей Павлович, мне, кажется, действительно нездоровится... Вы поезжайте один, а я здесь в монастыре прилягу... мне что-то жарко...

Голубков. Боже мой! Серафима Владимировна, это немыслимо! Серафима Владимировна, подымитесь!

Серафима. Я хочу пить... и в Петербург...

Голубков. Что же это такое?..

Люська [*(победоносно)*]. Это тиф, вот что это такое.

Де Бризар. Сударыня, вам бежать надо, вам худо у

красных придется. Впрочем, я говорить не мастер. Крапилин, ты красноречив, уговори даму!

Крапилин. Так точно, ехать надо!

Голубков. Серафима Владимировна, надо ехать...

Де Бризар. Крапилин, ты красноречив, уговори даму!

Крапилин. Так точно, ехать надо!

Де Бризар *(глянув на браслет-часы).* Пора! *(Выбегает.)*

Послышалась его команда: «Садись!», потом топот.

Люська. Крапилин! Подымай ее, бери силой!

Крапилин. Слушаюсь!

Вместе с Голубковым подымают Серафиму, ведут под руки.

Люська. В двуколку ее!

Уходят.

Чарнота *(один, допивает коньяк, смотрит на часы).* Пора!

Игумен *(вырастает из люка).* Белый генерал! Куда же ты? Неужто ты не отстоишь монастырь, давший тебе приют и спасение?!

Чарнота. Что ты, папаша, меня расстраиваешь? Колоколам языки подвяжи, садись в подземелье! Прощай! *(Исчезает.)*

Послышался его крик: «Садись! Садись!», потом страшный топот, и все смолкает. Паисий появляется из люка.

Паисий. Отче игумен! А отец игумен! Что ж нам делать? Ведь красные прискачут сейчас! А мы белым звонили! Что же нам, мученический венец принимать?

Игумен. А где ж владыко?

Паисий. Ускакал, ускакал в двуколке!

Игумен. Пастырь, пастырь недостойный! Покинувший овцы своя! *(Кричит глухо в подземелье.)* Братие! Молитесь!

Из-под земли глухо послышалось: «Святителю отче Николае, моли бога о нас...»

Тьма съедает монастырь. Сон первый кончается.

СОН ВТОРОЙ

...Сны мои становятся все тяжелее...

Возникает зал на неизвестной и большой станции где-то в северной части Крыма. На заднем плане зала необычных размеров окна, за ними чувствуется черная ночь с голубыми электрическими лунами.

Случился зверский, непонятный в начале ноября в Крыму мороз. Сковал Сиваш, Чонгар, Перекоп и эту станцию. Окна оледенели, и по ледяным зеркалам время от времени текут змеиные огневые отблески от проходящих поездов. Горят переносные железные черные печки и керосиновые лампы на столах. В глубине, над выходом на главный перрон, надпись по старой орфографии: «Отдѣленіе оперативное». Стеклянная перегородка, в ней зеленая лампа казенного типа и два зеленых, похожих на глаза чудовищ, огня кондукторских фонарей. Рядом, на темном облупленном фоне, белый юноша на коне копьем поражает чешуйчатого дракона. Юноша этот — Георгий Победоносец, и перед ним горит граненая разноцветная лампада. Зал занят белыми штабными офицерами. Большинство из них — в башлыках и наушниках. Бесчисленные полевые телефоны, штабные карты с флажками, пишущие машины в глубине. На телефонах то и дело вспыхивают разноцветные сигналы, телефоны поют нежными голосами.

Штаб фронта стоит третьи сутки на этой станции и третьи сутки не спит, но работает, как машина. И лишь опытный и наблюдательный глаз мог бы увидеть беспокойный налет в глазах у всех этих людей. И еще одно — страх и надежду можно разобрать в этих глазах, когда они обращаются туда, где некогда был буфет первого класса.

Там, отделенный от всех высоким буфетным шкафом, за конторкою, съежившись на высоком табурете, сидит Роман Валерьянович Хлудов. Человек этот лицом бел, как кость, волосы у него черные, причесаны на вечный неразрушимый офицерский пробор. Хлудов курнос, как Павел, брит, как актер; кажется моложе всех окружающих, но глаза у него старые. На нем солдатская шинель, подпоясан он ремнем по ней не то по-бабьи, не то как помещики подпоясывали шлафрок. Погоны суконные, и на них небрежно нашит черный генеральский зигзаг. Фуражка защитная, грязная, с тусклой кокардой, на руках варежки. На Хлудове нет никакого оружия.

Он болен чем-то, этот человек, весь болен, с ног до головы. Он морщится, дергается, любит менять интонации. Задает самому себе вопросы и любит сам же на них отвечать. Когда хочет изобразить улыбку, скалится. Он возбуждает страх. Он болен — Роман Валерьянович. Возле Хлудова, перед столом, на котором несколько телефонов, сидит и пишет исполнительный и влюбленный в Хлудова есаул Голован.

Хлудов *(диктует Головану)*. «...запятая. Но Фрунзе обозначенного противника на маневрах изображать не пожелал. Точка. Это не шахматы и не Царское незабвенное Село. Точка. Подпись — Хлудов. Точка».

Голован *(передает написанное кому-то)*. Зашифровать, послать главнокомандующему.

Первый штабной *(осветившись сигналом с телефона, стонет в телефон)*. Да, слушаю... слушаю... Буденный?.. Буденный?..

Второй штабной *(стонет в телефон).* Таганаш... Таганаш...

Третий штабной *(стонет в телефон).* Нет, на Карпову балку...

Голован *(осветившись сигналом, подает Хлудову трубку).* Ваше превосходительство...

Хлудов *(в трубку).* Да. Да. Да. Нет. Да. *(Возвращает трубку Головану.)* Мне коменданта.

Голован. Коменданта!

Голоса-эхо побежали: «Коменданта, коменданта!» Комендант, бледный, косящий глазами, растерянный офицер в красной фуражке, пробегает между столами, предстает перед Хлудовым.

Хлудов. Час жду бронепоезд «Офицер» на Таганаш. В чем дело? В чем дело? В чем дело?

Комендант *(мертвым голосом).* Начальник станции, ваше превосходительство, доказал мне, что «Офицер» пройти не может.

Хлудов. Дайте мне начальника станции.

Комендант *(бежит, на ходу говорит кому-то всхлипывающим голосом).* Что ж я-то поделаю?

Хлудов. У нас трагедии начинаются. Бронепоезд параличом разбило. С палкой ходит бронепоезд, а пройти не может! *(Звонит.)*

На стене вспыхивает надпись: «Отдѣленіе контръ-развѣдывательное». На звонок из стены выходит Тихий, останавливается около Хлудова, тих и внимателен.

(Обращается к нему). Никто нас не любит, никто. И из-за этого трагедии, как в театре все равно.

Тихий тих.

Хлудов *(яростно).* Печка с угаром, что ли?!

Голован. Никак нет, угару нет.

Перед Хлудовым предстает комендант, а за ним — начальник станции.

Хлудов *(начальнику станции).* Вы доказали, что бронепоезд пройти не может?

Начальник станции *(говорит и движется, но уже сутки человек мертвый).* Так точно, ваше превосходительство. Физической силы-возможности нету! Вручную сортировали и забили начисто, пробка!

Хлудов. Вторая, значит, с угаром?

Голован. Сию минуту! *(Кому-то в сторону.)* Залить печку!

Начальник станции. Угар, угар.

Хлудов *(начальнику станции)*. Мне почему-то кажется, что вы хорошо относитесь к большевикам. Вы не бойтесь, поговорите со мной откровенно. У каждого человека есть свои убеждения, и скрывать их он не должен. Хитрец!

Начальник станции *(говорит вздор)*. Ваше высокопревосходительство, за что же такое подозрение? У меня детишки... еще при государе императоре Николае Александровиче... Оля и Павлик, детки... тридцать часов не спал, верьте богу! И лично председателю Государственной думы Михаилу Владимировичу Родзянко известен. Но я ему, Родзянке, не сочувствую... у меня дети...

Хлудов. Искренний человек, а? Нет! Нужна любовь, а без любви ничего не сделаешь на войне! *(Укоризненно, Тихому.)* Меня не любят. *(Сухо.)* Дать сапер. Толкать, сортировать! Пятнадцать минут времени, чтобы «Офицер» прошел за выходной семафор! Если в течение этого времени приказание не будет исполнено, коменданта арестовать. А начальника станции повесить на семафоре, осветив под ним надпись: «Саботаж».

Вдали в это время послышался нежный медный вальс. Когда-то под этот вальс танцевали на гимназических балах.

Начальник станции *(вяло)*. Ваше высокопревосходительство, мои дети еще в школу не ходили...

Тихий берет начальника станции под руку и уводит. За ним комендант.

Хлудов. Вальс?

Голован. Чарнота подходит, ваше превосходительство.

Начальник станции *(за стеклянной перегородкой оживает, кричит в телефон)*. Христофор Федорович! Христом-богом заклинаю: с четвертого и пятого пути все составы всплошную гони на Таганаш! Саперы будут! Как хочешь толкай! Господом заклинаю!

Николаевна *(появилась возле начальника станции)*. Что такое, Вася, что?

Начальник станции. Ох, беда, Николаевна! Беда над семьей! Ольку, Ольку волоки сюда, в чем есть волоки!

Николаевна. Ольку? Ольку? *(Исчезает.)*

Вальс обрывается. Дверь с перрона открывается, и входит Чарнота, в бурке и папахе, проходит к Хлудову. Люська, вбежавшая вместе с Чарнотой, остается в глубине у дверей.

Чарнота. С Чонгарского дефиле, ваше превосходительство, сводная кавалерийская дивизия подошла.

Хлудов молчит, смотрит на Чарноту.

Ваше превосходительство! *(Указывает куда-то вдаль.)* Что же это вы делаете? *(Внезапно снимает папаху.)* Рома! Ты генерального штаба! Что же ты делаешь? Рома, прекрати!

Хлудов. Молчать!

Чарнота надевает папаху.

Обоз бросите здесь, пойдете на Карпову балку, станете там.

Чарнота. Слушаю. *(Отходит.)*

Люська. Куда?

Чарнота *(тускло)*. На Карпову балку.

Люська. Я с тобой. Бросаю я этих раненых и Серафиму тифозную!

Чарнота *(тускло)*. Можешь погибнуть.

Люська. Ну, и слава богу! *(Уходит с Чарнотой.)*

Послышалось лязгание, стук, потом страдальческий вой бронепоезда. Николаевна врывается за перегородку, тащит Ольку, закутанную в платок.

Николаевна. Вот она, Олька, вот она!

Начальник станции *(в телефон)*. Христофор Федорович, дотянул?! Спасибо тебе, спасибо! *(Схватывает Ольку на руки, бежит к Хлудову.)*

За ним — Тихий и комендант.

Хлудов *(начальнику станции)*. Ну что, дорогой, прошел? Прошел?

Начальник станции. Прошел, ваше высокопревосходительство, прошел!

Хлудов. Зачем ребенок?

Начальник станции. Олечка, ребенок... способная девочка. Служу двадцать лет и двое суток не спал.

Хлудов. Да, девочка... Серсо. В серсо играет? Да? *(Достает из кармана карамель.)* Девочка, на. Курить доктора запрещают, нервы расстроены. Да не помогает карамель, все равно курю и курю.

Начальник станции. Бери, Олюшенька, бери... Генерал добрый. Скажи, Олюшенька, «мерси»... *(Подхватывает Ольку на руки, уносит за перегородку, и Николаевна исчезает с Олькой.)*

Опять послышался вальс и стал удаляться.

Из двери, не той, в которую входил Чарнота, а из другой, входит Парамон Ильич Корзухин. Это необыкновенно европейского вида человек в очках, в очень дорогой шубе и с портфелем.

Подходит к Головану, подает ему карточку. Голован передает карточку Хлудову.

Хлудов. Я слушаю.

Корзухин *(Хлудову).* Честь имею представиться. Товарищ министра торговли Корзухин. Совет министров уполномочил меня, ваше превосходительство, обратиться к вам с тремя запросами. Я только что из Севастополя. Первое: мне поручили узнать о судьбе арестованных в Симферополе пяти рабочих, увезенных, согласно вашего распоряжения, сюда, в ставку.

Хлудов. Так. Ах да, ведь вы с другого перрона! Есаул! Предъявите арестованных господину товарищу министра.

Голован. Прошу за мной.

При общем напряженном внимании, ведет Корзухина к главной двери на заднем плане, приоткрывает ее и указывает куда-то ввысь. Корзухин вздрагивает. Возвращается с Голованом к Хлудову.

Хлудов. Исчерпан первый вопрос? Слушаю второй.

Корзухин *(волнуясь).* Второй касается непосредственно моего министерства. Здесь, на станции, застряли грузы особо важного назначения. Испрашиваю разрешения и содействия вашего превосходительства к тому, чтобы их срочно протолкнуть в Севастополь.

Хлудов *(мягко).* А какой именно груз?

Корзухин. Экспортный пушной товар, предназначенный за границу.

Хлудов *(улыбнувшись).* Ах, пушной экспортный! А в каких составах груз?

Корзухин *(подает бумагу).* Прошу вас.

Хлудов. Есаул Голован! Составы, указанные здесь, выгнать в тупик, в керосин и зажечь!

Голован, приняв бумагу, исчез.

(Мягко). Покороче, третий вопрос?

Корзухин *(столбенея).* Положение на фронте?..

Хлудов *(зевнув).* Ну какое может быть положение на фронте! Бестолочь! Из пушек стреляют, командующему фронтом печку с угаром под нос подсунули, кубанцев мне прислал главнокомандующий в подарок, а они босые. Ни ресторана, ни девочек! Зеленая тоска. Вот и сидим на табуретах, как попугаи. *(Меняя интонацию, шипит.)* Положение? Поезжайте, господин Корзухин, в Севастополь и скажите, чтобы тыловые гниды укладывали чемоданы! Красные завтра будут здесь! И еще скажите, что заграничным шлюхам собольих манжет не видать! Пушной товар.

Корзухин. Неслыханно! *(Травленно озирается.)* Я буду иметь честь доложить об этом главнокомандующему.

Хлудов *(вежливо).* Пожалуйста.

Корзухин *(пятясь, уходит к боковой двери, по дороге спрашивает).* Какой поезд будет на Севастополь сейчас?

Никто ему не отвечает. Слышно, как подходит поезд.

Начальник станции *(мертвея, предстает перед Хлудовым).* С Кермана-Кемальчи особое назначение!

Хлудов. Смирно! Господа офицеры!

Вся ставка встает. В тех дверях, из которых выходил Корзухин, появляются двое конвойных казаков в малиновых башлыках, вслед за ними белый главнокомандующий в заломленной на затылок папахе, длиннейшей шинели, с кавказской шашкой, а вслед за ним высокопреосвященнейший Африкан, который ставку благословляет.

Главнокомандующий. Здравствуйте, господа!

Штабные. Здравия желаем, ваше высокопревосходительство!

Хлудов. Попрошу разрешения рапорт представить вашему высокопревосходительству конфиденциально.

Главнокомандующий. Да. Всем оставить помещение. *(Африкану.)* Владыко, у меня будет конфиденциальный разговор с командующим фронтом.

Африкан. В добрый час! В добрый час!

Все выходят, и Хлудов остается наедине с главнокомандующим.

Хлудов. Три часа тому назад противник взял Юшунь. Большевики в Крыму.

Главнокомандующий. Конец?!

Хлудов. Конец.

Молчание.

Главнокомандующий *(в дверь).* Владыко!

Африкан, встревоженный, появляется.

Владыко! Западноевропейскими державами покинутые, коварными поляками обманутые, в этот страшный час только на милосердие божие уповаем!

Африкан *(понял, что наступила беда).* Ай-яй-яй!

Главнокомандующий. Помолитесь, владыко святой!

Африкан *(перед Георгием Победоносцем).* Всемогущий господь! За что? За что новое испытание посылаешь

чадам своим, Христовому именитому воинству? С нами крестная сила, она низлагает врага благословенным оружием...

В стеклянной перегородке показалось лицо начальника станции, тоскующего от страха.

Хлудов. Ваше высокопреосвященство, простите, что я вас перебиваю, но вы напрасно беспокоите господа бога. Он уже явно и давно от нас отступился. Ведь это что ж такое? Никогда не бывало, а теперь воду из Сиваша угнало, и большевики как по паркету прошли. Георгий-то Победоносец смеется!

Африкан. Что вы, доблестный генерал?!

Главнокомандующий. Я категорически против такого тона. Вы явно нездоровы, генерал, и я жалею, что вы летом не уехали за границу лечиться, как я советовал.

Хлудов. Ах, вот как! А у кого бы, ваше высокопревосходительство, босые ваши солдаты на Перекопе без блиндажей, без козырьков, без бетону вал удерживали? У кого бы Чарнота в эту ночь с музыкой с Чонгара на Карпову балку пошел? Кто бы вешал? Вешал бы кто, ваше превосходительство?

Главнокомандующий *(темнея).* Что это такое?

Африкан. Господи, воззри на них, просвети и укрепи! Аще царство разделится, вскоре раззорится!..

Главнокомандующий. Впрочем, сейчас не время...

Хлудов. Да, не время. Вам нужно немедленно возвращаться в Севастополь.

Главнокомандующий. Да. *(Вынимает конверт, подает его Хлудову.)* Прошу немедленно вскрыть.

Хлудов. А, уже готово! Вы предвидели? Это хорошо. Ныне отпущаеши раба твоего, владыко... Слушаю. *(Кричит.)* Поезд главнокомандующему! Конвой! Ставка!

Начальник станции *(за перегородкой бросается к телефону.)* Керман-Кемальчи! Дай жезл! Дай жезл!

Появляются конвойные казаки и все штабные.

Главнокомандующий. Командующий фронтом...

Ставка берет под козырек.

...объявит вам мой приказ! Да ниспошлет нам всем господь силы и разум пережить русское лихолетие! Всех

и каждого честно предупреждаю, что иной земли, кроме Крыма, у нас нет.

Внезапно дверь распахивается, и появляется де Бризар с завязанной марлей головой, становится во фронт главнокомандующему.

Де Бризар. Здравия желаю, ваше императорское величество! *(Ставке, таинственно.)* Графиня, ценой одного рандеву, хотите, пожалуй, я вам назову...

Главнокомандующий. Что это?

Голован. Командир гусарского полка, граф де Бризар, контужен в голову.

Хлудов *(как во сне).* Чонгар... Чонгар...

Главнокомандующий. В мой поезд со мною, в Севастополь! *(Быстро выходит в сопровождении конвойных казаков.)*

Африкан. Господи! Господи! *(Благословляет ставку, быстро выходит.)*

Де Бризар *(увлекаемый штабными).* Виноват!.. Графиня, ценой одного рандеву...

Штабные. В Севастополь, граф, в Севастополь...

Де Бризар. Виноват!.. Виноват!.. *(Исчезает.)*

Хлудов *(вскрывает конверт. Прочитал, оскалился. Головану).* Летчика на Карпову балку к генералу Барбовичу. Приказ — от неприятеля оторваться, рысью в Ялту и грузиться на суда!

По ставке проносится шелест: «Аминь, аминь...» Потом могильная тишина.

Другого — к генералу Кутепову: оторваться, в Севастополь и грузиться на суда. Фостикову — с кубанцами в Феодосию. Калинину — с донцами в Керчь. Чарноту — в Севастополь! Всем на суда! Ставку свернуть мгновенно, в Севастополь! Крым сдан!

Голован *(поспешно выходя).* Летчиков! Летчиков!

Группы штабных начинают таять. Сворачиваются карты, начинают исчезать телефоны.

Послышалось, как взревел поезд и ушел. Суета, порядка уже нет. Тут распахивается дверь, из которой выходил Чарнота, и появляется Серафима, в бурке. За нею — Голубков и Крапилин, пытающиеся ее удержать.

Голубков. Серафима Владимировна, опомнитесь, сюда нельзя! *(Удивленным штабным.)* Тифозная женщина!..

Крапилин. Так точно, тифозная.

Серафима *(звонко).* Кто здесь Роман Хлудов?

При этом нелепом вопросе возникает тишина.

Хлудов. Ничего, пропустите ко мне. Хлудов — это я.

Голубков. Не слушайте ее, она больна!

Серафима. Из Петербурга бежим, все бежим да бежим... Куда? К Роману Хлудову под крыло! Все Хлудов, Хлудов, Хлудов... Даже снится Хлудов! *(Улыбается.)* Вот и удостоилась лицезреть: сидит на табуретке, а кругом висят мешки. Мешки да мешки!.. Зверюга! Шакал!

Голубков *(отчаянно).* У нее тиф! Она бредит!.. Мы из эшелона!

Хлудов звонит, и из стены выходят Тихий и Гурин.

Серафима. Ну что же! Они идут и всех вас прикончат!

В группе штабных шорох: «А-а... коммунистка!»

Голубков. Что вы? Что вы? Она жена товарища министра Корзухина! Она не отдает себе отчета в том, что говорит!

Хлудов. Это хорошо, потому что, когда у нас отдавая отчет говорят, ни слова правды не добьешься.

Голубков. Она — Корзухина!

Хлудов. Стоп, стоп, стоп! Корзухина? Это — пушной товар? Так у этого негодяя еще и жена — коммунистка? У, благословенный случай! Ну, я с ним сейчас посчитаюсь! Если только он не успел уехать, дать мне его сюда!

Тихий делает знак Гурину, и тот исчезает.

Тихий *(мягко, Серафиме).* Как ваше имя-отчество?

Голубков. Серафима Владимировна... Серафима...

Гурин вводит Корзухина. Тот смертельно бледен, чует беду.

Вы — Парамон Ильич Корзухин?

Корзухин. Да, это я.

Голубков. Слава богу, вы выехали нам навстречу! Наконец-то!..

Тихий *(ласково, Корзухину).* Ваша супруга, Серафима Владимировна, приехала к вам из Петербурга.

Корзухин *(посмотрел в глаза Тихому и Хлудову, учуял какую-то ловушку).* Никакой Серафимы Владимировны не знаю, эту женщину вижу впервые в жизни, никого из Петербурга не жду, это обман.

Серафима *(поглядев на Корзухина, мутно).* А-а, отрекся! У, гадина!

Корзухин. Это шантаж!

Голубков *(отчаянно)*. Парамон Ильич, что вы делаете! Этого не может быть!

Хлудов. Искренний человск? А? Ну, ваше счастье, господин Корзухин! Пушной товар! Вон!

Корзухин исчезает.

Голубков. Умоляю вас допросить нас! Я докажу, что она его жена!

Хлудов *(Тихому)*. Взять обоих, допросить.

Тихий *(Гурину)*. Забирай в Севастополь.

Гурин берет Серафиму под руку.

Голубков. Вы же интеллигентные люди!.. Я докажу!..

Серафима. Вот один только человек и нашелся в дороге... Ах, Крапилин, красноречивый человек, что же ты не заступишься?..

Серафиму и Голубкова уводят.

Крапилин *(став перед Хлудовым)*. Точно так. Как в книгах написано: шакал! Только одними удавками войны не выиграешь! За что ты, мировой зверь, порезал солдат на Перекопе? Попался тебе, впрочем, один человек, женщина. Пожалела удавленных, только и всего. Но мимо тебя не проскочишь, не проскочишь! Сейчас ты человека — цап и в мешок! Стервятиной питаешься?

Тихий. Позвольте убрать его, ваше превосходительство?

Хлудов. Нет. В его речи проскальзывают здравые мысли насчет войны. Поговори, солдат, поговори.

Тихий *(манит кого-то пальцем, и из двери контрразведывательного отделения выходят два контрразведчика. Шепотом)*. Доску.

Появляется третий контрразведчик с куском фанеры.

Хлудов. Как твоя фамилия, солдат?

Крапилин *(заносясь в гибельные выси)*. Да что фамилия? Фамилия у меня неизвестная — Крапилин-вестовой! А ты пропадешь, шакал, пропадешь, оголтелый зверь, в канаве! Вот только подожди здесь на своей табуретке! *(Улыбаясь.)* Да нет, убежишь, убежишь в Константинополь! Храбер ты только женщин вешать да слесарей!

Хлудов. Ты ошибаешься, солдат, я на Чонгарскую Гать ходил с музыкой и на Гати два раза ранен.

Крапилин. Все губернии плюют на твою музыку! *(Вдруг очнулся, вздрогнул, опустился на колени, говорит жалобно.)* Ваше высокопревосходительство, смилуйтесь над Крапилиным! Я был в забытьи!

Хлудов. Нет! Плохой солдат! Ты хорошо начал, а кончил скверно. Валяешься в ногах? Повесить его! Я не могу на него смотреть!

Контрразведчики мгновенно накидывают на Крапилина черный мешок и увлекают его вон.

Голован *(появляясь)*. Приказание вашего превосходительства исполнено. Летчики вылетели.

Хлудов. Всем в поезд, господа! Готовь, есаул, мне конвой и вагон!

Все исчезают.

(Один, берет телефонную трубку, говорит в нее.) Командующий фронтом говорит. На бронепоезд «Офицер» передать, чтобы прошел, сколько может, по линии, и огонь, огонь! По Таганашу огонь, огонь! Пусть в землю втопчет на прощанье! Потом пусть рвет за собою путь и уходит в Севастополь! *(Кладет трубку, сидит один, скорчившись на табуретке.)*

Пролетел далекий вой бронепоезда.

Чем я болен? Болен ли я?

Раздается залп с бронепоезда. Он настолько тяжел, этот залп, что звука почти не слышно, но электричество мгновенно гаснет в зале станции, и обледенелые окна обрушиваются. Теперь обнажается перрон. Видны голубоватые электрические луны. Под первой из них, на железном столбе, висит длинный черный мешок, под ним фанера с надписью углем: «Вестовой Крапилин — большевик». Под следующей мачтой — другой мешок, дальше ничего не видно. Хлудов один в полутьме смотрит на повешенного Крапилина.

Я болен, я болен. Только не знаю, чем.

Олька появилась в полутьме, выпущенная в панике. Тащится в валенках по полу.

Начальник станции *(в полутьме ищет и сонно бормочет)*. Дура, дура Николаевна... Олька, Олька-то где? Олечка, Оля, куда же ты, дурочка, куда ты? *(Схватывает Ольку на руки.)* Иди на руки, на руки к отцу... А туда не смотри... *(Счастлив, что не замечен, проваливается в тьму, и сон второй кончается.)*

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СОН ТРЕТИЙ

...Игла светит во сне...

Какое-то грустное освещение. Осенние сумерки. Кабинет в контрразведке в Севастополе. Одно окно, письменный стол, диван. В углу на столике множество газет. Шкаф. Портьеры. Тихий сидит за письменным столом в штатском платье. Дверь открывается, и Гурин впускает Голубкова.

Гурин. Сюда... *(Скрывается.)*

Тихий. Садитесь, пожалуйста.

Голубков *(он в пальто, в руках шляпа)*. Благодарю вас. *(Садится.)*

Тихий. Вы, по-видимому, интеллигентный человек?

Голубков робко кашлянул.

И я уверен, вы понимаете, насколько нам, а следовательно, и командованию важно знать правду. О контрразведке красные распространяют гадкие слухи. На самом же деле это учреждение исполняет труднейшую и совершенно чистую работу по охране государства от большевиков. Согласны ли вы с этим?

Голубков. Я, видите ли...

Тихий. Вы меня боитесь?

Голубков. Да.

Тихий. Но почему же? Разве вам причинили какое-нибудь зло, пока везли сюда, в Севастополь?

Голубков. О нет, нет, этого я не могу сказать.

Тихий. Курите, пожалуйста. *(Предлагает папиросы.)*

Голубков. Я не курю, благодарю вас. Умоляю вас, скажите, что с нею?

Тихий. Кто вас интересует?

Голубков. Она... Серафима Владимировна, арестованная вместе со мною. Клянусь, что это просто нелепая история! У нее припадок был, она тяжело больна!

Тихий. Вы волнуетесь, успокойтесь. О ней я вам скажу несколько позже.

Молчание.

Ну, довольно разыгрывать из себя приват-доцента! Мне надоела эта комедия! Мерзавец! Перед кем сидишь? Встать смирно! Руки по швам!

Голубков *(подымаясь)*. Боже мой!

Тихий. Слушай, как твоя настоящая фамилия?

Голубков. Я поражен... моя настоящая фамилия Голубков!

Тихий *(вынимает револьвер, целится в Голубкова. Тот закрывает лицо руками)*. Ты понимаешь ли, что ты в моих руках? Никто не придет к тебе на помощь. Ты понял?

Голубков. Понял.

Тихий. Итак, условимся: ты будешь говорить чистую правду. Смотри сюда. Если ты начнешь лгать, я включу эту иглу *(включает иглу, которая, нагреваясь от электричества, начинает светить)* и коснусь ею тебя. *(Тушит иглу.)*

Голубков. Клянусь, что я действительно...

Тихий. Молчать! Отвечать только на вопросы. *(Прячет револьвер, берет перо, говорит скучающим голосом.)* Садитесь, пожалуйста. Ваше имя, отчество и фамилия?

Голубков *(садясь)*. Сергей Павлович Голубков.

Тихий *(пишет, скучно)*. Где проживаете постоянно?

Голубков. В Петрограде.

Тихий. Зачем вы прибыли в расположение белых из Советской России?

Голубков. Я давно уже стремился в Крым, потому что в Петрограде такие условия жизни, при которых я работать не могу. И в поезде познакомился с Серафимой Владимировной, которая тоже бежала сюда, и поехал с нею к белым.

Тихий. Зачем же приехала к белым именующая себя Серафимой Корзухиной?

Голубков. Я твердо... я знаю, что она действительно Серафима Корзухина!

Тихий. Корзухин при вас на станции сказал, что это ложь.

Голубков. Клянусь, что он солгал!

Тихий. Зачем же ему лгать?

Голубков. Он испугался, он понял, что ему угрожает какая-то опасность.

Тихий кладет перо, пододвигает руку к игле.

Что вы делаете? Я говорю правду!

Тихий. У вас расстроены нервы, господин Голубков. Я записываю ваши показания, как вы видите, и ничего

больше не делаю. Давно она состоит в коммунистической партии?

Голубков. Этого не может быть!

Тихий. Так. *(Пододвигает Голубкову лист бумаги, дает ему перо.)* Пишите все, что сейчас показали, я буду вам диктовать, так вам будет легче. Предупреждаю вас, что, если вы остановитесь, я коснусь вас иглой. Если не будете останавливаться, ничего не бойтесь, вам ничего не угрожает. *(Зажигает иглу, которая освещает бумагу, диктует.)* «Я, нижеподписавшийся...

Голубков начинает писать под диктовку.

...Голубков, Сергей Павлович, на допросе в контрразведывательном отделении ставки комфронтом 31 октября 1920 года показал двоеточие Серафима Владимировна Корзухина, жена Парамона Ильича Корзухина...» Не останавливайтесь! «...состоящая в коммунистической партии, приехала из города Петрограда в район, занятый вооруженными силами Юга России, для коммунистической пропаганды и установления связи с подпольем в городе Севастополе. Приват-доцент... подпись». *(Берет лист у Голубкова, тушит иглу.)* Благодарю вас за чистосердечное показание, господин Голубков. В вашей невиновности я совершенно убежден. Извините, если я с вами был временами несколько резок. Вы свободны. *(Звонит.)*

Гурин *(входит)*. Я!

Тихий. Выведи этого арестованного на улицу и отпусти, он свободен.

Гурин *(Голубкову)*. Иди.

Голубков выходит вместе с Гуриным, забыв свою шляпу.

Тихий. Поручик Скунский!

Скунский входит. Очень мрачен.

(Зажигая на столе лампу.) Оцените документ! Сколько даст Корзухин, чтобы откупиться?

Скунский. Здесь, у трапа? Десять тысяч долларов. В Константинополе меньше. Советую у Корзухиной получить признание.

Тихий. Да. Задержите под каким-нибудь предлогом посадку Корзухина на полчасика.

Скунский. Моя доля?

Тихий пальцами показывает — две.

Сейчас пошлю агентуру. С Корзухиной поскорей. Поздно, сейчас конница уже идет грузиться. *(Уходит.)*

Тихий звонит. Гурин входит.

Тихий. Арестованную Корзухину. Она в памяти?

Гурин. Сейчас как будто полегче.

Тихий. Давай.

Гурин выходит, потом через несколько времени вводит Серафиму. Та в жару. Гурин выходит.

Вы больны? Я не стану вас задерживать, садитесь на диван, туда, туда.

Серафима садится на диван.

Сознайтесь, что вы приехали для пропаганды, и я вас отпущу.

Серафима. Что?.. А?.. Какая пропаганда? Боже мой, зачем я сюда поехала?

Послышался вальс, стал приближаться, а с ним — стрекот копыт за окном.

Почему вальс играют у вас?

Тихий. Конница Чарноты идет на пристань, не отвлекайтесь. Ваш сообщник Голубков показал, что вы приехали сюда для пропаганды.

Серафима *(ложится на диван, тяжело отдувается)*. Уйдите все из комнаты, не мешайте мне спать...

Тихий. Нет. Очнитесь, прочтите. *(Показывает написанное Голубковым Серафиме.)*

Серафима *(щурится, читает)*. Петербург... лампа... он с ума сошел... *(Вдруг схватывает документ, комкает, подбегает к окну, локтем выбивает стекло, кричит.)* Помогите! Помогите! Здесь преступление! Чарнота! Сюда, на помощь!

Тихий. Гурин!

Гурин вбегает, схватывает Серафиму.

Отними документ! А, черт тебя возьми!

Вальс обрывается. В окне мелькнуло лицо под папахой. Голос: «Что такое у вас?» Послышались голоса, стук дверей, шум. Дверь открывается, появляется Чарнота в бурке, за ним еще двое в бурках. Вбегает Скунский. Гурин выпускает Серафиму.

Серафима. Чарнота! Это вы? Чарнота! Заступитесь! Посмотрите, что они делают со мной! Посмотрите, что они заставили его написать!

Чарнота берет документ.

Тихий. Попрошу немедленно оставить помещение контрразведки!

Чарнота. Нет, что же — оставить? Что вы делаете с женщиной?

Тихий. Поручик Скунский, зовите караул!

Чарнота. Я вам покажу — караул! *(Вытаскивает револьвер.)* Что вы делаете с женщиной?

Тихий. Поручик Скунский, гасите свет!

Свет гаснет.

(В темноте.) Вам дорого это обойдется, генерал Чарнота!

Тьма. Сон кончается.

СОН ЧЕТВЕРТЫЙ

...и множество разноплеменных людей вышли с ними...

Сумерки. Кабинет во дворце в Севастополе. Кабинет в странном виде: одна портьера на окне наполовину оборвана, на стене беловатое квадратное пятно на том месте, где была большая военная карта. На полу деревянный ящик, кажется, с бумагами. Горит камин. У камина сидит неподвижно де Бризар с перевязанной головой. Входит главнокомандующий.

Главнокомандующий. Ну, как ваша голова?

Де Бризар. Не болит, ваше высокопревосходительство. Пирамидону доктор дал.

Главнокомандующий. Так. Пирамидон? *(Рассеян.)* Как по-вашему, я похож на Александра Македонского?

Де Бризар *(не удивляясь).* Я, ваше превосходительство, к сожалению, давно не видел портретов его величества.

Главнокомандующий. Про кого говорите?

Де Бризар. Про Александра Македонского, ваше высокопревосходительство.

Главнокомандующий. Величества?.. Гм... Вот что, полковник, вам надлежит отдохнуть. Я был очень рад приютить вас во дворце, вы честно исполнили свой долг перед отечеством. А теперь поезжайте, пора.

Де Бризар. Куда прикажете ехать, ваше высокопревосходительство?

Главнокомандующий. На корабль. Я позабочусь о вас за границей.

Де Бризар. Слушаюсь. Когда будет одержана победа над красными, я буду счастлив первый стать во фронт вашему величеству в Кремле!

Главнокомандующий. Полковник, нельзя так остро ставить вопросы. Вы слишком крайних взглядов. Итак, благодарю вас, поезжайте.

Де Бризар. Слушаю, ваше высокопревосходительство. *(Идет к выходу, останавливается, таинственно поет.)* Графиня, ценой одного рандеву... *(Скрывается.)*

Главнокомандующий *(вслед за ним говорит в дверь)*. Оставшихся посетителей впускать ко мне автоматически, через три минуты одного после другого. Приму, сколько успею. Пошлите казака отконвоировать полковника де Бризара ко мне на корабль! Напишите врачу на корабль, что пирамидон — это же не лекарство! Он же явно ненормален! *(Возвращается к камину, задумывается.)* Александр Македонский... Вот негодяи!

Входит Корзухин.

Вам что?

Корзухин. Товарищ министра Корзухин.

Главнокомандующий. А! Вовремя! Я вызвать вас хотел, невзирая на эту кутерьму. Господин Корзухин, я похож на Александра Македонского?

Корзухин поражен.

Я вас серьезно спрашиваю, похож? *(Схватывает с камина газетный лист, тычет его Корзухину.)* Вы редактор этой газеты? Значит, вы отвечаете за все, что в ней напечатано? Ведь это ваша подпись — редактор Корзухин? *(Читает.)* «Главнокомандующий, подобно Александру Македонскому, ходит по перрону...» Что означает эта свинячья петрушка? Во времена Александра Македонского были перроны? И я похож? Дальше-с! *(Читает.)* «При взгляде на его веселое лицо всякий червяк сомнения должен рассеяться...» Червяк не туча и не батальон, он не может рассеяться! А я весел? Я очень весел? Где вы набрали, господин Корзухин, эту безграмотную продажную ораву? Как вы смели это позорище печатать за два дня до катастрофы? Под суд отдам в Константинополе! Пирамидон принимать, если голова болит!

Оглушительно грянул телефон в соседней комнате. Главнокомандующий выходит, хлопнув дверью.

Корзухин *(отдышавшись).* Так вам и нужно, Парамон Ильич! Какого черта, спрашивается, меня понесло во дворец? Одному бесноватому жаловаться на другого? Ну, схватили Серафиму Владимировну, ну что ж я могу сделать? Ну, погибнет, ну, царство небесное! Что же, мне из-за нее самому лишаться жизни? Александр Македонский, грубиян! Под суд? Простите, Париж не Севастополь! В Париж! И будьте вы все прокляты и ныне, и присно, и во веки веков! *(Устремляется к дверям.)*

Африкан *(входя).* Аминь. Господин Корзухин, что делается, а?

Корзухин. Да, да, да... *(Незаметно ускользает.)*

Африкан *(глядя на ящики).* Ай-яй-яй! Господи, господи! И отправились сыны Израилевы из Раамсеса в Сокхоф, до шестисот [тысяч] пеших мужчин, кроме детей... Ах, ах... И множество разноплеменных людей вышли с ними...

Быстро входит Хлудов.

Вы, ваше превосходительство? А тут только что был господин Корзухин, вот странно...

Хлудов. Вы мне прислали Библию в ставку в подарок?

Африкан. Как же, как же...

Хлудов. Помню-с, читал от скуки ночью в купе. «Ты дунул духом твоим, и покрыло их море... Они погрузились, как свинец, в великих водах...» Про кого это сказано? А? «Погонюсь, настигну, разделю добычу, насытится ими душа моя, обнажу меч мой, истребит их рука моя...» Что, хороша память? А он клевещет, будто я ненормален! А вы чего здесь торчите?

Африкан. Торчите! Роман Валерьянович! Я дожидаюсь главнокомандующего...

Хлудов. Кто дожидается, тот дождется. Это в стиле вашей Библии. Знаете, чего вы здесь дождетесь?

Африкан. Чего?

Хлудов. Красных.

Африкан. Может ли быть так скоро?

Хлудов. Все может быть. Мы вот тут с вами сидим, Священное писание вспоминаем, а в это время, вообразите, рысью с севера конница к Севастополю подходит... *(Подводит Африкана к окну.)* Гляньте...

Африкан. Зарево! Господи!

Хлудов. Оно самое. На корабль скорей, святой отец, на корабль.

Африкан, осенив себя частыми крестами, уходит.

Провалился.

Главнокомандующий *(входит)*. А, слава богу! С нетерпением вас ждал. Ну что, все ушли?

Хлудов. Конницу по дороге сильно трепали зеленые. Но в общем, можно считать, ушли. А я сам уютно ехал. Забился в уголок купе, ни я никого не обижаю, ни меня никто. В общем, сумерки, ваше высокопревосходительство, как в кухне.

Главнокомандующий. Я вас не понимаю, что вы говорите?

Хлудов. Да в детстве это было. В кухню раз зашел в сумерки, тараканы на плите. Я зажег спичку, чирк, а они и побежали. Спичка возьми да и погасни. Слышу, они лапками шуршат — шур-шур, мур-мур... И у нас тоже — мгла и шуршание. Смотрю и думаю, куда бегут? Как тараканы, в ведро. С кухонного стола — бух!

Главнокомандующий. Благодарю вас, генерал, за все, что вы, с вашим громадным стратегическим талантом, сделали для Крыма, и больше не задерживаю. Я и сам сейчас переезжаю в гостиницу.

Хлудов. К воде поближе?

Главнокомандующий. Если вы не перестанете забываться, я вас арестую.

Хлудов. Предвидел. В вестибюле мой конвой. Произойдет большой скандал, я популярен.

Главнокомандующий. Нет, тут не болезнь. Вот уж целый год вы омерзительным паясничеством прикрываете ненависть ко мне.

Хлудов. Не скрою, ненавижу.

Главнокомандующий. Зависть? Тоска по власти?

Хлудов. О нет, нет. Ненавижу за то, что вы меня вовлекли во все это. Где обещанные союзные рати? Где Российская империя? Как могли вы вступить в борьбу с ними, когда вы бессильны? Вы понимаете, как может ненавидеть человек, который знает, что ничего не выйдет, и который должен делать? Вы стали причиной моей болезни! *(Утихая.)* Впрочем, теперь вообще не время, мы оба уходим в небытие.

Главнокомандующий. Я вам советую остаться здесь во дворце, это лучший способ для вас перейти в небытие.

Хлудов. Это мысль. Но я не продумал еще этого как следует.

Главнокомандующий. Я не держу вас, генерал.

Хлудов. Гоните верного слугу? «И аз, иже кровь в непрестанных боях за тя, аки воду, лиях и лиях...»

Главнокомандующий *(стукнув стулом)*. Клоун!

Хлудов. Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?

Главнокомандующий *(при словах «Александр Македонский» пришел в ярость)*. Если вы еще одно слово!.. Если вы...

Конвойный *(вырос из-под земли)*. Ваше высокопревосходительство, кавалерийская школа из Симферополя подошла. Все готово!

Главнокомандующий. Да? Едем! *(Хлудову.)* Мы еще увидимся! *(Выходит.)*

Хлудов *(один, садится к камину спиной к двери)*. Пусто, и очень хорошо. *(Вдруг беспокойно встает, открывает дверь, показывается анфилада темных и брошенных комнат с люстрами в темных кисейных мешках.)* Эй, кто тут есть? Нет никого. *(Садится.)* Итак, остаться? Нет, это не разрешает мой вопрос. *(Оборачивается, говорит кому-то.)* Уйдешь ты или нет? Ведь это вздор! Я могу пройти сквозь тебя подобно тому, как вчера стрелою я пронзил туман. *(Проходит как бы сквозь что-то.)* Ну, вот я и раздавил тебя. *(Садится, молчит.)*

Дверь тихонько открывается, и входит Голубков. Он в пальто, без шляпы.

Голубков. Ради бога, позвольте мне войти на одну минуту!

Хлудов *(не оборачиваясь)*. Пожалуйста, пожалуйста, войдите.

Голубков. Я знаю, что это безумная дерзость, но мне обещали, что меня допустят именно к вам. Но все разошлись куда-то, и я вошел.

Хлудов *(не оборачиваясь)*. Что вам нужно от меня?

Голубков. Я осмелился прибежать сюда, ваше высокопревосходительство, чтобы сообщить об ужаснейших преступлениях, совершающихся в контрразведке. Я прибежал жаловаться на зверское преступление, причиной которого является генерал Хлудов.

Хлудов оборачивается.

(Узнав Хлудова, пятится.) А-а...

Хлудов. Это интересно. Позвольте, но ведь вы живой, вы же не повешены, надеюсь? В чем ваша претензия?

Молчание.

Приятное впечатление производите. Я вас где-то видел. Так будьте любезны, в чем претензия? Да не проявляйте, пожалуйста, трусости. Вы пришли говорить, ну и говорите.

Голубков. Хорошо. Позавчера на станции вы велели арестовать женщину...

Хлудов. Помню, да. Помню. Вспомнил. Я вас узнал. Позвольте, кому же вы хотели здесь жаловаться на меня?

Голубков. Главнокомандующему.

Хлудов. Поздно. Нету его. *(Указывает в окно.)*

Вдали мерцают огоньки, и видно малое зарево.

Ведро с водой. Он погрузился в небытие навсегда. На генерала Хлудова более некому пожаловаться. *(Подходит к столу, берет одну из телефонных трубок, говорит в нее.)* Вестибюль? Есаула Голована. Слушай, есаул, возьми с собою конвой и в контрразведку, там за мною записана женщина... *(Голубкову.)* Корзухина?

Голубков. Да-да, Серафима Владимировна!

Хлудов *(в телефон)*. Серафима Владимировна Корзухина. Если она не расстреляна, сию же минуту доставь мне ее сюда, во дворец. *(Кладет трубку.)* Подождем.

Голубков. Если не расстреляна, вы сказали? Если не расстреляна?.. Ее расстреляли? ну, если вы это сделали... *(Плачет.)*

Хлудов. Ведите себя как мужчина.

Голубков. Ах, вы еще издеваетесь! Хорошо, я поведу... Если только ее нет в живых, я вас убью!

Хлудов *(вяло)*. Что же, это, может быть, лучший исход. Да нет, никого вы не убьете, к сожалению. Молчите.

Голубков садится и умолкает.

(Отвернувшись от Голубкова, говорит кому-то.) Если ты стал моим спутником, солдат, то говори со мной. Твое молчание давит меня, хотя и представляется мне, что твой голос должен быть тяжелым и медным. Или оставь меня. Ты знаешь, что я человек большой воли и не поддамся первому видению, от этого выздоравливают. Пойми, что ты просто попал под колесо и оно тебя

стерло и кости твои сломало. И бессмысленно таскаться за мной. Ты слышишь, мой неизменный красноречивый вестовой?

Голубков. С кем вы говорите?

Хлудов. А? С кем? Сейчас узнаем. *(Рукой разрезает воздух.)* Ни с кем, сам с собой. Да. Так кто она вам, любовница?

Голубков. Нет, нет! Она случайно встреченный человек, но я ее люблю. Ах, я жалкий безумец! Зачем, зачем тогда в монастыре я ее, больную, поднял, уговорил уехать в эти дьявольские лапы... Ах, я жалкий человек!

Хлудов. В самом деле, зачем вы подвернулись мне под ноги? Зачем вас принесло сюда? А теперь, когда машина сломалась, вы явились требовать у меня того, чего я вам дать не могу. Нет ее и не будет. Ее расстреляли.

Голубков. Злодей! Злодей! Бессмысленный злодей!

Хлудов. И вот с двух сторон: живой, говорящий, нелепый, а с другой — молчащий вестовой. Что со мною? Душа моя раздвоилась, и слова я слышу мутно, как сквозь воду, в которую погружаюсь, как свинец. Оба, проклятые, висят на моих ногах и тянут меня во мглу, и мгла меня призывает.

Голубков. А, теперь я понял! Ты сумасшедший! Теперь все понимаю! И лед на Чонгаре, и черные мешки, и мороз! Судьба! За что ты гнетешь меня? Как же я не сберег мою Серафиму? Вот он, вот он, ее слепой убийца! А что с него взять, если разум его помутился!

Хлудов. Вот чудак! *(Бросает Голубкову револьвер.)* Сделайте одолжение, стреляйте. *(В пространство.)* Ну, оставь меня. Может быть, этот догадается выстрелить.

Голубков. Нет, не могу я стрелять в тебя, ты мне жалок, страшен, омерзителен!

Хлудов. Да что это за комедия, в конце концов?

Послышались вдали шаги.

Стойте, стойте, идут! Может быть, это он? Сейчас все узнаем.

Входит Голован.

Расстреляна?

Голован. Никак нет.

Голубков. Жива? Жива? Где же она, где?

Хлудов. Тише. *(Головану.)* Почему же не доставили вы ее в таком случае?

Голован косится на Голубкова.

Говорите при нем.

Голован. Слушаю. Сегодня в четыре часа дня генерал-майор Чарнота ворвался в помещение контрразведки, арестованную Корзухину, угрожая вооруженной силой, отбил и увез.

Голубков. Куда? Куда?

Хлудов. Тише. *(Головану.)* Куда?

Голован. На пароход «Витязь». В пять «Витязь» вышел на рейд, а после пяти в открытое море.

Хлудов. Довольно. Спасибо. Итак, вот, жива. Жива эта ваша женщина Серафима.

Голубков. Да, да, жива, жива...

Хлудов. Есаул, берите конвой, знамя, грузитесь на «Святителя», я сейчас приеду.

Голован. Осмелюсь доложить...

Хлудов. Я в здравом уме, приеду, не бойтесь, приеду.

Голован. Слушаю. *(Исчез.)*

Хлудов. Ну, стало быть, она плывет туда, в Константинополь.

Голубков *(слепо).* Да, да, да, в Константинополь... Я все равно от вас не отстану. Вот огни, это огни в порту, смотрите. Возьмите меня в Константинополь.

Хлудов. О, черт, черт, черт...

Голубков. Хлудов, едем скорее!

Хлудов. Замолчи. *(Бормочет.)* Ну вот, одного я удовлетворил, теперь на свободе могу поговорить с тобой. *(В пространство.)* Чего ты хочешь? Чтобы я остался? Нет, не отвечает. Бледнеет, отходит, покрылся тьмой и стал вдали.

Голубков *(тоскуя).* Хлудов, ты болен! Хлудов, это бред! Оставь его! Нам надо спешить! Ведь «Святитель» уйдет, мы опоздаем!

Хлудов. Черт... черт... Какая-то Серафима... В Константинополь... Ну, едем, едем. *(Быстро выходит.)*

Голубков выходит за ним.
Темно. Сон кончается.

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СОН ПЯТЫЙ

...Янычар сбоит!..

Странная симфония. Поют турецкие напевы, в них вплетается русская шарманочная «Разлука», стоны уличных торговцев, гудение трамваев. И вдруг загорается Константинополь в предвечернем солнце. Виден господствующий минарет, кровли домов. Стоит необыкновенного вида сооружение, вроде карусели, над которым красуется крупная надпись на французском, английском и русском языках: «Стой! Сенсация в Константинополе! Тараканьи бега!!! Русская азартная игра с дозволения полиции». «Sensation à Constantinople! Courses des cafards. Races of cock-roaches». Сооружение украшено флагами разных стран. Касса с надписями: «В ординаре» и «В двойном». Надпись над кассой на французском и русском языках: «Начало в пять часов вечера», «Commencement à 5 heures du soir». Сбоку ресторан на воздухе под золотушными лаврами в кадках. Надпись: «Русский деликатес — вобла. Порция 50 пиастров». Выше — вырезанный из фанеры и раскрашенный таракан во фраке, подающий пенящуюся кружку пива. Лаконическая подпись: «Пиво». Выше сооружения и сзади живет в зное своей жизнью узкий переулок: проходят турчанки в чарчафах, турки в красных фесках, иностранные моряки в белом; изредка проводят осликов с корзинами. Лавчонка с кокосовыми орехами.

Мелькают русские в военной потрепанной форме.

Слышны звоночки продавцов лимонада. Где-то отчаянно вопит мальчишка: «Пресс дю суар»![1]»

У выхода с переулка вниз к сооружению Чарнота в черкеске без погон, выпивший, несмотря на жару, и мрачный, торгует резиновыми чертями, тещиными языками и какими-то прыгающими фигурками с лотка, который у него на животе.

Чарнота. Не бьется, не ломается, а только кувыркается! Купите красного комиссара для увеселения ваших детишек-ангелочков! Мадам! Мадам! Аштэ пур вотр анфан![2]

Турчанка, любящая мать. Бунун фиаты надыр? Комбьен?[3]

Чарнота. Сенкан пиастр, мадам, сенкан![4]

Турчанка, любящая мать. О, иох! Бу пахалы дыр![5] *(Проходит.)*

---

[1] «Presse du soir» — «Вечерняя газета» *(фр.)*.

[2] Achetez pour votre enfant! — Купите для вашего ребенка! *(фр.)*

[3] Bunun fiyatî nedir? Combien? — Сколько это стоит? *(тур.)* Сколько? *(фр.)*

[4] Cinquante piastres, madame, cinquante! — Пятьдесят пиастров, мадам, пятьдесят! *(фр.)*

[5] O, yok! Bu pahalîdîr! — Ох, нет! Это дорого! *(тур.)*

Чарнота. Мадам! Каран! А, чтоб тебе пропасть! Да у тебя и детей никогда не было! Геен зи!.. Геен зи!..[1] Ступай в гарем! Боже мой, до чего же сволочной город!

Где-то надрываются продавцы, кричат: «Каймаки, каймаки!», «Амбуляси! Амбуляси!»

Струится зной.

В кассе возникает Личико. Чарнота подходит к кассе.

Марья Константиновна, а Марья Константиновна!

Личико. Что вам, Григорий Лукьянович?

Чарнота. Видите ли, какое дельце... Нельзя ли мне сегодня в кредит поставить на Янычара?

Личико. Помилуйте, Григорий Лукьянович, не могу я.

Чарнота. Что же, я жулик, или фармазон константинопольский, или неизвестный вам человек? Можно бы, кажется, поверить генералу, который имеет свое торговое дело рядом с бегами?

Личико. Так-то оно так... Скажите сами Артуру Артуровичу.

Чарнота. Артур Артурович!

Артур *(появляется на карусели, как Петрушка из-за ширм, мучается, пристегивая фрачный воротничок)*. В чем дело? Кому я понадобился? А!.. Чем могу?

Чарнота. Видите ли, я хотел вас попросить...

Артур. Нет! *(Скрывается.)*

Чарнота. Что это за хамство! Куда ты скрылся, прежде чем я сказал?

Артур *(появляется)*. Так ведь я же знаю, что вы скажете.

Чарнота. Интересно — что?

Артур. Гораздо интереснее то, что я вам скажу.

Чарнота. Интересно — что?

Артур. Кредит — никому! *(Скрывается.)*

Чарнота. Вот скотина!

В ресторане появляются двое французских моряков, кричат: «Эн бок! Эн бок!»[2]

Лакей подает пиво.

Личико. Клоп по вас ползет, Григорий Лукьянович, снимите.

---

[1] Quarante!.. Gehen Sie!.. Gehen Sie!.. — Сорок! *(фр.)* Пошла ты!.. Пошла!.. *(нем.)*

[2] «Un bock! Un bock!» — «Кружку пива! Кружку пива!» *(фр.)*

Чарнота. Да ну его к черту, и не подумаю снимать, совершенно бесполезно. Пускай ползет, он мне не мешает. Ах, город!.. Каких я только городов не перевидал, но такого... Да, видал многие города, очаровательные города, мировые!

Личико. Какие же вы города видали, Григорий Лукьянович?

Чарнота. Господи! А Харьков! А Ростов! А Киев! Эх, Киев-город, красота, Марья Константиновна! Вот так Лавра пылает на горах, а Днепро, Днепро! Неописуемый воздух, неописуемый свет! Травы, сеном пахнет, склоны, долы, на Днепре черторой! И помню, какой славный бой был под Киевом, прелестный бой! Тепло было, солнышко, тепло, но не жарко, Марья Константиновна. И вши, конечно, были... Вошь — вот это насекомое!

Личико. Фу, гадости какие говорите, Григорий Лукьянович!

Чарнота. Почему же гадость? Разбираться все-таки нужно в насекомых. Вошь — животное военное, боевое, а клоп — паразит. Вошь ходит эскадронами, в конном строю, вошь кроет лавой, и тогда, значит, будут громаднейшие бои! *(Тоскует.)* Артур!

Артур *(выглядывает во фраке).* Чего вы так кричите?

Чарнота. Смотрю я на тебя и восхищаюсь, Артур! Вот уж ты и во фраке. Не человек ты, а игра природы — тараканий царь. Ну и везет тебе! Впрочем, ваша нация вообще везучая!

Артур. Если вы опять начнете проповедовать здесь антисемитизм, я прекращу беседу с вами.

Чарнота. Да тебе-то что? Ведь ты же венгерец!

Артур. Тем не менее.

Чарнота. Вот и я говорю: везет вам, венгерцам! Вот чего, Артур Артурович: хочу я ликвидировать свое предприятие. *(Показывает на лоток.)*

Артур. Пятьдесят.

Чарнота. Чего?

Артур. Пиастров.

Чарнота. Ты что же, насмешки строишь надо мной? Я штуку продаю по пятьдесят!

Артур. Ну и продолжай!

Чарнота. Вы, стало быть, и впредь намерены кровопийствовать?

Артур. Я вам не навязываюсь.

Чарнота. Счастливый вы человек, Артур Артурович, не попались вы мне в Северной Таврии!

Артур. Ну, здесь, слава богу, не Северная Таврия!

Чарнота. Возьми газыри. Серебряные.

Артур. Газыри вместе с ящиком — две лиры пятьдесят.

Чарнота. На, бери! *(Отдает ящик и газыри Артуру.)*

Артур. Пожалуйста. *(Отдает деньги Чарноте.)*

В карусель проходят трое в шапках с павлиньими перьями, в безрукавках и с гармониями.

(Скрылся, потом опять выглянул, кричит.) Пять часов! Мы начинаем! Пожалуйте, господа!

Над каруселью взвивается русский трехцветный флаг. В карусели гармонии заиграли залихватский марш. Чарнота первым устремляется к кассе.

Чарнота. Давайте, Марья Константиновна, на две лиры пятьдесят на Янычара!

К кассе повалила публика. Вламывается группа итальянских военных моряков, за ними — английские матросы, с ними — проститутка-красавица. Полезли жулики разного типа, мелькнул негр.

Марш гремит. В ресторане летает лакей, подает пиво. Артур, во фраке и в цилиндре, взвился над каруселью. Марш смолк.

Артур. Мсье, дам! Бега открыты! Не виданная нигде в мире русская придворная игра! Тараканьи бега! Курс де кафар! Ламюземан префере де ла дефянт эмператрис рюсс! [1] Корсо дель пьятелла! Рейс оф кок-рочс! [2]

Появляются двое полицейских — итальянский и турецкий.

Первый заезд! Бегут: первый номер — Черная Жемчужина! Номер второй — фаворит Янычар.

Итальянцы-матросы *(аплодируют, кричат)*. Эввива Янычарре! [3]

Англичане-матросы *(свистят, кричат)*. Эуэй! Эуэй! [4]

Вламывается потная, взволнованная фигура в котелке и в интендантских погонах.

---

[1] Courses de cafards! L'amusement préferé de la défiante Imperatrice russe! *(фр.)*

[2] Corso del piatella! Races of cock-roaches! *(um., англ.)*

[3] Evviva Janicharre! — Да здравствует Янычар! *(um.)*

[4] Away! Away! — Долой! Долой! *(англ.)*

Фигура. Опоздал?! Побежали?

Голос: «Поспеешь!»

Артур. Третий — Баба-Яга! Четвертый — Не плачь, дитя! Серый в яблоках таракан!

Крики: «Ура! Не плачь, дитя!», «Ит из э суиндл! Ит из э суиндл!» [1].

Шестой — Хулиган! Седьмой — Пуговица!

Крики: «Э трэп!» [2] Свист.

Артур. Ай бег ёр пардон! [3] Никаких шансов! Тараканы бегут на открытой доске, с бумажными наездниками! Тараканы живут в опечатанном ящике под наблюдением профессора энтомологии Казанского императорского университета, еле спасшегося от рук большевиков! Итак, к началу! *(Проваливается в карусель.)*

Толпа игроков хлынула в карусель. Мальчишки появились на каменном заборе. В карусели гул, потом мертвое молчание. Потом гармонии заиграли «Светит месяц»; в музыке побежали, шурша, тараканьи лапки.

Отчаянный голос в карусели: «Побежали!»

Мальчишка-грек, похожий на дьяволенка, танцует на заборе, кричит: «Побезали, побезали!»

Крик в карусели: «Янычар сбоит!» Гул.

Чарнота *(у кассы)*. Как сбоит? Быть этого не может!!

Голос в карусели: «Не плачь, дитя!»
Другой голос: «Давай, давай, давай!»

Убить Артурку мало!

Личико беспокойно высовывается из кассы.
Полицейские проявляют беспокойство, заглядывают в карусель.

Фигура *(выбежав из карусели)*. Жульничество! Артурка пивом опоил Янычара!

Артур вырывается из карусели. Обе фалды фрака у него оторваны, цилиндр превращен в лепешку, воротничка нет. Лицо в крови. За ним гонится толпа игроков.

Артур *(кричит отчаянно)*. Марья Константиновна, зовите полицию!

Личико исчезает. Полицейские свистят.

---

[1] It is a swindle! It is a swindle! — Афера! Афера! *(англ.)*
[2] A trap! — Ловушка! *(англ.)*
[3] I beg your pardon! — Прошу прощения! *(англ.)*

Итальянцы-матросы *(кричат)*. Лядро! Скрокконе! Труффаторре! [1]

Проститутка-красавица. Бей Артура, Джанни! *(Артуру.)* Инганаторрэ! [2]

Матросы-англичане. Hip! Hip! Hurah! Лонг ляйф Пуговитца! [3]

Проститутка-красавица. Братики! Фрателли! Кто-то подкупил Артурку, чтобы Пуговицу играть! Фаворит трясет лапками, пьян, как зюзя! Где это видано, чтобы Янычар сбоил?!

Артур *(в отчаянии)*. Где вы видели когда-либо пьяного таракана? Жё ву деманд эн пё, у э-секе ву заве вю эн кафар суль? Полис! Полис! О скур!..[4]

Проститутка-красавица. Мансонж! [5] Вся публика играла Янычара! Бейте его, мошенника!

Итальянец-матрос *(схватывает Артура за глотку, кричит)*. А, мармалья!! [6]

Итальянцы *(кричат)*. Каналья!!

Артур *(томно)*. Убивают...

Боцман-англичанин *(итальянцу)*. Стоп! Кип бэк! [7] *(Схватывает итальянца.)*

Фигура. Дай ему по уху!

Проститутка-красавица *(англичанину)*. А, так вы заступаться?

Англичанин ударяет итальянца, тот падает.

Проститутка-красавица. О, соккорсо, фрателли! [8] Бейте, братишки, англичан! Итальянцы, на помощь!

Англичане схватываются с итальянцами. Итальянцы вытаскивают ножи.

При виде ножей публика с воем бросается в разные стороны.

Мальчишка-грек, танцуя на стене, кричит: «Англицанов резут!!» Из переулка, свистя, врывается толпа итальянских и турецких полицейских с револьверами.

Чарнота у кассы, схватывается за голову. Сон вдруг разваливается. Тьма... Настает тишина, и течет новый сон...

---

[1] Ladro! Scroccone! Truffatore! — Вор! Жулик! Мошенник! *(ит.)*

[2] Ingannatore! — Мерзавец! *(ит.)*

[3] Long live Pugowitza! — Хип, хип, ура! Да здравствует Пуговица! *(англ.)*

[4] Police! Police! Au secours! — Полиция! Полиция! На помощь! *(фр.)*

[5] Mensonge! — Ложь! *(фр.)*

[6] Ah, marmaglia!! — Жулье!! *(ит.)*

[7] Stop! Keep back! — Стой! Назад! *(англ.)*

[8] A soccorso, fratelli! — На помощь, братишки! *(ит.)*

СОН ШЕСТОЙ

...Разлука ты, разлука!..

Появляется двор с кипарисами, двухэтажный дом с галереей. Водоем у каменной стены, тихо стучат капли воды. Каменная скамья у калитки. Повыше дома — кривой пустынный переулок. Солнце садится за балюстраду минарета. Первые предвечерние тени. Тихо.

Чарнота *(входит во двор)*. Чертова Пуговица! Впрочем, дело не в Пуговице, а в том, что я пропал бесповоротно. Съест она меня, съест. Убежать, что ли? А куда, если спросить вас, Григорий Лукьянович, вы побежите? Здесь вам не Таврия, бегать не полагается. Ай-яй-яй!

Дверь на галерейку открывается, и выходит Люська. Одета неряшливо. Люська голодна, от этого глаза ее блестят, а лицо дышит неземной, но мимолетной красотой.

Люська. А, здравия желаю, ваше превосходительство! Бонжур, мадам Барабанчикова!

Чарнота. Здравствуй, Люсенька!

Люська. Отчего же вы так рано? Я бы на вашем месте прошлялась до позднего вечера, тем более что дома очень скучно, ни провизии, ни денег. Но счастливые вести написаны на вашем выразительном лице, и ящика нет. И газыри отсутствуют. Кажется, я начинаю понимать, в чем дело. Пожалуйте деньги, я и Серафима не ели со вчерашнего дня ничего. Будьте любезны.

Чарнота. А где Серафима?

Люська. Это не важно. Она стирает. Ну, подавай деньги.

Чарнота. Случилась катастрофа, Люсенька.

Люська. Неужели? Где газыри?

Чарнота. Я, Люси, задумал продать их и, видишь ли, положил в ящик, на минутку снял ящик на Гран-Базаре, и...

Люська. Украли?

Чарнота. Угу...

Люська. Конечно, человек с черной бородой украл, не правда ли?

Чарнота *(слабея)*. При чем тут человек с черной бородой?

Люська. А он всегда крадет у мерзавцев на Гран-Базаре. Так честное слово — украли?

Чарнота кивает головой.

Тогда вот что. Ты знаешь, кто ты, Гриша, таков?

Чарнота. Кто?

Люська. Последний подлец!

Чарнота. Как ты смеешь?

Серафима выходит с ведром, останавливается. Ссорящиеся ее не замечают.

Люська. Смею, потому что ящик был куплен на мои деньги!

Чарнота. Ты мне жена, и у нас общие деньги.

Люська. У мужа — от торговли чертями, а у жены от торговли совсем другими вещами!

Чарнота. Что ты сказала?

Люська. Да что ты валяешь дурака! На прошлой неделе с французом я псалмы ездила петь? Кто-нибудь у меня спросил, откуда у меня пять лир появилось? И на пять лир неделю жили, и ты, и я, и Серафима! Но это еще не все! Ящик с газырями остался не на Гран-Базаре, а на тараканьих бегах! Ну-с, подведем итоги. Лихой рыцарь генерал Чарнота разгромил контрразведку, вынужден был из армии бежать, ну и теперь нищенствует в Константинополе, а с ним и я!

Чарнота. Ты что же, можешь упрекнуть меня за то, что я женщину от гибели спас? За Симку можешь упрекнуть?

Люська. Нет! А ее, Симку, могу упрекнуть, могу! *(Закусила удила.)* Пусть живет непорочная Серафима, вздыхает по своем пропавшем без вести Голубкове, пусть живет и блистательный генерал за счет распутной Люськи.

Серафима. Люся!

Люська. Подслушивать тебе как будто и не к лицу, Серафима Владимировна!

Серафима. Я и не думала подслушивать, не занимаюсь этим. Услышала случайно, и хорошо, что услышала. Почему же ты раньше мне ничего не сказала насчет пяти лир?

Люська. Что ты лукавишь, Серафима, что ты, слепая, что ли?

Серафима. Клянусь тебе, я ничего не знала. Я думала, что пять лир он принес. Но не беспокойся, Люся, я отработаю.

Люська. Пожалуйста, без благородства!

Серафима. Не сердись, не будем ссориться. Выясним положение.

Люська. Выяснять тут нечего. Завтра греки нас турнут с квартиры, жрать абсолютно нечего, все продано. *(Загорается вновь.)* Нет, я не могу успокоиться! Это он довел меня до белого каления! *(Чарноте.)* Отвечай, проиграл?

Чарнота. Проиграл.

Люська. Ах ты!..

Чарнота. Войди в мое положение! Не могу я торговать чертями! Я воевал!

Серафима. Люся, брось, брось... Ну, брось! Полторы-две лиры, ну чем они нам помогут?

Молчание.

А ведь действительно какой-то злостный рок нас травит.

Люська. Лирика!

Чарнота *(внезапно, Люське)*. Ты была с французом?

Люська. Поди ты к черту от меня!

Серафима. Тише, тише, тише! Перестаньте ссориться, сейчас я принесу ужин.

Люська. Брось, Симка, не берись не за свои дела. Ты моими словами не обижайся. Я все равно пойду по этой дороге. Я не евши сидеть не буду, у меня принципов нету!

Серафима. И я не евши сидеть не буду и на чужой счет питаться не буду. А знать, что ты ходишь, зарабатываешь, и сидеть здесь — это уж такая подлость, такая подлость! Надо было мне все сказать! Попали вместе в яму, вместе и действовать будем!

Люська. Чарнота продаст револьвер.

Чарнота. Люсенька, штаны продам, все продам, только не револьвер! Я без револьвера жить не могу!

Люська. Он тебе голову заменяет. Ну, и питайся на женский счет!

Чарнота. Ты не искушай меня!

Люська. Вот только тронь меня пальцем, я тебя отравлю ночью!

Серафима. Перестаньте! Что вы грызетесь все время? Я вам говорю, будет ужин! Это вы с голоду!

Люська. Что ты там затеваешь, дура?

Серафима. Ничего я не дура, а была действительно дурой! Да не все ли равно, чем торговать. Все это такая чепуха! *(Уходит на галерейку, потом возвращается в шляпе и выходит из двора.)* Ждите меня, только, пожалуйста, без драки.

Где-то шарманка заиграла «Разлуку».

Люська. Симка! Симка!

Чарнота. Сима!

Молчание.

Люська. У, гнусный город! У, клопы! У, Босфор! А ты!..

Чарнота. Замолчи.

Люська. Ненавижу я тебя, и себя, и всех русских! Изгои чертовы! *(Уходит в галерею.)*

Чарнота *(один)*. В Париж или в Берлин, куда податься? В Мадрид, может быть? Испанский город... Не бывал. Но могу пари держать, что дыра. *(Присаживается на корточки, шарит под кипарисом, находит окурок.)* До чего греки жадный народ, ведь до самого хвостика докуривает, сукин кот! Нет, я не согласен с нею, наши русские лучше, определенно лучше. *(Зажигает окурок и уходит в галерею.)*

Во двор входит Голубков, он в английском френче, в обмотках и в турецкой феске. С шарманкой. Ставит ее на землю, начинает играть «Разлуку», потом марш.

(Кричит с галереи.) Перестанешь ли ты, турецкая морда, мне душу надрывать?

Голубков. Что? Гри... Григорий Лукьянович?! Говорил, что найду! Нашел!

Чарнота. Кто такой? Ты, приват-доцент?

Голубков *(садится на край водоема, в волнении)*. Нашел.

Чарнота *(сбегает к нему)*. Меня-то нашел, нашел... Я тебя за турка принял. Здравствуй! *(Целует Голубкова.)* На что ты похож! Э, постарел! Мы думали, что ты у большевиков остался. Где же ты пропадал полгода?

Голубков. Сперва в лагере околачивался, потом тифом заболел, в больнице два месяца провалялся, а теперь вот хожу по Константинополю, Хлудов приютил. Его, ты знаешь, разжаловали, из армии вон!

Чарнота. Слышал. Я, брат, и сам теперь человек

штатский. Насмотрелись мы тут. Но с шарманкой еще никого не было.

Голубков. Мне с шарманкой очень удобно. По дворам хожу и таким образом ищу. Говори сразу, умерла она? Говори, не бойся. Я ко всему привык.

Чарнота. А, Серафима! Зачем умерла? Поправилась, живехонька!

Голубков. Нашел! *(Обнимает Чарноту.)*

Чарнота. Конечно, жива. Но, надо сказать, в трудное положение мы попали, доцент! Все рухнуло! Добегались мы, Сережа, до ручки!

Голубков. А где ж она, где Серафима?

Чарнота. Тут она. Придет. Мужчин пошла ловить на Перу.

Голубков. Что?!

Чарнота. Ну чего ты на меня выпятился? Сдыхаем с голоду. Ни газырей, ни денег.

Голубков. Как так пошла на Перу? Ты лжешь!

Чарнота. Чего там лжешь? Я сам не курил сегодня полдня. В Мадрид меня чего-то кидает... Снился мне всю ночь Мадрид...

Послышались голоса. Во двор входит Серафима, а за ней — грек-донжуан, увешанный покупками и с бутылками в руках.

Серафима. О нет, нет, это будет очень удобно, мы посидим, поболтаем... Правда, мы живем на бивуаках...

Грек-донжуан *(с сильным акцентом)*. Очень, очень мило! Я боюсь стеснить вас, мадам.

Серафима. Позвольте, я познакомлю вас...

Чарнота поворачивается спиной к ней.

Куда же вы, Григорий Лукьянович, это неудобно!

Грек-донжуан. Очень, очень приятно!

Серафима *(узнав Голубкова)*. Боже мой!

Голубков, тяжело морщась, подымается с водоема, подходит к греку и дает ему в ухо.

Грек-донжуан роняет покупки, крайне подавлен. В окнах появляются встревоженные греческие и армянские головы.

Люська выходит на галерею.

Грек-донжуан. Что это? Такое что?..

Серафима. Боже мой!.. Позор, позор!

Чарнота. Господин грек!

Грек-донжуан. А, это я в мухоловку попал, притон! *(Печален.)*

Серафима. Простите меня, мсье, простите, ради бога! Это ужас, это недоразумение...

Чарнота *(берясь за револьвер, обворачивается к окнам).* Сию минуту провалиться!

Головы проваливаются, и окна закрываются.

Грек-донжуан *(тоскливо).* Ой, боже...

Голубков *(двинулся к нему).* Вы...

Грек-донжуан *(вынув бумажник и часы).* На́ кошелек и на́ часы, храбрый человек! Жизнь моя дорогая, у меня семья, магазин, детки... Ничего не скажу полиции... живи, добрый человек, славь бога всемогущего...

Голубков. Вон отсюда!

Грек-донжуан. Ах, Стамбул, какой стал!..

Голубков. Покупки взять!

Грек-донжуан хотел было взять покупки, но всмотрелся в лицо Голубкова и кинулся бежать.

Люська. Господин Голубков? А мы вас не далее как час назад вспоминали! Думали, что вы находитесь вон там, в России. Но ваш выход можно считать блестящим!

Голубков. А вы, Серафима Владимировна, что же это вы делаете?! Я и плыл, и бежал, был в больнице, видите, голова моя обрита... Бежал только за тобой! А ты, что ты тут делаешь?

Серафима. Кто вам дал право упрекать меня?

Голубков. Я тебя люблю, я гнался за тобой, чтобы тебе это сказать!

Серафима. Оставьте меня. Я больше ничего не хочу слышать! Мне все это надоело! Зачем вы появились опять передо мной? Все мы нищие! Отделяюсь от вас!.. Хочу погибать одна! Боже, какой позор! Какой срам! Прощайте!

Голубков. Не уходите, умоляю!

Серафима. Ни за что не вернусь! *(Уходит.)*

Голубков. Ах, так! *(Выхватывает внезапно кинжал у Чарноты и бросается вслед за Серафимой.)*

Чарнота *(обхватив его, отнимает кинжал).* Ты что, с ума сошел? В тюрьму хочется?

Голубков. Пусти! Я все равно ее найду, я все равно ее задержу! Ладно! *(Садится на край водоема.)*

Люська. Вот представление так представление! Греки поражены. Ну, довольно. Чарнота, открывай сверток, я голодна.

Голубков. Не дам прикоснуться к сверткам!

Чарнота. Нет, не открою.

Люська. Ах, вот что! Ну, терпение мое кончилось. Выпила я свою константинопольскую чашу, довольно. *(Берет в галерее шляпу, какой-то сверток, выходит.)* Ну-с, Григорий Лукьянович, желаю вам всего хорошего. Совместная наша жизнь кончена. У Люськи есть знакомства в восточном экспрессе, и Люська была дура, что сидела здесь полгода! Прощайте!

Чарнота. Куда ты?

Люська. В Париж! В Париж! Прощайте! *(Исчезает в переулке.)*

Чарнота и Голубков сидят на краю водоема и молчат. Мальчишка-турок ведет кого-то, манит, говорит: «Здесь, здесь!» За мальчишкой идет Хлудов в штатском. Постарел и поседел.

Чарнота. Вот и Роман. И он появился. Ты что, смотришь, что газырей нет? Я тоже, как и ты, человек вольный.

Хлудов. Да уж вижу. Ну, здравствуй, Григорий Лукьянович. Да, вот так все и ходим один по следам другого. *(Указывает на Голубкова.)* То я его лечил, а теперь он носится с мыслью меня вылечить. Между делом на шарманке играет. *(Голубкову.)* Ну что, и тут безрезультатно?

Голубков. Нет, нашел. Только ты меня ни о чем не спрашивай. Не спрашивай ни о чем.

Хлудов. Я тебя и не спрашиваю. Это дело твое. Мне важно только — нашел?

Голубков. Хлудов! Я попрошу тебя только об одном, и ты один это можешь сделать. Догони ее, она ушла от меня, задержи ее, побереги, чтобы она не ушла на панель.

Хлудов. Почему же ты сам не можешь этого сделать?

Голубков. Здесь, на водоеме, я принял твердое решение, я уезжаю в Париж. Я найду Корзухина, он богатый человек, он обязан ей помочь, он ее погубил.

Хлудов. Как ты поедешь? Кто тебя пустит во Францию?

Голубков. Тайком уеду. Я сегодня играл в порту на шарманке, капитан принял во мне участие, я вас, говорит, в трюм заберу, в трюме в Марсель отвезу.

Хлудов. Что же? Долго я должен ее караулить?

Голубков. Я скоро вернусь, и даю тебе клятву, что больше никогда ни о чем не попрошу.

Хлудов. Дорого мне обошлась эта станция. *(Оборачивается.)* Нет, нету.

Чарнота *(шепотом).* Хорош караульщик!

Голубков *(шепотом).* Не смотри на него, он борется с этим.

Хлудов. Куда же она сейчас пошла?

Чарнота. Это нетрудно угадать. Пошла у грека прощенья вымаливать, на Шишлы, в комиссионный магазин. Я его знаю.

Хлудов. Ну, хорошо.

Голубков. Только чтоб не ушла на панель!

Хлудов. У меня-то? У меня не уйдет. Недаром говорил один вестовой, мимо тебя не проскочишь... Ну, впрочем, не будем вспоминать... Помяни, господи! *(Голубкову.)* Денег нет?

Голубков. Не надо денег!

Хлудов. Не дури. Вот две лиры, больше сейчас нету. *(Отстегивает медальон от часов.)* Возьми медальон, в случае крайности — продашь. *(Уходит.)*

Вечерние тени гуще. С минарета полился сладкий голос муэдзина: «Ла иль Алла иль Махомет рассуль алла!» [1]

Голубков. Вот и ночь наступает... Ужасный город! Нестерпимый город! Душный город! Да, чего же я сижу-то? Пора! Ночью уеду в трюме.

Чарнота. Я поеду с тобой. Никаких мы денег не достанем, я и не надеюсь на это, а только вообще куда-нибудь ехать надо. Я же говорю, думал — в Мадрид, но Париж — это, пожалуй, как-то пристойнее. Идем. То-то греки-хозяева удивятся и обрадуются!

Голубков *(идет).* Никогда нет прохлады, ни днем, ни ночью!

Чарнота *(уходит с ним).* В Париж так в Париж!

Мальчишка-турок подбегает к шарманке, вертит ручку. Шарманка играет марш. Голос муэдзина летит с минарета. Тени. Кое-где загораются уже огоньки. В небе бледноватый золотой рог. Потом тьма. Сон кончается.

Конец третьего действия

---

[1] Нет бога, кроме Аллаха, и Магомет посланник его!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СОН СЕДЬМОЙ

...Три карты, три карты, три карты!..

Осенний закат в Париже. Кабинет господина Корзухина в собственном особняке. Кабинет обставлен необыкновенно внушительно. В числе *прочего несгораемая касса. Кроме письменного стола карточный.* На нем приготовлены карты и две незажженные свечи.

Корзухин. Антуан!

Входит очень благообразного французского вида лакей Антуан, в зеленом фартуке.

Мсье Маршен маве аверти киль не виендра па зожурдюи, не ремюэ па ля табль, же ме сервирэ плю тар.

Молчание.

Репондэ донк кельк шоз![1] Да вы, кажется, ничего не поняли?

Антуан. Так точно, Парамон Ильич, не понял.

Корзухин. Как «так точно» по-французски?

Антуан. Не могу знать, Парамон Ильич.

Корзухин. Антуан, вы русский лентяй. Запомните: человек, живущий в Париже, должен знать, что русский язык пригоден лишь для того, чтобы ругаться непечатными словами или, что еще хуже, провозглашать какие-нибудь разрушительные лозунги. Ни то, ни другое в Париже не принято. Учитесь, Антуан, это скучно. Что вы делаете в настоящую минуту? Ке фет ву а се моман?

Антуан. Же... Я ножи чищу, Парамон Ильич.

Корзухин. Как — ножи, Антуан?

Антуан. Ле куто, Парамон Ильич.

Корзухин. Правильно. Учитесь, Антуан.

Звонок.

(Расстегивает пижаму, говорит, выходя.) Принять. Авось партнер подвернется. Же сюи а ля мезон[2]. *(Выходит.)*

Антуан выходит и возвращается с Голубковым. Тот в матросских черных брюках, сером потертом пиджачке, в руках у него кепка.

---

[1] Monsieur Marchand m'avait averti qu'il ne viendra pas aujourd'hui. Ne remuez pas la table. Je me servirai plus tard. Repondez-donc quelque chose! — Мсье Маршан сообщил, что не придет сегодня. Со стола не надо убирать. Я буду обедать позднее. Да отвечайте же что-нибудь! *(фр.)*

[2] Je suis à la maison.— Я — дома *(фр.).*

Голубков. Же вудрэ парлэ а мсье Корзухин[1].

Антуан. Пожалуйте вашу визитную карточку, вотр карт.

Голубков. Как? Вы русский? А я вас принял за француза. Как я рад!

Антуан. Так точно, я русский. Я — Грищенко.

Голубков жмет руку Антуану.

Голубков. Дело вот в чем, карточек у меня нет. Вы просто скажите, что, мол, Голубков из Константинополя.

Антуан. Слушаюсь. *(Скрывается.)*

Корзухин *(выходя уже в пиджаке, бормочет).* Какой такой Голубков?.. Голубков... Чем могу служить?

Голубков. Вы, вероятно, не узнаете меня? Мы с вами встретились год тому назад в ту ужасную ночь на станции в Крыму, когда схватили вашу жену. Она сейчас в Константинополе на краю гибели.

Корзухин. На краю... чего? Простите, во-первых, у меня нет никакой жены, а во-вторых, и станции я не припомню.

Голубков. Как же? Ночь... еще сделался ужасный мороз, вы помните мороз во время взятия Крыма?

Корзухин. К сожалению, не помню никакого мороза. Вы изволите ошибаться...

Голубков. Но ведь вы — Парамон Ильич Корзухин, вы были в Крыму, ведь я же вас узнал!

Корзухин. Действительно, я некоторое время проживал в Крыму, как раз тогда, когда там бушевали эти полоумные генералы. Но, видите ли, я тогда уже уехал, никаких связей с Россией не имею и не намерен иметь. Я принял французское подданство, женат не был, и должен вам сказать, что вот уже третий месяц, как у меня в доме проживает в качестве личного секретаря русская эмигрантка, также принявшая французское подданство и фамилию Фрежоль. Это очаровательнейшее существо настолько тронуло мое сердце, что, по секрету вам сказать, я намерен вскоре на ней жениться, так что всякие разговоры о какой-то якобы имеющейся у меня жене мне неприятны.

Голубков. Фрежоль... Значит, вы отказываетесь от живого человека! Но ведь она же ехала к вам! Помните,

---

[1] Je voudrais parler à monsieur...— Я хотел бы поговорить с мсье... *(фр.)*

ее арестовали? Помните, мороз, окна, фонарь — голубая луна?..

Корзухин. Ну да, голубая луна, мороз... Контрразведка уже пыталась раз шантажировать меня при помощи легенды о какой-то моей жене-коммунистке. Мне неприятен этот разговор, господин Голубков, повторяю вам.

Голубков. Ай-яй-яй! Моя жизнь мне снится!..

Корзухин. Вне всяких сомнений.

Голубков. Я понял. Она вам мешает, и очень хорошо. Пусть она не жена вам. Так даже лучше. Я люблю ее, поймите это! И сделаю все для того, чтобы выручить ее из рук нищеты. Но я прошу вас помочь ей хотя бы временно. Вы — богатейший человек, всем известно, что все ваши капиталы за границей. Дайте мне взаймы тысячу долларов, и, лишь только мы станем на ноги, я вам свято ее верну. Я отработаю! Я поставлю себе это целью жизни.

Корзухин. Простите, мсье Голубков, я так и предполагал, что разговор о мифической жене приведет именно к долларам. Тысячу? Я не ослышался?

Голубков. Тысячу. Клянусь вам, [я] верну ее!

Корзухин. Ах, молодой человек! Прежде чем говорить о тысяче долларов, я вам скажу, что такое один доллар. *(Начинает балладу о долларе и вдохновляется.)* Доллар! Великий всемогущий дух! Он всюду! Глядите туда! Вон там, далеко, на кровле, горит золотой луч, а рядом с ним высоко в воздухе согбенная черная кошка — химера! Он и там! Химера его стережет. *(Указывает таинственно в пол.)* Неясное ощущение, не шум и не звук, а как бы дыхание вспученной земли: там стрелою летят поезда, в них доллар! Теперь закройте глаза и вообразите — мрак, в нем волны ходят, как горы. Мгла и вода — океан! Он страшен, он сожрет! Но в океане, с сипением топок, взрывая миллионы тонн воды, идет чудовище! Идет, кряхтит, несет на себе огни! Оно роет воду, ему тяжко, но в адских топках, там, где голые кочегары, оно несет свое золотое дитя, свое божественное сердце — доллар! И вдруг тревожно в мире!

Где-то далеко послышались звуки проходящей военной музыки.

И вот они уже идут! Идут! Их тысячи, потом миллионы! Их головы запаяны в стальные шлемы. Они идут! Потом они бегут! Потом они бросаются с воем грудью на

колючую проволоку! Почему они кинулись? Потому что где-то оскорбили божественный доллар! Но вот в мире тихо, и всюду, во всех городах, ликующе кричат трубы! Он отомщен! Они кричат в честь доллара! *(Утихает.)*

Музыка удаляется.

Итак, господин Голубков, я думаю, что вы и сами перестанете настаивать на том, чтобы я вручил неизвестному молодому человеку целую тысячу долларов?

Голубков. Да, я не буду настаивать. Но я хотел бы сказать вам на прощанье, господин Корзухин, что вы самый бездушный, самый страшный человек, которого я когда-либо видел. И вы получите возмездие, оно придет! Иначе быть не может! Прощайте. *(Хочет уйти.)*

Звонок. Антуан входит.

Антуан. Женераль Чарнота.

Корзухин. Гм... Русский день. Ну, проси, проси.

Антуан уходит. Входит Чарнота. Он в черкеске, но без серебряного пояса и без кинжала и в кальсонах лимонного цвета. Выражение лица показывает, что Чарноте терять нечего. Развязен.

Чарнота. Здорово, Парамоша!

Корзухин. Мы с вами разве встречались?

Чарнота. Ну, вот вопрос! Да ты что, Парамон, грезишь? А Севастополь?

Корзухин. Ах да, да... Очень приятно. Простите, а мы с вами пили брудершафт?

Чарнота. Черт его знает, не припомню... Да раз встречались, так уж, наверно, пили.

Корзухин. Прости, пожалуйста... Вы, кажется, в кальсонах?

Чарнота. А почему это тебя удивляет? Я ведь не женщина, коей этот вид одежды не присвоен.

Корзухин. Вы... Ты, генерал, так и по Парижу шли, по улицам?

Чарнота. Нет, по улице шел в штанах, а в передней у тебя снял. Что за дурацкий вопрос!

Корзухин. Пардон! Пардон!

Чарнота *(тихо Голубкову)*. Дал?

Голубков. Нет. Я ухожу. Пойдем отсюда.

Чарнота. Куда же это мы теперь пойдем? *(Корзухину.)* Что с тобой, Парамон? Твои соотечественники, которые за тебя же боролись с большевиками, перед тобою, а ты отказываешь им в пустяковой сумме. Да ты

понимаешь, что в Константинополе Серафима голодает?

Голубков. Попрошу тебя замолчать. Словом, идем, Григорий!

Чарнота. Ну, знаешь, Парамон, грешный я человек, нарочно бы к большевикам записался, только чтоб тебя расстрелять. Расстрелял бы и мгновенно выписался бы обратно. Постой, зачем это карты у тебя? Ты играешь?

Корзухин. Не вижу ничего удивительного в этом. Играю, и очень люблю.

Чарнота. Ты играешь! В какую же игру ты играешь?

Корзухин. Представь, в девятку, и очень люблю.

Чарнота. Так сыграем со мной.

Корзухин. Я с удовольствием бы, но, видите ли, я люблю играть только на наличные.

Голубков. Ты перестанешь унижаться, Григорий, или нет? Пойдем!

Чарнота. Никакого унижения нет в этом. *(Шепотом.)* Тебе что сказано? В крайнем случае? Крайнее этого случая не будет. Давай хлудовский медальон!

Голубков. На, пожалуйста, мне все равно теперь. И я ухожу.

Чарнота. Нет, уж мы выйдем вместе. Я тебя с такой физиономией не отпущу. Ты еще в Сену нырнешь. *(Протягивает медальон Корзухину.)* Сколько?

Корзухин. Гм... приличная вещь... Ну что же, десять долларов.

Чарнота. Однако, Парамон! Эта вещь стоит гораздо больше, но ты, по-видимому, в этом не разбираешься. Ну что же, пошло! *(Вручает медальон Корзухину, тот дает ему десять долларов. Садится к карточному столу, откатывает рукава черкески, взламывает колоду.)* Как раба твоего зовут?

Корзухин. Гм... Антуан.

Чарнота *(зычно)*. Антуан!

Антуан появляется.

Принеси мне, голубчик, закусить.

Антуан *(удивленно, но почтительно улыбнувшись)*. Слушаю-с... А лэнстан![1] *(Исчезает.)*

Чарнота. На сколько?

Корзухин. Ну, на эти самые десять долларов. Попрошу карту.

---

[1] A l'instant! — Сию минуту! *(фр.)*

Чарнота. Девять.

Корзухин *(платит)*. Попрошу на квит.

Чарнота *(мечет)*. Девять.

Корзухин. Еще раз квит.

Чарнота. Карту желаете?

Корзухин. Да. Семь.

Чарнота. А у меня восемь.

Корзухин *(улыбнувшись)*. Ну, так и быть, на квит.

Голубков *(внезапно)*. Чарнота! Что ты делаешь? Ведь он удваивает и, конечно, сейчас возьмет у тебя все обратно!

Чарнота. Если ты лучше меня понимаешь игру, так ты садись за меня.

Голубков. Я не умею.

Чарнота. Так не засти мне свет! Карту?

Корзухин. Да, пожалуйста. Ах, черт, жир!

Чарнота. У меня три очка.

Корзухин. Вы не прикупаете к тройке?

Чарнота. Иногда, как когда...

Антуан вносит закуску.

(Выпив.) Голубков, рюмку?

Голубков. Я не желаю.

Чарнота. А ты, Парамон, что же?

Корзухин. Мерси, я уже завтракал.

Чарнота. Ага... Угодно карточку?

Корзухин. Да. Сто шестьдесят долларов.

Чарнота. Идет. Графиня, ценой одного рандеву... Девять.

Корзухин. Неслыханная вещь! Триста двадцать идет!

Чарнота. Попрошу прислать наличные.

Голубков. Брось, Чарнота, умоляю тебя! Теперь брось!

Чарнота. Будь добр, займись ты каким-нибудь делом. Ну, альбом, что ли, посмотри. *(Корзухину.)* Наличные, пожалуйста!

Корзухин. Сейчас. *(Открывает кассу, в ней тотчас грянули колокола, всюду послышались звонки.)*

Свет гаснет и тотчас возвращается. Из передней появляется Антуан с револьвером в руке.

Голубков. Что это такое?

Корзухин. Это сигнализация от воров. Антуан, вы свободны, это я открывал.

Антуан выходит.

Чарнота. Очень хорошая вещь. Пошло́! Восемь!

Корзухин. Идет шестьсот сорок долларов?

Чарнота. Не пойдет. Этой ставки не принимает банк.

Корзухин. Вы хорошо играете. Сколько примете?

Чарнота. Пятьдесят.

Корзухин. Пошло! Девять!

Чарнота. У меня жир.

Корзухин. Пришлите.

Чарнота. Пожалуйста.

Корзухин. Пятьсот девяносто!

Чарнота. Э, Парамоша, ты азартный! Вот где твоя слабая струна!

Голубков. Чарнота, умоляю, уйдем!

Корзухин. Карту! У меня семь!

Чарнота. Семь с половиной! Шучу, восемь.

Голубков со стоном вдруг закрывает уши и ложится на диван. Корзухин открывает ключом кассу. Опять звон, тьма, опять свет.

И уже ночь на сцене. На карточном столе горят свечи в розовых колпачках. Корзухин уже без пиджака, волосы его всклокочены. В окнах огни Парижа, где-то слышна музыка. Перед Корзухиным и перед Чарнотой — груды валюты. Голубков лежит на диване и спит.

Чарнота *(напевает)*. Получишь смертельный удар ты... три карты, три карты, три карты... Жир.

Корзухин. Пришлите четыреста! Пошли три тысячи!

Чарнота. Есть. Наличные!

Корзухин бросается к кассе. Опять тьма со звоном и музыкой. Потом свет. В Париже — синий рассвет. Тихо. Никакой музыки не слышно. Корзухин, Чарнота и Голубков похожи на тени. На полу валяются бутылки от шампанского.

Голубков, комкая, прячет деньги в карманы.

Чарнота *(Корзухину)*. Нет ли у тебя газеты завернуть?

Корзухин. Нету. Знаете что, сдайте мне наличные, я вам выдам чек!

Чарнота. Что ты, Парамон? Неужели в каком-нибудь банке выдадут двадцать тысяч долларов человеку, который явился в подштанниках? Нет, спасибо!

Голубков. Чарнота, выкупи мой медальон, я хочу его вернуть!

Корзухин. Триста долларов!

Голубков. На! *(Швыряет деньги.)*

Корзухин в ответ швыряет медальон.

Чарнота. Ну, до свиданья, Парамоша. Засиделись мы у тебя, нам пора.

Корзухин *(загораживая дверь).* Нет, стой! У меня жар, я ничего не понимаю... Вы воспользовались моей болезнью! Вот что, верните деньги, я вам дам по пятьсот долларов отступного!

Чарнота. «Ты шутишь»,— зверь вскричал коварный!..

Корзухин. Ну, если так, я сейчас же звоню в полицию, что вы ограбили меня! Вас схватят сейчас же! Оборванцы!

Чарнота. Ты слышал? *(Вынимает револьвер.)* Ну, Парамон, молись своей парижской богоматери, твой смертный час настал!

Корзухин. Караул! Караул!

На эти вопли вбегает Антуан, в одном белье.

Все спят! Вся вилла спит! Никто не слышит, как меня грабят! Караул!

Портьера раздвигается, и возникает Люська. Она в пижаме.

Увидев Чарноту и Голубкова, окаменевает.

Вы спите, милая Люси, в то время как патрона вашего грабят русские бандиты!

Люська. Боже мой, боже! Видно, не испила я еще горькой чаши моей!.. Казалось бы, имела я право отдохнуть, но нет, нет... Недаром видела сегодня тараканов во сне! Мне интересно только одно, как вы сюда добрались?

Чарнота *(поражен).* Это она?

Корзухин *(Чарноте).* Вы знаете мадемуазель Фрежоль?

Люська за спиной Корзухина становится на колени, умоляюще складывает руки.

Чарнота. Откуда же мне ее знать? Никакого понятия не имею.

Люська. Так познакомимся же, господа! Люси Фрежоль.

Чарнота. Генерал Чарнота.

Люська. Ну-с, господа, в чем недоразумение? *(Корзухину).* Крысик, чего ты кричал так отчаянно, кто тебя обидел?

Корзухин. Он выиграл у меня двадцать тысяч долларов! И я хочу, чтоб он вернул их!

Голубков. Это неслыханная подлость!

Люська. Нет, нет, жабочка, это невозможно! Ну, проиграл, что же поделаешь! Ты не маленький!

Корзухин. Где Антуан покупал карты?!

Антуан. Вы сами покупали их, Парамон Ильич.

Люська. Антуан, уйдите к дьяволу! В каком виде вы торчите передо мной?

Антуан скрывается.

Господа! Деньги принадлежат вам, и никаких недоразумений не будет. *(Корзухину.)* Иди, мой мальчик, усни, усни. У тебя под глазами тени.

Корзухин. Уволю этого дурака Антуана! Не пускать ко мне больше русских в дом! *(Всхлипнув, уходит.)*

Люська. Ну-с, была очень рада повидать соотечественников и жалею, что больше никогда не придется встретиться. *(Шепотом.)* Выиграли — и уносите ноги! *(Громко.)* Антуан!

Антуан выглядывает в дверь.

Господа покидают нас, выпустите их.

Чарнота. О ревуар[1], мадемуазель.

Люська. Адье![2]

Чарнота и Голубков уходят.

Слава тебе господи, унесло их! Боже мой! Когда же я, наконец, отдохну!

В пустынной улице послышались шаги.

(Воровски оглянувшись, подбегает к окну, открывает его, тихонько кричит.) Прощайте! Голубков, береги Серафиму! Чарнота! Купи себе штаны!

Тьма. Сон кончился.

---

[1] Au revoir — до свиданья *(фр.).*

[2] Adieu! — Прощайте! *(фр.)*

СОН ВОСЬМОЙ И ПОСЛЕДНИЙ

...Жили двенадцать разбойников...

Константинополь. Комната в коврах, низенькие диваны, кальян. На заднем плане — сплошная стеклянная стена и в ней стеклянная дверь. За стеклами догорает константинопольский минарет, лавры и вертушка тараканьего царя. Садится осеннее солнце. Закат, закат...

Хлудов *(один в комнате, сидит на полу, на ковре, поджав ноги по-турецки, и разговаривает с кем-то).* Ты достаточно измучил меня, но наступило просветление. Да, просветление. Пойми, я согласен. Но ведь нельзя же забыть, что ты не один возле меня. Есть живые, повисли на моих ногах и тоже требуют. А? Судьба с той ночи завязала их в один узел со мной. Мы выбросились вместе через звенящие мглы, и их теперь не отделить от меня. Я с этим примирился. Одно мне непонятно. Ты? Как ты отделился один от длинной цепи лун и фонарей? Как ты ушел от вечного покоя? Ведь ты был не один. О нет, вас много было! *(Бормочет.)* Ну, помяни, помяни, помяни, господи... а мы не будем вспоминать. *(Думает, стареет, поникает.)* На чем мы остановились? Да, итак, все это я сделал зря. *(Думает.)* А потом что было? Потом — просто мгла, и мы благополучно ушли. А потом зной, и все вертятся карусели каждый день, каждый день. Но ты, ловец, в какую даль проник за мной и вот меня поймал в мешок, как в невод? Не мучь же более меня! Пойми, что я решился. Клянусь. Вот.

Стук в дверь.

(Настороженно.) Кто там?

Серафима *(за дверью).* Это я.

Хлудов открывает дверь.

Можно войти? Простите.

Хлудов. Пожалуйста.

Серафима. Что, Роман Валерьянович, опять?

Хлудов. Что такое?

Серафима. С кем вы говорили? Что я вам велела? Кто в комнате кроме вас?

Хлудов. Никого нет. Вам послышалось. А впрочем, у меня есть манера разговаривать с самим собою. Надеюсь, что она никому не мешает, а?

Серафима *(садится на ковер против Хлудова).* Роман Валерьянович, вы тяжко больны. *(Пауза.)* Роман Валерьянович, вы слышите, вы тяжко больны. Два месяца я

живу за стеной и слышу по ночам ваше бормотанье. Вы думаете, что легко? В такие ночи я сама не сплю. А теперь уже и днем? Боже мой, бедный, бедный человек.

Хлудов. Прошу извиненья. Я достану вам другую комнату, но в этом же доме, чтобы вы были под моим надзором. Я часы продал, есть деньги. Светло в ней, и окна на Босфор. Особенного комфорта, конечно, предложить не могу. Вы сами видите — чепуха. Разгром. Войну проиграли. И выброшены. А почему проиграли? Вы знаете? *(Таинственно указывает за плечо.)* Мы-то с ним знаем! Мне самому неудобно с вами рядом. Но я должен держать слово. Я там, оказывается, всякие преступления совершал, и вообще...

Серафима. Роман Валерьянович! Дорогой!.. Вы помните тот день, когда уехал Голубков? Вы догнали меня и силой вернули. Помните?

Хлудов. Прошу извинения. Когда человек с ума сходит, я должен применять силу. Все вы ненормальные.

Серафима. Мне стало жаль вас, Роман Валерьянович, стало жаль, и из-за этого я вернулась. Неужели же вы думаете, что я стала бы вас обременять?

Хлудов. Мне няньки не нужны.

Серафима. Перестаньте раздражаться. Вы этим причиняете вред только самому себе.

Хлудов. Да, верно, верно. Я больше никому не могу причинить вреда... А помните, ночь, ставка... Хлудов — зверюга, Хлудов — шакал?

Серафима. Все прошло! Забудьте. И я забыла, и вы не вспоминайте.

Хлудов *(бормочет)*. Да и в самом деле... помяни, господи, а мы не будем вспоминать...

Серафима. Ну вот, Роман Валерьянович, я всю ночь думала, надо же на что-нибудь решаться. Скажите, до каких пор мы будем с вами этак сидеть?

Хлудов. А вот вернется Голубков, и сразу клубочек размотается. Я вас сдаю ему, и каждый тогда сам по себе, врассыпную. И кончено!.. Душный город!

Серафима. Ах, каким безумием было отпустить его тогда! Никогда себе этого не прощу! Ах, как я тоскую! Это Люська, Люська виновата, я обезумела от ее упреков! А теперь не сплю так же, как и вы, потому что он, наверное, пропал в скитаньях, а может быть, и умер!

Хлудов. Душный город! Тараканьи бега! Позорище русское! Все на меня валят, будто я ненормальный! А

зачем вы его отпустили? При чем тут я? В конце концов, он взрослый. Деньги там какие-то у этого, у вашего мужа?

Серафима. Нет у меня никакого мужа. Забыла его и проклинаю.

Хлудов. Я его в руках держал и выпустил. Ну, словом, что же делать теперь?

Серафима. Будем смотреть правде в глаза: пропал Сергей Павлович, пропал. И сегодня ночью я решила, вот казаков пустили домой, и я попрошусь, вернусь вместе с ними в Петербург. Я не могу здесь больше жить! Зачем я, сумасшедшая, поехала?

Хлудов. Умно. Очень. Умный человек, а? Большевикам вы ничего не сделали, можете возвращаться спокойно.

Серафима. Одного только я еще не знаю, одно меня только держит. Это — что будет с вами?

Хлудов *(таинственно манит ее пальцем. Она придвигается, и он говорит ей на ухо).* Сейчас у меня был военный совет, только вы молчите... Вам-то ничего, а за мной врангелевская разведка по пятам ходит, у них нюх... *(Шепотом.)* Я тоже поеду...

Серафима. Вы тайком хотите, под чужим именем?

Хлудов. Под своим именем. Явлюсь и скажу: я приехал, Хлудов.

Серафима. Безумный человек! Вы подумали о том, что вас сейчас же расстреляют!

Хлудов. Моментально! Мгновенно! А? Ситцевая рубашка, подвал, снег, готово! *(Оборачивается.)* И тает мое бремя... Смотрите, он ушел и стал вдали.

Серафима. А! Так вот вы о чем бормочете! Вы хотите смерти? Бедный человек... останьтесь здесь, быть может, вы вылечитесь?

Хлудов. Я совершенно здоров. Теперь мне все ясно. Не таракан, в ведрах плавать не стану. Я помню армии, бои, снега, столбы, а на столбах фонарики... Хлудов пройдет под фонариками!

Стук в дверь.

Кто там?

Серафима. Я сейчас, сейчас открою!

Открывает дверь, отшатывается. Входят Голубков и Чарнота. Оба они одеты одинаково в серые приличные костюмы и шляпы. В руках у Чарноты чемоданчик. Все четверо долго молчат.

Чарнота *(прерывая паузу)*. Здравствуйте. Что же вы молчите? Вы телеграмму получили?

Хлудов. Нет.

Чарнота. Сукин город. Здравствуй, Рома.

Хлудов. Вот. Вот они. Приехали. Все как надо. Отлично. Хорошо.

Голубков. Сима!.. Ну что, Сима?.. Здравствуй...

Серафима обнимает Голубкова и плачет беззвучно.

Хлудов *(морщась)*. Пойдем, Чарнота, поговорим.

Уходит с Чарнотой на балкон сквозь стеклянную дверь.

Голубков. Ну, не плачьте, не плачьте же, Серафима Владимировна! Вот я возвратился...

Серафима. Я думала, что вы погибли, и так тосковала! О, если бы вы знали!.. теперь для меня все ясно... Но все-таки я дождалась. Вы теперь никуда, Сережа, не поедете! Мы поедем вместе!

Голубков. Нет, нет, никуда без тебя! Конечно, никуда, ни за что! Все кончено, Сима. Мы сейчас все придумаем. Как же ты жила здесь, Сима, без меня? Ну, скажи мне хоть слово?

Серафима. Я измучилась, я два месяца не сплю. Как только вы уехали, я опомнилась и не могла простить себе, что я тебя отпустила! Все ночи сижу, смотрю в окно, на огни... и мне мерещится, что вы ходите по Парижу оборванные, голодные, босые... Я Хлудова нянчила, он больной... он очень страшный... *(Плачет.)*

Голубков. Не надо, Симочка, не надо!

Серафима. Что это было, Сережа, за эти полтора года? Сны? Объясни мне. Куда, зачем мы бежали? Фонари на перроне, черные мешки... потом зной!.. Я хочу опять на Караванную, я хочу опять увидеть снег! Я хочу все забыть, как будто ничего не было!

Голубков. Ничего, ничего не было, все мерещилось! Забудь, забудь! Пройдет месяц, мы доберемся, мы вернемся, и тогда пойдет снег, и наши следы заметет...

Серафима. Ты видел мужа моего?

Голубков. Видел. Забудь, не думай больше о нем. Его нет. *(Кричит негромко.)* Хлудов! Спасибо!

Хлудов *(выходит вместе с Чарнотой)*. Ну вот, все в порядке, а?

Чарнота. Эх, Роман, на что ты похож!

Хлудов. Деньги есть?

Чарнота. Да, деньги есть. Чарнота не нищий больше! Если тебе нужно, могу дать.

Хлудов. Нет, мне не нужно. *(Голубкову.)* И у тебя есть?

Голубков. Есть.

Хлудов. Так вот, заплатите здесь за квартиру. Ты ее любишь? А? Любишь? Искренний человек? Советую ехать, как она придумала. Теперь прощайте. *(Надевает шляпу.)*

Чарнота. Куда это, смею спросить?

Хлудов. Ночью идет пароход с казаками. Может быть, и я поеду с ними. Только молчите.

Голубков. Роман, одумайся, тебе это невозможно!

Серафима. Говорила уже, его не удержишь.

Хлудов *(Чарноте)*. Ну, а ты куда?

Чарнота. Я сюда вернулся, в Константинополь.

Хлудов. Серафима говорила, что город этот тебе не нравится.

Чарнота. Я заблуждался. Париж еще хуже. Так, сероватый город... Видел и Афины, и Марсель, но... пошлые города! Да и тут завязались связи, кое-какие знакомства... Надо же, чтобы и Константинополь кто-нибудь заселял.

Хлудов. Генерал Чарнота! Поедем со мной! А? Ты — человек смелый...

Чарнота. Постой, постой, постой! Только сейчас сообразил! Куда это? Ах, туда! Здорово задумано! Это что же, новый какой-нибудь хитроумный план у тебя созрел? Не зря ты генерального штаба! Или ответ едешь держать? А? Ну, так знай, Роман, что проживешь ты ровно столько, сколько потребуется тебя с парохода снять и довести до ближайшей стенки! Да и то под строжайшим караулом, чтобы тебя не разорвали по дороге. Ты, брат, большую память о себе оставил! Ну, а попутно с тобой и меня, раба божьего, поведут... Ну, а меня за что? Я зря казаков порубал? Верно. Кто, Ромочка, пошел на Карпову балку? Я! Я, Рома, обозы грабил? Да! Но фонарей у меня в тылу нет! Нет, Роман, от смерти я не бегал, но за смертью специально к большевикам не поеду! Дружески говорю, брось! Все кончено. Империю Российскую ты проиграл, а в тылу у тебя фонари!

Хлудов. Ты — проницательный человек, оказывается.

Чарнота. Но не идейный. Я равнодушен. Я на большевиков не сержусь. Победили и пусть радуются. Зачем я буду портить настроение своим появлением?

Внезапно ударило на вертушке семь часов, и хор с гармониками запел: «Жили двенадцать разбойников и Кудеяр-атаман...»

Ба! Слышите? Вот она! Заработала вертушка! Ну, прощай, Роман! Прощайте все! Развязала ты нас, судьба, кто в петлю, кто в Питер, а я как Вечный Жид отныне! Летучий Голландец я! Прощайте! *(Распахивает дверь на балкон.)*

Слышно, как хор поет: «Много разбойники пролили крови честных христиан...»

Вот она, заработала вертушка! Здравствуй вновь, тараканий царь Артур! Ахнешь ты сейчас, когда явится перед тобой во всей славе своей рядовой — генерал Чарнота! *(Исчезает.)*

Голубков. Ну, прощай, Роман Валерьянович.

Серафима. Прощайте. Я буду о вас думать, буду вас вспоминать.

Хлудов. Нет, ни в коем случае не делайте этого.

Голубков. Ах да, Роман, медальон... *(Подает Хлудову медальон.)*

Хлудов *(Серафиме).* Возьмите его на память. Возьмите, говорю.

Серафима *(берет медальон, обнимает Хлудова).* Прощайте.

Уходит вместе с Голубковым.

Хлудов *(один).* Избавился. Один. И очень хорошо. *(Оборачивается, говорит кому-то.)* Сейчас, сейчас... *(Пишет на бумаге несколько слов, кладет ее на стол, указывает на бумагу пальцем.)* Так? *(Радостно.)* Ушел! Бледнеет. Исчез! *(Подходит к двери на балкон, смотрит вдаль.)*

Хор поет: «Господу богу помолимся, древнюю быль возвестим...»

Поганое царство! Паскудное царство! Тараканьи бега!..

Вынимает револьвер из кармана и несколько раз стреляет по тому направлению, откуда доносится хор. Гармоники, рявкнув, умолкают. Хор прекратился. Послышались дальние крики. Хлудов последнюю пулю пускает себе в голову и падает ничком у стола. Темно.

Конец

Москва, 1937

КАБАЛА СВЯТОШ

(МОЛЬЕР)

Драма в четырех действиях

Rien ne manque à sa gloire,
Il manquait à la nôtre[1].

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Жан-Батист Поклен де Мольер, знаменитый драматург и актер.

Мадлена Бежар
Арманда Бежар де Мольер — актрисы.
Мариэтта Риваль

Шарль Варле де Лагранж, актер, по прозвищу «Регистр».
Захария Муаррон, знаменитый актер-любовник.
Филибер дю Круази, актер.
Жан-Жак Бутон, тушильщик свечей и слуга Мольера.
Людовик Великий, король Франции.
Маркиз д'Орсиньи, дуэлянт, по кличке «Одноглазый», «Помолись!».
Маркиз де Шаррон, архиепископ города Парижа.
Маркиз де Лессак, игрок.
Справедливый сапожник, королевский шут.
Шарлатан с клавесином.
Незнакомка в маске.
Отец Варфоломей, бродячий проповедник.

Брат Сила
Брат Верность — члены Кабалы Священного писания.

Ренэ, дряхлая нянька Мольера.
Монашка.
Суфлер.
Члены Кабалы Священного писания в масках и черных плащах.
Придворные.
Мушкетеры и другие.

Действие в Париже, в век Людовика XIV.

---

[1] Нет ничего, чего бы недоставало для его славы;
Его недоставало для нашей славы *(фр.)*.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

За занавесом слышен очень глухой раскат смеха тысячи людей. Занавес раскрывается — сцена представляет театр Пале-Рояль. Тяжелые занавесы. Зеленая афиша, с гербами и орнаментом. На ней крупно: «Комедианты Господина...» и мелкие слова. Зеркало. Кресло. Костюмы. На стыке двух уборных, у занавеса, которым они разделены, громадных размеров клавесин. Во второй уборной довольно больших размеров распятие, перед которым горит лампада. В первой уборной налево дверь, множество сальных свечей (свету, по-видимому, не пожалели). А во второй уборной на столе только фонарь с цветными стеклами.

На всем решительно, и на вещах, и на людях (кроме Лагранжа),— печать необыкновенного события, тревоги и волнения.

Лагранж, не занятый в спектакле, сидит в уборной, погруженный в думу. Он в темном плаще. Он молод, красив и важен. Фонарь на его лицо бросает таинственный свет. В первой уборной Бутон, спиной к нам, припал к щели в занавесе. И даже по спине его видно, что зрелище вызывает в нем чувство жадного любопытства. Рожа Шарлатана торчит в дверях. Шарлатан приложил руку к уху — слушает. Слышны взрывы смеха, затем финальный раскат хохота. Бутон схватывается за какие-то веревки, и звуки исчезают. Через мгновенье из разреза занавеса показывается Мольер и по ступенькам сбегает вниз в уборную. Шарлатан скромно исчезает.

На Мольере преувеличенный парик и карикатурный шлем. В руках палаш. Мольер загримирован Сганарелем — нос лиловый с бородавкой. Смешон. Левой рукой Мольер держится за грудь, как человек, у которого неладно с сердцем. Грим плывет с его лица.

Мольер *(сбрасывая шлем, переводя дух)*. Воды!

Бутон. Сейчас. *(Подает стакан.)*

Мольер. Фу! *(Пьет, прислушивается с испуганными глазами.)*

Дверь распахивается, вбегает загримированный Полишинелем дю Круази, глаза опрокинуты.

Дю Круази. Король аплодирует! *(Исчезает.)*

Суфлер *(в разрезе занавеса)*. Король аплодирует!

Мольер *(Бутону)*. Полотенце мне! *(Вытирает лоб, волнуется.)*

Мадлена *(в гриме появляется в разрезе занавеса)*. Скорее. Король аплодирует!

Мольер *(волнуясь).* Да, да, слышу. Сейчас. *(У занавеса крестится.)* Пречистая дева, пречистая дева. *(Бутону.)* Раскрывай всю сцену!

Бутон опускает сначала занавес, отделяющий от нас сцену, а затем громадный главный, отделяющий сцену от зрительного зала. И вот она одна видна нам в профиль. Она приподнята над уборными, пуста. Ярко сияют восковые свечи в люстрах. Зала не видно, видна лишь крайняя золоченая ложа, но она пуста. Чувствуется только таинственная, насторожившаяся синь чуть затемненного зала. Шарлатанское лицо моментально появляется в дверях. Мольер поднимается на сцену так, что мы видим его в профиль. Он идет кошачьей походкой к рампе, как будто подкрадывается, сгибает шею, перьями шляпы метет пол. При его появлении один невидимый человек в зрительном зале начинает аплодировать, а за этим из зала громовые рукоплескания. Потом тишина.

Мольер. Ваше... величество... Ваше величество. Светлейший государь... *(Первые слова он произносит чуть-чуть заикаясь — в жизни он немного заикается, — но потом его речь выравнивается, и с первых же слов становится понятно, что он на сцене первоклассен. Богатство его интонаций, гримас и движений неисчерпаемо. Улыбка его легко заражает.)* Актеры труппы Господина, всевернейшие и всеподданнейшие слуги ваши, поручили мне благодарить вас за ту неслыханную честь, которую вы оказали нам, посетив наш театр. И вот, сир... я вам ничего не могу сказать.

В зале порхнул легкий смешок и пропал.

Муза, муза моя, о лукавая Талия!
Всякий вечер, услышав твой крик,
При свечах в Пале-Рояле я...
Надеваю Сганареля парик.
Поклонившись по чину — пониже, —
Надо — платит партер тридцать су, —
Я, о сир, для забавы Парижа — *(пауза)*
Околесину часто несу.

В зале прошел смех.

Но сегодня, о муза комедии,
Ты на помощь ко мне спеши.
Ах, легко ли, легко ль в интермедии
Солнце Франции мне смешить.

В зале грянул аплодисмент.

Бутон. Ах, голова! Солнце придумал.

Шарлатан *(с завистью).* Когда он это сочинил?

Бутон *(высокомерно).* Никогда. Экспромт.

Шарлатан. Мыслимо ли это?

Бутон. Ты не сделаешь.

Мольер *(резко меняет интонацию).*

Вы несете для нас королевское бремя.
Я — комедиант,— ничтожная роль.
Но я славен уж тем, что играл в твое время,
Людовик!..
Великий!!. *(Повышает голос.)*
Французский!!. *(Кричит.)*
Король!!.

(Бросает шляпу в воздух.)

В зале начинается что-то невообразимое. Рев: «Да здравствует король!» Пламя свечей ложится. Бутон и Шарлатан машут шляпами, кричат, но слов их не слышно. В реве прорываются ломаные сигналы гвардейских труб. Лагранж стоит неподвижно у своего огня, сняв шляпу. Овация кончается, и настает тишина.

Голос Людовика *(из сини).* Благодарю вас, господин де Мольер.

Мольер. Всепослушнейшие слуги ваши просят вас посмотреть еще одну смешную интермедию, если только мы вам не надоели.

Голос Людовика. О, с удовольствием, господин де Мольер.

Мольер *(кричит).* Занавес.

Главный занавес закрывает зрительный зал, и за занавесом тотчас начинается музыка. Бутон закрывает и тот занавес, который отделяет сцену от нас, и она исчезает. Шарлатанское лицо скрывается.

Мольер *(появившись в уборной, бормочет).* Купил!.. Убью его и зарежу!..

Бутон. Кого бы он хотел зарезать в час триумфа?

Мольер *(схватывает Бутона за глотку).* Тебя!

Бутон *(кричит).* Меня душат на королевском спектакле!

Лагранж шевельнулся у огня, но опять застыл. На крик вбегают Мадлена и Риваль — почти совершенно голая, она переодевалась. Обе актрисы схватывают Мольера за штаны, оттаскивая от Бутона, причем Мольер лягает их ногами. Наконец Мольера отрывают с куском Бутонова кафтана. Мольера удается повалить в кресло.

Мадлена. Вы с ума сошли! В зале слышно.

Мольер. Пустите!

Риваль. Господин Мольер! *(Зажимает рот Мольеру.)*

Потрясенный Шарлатан заглядывает в дверь.

Бутон *(глядя в зеркало, ощупывает разорванный кафтан).* Превосходно сделано и проворно. *(Мольеру.)* В чем дело?

Мольер. Этот негодяй... Я не понимаю, зачем я держу при себе мучителя. Сорок раз играли, все было в порядке, а при короле свеча повалилась в люстре, воском каплет на паркет...

Бутон. Мэтр, вы сами выделывали смешные коленца и палашом повалили свечку.

Мольер. Врешь, бездельник!

Лагранж кладет голову на руки и тихо плачет.

Риваль. Он прав. Вы задели свечку шпагой.

Мольер. В зале смеются. Король удивлен...

Бутон. Король самый воспитанный человек во Франции и не заметил никакой свечки.

Мольер. Так я повалил? Я? Гм... Почему же в таком случае я на тебя кричал?

Бутон. Затрудняюсь ответить, сударь.

Мольер. Я, кажется, надорвал твой кафтан?

Бутон судорожно смеется.

Риваль. Боже, в каком я виде! *(Схватывает кафтан и, закрывшись им, улетает.)*

Дю Круази *(появился в разрезе занавеса с фонарем).* Госпожа Бежар, выход, выход, выход... *(Исчез.)*

Мадлена. Бегу. *(Убегает.)*

Мольер *(Бутону).* Возьми этот кафтан.

Бутон. Благодарю вас. *(Снимает кафтан и штаны, проворно надевает одни из штанов Мольера с кружевными канонами.)*

Мольер. Э... э... э... А штаны почему?

Бутон. Мэтр, согласитесь сами, что верхом безвкусицы было бы соединить такой чудный кафтан с этими гнусными штанами. Извольте глянуть: ведь это срам — штаны. *(Надевает и кафтан.)* Мэтр, в кармане обнаружены мною две серебряные монеты незначительного достоинства. Как прикажете с ними поступить?

Мольер. В самом деле. Я полагаю, мошенник, что лучше всего их сдать в музей. *(Поправляет грим.)*

Бутон. Я тоже. Я сдам. *(Прячет деньги.)* Ну, я пошел снимать нагар. *(Вооружается свечными щипцами.)*

Мольер. Попрошу со сцены не пялить глаз на короля.

Бутон. Кому вы это говорите, мэтр. Я тоже воспитан, потому что француз по происхождению.

Мольер. Ты француз по происхождению и болван по профессии.

Бутон. Вы по профессии — великий артист и грубиян — по характеру. *(Скрывается.)*

Мольер. Совершил я какой-то грех, и послал мне его господь в Лиможе.

Шарлатан. Господин директор. Господин директор.

Мольер. Ах да, с вами еще. Вот что, сударь... Это... Вы простите меня за откровенность — фокус второго разряда. Но партерной публике он понравится. Я выпущу вас в антракте в течение недели. Но все-таки, как вы это делаете?

Шарлатан. Секрет, господин директор.

Мольер. Ну, я узнаю. Возьмите несколько аккордов, только тихонько.

Шарлатан, загадочно улыбаясь, подходит к клавесину, садится на табуретку в некотором расстоянии от клавесина, делает такие движения в воздухе, как будто играет, и клавиши в клавесине вжимаются, клавесин играет нежно.

Мольер. Черт! *(Бросается к клавесину, стараясь поймать невидимые нити.)*

Шарлатан улыбается загадочно.

Мольер. Ну, хорошо. Получайте задаток. Где-то пружина, не правда ли?

Шарлатан. Клавесин останется на ночь в театре?

Мольер. Ну конечно. Не тащить же его вам домой.

Шарлатан кланяется и уходит.

Дю Круази *(выглянул с фонарем и книгой)*. Господин де Мольер. *(Скрывается.)*

Мольер. Да. *(Скрывается, и немедленно за его исчезновением доносится гул смеха.)*

Портьера, ведущая в уборную с зеленым фонарем, отодвигается, и возникает Арманда. Черты лица ее прелестны и напоминают Мадлену. Ей лет семнадцать. Хочет проскользнуть мимо Лагранжа.

Лагранж. Стоп.

Арманда. Ах, это вы, милый Регистр. Почему вы притаились здесь, как мышь? А я глядела на короля. Но я спешу.

Лагранж. Успеете. Он на сцене. Почему вы называете меня Регистр? Быть может, прозвище мне неприятно.

Арманда. Милый господин Лагранж. Вся труппа очень уважает вас и вашу летопись. Но если угодно, я перестану вас так называть.

Лагранж. Я жду вас.

Арманда. А зачем?

Лагранж. Сегодня 17-ое, и вот я поставил черный крестик в регистре.

Арманда. Разве случилось что-нибудь или кто-нибудь в труппе умер?

Лагранж. Нехороший черный вечер отмечен мной. Откажитесь от него.

Арманда. Господин де Лагранж, у кого вы получили право вмешиваться в мои дела?

Лагранж. Злые слова. Я умоляю вас, не выходите за него.

Арманда. Ах, вы влюблены в меня?

За занавесом глухо слышна музыка.

Лагранж. Нет, вы мне не нравитесь.

Арманда. Пропустите, сударь.

Лагранж. Нет. Вы не имеете права выйти за него. Вы так молоды. Взываю к лучшим вашим чувствам.

Арманда. У всех в труппе помутился ум, честное слово. Какое вам дело до этого?

Лагранж. Сказать вам не могу, но большой грех.

Арманда. А, сплетня о сестре. Слышала. Вздор. Да если бы у них и был роман, что мне до этого. *(Делает попытку отстранить Лагранжа и пройти.)*

Лагранж. Стоп. Откажитесь от него. Нет? Ну, так я вас заколю. *(Вынимает шпагу.)*

Арманда. Вы сумасшедший убийца. Я...

Лагранж. Что гонит вас к несчастью? Ведь вы не любите его, вы девочка, а он...

Арманда. Нет, я люблю...

Лагранж. Откажитесь.

Арманда. Регистр, я не могу. Я с ним в связи и... *(Шепчет Лагранжу на ухо.)*

Лагранж *(вкладывает шпагу).* Идите, больше не держу вас.

Арманда *(пройдя).* Вы—насильник. За то, что вы угрожали мне, вы будете противны мне.

Лагранж *(волнуясь).* Простите меня, я хотел вас спасти. Простите. *(Закутывается в плащ и уходит, взяв свой фонарь.)*

Арманда *(в уборной Мольера).* Чудовищно, чудовищно...

Мольер *(появляется).* А!

Арманда. Мэтр, весь мир ополчился на меня!

Мольер *(обнимает ее, и в то же мгновенье появляется Бутон).* А, черт возьми! *(Бутону.)* Вот что: пойди осмотри свечи в партере.

Бутон. Я только что оттуда.

Мольер. Тогда вот что: пойди к буфетчице и принеси мне графин вина.

Бутон. Я принес уже. Вот оно.

Мольер *(тихо).* Тогда вот что: пойди отсюда просто ко всем чертям, куда-нибудь.

Бутон. С этого прямо и нужно было начинать. *(Идет.)* Эх-хехе. *(От двери.)* Мэтр, скажите, пожалуйста, сколько вам лет?

Мольер. Что это значит?

Бутон. Конные гвардейцы меня спрашивали.

Мольер. Пошел вон.

Бутон уходит.

Мольер *(закрыв за ним двери на ключ).* Целуй меня.

Арманда *(повисает у него на шее).* Вот нос так уж нос. Под него не подлезешь.

Мольер снимает нос и парик, целует Арманду.

Арманда *(шепчет ему).* Ты знаешь, я... *(Шепчет ему что-то на ухо.)*

Мольер. Моя девочка... *(Думает.)* Теперь это не страшно. Я решился. *(Подводит ее к распятию.)* Поклянись, что любишь меня.

Арманда. Люблю, люблю, люблю...

Мольер. Ты не обманешь меня? Видишь ли, у меня уже появились морщины, я начинаю седеть. Я окружен врагами, и позор убьет меня...

Арманда. Нет, нет! Как можно это сделать.

Мольер. Я хочу жить еще один век! С тобой! Но не беспокойся, я за это заплачу, заплачу! Я тебя создам! Ты

станешь первой, будешь великой актрисой. Это мое мечтанье, и, стало быть, это так и будет. Но помни, если ты не сдержишь клятву, ты отнимешь у меня все.

Арманда. Я не вижу морщин на твоем лице. Ты так смел и так велик, что у тебя не может быть морщин. Ты — Жан...

Мольер. Я — Батист...

Арманда. Ты — Мольер! *(Целует его.)*

Мольер *(смеется, потом говорит торжественно).* Завтра мы с тобой обвенчаемся. Правда, мне много придется перенести из-за этого...

Послышался далекий гул рукоплесканий. В двери стучат.

Ах, что за жизнь!

Стук повторяется.

Дома, у Мадлены, нам сегодня нельзя будет встретиться. Поэтому сделаем вот как: когда театр погаснет, приходи к боковой двери, в саду, и жди меня, я проведу тебя сюда. Луны нет.

Стук превращается в грохот.

Бутон *(вопит за дверью).* Мэтр... мэтр...

Мольер открывает, и входят Бутон, Лагранж и Одноглазый в костюме Компании черных мушкетеров и с косой черной повязкой на лице.

Одноглазый. Господин де Мольер?

Мольер. Ваш покорнейший слуга.

Одноглазый. Король приказал мне вручить вам его плату за место в театре — тридцать су. *(Подает монеты на подушке.)*

Мольер целует монеты.

Но ввиду того, что вы трудились для короля сверх программы, он приказал мне передать вам доплату к билету за то стихотворение, которое вы сочинили и прочитали королю, — здесь пять тысяч ливров. *(Подает мешок.)*

Мольер. О, король! *(Лагранжу.)* Мне пятьсот ливров, а остальное раздели поровну между актерами труппы и раздай на руки.

Лагранж. Благодарю вас от имени актеров. *(Берет мешок и уходит.)*

Вдали полетел победоносный гвардейский марш.

Мольер. Простите, сударь, король уезжает. *(Убегает.)*

Одноглазый *(Арманде).* Сударыня, я очень сча-

стлив, что случай... Кх, кх... дал мне возможность... Капитан Компании черных мушкетеров, д'Орсиньи.

Арманда *(приседая)*. Арманда Бежар. Вы — знаменитый фехтовальщик, который может каждого заколоть?

Одноглазый. Кх... кх... Вы, сударыня, без сомнения, играете в этой труппе?

Бутон. Началось. О, мой легкомысленный мэтр.

Одноглазый *(с удивлением глядя на кружева на штанах Бутона)*. Вы мне что-то сказали, почтеннейший?

Бутон. Нет, сударь.

Одноглазый. Стало быть, у вас привычка разговаривать с самим собой?

Бутон. Именно так, сударь. Вы знаете, одно время я разговаривал во сне.

Одноглазый. Что вы говорите?

Бутон. Ей-богу. И,— какой курьез, вообразите...

Одноглазый. Что за черт такой! Помолись... *(Арманде.)* Ваше лицо, сударыня...

Бутон *(втираясь)*. Дико кричал во сне. Восемь лучших врачей в Лиможе лечили меня...

Одноглазый. И они помогли вам, надеюсь?

Бутон. Нет, сударь. В три дня они сделали мне восемь кровопусканий, после чего я лег и оставался неподвижен, ежеминутно приобщаясь святых тайн.

Одноглазый *(тоскливо)*. Вы оригинал, любезнейший. Помолись. *(Арманде.)* Я льщу себя, сударыня... Кто это такой?

Арманда. Ах, сударь, это тушильщик свечей — Жан-Жак Бутон.

Одноглазый *(с укором)*. Милейший, в другой раз как-нибудь я с наслаждением прослушаю о том, как вы орали во сне.

Мольер входит.

Одноглазый. Честь имею кланяться. Бегу догонять короля.

Мольер. Всего лучшего.

Одноглазый уходит.

Арманда. До свиданья, мэтр.

Мольер *(провожая ее)*. Луны нет, я буду ждать. *(Бутону.)* Попроси ко мне госпожу Мадлену Бежар. Гаси огни, ступай домой.

Бутон уходит. Мольер переодевается. Мадлена, разгримированная, входит.

Мольер. Мадлена, есть очень важное дело.

Мадлена берется за сердце, садится.

Мольер. Я хочу жениться.

Мадлена *(мертвым голосом)*. На ком?

Мольер. На твоей сестре.

Мадлена. Умоляю, скажи, что ты шутишь.

Мольер. Бог с тобой.

Огни в театре начинают гаснуть.

Мадлена. А я?

Мольер. Что же, Мадлена, мы связаны прочнейшей дружбой, ты верный товарищ, но ведь любви между нами давно нет...

Мадлена. Ты помнишь, как двадцать лет назад ты сидел в тюрьме. Кто приносил тебе пищу?

Мольер. Ты.

Мадлена. А кто ухаживал за тобой в течение двадцати лет?

Мольер. Ты, ты.

Мадлена. Собаку, которая всю жизнь стерегла дом, никто не выгонит. Ну, а ты, Мольер, можешь выгнать. Страшный ты человек, Мольер, я тебя боюсь.

Мольер. Не терзай меня. Страсть охватила меня.

Мадлена *(вдруг становится на колени, подползает к Мольеру)*. А? А все же... измени свое решение, Мольер. Сделаем так, как будто этого разговора не было. А? Пойдем домой, ты зажжешь свечи, я приду к тебе... Ты почитаешь мне третий акт «Тартюфа». А? *(Заискивающе.)* По-моему, это вещь гениальная... А если тебе понадобится посоветоваться, с кем посоветуешься, Мольер, ведь она девчонка... Ты, знаешь ли, постарел, Жан-Батист, вон у тебя висок седой... Ты любишь грелку. Я тебе все устрою... Вообрази, свеча горит... Камин зажжем, и все будет славно. А если, если уж ты не можешь, о, я знаю тебя... Посмотри на Риваль... Разве она плоха? Какое тело!.. А? Я ни слова не скажу...

Мольер. Одумайся. Что ты говоришь. Какую роль на себя берешь. *(Вытирает тоскливо пот.)*

Мадлена *(поднимаясь, в исступлении)*. На ком угодно, только не на Арманде! О, проклятый день, когда я привезла ее в Париж.

Мольер. Тише, Мадлена, тише, прошу тебя. *(Шепотом.)* Я должен жениться на ней... Поздно. Обязан. Поняла?

Мадлена. Ах вот что. Мой бог, бог! *(Пауза.)* Больше не борюсь, сил нет. Я отпускаю тебя. *(Пауза.)* Мольер, мне тебя жаль.

Мольер. Ты не лишишь меня дружбы?

Мадлена. Не подходи ко мне, умоляю. *(Пауза.)* Ну, так — из труппы я ухожу.

Мольер. Ты мстишь?

Мадлена. Бог видит, нет. Сегодня был мой последний спектакль. Я устала... *(Улыбается.)* Я буду ходить в церковь...

Мольер. Ты непреклонна. Театр даст тебе пенсию. Ты заслужила.

Мадлена. Да.

Мольер. Когда твое горе уляжется, я верю, что ты вернешь мне расположение и будешь видеться со мной.

Мадлена. Нет.

Мольер. Ты и Арманду не хочешь видеть?

Мадлена. Арманду буду видеть. Арманда ничего не должна знать. Понял? Ничего.

Мольер. Да.

Огни всюду погасли.

Мольер *(зажигает фонарь)*. Поздно, пойдем, я доведу тебя до твоего дома.

Мадлена. Нет, благодарю, не надо. Позволь мне несколько минут посидеть у тебя...

Мольер. Но ты...

Мадлена. Скоро уйду, не беспокойся. Уйди.

Мольер *(закутывается в плащ)*. Прощай. *(Уходит.)*

Мадлена сидит у лампады, думает, бормочет. Сквозь занавес показывается свет фонаря, идет Лагранж.

Лагранж *(важным голосом)*. Кто остался в театре после спектакля? Кто здесь? Это вы, госпожа Бежар? Случилось, да? Я знаю.

Мадлена. Я думаю, Регистр.

Пауза.

Лагранж. И у вас не хватило сил сознаться ему?

Мадлена. Поздно. Она живет с ним и беременна. Теперь уже нельзя сказать. Пусть буду несчастна одна я,

а не трое. *(Пауза.)* Вы — рыцарь, Варле, и вам одному я сказала тайну.

Лагранж. Госпожа Бежар, я горжусь вашим доверием. Я пытался остановить ее, но мне это не удалось. Никто никогда не узнает. Пойдемте, я провожу вас.

Мадлена. Нет, благодарю, я хочу думать одна. *(Поднимается.)* Варле, *(улыбается)* я покинула сегодня сцену. Прощайте. *(Идет.)*

Лагранж. А все же я провожу?

Мадлена. Нет. Продолжайте ваш обход. *(Скрывается.)*

Лагранж *(подходит к тому месту, где сидел вначале, ставит на стол фонарь, освещается зеленым светом, раскрывает книгу, говорит и пишет).* «Семнадцатого февраля. Был королевский спектакль. В знак чести рисую лилию. После спектакля во тьме я застал госпожу Мадлену Бежар в мучениях. Она сцену покинула...» *(Кладет перо.)* Причина? Ужасное событие — Жан-Батист Поклен де Мольер, не зная, что Арманда не сестра, а дочь госпожи Мадлены Бежар, женился на ней, совершив смертный грех... Этого писать нельзя, но в знак ужаса ставлю черный крест. И никто из потомков никогда не догадается. Семнадцатому — конец.

Берет фонарь и уходит, как темный рыцарь. Некоторое время мрак и тишина, затем в щелях клавесина появляется свет, слышен музыкальный звон в замках. Крышка приподымается, и из клавесина выходит, воровски оглядываясь, Муаррон. Это мальчишка лет пятнадцати, с необыкновенно красивым, порочным и измученным лицом. Оборван, грязен.

Муаррон. Ушли. Ушли. Чтоб вас черти унесли, дьяволы, черти... *(Хнычет.)* Я несчастный мальчик, грязный... не спал два дня... Я никогда не сплю... *(Всхлипывает, ставит фонарь, падает, засыпает.)*

Пауза. Потом плывет свет фонарика и, крадучись, Мольер ведет Арманду. Она в темном плаще. Арманда взвизгивает. Муаррон мгновенно просыпается, на лице у него ужас, трясется.

Мольер *(грозно).* Сознавайся, кто ты такой?

Муаррон. Господин директор, не колите меня, я не вор, я Захария, несчастный Муаррон...

Мольер *(расхохотавшись).* Понял! Ах, шарлатан окаянный...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Приемная короля. Множество огней повсюду. Белая лестница, уходящая неизвестно куда. За карточным столом Маркиз де Лессак играет в карты с Людовиком. Толпа придворных, одетая с необыкновенной пышностью, следит за де Лессаком. Перед тем груда золота, золотые монеты валяются и на ковре. Пот течет с лица у де Лессака. Сидит один Людовик, все остальные стоят. Все без шляп. На Людовике костюм белого мушкетера, лихо заломленная шляпа с пером, на груди орденский крест, золотые шпоры, меч; за креслом стоит Одноглазый, ведет игру короля. Тут же неподвижно стоит мушкетер с мушкетом, не спускает с Людовика глаз.

Де Лессак. Три валета, три короля.

Людовик. Скажите пожалуйста.

Одноглазый *(внезапно)*. Виноват, сир. Крапленые карты, помолись!

Придворные оцепенели. Пауза.

Людовик. Вы пришли ко мне играть краплеными картами?

Де Лессак. Так точно, ваше величество. Обнищание моего имения...

Людовик *(Одноглазому)*. Скажите, маркиз, как я должен поступить по карточным правилам в таком странном случае?

Одноглазый. Сир, вам надлежит ударить его по физиономии подсвечником. Это во-первых...

Людовик. Какое неприятное правило. *(Берясь за канделябр.)* В этом подсвечнике фунтов пятнадцать. Я полагаю, легкие бы надо ставить.

Одноглазый. Разрешите мне.

Людовик. Нет, не затрудняйтесь. А во-вторых, вы говорите...

Придворные *(хором — их взорвало)*. Обругать его как собаку.

Людовик. А! Отлично! Будьте любезны, пошлите за ним, где он.

Придворные бросаются в разные стороны.

Голоса: «Сапожника, Справедливого сапожника требует король».

Людовик *(де Лессаку)*. А скажите, как это делается?

Де Лессак. Ногтем, ваше величество. На дамах, например, я нулики поставил.

Людовик *(с любопытством)*. А на валетах?

Де Лессак. Косые крестики, сир.

Людовик. Чрезвычайно любопытно. А как закон смотрит на эти действия?

Де Лессак *(подумав)*. Отрицательно, ваше величество.

Людовик *(участливо)*. И что же вам могут сделать за это?

Де Лессак *(подумав)*. В тюрьму могут посадить.

Справедливый сапожник *(входит с шумом)*. Иду, бегу, лечу, вошел. Вот я. Ваше величество, здравствуйте. Великий монарх, что произошло? Кого надо обругать?

Людовик. Справедливый сапожник, вот маркиз сел играть со мной краплеными картами.

Справедливый сапожник *(подавлен. Де Лессаку)*. Да ты... Да ты что... Да ты... спятил, что ли... Да за это при игре в три листика на рынке морду бьют. Хорошо я его отделал, государь?

Людовик. Спасибо.

Справедливый сапожник. Я яблочко возьму?

Людовик. Пожалуйста, возьми. Маркиз де Лессак, берите ваш выигрыш.

Де Лессак набивает золотом карманы.

Справедливый сапожник *(расстроен)*. Ваше величество, да что же это... да вы смеетесь...

Людовик *(в пространство)*. Герцог, если вам не трудно, посадите маркиза де Лессака на один месяц в тюрьму. Дать ему туда свечку и колоду карт — пусть рисует на ней крестики и нулики. Затем отправить его в имение — вместе с деньгами. *(Де Лессаку.)* Приведите его в порядок. И еще: в карты больше не садитесь играть, у меня предчувствие, что вам не повезет в следующий раз.

Де Лессак. О, сир...

Голос: «Стража!» Де Лессака уводят.

Справедливый сапожник. Вылетай из дворца!

Одноглазый. К-каналья.

Камердинеры засуетились, и перед Людовиком, словно из-под земли, появился стол с одним прибором.

Шаррон *(возник у камина)*. Ваше величество, разрешите мне представить вам бродячего проповедника, отца Варфоломея.

Людовик *(начиная есть)*. Люблю всех моих подданных, в том числе и бродячих. Представьте мне его, архиепископ.

Еще за дверью слышится странное пение. Дверь открывается, и появляется отец Варфоломей. Во-первых, он босой, во-вторых, лохмат, подпоясан веревкой, глаза безумные.

Варфоломей *(приплясывая, поет)*. Мы полоумны во Христе!

Удивлены все, кроме Людовика. Брат Верность — постная физиономия с длинным носом, в темном кафтане — выделяется из толпы придворных и прокрадывается к Шаррону.

Одноглазый *(глядя на Варфоломея, тихо)*. Жуткий мальчик, помолись!

Варфоломей. Славнейший царь мира. Я пришел к тебе, чтобы сообщить, что у тебя в государстве появился антихрист.

У придворных на лицах отупение.

Безбожник, ядовитый червь, грызущий подножие твоего трона, носит имя Жан-Батист Мольер. Сожги его, вместе с его богомерзким творением «Тартюф», на площади. Весь мир верных сыновей церкви требует этого.

Брат Верность при слове «требует» схватился за голову. Шаррон изменился в лице.

Людовик. Требует? У кого же он требует?

Варфоломей. У тебя, государь.

Людовик. У меня? Архиепископ, у меня тут что-то требуют.

Шаррон. Простите, государь. Он, очевидно, помешался сегодня. А я не знал. Это моя вина.

Людовик *(в пространство)*. Герцог, если не трудно, посадите отца Варфоломея на три месяца в тюрьму.

Варфоломей *(кричит)*. Из-за антихриста страдаю!

Движение — и отец Варфоломей исчезает так, что его как будто и не было. Людовик ест.

Людовик. Архиепископ, подойдите ко мне. Я хочу с вами говорить интимно.

Придворные всей толпой отступают на лестницу. Отступает мушкетер, и Людовик наедине с Шарроном.

Он — полоумный?

Шаррон *(твердо)*. Да, государь, он полоумный, но у него сердце истинного служителя бога.

Людовик. Архиепископ, вы находите этого Мольера опасным?

Шаррон *(твердо)*. Государь, это сатана.

Людовик. Гм. Вы, значит, разделяете мнение Варфоломея?

Шаррон. Да, государь, разделяю. Сир, выслушайте меня. Безоблачное и победоносное царствование ваше не омрачено ничем, и ничем не будет омрачено, пока вы будете любить.

Людовик. Кого?

Шаррон. Бога.

Людовик *(сняв шляпу)*. Я люблю его.

Шаррон *(подняв руку)*. Он — там, вы — на земле, и больше нет никого.

Людовик. Да.

Шаррон. Государь, нет пределов твоей мощи, и никогда не будет, пока свет религии почиет над твоим государством.

Людовик. Люблю религию.

Шаррон. Так, государь, я, вместе с блаженным Варфоломеем, прошу тебя — заступись за нее.

Людовик. Вы находите, что он оскорбил религию?

Шаррон. Так, государь.

Людовик. Дерзкий актер талантлив. Хорошо, архиепископ, я заступлюсь... Но... *(понизив голос)* я попробую исправить его, он может служить к славе царствования. Но если он совершит еще одну дерзость, я накажу. *(Пауза.)* Этот — блаженный ваш — он любит короля?

Шаррон. Да, государь.

Людовик. Архиепископ, выпустите монаха через три дня, но внушите ему, что, разговаривая с королем Франции, нельзя произносить слово «требует».

Шаррон. Да благословит тебя бог, государь, и да опустит он твою карающую руку на безбожника.

Голос: «Слуга вашего величества, господин де Мольер».

Людовик. Пригласить.

Мольер *(входит, издали кланяется Людовику, проходит при величайшем внимании придворных. Он очень постарел, лицо больное, серое)*. Сир!

Людовик. Господин де Мольер, я ужинаю, вы не в претензии?

Мольер. О, сир.

Людовик. А вы со мной? *(В пространство.)* Стул, прибор.

Мольер *(бледнея).* Ваше величество, этой чести я принять не могу. Увольте.

Стул появляется, и Мольер садится на краешек его.

Людовик. Как относитесь к цыпленку?

Мольер. Любимое мое блюдо, государь. *(Умоляюще.)* Разрешите встать.

Людовик. Кушайте. Как поживает мой крестник?

Мольер. К великому горю моему, государь, ребенок умер.

Людовик. Как, и второй?

Мольер. Не живут мои дети, государь.

Людовик. Не следует унывать.

Мольер. Ваше величество, во Франции не было случая, чтобы кто-нибудь ужинал с вами. Я беспокоюсь.

Людовик. Франция, господин де Мольер, перед вами в кресле. Она ест цыпленка и не беспокоится.

Мольер. О, сир, только вы один в мире можете сказать так.

Людовик. Скажите, чем подарит короля в ближайшее время ваше талантливое перо?

Мольер. Государь... то, что может... послужить... *(Волнуется.)*

Людовик. Остро пишете. Но следует знать, что есть темы, которых надо касаться с осторожностью. А в вашем «Тартюфе» вы были, согласитесь, неосторожны. Духовных лиц надлежит уважать. Я надеюсь, что мой писатель не может быть безбожником?

Мольер *(испуганно).* Помилуйте... ваше величество...

Людовик. Твердо веря в то, что в дальнейшем ваше творчество пойдет по правильному пути, я вам разрешаю играть в Пале-Рояле вашу пьесу «Тартюф».

Мольер *(приходит в странное состояние).* Люблю тебя, король! *(В волнении.)* Где архиепископ де Шаррон? Вы слышите? Вы слышите?

Людовик встает.
Голос: «Королевский ужин окончен».

Людовик *(Мольеру).* Сегодня вы будете стелить мне постель.

Мольер схватывает со стола два канделябра и идет впереди. За ним пошел Людовик, и как будто подул ветер — все перед ними расступается.

Мольер *(кричит монотонно).* Дорогу королю, дорогу королю! *(Поднявшись на лестницу, кричит в пустоту.)* Смотрите, архиепископ, вы меня не тронете! Дорогу королю! *(Наверху загремели трубы.)* Разрешен «Тартюф»! *(Скрывается с Людовиком.)*

Исчезают все придворные, и на сцене остаются только Шаррон и брат Верность; оба черны.

Шаррон *(у лестницы).* Нет. Не исправит тебя король. Всемогущий бог, вооружи меня и поведи по стопам безбожника, чтобы я его настиг! *(Пауза.)* И упадет с этой лестницы! *(Пауза.)* Подойдите ко мне, брат Верность.

Брат Верность подходит к Шаррону.

Шаррон. Брат Верность, вы что же это? Полоумного прислали? Я вам поверил, что он произведет впечатление на государя.

Брат Верность. Кто же знал, что он произнесет слово «требует».

Шаррон. Требует!

Брат Верность. Требует!!

Пауза.

Шаррон. Вы нашли женщину?

Брат Верность. Да, архиепископ, все готово. Она послала записку и привезет его.

Шаррон. Поедет ли он?

Брат Верность. За женщиной? О, будьте уверены.

Наверху лестницы показывается Одноглазый. Шаррон и брат Верность исчезают.

Одноглазый *(веселится в одиночестве).* Ловил поп антихриста, поймал... три месяца тюрьмы. Истинный бог, помо...

Справедливый сапожник *(появившись из-под лестницы).* Ты, Помолись?

Одноглазый. Ну, скажем, я. Ты можешь называть меня просто маркиз д'Орсиньи. Что тебе надо?

Справедливый сапожник. Тебе записка.

Одноглазый. От кого?

Справедливый сапожник. Кто ж ее знает, я ее в парке встретил, а сама она в маске.

Одноглазый *(читая записку).* Гм... Какая же это женщина?

Справедливый сапожник *(изучая записку).* Я думаю, легкого поведения.

Одноглазый. Почему?

Справедливый сапожник. Потому что записки пишет.

Одноглазый. Дурак.

Справедливый сапожник. Чего ж ты лаешься?

Одноглазый. Сложена хорошо?

Справедливый сапожник. Ну, это ты сам узнаешь.

Одноглазый. Ты прав. *(Уходит задумчиво.)*

Огни начинают гаснуть, и у дверей, как видения, появляются темные мушкетеры. Голос вверху лестницы протяжно: «Король спит». Другой голос в отдалении: «Король спит!» Третий голос в подземелье таинственно: «Король спит».

Справедливый сапожник. Усну и я.

Ложится на карточный стол, закутывается в портьеру с гербами так, что торчат только его чудовищные башмаки. Дворец расплывается в темноте и исчезает...

...и возникает квартира Мольера. День. Клавесин открыт. Муаррон, пышно разодетый, очень красивый человек лет двадцати двух, играет нежно. Арманда в кресле слушает, не спуская с него глаз. Муаррон кончил пьесу.

Муаррон. Что вы, маменька, скажете по поводу моей игры?

Арманда. Господин Муаррон, я просила уже вас не называть меня маменькой.

Муаррон. Во-первых, сударыня, я не Муаррон, а господин де Муаррон. Вон как. Хе-хе. Хо-хо.

Арманда. Уж не в клавесине ли сидя вы получили титул?

Муаррон. Забудем клавесин. Он покрылся пылью забвения. Это было давно. Ныне же я знаменитый актер, которому рукоплещет Париж. Хе-хе. Хо-хо.

Арманда. И я вам советую не забывать, что этим вы обязаны моему мужу. Он вытащил вас за грязное ухо из клавесина.

Муаррон. Не за ухо, а за не менее грязные ноги. Отец — пристойная личность, нет слов, но ревнив, как сатана, и характера ужасного.

Арманда. Могу поздравить моего мужа. Изумительного наглеца он усыновил.

Муаррон. Нагловат я, верно, это правильно... Такой характер у меня... Но актер... Нет равного актера в Париже. *(Излишне веселится, как человек, накликающий на себя беду.)*

Арманда. Ах, нахал! А Мольер?

Муаррон. Ну... чего ж говорить... Трое и есть: мэтр да я.

Арманда. А третий кто?

Муаррон. Вы, мама. Вы, моя знаменитая актриса. Вы Психея. *(Тихо аккомпанирует себе, декламирует.)* Весной в лесах... летает бог...

Арманда *(глухо)*. Отодвинься от меня.

Муаррон *(левой рукой обнимает Арманду, правой аккомпанирует)*. Как строен стан... Амур герой...

Арманда. Несет колчан... грозит стрелой... *(Тревожно.)* Где Бутон?

Муаррон. Не бойся, верный слуга на рынке.

Арманда *(декламирует)*. Богиня Венера послала любовь. Прильни, мой любовник, вспени мою кровь.

Муаррон поднимает край ее платья, целует ногу.

(Вздрагивает, закрывает глаза.) Негодяй. *(Тревожно.)* Где Ренэ?

Муаррон. Старуха в кухне. *(Целует другое колено.)* Мама, пойдем ко мне в комнату.

Арманда. Ни за что, девой пречистой клянусь.

Муаррон. Пойдем ко мне.

Арманда. Ты самый опасный человек в Париже. Будь неладен час, когда тебя откопали в клавесине.

Муаррон. Мама, идем...

Арманда. Девой клянусь, нет. *(Встает.)* Не пойду. *(Идет, скрывается с Муарроном за дверью.)*

Муаррон закрывает дверь на ключ.

Арманда. Зачем, зачем ты закрываешь дверь? *(Глухо.)* Ты меня погубишь...

Пауза.

Бутон *(входит с корзиной овощей, торчат хвосты моркови, прислушивается, ставит корзину на пол)*. Странно... *(Снимает башмаки, крадется к двери, слушает.)* Ах, разбойник... Но, господа, я здесь ни при чем... ничего не видел, не слышал и не знаю... Царь небесный, он идет. *(Скрывается, оставив на полу корзину и башмаки.)*

Входит Мольер, кладет трость и шляпу, недоуменно смотрит на башмаки.

Мольер. Арманда!

Ключ в замке мгновенно поворачивается. Мольер устремляется в дверь. Арманда вскрикивает за дверью, шум за дверью, затем выбегает Муаррон, держит свой парик в руке.

Муаррон. Да как вы смеете?

Мольер *(выбегая за ним)*. Мерзавец! *(Задыхаясь.)* Не верю, не верю глазам... *(Опускается в кресло. Ключ в замке поворачивается.)*

Арманда *(за дверью)*. Жан-Батист, опомнись!

Бутон заглянул в дверь и пропал.

Мольер *(погрозив кулаком двери)*. Так ты, значит, ел мой хлеб и за это меня обесчестил?

Муаррон. Вы смели меня ударить! Берегитесь! *(Берется за рукоятку шпаги.)*

Мольер. Брось сейчас же рукоятку, гадина.

Муаррон. Вызываю вас!

Мольер. Меня? *(Пауза.)* Вон из моего дома.

Муаррон. Вы безумный, вот что, отец. Прямо Сганарель.

Мольер. Бесчестный бродяга. Я тебя отогрел, но я же тебя и ввергну в пучину. Будешь ты играть на ярмарках, Захария Муаррон, с сегодняшнего числа ты в труппе Пале-Рояля не служишь. Иди.

Муаррон. Как, вы гоните меня из труппы?

Мольер. Уходи, усыновленный вор.

Арманда *(за дверью, отчаянно)*. Мольер!

Муаррон *(теряясь)*. Отец, вам померещилось, мы репетировали Психею... своего текста не знаете... Что же это вы разбиваете мою жизнь?

Мольер. Уходи, или я действительно ткну тебя шпагой.

Муаррон. Так. *(Пауза.)* В высокой мере интересно знать, кто же это будет играть Дон Жуана? Уж не Лагранж ли? Хо-хо. *(Пауза.)* Но смотрите, господин де Мольер, не раскайтесь в вашем безумии. *(Пауза.)* Я, господин де Мольер, владею вашей тайной.

Мольер рассмеялся.

Муаррон. Госпожу Мадлену Бежар вы забыли? Да? Она при смерти... Все молится... А между тем, сударь, во Франции есть король.

Мольер. Презренный желторотый лгун, что ты несешь?

Муаррон. Несешь? Прямо отсюда отправлюсь я к архиепископу.

Мольер *(рассмеялся)*. Ну, спасибо измене. Узнал я тебя. Но имей в виду, что если до этих твоих слов мое сердце еще могло смягчиться, после них — никогда... Ступай, жалкий дурак.

Муаррон *(из двери)*. Сганарель проклятый!

Мольер хватает со стены пистолет, и Муаррон исчезает.

Мольер *(трясет дверь, потом говорит в замочную скважину)*. Уличная женщина.

Арманда громко зарыдала за дверью.

Мольер. Бутон!

Бутон *(в чулках)*. Я, сударь.

Мольер. Сводник!

Бутон. Сударь...

Мольер. Почему здесь башмаки?!

Бутон. Это, сударь...

Мольер. Лжешь, по глазам вижу, что лжешь!

Бутон. Сударь, чтобы налгать, нужно хоть что-нибудь сказать. А я еще ничего не произнес. Башмаки я снял, ибо... Гвозди изволите видеть? Подкованные башмаки, будь они прокляты... так я, изволите ли видеть, громыхал ногами, а они репетировали и от меня двери на ключ заперли...

Арманда *(за дверью)*. Да!

Мольер. Овощи при чем?

Бутон. А овощи вообще не участвуют. Ни при чем. Я их с базара принес. *(Надевает башмаки.)*

Мольер. Арманда! *(Молчание. Говорит в скважину.)* Ты что же, хочешь, чтобы я умер? У меня больное сердце.

Бутон *(в скважину)*. Вы что, хотите, чтобы он умер?.. У него больное сердце...

Мольер. Пошел вон! *(Ударяет ногой по корзине.)*

Бутон исчезает.

Арманда!.. *(Садится у двери на скамеечку.)* Потерпи еще немного, я скоро освобожу тебя. Я не хочу умирать в одиночестве, Арманда.

Арманда выходит заплаканная.

Мольер. А ты можешь поклясться?

Арманда. Клянусь.

Мольер. Скажи мне что-нибудь.

Арманда *(шмыгая носом)*. Такой драматург, а дома, дома... Я не понимаю, как в тебе это может уживаться? Как? Что ты наделал? Скандал на весь Париж. Зачем ты выгнал Муаррона?

Мольер. Да, верно. Ужасный срам! Но ведь он, ты знаешь, негодяй, змееныш... ох, порочный, порочный мальчик, и я боюсь за него. Действительно, от отчаяния он начнет шляться по Парижу, а я его ударил... ох, как неприятно...

Арманда. Верни Муаррона, верни.

Мольер. Пусть один день походит, а потом я его верну.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Каменный подвал, освещенный трехсвечной люстрой. В нише мерцает святая чаша. Стол, покрытый красным сукном, на нем Библия и какие-то рукописи. За столом сидят члены Кабалы Священного писания в масках. В кресле отдельно, без маски, сидит Шаррон. Дверь открывается, и двое в черном — люди жуткого вида — вводят Муаррона со связанными руками и с повязкой на глазах. Руки ему развязывают, повязку снимают.

Муаррон. Куда меня привели?

Шаррон. Это все равно, сын мой. Ну, повторяй при собрании этих честных братьев свой донос.

Муаррон молчит.

Брат Сила. Ты немой?

Муаррон. Кх... я... святой архиепископ... неясно тогда расслышал, и... я, пожалуй, лучше ничего не буду говорить.

Шаррон. Похоже, сын мой, что ты мне сегодня утром наклеветал на господина Мольера.

Муаррон молчит.

Брат Сила. Отвечай, грациозная дрянь, архиепископу.

Молчание.

Шаррон. С прискорбием вижу я, сын мой, что ты наклеветал.

Брат Сила. Врать вредно, дорогой актер. Придется

тебе сесть в тюрьму, красавчик, где ты долго будешь кормить клопов. А делу мы все равно ход дадим.

Муаррон *(хрипло)*. Я не клеветал.

Брат Сила. Не тяни из меня жилы, рассказывай.

Муаррон молчит.

Брат Сила. Эй!

Из двери выходят двое, еще более неприятного вида, чем те, которые Муаррона привели.

Брат Сила *(глядя на башмаки Муаррона)*. А у тебя красивые башмаки, но бывают и еще красивее. *(Заплечным мастерам.)* Принесите сюда испанский сапожок.

Муаррон. Не надо. Несколько лет тому назад я, мальчишкой, сидел в клавесине у Шарлатана.

Брат Сила. Зачем же тебя туда занесло?

Муаррон. Я играл на внутренней клавиатуре. Это такой фокус, будто бы самоиграющий клавесин.

Брат Сила. Ну-с.

Муаррон. В клавесине... Нет, не могу, святой отец... я был пьян сегодня утром, я забыл, что я сказал вам.

Брат Сила. В последний раз прошу тебя не останавливаться.

Муаррон. И... ночью слышал, как голос сказал, что господин де Мольер... женился... не на сестре... Мадлены Бежар, а на ее дочери...

Брат Сила. Другими словами, мое сердечко, ты хочешь сказать, что Мольер женился на своей собственной дочери?

Муаррон. Святой отец, я этого не говорю.

Брат Сила. Но я это говорю. Ты ведь знаешь, что Мольер жил двадцать лет с госпожой Мадленой Бежар? Так чей же это был голос?

Муаррон. Я полагаю, что он мне пригрезился.

Брат Сила. Ну вот, чей пригрезился тебе?

Муаррон. Актера Лагранжа.

Шаррон. Ну, довольно, спасибо тебе, друг. Ты честно исполнил свой долг. Не терзайся. Всякий верный подданный короля и сын церкви за честь должен считать донести о преступлении, которое ему известно.

Брат Сила. Он ничего себе малый. Первоначально он мне не понравился, но теперь я вижу, что он добрый католик.

Шаррон *(Муаррону)*. Ты, друг, проведешь день или

два в помещении, где к тебе будут хорошо относиться и кормить, а потом ты поедешь со мною к королю.

Муаррону завязывают глаза, связывают руки и уводят его.

Брат Верность. Кровосмеситель стал кумом королю. Хе-хе...

Шаррон. Именно, дорогие братья. И не желать смерти мы должны ему, ибо мы христиане, а постараться исправить грешника, открыв глаза королю на него. Грешник грешит долго и думает, что бог забыл его. Но господь помнит о всех. И обществу надлежит показать, кто таков Мольер, дабы оно отвернулось от него. Так вот, братья, сейчас здесь будет посторонний, и разговаривать с ним я попрошу брата Верность, потому что мой голос он знает.

В дверь стучат. Шаррон надвигает капюшон на лицо и скрывается в полутьме. Брат Верность идет открывать дверь. Появляется незнакомка в маске и ведет за руку Одноглазого. Лицо у него завязано платком.

Одноглазый. Очаровательница, когда же вы наконец разрешите снять повязку? Вы могли бы положиться и на мое слово. Помолись, в вашей квартире пахнет сыростью.

Незнакомка в маске. Еще одна ступенька, маркиз... Так... Снимайте. *(Прячется.)*

Одноглазый *(снимает повязку, осматривается)*. А! Помолись! *(Мгновенно правой рукой выхватывает шпагу, а левой пистолет и становится спиной к стене, обнаруживая большой жизненный опыт. Пауза.)* У некоторых под плащами торчат кончики шпаг. В большой компании меня можно убить, но предупреждаю, что трех из вас вынесут из этой ямы ногами вперед. Я — Помолись. Ни с места. Где дрянь, заманившая меня в ловушку?

Незнакомка в маске *(из тьмы)*. Я здесь, маркиз, но я вовсе не дрянь.

Брат Сила. Фуй, маркиз, даме...

Брат Верность. Мы просим вас успокоиться, никто не хочет нападать на вас.

Брат Сила. Маркиз, спрячьте ваш пистолет, он смотрит, как дырявый глаз, и портит беседу.

Одноглазый. Где я нахожусь?

Брат Верность. В подвале церкви.

Одноглазый. Требую выпустить меня отсюда.

Брат Верность. Дверь в любую минуту откроют для вас.

Одноглазый. В таком случае зачем же заманили меня сюда, помолись? Прежде всего — это не заговор на жизнь короля?

Брат Верность. Бог вас простит, маркиз. Здесь пламенные обожатели короля. Вы находитесь на тайном заседании Кабалы Священного писания.

Одноглазый. Ба! Кабала! Я не верил в то, что она существует. Зачем же я понадобился ей? *(Прячет пистолет.)*

Брат Верность. Присаживайтесь, маркиз, прошу вас.

Одноглазый. Спасибо. *(Садится.)*

Брат Верность. Мы скорбим о вас, маркиз.

Члены Кабалы *(хором).* Мы скорбим.

Одноглазый. А я не люблю, когда скорбят. Изложите дело.

Брат Верность. Маркиз, мы хотели вас предупредить о том, что над вами смеются при дворе.

Одноглазый. Это ошибка. Меня зовут «Помолись».

Брат Верность. Кому же во Франции не известно ваше несравненное искусство. Поэтому и шепчутся за вашей спиной.

Одноглазый *(хлопнув шпагой по столу).* Фамилию!

Члены Кабалы перекрестились.

Брат Сила. К чему этот шум, маркиз?

Брат Верность. Шепчет весь двор.

Одноглазый. Говорите, а не то я потеряю терпение.

Брат Верность. Вы изволите знать гнуснейшую пьесу некоего Жана-Батиста Мольера под названием «Тартюф»?

Одноглазый. Я в театр Пале-Рояль не хожу, но слышал о ней.

Брат Верность. В этой пьесе комедиант-безбожник насмеялся над религией и ее служителями.

Одноглазый. Какой негодник.

Брат Верность. Но не одну религию оскорбил Мольер. Ненавидя высшее общество, он и над ним надругался. Пьесу «Дон Жуан», может быть, изволите знать?

Одноглазый. Тоже слышал. Но какое отношение к д'Орсиньи имеет балаган в Пале-Рояле?

Брат Верность. У нас совершенно точные сведения о том, что борзописец вас, маркиз, вывел в качестве своего героя Дон Жуана.

Одноглазый *(спрятав шпагу)*. Что же это за Дон Жуан?

Брат Сила. Безбожник, негодяй, убийца и, простите, маркиз, растлитель женщин.

Одноглазый *(изменившись в лице)*. Так. Благодарю вас.

Брат Верность *(взяв со стола рукопись)*. Может быть, вам угодно ознакомиться с материалом?

Одноглазый. Нет, благодарю, неинтересно. Скажите, среди присутствующих, может быть, есть кто-нибудь, кто считает, что были основания вывести д'Орсиньи в пакостном виде?

Брат Верность. Братья, нет ли такого?

Среди членов Кабалы полное отрицание.

Такого не имеется. Итак, вы изволите видеть, какими побуждениями мы руководствовались, пригласив вас столь странным способом на тайное заседание. Здесь, маркиз, лица вашего круга, и вы сами понимаете, как нам неприятно...

Одноглазый. Вполне. Благодарю вас.

Брат Верность. Многоуважаемый маркиз, мы полагаемся на то, что сказанное сегодня останется между нами, равно как и никому не будет известно, что мы тревожили вас.

Одноглазый. Не беспокойтесь, сударь. Где дама, которая привезла меня?

Незнакомка в маске *(выходит)*. Я здесь.

Одноглазый *(хмуро)*. Приношу вам свои извинения, сударыня.

Незнакомка в маске. Бог вас простит, маркиз, прощаю и я. Пожалуйте со мною, я отвезу вас к тому месту, где мы встретились. Вы позволите вам опять завязать лицо, потому что почтенное общество не хочет, чтобы кто-нибудь видел дорогу к месту их заседаний.

Одноглазый. Если уж это так необходимо.

Одноглазому завязывают лицо, и незнакомка уводит его. Дверь закрывается.

Шаррон *(снимая капюшон и выходя из тьмы)*. Заседание Кабалы Священного писания объявляю закрытым. Помолимся, братья.

Члены Кабалы *(встают и тихо поют).* Laudamus, tibi, Domine, rex aeternae gloriae...[1]

...Необъятный собор полон ладаном, туманом и тьмой. Бродят огоньки. Маленькая исповедальня архиепископа, в ней свечи. Проходят две темные фигуры, послышался хриплый шепот: «Вы видели «Тартюфа»?..», «Вы видели «Тартюфа»?..» — и пропал.

Появляются Арманда и Лагранж, ведут под руки Мадлену. Та седая, больная.

Мадлена. Спасибо, Арманда. Спасибо вам, Варле, мой преданный друг.

Орган зазвучал в высоте.

Лагранж. Мы подождем вас здесь. Вот дверь архиепископа.

Мадлена крестится и, тихо стукнув, входит в исповедальню. Арманда и Лагранж закутываются в черные плащи, садятся на скамью, и тьма их поглощает.

Шаррон *(возникает в исповедальне).* Подойдите, дочь моя. Вы — Мадлена Бежар?

Орган умолк.

Узнал я, что вы одна из самых набожных дочерей собора, и сердцу моему вы милы. Я сам решил исповедовать вас.

Мадлена. Какая честь мне, грешнице. *(Целует руки Шаррону.)*

Шаррон *(благословляя Мадлену, накрывает ее голову покрывалом).* Вы больны, бедная?

Мадлена. Больна, мой архиепископ.

Шаррон *(страдальчески).* Что же, хочешь оставить мир?

Мадлена. Хочу оставить мир.

Орган в высоте.

Шаррон. Чем больна?

Мадлена. Врачи сказали, что сгнила моя кровь, и вижу дьявола и боюсь его.

Шаррон. Бедная женщина. Чем спасаешься от дьявола?

Мадлена. Молюсь.

Орган умолкает.

Шаррон. Господь за это вознесет тебя и полюбит.

---

[1] Хвалим, господи, тебе, царю вечной славы *(лат.).*

Мадлена. А он не забудет меня?

Шаррон. Нет. Чем грешна, говори.

Мадлена. Всю жизнь грешила, мой отец. Была великой блудницей, лгала, много лет была актрисой и всех прельщала.

Шаррон. Какой-нибудь особенно тяжкий грех за собою помнишь?

Мадлена. Не помню, архиепископ.

Шаррон *(печально)*. Безумны люди. И придешь ты с раскаленным гвоздем в сердце, и там уже никто не вынет его. Никогда. Значение слова «никогда» понимаешь ли?

Мадлена *(подумав)*. Поняла. *(Испугалась.)* Ах, боюсь.

Шаррон *(превращаясь в дьявола)*. И увидишь костры, а меж ними...

Мадлена. ...ходит, ходит часовой...

Шаррон. ...и шепчет... зачем же ты не оставила свой грех, а принесла его с собой.

Мадлена. А я заломлю руки, богу закричу.

Орган зазвучал.

Шаррон. И тогда уже не услышит господь. И обвиснешь ты на цепях, и ноги погрузишь в костер... И так всегда. Значение «всегда» понимаешь?

Мадлена. Боюсь понять. Если я пойму, я сейчас же умру. *(Вскрикивает слабо.)* Поняла. А если оставить здесь?

Шаррон. Будешь слушать вечную службу.

В высоте со свечами прошла процессия и спели детские голоса. Потом это все исчезло.

Мадлена *(шарит руками, как во тьме)*. Где вы, святой отец?

Шаррон *(глухо)*. Я здесь... я здесь... я здесь...

Мадлена. Хочу слушать вечную службу. *(Шепчет страстно.)* Давно-давно я жила с двумя, с Мольером и с другим человеком, и прижила дочь Арманду, и всю жизнь терзалась, не зная, чья она...

Шаррон. Ах, бедная...

Мадлена. Я родила ее в провинции, уехав на время от Мольера. Когда же она выросла, я привезла ее в Париж и выдала ее за свою сестру. Он же, обуреваемый страстью, сошелся с нею, и я уже ничего не сказала ему, чтобы не сделать несчастным и его. Из-за меня он совершил смертный грех. Живет, быть может, со своей

дочерью, а меня поверг в ад. Хочу лететь в вечную службу.

Шаррон. И я, архиепископ, властью, мне данною, тебя развязываю и отпускаю.

Мадлена *(плача от восторга)*. Теперь могу лететь?

Орган запел мощно.

Шаррон *(плача счастливыми слезами)*. Лети, лети.

Орган умолкает.

Ваша дочь здесь? Позовите ее сюда, я прощу и ей невольный грех.

Мадлена *(выходя из исповедальни)*. Арманда, Арманда, сестра моя, пойди, архиепископ и тебя благословит. Я счастлива... я счастлива...

Лагранж. Я посажу вас в карету.

Мадлена. А Арманда?

Лагранж. Вернусь за ней. *(Уводит Мадлену во мрак.)*

Арманда входит в исповедальню. Шаррон возникает страшен, в рогатой митре, крестит обратным дьявольским крестом Арманду несколько раз быстро. Орган загудел мощно.

Скажи, ты знаешь, кто был сейчас у меня?

Арманда *(ужасается, вдруг все понимает)*. Нет, нет... Она сестра моя, сестра.

Шаррон. Она твоя мать. Ты дочь Мольера и Мадлены. Тебя я прощаю. Но сегодня же беги от него, беги.

Арманда, слабо крикнув, падает навзничь и остается неподвижной на пороге исповедальни. Шаррон исчезает. Орган гудит успокоительно.

Лагранж *(возвращается в полумраке, как темный рыцарь)*. Арманда, вам дурно?

...День. Приемная короля. Людовик — в темном кафтане с золотом — у стола. Перед ним темный и измученный Шаррон. На полу сидит Справедливый сапожник — чинит башмак.

Шаррон. На предсмертной исповеди она мне это подтвердила — и тогда я не счел даже нужным, ваше величество, допрашивать актера Лагранжа, чтобы не раздувать это гнусное дело. И следствие я прекратил. Ваше величество, Мольер запятнал себя преступлением. Впрочем, как будет угодно судить вашему величеству.

Людовик. Благодарю вас, мой архиепископ. Вы поступили правильно. Я считаю дело выясненным. *(Звонит, говорит в пространство.)* Вызовите сейчас же директора театра Пале-Рояль господина де Мольера. Снимите

караулы из этих комнат, я буду говорить наедине. *(Шаррону.)* Архиепископ, пришлите ко мне этого Муаррона.

Шаррон. Сейчас, сир. *(Уходит.)*

Справедливый сапожник. Великий монарх, видно, королевство-то без доносов существовать не может?

Людовик. Помалкивай, шут, чини башмак. А ты не любишь доносчиков?

Справедливый сапожник. Ну чего же в них любить? Такая сволочь, ваше величество.

Входит Муаррон. Глаза у него затравленные, запуган и имеет такой вид, точно он спал, не раздеваясь. Людовик, которого он видит так близко, очевидно, впервые, производит на него большое впечатление.

Людовик *(вежливо).* Захария Муаррон?

Муаррон. Так, ваше величество.

Людовик. Вы в клавесине сидели?

Муаррон. Я, сир.

Людовик. Господин де Мольер вас усыновил?

Муаррон молчит.

Людовик. Я вам задал вопрос.

Муаррон. Да.

Людовик. Актерскому искусству он вас учил?

Муаррон заплакал.

Людовик. Я вам задал вопрос.

Муаррон. Он.

Людовик. Каким побуждением руководствовались, когда писали донос на имя короля? Здесь написано: «желая помочь правосудию».

Муаррон *(механически).* Так, желая...

Людовик. Верно ли, что он вас ударил по лицу?

Муаррон. Верно.

Людовик. За что?

Муаррон. Его жена изменяла ему со мной.

Людовик. Так. Это не обязательно сообщать на допросе. Можно сказать так: по интимным причинам. Сколько вам лет?

Муаррон. Двадцать три года.

Людовик. Объявляю вам благоприятное известие. Донос ваш подтвержден следствием. Какое вознаграждение хотите получить от короля? Денег хотите?

Муаррон *(вздрогнул. Пауза).* Ваше величество, позвольте мне поступить в королевский Бургонский театр.

Людовик. Нет. О вас сведения, что вы слабый актер. Нельзя.

Муаррон. Я — слабый?.. *(Наивно.)* А в театр дю Марэ?

Людовик. Тоже нет.

Муаррон. А что же делать мне?..

Людовик. Зачем вам эта сомнительная профессия актера? Вы — ничем не запятнанный человек. Если желаете, вас примут на королевскую службу, в сыскную полицию. Подайте на имя короля заявление. Оно будет удовлетворено. Можете идти.

Муаррон пошел.

Справедливый сапожник. На осину, на осину...

Людовик. Шут... *(Звонит.)* Господина де Мольера.

Лишь только Муаррон скрылся за дверью, в других дверях появляется Лагранж, вводит Мольера и тотчас же скрывается. Мольер в странном виде — воротник надет криво, парик в беспорядке, шпага висит криво, лицо свинцовое, руки трясутся.

Мольер. Сир...

Людовик. Почему и с каким спутником вы явились, в то время как пригласили вас одного?

Мольер *(испуганно улыбаясь).* Верный ученик мой, актер де Лагранж... проводил. У меня, изволите ли видеть, случился сердечный припадок, и я один дойти не мог... Надеюсь, я ничем не прогневил ваше величество? *(Пауза.)* У меня, изволите ли... несчастье случилось... извините за беспорядок в туалете... Мадлена Бежар скончалась вчера, а жена моя, Арманда, в тот же час бежала из дому... Все бросила... Платья, вообразите... комод... кольца... и безумную записку оставила... *(Вынимает из кармана какой-то лоскут, заискивающе улыбается.)*

Людовик. Святой архиепископ оказался прав. Вы не только грязный хулитель религии в ваших произведениях, но вы и преступник, вы — безбожник.

Мольер замер.

Людовик. Объявляю вам решение по делу о вашей женитьбе: запрещаю вам появляться при дворе, запрещаю играть «Тартюфа». Только с тем чтобы ваша труппа не умерла с голоду, разрешаю играть в Пале-Рояле ваши смешные комедии, но ничего более... И с этого дня бойтесь напомнить мне о себе! Лишаю вас покровительства короля.

Мольер. Ваше величество... ведь это же бедствие... хуже плахи... *(Пауза.)* За что?!

Людовик. За то, что вы осмелились просить меня крестить ребенка от вас и собственной вашей дочери. За тень скандальной свадьбы, брошенную на королевское имя.

Мольер *(опускаясь в кресло).* Извините... я не могу подняться...

Людовик. Уезжайте. Прием окончен. *(Уходит.)*

Лагранж *(заглянув в дверь).* Что?

Мольер. Карету... Отвези... Позови...

Лагранж скрывается.

Мадлену бы, посоветоваться... но она умерла... Что же это такое?..

Справедливый сапожник *(сочувственно).* Ты что же это? В бога не веришь, да? Э!.. как тебя скрутило... На яблоко.

Мольер *(машинально берет яблоко).* Благодарю.

Шаррон входит и останавливается. Долго смотрит на Мольера. У Шаррона удовлетворенно мерцают глаза.

Мольер *(при виде Шаррона начинает оживать — до этого он лежал грудью на столе. Приподымается, глаза заблестели).* А, святой отец! Довольны? Это за «Тартюфа»? Понятно мне, почему вы так ополчились за религию. Догадливы вы, мой преподобный. Нет спору. Говорят мне как-то приятели: «Описали бы вы как-нибудь стерву монаха». Я вас и изобразил. Потому что где ж взять лучшую стерву, чем вы!

Шаррон. Я скорблю о вас, потому что кто по этому пути пошел, тот уж наверно будет на виселице, сын мой.

Мольер. Да вы меня не называйте вашим сыном, потому что я не чертов сын! *(Вынимает шпагу.)*

Справедливый сапожник. Что ж ты лаешься?

Шаррон *(мерцая).* Впрочем, вы до виселицы не дойдете. *(Зловеще оглядывается, и из-за двери выходит Одноглазый с тростью.)*

Одноглазый *(молча подходит к Мольеру, наступает ему на ногу).* Господин, вы толкнули меня и не извинились. Вы — невежа.

Мольер *(машинально).* Извин... *(Напряженно.)* Вы толкнули меня.

Одноглазый. Вы — лгун.

Мольер. Как смеете вы? Что вам угодно от меня?!

Лагранж *(вошел в это мгновение, изменился в лице).* Мэтр, сию минуту уходите, уходите. *(Волнуясь.)* Маркиз, господин де Мольер нездоров.

Одноглазый. Я застал его со шпагой в руке. Он здоров. *(Мольеру.)* Моя фамилия — д'Орсиньи. Вы, милостивый государь, прохвост.

Мольер. Я вызываю вас!

Лагранж *(в ужасе).* Уходите. Это — «Помолись».

Шаррон. Господа, что вы делаете, в королевской приемной, ах...

Мольер. Я вызываю!

Одноглазый. Готово дело. Больше я вас не оскорбляю. *(Зловеще весело.)* Суди меня бог, великий король! Принимай, сырая Бастилия! *(Лагранжу.)* Вы, сударь, будете свидетелем. *(Мольеру.)* Отдайте ему распоряжения насчет имущества. *(Вынимает шпагу, пробует конец.)* Нет распоряжения? *(Кричит негромко и протяжно.)* Помолись! *(Крестит воздух шпагой.)*

Шаррон. Господа, опомнитесь... господа... *(Легко взлетает на лестницу и оттуда смотрит на поединок.)*

Лагранж. Прямое убийство!

Справедливый сапожник. В королевской приемной режутся!

Одноглазый схватывает Справедливого сапожника за шиворот, и тот умолкает. Одноглазый бросается на Мольера. Мольер, отмахиваясь шпагой, прячется за стол. Одноглазый вскакивает на стол.

Лагранж. Бросайте шпагу, учитель!

Мольер бросает шпагу, опускается на пол.

Одноглазый. Берите шпагу.

Лагранж *(Одноглазому).* Вы не можете колоть человека, у которого нет шпаги в руке!

Одноглазый. Я и не колю. *(Мольеру.)* Берите шпагу, подлый трус.

Мольер. Не оскорбляйте меня и не бейте. Я как-то чего-то не понимаю... У меня, изволите ли видеть, больное сердце... и моя жена бросила меня... Бриллиантовые кольца на полу валяются... даже белья не взяла... беда...

Одноглазый. Ничего не понимаю!

Мольер. Я не постигаю, за что вы бросились на меня. Я вас и видел-то только два раза в жизни. Вы

деньги приносили? ...Но ведь это было давно... Я болен... уж вы, пожалуйста, меня не трогайте...

Одноглазый. Я вас убью после первого вашего спектакля. *(Вкладывает шпагу в ножны.)*

Мольер. Хорошо... хорошо... все равно...

Справедливый сапожник вдруг срывается с места и исчезает. Лагранж поднимает Мольера с пола, схватывает шпагу и увлекает Мольера вон. Одноглазый смотрит им вслед.

Шаррон *(сходит с лестницы с горящими глазами. Пауза).* Почему вы его не кололи?

Одноглазый. Какое вам дело? Он бросил шпагу, помолись!

Шаррон. Болван!

Одноглазый. Что!!! Чертов поп!

Шаррон *(вдруг плюнул в Одноглазого).* Тьфу!

Одноглазый до того оторопел, что в ответ плюнул в Шаррона. И начали плеваться. Дверь открылась, и влетел взволнованный Справедливый сапожник, а за ним вошел Людовик. Ссорящиеся до того увлеклись, что не сразу перестали плевать. Четверо долго и тупо смотрят друг на друга.

Людовик. Извините, что помешал. *(Скрывается, закрыв за собой дверь.)*

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Квартира Мольера. Вечер. Свечи в канделябрах, таинственные тени на стенах. Беспорядок, разбросаны рукописи. Мольер, в колпаке и белье, в халате, сидит в громадном кресле. В другом — Бутон. На столе две шпаги и пистолет. На другом столе ужин и вино, к которому Бутон время от времени прикладывается.

Лагранж, в темном плаще, ходит взад и вперед и не то ноет, не то что-то напевает. За ним по стене ходит темная рыцарская тень.

Лагранж. У, клавесин... клавесин...

Мольер. Перестань, Лагранж. Ты тут ни при чем. Это судьба пришла в мой дом и похитила у меня все.

Бутон. Истинная правда. У меня у самого трагическая судьба. Торговал я, например, в Лиможе пирожками... Никто этих пирожков не покупает, конечно... Хотел стать актером, к вам попал...

Мольер. Помолчи, Бутон.

Бутон. Молчу.

Горькая пауза. Затем слышен скрип лестницы, дверь открывается, и входит Муаррон. Он не в кафтане, а в какой-то грязной куртке. Потерт, небрит и полупьян, в руке фонарь. Сидящие прикладывают руки козырьком к глазам. Когда Муаррона узнали, Лагранж схватывает со стола пистолет. Мольер бьет Лагранжа по руке. Лагранж стреляет и попадает в потолок. Муаррон, ничуть не удивившись, вяло посмотрел в то место, куда попала пуля. Лагранж, хватаясь за что попало, разбивает кувшин, бросается на Муаррона, валит его на землю и начинает душить.

Лагранж. Казни меня, король, казни... *(Рыча.)* Иуда...

Мольер *(страдальчески)*. Бутон... Бутон... *(Вдвоем с Бутоном оттаскивают Лагранжа от Муаррона. Мольер говорит Лагранжу.)* А ведь уморишь меня ты, ты... стрельбой и шумом... Ты что ж еще? Убийство у меня в квартире учинить хочешь?

Пауза.

Лагранж. Тварь Захария Муаррон, ты меня знаешь?

Муаррон утвердительно кивает.

Лагранж. Куда бы ты ночью ни пошел, жди смерти. Утра ты уже не увидишь. *(Закутывается в плащ и умолкает.)*

Муаррон утвердительно кивает головой Лагранжу, становится перед Мольером на колени и кланяется в землю.

Мольер. С чем пожаловал, сынок? Преступление раскрыто, стало быть, что можешь ты еще выудить в моем доме? О чем напишешь королю? Или ты подозреваешь, что я не только кровосмеситель, но и фальшивомонетчик? Осмотри шкафы, комоды, я тебе разрешаю.

Муаррон вторично кланяется.

Мольер. Без поклонов говори, чего тебе требуется.

Муаррон. Уважаемый и предрагоценный мой учитель, вы думаете, что я пришел просить прощения? Нет. Я явился, чтобы успокоить вас: не позже полуночи я повешусь у вас под окнами, вследствие того что жизнь моя продолжаться не может. Вот веревка. *(Вынимает из кармана веревку.)* И вот записка: «Я ухожу в ад».

Мольер *(горько)*. Вот успокоил!

Бутон *(глотнув вина)*. Да, это труднейший случай. Один философ сказал...

Мольер. Молчи, Бутон.

Бутон. Молчу.

Муаррон. Я пришел побыть возле вас. А на госпожу Мольер, если бы я остался жить, я не взгляну ни одного раза.

Мольер. Тебе и не придется взглянуть на нее, мой сын, потому что она ушла, и навеки я один. У меня необузданный характер, потому я и могу сперва совершить что-нибудь, а потом уже думать об этом. И вот, подумав и умудрившись после того, что случилось, я тебя прощаю и возвращаю в мой дом. Входи.

Муаррон заплакал.

Лагранж *(раскрыв свой плащ)*. Вы, учитель, не человек, не человек. Вы — тряпка, которою моют полы!

Мольер *(ему)*. Дерзкий щенок! Не рассуждай о том, чего не понимаешь. *(Пауза. Муаррону.)* Вставай, не протирай штаны.

Пауза. Муаррон поднялся. Пауза.

Где кафтан?

Муаррон. В кабаке заложил.

Мольер. За сколько?

Муаррон махнул рукой.

Мольер *(ворчит)*. Это свинство — атласные кафтаны в кабаках оставлять. *(Бутону.)* Выкупить кафтан! *(Муаррону.)* Ты, говорят, бродил, бродил и к королю даже забрел.

Муаррон *(бия себя в грудь)*. И сказал мне король: в сыщики, в сыщики... Вы, говорит, плохой актер...

Мольер. Ах, сердце человеческое! Ах, куманек мой, ах, король! Король ошибся: ты актер первого ранга, а в сыщики ты не годишься, у тебя сердце неподходящее. Об одном я сожалею, что играть мне с тобою не придется долго. Спустили на меня, мой сын, одноглазую собаку мушкетера. Лишил меня король покровительства, и, стало быть, зарежут меня. Бежать придется.

Муаррон. Учитель, пока я жив, не удастся ему вас зарезать, верьте мне. Вы знаете, как я владею шпагой.

Лагранж *(высунув ухо из плаща)*. Ты поразительно владеешь шпагой, это верно. Но, гнусная гадина, прежде чем ты подойдешь к «Помолись», купи себе панихиду в соборе.

Муаррон. Сзади заколю.

Лагранж. Это по тебе.

Муаррон *(Мольеру).* Буду неотлучно ходить рядом с вами, дома и на улице, ночью и днем, с чем и явился.

Лагранж. Как сыщик.

Мольер *(Лагранжу).* Заткни себе рот кружевом.

Муаррон. Милый Регистр, не оскорбляй меня, зачем же оскорблять того, кто не может тебе ответить. Меня не следует трогать, я человек с пятном. И не бросайся на меня этой ночью. Ты убьешь меня, тебя повесят, а Кабала беззащитного мэтра заколет.

Мольер. Ты значительно поумнел с тех пор, как исчез из дому.

Муаррон *(Лагранжу).* Имей в виду, что мэтра признали безбожником за «Тартюфа». Я был в подвале у Кабалы... Закона для него нету, значит — жди всего.

Мольер. Знаю. *(Вздрагивает.)* Постучали?

Муаррон. Нет. *(Лагранжу.)* Бери пистолет и фонарь, идем караулить.

Лагранж и Муаррон берут оружие и фонарь и уходят. Пауза.

Мольер. Тиран, тиран...

Бутон. Про кого вы это говорите, мэтр?

Мольер. Про короля Франции...

Бутон. Молчите!

Мольер. Про Людовика Великого! Тиран!

Бутон. Все кончено. Повешены оба.

Мольер. Ох, Бутон, я сегодня чуть не умер со страху. Золотой идол, а глаза, веришь ли, изумрудные. Руки у меня покрылись холодным потом. Поплыло все косяком, все боком, и соображаю только одно, что он меня давит! Идол!

Бутон. Повешены оба, и я в том числе. Рядышком на площади. Так вот вы висите, а наискосок — я. Безвинно погибший Жан-Жак Бутон. Где я? В царстве небесном. Не узнаю местности.

Мольер. Всю жизнь я ему лизал шпоры и думал только одно: не раздави. И вот все-таки — раздавил! Тиран!

Бутон. И бьет барабан на площади. Кто высунул не вовремя язык? Будет он висеть до самого пояса.

Мольер. За что? Понимаешь, я сегодня утром спрашиваю его, за что? Не понимаю... Я ему говорю: я, ваше величество, ненавижу такие поступки, я протестую, я оскорблен, ваше величество, извольте объяснить... Извольте... я, может быть, вам мало льстил? Я, быть может,

мало ползал?.. Ваше величество, где же вы найдете такого другого блюдолиза, как Мольер? Но ведь из-за чего, Бутон? Из-за «Тартюфа». Из-за этого унижался. Думал найти союзника. Нашел! Не унижайся, Бутон! Ненавижу бессудную тиранию!

Бутон. Мэтр, вам памятник поставят. Девушка у фонтана, а изо рта у нее бьет струя. Вы выдающаяся личность... но только замолчите... Чтобы у вас язык отсох... За что меня вы губите?

Мольер. Что еще я должен сделать, чтобы доказать, что я червь? Но, ваше величество, я писатель, я мыслю, знаете ли, и протестую... она не дочь моя. *(Бутону.)* Попросите ко мне Мадлену Бежар, я хочу посоветоваться.

Бутон. Что вы, мэтр?!

Мольер. А... умерла... Зачем, моя старуха, ты не сказала мне всей правды?.. Или нет, зачем, зачем ты не учила меня, зачем не била ты меня... Понимаешь ли, свечи, говорит, зажжем... я приду к тебе. *(Тоскует.)* Свечи-то горят, а ее нет... Я еще кафтан на тебе разорвал?.. На тебе луидор за кафтан.

Бутон *(плаксиво)*. Я кликну кого-нибудь. Это было десять лет назад, что вы...

Мольер. Укладывай все. Сыграю завтра в последний раз, и побежим в Англию. Как глупо. На море дует ветер, язык чужой, и вообще дело не в Англии, а в том, что...

Дверь открывается, и в ней появляется голова старухи Ренэ.

Ренэ. Там за вами монашка пришла.

Мольер *(испугался)*. Что такое?.. Какая монашка?

Ренэ. Вы же сами хотели ей дать стирать театральные костюмы.

Мольер. Фу, старая дура Ренэ, как напугала. Э! Костюмы! Скажи ей, чтобы завтра пришла к концу спектакля в Пале-Рояль. Дура!

Ренэ. Мне что. Вы сами велели.

Мольер. Ничего я не велел.

Ренэ скрывается. Пауза.

Да, какие еще дела? Ах да, кафтан... Покажи-ка, где я разорвал?

Бутон. Мэтр, ложитесь, ради бога. Какой кафтан?

Мольер вдруг забирается под одеяло и скрывается под ним с головой.

Бутон. Всемогущий господи, сделай так, чтобы никто не слышал того, что он говорил. Применим хитрость.

(Неестественно громко и фальшиво, как бы продолжая беседу.) Так вы что говорите, милостивый государь? Что наш король есть самый лучший, самый блестящий король во всем мире? С моей стороны возражений нет. Присоединяюсь к вашему мнению.

Мольер *(под одеялом).* Бездарность!

Бутон. Молчите! *(Фальшивым голосом.)* Да, я кричал, кричу и буду кричать: да здравствует король!

В окно стучат. Мольер тревожно высовывает голову из-под одеяла. Бутон осторожно открывает окно, и в окне появляется встревоженный Муаррон с фонарем.

Муаррон. Кто крикнул? Что случилось?

Бутон. Ничего не случилось. Почему непременно что-нибудь должно случиться? Я беседовал с господином де Мольер и крикнул: да здравствует король! Имеет Бутон право хоть что-нибудь кричать? Он и кричит: да здравствует король!

Мольер. Боже, какой бездарный дурак!

...Уборная актеров в Пале-Рояле. И так же по-прежнему висит старая зеленая афиша, и так же у распятия горит лампадка и зеленый фонарь у Лагранжа. Но за занавесами слышен гул и свистки. В кресле сидит Мольер в халате и колпаке, в гриме с карикатурным носом. Мольер возбужден, в странном состоянии, как будто пьян. Возле него, в черных костюмах врачей, но без грима,—Лагранж и дю Круази. Валяются карикатурные маски врачей. Дверь открывается, и вбегает Бутон. Муаррон в начале сцены стоит неподвижен, в отдалении, в черном плаще.

Мольер. Ну! Умер?

Бутон *(Лагранжу).* Шпагой...

Мольер. Попрошу обращаться к директору Пале-Рояля, а не к актерам. Я еще хозяин на последнем спектакле!

Бутон *(ему).* Ну, умер. Шпагой ударили в сердце.

Мольер. Царство небесное. Ну, что же сделаешь.

Суфлер *(заглянул в дверь).* Что происходит?

Лагранж *(подчеркнуто громко).* Что происходит? Мушкетеры ворвались в театр и убили привратника.

Суфлер. Э... Боже мой... *(Скрывается.)*

Лагранж. Я—секретарь театра, заявляю. Театр полон безбилетными мушкетерами и неизвестными мне личностями. Я бессилен сдерживать их и запрещаю продолжать спектакль.

Мольер. Но... но... но!.. Он запрещает! Не забывай, кто ты такой! Ты, в сравнении со мной, мальчуган, а я седой, вот что.

Лагранж *(шепотом Бутону)*. Он пил?

Бутон. Ни капли.

Мольер. Что я еще хотел сказать?

Бутон. Золотой господин де Мольер...

Мольер. Бутон!..

Бутон. ...пошел вон!.. Я знаю, двадцать лет я с вами и слышал только эту фразу или — молчи, Бутон — и я привык. Вы меня любите, мэтр, и во имя этой любви умоляю коленопреклоненно, не доигрывайте спектакль, а бегите, карета готова.

Мольер. С чего ты взял, что я тебя люблю? Ты болтун. Меня никто не любит. Меня все мучают и раздражают, за мной гоняются. И вышло распоряжение архиепископа не хоронить меня на кладбище... стало быть, все будут в ограде, а я околею за оградой. Так знайте, что я не нуждаюсь в их кладбище, плюю на это. Всю жизнь вы меня травите, вы все враги мне.

Дю Круази. Побойтесь бога, мэтр, мы...

Лагранж *(Бутону)*. Как играть в таком состоянии, как играть?

Свист и грохот за занавесами.

Вот.

Мольер. Масленица. В Пале-Рояле били люстры не раз. Партер веселится.

Бутон *(зловеще)*. В театре — Одноглазый.

Пауза.

Мольер *(утихнув)*. А... *(Испуганно.)* Где Муаррон? *(Бросается к Муаррону и прячется у него в плаще.)*

Муаррон, оскалив зубы, молчит, обняв Мольера.

Дю Круази *(шепотом)*. Врача звать надо.

Мольер *(выглянув из плаща — робко)*. На сцене он меня не может тронуть, а?..

Молчание. Дверь открывается, и вбегает Риваль. Она в оригинальном костюме, по обыкновению полуобнажена, на голове шляпа врача, очки колесами.

Риваль. Больше нельзя затягивать антракт... Или играть...

Лагранж. Хочет играть, что делать.

Риваль *(долго смотрит на Мольера).* Играть.

Мольер *(вылезая из плаща).* Молодец. Храбрая моя старуха, иди, я тебя поцелую. Разве можно начать последний спектакль и не доиграть? Она понимает. Двенадцать лет ты со мной играешь, и, веришь ли, ни одного раза я тебя не видел одетой, всегда ты голая.

Риваль *(целует его).* Э, Жан-Батист, король вас простит.

Мольер *(мутно).* Он... да...

Риваль. Вы меня будете слушать?

Мольер *(подумав).* Буду. А их не буду. *(Как-то нелепо двинул ногой.)* Они дураки. *(Вдруг вздрогнул и резко изменился.)* Простите меня, господа, я позволил себе грубость. Я и сам не понимаю, как у меня это вырвалось. Я взволнован. Войдите в мое положение. Господин дю Круази...

Дю Круази, Лагранж, Бутон *(хором).* Мы не сердимся.

Риваль. Сейчас же после вашей последней фразы мы спустим вас в люк, спрячем у меня в уборной до утра, а на рассвете вы покинете Париж. Согласны? Тогда начинаем.

Мольер. Согласен. Давайте последнюю картину.

Дю Круази, Лагранж и Муаррон схватывают маски и скрываются. Мольер обнимает Риваль, и та исчезает. Мольер снимает халат. Бутон открывает занавес, отделяющий нас от сцены. На сцене громадная кровать, белая статуя, темный портрет на стене, столик с колокольчиком. Люстры загорожены зелеными экранами, и от этого на сцене ночной уютный свет. В будке загораются свечи, в ней появляется суфлер, за главным занавесом шумит зрительный зал, изредка взмывают зловещие свистки. Мольер, резко изменившись, с необыкновенной легкостью взлетает на кровать, укладывается, накрывается одеялом.

Мольер *(суфлеру шепотом).* Давай!

Раздается удар гонга, за занавесом стихает зал. Начинается веселая таинственная музыка. Мольер под нее захрапел. С шорохом упал громадный занавес. Чувствуется, что театр переполнен. В крайней золоченой ложе громоздятся какие-то смутные лица. В музыке громовой удар литавр, и из полу вырастает Лагранж с невероятным носом, в черном колпаке, заглядывает Мольеру в лицо.

Мольер *(проснувшись, в ужасе).*

Что за дьявол... Ночью, в спальне?..
Потрудитесь выйти вон!

Музыка.

Лагранж.

Не кричите так нахально,
Терапевт я, ваш Пургон!

Мольер *(садится в ужасе на кровати).*

Виноват, кто там за пологом?!.

Портрет на стене разрывается, и из него высовывается дю Круази — пьяная харя с красным носом, в докторских очках и колпаке.

Вот еще один! *(Портрету.)* Я рад...

Дю Круази *(пьяным басом).*

От коллегии венерологов
К вам явился депутат!

Мольер.

Не мерещится ль мне это?!.

Статуя разваливается, и из нее вылетает Риваль.

Что за дикий инцидент?!.

Риваль.

Медицинских факультетов
Я бессменный президент.

В зале: «га-га-га-га». Из полу вырастает чудовище — врач неимоверного роста.

Мольер.

Врач длиной под самый ярус!..
Слуги! *(Звонит.)* Я сошел с ума!

Подушки на кровати взрываются, и в изголовье вырастает Муаррон.

Муаррон.

Вот и я — Диафуарус,
Незабвенный врач Фома!

Падает третий — дальний занавес, и за ним вырастает хор врачей и аптекарей в смешных и странных масках.

Мольер.

Но чему обязан честью?..
Ведь столь поздняя пора...

Риваль.

Мы приехали с известьем!

Хор врачей *(грянул).*

Вас возводят в доктора!!

Риваль.

Кто спасает свой желудок?

Мольер.

Кто ревень пригоршней ест!

Риваль.

Бене, бене, бене, бене.

Хор врачей.

Новус доктор дигнус эст!

Дю Круази.

Например, вот, скажем, луэс?..

Мольер.

Схватишь — лечишь восемь лет!

В зале: «га-га-га-га».

Лагранж.

Браво, браво, браво, браво,
Замечательный ответ!

Риваль.

У него большие знания...

Дю Круази.

Так и рубит он сплеча!

Из ложи внезапно показывается Одноглазый, садится на борт ее и застывает в позе ожидания.

Муаррон.

И в раю получит званье...

Хор врачей *(грянул).*

Бакалавра и врача!!

Мольер *(внезапно падает смешно).* Мадлену мне! Посоветоваться... Помогите!

В зале: «га-га-га-га».

Партер, не смейся... сейчас... сейчас... *(Затихает.)*

Музыка играет еще несколько моментов, потом разваливается. В ответ на удар литавр в уборной Мольера вырастает страшная монашка.

Монашка *(гнусаво).* Где его костюмы? *(Быстро собирает все костюмы Мольера и исчезает с ними.)*

На сцене смятение.

Лагранж *(сняв маску, у рампы).* Господа, господин де Мольер, исполняющий роль Аргана, упал... *(Волнуется.)* Спектакль не может быть закончен.

Тишина, потом крик из ложи: «Деньги обратно!», свист, гул.

Муаррон *(сняв маску).* Кто крикнул про деньги? *(Вынимает шпагу, пробует ее конец.)*

Бутон *(на сцене задушенно).* Кто мог крикнуть это?

Муаррон *(указывая в ложу).* Вы или вы? *(Тишина. Одноглазому.)* Грязный зверь!

Одноглазый, вынув шпагу, поднимается на сцену.

Муаррон *(идет, как кошка, ему навстречу).* Иди, иди. Подойди сюда. *(Поравнявшись с Мольером, глядит на него, втыкает шпагу в пол, поворачивается и уходит со сцены.)*

Суфлер внезапно в будке заплакал. Одноглазый глядит на Мольера, вкладывает шпагу в ножны и уходит со сцены.

Лагранж *(Бутону).* Да дайте же занавес.

Хор вышел из оцепенения, врачи и аптекари бросаются к Мольеру, окружают его страшной толпой, и он исчезает. Бутон закрыл наконец занавес, и за ним взревел зал. Бутон выбежал вслед за группой, унесшей Мольера.

Лагранж. Господа, помогите мне! *(Говорит в разрез занавеса.)* Господа, прошу... разъезд... у нас несчастье...

Риваль *(в другом разрезе).* Господа, прошу вас... господа... господа...

Занавес вздувается, любопытные пытаются лезть на сцену.

Дю Круази *(в третьем разрезе).* Господа... господа...

Лагранж. Гасите огни!

Дю Круази тушит люстры, шпагой сбивая свечи. Гул в зале несколько стихает.

Риваль *(в разрезе).* Войдите в положение, господа... разъезд, господа... спектакль окончен...

Последняя свеча гаснет, и сцена погружается во тьму. Все исчезает. Выступает свет у распятия. Сцена открыта, темна и пуста. Невдалеке от зеркала Мольера сидит, скорчившись, темная фигура. На сцене выплывает фонарь, идет темный Лагранж.

Лагранж *(важным и суровым голосом).* Кто остался здесь? Кто здесь?

Бутон. Это я, Бутон.

Лагранж. Почему вы не идете к нему?

Бутон. Не хочу.

Лагранж *(проходит к себе, садится, освещается зеленым*

светом, разворачивает книгу, говорит и пишет). «Семнадцатого февраля. Было четвертое представление пьесы «Мнимый больной», сочиненной господином де Мольер. В 10 часов вечера господин де Мольер, исполняя роль Аргана, упал на сцене и тут же был похищен, без покаяния, неумолимой смертью». *(Пауза.)* В знак этого рисую самый большой черный крест. *(Думает.)* Что же явилось причиной этого? Что? Как записать? Причиной этого явилась ли немилость короля или черная Кабала?.. *(Думает.)* Причиной этого явилась судьба. Так я и запишу. *(Пишет и угасает во тьме.)*

Занавес

1930

АДАМ И ЕВА

Пьеса в четырех актах

Участь смельчаков, считавших, что газа бояться нечего, всегда была одинакова — смерть!

«Боевые газы»

...и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал: впредь во все дни Земли сеяние и жатва не прекратятся.

Из неизвестной книги, найденной Маркизовым

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Ева Войкевич, 23 лет.
Адам Николаевич Красовский, инженер, 28 лет.
Ефросимов Александр Ипполитович, академик, 41 года.
Дараган Андрей Федорович, авиатор, 37 лет.
Пончик-Непобеда, литератор, 35 лет.
Захар Севастьянович Маркизов, изгнанный из профсоюза, 32 лет.
Аня, домработница, лет 23.
Туллер 1-й, Туллер 2-й — двоюродные братья.
Клавдия Петровна, врач-психиатр, лет 35.
Мария Вируэс, лет 28, женщина-авиатор.
Де Тимонеда, авиатор.
Зевальд, авиатор.
Павлов, авиатор.

АКТ ПЕРВЫЙ

Май в Ленинграде. Комната в первом этаже, и окно открыто во двор. Наиболее примечательной частью обстановки является висящая над столом лампа под густым абажуром. Под ней хорошо пасьянс раскладывать, но всякая мысль о пасьянсах исключается, лишь только у лампы появляется лицо Ефросимова. Также заметен громкоговоритель, из которого течет звучно и мягко «Фауст» из Мариинского театра. Во дворе изредка слышна гармоника.

Рядом с комнатой передняя с телефоном.

Адам *(целуя Еву)*. А чудная опера этот «Фауст». А ты меня любишь?

Ева. Люблю.

Адам. Сегодня «Фауст», а завтра вечером мы едем на Зеленый Мыс! Я счастлив! Когда стоял в очереди за билетами, весь покрылся горячим потом и понял, что жизнь прекрасна!..

Аня *(входит внезапно)*. Ах...

Адам. Аня! Вы хоть бы это... как это... постучались!..

Аня. Адам Николаевич! Я думала, что вы в кухне!

Адам. В кухне? В кухне? Зачем же я буду в кухне сидеть, когда «Фауст» идет?

Аня расставляет на столе посуду.

Адам. На полтора месяца на Зеленый Мыс! *(Жонглирует и разбивает стакан.)*

Ева. Так!..

Аня. Так. Стакан чужой! Дараганов стакан.

Адам. Куплю стакан. Куплю Дарагану пять стаканов.

Аня. Где вы купите? Нету стаканов.

Адам. Без паники! Будут стаканы к концу пятилетки! Да... вы правы, Анна Тимофеевна. Именно в кухне я должен быть сейчас, ибо я хотел вычистить желтые туфли. *(Скрывается.)*

Аня. Ах, завидно на вас смотреть, Ева Артемьевна! И красивый, и инженер, и коммунист.

Ева. Знаете, Анюточка, я, пожалуй, действительно счастлива. Хотя... впрочем... черт его знает!.. Да, почему вы не выходите замуж, если вам уж так хочется?

Аня. Все мерзавцы попадаются, Ева Артемьевна! Всем хорошие достались, а мне попадет какая-нибудь игрушечка, ну как в лотерее! И пьет, сукин сын!

Ева. Пьет?

Аня. Сидит в подштанниках, в синем пенсне, читает «Графа Монте-Кристо» и пьет с Кубиком.

Ева. Он несколько хулиганистый парень, но очень оригинальный.

Аня. Уж на что оригинальный! Бандит с гармоникой. Нет, не распишусь. Он на прошлой неделе побил бюрократа из десятого номера, а его из профсоюза выкинули. И Баранову обманул, алименты ей заставили платить. Это же не жизнь!

Ева. Нет, я проверяю себя, и действительно, я, кажется, счастлива.

Аня. Зато Дараган несчастлив.

Ева. Уже знает?

Аня. Я сказала.

Ева. Ну, это свинство, Аня!

Аня. Да что вы! Не узнает он, что ли? Он сегодня спрашивает: «А что, Ева придет вечером к Адаму?» А я говорю: «Придет и останется».— «Как?» — «А так,— говорю,— что они сегодня расписались!» — «Как?!» Ага, ага, покраснели!.. Всю квартиру завлекли!

Ева. Что вы выдумываете! Кого я завлекала?..

Аня. Да уж будет вам сегодня! Вот и Пончик явится. Тоже влюблен.

Ева. На Зеленый Мыс! Не медля ни секунды, завтра вечером в мягком вагоне, и никаких Пончиков!

Аня выметает осколки и выходит.

Адам *(влетает)*. А комната тебе нравится моя?

Ева. Скорее нравится. Да, нравится...

Адам целует ее.

Ева. Сейчас Аня вкатится... Погоди!

Адам. Никто, никто не придет! *(Целует.)*

Внезапно за окном голоса. Голос Маркизова: «Буржуй!», голос Ефросимова: «Это хулиганство!» Голос Маркизова: «Что? Кто это такой — хулиган? А?» — и на подоконник со двора вскакивает Ефросимов. Возбужден. Дергается. Ефросимов худ, брит, в глазах туман, а в тумане свечки. Одет в великолепнейший костюм, так что сразу видно, что он недавно был в заграничной командировке, а безукоризненное белье Ефросимова показывает, что он холост и сам никогда не одевается, а какая-то старуха, уверенная, что Ефросимов полубог, а не человек, утюжит, гладит, напоминает, утром подает... Через плечо на ремне у Ефросимова маленький аппарат, не очень похожий на фотографический. Окружающих Ефросимов удивляет странными интонациями и жестикуляцией.

Ефросимов. Простите, пожалуйста!..

Адам. Что такое?!

Ефросимов. За мной гонятся пьяные хулиганы! *(Соскакивает в комнату.)*

На подоконнике появляется Маркизов. Он, как описала Аня, в кальсонах и в синем пенсне и, несмотря на душный вечер, в пальто с меховым воротником.

Маркизов. Кто это хулиган? *(В окно.)* Граждане! Вы слышали, что я хулиган? *(Ефросимову.)* Вот я сейчас тебя стукну по уху, ты увидишь тогда, кто здесь хулиган!

Адам. Маркизов! Сию минуту убирайтесь из моей комнаты!

Маркизов. Он шляпу надел! А?

Ефросимов. Ради бога! Он разобьет аппарат!

Ева. Вон из комнаты! *(Адаму.)* Позвони сейчас же в милицию!

Аня *(вбежав)*. Опять Захар?!

Маркизов. Я извиняюсь, Анна Тимофеевна! Меня оскорбили, а не Захар! *(Еве.)* Милицию собираетесь по вечерам беспокоить? Члены профсоюза?

Аня. Уйди, Захар!

Маркизов. Уйду-с. *(В окно.)* Васенька, дружок! И ты, Кубик! Верные секунданты мои! Станьте, друзья, у парадного хода. Тут выйдет из квартиры паразит в сиреневом пиджаке. Алкоголик-фотограф. Я с ним буду иметь дуэль. *(Ефросимову.)* Но я вам, заграничный граф, не советую выходить! Ставь себе койку в этой квартире, прописывайся у нас в жакте. Пока. *(Скрывается.)*

Аня выбегает.

Ефросимов. Я об одном сожалею, что при этой сцене не присутствовало советское правительство. Чтобы я показал ему, с каким материалом оно собирается построить бесклассовое общество!..

В окно влетает кирпич.

Адам. Маркизов! Ты сядешь за хулиганство!

Ева. Ах, какая дрянь!

Ефросимов. Я — алкоголик? Я — алкоголик? Я в рот не беру ничего спиртного, уверяю вас! Правда, я курю, я очень много курю!..

Ева. Успокойтесь, успокойтесь... Просто он безобразник.

Ефросимов *(дергаясь)*. Нет, я спокоен! Совершенно! Меня смущает только одно, что я потревожил вас. Сколько же это времени мне, в самом деле, сидеть в осаде?

Адам. Ничего, ничего. Эти секунданты скоро рассосутся. В крайнем случае я приму меры.

Ефросимов. Нет ли у вас... это... как называется... воды?

Ева. Пожалуйста, пожалуйста.

Ефросимов *(напившись)*. Позвольте мне представиться. Моя фамилия... гм... Александр Ипполитович... А фамилию я забыл!..

Адам. Забыли свою фамилию?

Ефросимов. Ах, господи! Это ужасно!.. Как же, черт, фамилия? Известная фамилия. На эр... на эр... Позвольте: цианбром... фенил-ди-хлор-арсин... Ефросимов! Да. Вот какая фамилия. Ефросимов.

Адам. Так, так, так... Позвольте. Вы?..

Ефросимов. Да, да, именно. *(Пьет воду.)* Я, коротко говоря, профессор химии и академик Ефросимов. Вы ничего не имеете против?

Ева. Мы очень рады.

Ефросимов. А вы? К кому я попал через окно?

Адам. Адам Красовский.

Ефросимов. Вы — коммунист?

Адам. Да.

Ефросимов. Очень хорошо! *(Еве.)* А вы?

Ева. Я — Ева Войкевич.

Ефросимов. Коммунистка?

Ева. Нет. Я — беспартийная.

Ефросимов. Очень, очень хорошо. Позвольте! Как вы назвали себя?

Ева. Ева Войкевич.

Ефросимов. Не может быть!

Ева. Почему?

Ефросимов. А вы?.. Э...

Ева. Это мой муж. Мы сегодня поженились. Ну да, да, да, Адам и Ева!..

Ефросимов. Ага! Я сразу подметил. А вы говорите, что я сумасшедший!

Ева. Этого никто не говорил!

Ефросимов. Я вижу, что вы это думаете. Но нет, нет! Не беспокойтесь: я нормален. Вид у меня действительно, я сознаю... Когда я шел по городу, эти... ну вот, опять забыл... ну, маленькие... ходят в школу?..

Ева. Дети?

Ефросимов. Мальчики! Именно они. Свистели, а эти... ну, кусают. Рыжие.

Адам. Собаки?

Ефросимов. Да. Бросались на меня, а на углах эти...

Адам.
Ева. } Милиционеры!

Ефросимов. Косились на меня. Возможно, что я шел зигзагами. В ваш же дом я попал потому, что хотел видеть профессора Буслова, но его нет дома. Он ушел на «Фауста». Разрешите мне только немножко отдохнуть. Я — измучился.

Ева. Пожалуйста, пожалуйста. Ждите у нас Буслова.

Адам. Вот мы сейчас закусим...

Ефросимов. Благодарю вас! Вы меня просто очаровали!

Адам. Это фотографический аппарат у вас?

Ефросимов. Нет. Ах! Ну да. Конечно, фотографический. И знаете, раз уж судьба привела меня к вам, позвольте мне вас снять.

Ева. Я, право...

Адам. Я не знаю...

Ефросимов. Садитесь, садитесь... Да, но, виноват... *(Адаму.)* У вашей жены хороший характер?

Адам. По-моему, чудный.

Ефросимов. Прекрасно! Снять, снять! Пусть живет.

Адам *(тихо)*. Ну его в болото. Я не желаю сниматься...

Ефросимов. Скажите, Ева, вы любите?..

Ева. Жизнь?.. Я люблю жизнь. Очень.

Ефросимов. Молодец! Молодец! Великолепно. Садитесь!

Адам *(тихо)*. К черту, к черту, не хочу я сниматься, он сумасшедший!

Ева *(тихо)*. Он просто оригинал, как всякий химик. Брось! *(Громко.)* Ну, Адам! Я, наконец, прошу тебя!

Адам хмуро усаживается рядом с Евой. В дверь стучат, но Ефросимов занят аппаратом, а Адам и Ева своими позами. В дверях появляется Пончик-Непобеда, а на окно осторожно взбирается Маркизов.

Ефросимов. Внимание!

Из аппарата бьет ослепительный луч.

Пончик. Ах! *(Ослепленный, скрывается.)*

Маркизов. Ах, чтоб тебе! *(Скрывается за окном.)*

Луч гаснет.

Ева. Вот так магний!

Пончик *(постучав вторично)*. Адам, можно?

Адам. Можно, можно. Входи, Павел!

Пончик входит. Это малый с блестящими глазками, в роговых очках, штанах до колен и клетчатых чулках.

Пончик. Здорово, старик! Ах, и Ева здесь? Снимались? Вдвоем? Хе-хе-хе. Вот как-с! Я сейчас. Только приведу себя в порядок. *(Скрывается.)*

Ева. Вы дадите нам карточку?

Ефросимов. О, натурально, натурально. Только не теперь, а немного погодя.

Адам. Какой странный аппарат. Это заграничный? В первый раз вижу такой...

Послышался дальний тоскливый вой собаки.

Ефросимов *(тревожно)*. Чего это собака воет? Гм?.. Вы чем занимаетесь, Ева...?

Ева. Артемьевна. Я учусь на курсах иностранных языков.

Ефросимов. А вы, Адам?

Адам. Николаевич! Я — инженер.

Ефросимов. Скажите мне какую-нибудь простенькую формулу, ну, к примеру, формулу хлороформа?

Адам. Хлороформа? Хлороформа. Ева, ты не помнишь формулу хлороформа?

Ева. Я никогда и не знала ее!

Адам. Видите ли, я специалист по мостам.

Ефросимов. А, тогда это вздор... Вздор эти мосты сейчас. Бросьте их! Ну кому в голову сейчас придет

думать о каких-то мостах! Право, смешно... Ну, вы затратите два года на постройку моста, а я берусь взорвать вам его в три минуты. Ну какой же смысл тратить материал и время. Фу, как душно! И почему-то воют псы! Вы знаете, я два месяца просидел в лаборатории и сегодня в первый раз вышел на воздух. Вот почему я так странен и стал забывать простые слова! *(Смеется.)* Но представляю себе лица в Европе! Адам Николаевич, вы думаете о том, что будет война?

Адам. Конечно, думаю. Она очень возможна, потому что капиталистический мир напоен ненавистью к социализму.

Ефросимов. Капиталистический мир напоен ненавистью к социалистическому миру, а социалистический напоен ненавистью к капиталистическому, дорогой строитель мостов, а формула хлороформа $CHCl_3$! Война будет потому, что сегодня душно! Она будет потому, что в трамвае мне каждый день говорят: «Ишь шляпу надел!» Она будет потому, что при прочтении газет *(вынимает из кармана две газеты)* волосы шевелятся на голове и кажется, что видишь кошмар. *(Указывает в газету.)* Что напечатано? «Капитализм необходимо уничтожить». Да? А там *(указывает куда-то вдаль)*, а там что напечатано? А там напечатано: «Коммунизм надо уничтожить». Кошмар! Негра убили на электрическом стуле. Совсем в другом месте, черт знает где, в Бомбейской провинции, кто-то перерезал телеграфную проволоку, в Югославии казнили, стреляли в Испании, стреляли в Берлине. Завтра будут стрелять в Пенсильвании. Это сон! И девушки с ружьями, девушки! — ходят у меня по улице под окнами и поют: «Винтовочка, бей, бей, бей... буржуев не жалей!» Всякий день! Под котлом пламя, по воде ходят пузырьки, какой же, какой слепец будет думать, что она не закипит?

Адам. Виноват, профессор, я извиняюсь! Негр — это одно, а винтовочка, бей — это правильно. Вы, профессор Ефросимов, не можете быть против этой песни!

Ефросимов. Нет, я вообще против пения на улицах.

Адам. Ге... ге... ге. Однако! Будет страшный взрыв, но это последний, очищающий взрыв, потому что на стороне СССР — великая идея.

Ефросимов. Очень возможно, что это великая идея, но дело в том, что в мире есть люди с другой идеей, и идея их заключается в том, чтобы вас с вашей идеей уничтожить.

Адам. Ну, это мы посмотрим!

Ефросимов. Очень боюсь, что многим как раз посмотреть ничего не удастся! Все дело в старичках!..

Ева. Каких старичках?..

Ефросимов *(таинственно)*. Чистенькие старички, в цилиндрах ходят... По сути дела, старичкам безразлична какая бы то ни было идея, за исключением одной — чтобы экономка вовремя подавала кофе. Они не привередливы!.. Один из них сидел, знаете ли, в лаборатории и занимался, не толкаемый ничем, кроме мальчишеской любознательности, чепухой: намешал в колбе разной дряни — вот вроде этого хлороформа, Адам Николаевич, серной кислоты и прочего — и стал подогревать, чтобы посмотреть, что из этого выйдет. Вышло из этого то, что не успел он допить свой кофе, как тысячи людей легли рядышком на полях... затем посинели как сливы, и затем их всех на грузовиках свезли в яму. А интереснее всего то, что они были молодые люди, Адам, и решительно не повинные ни в каких идеях. Я боюсь идей! Всякая из них хороша сама по себе, но лишь до того момента, пока старичок-профессор не вооружит ее технически. Вы — идею, а ученый в дополнение к ней —...мышьяк!..

Ева *(печально под лампой)*. Мне страшно. Теперь я знаю, тебя отравят, мой Адам!

Адам. Не бойся, Ева, не бойся! Я надену противогаз, и мы встретим их!

Ефросимов. С таким же успехом вы можете надвинуть шляпу на лицо! О, милый инженер! Есть только одно ужасное слово, и это слово «сверх». Могу себе представить человека, героя даже, идиота в комнате. Но сверхидиот? Как он выглядит? Как пьет чай? Какие поступки совершает? Сверхгерой? Не понимаю! Бледнеет фантазия! Весь вопрос в том, чем будет пахнуть. Как ни бился старичок, всегда чем-нибудь пахло, то горчицей, то миндалем, то гнилой капустой, и, наконец, запахло нежной геранью. Это был зловещий запах, друзья, но это не «сверх»! «Сверх» же будет, когда в лаборатории ничем не запахнет, не загремит и быстро подействует. Тогда старик поставит на пробирке черный крестик, чтобы не спутать, и скажет: «Я сделал, что умел. Остальное — ваше дело. Идеи, столкнитесь!» *(Шепотом.)* Так вот, Адам Николаевич, уже не пахнет ничем, не взрывается и быстро действует.

Ева. Я не желаю умирать! Что же делать?

Ефросимов. В землю! Вниз! В преисподнюю, о прародительница Ева! Вместо того, чтобы строить мост, ройте подземный город и бегите вниз!

Ева. Я не желаю ничего этого! Адам, едем скорее на Зеленый Мыс!

Ефросимов. О, дитя мое! Я расстроил вас? Ну, успокойтесь, успокойтесь! Забудьте обо всем, что я сказал: войны не будет. Вот почему: найдется, наконец, тот, кто скажет: если уж нельзя прекратить поток идей, обуревающих, между прочим, и Адама Николаевича, то нужно обуздать старичков. Но за ними с противогазом не угонишься! Требуется что-то радикальное. Смотрите *(накладывает одну кисть руки на другую)*, это клетка человеческого тела... Теперь *(сдвигает пальцы)* что произошло? Та же прежняя клетка, но щели между частицами ее исчезли, а через эти щели, Адам Николаевич, и проникал старичок! Непонятно? Все спокойно! Поезжайте в Зеленый Мыс! Благословляю вас, Адам и Ева!

В дверях бесшумно появляется Дараган. Он в черном. Во всю грудь у него вышита серебряная летная птица.

Если кто-нибудь найдет этот способ сдвинуть пальцы, то, Адам Николаевич, химическая война не состоится, а следовательно, не состоится и никакая война. Но только весь вопрос в том, кому отдать такое изобретение...

Дараган *(внезапно)*. Это самый легкий вопрос, профессор. Такое изобретение нужно немедленно отдать Реввоенсовету Республики...

Адам. А, Дараган! Вот, познакомьтесь: Андрей Дараган.

Дараган. Я знаю профессора. Очень приятно.

Адам. Ну, Дараган. Сознаюсь — мы расписались сегодня с Евой.

Дараган. И это уже знаю. Ну что же, поздравляю, Ева. Переехали к нам? Соседи будем. Я слушал вас, профессор. Вы прочли нашим командирам лекцию «Улавливание боевых мышьяков». Какой блеск!

Ефросимов. Ах да, да!.. Как же... Да что же «улавливание» — разве их уловишь?

Дараган. Приятно, что в республике трудящихся имеются такие громадные научные силы, как вы.

Ефросимов. Благодарю вас! А вы чем изволите заниматься?

Дараган. Ну, я что ж? Служу республике в должности командира истребительной эскадрильи.

Ефросимов. Ах, так, так...

Дараган. Профессор, вот вы говорили, что возможно такое изобретение, которое исключит химическую войну?

Ефросимов. Да.

Дараган. Поразительно! Вы даже спрашивали, куда его сдать?

Ефросимов *(морщась)*. Ах да. Это мучительнейший вопрос... Я полагаю, что, чтобы спасти человечество от беды, нужно сдать такое изобретение всем странам сразу.

Дараган *(темнея)*. Как? *(Пауза.)* Всем странам? Профессор, что вы говорите! Отдать капиталистическим странам изобретение исключительной военной важности?

Ефросимов. Ну, а как же быть, по-вашему?

Дараган. Я поражен. По-моему... Извините, профессор, но я бы не советовал вам нигде даже произносить это... право...

Адам за спиной Ефросимова делает знак Дарагану, обозначающий: «Ефросимов не в своем уме».

Дараган *(покосившись на аппарат Ефросимова)*. Впрочем, конечно, это вопрос очень сложный... А это простое изобретение?

Ефросимов. Я полагаю, что оно будет просто... сравнительно.

Пончик *(входя с шумом)*. Привет, товарищи, привет! Вот и я! Ева! *(Целует ей руку.)*

Ева. Знакомьтесь...

Пончик. Литератор Пончик-Непобеда.

Ефросимов. Ефросимов.

Все садятся за стол.

Пончик. Поздравьте, друзья! В Ленинграде большая литературная новость...

Ева. Какая?

Пончик. Мой роман принят к печатанию... Двадцать два печатных листика. Так-то-с...

Адам. Читай!

Ева. Вот сейчас закусим...

Пончик. Можно читать и во время еды.

Адам. У нас тоже литературная новость: мы, брат, сегодня расписались...

Пончик. Где?

Адам. Ну где... В загсе...

Пончик. Так... *(Пауза.)* Поздравляю!

Дараган. А вы где, профессор, живете?

Ефросимов. Я живу... ну, словом, номер шестнадцатый... Коричневый дом... Виноват... *(Вынимает записную книжку.)* Ага... Вот. Улица Жуковского... Нет... С этим надо бороться...

Дараган. Только что переехали?

Ефросимов. Да нет, третий год живу. Забыл, понимаете ли, название улицы...

Ева. Со всяким может случиться!

Дараган. Угу...

Пончик дико смотрит на Ефросимова.

Адам. Ну, роман! Роман!

Пончик *(вооружается рукописью, и под лампой сразу становится уютно. Читает).* «Красные Зеленя». Роман. Глава первая. ...Там, где некогда тощую землю бороздили землистые лица крестьян князя Барятинского, ныне показались свежие щечки колхозниц.— Эх, Ваня! Ваня! — зазвенело на меже...»

Ефросимов. Тысячу извинений... Я только один вопрос: ведь это было напечатано во вчерашней «Вечерке»?

Пончик. Я извиняюсь, в какой «Вечерке»? Я читаю рукопись!

Ефросимов. Простите. *(Вынимает газету, показывает Пончику.)*

Пончик *(поглядев в газету).* Какая сволочь! А!

Адам. Кто?

Пончик. Марьин-Рощин. Вот кто! Нет, вы послушайте! *(Читает в газете.)* «...Там, где когда-то хилые поля обрабатывали голодные мужики графа Шереметева...» Ах, мерзавец! *(Читает.)* «...теперь работают колхозницы в красных повязках.— Егорка! — закричали на полосе...» Сукин сын!

Ева. Списал?

Пончик. Как он мог списать? Нет! Мы в одной бригаде ездили в колхоз, и он таскался со мной по колхозу как тень, и мы видели одни и те же картины.

Дараган. А именье-то чье? Шереметева или Барятинского?

Пончик. Дондукова-Корсакова именье.

Ефросимов. Что ж! Теперь публике останется

решить одно: у кого из двух эти картины вышли лучше...

Пончик. Так... так... У кого лучше вышли картины... У лакировщика и примазавшегося графомана или же у Павла Пончика-Непобеды?

Ефросимов *(простодушно)*. У графомана вышло лучше.

Пончик. Мерси, Адам, мерси. *(Ефросимову.)* Аполлон Акимович лично мне в Москве сказал: «Молодец! Крепкий роман!»

Ефросимов. А кто это — Аполлон Акимович?

Пончик. Здрасьте! Спасибо, Адам... Может быть, гражданин не знает, кто такой Савелий Савельевич? Может быть, он «Войны и мира» не читал? В Главлите никогда не был, но критикует!

Ева. Павел Апостолович!

Дараган. Товарищи! По рюмке водки!

В передней звонок телефона. Дараган выбегает в переднюю и задергивает комнату занавесом.

Да... Я у телефона. *(Пауза. Бледнеет.)* Вышла уже машина? *(Пауза.)* Сейчас! *(Вешает трубку, зовет тихонько.)* Пончик-Непобеда! Пончик!

Пончик *(выходит в переднюю)*. Что это за гусь такой?

Дараган. Это знаменитый химик Ефросимов.

Пончик. Так черт его возьми! Может, он в химии и смыслит...

Дараган. Погодите, Пончик-Непобеда, слушайте: я сейчас уеду срочно на аэродром. Вы же сделайте следующее: никуда не звоня по телефону и сказав Адаму, чтобы профессор ни в коем случае не вышел отсюда, отправьтесь и сообщите, первое, что профессор Ефросимов, по моему подозрению, сделал военное величайшей важности открытие. Что это изобретение в виде аппарата надето на нем. Что он здесь. Это раз. Второе, по моему подозрению, он психически расстроен и может натворить величайшей ерунды в смысле заграницы... Третье, пусть сейчас же явятся и проверят все это. Все. Но, Пончик-Непобеда, если профессор с аппаратом уйдет отсюда, отвечать будете вы по делу о государственной измене.

Пончик. Товарищ Дараган, помилуйте...

Резкий стук в дверь.

Дараган *(открыв дверь, говорит)*. Не помилую. Еду. *(И исчезает без фуражки.)*

Пончик. Товарищ Дараган, вы фуражку забыли!

Дараган *(за дверью).* Черт с ней!

Пончик. Вот навязалась история на мою голову! *(Тихонько.)* Адам! Адам!

Адам *(выходя в переднюю).* Что такое?

Пончик. Слушай, Адам. Прими меры, чтобы этот чертов химик никуда от тебя со своим аппаратом не ушел, пока я не вернусь!

Адам. Это что обозначает?

Пончик. Мы сейчас с Дараганом догадались, что на нем государственное военное изобретение. Аппарат!

Адам. Это фотографический аппарат!

Пончик. Какой там черт фотографический!

Адам. А-а!

Пончик. Я вернусь не один. И помни: отвечать будешь ты! *(Бросается в дверь.)*

Адам *(в дверь).* Где Дараган?

Пончик *(за дверью).* Не знаю.

Адам. Что за собачий вечер! *(Потрясенный, возвращается в комнату.)*

Ева. А где Пончик и Дараган?

Адам. Они пошли в магазин.

Ева. Вот чудаки! Ведь все же есть...

Адам. Они сейчас придут.

Пауза.

Ефросимов *(неожиданно).* Боже мой! Жак! Жак! Ах, я дурак! Ведь я же забыл снять Жака!.. В первую очередь! Господи! Ведь это прямо помрачение ума. Но не может же быть, чтобы все свалилось так внезапно и сию минуту. Успокойте меня, Ева! Что, «Фауст» идет еще? Ах, ах... ах... *(Подходит к окну и начинает смотреть в него.)*

Адам *(тихо Еве).* Ты считаешь его нормальным?

Ева. Я считаю его совершенно нормальным.

Ефросимов. «Фауст» идет еще?

Ева. Сейчас. *(Открывает громкоговоритель, и оттуда слышны последние такты сцены в храме, а затем начинается марш.)* Идет.

Ефросимов. И зачем физиологу Буслову «Фауст»?

Ева. Голубчик, Александр Ипполитович, что случилось? Перестаньте так волноваться, выпейте вина!

Ефросимов. Постойте, постойте! Слышите, опять...

Адам *(тревожно).* Что? Ну, собака завыла. Ее дразнит гармоника...

Ефросимов. Ах нет, нет. Они целый день воют сегодня. И если б вы знали, как это меня тревожит! И я уже раздираем между двумя желаниями: ждать Буслова или бросить его и бежать к Жаку...

Адам. Кто такой Жак?

Ефросимов. Ах, если бы не Жак, я был бы совершенно одинок на этом свете, потому что нельзя же считать мою тетку, которая гладит сорочки... Жак освещает мою жизнь... *(Пауза.)* Жак — это моя собака. Вижу, идут четверо, несут щенка и смеются. Оказывается — вешать. И я им заплатил двенадцать рублей, чтобы они не вешали его. Теперь он взрослый, и я никогда не расстаюсь с ним. В неядовитые дни он сидит у меня в лаборатории и он смотрит, как я работаю. За что вешать собаку?..

Ева. Александр Ипполитович, вам непременно нужно жениться!

Ефросимов. Ах, я ни за что не женюсь, пока не узнаю, почему развылись собаки!.. Так что же, наконец, научите! Ждать ли Буслова или бежать к Жаку? А?

Ева. Миленький Александр Ипполитович! Нельзя же так! Ну что случится с вашим Жаком? Ведь это же просто — неврастения! Ну конечно, дождаться Буслова, поговорить с ним и спокойно отправиться домой и лечь спать!

Звонок. Адам идет открывать, и входят Туллер 1-й, Туллер 2-й и Клавдия Петровна. Последним входит озабоченный Пончик.

Туллер 1-й. Привет, Адам! Узнали о твоем бракосочетании и решили нагрянуть к тебе — поздравить! Здорово...

Адам *(растерян, он видит Туллера впервые в жизни)*. Здорово... входите!..

Входят в комнату.

Туллер 1-й. Знакомь же с женой!

Адам. Вот это, Ева... Э...

Туллер 1-й. Туллер, Адамов друг. Наверное, он не раз рассказывал обо мне?

Ева. Нет, ничего не говорил!..

Туллер 1-й. Разбойник! Прошу, знакомьтесь: это мой двоюродный брат — тоже Туллер!

Туллер 2-й. Туллер!

Туллер 1-й. Мы, Ева Артемьевна, вот и Клавдию прихватили с собой. Знакомьтесь! Ну, это просто ученая

женщина. Врач. Психиатр. Вот как. Тоже ничего не говорил? Хорош друг! Ах, Адам! *(Еве.)* Вы не сердитесь на незваных гостей?

Ева. Нет, нет, зачем же? У Адама всегда очень симпатичные приятели. Аня! Аня!

Туллер 1-й. Нет, нет, никаких хлопот! Мой двоюродный брат Туллер — хозяйственник...

Туллер 2-й. Туллер прав... *(Разворачивает сверток.)*

Ева. Это совершенно напрасно. У нас все есть.

Входит Аня, ей передают коробки, она уходит.

Пончик, садитесь! А где же Дараган? Садитесь, товарищи!

Клавдия. Боже, какая жара!

Ева. Адам, познакомь же...

Туллер 1-й. С кем? С Александром Ипполитовичем? Что вы! Мы прекрасно знакомы!

Туллер 2-й. Туллер, Александр Ипполитович тебя явно не узнает!

Туллер 1-й. Быть этого не может!

Ефросимов. Простите... я, право, так рассеян... я действительно не узнаю...

Туллер 1-й. Но как же...

Клавдия. Оставьте, Туллер, в такую жару родного брата не узнаешь! У меня в августе положительно плавятся мозги. Ах этот август!

Ефросимов. Простите, но сейчас же ведь не август?

Клавдия. Как не август? А какой же у нас месяц, по-вашему?

Туллер 1-й. Вот тебе раз! Клавдия от духоты помешалась! Александр Ипполитович! Скажите ей, бога ради, какой теперь месяц?

Ефросимов. Во всяком случае, не август, а этот... как его... как его...

Пауза.

Туллер 1-й *(тихо и значительно)*. Май у нас в СССР, Александр Ипполитович, май!.. *(Весело.)* Итак: в прошлом году, в этом же мае... Сестрорецк... Вы жили на даче у вдовы Марьи Павловны Офицерской, а я рядом, у Козловых. Вы с Жаком ходили купаться, и я вашего Жака даже снял один раз!

Ефросимов. Вот оказия... совершенно верно: Марья Павловна... у меня, по-видимому, отшибло память!

Туллер 2-й. Эх ты, фотограф. Видно, ты не очень примечательная личность! Ты лучше обрати внимание, какой у профессора замечательный аппарат!

Туллер 1-й. Туллер! Это не фотографический аппарат!

Туллер 2-й. Ну что ты мне рассказываешь! Это заграничный фотографический аппарат!

Туллер 1-й. Туллер!..

Туллер 2-й. Фотографический!

Туллер 1-й. А я говорю — не фотографический!

Туллер 2-й. Фо-то-графический!

Ефросимов. Видите ли, гражданин Туллер, это...

Туллер 1-й. Нет, нет, профессор, его надо проучить. Пари на пятнадцать рублей желаешь?

Туллер 2-й. Идет!

Туллер 1-й. Ну-с, профессор, какой это аппарат? Фотографический?

Ефросимов. Видите ли, это не фотографический аппарат...

Ева. Как?!.

Входит Аня и начинает вынимать из буфета посуду. В громкоговорители мощные хоры с оркестром поют: «Родины славу не посрамим!..»

Туллер 1-й. Гоп! Вынимай пятнадцать рублей! Это — урок!

Туллер 2-й. Но, позвольте, как же, ведь это же «Гном»?..

Туллер 1-й. Сам ты гном!

Вдруг послышался визг собаки, затем короткий вопль женщины.

Аня *(роняет посуду)*. Ох! Тошно... *(Падает и умирает.)*

За окнами послышались короткие, быстро гаснущие крики. Гармоника умолкла.

Туллер 1-й. Ах!.. *(Падает и умирает.)*

Туллер 2-й. Богданов! Бери аппарат!.. *(Падает и умирает.)*

Клавдия. Я погибла! *(Падает, умирает.)*

Пончик. Что это такое?! Что это такое?! *(Пятится, бросается бежать и исчезает из квартиры, хлопнув дверью.)*

Музыка в громкоговорителе разваливается. Слышен тяжкий гул голосов, но он сейчас же прекращается. Настает полное молчание всюду.

Ефросимов. О, предчувствие мое! Жак!.. *(Отчаянно.)* Жак!

Адам *(бросается к Клавдии, вглядывается в лицо, потом медленно идет к Ефросимову. Становится страшен).* Так вот что за аппарат? Вы убили их? *(Исступленно.)* На помощь! Хватайте человека с аппаратом!

Ева. Адам! Что это?!.

Ефросимов. Безумный! Что вы! Поймите, наконец! Ева, оторвите от меня дикую кошку!

Ева *(глянув в окно).* Ох, что же это?! Адам, глянь в окно! Дети лежат!..

Адам *(оставив Ефросимова, подбегает к окну).* Объясните, что это?

Ефросимов. Это? *(В глазах у Ефросимова полные туманы.)* Это? Идея!!. Негр на электрическом стуле! Это — моя беда! Это — винтовочка, бей! Это — такая война! Это — солнечный газ!..

Адам. Что? Не слышу? Что? Газ! *(Схватывает Еву за руку.)* За мною! Скорее в подвал! За мной! *(Тащит Еву к выходу.)*

Ева. Адам, спаси меня!

Ефросимов. Остановитесь! Не бегите! Вам ничто уже не угрожает! Да поймите же наконец, что этот аппарат спасает от газа! Я сделал открытие! Я! Я! Ефросимов! Вы спасены! Сдержите вашу жену, а то она сойдет с ума!

Адам. А они умерли?

Ефросимов. Они умерли.

Ева. Адам! Адам! *(Указывает на Ефросимова.)* Он гений! Он пророк!

Ефросимов. Повтори! Гений? Гений? Кто-нибудь, кто видел живых среди мертвых, повторите ее слова!

Ева *(в припадке страха).* Боюсь мертвых! Спасите! В подвал! *(Убегает.)*

Адам. Куда ты? Остановись! Остановись! *(Убегает за ней.)*

Ефросимов *(один).* Умерли... И дети? Дети? Они выросли бы, и у них появились бы идеи... Какие? Повесить щенка?.. А ты, мой друг. Какая у тебя была идея, кроме одной — никому не делать зла, лежать у ног, смотреть в глаза и сытно есть!.. За что же вешать собаку?..

Свет начинает медленно убывать, и в Ленинграде настает тьма.

Занавес

АКТ ВТОРОЙ

Большой универсальный магазин в Ленинграде. Внутренняя лестница. Гигантские стекла внизу выбиты, и в магазине стоит трамвай, вошедший в магазин. Мертвая вагоновожатая. На лесенке у полки — мертвый продавец с сорочкой в руках. Мертвая женщина, склонившаяся на прилавок, мертвый у входа (умер стоя). Но более мертвых нет. Вероятно, публика из магазина бросилась бежать, и люди умирали на улице. Весь пол усеян раздавленными покупками.

В гигантских окнах универмага ад и рай. Рай освещен ранним солнцем вверху, а внизу ад — дальним густым заревом. Между ними висит дым, и в нем призрачная квадрига над развалинами и пожарищами.

Стоит настоящая мертвая тишина.

Ева *(входит с улицы, пройдя через разбитое окно. Платье на ней разорвано. Ева явно психически ущерблена. Говорит, обернувшись к улице).* Но предупреждаю, я не останусь одна более четверти часа! Слышите? Я не меньше Жака могу рассчитывать на сожаление и внимание! Я — молодая женщина, и, наконец, я трусливая, я слабая женщина! Миленькие, голубчики, ну, хорошо, я все сделаю, но только не уходите далеко, так чтобы я ощущала ваше присутствие! Хорошо? А? Ушли!.. *(Садится на лестнице.)* Прежде всего закурить... Спички... *(Обращается к мертвому продавцу.)* Спички! *(Шарит у него в карманах, вынимает спички, закуривает.)* Наверное, ссорился с покупательницей? Дети, возможно, есть у тебя? Ну, ладно... *(Поднимается по лесенке вверх и начинает выбирать на полке рубашки.)*

Вверху слышен звук падения, посыпались на лестнице стекла, затем сверху по лестнице сбегает Дараган. Он до шеи запакован в промасленный костюм. Костюм этот разорван и окровавлен. На груди светит лампа. Лицо Дарагана покрыто язвами, волосы седые. Дараган бежит вниз, шаря в воздухе руками и неверно. Он — слеп.

Дараган. Ко мне! Ко мне! Эй, товарищи! Кто здесь есть? Ко мне! *(Сбегает, падает у подножия лестницы.)*

Ева *(опомнившись, кричит пронзительно).* Живой! *(Закрывает лицо руками.)* Живой! *(Кричит на улицу.)* Мужчины! Вернитесь! Адам! Появился первый живой! Летчик! *(Дарагану.)* Вам помогут сейчас! Вы ранены?

Дараган. Женщина? А? Женщина? Говорите громче, я оглох.

Ева. Я — женщина, да, женщина!

Дараган. Нет, нет, не прикасайтесь ко мне! Во мне смерть!

Ева. Мне не опасен газ!

Дараган. Назад, а то застрелю! Где нахожусь?

Ева. Вы в универмаге!

Дараган. Ленинград? Да?

Ева. Да, да, да!

Дараган. Какого-нибудь военного ко мне! Скорее! Эй, женщина, военного!

Ева. Здесь никого нет!

Дараган. Берите бумагу и карандаш!

Ева. Нет у меня, нет!..

Дараган. А, черт! Неужели никого нет, кроме неграмотной уборщицы!..

Ева. Вы не видите? Не видите?

Дараган. О, глупая женщина! Я — слеп. Я падал слепой. Не вижу мира...

Ева *(узнав)*. Дараган! Дараган!

Дараган. О, как я страдаю!.. *(Ложится.)* У меня язвы внутри...

Ева. Вы — Дараган! Дараган!

Дараган. А? Быть может... Сказано — не подходить ко мне?.. Слушайте, женщина: я отравлен, безумен и умираю. Ах! *(Стонет.)* ...Берите бумагу и карандаш!.. Грамотна?

Ева. Дайте же мне снять костюм с вас! Вы окровавлены!

Дараган *(яростно)*. Русский язык понятен? Назад! Я опасен!

Ева. Что же это такое?.. Адам... Адам!.. Вы не узнаете меня по голосу?

Дараган. А? Громче, громче, глохну... Пишите: доношу... Мы сорвали воздушные фартуки, и наши бомбовозы прошли. Но в эскадрилье погибли — все, кроме меня, вместе с аппаратами. Кроме того: город зажжен и фашистское осиное гнездо объято пламенем. Пламенем! Кроме того: не существует более трефовый опасный туз! Его сбил Дараган! Но сам Дараган, будучи отравлен смесью, стал слеп и упал в Ленинграде. Упав, службу Советов нести более не может. Он — холост. Я — холост. Пенсию отдает государству, ибо он, Дараган, одинок. А орден просит положить ему в гроб. Кроме того, просит... просит... дать знать... разыскать... ах, забыл... Еве дать знать, что Дараган — чемпион мира! Число, час, и в штаб. *(Кричит.)* Эй, эй, товарищи! *(Вскакивает, заламывает руки, идет.)* Кто-нибудь! Во имя милосердия! Застрелите

меня! Во имя милосердия! Не могу переносить мучений! Дайте мне револьвер! Пить! Пить!

Ева. Не дам револьвер! Пейте!

Дараган (*пробует пить из фляги и не может глотать*). Револьвер! (*Шарит.*) В гондоле.

Ева. Не дам! Не дам! Терпите! Сейчас придут мужчины!

Дараган. Внутри горю! Пылаю!

В громкоговорителе вдруг взрыв труб.

Ева. Опять, опять сигнал! (*Кричит.*) Откуда? Откуда?

Громкоговоритель стихает.

Дараган. Не подпускать ко мне докторов! Перестреляю, гадов! Почему никто не сжалится над слепым? Зовите кого-нибудь! Или я, быть может, в плену?

Ева. Опомнитесь! Опомнитесь! Я — Ева! Ева! Вы знаете меня! О, Дараган, я не могу видеть твоих страданий! Я — Ева!

Дараган. Не помню ничего! Не знаю никого! На помощь!

Послышался шум автомобиля.

Ева. Они! Они! Счастье! Адам! Адам! Сюда! Сюда! Здесь живой человек!

Вбегают Адам и Ефросимов.

Ефросимов. Боже праведный!

Адам. Александр Ипполитович! Это — Дараган! Откуда он? Откуда?!

Ева. Он упал здесь с аппаратом с неба!

Дараган. Назад все! Назад! Смерть! На мне роса!

Ефросимов. Каким газом вы отравлены? Каким газом?

Ева. Громче, громче! Он оглох...

Ефросимов. Оглох?.. (*Передвигает кнопку в аппарате.*)

Дараган. Товарищ! Доношу: я видел дымные столбы, их было без числа!

Ева. Он обезумел, милый Адам! Он не узнает никого! Милый Адам! Скорей, а то он умрет!

Ефросимов направляет луч из аппарата на Дарагана. Тот некоторое время лежит неподвижно и стонет, потом оживает и язвы на его лице затягиваются. Потом садится.

Ева *(плачет, хватает Ефросимова за руки).* Милый, любимый, великий, чудный человек, сиреневый, глазки расцеловать, глазки расцеловать! *(Гладит голову Ефросимова, целует.)* Какой умный!..

Ефросимов. Ага! Ага! Дайте мне еще отравленного! Еще! *(Шарит лучом, наводит его на мертвого продавца.)* Нет! Этот погиб! Нет! Не будет Жака!

Адам. Профессор! Профессор! Что же это вы? А? Спокойно!

Ефросимов. Да, да, спасибо. Вы правы... *(Садится.)*

Дараган. Я прозрел. Не понимаю, как это сделано... Кто вы такие? *(Пауза.)* Ева?!

Ева. Да, это я, я!

Дараган. Не становитесь близко, я сам сниму костюм. *(Снимает.)* Адам?

Адам. Да, я.

Дараган. Да не стойте же возле меня! Отравитесь! Как вы сюда попали? Ах да, позвольте... Понимаю: я упал сюда, а вы случайно были в магазине... Как звенит у меня в голове! Так вы сюда пришли... и...

Адам. Нет, Дараган, это не так.

Ефросимов. Не говорите ему сразу правды, а то вы не справитесь с ним потом...

Адам. Да, это верно.

Дараган. Нет, впрочем, не все ясно... *(Пьет.)*

Адам. Откуда ты?

Дараган. Когда я возвращался из... ну, словом, когда я закончил марш-маневр, я встретил истребителя-фашиста, чемпиона мира, Аса-Герра. Он вышел из облака, и я увидел в кругах его знак — трефовый туз!

В громкоговорителе начинается военный марш.

Почему музыка?

Ева *(заплакав).* Опять! Опять! Это — смерть клочьями летает в мире и то кричит на неизвестных языках, то звучит как музыка!

Адам. Ева, замолчи сейчас же!! *(Трясет ее за плечи.)* Молчать! Малодушная Ева! Если ты сойдешь с ума, кто вылечит тебя?

Ева. Да, да! *(Утихает.)*

Дараган. Он дымом начертил мне слово «коммун», затем выстучал мне «спускайся», а кончил тем, что начертил дымный трефовый туз. Я понял сигнал: коммунист, падай, я — Ас-Герр, — и в груди я почувствовал

холодный ветер. Одному из нас не летать. Я знаю его мотор, а пулемет его выпускает сорок пуль в секунду. Он сделал перекрещение штопора, и поворот Иммельмана, и бочку — все, от чего у каждого летчика при встрече с Асом-Герром сердце сжимается в комок. У меня не сжалось, а, наоборот, как будто распухло и отяжелело! Он прошел у меня раз в мертвом пространстве, и в голове у меня вдруг все закипело, и я понял, что он обстрелял меня и отравил. Я не помню, как я вывернулся, и мы разошлись. Тут уже, смеясь и зная, что мне уже не летать более, я с дальней дистанции обстрелял его и вдруг увидел, как свернул и задымил Герр, скользнул и пошел вниз. Потом он летел как пук горящей соломы и сейчас лежит на дне Невы или в Финском заливе. У меня же загорелось все внутри, и, слепой, я упал сюда... Он Ефросимов?

Музыка в радио прекращается.

Адам. Да.

Дараган. Позвольте, позвольте... Он изобрел, да, он изобрел аппарат... Идет война, вы, вероятно, знаете уже, впрочем? *(Оглядывается, видит трамвай.)* Что это значит?.. *(Встает, подходит к вагоновожатой, смотрит.)* Что, мертва? Сошел с рельс? Бомба? Да? Ведите меня в штаб.

Адам. Вот что, Дараган, в Ленинграде нет ни одного человека.

Дараган. Какого — ни одного человека... ах, голова еще не ясна... Я в курсе дел... Когда я вылетел? А? Да, вчера вечером, когда тот читал про мужиков какого-то князя... Слушайте, воюет весь мир!..

Ева. Дараган, в Ленинграде нет никого, кроме нас! Только слушайте спокойно, чтобы не сойти с ума.

Дараган *(вяло)*. Куда же все девались?

Ева. Вчера вечером, лишь только вы исчезли, пришел газ и задушил всех.

Ефросимов. Остались Ева и ее Адам и я!..

Дараган. Ева, Адам!.. Между прочим, вы и вчера уже показались мне странным! Душевнобольным.

Ефросимов. Нет, нет, я нервно расстроен, но уж не боюсь сойти с ума, я присмотрелся, а вы бойтесь! Не думайте лучше ни о чем. Ложитесь, закутайтесь!

Дараган *(криво усмехнувшись)*. В Ленинграде два миллиона жителей... Куда, к черту! Я-то больше вашего знаю о налете... Его спросите! Он вам объяснит... какой газ нужен для того, чтобы задавить Ленинград!

Ева. Знаем, знаем... *(Показывает крест из пальцев.)* Черный... *(Плачет.)*

Дараган оглядывается беспокойно, что-то обдумывает, идет к окнам. Походка его больная. Долго смотрит, потом схватывается за голову.

Адам *(беспокойно).* Дараган, Дараган, перестань...

Дараган *(кричит негромко).* Самолет мне! Эй, товарищи! Эй, самолет командиру! *(Шарит в карманах, вынимает маленькую бонбоньерку, показывает Ефросимову.)* Видал? Видал? Ах, они полагали, что советские как в поле суслики? Ах, мол, в лаптях мы? Лыком шиты? Два миллиона? Заводы? Дети? Видал? Видал крестик? Сказано — без приказа Реввоенсовета не бросать? Я отдаю приказ — развинчивай, кидай!

Адам. Куда? Куда? Куда?

Дараган. Я прямо! Прямо! Раз — в два счета, куда нужно. Я адрес знаю! Куда посылку отвезти.

Ева. Адам, Адам, держи его...

Дараган *(прячет бонбоньерку, слабеет, садится, говорит строго).* Почему город горит?

Адам. Трамваи еще час ходили, давили друг друга, и автомобили с мертвыми шоферами. Бензин горел!

Дараган. Как вы уцелели?

Адам. Профессор просветил нас лучом, после которого организм не всасывает никакого газа.

Дараган *(приподнимаясь).* Государственный изменник!

Ева. Что вы, что вы, Дараган!

Дараган. Дай-ка револьвер!

Адам. Не дам.

Дараган. Что? *(Пошарив, снимает с внешнего костюма бомбу с рукоятью.)* К ответу, к ответу профессора Ефросимова! Я в тот вечер догадался, что он изобрел! И вот: сколько бы людей ни осталось в Ленинграде, вы двое будете свидетелями того, как профессор Ефросимов отвечал Дарагану! Кажись, он злодей!

Ефросимов *(шевельнувшись).* Что такое?

Дараган. Не обижайтесь! Сейчас узнаем. Но если что неладное узнаю, вы выходите из магазина! Почему ваш аппарат не был сдан вовремя государству?

Ефросимов *(вяло).* Не понимаю вопроса. Что значит — вовремя?

Дараган. Отвечать!

Ева. Адам! Адам! Да что же ты смотришь? Профессор, что же вы молчите?

Адам. Я запрещаю! Приказываю положить бомбу.

Дараган. Кто ты таков, чтоб запрещать мне?

Адам. Я — первый человек, уцелевший в Ленинграде, партиец Адам Красовский — принял на себя власть в Ленинграде, и дело это я уже разобрал. Запрещаю нападать на Ефросимова! А вы, профессор, скажите ему, чтобы его успокоить.

Ефросимов. Он меня... как это... испугал...

Ева. Вы испугали его.

Ефросимов. Открытие я сделал первого мая и узнал, что я вывел из строя все отравляющие вещества — их можно было сдавать в сарай. Животная клетка не только не поглощала после просвечивания никакого отравляющего вещества, но более того — если даже организм был отравлен, живое существо еще можно было спасти, если только оно не умерло. Тогда я понял, что не будет газовой войны. Я просветил себя. Но только пятнадцатого утром мастер принес мне коробку, куда я вмонтировал раствор перманганата в стеклах и поляризованный луч. Я вышел на улицу и к вечеру был у Адама. А через час после моего прихода был отравлен Ленинград.

Дараган. Но вы хотели этот луч отдать за границу?

Ефросимов. Я могу хотеть все, что я хочу.

Дараган *(ложась)*. Послушай, Адам, что говорит специалист. Я ослабел. Меня пронизывает дрожь... А между тем я должен встать и лететь... Но оперение мое, оперение мое! Цело ли оно? Кости мои разломаны! Но внутри я уже больше не горю. Но как же, как же так? Мы же встретили их эскадрилью над Кронштадтом и разнесли ее...

Адам *(наклоняясь к Дарагану)*. Дараган, это были не те. Те прошли в стратосфере, выше.

Дараган. Ну, ладно... Я полечу... Я полечу.

Ефросимов. Вы никуда не полетите, истребитель! Да и незачем вам лететь!.. Все кончено...

Дараган. Чем кончено?! Я хочу знать, чем это кончено! И знаю, чем это кончится. Молчите!

Ефросимов. Не только лететь, но вам нельзя даже сидеть... Вы будете лежать, истребитель, долго, если не хотите погибнуть.

Дараган. Возле меня никогда не было женщины, я хотел бы лежать в чистой постели и чтобы чай с лимоном стоял на стуле. Я болен!.. А отлежавшись, я поднимусь на

шесть тысяч, под самый потолок, и на закате... *(Адаму.)* Москва?

Адам. Москва молчит!

Ева. И мы слышим только обрывки музыки и несвязные слова на разных языках! Воюют во всех странах. Между собой.

Адам. На рассвете мы сделали пятьдесят километров на машине и видели только трупы и осколки стеклянной бомбы, а Ефросимов говорит, что в ней бациллы чумы.

Дараган. Здорово! Но больше слушать не хочу. Ничего не говорите мне больше! *(Пауза. Указывая на Адама.)* Пусть он распоряжается, и я подчиняюсь ему.

Адам. Ева, помоги мне поднять его.

Поднимают Дарагана. Ева подхватывает узел.

Дараган. Куда?

Адам. В леса. За бензином.

Дараган. И за самолетом!

Адам. Ну, ладно, едем. Может быть, проберемся на аэродром. Потом вернемся сюда, чтобы взять мелочь. И вон! А то мы вовсе не вывернемся!..

Уходят.

Долгая пауза. Слышно, как застучала машина и ушла. Через некоторое время в магазин вбегает Пончик-Непобеда. Пиджак на нем разорван. Он в грязи.

Пончик *(в безумии)*. Самое главное — сохранить ум и не думать и не ломать голову над тем, почему я остался жить один. Господи! Господи! *(Крестится.)* Прости меня за то, что я сотрудничал в «Безбожнике». Прости, дорогой Господи! Перед людьми я мог бы отпереться, так как подписывался псевдонимом, но тебе не совру — это был именно я! Я сотрудничал в «Безбожнике» по легкомыслию. Скажу тебе одному, Господи, что я верующий человек до мозга костей и ненавижу коммунизм. И даю тебе обещание перед лицом мертвых, если ты научишь меня, как уйти из города и сохранить жизнь,— я... *(Вынимает рукопись.)* Матерь Божия, но на колхозы ты не в претензии?.. Ну что особенного? Ну, мужики были порознь, ну, а теперь будут вместе. Какая разница, Господи? Не пропадут они, окаянные! Воззри, о Господи, на погибающего раба твоего Пончика-Непобеду, спаси его! Я православный, Господи, и дед мой служил в консистории. *(Поднимается с колен.)* Что ж это со мной? Я, кажется, свихнулся со страху, признаюсь в этом.

(Вскрикивает.) Не сводите меня с ума! Чего я ищу? Хоть бы один человек, который научил бы...

Слышен слабый дальний крик Маркизова: «Помогите!..»

Не может быть! Это мерещится мне! Нет живых в Ленинграде!

Маркизов вползает в магазин. За спиной у него котомка, одна нога обнажена, и видно, что ступня покрыта язвами.

Маркизов. Вот, дотащился... Здесь и помру... Мне больно! Я обливаюсь слезами, а помочь мне некому, гниет нога! Всех убили сразу, а меня с мучениями. А за что? Ну и буду кричать, как несчастный узник, пока не изойду криком. *(Кричит слабо.)* Помогите!

Пончик. Человек! Живой! Дошла моя молитва! *(Бросается к Маркизову, обнимает его.)* Да вы Маркизов?!

Маркизов. Я, я — Маркизов! Вот видите, гражданин, погибаю! *(Обнимает Пончика и плачет.)*

Пончик. Нет, стало быть, я не сумасшедший. Я узнал вас! А вы меня?

Маркизов. Вы кто же будете?

Пончик. Да как же вы не узнаете меня, боже ты мой! Узнайте, умоляю! Мне станет легче...

Маркизов. Я почему-то вижу плохо, гражданин.

Пончик. Я — Пончик-Непобеда, известнейший литератор! Припомните, о боже, ведь я же с вами жил в одном доме! Я вас хорошо помню, вас из профсоюза выкинули за хулиган... Ну, словом, вы — Маркизов!

Маркизов. За что меня выгнали из профсоюза? За что? За то, что я побил бюрократа? Но а как же, гадину, не бить? Кто его накажет, кроме меня?.. За то, что пью? Но как же пекарю не пить. Все пили: и дед, и прадед. За то, что книжки читал, может быть? А кто пекаря научит, если он сам не будет читать? Ну, ничего. Потерпите. Сам изгонюсь. Вот уж застилает вас, гражданин, туманом, и скоро я отойду...

Пончик. Теперь уже о другом прошу: сохранить жизнь гражданину Маркизову. Не за себя молюсь, за другого.

Маркизов. Гляньте в окно, гражданин, и вы увидите, что ни малейшего бога нет. Тут дело верное.

Пончик. Ну кто же, как не грозный бог, покарал грешную землю!

Маркизов *(слабо)*. Нет, это газ пустили и задавили

СССР за коммунизм... Не вижу больше ничего... О, как это жестоко — появиться и исчезнуть опять!

Пончик. Встаньте, встаньте, дорогой!

Ефросимов появляется с узлом и сумкой. При виде Пончика и Маркизова остолбеневает. Пончик, увидя Ефросимова, от радости плачет.

Ефросимов. Откуда вы, люди? Как вы оказались в Ленинграде?

Пончик. Профессор... Ефросимов?..

Ефросимов *(Пончику)*. Позвольте, вы были вечером у Адама... Это вы писали про колхозниц?

Пончик. Ну да. Я! Я! Я — Пончик-Непобеда.

Ефросимов *(наклоняясь к Маркизову)*. А этот? Что с ним? Это он, напавший на меня!.. Значит, вы были в момент катастрофы в Ленинграде, как же вы уцелели?!

Маркизов *(глухо)*. Я побежал по улице, а потом в подвале сидел, питался судаком, а теперь помираю.

Ефросимов. А... стукнула дверь! Вспоминаю... *(Пончику.)* Отвечайте, когда я снимал Еву и Адама, вы показались в комнате?

Пончик. Да, вы меня ослепили!

Ефросимов. Так, ясно. *(Маркизову.)* Но вы, вы — непонятно... Как на вас мог упасть луч? Вас же не было в комнате?

Маркизов *(слабо)*. Луч? А? Я на окно влез.

Ефросимов. А-а-а... Вот, вот какая судьба... *(Зажигает луч в аппарате, освещает Маркизова. Тот шевелится, открывает глаза, садится.)* Вы видите меня?

Маркизов. Теперь вижу.

Ефросимов. А нога?

Маркизов. Легче. О... дышать могу...

Ефросимов. Ага. Вы видите теперь... Вы назвали меня буржуем. Но я не буржуа, о нет! И это не фотографический аппарат. Я не фотограф, и я не алкоголик!!

В громкоговорителе слышна музыка.

Маркизов. Вы, гражданин,— ученый. Какой же вы алкоголик! Позвольте, я вам руку поцелую... И вам скажу стихи... Как будто градом ударил газ... Над Ленинградом, но ученый меня спас... Руку давайте!

Ефросимов. Подите вы к черту!! Я ничего не пью. Я только курю...

Маркизов. Ай, злой вы какой... Папиросу? Курите на здоровье, пожалуйста...

Ефросимов *(истерически)*. Какое право вы имеете называть меня алкоголиком? Как вы осмелились тыкать мне кулаком в лицо?! Я всю жизнь просидел в лаборатории и даже не был женат, а вы, наверное, уже три раза... Вы сами алкоголик! Утверждаю это при всех и вызываю вас на суд. Я на вас в суд подам!!

Пончик. Профессор, что вы?!

Маркизов. Гражданин, милейший человек, успокойся! Какое там три раза! Меня по судам затаскали, ну, заездили буквально. Ах, великий человек! Дышу я... Хлебните...

Ефросимов. Я не пью.

Маркизов. Как можно не пить. Вы помрете от нервов.

Музыка в громкоговорителе прекращается.

Я ж понимаю... Я сам в трамвай вскочил... А кондукторша мертвая. А я ей гривенник сую... *(Вливает в рот Ефросимову водку.)*

Ефросимов. Вы дышите свободно?

Маркизов. Свободно. *(Дышит.)* Совсем свободно. А верите ли, я хотел зарезаться...

Ефросимов. У вас гангрена.

Маркизов. Как ей не быть! Еще бы! Вижу — гангрена. Ну, до свадьбы заживет.

Ефросимов. Гангрена — поймите! Кто отрежет вам ногу теперь? Ведь это мне придется делать. Но я же не врач!

Маркизов. Вам доверяю... Режьте!

Ефросимов. Глупец! Нужно было обеими ногами на подоконник становиться! Луч не попал на ступню...

Маркизов. Именно то же самое я говорю... Но серость! Серость! Я одной ногой... Ну, пес с ней, с ногой! *(Декламирует.)* Великий человек, тебя прославит век!..

Ефросимов. Прошу без выкриков... Держите себя в руках, а то вы свихнетесь. Берите пример с меня...

Пончик *(внезапно в исступлении)*. Я требую, чтобы вы светили на меня! Почему же меня забыли?

Ефросимов. Да вы с ума сошли! Вы просвечены уже, бесноватый! Владейте собой... Да не хватайте аппарат!

Маркизов. Да не хватай аппарат, черт! Сломаешь!

Пончик. Да объясните мне хоть, что это за чудо?!

Ефросимов. Ах, никакого чуда нет. Перманганат и луч поляризованный...

Маркизов. Понятно, перманганат... А ты не хватай за аппарат! Не трогай, чего не понимаешь. Ах, дышу, дышу...

Ефросимов. Да не смотрите так на меня! У вас обоих истеричные глаза. И тошно, и страшно! Бумаги и карандаш, а то я забуду, что нужно взять еще здесь, в магазине. Что это у вас в кармане?

Пончик. Рукопись моего романа.

Ефросимов. Ах, не надо... К чертям вашего Аполлона Акимовича.

Маркизов. Нет бумаги. Давай! *(Берет у Пончика рукопись.)*

Ефросимов. Пишите. Эти, ах, господи... ими рубят лес!

Пончик. Топоры?

Маркизов. Топоры!..

Ефросимов. Топоры. Лекарства... Берите все, все, что попадет под руку, все, что нужно для жизни...

Послышался шум грузовика.

Вот они! Подъехали! *(Выбегает в окно, кричит.)* Ева! Адам! Я нашел еще двух живых!

В ответ слышен глухой крик Адама.

Да, двое живых! Вот они! *(Выбегает.)*

Пончик *(цепляясь за него)*. Мы—вот они! *(Выбегает за Ефросимовым.)*

Маркизов. Мы—вот они! *(Хочет бежать, но не может.)* И на меня, и на меня посмотрите! Я тоже живой! Я живой! Ах нет, отбегал ты свое, Маркизов, и более не побежишь... *(Кричит.)* Меня ж не бросьте, не бросьте меня! Ну, подожду!

Бесшумно обрушивается целый квартал в окне, и показывается вторая колоннада и еще какие-то кони в странном освещении.

Граждане, поглядите в окно!!

Занавес

АКТ ТРЕТИЙ

Внутренность большого шатра на опушке векового леса. Шатер наполнен разнообразными предметами: тут и обрубки дерева, на которых сидят, стол, радиоприемник, посуда, гармоника, пулемет и почему-то дворцовое богатое кресло. Шатер сделан из чего попало: брезент, парча, шелковые ткани, клеенка. Бок шатра откинут, и видна пылающая за лесом радуга.

Маркизов, с костылем, в синем пенсне, сидит в дворцовом кресле с обожженной и разорванной книгой в руках.

Маркизов *(читает).* «...Нехорошо быть человеку одному: сотворим ему помощника, соответственного ему...» Теория верная, да где же его взять? Дальше дырка. *(Читает.)* «...И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились...» Прожгли книжку на самом интересном месте... *(Читает.)* «...Змей был хитрее всех зверей полевых...» И точка. А дальше страницы выдраны.

Входит Пончик-Непобеда. Он, как и Маркизов, оброс бородой, оборван, мокрый после дождя, сбрасывает с плеча охотничье ружье, швыряет в угол убитую птицу.

Про тебя сказано: «Змей был хитрее всех зверей полевых...»

Пончик. Какой змей? Ну тебя к черту! Обед готов?

Маркизов. Через полчасика, ваше сиятельство.

Пончик. Ну-ка, давай по одной рюмочке и закусим...

Маркизов. Да Адам, понимаешь ли, все запасы спирта проверяет...

Пончик. Э-ге-ге. Это уж он зря нос сует не в свое дело! Тут каждый сам себе Адам по своему отделу. А тебе удивляюсь — не давай садиться себе на шею. Ты заведующий продовольствием? Ты! Стало быть, можешь полновластно распоряжаться. Я привык выпивать перед обедом по рюмке и работаю не меньше, если не больше других... Адамов!

Маркизов. Верно, правильно, гражданин Змей! *(Снимает пенсне.)*

Выпивают, закусывают.

Пончик *(неожиданно).* Постой... *(Подбегает к радиоприемнику, зажигает лампы, крутит кнопки.)*

Маркизов. Да нету, нету — я целое утро слушал. Пусто, брат Змей!

Пончик. Ты брось эту моду меня змеем называть.

Выпивают.

Маркизов. Я без чтения — должен заметить — скучаю... И как же это я «Графа Монте-Кристо» посеял, ах ты, господи! Вот подобрал в подвале... Только всего и осталось от книжки. Да... При этом про наших пишут: про Адама и Еву.

Пончик *(заглянув в книжку).* Чушь какая-нибудь мистическая!

Маркизов. Скучно в пустом мире!

Пончик. Я с радостью замечаю, что ты резко изменился после гибели. И все-таки, что бы ни говорили, я приписываю это своему влиянию. Литература — это великое дело!

Маркизов. Я из-за ноги изменился. Стал хромой, драться не могу и из-за этого много читаю, что попадет под руку. Но вот, кроме этой разорванной книги, ничего не попалось...

Пончик. Так давай еще раз прочитаем мой роман!

Маркизов. Читали уже два раза...

Пончик. И еще раз послушай. Уши у тебя не отвалятся! *(Достает рукопись, читает.)* «...Глава первая. Там, где некогда тощую землю бороздили землистые, истощенные...» Я, видишь ли, поправляю постепенно. Вставил слово «истощенные». Звучит?

Маркизов. Почему ж не звучит... Звучит!

Пончик. Да-с... «...истощенные лица крестьян князя Волконского...» После долгого размышления я заменил князя Барятинского — князем Волконским... Замечай!

Маркизов. Я заметил.

Пончик. Учись!.. «...Волконского, ныне показались свежие щечки колхозниц...— Эх, Ваня, Ваня! — зазвенело на меже...»

Маркизов. Стоп! Станция! Вот ты, я понимаю, человек большой. Пишешь ты здорово, у тебя гений. Объясни ты мне, отчего литература всегда такая скучная?

Пончик. Дурак ты, вот что я тебе скажу!

Маркизов. За печатное я не скажу. Печатное всегда тянет почитать, а когда литература... «Эх, Ваня, Ваня»,— и более ничего. Межа да колхоз!

Пончик. Господи! Какая чушь в голове у этого человека, сколько его ни учи! Значит, по-твоему, литература только писаная — да? И почему всегда межа да колхоз? Много ты читал?

Маркизов. Я массу читал.

Пончик. Когда хулиганил в Ленинграде? То-то тебя из союза выперли за чрезмерное чтение...

Маркизов. Что ты меня все время стараешься ткнуть? Правильно про тебя сказано в книге: «полевой змей»! А про меня было так напечатано *(вспоминает)*: «Умерло, граф, мое прошлое».

Пончик. Ох, до чего верно сказал покойный Аполлон Акимович на диспуте: не мечите вы, товарищи, бисера перед свиньями! Историческая фраза! *(Швыряет рукопись. Выпивает.)*

Пауза.

Маркизов. Она не любит его.

Пончик. Кто кого?

Маркизов *(таинственно)*. Ева Адама не любит.

Пончик. А тебе какое дело?

Маркизов. И я предвижу, что она полюбит меня.

Пончик. Что такое?

Маркизов *(шепчет)*. Она не любит Адама. Я проходил ночью мимо их шатра и слышал, как она плакала.

Пончик *(шепотом)*. Шатаешься по ночам?

Маркизов. И Дарагана не любит, и тебя не любит, а великий Ефросимов... Ну, так он великий, при чем он тут? Стало быть, мое счастье придет...

Пончик. Однако... Вот что... Слушай: я тогда на пожаре в банк завернул в Ленинграде — там у меня текущий счет — и вынул из своего сейфа. *(Вынимает пачку.)* Это — доллары. Тысячу долларов тебе даю, чтобы ты отвалился от этого дела.

Маркизов. На кой шут мне доллары.

Пончик. Не верь ни Адаму, ни Дарагану, когда они будут говорить, что валюта теперь ничего не будет стоить на земном шаре. Советский рубль — я тебе скажу по секрету — ни черта не будет стоить... Не беспокойся, там *(указывает вдаль)* народ остался... А если хоть два человека останутся, доллары будут стоить до скончания живота. Видишь, какой старец напечатан на бумажке? Это вечный старец! С долларами, когда Дараган установит сообщение с остальным миром, ты на такой женщине женишься, что все рты расстегнут... Это тебе не Аня-покойница... А возле Евы нет тебе места, хромой черт! На свете существуют только две силы: доллары и литература.

Маркизов. Оттесняют меня отовсюду, калеку! Гением меня забиваешь! *(Прячет доллары, играет на гармо-*

нике вальс. Потом бросает гармонику.) Читай дальше роман!

Пончик. То-то. *(Читает.)* «...свежие щечки колхозниц.— Эх, Ваня, Ваня...»

Ева *(внезапно появившись).* Зазвенело на меже! Заколдованное место! Но неужели, друзья, вы можете читать в такой час? Как же у вас не замирает сердце?

Слышно, как взревел аэропланный мотор вдали на поляне.

Слышите?

Мотор умолкает.

(Ева подходит к радио, зажигает лампы, вертит кнопки, слушает.) Ничего, ничего!

Маркизов. Ничего нет, я с утра дежурю! *(Достает букет.)* Вот я тебе цветов набрал, Ева.

Ева. Довольно, Маркизыч, у меня весь шатер полон букетами. Я не успеваю их ни поливать, ни выбрасывать.

Пончик. Сущая правда! И этот букет, во-первых, на конский хвост похож, а во-вторых, нечего травой загромождать шатер... *(Берет букет из рук Маркизова и выбрасывает. Говорит тихо.)* Это жульничество... Деньги взял? Аморальный субъект...

Ева. Что там такое?

Маркизов. Ничего, ничего, я молчу. Я человек купленный.

Ева. Ну вас к черту, ей-богу, обоих! Вы с вашими фокусами в последнее время мне так наскучили! Обед готов?

Маркизов. Сейчас суп посмотрю.

Пончик. Кок! Посмотри суп, все голодны.

Ева. Если ты хочешь помочь человеку, который желает учиться, то не сбивай его. Повар — не кок, а кук.

Пончик. Разные бывают произношения.

Ева. Не ври.

Маркизов. Повар — кук? Запишу. *(Записывает.)* На каком языке?

Ева. По-английски.

Маркизов. Так. Сейчас. *(Уходит.)*

Пончик. Ева, мне нужно с тобой поговорить.

Ева. Мне не хотелось бы...

Пончик. Нет, ты выслушай!

Ева. Ну.

Пончик. Кто говорит с тобою в глуши лесов? Кто? До катастрофы я был не последним человеком в советской литературе. А теперь, если Москва погибла так же,

как и северная столица, я единственный! Кто знает, может быть, судьба меня избрала для того, чтобы сохранить в памяти и записать для грядущих поколений историю гибели! Ты слушаешь?

Ева. Я слушаю с интересом. Я думала, что ты будешь объясняться в любви, а это — с интересом!

Пончик *(тихо).* Я знаю твою тайну.

Ева. Какую такую тайну?..

Пончик. Ты несчастлива с Адамом.

Ева. С какой стороны это тебя касается? А кроме того, откуда ты это знаешь?

Пончик. Я очень часто не сплю. И знаешь — почему? Я думаю. Ну вот. Я слышал однажды ночью тихий женский плач. Кто может плакать здесь, в проклятом лесу? Здесь нет никакой женщины, кроме тебя!..

Ева. К сожалению, к сожалению!

Пончик. О чем может плакать эта единственная, нежная женщина, о моя Ева?

Ева. Хочу видеть живой город! Где люди?

Пончик. Она страдает. Она не любит Адама! *(Делает попытку обнять Еву.)*

Ева *(вяло).* Пошел вон.

Пончик. Не понимаю тебя?..

Ева. Пошел вон.

Пончик. И что они там с этим аэропланом застряли? *(Выходит.)*

Ева *(берет наушники, слушает).* Нет, нет!..

Маркизов *(входя).* Сейчас будет готов. А где Пончик?

Ева. Я его выгнала.

Маркизов. Скажи, пожалуйста... У меня дельце есть. Серьезнейшая новость.

Ева. Я знаю все здешние новости.

Маркизов. Нет, не знаешь. Секрет. *(Тихо.)* Я тебе скажу, что я человек богатый.

Ева. Я понимаю, если б от жары вы с ума сходили, но ведь дождь был. А! От тебя водкой пахнет!

Маркизов. Какой там водкой?.. Валерианку я пил, потому что у меня боли возобновились. Слушай. Деньги будут стоить. Ты не верь ни Адаму, ни Дарагану. Пока два человека останутся на земле. И то торговать будут. Тут уж не поспоришь... Теория! Между тем я вычитал в одном произведении, неизвестном совершенно, что только два человека и были на земле — Адам и Ева. И очень

любили друг друга. Дальше что было — неясно, потому что книжка разодрана. Понимаешь?

Ева. Ничего не понимаю.

Маркизов. Погоди. Но эта теория здесь не подходит. Потому что Адама своего ты не любишь. И тебе нужен другой Адам. Посторонний. Не ори на меня. Ты думаешь, я с гадостью? Нет. Я человек таинственный и крайне богатый. К ногам твоим кладу тысячу долларов. Спрячь.

Ева. Захар, где ты взял доллары?

Маркизов. Накопил за прежнюю мою жизнь.

Ева. Захар, где ты взял доллары? Ты спер доллары в Ленинграде? Берегись, чтобы Адам не узнал! Имей в виду, что ты мародер! Захар, ах, Захар!

Маркизов. Вот убейте, я не пер их.

Ева. А-а! Ну, тогда Пончик дал. Пончик?

Маркизов. Пончик-Непобеда.

Ева. За что?

Пауза.

Ну?!.

Маркизов. Чтобы я от тебя отвалился.

Ева. А ты мне их принес. Трогательные комбинаторы. Ну, выслушай же: ты понимаешь, что вы женщину замучили? Я сплю, и каждую ночь я вижу один любимый сон: черный конь, и непременно с черной гривой, уносит меня из этих лесов! О, несчастная судьба! Почему спаслась только одна женщина? Почему бедная Аня не подвернулась под луч? А? Ты бы женился на ней и был счастлив!..

Маркизов всхлипывает неожиданно.

Ева. Чего ты? Чего ты? Маркизыч, перестань!

Маркизов. Аньку задушили!

Ева. Ну, забудь, забудь, Захар! Не смей напоминать мне, а то я тоже расплачусь, ну, что же это будет? Довольно!

Пауза.

Конь уносит меня, и я не одна...

Маркизов. А с кем же?

Ева. Нет, нет, я пошутила... Забудь. Во всяком случае, Маркизов, ты неплохой человек, и давай заключим договор — ты не будешь более меня преследовать? Неужели ты хочешь, чтобы я умерла в лесах?

Маркизов. О нет, Ева, что ты, что ты!..

Ева. Да, кстати: Захар, зачем ты надеваешь ужаснейшее синее пенсне?

Маркизов. У меня зрение слабое, и я, кроме того, не хуже других ученых.

Ева. Все вранье насчет зрения. Пойми, что ты делаешься похож не на ученого, а на какого-то жулика. Даю добрый совет — выброси его.

Маркизов. Добрый?

Ева. Добрый.

Маркизов. На. *(Подает пенсне.)*

Ева выбрасывает пенсне. Опять послышался мотор.

Ева. Руки даже холодеют... Захар! На тебе цветок в память великого дня! Хочу людей! Итак, будем дружить?

Маркизов. Дружи! Дружи!..

Ева. Труби, труби, Захар. Пора!

Маркизов *(берет трубу)*. Идут! Идут!

Входят Дараган и Адам. Адам отпустил бороду, резко изменился, кажется старше всех. Закопчен, сосредоточен. А Дараган выбрит, сед, лицо навеки обезображено. За ними входит Пончик и вносит миску с супом.

Ева. Ну, не томи! Говори! Готово?

Дараган. Да.

Ева *(обняв его)*. Ох, страшно, Дараган!.. Александр Ипполитович! Где ты? Иди обедать!

Адам. Я полагаю, что по случаю высокого события всем можно выпить по рюмке водки — кроме Дарагана. Захар, как у нас запас спиртного?

Маркизов. Куда ж ему деваться? Минимум.

Ефросимов *(за шатром)*. Захар Севастьянович! Что ты хочешь сказать — мало или много?

Маркизов. Это... много!

Ефросимов. Так тогда — максимум! *(Выходит, вытирая руки полотенцем. Ефросимов в белой грязной рубашке, брюки разорваны. Выбрит.)*

Ева. Садитесь.

Все садятся, пьют, едят.

Пончик. Право, недурен суп. На второе что?

Маркизов. Птица.

Ефросимов. Что меня терзает? Позвольте... Да. Водка? Да: минимум и максимум! Вообще тут лучше

проще — много водки или мало водки. Проще надо. Но, во всяком случае, условимся навсегда: минимум — малая величина, а максимум — самая большая величина!

Маркизов. Путаю я их, чертей! Учи меня, дружок профессор. Дай, я тебе еще супу налью!

Пауза.

Два брата: минимум — маленький, худенький, беспартийный, под судом находится, а максимум — толстяк с рыжей бородой — дивизией командует!

Адам. Поздравляю, товарищи: с Захаром неладно!

Ефросимов. Нет, нет! Это хороший способ запомнить что-нибудь.

Адам. Внимание! Полдень, полдень. Объявляю заседание колонии открытым. Пончик-Непобеда, записывай... Вопрос об отлете Дарагана для того, чтобы узнать, что происходит в мире. Какие еще вопросы?

Ева. Руки, руки!..

Дараган. Товарищи, честное мое слово, я совершенно здоров.

Ева. Дараган, протяни руки!

Дараган. Товарищи, вы же не врачи, в конце концов! Ну, хорошо.

Протягивает руки, все смотрят.

Ева. Нет, не дрожат... Александр, посмотри внимательно — не дрожат?

Ефросимов. Они не дрожат... Он может лететь!

Пончик. Ура! Ура!

Ева. Дараган летит! Дараган летит!

Адам. Итак, он летит. Как поступишь ты, Дараган, в случае, если война еще продолжается?..

Дараган. Если война еще продолжается, я вступлю в бой с неприятельскими силами в первой же точке, где я их встречу.

Адам. Резонно! И возражений быть не может!

Дараган. А ты что же, профессор, молчишь? А? Тебе не ясно, что СССР не может не победить? Ты знаешь по обрывкам радио, что война стала гражданской во всем мире, и все же тебе не ясно, на чьей стороне правда? Эх, профессор, ты вот молчишь, и на лице у тебя ничего не дрогнет, а я вот на расстоянии чувствую, что сидит чужой человек! Это как по-ученому — инстинкт? Ну, ладно... *(Преображается. Надевает промасленный костюм, бинокль,*

маузер, пробует лампу на груди, тушит ее.) Профессор, ты пацифист! Эх, кабы я был образован так, как ты, чтобы понять, как с твоим острым умом, при огромном таланте, не чувствовать, где тебе быть надо... Впрочем, это лишнее сейчас. Вот и хочу в честь пацифизма сделать мирную демонстрацию. Покажу же тихо и скромно, что республика вооружена достаточно, столько, сколько требуется... Города же советские, между прочим, тоже трогать нельзя. Ну, давай, профессор, аппарат.

Ефросимов. Пожалуйста. *(Снимает, подает Дарагану изобретение.)*

Дараган. И черные крестики из лаборатории.

Ефросимов. Ты не возьмешь бомб с газом, истребитель!

Дараган. Как же так — не возьму?

Ефросимов. Я уничтожил их.

Пауза.

Адам. Этого не может быть!..

Дараган. Странно шутишь, профессор!

Ефросимов. Да нет, нет... Я разложил газ... Смотри: пустые бонбоньерки... Я не шучу. *(Бросает на стол блестящие шарики.)*

Дараган. Что-о?!. *(Вынимает маузер.)*

Пончик. Эй! Эй! Что? Что?..

Ева. Не смей!! Адам!

Дараган поднимает револьвер. Маркизов бьет костылем по револьверу и вцепляется в Дарагана.

Дараган *(стреляет, и лампы в приемнике гаснут)*. Адам, ударь костылем хромого беса по голове! Захар! Убью!

Маркизов *(пыхтя)*. Долго ли меня убить?

Пончик. Дараган! Ты в меня попадешь!

Ева *(заслоняя Ефросимова)*. Убивай сразу двух! *(Вынимает браунинг, кричит.)* Поберегись, стрелять буду!

Пауза.

Дараган. Что, что, что?..

Адам. Тебе дали револьвер, чтобы защищаться в случае, если ты встретишь опасного зверя, а ты становишься на сторону преступника?..

Ева. Убийство в колонии! На помощь! На помощь!

Дараган *(Маркизову)*. Пусти, черт! Пусти! *(Вырвав-*

шись из объятий Маркизова.) Нет, нет, это не убийство! Адам, пиши ему приговор к расстрелу! Между нами враг!

Ефросимов. При столкновении в безумии люди задушили друг друга, а этот человек, пылающий местью, хочет еще на одну единицу уменьшить население земли. Может быть, кто-нибудь объяснит ему, что это нелепо?..

Дараган. Не прячь его, Ева! Он все равно не уйдет от наказания — минутою позже или раньше!

Ефросимов. Я не прячусь, но я хочу, чтобы меня судили, прежде чем убьют.

Дараган. Адам! Ты первый человек. Организуй суд над ним!

Адам. Да, да, я сейчас только осмыслил то, что он сделал... Он... Непобеда, Захар, за стол — судить изменника!!

Пончик. Товарищи, погодите, мне что-то нехорошо!..

Маркизов в волнении выпивает рюмку водки.

Адам. Товарищи! Слушайте все! Гниющий мир, мир отвратительного угнетения, напал на страну рабочих... Почему это случилось? Почему, ответьте мне! Ева, отойди от него, моя жена... Ах, жена, жена!

Ева. Я не отойду от Ефросимова, пока Дараган не спрячет револьвер.

Адам. Спрячь, Дараган, маузер пока, спрячь, друг мой!

Дараган прячет маузер.

Адам. Почему? Потому, что они знали, что страна трудящихся несет освобождение всему человечеству. Мы уже начали воздвигать светлые здания, мы шли вверх! Вот... вот близко... вершина... И они увидели, что из этих зданий глянула на них смерть! Тогда в один миг буквально был стерт с лица земли Ленинград! Да и, быть может, не он один!.. Два миллиона гниющих тел! И вот, когда Дараган, человек, отдавший все, что у него есть, на служение единственной правде, которая существует на свете,— нашей правде! — летит, чтобы биться с опасной гадиной, изменник, анархист, неграмотный политический мечтатель предательски уничтожает оружие защиты, которому нет цены! Да этому нет меры! Нет меры! Нет! Это — высшая мера!

Дараган. Нет, нет, Адам! Он не анархист и не мечтатель! Он — враг-фашист! Ты думаешь, это лицо?

Нет, посмотри внимательно, это картон: я вижу отчетливо под маской фашистские знаки!

Ефросимов. Гнев темнит вам зрение. Я в равной мере равнодушен и к коммунизму и к фашизму. Кроме того, я спас вам жизнь при помощи того самого аппарата, который надет на вас.

Дараган. Ваш аппарат принадлежит СССР! И безразлично, кто спас меня! Я — живой и, стало быть, защищаю Союз!

Адам. Я, Адам, начинаю голосование. Кто за высшую меру наказания вредителю? *(Поднимает руку.)* Пончик, Маркизов, поднимайте руки!

Пончик. Товарищи! У меня сердечный припадок!

Ева. Адам! Прошу слова!

Адам. Лучше бы ты ничего не говорила! Ах, Ева! Я буду учить тебя.

Ева. Ты фантом.

Адам. Что такое? Что ты говоришь?

Ева. Привидение. Да и вы все такие. Я вот сижу и вдруг начинаю понимать, что лес и пение птиц и радуга — это реально, а вы с вашими исступленными криками — нереально.

Адам. Что это за бред? Что несешь?

Ева. Нет, не бред. Это вы мне все снитесь! Чудеса какие-то и мистика. Ведь вы же никто, ни один человек, не должны были быть в живых. Но вот явился великий колдун, вызвал вас с того света, и вот теперь вы с воем бросаетесь его убить...

Пауза.

Пончик. Это ужасно, товарищи! *(Ефросимову.)* Зачем вы уничтожили бонбоньерки?

Ева. Во всяком случае, я заявляю: тебе, мой муж, первый человек Адам,— и собранию, что Дараган-истребитель решил под предлогом этих бомб убить Ефросимова с целью уничтожить соперника. Да.

Молчание.

Адам. Да ты сошла с ума.

Ева. Нет, нет. Скажи-ка, истребитель, при всех, объяснялся ли ты мне в любви третьего дня?

Пончик встает, потрясенный, а Маркизов выпивает рюмку водки.

Дараган. Я протестую! Это не имеет отношения к ефросимовскому делу!

Ева. Нет. Имеет. Ты что ж, боишься повторить при всех то, что говорил мне? Значит, говорил что-то нехорошее?

Дараган. Я ничего не боюсь!

Ева. Итак: не говорил ли ты мне у реки так: любишь ли ты Адама, Ева?

Молчание.

Адам *(глухо)*. Что ты ему ответила?

Ева. Я ответила ему, что это мое дело. А далее: кто шептал мне, что предлагает мне свое сердце навеки?

Адам. Что ты ему ответила?

Ева. Я не люблю тебя. А кто, хватая меня за кисть руки и выворачивая ее, спрашивал меня, не люблю ли я Ефросимова? Кто прошептал: «Ох этот Ефросимов!» Вот почему он стрелял в него! Искренно, искренно говорю при всех вас, *(указывая на Ефросимова)* прелестный он. Он — тихий. Всем я почему-то пришиваю пуговицы, а у него сваливаются штаны! И вообще меня замучили! Перестреляйте все друг друга. Самое лучшее — а вечером сегодня застрелюсь я. Ты, Адам, утром вчера спрашивал, не нравится ли мне Дараган, а ночью я хотела спать, а ты истязал меня вопросами, что я чувствую к Ефросимову... Сегодня ж днем этот черт Пончик-Непобеда...

Адам. Что сделал Пончик-Непобеда сегодня?

Ева. Он читал мне свой трижды проклятый роман, это — зазвенело на меже. Я не понимаю — землистые лица бороздили землю — мордой они, что ли, пахали? Я страдаю от этого романа! Замучили в лесу!

Пауза большая.

Ефросимов. Сейчас на океанах солнце, и возможно, что кое-где брюхом кверху плавают дредноуты. Но нигде не идет война. Это чувствуется по пению птиц. И более отравлять никого не нужно.

Маркизов. Петух со сломанной ногой — петух необыкновенного ума — не проявлял беспокойства и не смотрел в небо. Теория в том, что война кончилась.

Дараган. Кто поверил этой женщине, что я по личному поводу хотел убить Ефросимова?

Пауза.

Ефросимов. Никто.

Пауза.

Дараган. Аппарат, спасающий от газа, пять зажигательных бомб, пулемет — ну, и на том спасибо. Профессор! Когда восстановится жизнь в Союзе, ты получишь награду за это изобретение. *(Указывает на аппарат.)* О, какая голова! После этого ты пойдешь под суд за уничтожение бомб, и суд тебя расстреляет. Мы свидимся с тобою. Нас рассудят. *(Смотрит на часы.)* Час.

Адам. У кого есть текущие дела? Скорее. Коротко. Ему пора.

Маркизов. У меня есть заявление. *(Вынимает бумагу, читает.)* Прошу о переименовании моего имени Захар в Генрих.

Молчание.

Адам. Основание?

Маркизов. Не желаю жить в новом мире с неприличным названием — Захар.

Адам *(в недоумении)*. Нет возражений! Переименовать.

Маркизов. Напиши здесь резолюцию.

Адам пишет. Маркизов прячет бумагу.

Дараган. Товарищи, до свидания. Через три часа я буду в Москве.

Ева. Мне страшно!

Дараган. Адам!

Пауза.

Если я буду жив, я ее более преследовать не стану. Я ее любил, она сказала правду. Но более не буду. А раз обещал, я сделаю. Забудешь?

Адам. Ты обещал — ты сделаешь. Забуду. *(Обнимает Дарагана.)*

Дараган *(смотрит на приемник)*. По радио, стало быть, известий не получите.

Пончик. Вот она, стрельба!..

Дараган. Ждите меня или известий от меня каждые сутки, самое позднее через двадцать дней, первого августа. Но все дни на аэродроме зажигайте костер с высоким дымом, а первого, ну, скажем, еще второго, третьего августа ночью — громадные костры. Но если третьего августа меня не будет, никто пусть более ни меня, ни известий от меня не ждет! Слушай пулеметную очередь, слушай трубу, смотри поворот Иммельмана! *(Выбегает.)*

За ним — Адам и Пончик-Непобеда.

Ефросимов. Ева! Ева!

Ева. Саша!

Ефросимов. Уйду от них сегодня же!..

Ева. Повтори. Ты уйдешь? Ничего не боишься здесь забыть? Нет, ты не уйдешь. Или уходи к черту! *(Выходит.)*

Выходит и Ефросимов.

Маркизов *(один)*. Вот оно что. *(Пауза.)* Снабдил черт валютой. *(Пауза.)* Генрих Маркизов. Звучит.

Загудел мотор на земле. Послышался трубный сигнал.

Полетел! Полетел! *(Смотрит.)* А, пошел!

Застучал пулемет наверху.

Так его, давай Москву, давай... *(Схватывает гармонику.)* Что делаешь? На хвосте танцует, на хвост не вались, ссыпешься, чемпион! Поворот Иммельмана! Нет, ровно пошел!

Зашипела и ударила одна ракета с аэродрома, потом другая.

Пошел, пошел, пошел. *(Играет на гармонике марш.)* Эх, Ваня, Ваня! — зазвенело на меже!..

Занавес

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Ночь на десятое августа, перед рассветом. Вековые дубы. Бок шатра. Костер у шатра. Костры вдали на поляне. По веревочной лестнице с дуба спускается, ковыляя, Маркизов. В руке у него фонарь.

Маркизов. Охо-хо... *(Берет тетрадочку и пишет у костра.)* «Тщетно дозорный Генрих вперял свои очи в тьму небес! Там ничего, кроме тьмы, он и не видел, да еще сычей на деревьях. Таким образом, надлежит признать, что храбрец погиб в мировых пространствах, а они были навеки заброшены в лесу!» *(Складывает тетрадь.)* Не могу более переносить лесной скуки и тоски. Всем надлежит уйти отсюда на простор погубленного мира. *(Заглядывает в шатер.)* Эй, друг! Вставай, вставай!

Пончик *(из шатра)*. Кто там? Что еще?

Маркизов. Это я, Генрих. Проснись!

Пончик *(из шатра)*. Какой там, к бесу, Генрих? Я только что забылся, а тут эти Генрихи! *(Выходит из шатра в одеяле, в котором проверчены дыры для рук.)* Рано еще. Зачем нарушил мой покой?

Маркизов. Твоя очередь идти поддерживать огни.

Пончик. Я не хочу. *(Пауза.)* Да! не хочу. Десятую

ночь колония не спит, страдает, жжет смолистые ветви. Искры фонтанами с четырех углов!..

Маркизов. Верно! А днем жирный дым...

Пончик. Все это — демагогия и диктатура. Какое сегодня число? Какое?

Маркизов. Собственно говоря, воскресенье, девятого августа.

Пончик. Врешь, врешь, сознательно врешь! Посмотри в небо!

Маркизов. Ну что ж. Белеет небо.

Пончик. Уж час, как идет десятое число. Довольно! Дараган сказал четко — если я не вернусь через три недели, значит, третьего августа, стало быть, я вовсе не вернусь. Сегодня же десятое августа! Уж целую неделю мы по вине Адама терпим мучения! Одна рубка чего стоит. Я больше не желаю!

Маркизов. Он заставит тебя. Он — главный человек.

Пончик. Нет! Хватит! Дудки! Не заставит. Утром, сегодня же потребую собрания и добьюсь решения о выходе колонии на простор. Посмотри, это что?

Маркизов. Ну что? Ну, паутина...

Пончик. Лес зарастает паутиной. Осень! Еще три недели, и начнет сеять дождь, потянет туманом, наступит холод. Как будем выбираться из чащи? А дальше? Куда? Нечего сказать, забрались в зеленый город на дачу! Адамкин бор! Чертова глушь!

Маркизов. Что ты говоришь, Павел? Ведь чума гналась за нами по пятам.

Пончик. Нужно было бежать на Запад, в Европу! Туда, где города и цивилизация, туда, где огни!

Маркизов. Какие ж тут огни! Все говорят, что там тоже горы трупов, моровая язва и бедствия...

Пончик. Ничего, решительно ничего не известно! *(Пауза.)* Это коммунистическое упрямство... Тупейшая уверенность в том, что СССР победит. Для меня нет сомнений в том, что Дараган и погиб-то из-за того, что в одиночку встретил неприятельские силы — европейские силы! — и, конечно, ввязался в бой! Фанатик! Вообще они — фанатики!

Маркизов. Это что — фанатики? Объясни, запишу.

Пончик. Отстань ты! Хе! Коммунизм коммунизмом, а честолюбие! Он Аса-Герра ссадил! Так теперь он чемпион мира. Где-то он валяется, наш чемпион... *(Пауза.)* Ах, как у меня болят нервы!

Маркизов. Выпьем коньячку!

Пончик. Ладно. Брр... Прохладно... Утро... утро. Безрадостный, суровый рассвет.

Пьют у костра коньяк.

Маркизов. Ну, как нервы?

Пончик. Нервы мои вот как. Все начисто ясно. Вот к чему привел коммунизм! Мы раздражили весь мир, то есть не мы, конечно,— интеллигенция, а они. Вот она, наша пропаганда, вот оно, уничтожение всех ценностей, которыми держалась цивилизация... Терпела Европа... Терпела-терпела, да потом вдруг как ахнула!.. Погибайте, скифы! И был Дараган — и нет Дарагана! И не предвидится... И Захар Маркизов, бывший член профсоюза, сидит теперь в лесу на суку, как дикая птица, как сыч, и смотрит в небеса...

Маркизов. Я Генрих, а не Захар! Это постановлено с печатью, и я просил не называть меня Захаром.

Пончик. Чего ты бесишься? А, все равно... Ну, ладно, ладно. Глупая фантазия: Генрих, Генрих... Ну, ладно... Дошли до того, что при первом слове вгрызаются друг другу прямо в глотку!

Маркизов. Я равный всем человек, такой же, как и все! Нет теперь буржуев...

Пончик. Перестань сатанеть! Пей коньяк, Генрих IV! Слушай! Был СССР и перестал быть. Мертвое пространство загорожено, и написано: «Чума. Вход воспрещается». Вот к чему привело столкновение с культурой. Ты думаешь, я хоть одну минуту верю тому, что что-нибудь случилось с Европой? Там, брат Генрих, электричество горит и по асфальту летают автомобили. А мы здесь, как собаки, у костра грызем кости и выйти боимся, потому что за реченькой — чума... Будь он проклят, коммунизм!

Маркизов. А кто это писал: «Ваня! Ваня! — зазвенело на меже»?.. Я думал, что ты за коммунизм...

Пончик. Молчи, ты не разбираешься в этих вопросах.

Маркизов. Верно, верно... Полевой змей! И как змей приютился ты у Адама за пазухой.

Пончик. Змей! Ты, серый дурак, не касайся изнасилованной души поэта!

Маркизов. Теперь все у меня в голове спуталось! Так за кого ж теперь — за коммунизм или против?

Пончик. Погиб он, слава тебе господи, твой коммунизм! И даже погибнув — оставил нам фантазера в жандармском мундире...

Маркизов. Про кого? Ты хоть объясняй... Кто это?

Пончик. Адам.

Пауза.

Издали послышались револьверные выстрелы. Пончик и Маркизов вскакивают.

Маркизов. Во! Ага!

Прислушиваются.

Пончик. Ат... Не волнуйся, это упражнение в стрельбе. Спиритический сеанс: прародитель в пустое небо стреляет, покойников сзывает. *(Кричит.)* Зови! Зови! Нет Дарагана! Это рассвет десятого! Довольно!..

Молчание.

Маркизов. Змей, а змей? Я от тоски роман написал.

Пончик. Читай!

Маркизов *(достает тетрадку, читает).* «Глава первая. Когда народ на земле погиб и остались только Адам и Ева, и Генрих остался и полюбил Еву. Очень крепко. И вот каждый день он ходил к петуху со сломанной ногой разговаривать о Еве, потому что не с кем было разговаривать...»

Пончик. Дальше.

Маркизов. Все. Первая глава вся вышла.

Пончик. Ну, а дальше что?

Маркизов. А дальше идет вторая глава.

Пончик. Читай!

Маркизов *(читает).* «Глава вторая.— Ева! Ева! — зазвенело на меже...»

Пончик. Что такое? Вычеркни это сейчас же!

Маркизов. Ты говоришь — учись!

Пончик. Учись, но не воруй! И притом какой это такой Генрих полюбил Еву? А тысяча долларов? *(Прислушавшись.)* Стой, стой!

Маркизов *(вскакивая).* Гудит, ей-богу, гудит в небе...

Пончик. Ничего не гудит! В голове у тебя гудит...

Маркизов. Кто идет?

Пончик. Кто идет?

В лесу светлеет.

Адам *(издали).* Кто у костра?

Маркизов. Это мы.

Адам *(выходя).* Что ж, товарищ Непобеда, ты не идешь сменять профессора? Пора.

Пончик. Я не пойду.

Адам. Скверный пример ты подаешь, Непобеда!

Пончик. Я не крепостной твой, первый человек Адам!

Адам. Я — главный человек в колонии и потребую повиновения.

Пончик. Генрих! Ты здесь? Прислушайся. Когда главный человек начинает безумствовать, я имею право поднять вопрос о том, чтобы его не слушать! Ты утомляешь колонию зря!

Адам. В моем лице партия требует...

Пончик. Я не знаю, где ваша партия! Может, ее и на свете уже нет!

Адам *(берется за револьвер).* А-а! Если ты еще раз осмелишься повторить это...

Пончик *(спрятавшись за дерево).* Генрих! Ты слышишь, как мне угрожают? У самого револьвер найдется! Не желаю больше терпеть насилие!

Адам. Пончик! Ты сознательный человек, советский литератор! Не искушай меня, я устал! Иди поддерживать огонь!

Пончик *(выходя из-за дерева).* Я — советский литератор? Смотри! *(Берет рукопись, рвет ее.)* Вот вам землистые лица, вот пухлые щечки, вот князь Волконский-Барятинский! Смотрите все на Пончика-Непобеду, который был талантом, а написал подхалимский роман! *(Маркизову.)* Дарю тебе «зазвенело»! Пиши! Подчиняюсь грубой силе! *(Уходит.)*

Адам. Генрих, Генрих...

Маркизов. Ты б пошел заснул, а то ты вторую ночь ходишь!

Адам. Ты, может быть, поднимешься еще раз на дерево? А?

Маркизов. Я поднимусь. Я пойду на гору.

Адам. Как ты думаешь, Генрих, он прилетит?

Маркизов. Теоретически... может прилететь. *(Уходит.)*

Уходит и Адам.

В лесу светает. Через некоторое время показывается Ефросимов. Совершенно оборван и в копоти. Проходит в шатер. Сквозь полосатый бок просвечивает лампа, которую он зажег. Пауза. Крадучись, выходит Ева. Она закутана в платок. В руках у нее котомка и плетенка.

Ева. Саша...

Отстегивается окно шатра, и в нем Ефросимов.

Ефросимов *(протягивая руки)*. Ева! Не спишь!

Ева. Саша! Потуши огонь. Совсем светло.

Ефросимов *(потушив лампу)*. А ты не боишься, что Адам рассердится на тебя за то, что мы так часто бываем вдвоем?

Ева. Нет, я не боюсь, что Адам рассердится на меня за то, что мы так часто бываем вдвоем. Ты умывался сейчас или нет?

Ефросимов. Нет. В шатре нет воды.

Ева. Ну, дай же я хоть вытру тебе лицо... *(Нежно вытирает его лицо.)* Сашенька, Сашенька! До чего же ты обносился и почернел в лесах!..

Пауза.

О чем думал ночью? Говори!

Ефросимов. Смотрел на искры и отчетливо видел Жака. Думал же я о том, что я самый несчастливый из всех уцелевших. Никто ничего не потерял, разве что Маркизов ногу, а я нищий. Душа моя, Ева, смята, потому что я видел все это. Но хуже всего — это потеря Жака.

Ева. Милый Саша! Возможно ли это, естественно ли — так привязаться к собаке? Ведь это же обидно!

Тихо появляется Адам. Увидев разговаривающих, вздрагивает, затем садится на пень и слушает их. Разговаривающим он не виден.

Ну, издохла собака, ну что ж поделаешь! А тут в сумрачном лесу женщина, и какая женщина,— возможно, что и единственная-то во всем мире,— вместо того, чтобы спать, приходит к его окну и смотрит в глаза, а он не находит ничего лучше, как вспомнить дохлого пса! О, горе мне, горе с этим человеком!

Ефросимов *(внезапно обнимает Еву)*. Ева! Ева!

Ева. О, наконец-то, наконец-то он что-то сообразил!

Адам прикрывает глаза щитком ладони и покачивает головой.

Ева. Разве я хуже Жака? Человек влезает в окно и сразу ослепляет меня свечками, которые у него в глазах! И вот я уже знаю и обожаю формулу хлороформа, я, наконец, хочу стирать ему белье. Я ненавижу войну... Оказывается, мы совершенно одинаковы, у нас одна душа, разрезанная пополам, и я, подумайте, с оружием отстаивала его жизнь! О нет, это величайшая несправедливость — предпочесть мне бессловесного Жака!

Ефросимов. О Ева, я давно уже люблю тебя!

Ева. Так зачем же ты молчал? Зачем?

Ефросимов. Я сам ничего не понимал! Или, быть может, я не умею жить. Адам?.. Да, Адам!.. Он тяготит меня?.. Или мне жаль его?..

Ева. Ты гений, но ты тупой гений! Я не люблю Адама. Зачем я вышла за него замуж? Зарежьте, я не понимаю. Впрочем, тогда он мне нравился... И вдруг катастрофа, и я вижу, что мой муж с каменными челюстями, воинственный и организующий. Я слышу — война, газ, чума, человечество, построим здесь города... Мы найдем человеческий материал! А я не хочу никакого человеческого материала, я хочу просто людей, а больше всего одного человека. А затем домик в Швейцарии, и — будь прокляты идеи, войны, классы, стачки... Я люблю тебя и обожаю химию...

Ефросимов. Ты моя жена! Сейчас я все скажу Адаму... А потом что?

Ева. Провизия в котомке, а в плетенке раненый петух. Я позаботилась, чтобы тебе было с кем нянчиться, чтоб ты не мучил меня своим Жаком!.. Через час мы будем у машин, и ты увезешь меня...

Ефросимов. Теперь свет пролился на мою довольно глупую голову, и я понимаю, что мне без тебя жить нельзя. Я обожаю тебя.

Ева. Я женщина Ева, но он не Адам мой. Адамом будешь ты! Мы будем жить в горах. *(Целует его.)*

Ефросимов. Иду искать Адама!..

Адам *(выходя).* Меня не надо искать, я здесь.

Ева. Подслушивать нельзя, Адам! Это мое твердое убеждение. У нас нет государственных тайн. Здесь происходит объяснение между мужчиной и женщиной. И никто не смеет слушать! Притом у тебя в руке револьвер и ты пугаешь. Уходи!

Ефросимов. Нет, нет, Ева... У нас то и дело вынимают револьверы и даже раз в меня стреляли. Так что это уже перестало действовать.

Ева. Уходи!

Адам. Я не подслушивал, я слушал, и как раз то, что вы мне сами хотели сообщить. Револьвер всегда со мной, а сейчас я стрелял в память погибшего летчика, который никогда больше не прилетит. Он не прилетит, и ваши мученья закончены. Ты говоришь, что у меня каменные челюсти? Э, какая чепуха. У всех людей одинаковые

челюсти, но вы полагаете, что люди только вы, потому что он возится с петухом. Но, видите ли, у нас мысли несколько пошире, чем о петухе! Впрочем, это не важно для вас. Это важно для убитого Дарагана! И он, знайте, герой! Ева, ты помнишь тот вечер, когда погибла и Аня, и Туллер, и другие? Вот до сих пор я носил в кармане билеты в Зеленый Мыс, вагон седьмой... Тут важен не петух, а то, что, какие бы у меня ни были челюсти, меня бросает одинокого в мире жена... Что с этим можно поделать? Ничего. Получай билеты в Зеленый Мыс и уходи! Ты свободна.

Ева *(всхлипнув)*. Адам, мне очень жаль тебя, но я не люблю тебя. Прощай!..

Адам. Профессор! Ты взял мою жену, а имя я тебе свое дарю. Ты — Адам. Одна просьба: уходите сейчас же, мне неприятно будет, если сейчас придут Пончик и Маркизов. Но у машин подождите час. Я думаю, что они вас догонят. Уходите!

Ефросимов. Прощай!.. *(Уходит с Евой.)*

Адам берет трубу, трубит.
Входят Маркизов и Пончик.

Адам. Товарищи! Объявляю вам, что по всем данным любимый мною горячо командир Дараган погиб. Но республика память о нем сохранит! Во всяком случае, вы свободны. Кто хочет, может уйти из лесу, если не боится чумы там. Кто хочет, может остаться со мною еще на некоторое время в этом городе... *(Указывает на шатры.)*

Пончик. Почему ты не объявишь об этом и Ефросимову?

Адам. Ефросимов со своею женой Евой — мы разошлись с ней — уже ушли. Они на волчьей тропе...

Пончик делает тревожное движение.

...Нет, нет, не беспокойся. У машин они подождут вас.

Пончик. Я иду за ними!.. *(Берет котомку, ружье, спешит.)*

Адам. А ты, Генрих?

Маркизов. Я?

Пончик. Генрих Хромой! Не давай ты себя обольщать глупостями! Ты что же это, в лесного зверя хочешь превратиться?

Маркизов. Идем с нами, Адам. Тебе нельзя оставаться одному в лесу.

Адам. Почему?

Маркизов. Сопьешься. А!.. не хочешь с Евой идти?

Пончик. Нет, он не хочет в сатанинской гордости признать себя побежденным! Он верит, что Дараган все-таки спустится к нему с неба. Ну, продолжай городить социалистические шалаши в лесах, пока не пойдет снег! Прощай! Генрих, идем!

Маркизов. Идем с нами!

Адам. Прощайте! Уходите!

Маркизов и Пончик уходят. Пауза.

Солнце. Обманывать себя совершенно не к чему. Ни огни, ни дым поддерживать больше не для кого. Но сейчас я не хочу ни о чем думать. Я ведь тоже человек и желаю спать, я желаю спать. *(Скрывается в шатре.)*

Пауза. Потом слышится, как гудит, подлетая, аэроплан, затем он стихает. Послышался грохот пулемета. Тогда из шатра выбегает Адам, он спотыкается, берется за сердце, не может бежать, садится... Послышался трубный сигнал и дальние голоса. Затем выбегает Вируэс. Она в летном костюме. Сбрасывает шлем. Лицо ее обезображено одним шрамом.

Вируэс. Adam! Efrossimoff! *(Увидев Адама.)* Buenos dias! Olé! Olé! [1]

Адам *(хрипло)*. Не понимаю... Кто вы такая?..

Вируэс. Escolta! (*Указывая на небо.*) Gobierno mundial. Soy aviador español!.. Où est-ce que se trouve Adam? [2]

Слышен второй прилет. Адам берется за револьвер, отступает.

Вируэс. Non, non! Je ne suis pas ennemie fasciste! Etes-vous Adam? [3]

Трубный сигнал.

Адам. Я — Адам. Я. Где Дараган? Où est Daragane? [4]

Вируэс. Daragane viendra, viendra! [5]

В лесу солнце. Выбегает Тимонеда. Жмет руку Адаму, сбрасывает шлем, жадно пьет воду. И тогда появляется Дараган.

Адам *(кричит)*. Дараган! *(Берется за сердце.)*

Еще прилет, еще трубный сигнал.

Дараган. Жив первый человек?

---

[1] Адам! Ефросимов! Здравствуйте! Привет! Привет! *(исп.)*

[2] Эскорт! Всемирное правительство. Я испанский летчик! *(исп.)* Где Адам? *(фр.)*

[3] Нет, нет! Я не фашистский враг! Вы Адам? *(фр.)*

[4] Где Дараган? *(фр.)*

[5] Дараган придет, придет! *(фр.)*

Адам *(припадает головой к Дарагану).* Дараган! Дараган!

Дараган. Я опоздал, потому что был в бою над Финистерре.

Зевальд *(вбегая, кричит).* Russen! Hoch! *(Спрашивает у Дарагана.)* Ist das Professor Efrossimoff?[1]

Дараган. Nein, nein![2] Это — Адам!

Зевальд. Adam! Adam! *(Жмет руку Адаму.)*

Дараган. Где Ева? Где хромой?

Адам. Ты опоздал, и все не выдержали и ушли, а я остался один.

Дараган. И Ефросимов?

Адам. Ефросимов ушел с Евой. Она мне не жена. Я — один.

Дараган. По какой дороге?

Адам. По волчьей тропе, к машинам.

Дараган. Товарищ Павлов!..

Павлов. Я!

Дараган. Четыре путника на этой тропе! Вернуть их. Среди них Ефросимов!

Павлов убегает.

Дараган *(внезапно обнял Адама).* Не горюй. Смотри, моя жена. Лежала и умирала, отравленная старуха, моя испанка, вся в язвах, далеко отсюда. *(Вируэс.)* Мария! Обнимитесь. Это Адам.

Вируэс. Abrazar?[3] *(Обнимает Адама.)*

Адам вдруг плачет, уткнувшись в плечо Вируэс.

Дараган. Э... э... э...

Зевальд *(подает Адаму воду).* Э... э...

Адам *(опускается на пенъ).* Люди, люди... Подойди ко мне, Дараган... Москва, Дараган?

Дараган. Возвращаются. Идут с Урала таборами.

Адам. Сгорела?

Дараган. Выгорели только некоторые районы... от термитных бомб.

Адам. А задушили всех?

Зевальд. Nein, nein![4]

---

[1] Русские! Ура! Это профессор Ефросимов? *(нем.)*

[2] Нет, нет! *(нем.)*

[3] Обнять? *(исп.)*

[4] Нет, нет! *(нем.)*

Дараган. Нет, там травили не солнечным газом, а обыкновенной смесью. Тысяч триста погибло.

Адам *(покачивает головой)*. Так...

Тут вбегают Маркизов и Пончик.

Маркизов *(возбужденно)*. Люди! Иностранцы! *(Декламирует.)* Настал великий час!

Дараган. Здорово, Генрих!

Пончик. Победа! Победа! Мы победили, Дараган!

Послышалось тяжелое гудение вдали.

Дараган. Ну, вот и он летит. *(Кричит.)* К аппаратам!

Зевальд. Zu den Apparaten![1] *(Убегает.)*

Убегает и Тимонеда.

Адам. О, Пончик-Непобеда! Пончик-Непобеда!

Пончик. Товарищ Адам! У меня был минутный приступ слабости! Малодушия! Я опьянен, я окрылен свиданием с людьми! Ах, зачем, зачем я уничтожил рукопись! Меня опять зовет Аполлон!..

Маркизов. Акимович?!.

Пончик. Молчи, хромой!

Входят Ева и Ефросимов. Ева ведет Ефросимова под руку. У Ефросимова в руке плетенка с петухом. Останавливаются в тени.

Адам. Мне тяжело их видеть!

Дараган. Иди на аэродром...

Адам уходит. Наступает молчание.
Дараган стоит в солнце, на нем поблескивает снаряжение.
Ефросимов стоит в тени.

Дараган. Здравствуй, профессор.

Ефросимов. Здравствуй, истребитель. *(Морщится, дергается.)*

Дараган. Я — не истребитель. Я — командир эскорта правительства всего мира и сопровождаю его в Ленинград. Истреблять же более некого. У нас нет врагов. Обрадую тебя, профессор: я расстрелял того, кто выдумал солнечный газ.

Ефросимов *(поежившись)*. Меня не радует, что ты кого-то расстрелял!

Вирузс *(внезапно)*. Efrossimoff?!

Дараган. Да, да, он — Ефросимов. Смотри на него! Он спас твою жизнь. *(Указывает на аппарат.)*

---

[1] К аппаратам! *(нем.)*

Вируэс. Hombre genial![1] *(Указывает на свой шрам.)*

Ева. Саша! Умоляю, не спорь с ним, не раздражай его! Зачем? Не спорь с победителем! *(Дарагану.)* Какой ты счет с ним сводишь? Зачем нам преградили путь? Мы — мирные люди, не причиняем никому зла. Отпустите нас на волю!.. *(Внезапно к Вируэс.)* Женщина! Женщина! Наконец-то вижу женщину! (*Плачет.*)

Дараган. Успокойте ее, дайте ей воды. Я не свожу никаких счетов. *(Ефросимову.)* Профессор, тебе придется лететь с нами. Да, забыл сказать... ты сбил меня... я жалею, что стрелял в тебя, и, конечно, счастлив, что не убил. *(Маркизову.)* Спасибо тебе, Генрих!

Маркизов. Я понимаю, господи! Я — человек ловкий! Скажи, пожалуйста, Дараган, как теперь с долларами будет?

Пончик. Кретин! *(Скрывается.)*

Дараган. Какими долларами? Что ты, хромой?

Маркизов. Это я так... Из любознательности. Змей! *(Скрывается.)*

Дараган *(Ефросимову).* Ты жаждешь покоя? Ну что же, ты его получишь! Но потрудись в последний раз. На Неве уже стоят гидропланы. Мы завтра будем выжигать кислородом, по твоему способу, пораженный город, а потом... живи где хочешь. Весь земной шар открыт, и визы тебе не надо.

Ефросимов. Мне надо одно — чтобы перестали бросать бомбы, — и я уеду в Швейцарию.

Слышен трубный сигнал, и в лесу ложится густая тень от громадного воздушного корабля.

Дараган. Иди туда, профессор!

Ефросимов. Меня ведут судить за уничтожение бомб?

Дараган. Эх, профессор, профессор!.. Ты никогда не поймешь тех, кто организует человечество. Ну что ж... Пусть по крайней мере твой гений послужит нам! Иди, тебя хочет видеть генеральный секретарь.

Занавес

Конец

1931

---

[1] Гениальный человек! *(исп.)*

БЛАЖЕНСТВО

СОН ИНЖЕНЕРА РЕЙНА В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮТ:

Евгений Николаевич Рейн, инженер.
Соседка Рейна.
Юрий Милославский, по прозвищу Солист.
Бунша-Корецкий, князь и секретарь домоуправления.
Иоанн Грозный, царь.
Опричник.
Стрелецкий голова.
Михельсон, гражданин.
Радаманов, Народный Комиссар Изобретений.
Аврора, его дочь.
Анна, его секретарь.
Саввич, директор Института Гармонии.
Граббе, профессор медицины.
Гость.
Услужливый гость.
Милиция.

Действие происходит в разные времена.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Весенний день. Московская квартира. Передняя с телефоном. Большая комната Рейна в полном беспорядке. Рядом комната гражданина Михельсона, обильно меблированная. В комнате Рейна, на подставке, маленький механизм. Чертежи, инструмент. Рейн, в замасленной прозодежде, небрит, бессонен, работает у механизма. Время от времени, когда Рейну удается настроить механизм, в комнате начинают слышаться долетающие издали приятные музыкальные звуки и мягкие шумы.

Рейн. Триста шестьдесят четыре... Опять тот же звук... Но ничего больше...

За сценою вдруг возбужденный голос соседки: «Селедки... Последний день...», потом глухие голоса, топот ног и стук в дверь Рейна.

Ну, ну! Кто там еще?

Соседка *(войдя)*. Софья Петровна! А Софья Петр... ах, нету ее? Товарищ Рейн, скажите вашей супруге, что в нашем кооперативе по второму талону селедки дают. Чтоб скорей шла. Сегодня последний день.

Рейн. Ничего не могу ей сказать, потому что она еще вчера вечером ушла.

Соседка. А куда ж она пошла?

Рейн. К любовнику.

Соседка. Вот так так! Как же это вы говорите, к любовнику? Это к какому ж любовнику?

Рейн. Кто его знает. Петр Иванович или Илья Петрович, я не помню. Знаю только, что он в серой шляпе и беспартийный.

Соседка. Вот так так! Оригинальный вы человек какой! Такого у нас в доме еще даже и не было!

Рейн. Простите, я очень занят.

Соседка. Так что ж, селедки теперь пропадут, что ли?

Рейн. Я занят очень.

Соседка. А она когда придет от этого, беспартийного-то?

Рейн. Никогда. Она совсем к нему ушла.

Соседка. И вы что же, страдаете?

Рейн. Послушайте, я очень занят.

Соседка. Ну, ну... Вот дела! Пока. *(Скрывается.)*

За сценой глухие голоса; слышно: «К любовнику ушла... селедки... последний день...», потом топот, хлопанье двери и полная тишина.

Рейн. Вот мерзавки какие! *(Обращается к механизму.)* Нет, сначала. Терпение. Выберу весь ряд. *(Работает.)*

Свет постепенно убывает, и наконец в комнате Рейна темно. Но все слышны дальние певучие звуки.

Парадная дверь беззвучно открывается, и в переднюю входит Юрий Милославский, хорошо одетый, похожий на артиста, человек.

Милославский *(прислушавшись у двери Рейна)*. Дома. Все люди на службе, а этот дома. Патефон починяет. А где же комната Михельсона? *(У двери Михельсона, читает надпись.)* Ах вот! «Сергей Евгеньевич Михельсон». Какой замок курьезный. Наверно, сидит в учреждении и думает, какой чудный замок повесил на свою дверь. Но на самом деле этот замок плохой. *(Взламывает замок и входит в комнату Михельсона.)* Прекрасная обстановка. Холостые люди всегда прилично живут, я заметил. Э, да у него и телефон отдельный. Большое удобство. Вот первым долгом и нужно ему позвонить. *(По телефону.)* Наркомснаб. Мерси. Добавочный девятьсот. Мерси. Товарища Михельсона. Мерси. *(Несколько изменив голос.)* Товарищ Михельсон? Бонжур. Товарищ Михельсон, вы до конца на службе будете? Угадайте. Артистка. Нет, не знакома, но безумно хочу познакомиться. Так вы до четырех будете? Я вам еще позвоню. Я очень настойчивая. *(Кладет трубку.)* Страшно удивился. Ну-с, начнем. *(Взламывает письменный стол, выбирает ценные вещи, затем взламывает шкафы, шифоньерки.)* Ампир. Очень аккуратный человек. *(Снимает стенные часы, надевает пальто Михельсона, меряет шляпу.)* Мой номер. Устал. *(Достает из буфета графинчик, закуску, выпивает.)* На чем это он водку настаивает? Прелестная водка! Нет, это не полынь. Уютно у него в комнате. Почитать любит. *(Берет со стола книгу, читает.)* «Богат и славен Кочубей. Его луга необозримы...» Красивые стихи. Славные стихи. *(По телефону.)* Наркомснаб. Мерси. Добавочный девятьсот. Мерси. Товарища Михельсона. Мерси. Товарищ Михельсон? Это я опять. На

чем вы водку настаиваете? Моя фамилия таинственная. А какой вам сюрприз сегодня выйдет. *(Кладет трубку.)* Страшно удивляется. *(Выпивает.)* Богат и славен Кочубей. Его луга необозримы...

Комната Михельсона угасает, а в комнату Рейна набирается свет. В воздухе вокруг Рейна и механизма начинает возникать слабо мерцающее кольцо.

Рейн. Ага! Светится. Это иное дело.

Стук в дверь.

Ах, чтоб вы провалились, проклятые! Да! *(Тушит кольцо.)*

Входит Бунша-Корецкий, на голове у него дамская шляпа.

Меня дома нет.

Бунша улыбается.

Нет, серьезно, Святослав Владимирович, я занят. Что это у вас на голове?

Бунша. Головной убор.

Рейн. А вы посмотрите на него.

Бунша *(у зеркала).* Это я шляпку Лидии Васильевны, значит, надел.

Рейн. Вы, Святослав Владимирович, рассеянный человек. В ваши годы дома надо сидеть, внуков нянчить, а вы целый день бродите по дому с книгой.

Бунша. У меня нет внуков. А если я перестану ходить, то произойдет ужас.

Рейн. Государство рухнет?

Бунша. Рухнет, если за квартиру не будут платить.

Рейн. У меня нет денег, Святослав Владимирович.

Бунша. За квартиру нельзя не платить. У нас в доме думают, что можно, а на самом деле нельзя. Я по двору прохожу и содрогаюсь. Все окна раскрыты, все на подоконниках лежат и рассказывают такие вещи, которые рассказывать запрещено.

Рейн. Вам, князь, лечиться надо.

Бунша. Я уж доказал, Евгений Николаевич, что я не князь, и вы меня не называйте князем.

Рейн. Вы — князь.

Бунша. Нет, я не князь.

Рейн. Не понимаю этого упорства. Вы — князь.

Бунша. А я говорю, нет. *(Вынимает бумаги.)* Вот документы, удостоверяющие, что моя мама изменяла папе и я сын кучера Пантелея. Я и похож на Пантелея. Потрудитесь прочесть.

Рейн. Не стоит. Ну, если так, вы — сын кучера, но у меня нет денег.

Бунша. Заклинаю вас, заплатите за квартиру, а то Луковкин говорит, что наш дом на черную доску попадет.

Рейн. Вчера жена ушла к какому-то Петру Ильичу, потом селедки, потом является эта развалина, не то князь, не то сын кучера, и истязает меня. Меня жена бросила, понятно?

Бунша. Позвольте, что же вы мне-то не заявили?

Рейн. А почему это вас волнует? Вы на нее какие-нибудь виды имели?

Бунша. Виды такие, что немедленно я должен ее выписать. Куда она выехала?

Рейн. Я не интересовался.

Бунша. Понятно, что вам неинтересно. А мне интересно. Я сам узнаю и выпишу.

Пауза.

Я присяду.

Рейн. Да незачем вам присаживаться. Как вам объяснить, что меня нельзя тревожить во время этой работы?

Бунша. Нет, вы объясните. Недавно была лекция, и я колоссальную пользу получил. Читали про венерические болезни. Вообще наша жизнь очень интересная и полезная, но у нас в доме этого не понимают. Наш дом вообще очень странный. Михельсон, например, красное дерево покупает, но за квартиру платит туго. А вы машину сделали.

Рейн. Вы бредите, Святослав Владимирович!

Бунша. Я обращаюсь к вам с мольбой, Евгений Николаевич. Вы насчет своей машины заявите в милицию. Ее зарегистрировать надо, а то в четырнадцатой квартире уже говорили, что вы такой аппарат строите, чтоб на нем из-под советской власти улететь. А это, знаете, и вы погибнете, и я с вами за компанию.

Рейн. Какая ж сволочь это говорила?

Бунша. Виноват, это моя племянница.

Рейн. Почему эти чертовы ведьмы болтают чепуху? Я знаю, это вы виноваты. Вы — старый зуда, шляетесь по всему дому, подглядываете, а потом ябедничаете, да, главное, врете!

Бунша. Я — лицо, занимающее официальный пост, и обязан наблюдать. Меня тревожит эта машина, и я вынужден буду о ней сообщить.

Рейн. Ради бога, повремените. Ну, хорошо, идите сюда. Просто-напросто я делаю опыты над изучением времени. Да, впрочем, как я вам объясню, что время есть фикция, что не существует прошедшего и будущего... Как я вам объясню идею о пространстве, которое, например, может иметь пять измерений?.. Одним словом, вдолбите себе в голову только одно, что это совершенно безобидно, невредно, ничего не взорвется, и вообще никого не касается! Вот, например, возьмем минус 364, минус. Включим. Минус, прошлое.

Включает механизм, и кольцо начинает светиться. Слышен певучий звук.

Вот и все. К сожалению, все. *(Пауза.)* Ах, я идиот! Нет, я не изобретатель, я кретин! Да ведь если шифр обратный, значит, я должен включить плюс! А если плюс, то и цифру наоборот! *(Бросается к механизму, поворачивает какой-то ключ, включает наново.)*

В то же мгновенье свет в комнате Рейна ослабевает, раздается удар колокола, вместо комнаты Михельсона вспыхивает сводчатая палата. Иоанн Грозный, с посохом, в черной рясе, сидит и диктует, а под диктовку его пишет опричник в парчовой одежде, поверх которой накинута ряса. Слышится где-то церковное складное пение и тягучий колокольный звон.

Рейн и Бунша замирают.

Иоанн. «...и руководителю...»

Опричник *(пишет)*. «...и руководителю...»

Иоанн. «...к пренебесному селению, преподобному игумену Козме, иже...»

Опричник *(пишет)*. «...Козме, иже...»

Иоанн. «...о Христе с братиею... с братиею, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси...»

Опричник *(пишет)*. «...всея Руси...»

Иоанн. «...челом бьет».

Рейн. Ах!

Услыхав голос Рейна, Иоанн и опричник поворачивают головы. Опричник, дико вскрикнув, вскакивает, пятится, крестится и исчезает.

Иоанн *(вскакивает, крестясь и крестя Рейна).* Сгинь! Увы мне, грешному! Горе мне, окаянному! Скверному душегубцу, ох! Сгинь! Сгинь! *(В исступлении бросается в комнату Рейна, потом, крестя стены, в переднюю и исчезает.)*

Бунша. Вот какую машину вы сделали, Евгений Николаевич!

Рейн. Это Иоанн Грозный! Держите его! Его увидят! Боже мой! Боже мой! *(Бросается вслед за Иоанном и исчезает.)*

Бунша *(бежит к телефону в передней).* Дежурного по городу! Секретарь домкома десятого жакта в Банном переулке. У нас физик Рейн без разрешения сделал машину, из которой появился царь! Не я, не я, а физик Рейн! Банный переулок! Да трезвый я, трезвый! Бунша-Корецкий моя фамилия! Снимаю с себя ответственность! Согласен отвечать! Ждем с нетерпением! *(Вешает трубку, бежит в комнату Рейна.)*

Рейн *(вбегая).* С чердака на крышу хода нету? Боже мой!

Вдруг за палатой Иоанна затявкал набатный колокол, грянул выстрел, послышались крики: «Гой да! Гой да!» В палату врывается стрелецкий голова с бердышом в руках.

Голова. Где царь?

Бунша. Не знаю.

Голова *(крестясь).* А, псы басурманские! Гой да! Гой да! *(Взмахивает бердышом.)*

Рейн. Черт возьми!

Бросается к механизму и выключает его, отчего в то же мгновенье исчезает и палата, и стрелецкий голова и прекращается шум. Только на месте, где была стенка комнаты Михельсона, остается небольшой темный провал.

Пауза.

Видали?

Бунша. Как же!

Рейн. Постойте, вы звонили сейчас по телефону?

Бунша. Честное слово, нет.

Рейн. Старая сволочь! Ты звонил сейчас по телефону? Я слышал твой паскудный голос!

Бунша. Вы не имеете права...

Рейн. Если хоть кому-нибудь, хоть одно слово!.. Ну, черт с вами! Стало быть, на крышу он не выскочит? Боже мой, если его увидят! Он дверь за собой захлопнул на чердак! Какое счастье, что их всех черт за селедками унес!

В этот момент из провала — из комнаты Михельсона — появляется встревоженный шумом Милославский с часами Михельсона под мышкой.

Вот тебе раз!

Милославский. Я извиняюсь, это я куда-то не туда вышел. У вас тут стенка, что ли, провалилась? Виноват, как пройти на улицу? Прямо? Мерси.

Рейн. Нет! Стойте!

Милославский. Виноват, в чем дело?

Бунша. Михельсоновы часы.

Милославский. Я извиняюсь, какие Михельсоновы? Это мои часы.

Рейн (*Бунше*). Да ну вас с часами! Очевидно, я не довел до нуля стрелку. Тьфу, черт! *(Милославскому.)* Да вы какой эпохи? Как вас зовут?

Милославский. Юрий Милославский.

Рейн. Не может быть!

Милославский. Извиняюсь, у меня документ есть, только я его на даче оставил.

Рейн. Вы кто такой?

Милославский. А вам зачем? Ну, солист государственных театров.

Рейн. Я ничего не понимаю. Да вы что, нашего времени? Как же вы вышли из аппарата?

Бунша. И пальто Михельсона.

Милославский. Я извиняюсь, какое Михельсона? Что это, у одного Михельсона коверкотовое пальто в Москве?

Рейн. Да ну вас к черту, с этим пальто! *(Смотрит на циферблат механизма.)* Ах, ну да! Я на три года не довел стрелку. Будьте добры, станьте здесь, я вас сейчас отправлю обратно. *(Движет механизм.)* Что за оказия! Заело! Вот так штука! Ах ты, господи! Этот на чердаке сидит! *(Милославскому.)* Вы не волнуйтесь. Дело вот в чем. Я изобрел механизм времени, и вы попали... Ну, словом,

вы не пугайтесь, я... я сейчас налажу все это. Дело в том, что время есть фикция...

Милославский. Скажите! А мне это и в голову не приходило!

Рейн. В том-то и дело. Так вот, механизм...

Милославский. Богатая вещь! Извиняюсь, это что же, золотой ключик?

Рейн. Золотой, золотой. Одну минуту, я только отвертку возьму. *(Отворачивается к инструменту.)*

Милославский наклоняется к машине. В то же мгновение вспыхивает кольцо, свет в комнате меняется, поднимается вихрь...

Что такое!.. Кто тронул машину?!

Бунша. Караул!

Вихрь подхватывает Буншу, втаскивает его в кольцо, и Бунша исчезает.

Милославский. Чтоб тебе, черт! *(Схватывается за занавеску, обрывает ее и, увлекаемый вихрем, исчезает в кольце.)*

Рейн. Что же это такое вышло! *(Влетает в кольцо, схватывает механизм.)* Ключ! Ключ! Где же ключ! Ключ выронил! *(Исчезает вместе с механизмом.)*

Наступает полная тишина в доме. После большой паузы парадная дверь открывается, и входит Михельсон.

Михельсон *(у двери в свою комнату)*. Батюшки! *(Входит в комнату.)* Батюшки! *(Мечется.)* Батюшки! Батюшки! *(Бросается к телефону.)* Милицию! Милицию! В Банном переулке, десять... Какой царь? Не царь, а обокрали меня! Михельсон моя фамилия! *(Бросает трубку.)* Батюшки!

В этот момент на парадном ходе начинаются энергичные звонки. Михельсон открывает дверь, и входит милиция в большом числе.

Слава тебе господи! Товарищи, да как же вы быстро поспели!

Милиция. Где царь?

Михельсон. Какой царь?! Обокрали меня! Стенку взломали! Вы только гляньте! Часы, пальто, костюмы! Портсигар! Все на свете!

Милиция. Кто звонил насчет царя?

Михельсон. Какого такого царя, товарищи? Ограбили! Вы посмотрите!

Милиция. Без паники, гражданин! Товарищ Сидоров, займите черный ход.

Михельсон. Ограбили!

Темно.

Та часть Москвы Великой, которая носит название Блаженство. На чудовищной высоте над землей громадная терраса с колоннадой.

Мрамор.

Сложная, но малозаметная и незнакомая нашему времени аппаратура. За столом, в домашнем костюме, сидит Народный Комиссар Изобретений Радаманов и читает.

Над Блаженством необъятный воздух, весенний закат.

Анна *(входя)*. Павел Сергеевич, вы что же это делаете?

Радаманов. Читаю.

Анна. Да вам переодеваться пора. Через четверть часа сигнал.

Радаманов *(вынув часы)*. Ага. Аврора прилетела?

Анна. Да. *(Уходит.)*

Аврора *(входя)*. Да, я здесь. Ну, поздравляю тебя с наступающим Первым мая.

Радаманов. Спасибо, и тебя также. Кстати, Саввич звонил мне сегодня девять раз, пока тебя не было.

Аврора. Он любит меня, и мне приятно его мучить.

Радаманов. Но вы меня не мучьте. Он сегодня ломился в восемь часов утра, спрашивал, не прилетела ли ты.

Аврора. Как ты думаешь, папа, осчастливить мне его или нет?

Радаманов. Признаюсь тебе откровенно, мне это безразлично. Но только ты дай ему сегодня хоть какой-нибудь ответ.

Аврора. Папа, ты знаешь, в последнее время я как будто несколько разочаровалась в нем.

Радаманов. Помнится, месяц назад ты стояла у этой колонны и отнимала у меня время, рассказывая о том, как тебе нравится Саввич.

Аврора. Возможно, что мне что-нибудь и померещилось. И теперь я не могу понять, чем он, собственно, меня прельстил? Не то понравились мне его брови, не то он поразил меня своей теорией гармонии. Гармония, папа...

Радаманов. Прости. Если можно, не надо ничего про гармонию, я уже все слышал от Саввича...

На столе в аппарате вспыхивает голубой свет.

Ну вот, пожалуйста. *(В аппарат.)* Да, да, да, прилетела.

Свет гаснет.

Он сейчас подымется. Убедительно прошу, кончайте это дело в ту или другую сторону, а я ухожу переодеваться. *(Уходит.)*

Люк раскрывается, и из него появляется Саввич. Он ослепительно одет, во фраке, с цветами в руках.

Саввич. Дорогая Аврора, не удивляйтесь, я только на одну минуту, пока еще нет гостей. Разрешите вам вручить эти цветы.

Аврора. Благодарю вас. Садитесь, Фердинанд.

Саввич. Аврора, я пришел за ответом. Вы сказали, что дадите его сегодня вечером.

Аврора. Ах да, да. Наступает Первое мая. Знаете ли что, отложим наш разговор до полуночи. Я хочу собраться с мыслями.

Саввич. Слушаю. Я готов ждать и до полуночи, хотя и уверен, что ничто не может измениться за эти несколько часов. Поверьте, Аврора, что наш союз неизбежен. Мы — гармоническая пара. А я сделаю все, что в моих силах, чтобы вы были счастливы.

Аврора. Спасибо, Фердинанд.

Саввич. Итак, разрешите откланяться. Я явлюсь, как только начнется праздник.

Аврора. Мы будем рады.

Саввич уходит. Пауза.
Радаманов входит, полуодет.

Радаманов. Ушел?

Аврора. Ушел.

Радаманов. Ты опять не дала ответа?

Аврора. Как всякая интересная женщина, я немного капризна.

Радаманов. Извини, но ты вовсе не так интересна, как тебе кажется. Что же ты делаешь с человеком?

Аврора. А с другой стороны, конечно, не в бровях сила. Бывают самые ерундовские брови, а человек интересный...

За сценой грохот разбитых стекол. Свет гаснет и вспыхивает, и на террасу влетают Бунша, затем Милославский и наконец Рейн.

Рейн. О боже!

Бунша. Евгений Николаевич!

Милославский. Куда ж это меня занесло?

Радаманов. Артисты. Что ж это вы стекла у меня бьете? О съемках нужно предупреждать. Это моя квартира.

Рейн. Где мы? Да ответьте же, где мы?

Аврора. В Блаженстве.

Радаманов. Простите...

Аврора. Погоди, папа. Это карнавальная шутка. Они костюмированы.

Радаманов. Во-первых, это раньше времени, а во-вторых, все-таки стекла в галерее... На одном из них, по-видимому, дамская шляпа. Может быть, это и очень остроумно...

Рейн. Это Москва? *(Бросается к парапету, видит город.)* Ах! *(Оборачивается с безумным лицом, смотрит на светящийся календарь.)* Четыре двойки. Две тысячи двести двадцать второй год! Все понятно. Это двадцать третий век. *(Теряет сознание.)*

Аврора. Позвольте! Он по-настоящему упал в обморок! Он голову разбил! Отец! Анна! Анна! *(Бросается к Рейну.)*

Анна вбегает.

Радаманов *(по аппарату)*. Граббе! Поднимайтесь ко мне! Да в чем есть! Тут какая-то чертовщина! Голову разбил!

Анна. Кто эти люди?

Аврора. Воды!

Бунша. Он помер?

Открывается люк, и вылетает полуодетый Граббе.

Аврора. Сюда, профессор, сюда!

Граббе приводит в чувство Рейна.

Рейн *(очнувшись)*. Слушайте... Но только верьте... я изобрел механизм для проникновения во время... вот он... поймите мои слова... мы люди двадцатого века!

Темно.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Иллюминованная ночь на той же террасе. Буфет с шампанским. Радаманов и Рейн во фраках стоят у парапета. В отдалении Саввич. Анна в бальном платье у аппарата. Слышна мощная музыка.

Радаманов. Вон, видите, там, где кончается район Блаженства, стеклянные башни. Это — Голубая Вертикаль. Теперь смотрите — поднялся рой огней. Это жители Вертикали летят сюда.

Рейн. Да, да.

Радаманов. У нас существует обычай: в вечер праздника Первого мая жители Москвы летят строем с огнями приветствовать народных комиссаров. Это называется демонстрация. В ваше время этого не было?

Рейн. Нет, было. Это мне известно. Только они шли по земле.

В аппарате вспыхивает свет.

Анна. Голубая Вертикаль хочет видеть инженера Рейна.

Радаманов. Вы не возражаете?

Рейн. Нет, с удовольствием.

Анна *(в аппарат)*. Слушайте. Говорит Народный Комиссар Изобретений Радаманов.

Радаманов *(Рейну)*. Сюда, пожалуйста. *(Освещаясь сверху, говорит в аппарат.)* Приветствую Голубую Вертикаль! В день праздника Первого мая!

Мимо террасы летит рой светляков. Свет внезапно сверху заливает Рейна.

Вы хотели видеть Рейна? Вот он перед вами. Гениальный инженер Рейн, человек двадцатого века, пронзивший время! Все сообщения в телеграммах о нем правильны! Вот он! Евгений Рейн!

Донесся гул. Светляки исчезают.

Посмотрите, какое возбуждение вы вызвали в мире.

Аппараты гаснут.

Может быть, вы устали?

Рейн. О нет! Я хочу видеть все. Нет, кто действительно гениален, это ваш доктор Граббе. Я полон сил. Он вдунул в меня жизнь.

Саввич. Этим лекарством нельзя злоупотреблять.

Радаманов. Вы познакомились?

Рейн. Нет еще.

Радаманов. Саввич, директор Института Гармонии. Инженер Рейн. *(Рейну.)* Так, может быть, вы хотите взглянуть, как танцуют? Анна, займите и проводите гостя.

Анна. С большим удовольствием.

Анна и Рейн уходят.
Пауза.

Радаманов. Ну, что вы скажете, милый Фердинанд, по поводу всего этого?

Саввич. Я поражен. Я ничего не понимаю. *(Пауза.)* Скажите, Павел Сергеевич, какие последствия может все это иметь?

Радаманов. Дорогой мой, я не пророк. *(Хлопает себя по карманам.)* У вас есть папиросы? В этой суматохе я портсигар куда-то засунул.

Саввич *(похлопав себя по карманам).* Вообразите, и я забыл свой! *(Пауза.)* Радаманов! Нет, этого не может быть!

Радаманов. Вот это что-то новенькое. Как же это не может быть того, что есть? Нет, дорогой Фердинанд, нет, мой дорогой поклонник гармонии, примиритесь с этой мыслью. Трое свалились к нам из четвертого измерения. Ну что ж... Поживем, увидим. Ах, я курить хочу.

Оба уходят.
Слышен аплодисмент, и входит Бунша, а за ним задом, с кем-то раскланиваясь, Милославский. Оба выбриты и во фраках.

Милославский. Очень, очень приятно. Мерси, гран мерси. В другой раз с удовольствием. Мерси. *(Бунше.)* Понравились мы им.

Бунша. Все это довольно странно. Социализм совсем не для того, чтобы веселиться. А они бал устроили. И произносят такие вещи, что ого-го-го... Но самое главное, фраки. Ох, прописали бы им ижицу за эти фраки!

Милославский. Если в тебя вглядеться, то сразу разочаровываешься. Это кто же им пропишет?

Входит гость во фраке.

Гость. Я понимаю, что вы ищете уединения, и сию минуту уйду. Мне только хотелось пожать руку спутникам великого Рейна.

Милославский. Очень, очень приятно. Мерси, гран мерси. Милославский Юрий. А это секретарь. А вы из каких будете?

Гость. Я мастер московской водонапорной станции.

Милославский. Очень приятно. Вы тоже трудящийся человек... Да что там... эти рукопожатия всякие... давайте поцелуемся.

Гость. Я буду счастлив и польщен.

Милославский обнимает гостя.

Не забуду этой минуты. *(Хочет обнять Буншу.)*

Милославский. С ним не обязательно. Это секретарь...

Гость. Желаю вам всего, всего хорошего.

Милославский. Гран, гран мерси.

Гость удаляется.

Милославский. Приятный народ. Простой, без претензий, доверчивый.

Бунша. Надел бы он фрак да на общее собрание пришел бы! Вот бы я посмотрел! Какого он происхождения, интересно бы знать?

Милославский. Ты перестань мне гудеть в ухо. Ничего не даешь сообразить.

Бунша. Я уже все сообразил и даже с вами могу поделиться своими соображениями. И одного я не понимаю, откуда у вас появились точно такие часы, как у Михельсона? У меня возникают кое-какие подозрения. *(Подходит к столу, на котором лежат вещи, принесенные из XX века: часы, занавеска, дамская шляпа.)* Вот и надпись выцарапана: «Михельсон».

Милославский. Это я выцарапал «Михельсон».

Бунша. Зачем же чужую фамилию выцарапывать?

Милославский. Потому что она мне понравилась. Это красивая фамилия. Пожалуйста, сцарапываю и выцарапываю новую: «Милославский». Это вас успокаивает?

Бунша. Нет, не успокаивает. Все равно я подозреваю.

Милославский. О господи! Тоска какая! На что мне, обеспеченному человеку, Михельсоновы посредственные часы? Вот часы так часы! *(Вынимает из кармана часы.)*

Бунша. У товарища Радаманова точно такие же часы... и буква «Р»...

Милославский. Ну вот видишь.

Бунша. А на каком основании вы мне «ты» говорите?

Милославский. Можешь и мне говорить «ты».

Анна *(входит)*. Не скучаете ли вы одни? Выпьемте шампанского.

Милославский. Покорнейше благодарю. Простите, мадемуазель, за нескромный вопрос, нельзя ли нам спиртику выпить в виде исключения?

Анна. Спирту? Вы пьете спирт?

Милославский. Кто ж откажется?

Анна. Ах, это интересно. У нас, к сожалению, его не подают. Но вот кран. По нему течет чистый спирт.

Милославский. Ах, как у вас комнаты оборудованы! Бунша, бокальчик!

Анна. А неужели он не жжется?

Милославский. А вы попробуйте. Бунша, бокальчик даме.

Анна *(выпив)*. Ой!

Милославский. Закусывайте, закусывайте.

Бунша. Закусывайте!

В это время входит смущенный гость и, стараясь не помешать, что-то ищет под столом.

Милославский. Что ищете, отец?

Гость. Простите, я где-то обронил медальон с цепочкой...

Милославский. Э-э, это жалко.

Гость. Простите, посмотрю еще в бальном зале. *(Уходит.)*

Милославский. Славные у вас люди. За ваше здоровье. Еще бокальчик.

Анна. А я не опьянею?

Милославский. От спирту-то? Что вы! Вы только закусывайте. Князь, мировой паштет.

Бунша. Я же рассказывал тебе про Пантелея.

Милославский. Да ну тебя к черту с твоим Пантелеем! Все равно им, кто ты такой. Происхождение не играет роли.

Бунша *(Анне)*. Позвольте, товарищ, навести у вас справочку. Вы в каком профсоюзе состоите?

Анна. Простите, я не понимаю.

Бунша. То есть, чтобы иначе выразиться, вы куда взносы делаете?

Анна. Тоже не понимаю. *(Смеется.)*

Милославский. Ты меня срамишь. Ты бы еще про милицию спросил. Ничего у них этого нет.

Бунша. Милиции нет? Ну, это ты выдумал. А где же нас пропишут?

Анна. Простите, что я улыбаюсь, но я ни одного

слова не понимаю из того, что вы говорите. Вы кем были в прошлой жизни?

Бунша. Я секретарь домоуправления в нашем жакте.

Анна. А... а... вы что делали в этой должности?

Бунша. Я карточками занимался, товарищ.

Анна. А-а. Интересная работа? Как вы проводили ваш день?

Бунша. Очень интересно. Утром встанешь, чаю напьешься. Жена в кооператив, а я сажусь карточки писать. Первым долгом смотрю, не умер ли кто в доме. Умер — значит, я немедленно его карточки лишаю.

Анна *(хохочет)*. Ничего не понимаю.

Милославский. Позвольте, я объясню. Утром встанет, начнет карточки писать, живых запишет, мертвых выкинет. Потом на руки раздаст; неделя пройдет, отберет их, новые напишет, опять раздаст, потом опять отберет, опять напишет...

Анна *(хохочет)*. Вы шутите! Ведь так с ума можно сойти!

Милославский. Он и сошел!

Анна. У меня голова закружилась. Я пьяна. А вы сказали, что от спирту нельзя опьянеть.

Милославский. Разрешите, я вас за талью поддержу.

Анна. Пожалуйста. У вас несколько странный в наше время, но, по-видимому, рыцарский подход к женщине. Скажите, вы были помощником Рейна?

Милославский. Не столько помощником, сколько, так сказать, его интимный друг. Даже, собственно, не его, а соседа его Михельсона. Я случайно проезжал в трамвае, дай, думаю, зайду. Женя мне и говорит...

Анна. Рейн?

Милославский. Рейн, Рейн... Слетаем, что ли... Я говорю: а что ж, не все ли равно, летим... *(Бунше.)* Помолчи минутку. И вот-с, пожалуйста, такая история... Разрешите вам руку поцеловать.

Анна. Пожалуйста. Я обожаю смелых людей.

Милославский. При нашей работе нам нельзя несмелыми быть. Оробеешь, а потом лет пять каяться будешь.

Радаманов *(входит)*. Анна, голубчик, я в суматохе где-то свои часы потерял.

Милославский. Не видел.

Анна. Я потом поищу.

Бунша. Товарищ Радаманов...

Радаманов. А?

Бунша. Товарищ Радаманов, я вам хотел свои документы сдать.

Радаманов. Какие документы?

Бунша. Для прописки, а то ведь мы на балу веселимся непрописанные. Считаю долгом предупредить.

Радаманов. Простите, дорогой, не понимаю... Разрешите, потом... *(Уходит.)*

Бунша. Совершенно расхлябанный аппарат. Ни у кого толку не добьешься.

Граббе *(входит)*. А, наконец-то я вас нашел! Радаманов беспокоится, не устали ли вы после полета? *(Анне).* Простите, на одну минутку. *(Наклоняется к груди Милославского, выслушивает сердце.)* Вы пили что-нибудь?

Милославский. Лимонад.

Граббе. Ну, все в порядке. *(Бунше.)* А вы?

Бунша. У меня, товарищ доктор, поясница болит по вечерам и стул очень затрудненный.

Граббе. Поправим, поправим. Позвольте-ка пульсик. А где ж часы-то мои? Неужели выронил?

Милославский. Наверно, выронили.

Граббе. Ну, неважно, всего доброго. В пальто, что ли, я их оставил?.. *(Уходит.)*

Анна. Что они все с часами как с ума сошли?

Милославский. Обхохочешься! Эпидемия!

Бунша *(Милославскому тихо).* Часы Михельсона — раз, товарища Радаманова — два, данный необъяснимый случай... подозрения мои растут...

Милославский. Надоел. *(Анне.)* Пройдемся?

Анна. Я на ногах не стою из-за вашего спирта.

Милославский. А вы опирайтесь на меня. *(Бунше тихо.)* Ты бы пошел в другое место. Иди и там веселись самостоятельно. А то что ты за мной таскаешься?

Все трое уходят.

Входят Рейн и Аврора. Рейн идет, схватившись за голову.

Аврора. Дорогой Евгений Николаевич, да где же он-то?

Рейн. Одно из двух: или он остался на чердаке, или его уже схватили. И вернее всего, что он сейчас уже сидит в психиатрической лечебнице. Вы знаете, я как только вспомню о нем, прихожу в ужас. Да, да... Да, да... Несомненно, его уже взяла милиция, и воображаю, что там происходит! Но, впрочем, сейчас говорить об этом

совершенно бесполезно. Все равно ничего не исправишь.

Аврора. Вы не тревожьте себя, а выпейте вина.

Рейн. Совершенно верно. *(Пьет.)* Да, история...

Аврора. Я смотрю на вас и не могу отвести глаз. Но вы-то отдаете себе отчет в том, что вы за человек? Милый, дорогой Рейн, когда вы восстановите свою машину?

Рейн. Ох, знаете, там у меня катастрофа. Я важную деталь потерял. Ну, впрочем, это выяснится...

Пауза.

Аврора. Скажите, ну а у вас была личная жизнь? Вы были женаты?

Рейн. Как же.

Аврора. Что ж теперь с вашей женой?

Рейн. Она убежала от меня.

Аврора. От вас? К кому?

Рейн. К какому-то Семену Петровичу, я не знаю точно...

Аврора. А почему она вас бросила?

Рейн. Я очень обнищал из-за этой машины, и нечем было даже платить за квартиру.

Аврора. Ага... ага... А вы...

Рейн. Что?

Аврора. Нет, ничего, ничего.

Бьет полночь. Из бальных зал донесся гул. В то же время открывается люк, и появляется Саввич.

Аврора. Полночь. Ах, вот мой жених.

Рейн. А!

Аврора. Ведь вы знакомы?

Саввич. Да, я имею удовольствие.

Аврора. Вы хотите со мной говорить, Фердинанд, не правда ли?

Саввич. Если позволите. Я явился в полночь, как вы назначили.

Рейн. Пожалуйста, пожалуйста, я... *(Встает.)*

Аврора. Не уходите далеко, Рейн, у нас только несколько слов.

Рейн выходит.

Милый Фердинанд, вы за ответом?

Саввич. Да.

Аврора. Не сердитесь на меня и забудьте меня. Я не могу быть вашей женой.

Пауза.

Саввич. Аврора... Аврора! Этого не может быть. Что вы делаете? Мы были рождены друг для друга.

Аврора. Нет, Фердинанд, это грустная ошибка. Мы не рождены друг для друга.

Саввич. Скажите мне только одно: что-нибудь случилось?

Аврора. Ничего не случилось. Просто я разглядела себя и вижу, что я не ваш человек. Поверьте мне, Фердинанд, вы ошиблись, считая нас гармонической парой.

Саввич. Я верю в то, что вы одумаетесь, Аврора. Институт Гармонии не ошибается, и я вам это докажу! *(Уходит.)*

Аврора. Вот до чего верит в гармонию! *(Зовет.)* Рейн!

Рейн входит.

Извините меня, пожалуйста; вот мой разговор и кончен. Налейте мне, пожалуйста, вина. Пойдемте в зал.

Рейн и Аврора уходят.

Милославский *(входит задом).* Нет, мерси. Гран мерси. *(Покашливает.)* Не в голосе я сегодня. Право, не в голосе. Покорнейше, покорнейше благодарю.

Анна *(вбегает).* Если вы прочтете, я вас поцелую.

Милославский. Принимаю ваши условия. *(Подставляет лицо.)*

Анна. Когда прочтете. А про спирт вы наврали — он страшно пьяный.

Милославский. Я извиняюсь...

Радаманов *(входит).* Я вас очень прошу — сделайте мне одолжение, прочтите что-нибудь моим гостям.

Милославский. Да ведь, Павел Сергеевич... я ведь только стихи читаю. А репертуара, как говорится, у меня нету.

Радаманов. Стихи? Вот и превосходно. Я, признаться вам, в стихах ничего не смыслю, но уверен, что они всем доставят большое наслаждение.

Анна. Пожалуйте к аппарату. Мы вас передадим во все залы.

Милославский. Застенчив я, вот горе...

Анна. Не похоже.

Милославского освещают.

(В аппарат.) Внимание! Сейчас артист двадцатого века Юрий Милославский прочтет стихи.

Аплодисмент в аппарате.

Чьи стихи вы будете читать?

Милославский. Чьи, вы говорите? Собственного сочинения.

Аплодисмент в аппарате. В это время входит гость, очень мрачен. Смотрит на пол.

Богат... и славен... Кочубей... Мда... Его поля... необозримы!

Анна. Дальше!

Милославский. Конец.

Некоторое недоуменное молчание, затем аплодисмент.

Радаманов. Браво, браво... спасибо вам.

Милославский. Хорошие стишки?

Радаманов. Да какие-то коротенькие уж очень. Впрочем, я отношу это к достоинству стиха. У нас почему-то длиннее пишут.

Милославский. Ну, простите, что не угодил.

Радаманов. Что вы, что вы... Повторяю вам, я ничего не понимаю в поэзии. Вы вызвали восторг, послушайте, как вам аплодируют.

Крики в аппарате: «Милославского! Юрия!»

Анна. Идемте кланяться?

Милославский. К чему это?.. Застенчив я...

Анна. Идемте, идемте.

Анна и Милославский уходят, и тотчас доносится бурная овация.

Радаманов *(гостю)*. Что с вами, мой дорогой? Вам нездоровится?

Гость. Нет, так, пустяки.

Радаманов. Выпейте шампанского. *(Уходит.)*

Гость *(выпив в одиночестве три бокала, некоторое время ползает по полу, ищет что-то)*. Стихи какие-то дурацкие... Не поймешь, кто этот Кочубей... Противно пишет... *(Уходит.)*

Вбегает взволнованный услужливый гость, зажигает свет в аппарате.

Услужливый гость. Филармония? Будьте добры, найдите сейчас же пластинку под названием «Аллилуйя» и дайте ее нам, в бальный зал Радаманова. Артист Милославский ничего другого не танцует... Молитва?

Одна минута... *(Убегает, возвращается.)* Нет, не молитва, а танец. Конец двадцатых годов двадцатого века.

В аппарате слышно начало «Аллилуйя».

(Убегает и через короткое время возвращается.) Это! *(Убегает.)*

Рейн и Аврора входят.

Аврора. Никого нет. Очень хорошо. Я устала от толпы.

Рейн. Проводить вас в ваши комнаты?

Аврора. Нет, мне хочется быть с вами.

Рейн. Что вы сказали вашему жениху?

Аврора. Это вас не касается.

Рейн. Что вы сказали вашему жениху?

Аврора внезапно обнимает и целует Рейна.
В то же время в дверях появляется Бунша.

Рейн. Как вы всегда входите, Святослав Владимирович!

Бунша скрывается.

Услужливый гость *(вбегает, говорит в аппарат).* Громче! Гораздо громче! *(Убегает, потом возвращается, говорит в аппарат.)* Говорит, с колоколами! Дайте колокола! *(Убегает, потом возвращается, говорит в аппарат.)* И пушечную стрельбу! *(Убегает.)*

Слышны громовые звуки «Аллилуйя» с пальбой и колоколами.

Услужливый гость *(возвращается).* Так держать! *(Убегает.)*

Рейн. Что он, с ума сошел! *(Убегает с Авророй.)*

Темно.

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же терраса. Раннее утро. Рейн в своей прозодежде у механизма.
Встревожен, что-то вспоминает.
Появляется тихонько Аврора и молча смотрит, как он работает.

Рейн. Нет, не могу вспомнить и не вспомню никогда...

Аврора. Рейн!

Рейн оборачивается.

Не мучь себя, отдохни.

Рейн. Аврора!

Целуются.

Аврора. Сознавайся, ты опять не спал всю ночь?

Рейн. Ну, не спал.

Аврора. Не смей работать по ночам. Ты переутомишься, потеряешь память и ничего не добьешься. Мне самой уже, я просыпалась сегодня три раза,— все время снятся цифры, цифры, цифры...

Рейн. Тсс... Мне показалось, что кто-то ходит...

Аврора. Кто же может пройти без сигнала?

Пауза.

Ты знаешь, я одержима мыслью, что мы с тобой улетим. И как только я подумаю об этом, у меня кружится голова... Очевидно, я выродок: с того момента, как ты оказался здесь, мне опротивели эти колонны и тишина Блаженства, я хочу опасностей, полетов! Рейн, ты понимаешь ли, какой ты человек!

В аппарате свет.

Отец. Его сигнал. Летим куда-нибудь! Тебе надо отдохнуть.

Рейн. Я должен переодеться.

Аврора. Вздор! Летим!

Уходят оба.

Радаманов входит, останавливается около механизма Рейна, долго смотрит на него, потом садится за стол, звонит.

Анна *(входит)*. Добрый день, Павел Сергеевич!

Радаманов. Ну-с!

Анна. Нету, Павел Сергеевич.

Радаманов. То есть как нет? Это уже из области чудес.

Анна. Павел Сергеевич, бюро потерь искало.

Радаманов. Бюро здесь решительно ни при чем. И часы, и портсигар были у меня в кармане.

Анна. Поверьте, Павел Сергеевич, что мне так неприятно...

Радаманов. Ну, если неприятно, то черт с ними! И не ищите, пожалуйста, больше!

Анна идет.

Да, кстати, как поживает этот, Юрий Милославский?

Анна. Я не знаю, Павел Сергеевич. А почему вы вспомнили его?

Радаманов. Вот и я не знаю. Но почему-то только вспомню про часы, так сейчас же вспоминаются его стихи про этого, как его... Кочубея... Что это, хорошие стихи, да?

Анна. Они, конечно, древние стихи, но хорошие. И он великолепно читает, Павел Сергеевич!

Радаманов. Ну, тем лучше. Ладно.

Анна уходит.

Радаманов погружается в работу. На столе вспыхивает сигнал, но Радаманов не замечает его. Саввич входит, молча останавливается и смотрит на Радаманова.

(Некоторое время еще читает, не замечая его, машинально берется за карман.) Богат и славен... *(Видит Саввича.)* А-а!

Саввич. Я вам звонил. Вход к вам свободен.

Радаманов. Я не заметил. Прошу садиться.

Пауза.

Вы что-то плохо выглядите.

Пауза.

Вы что же, помолчать ко мне пришли?

Саввич. Нет, Радаманов, говорить.

Радаманов. О-хо-хо... Согласитесь, дорогой Фердинанд, что я не виноват в том, что я ее отец... и... будем считать вопрос исчерпанным. Давайте кофейку выпьем.

Саввич. Бойтесь этих трех, которые прилетели сюда!

Радаманов. Что это вы меня с утра пугаете?

Саввич. Бойтесь этих трех!

Радаманов. Что вы хотите, мой дорогой? Скажите пояснее.

Саввич. Я хочу, чтобы они улетели отсюда в преисподнюю!

Радаманов. Все единогласно утверждают, что преисподней не существует, Фердинанд. И кроме того, все это очень непросто, и даже, милый мой, наоборот...

Саввич. То есть чтоб они остались здесь?

Радаманов. Именно так.

Саввич. Ах, понял. Я понимаю значение этого прибора. Ваш комиссариат может заботиться о том, чтобы сохранить его изобретение для нашего века, а Институт Гармонии должен позаботиться о том, чтобы эти трое — чужие нам — не нарушили жизни в Блаженстве! И об этом позабочусь я! А они ее нарушат, это я вам предсказываю! Я уберегу от них наших людей, и прежде всего уберегу ту, которую считаю лучшим украше-

нием Блаженства,— Аврору! Вы мало ее цените! Прощайте! *(Уходит.)*

Радаманов. О-хо-хо... Да, дела... *(Звонит.)*

Анна входит.

Анна, закройте все сигналы, чтобы ко мне никто не входил.

Анна. Да. *(Уходит.)*

Через некоторое время появляется Бунша и молча садится на то место, где сидел Саввич.

Радаманов *(подняв голову)*. Вот тебе раз! Дорогой мой, что же вы не дали сигнал, прежде чем подняться?

Бунша. Очень удобный аппарат, но, сколько я ни дергал...

Радаманов. Да зачем же его дергать? Просто-напросто он закрыт.

Бунша. Ага.

Радаманов. Итак, чем я вам могу быть полезен?

Бунша *(подает бумагу)*. Я к вам с жалобой, товарищ Радаманов.

Радаманов. Прежде всего, Святослав Владимирович, не надо бумаг. У нас они не приняты, как я вам уже говорил пять раз. Мы их всячески избегаем. Скажите на словах. Это проще, скорее, удобнее. Итак, на что жалуетесь?

Бунша. Жалуюсь на Институт Гармонии.

Радаманов. Чем он вас огорчил?

Бунша. Я хочу жениться.

Радаманов. На ком?

Бунша. На ком угодно.

Радаманов. Впервые слышу такой ответ. А...

Бунша. А Институт Гармонии обязан мне невесту подыскать.

Радаманов. Помилосердствуйте, драгоценный мой! Институт не сваха. Институт изучает род человеческий, заботится о чистоте его, стремится создать идеальный подбор людей, но вмешивается он в брачные отношения лишь в крайних случаях, когда они могут угрожать каким-нибудь вредом нашему обществу.

Бунша. А общество ваше бесклассовое?

Радаманов. Вы угадали сразу — бесклассовое.

Бунша. Во всем мире?

Радаманов. Решительно во всем.

Пауза.

Вам что-то не нравится в моих словах?

Бунша. Не нравится. Слышится в ваших словах, товарищ Радаманов, какой-то уклон.

Радаманов. Объясните мне, я не понимаю, что значит «уклон»?

Бунша. Я вам как-нибудь в выходной день объясню про уклон, Павел Сергеевич, так вы очень задумаетесь и будете осторожны в ваших теориях.

Радаманов. Я буду вам признателен, но вернемся к вашему вопросу. Невесту вы должны подыскать себе сами, а уж если Институт Гармонии поставит вам какие-нибудь препятствия, как человеку новому, то тут и потолкуем.

Бунша. Павел Сергеевич, в наш переходный период я знал, как объясняться с дамами. А в бесклассовом обществе...

Радаманов. Совершенно так же, как и в классовом.

Бунша. А вы бы как ей сказали?..

Радаманов. Я, голубчик, ни за какие деньги ничего бы ей не сказал, ибо, давно овдовев, не чувствую склонности к семейной жизни. Но если б такая блажь мне пришла в голову, то сказал бы что-нибудь вроде того: я полюбил вас с первого взгляда... по-видимому, и я вам нравлюсь... Простите, больше беседовать не могу, меня ждут на заседании. Знаете что, поговорите с Анной или Авророй, они лучше меня... Всего доброго. *(Уходит.)*

Бунша. Не бюрократ. Свой парень. Таких надо беречь да беречь. *(Садится за стол Радаманова, звонит.)*

Анна *(входит)*. Да, Павел Сер... Это вы звонили?

Бунша. Я.

Анна. Оригинально. Вам что-нибудь угодно мне сказать?

Бунша. Да. Я полюбил вас с первого взгляда.

Анна. Мне очень лестно, я очень тронута, но, к сожалению, мое сердце занято. *(Кладет бумагу на стол.)*

Бунша. Не надо никаких бумаг, как я уже много раз говорил. Скажите на словах. Это скорее, удобнее и проще. Вы отказываете мне?

Анна. Отказываю.

Бунша. Вы свободны.

Анна. В жизни не видела ничего подобного.

Бунша. Не будем терять времени. Вы свободны.

Анна уходит.

Бунша. Первый блин комом.

Аврора *(входит).* Отец! Ах, это вы? А отца нет?

Бунша. Нет. Присядьте, мадемуазель Радаманова. Увидев вас, я полюбил вас с первого взгляда. Есть основание полагать, что и я вам нравлюсь. *(Целует Аврору в щеку.)*

Аврора *(хлопнув его по щеке).* Дурак! *(Уходит.)*

Бунша. Вы зарываетесь, Аврора Павловна! Но ничего! Мы ударим по рукам зарвавшегося члена общества!

Входит Саввич.

Вот кстати.

Саввич. Павла Сергеевича нет?

Бунша. Нет. На пару слов

Саввич. Да.

Бунша. Я полюбил вас с первого взгляда.

Саввич. Это что значит?!

Бунша. Это вот что значит. *(Вынимает из кармана записочку и таинственно читает.)* «Директору Института Гармонии... Первого мая сего года в половине первого ночи Аврора Радаманова целовалась с физиком Рейном. С тем же физиком она целовалась третьего мая у колонны. Сего числа в восемь часов утра означенная Аврора целовалась с тем же физиком у аппарата, причем произнесла нижеследующие слова: «мы с тобой улетим...»

Саввич. Довольно! Я не нуждаюсь в ваших сообщениях! *(Выхватывает у Бунши бумажку, рвет ее, затем быстро уходит.)*

Бунша. Вот будет знать Аврора Павловна, как по щекам хлестать секретарей домкомов!

Милославский *(за сценой).* Болван здесь?

Бунша. Меня разыскивает.

Милославский *(входит).* А-а, ты здесь. Скучно мне, Святослав. Хочешь, я тебе часы подарю? Но при одном условии: строжайший секрет, ни при ком не вынимать, никому не показывать.

Бунша. А как же я время буду узнавать?

Милославский. Они не для этого. Просто на память, как сувенир. Ты какие предпочитаешь, открытые или глухие?

Бунша. Такое изобилие часов наводит меня на страшные размышления.

Милославский. Ты поделись с кем-нибудь этими размышлениями. Вот попробуй. Так глухие, что ли?

Бунша. Глухие.

Милославский. Получай.

Бунша. Большое спасибо. Но, извиняюсь, здесь буква «Х», а мои инициалы «С.В.Б.».

Милославский. Без капризов. У меня не магазин. Прячь.

Рейн *(входит).* Вы почему здесь? Вас же повезли Индию осматривать.

Милославский. Ничего интересного там нет.

Рейн. Да вы в ней и пяти минут не пробыли.

Милославский. Мы и одной минуты в ней не пробыли.

Рейн. Так какого же черта вы говорите, что неинтересно?

Милославский. В аэроплане рассказывали.

Бунша. Полное однообразие.

Рейн. Вы-то бы уж помолчали, Святослав Владимирович! Большим разнообразием вы пользовались в вашем домкоме. Ну, хорошо, мне некогда. *(Направляется к своему механизму.)* Слушайте, вы собираетесь у меня над душой стоять? Я так работать не могу. Отправляйтесь в какое-нибудь другое место, если вам не нравится Индия.

Милославский. Академик! Женя! Что же это с вашей машиной? Вы будьте любезны доставить нас на то место, откуда вы нас взяли.

Рейн. Я не шофер.

Милославский. Э-э-х!

Рейн. Вы — жертвы случая. Произошла катастрофа. Я же не виноват, что вы оказались у Михельсона в комнате. Да, впрочем, почему катастрофа? Миллионы людей мечтают о том, чтобы их перенесли в такую жизнь. Неужели вам здесь не нравится?

Милославский. Миллиону нравится, а мне не нравится. Нету мне применения здесь!

Рейн. Да что вы рассказываете? Почему не читаете ваших стихов? За вами ходят, вам смотрят в рот! Но никто от вас ничего не слышал, кроме этого осточертевшего Кочубея.

Милославский. Э-э-х! *(Выпивает спирту из крана, потом разбивает стакан.)*

Рейн. Что это за хамство!

Милославский. Драгоценный академик! Шевельните мозгами! Почините вашу машинку, и летим отсюда

назад! Трамваи сейчас в Москве ходят! Народ суетится! Весело! В Большом театре сейчас утренник. В буфете давка! Там сейчас антракт! Мне там надо быть! Тоскую я! *(Становится на колени.)*

Бунша *(тоже становится на колени.)* Евгений Николаевич! Меня милиция сейчас разыскивает на всех парусах. Ведь я без разрешения отлучился. Я — эмигрант! Увезите меня обратно!

Рейн. Да ну вас к черту! Прекратите вы этот цирк! Поймите, что тут беда случилась. Ключ выскочил из машины! С шифром ключ! А я без него не могу пустить машину.

Милославский. Что? Ключ, говорите? Это золотой ключик?

Рейн. Именно, золотой ключик.

Милославский. Что же ты молчал две недели?! *(Обнимает Рейна.)* Ура! Ура! Ура!

Рейн. Отвяжитесь вы от меня! На нем двадцать цифр, я их вспомнить не могу!

Милославский. Да чего же их вспоминать, когда у вас ключ в кармане в прозодежде!

Рейн. Там его нет. *(Шарит в карманах, вынимает ключ.)* Что такое? Ничего не понимаю. Это волшебство!

Бунша. Цепь моих подозрений скоро замкнется.

Рейн. Аврора! Аврора!

Аврора *(входит).* Что? Что такое?

Рейн *(показывает).* Ключ!

Аврора. У меня подкосились ноги... Где он был?

Рейн. Не понимаю... В кармане...

Аврора. В кармане! В кармане!

Милославский. Летим немедленно!

Рейн. Виноват, мне нужны сутки, чтобы отрегулировать машину. А если вы будете метаться у меня перед глазами, то и больше. Пожалуйста, уходите оба.

Милославский. Уходим, уходим. Только уж вы, пожалуйста, работайте, а не отвлекайтесь в сторону.

Рейн. Попрошу вас не делать мне указаний.

Аврора *(Милославскому).* И никому ни слова о том, что найден ключ.

Милославский. Будьте покойны, ни-ни-ни... *(Бунше.)* Следуй за мной, и чтоб молчать у меня! *(Уходит с Буншей.)*

Рейн. Ключ! Аврора, ключ! *(Обнимает ее.)*

Милославский *(выглянув).* Я же просил вас, Женеч-

ка, не отвлекаться... Пардон, мадемуазель. Ушел, ушел, ушел... Проверил только и ушел.

Темно.

Та же терраса. Рейн и Аврора у механизма. Рейн регулирует его, и время от времени начинает мерцать кольцо.

Рейн. Слышишь?

Аврора. Гудит.

В аппарате вспыхивает сигнал.

Отец.

Рейн тушит кольцо, прячет ключ в карман.

Тсс... *(Уходит.)*

Радаманов *(входит)*. Здравствуйте, Рейн. Извините, что я прерву вашу работу, но у меня дело исключительной важности.

Рейн. Я к вашим услугам.

Радаманов. Я только что с заседания, которое было посвящено вам.

Рейн. Слушаю.

Радаманов. И вот что мне поручили передать вам. Мы постановили считать, что ваше изобретение — сверхгосударственной важности. А вас, автора этого изобретения, решено поставить в исключительные условия. Все ваши потребности и все ваши желания будут удовлетворяться полностью, независимо от того, чего бы вы ни пожелали. К этому нечего добавлять, кроме того, что я поздравляю вас.

Рейн. Я прошу вас передать Совету Народных Комиссаров мою величайшую признательность, а также благодарность за то гостеприимство, с которым приняли меня и моих случайных спутников.

Радаманов. Я все это передам. И это все, что вы хотели сказать?

Рейн. Да, все... я польщен...

Радаманов. Признаюсь вам, я ожидал большего. На вашем месте я бы ответил так. Я благодарю государство и прошу принять мое изобретение в дар.

Рейн. Как? Вы хотите, чтобы я отдал свою машину?

Радаманов. Прошу вас помыслить. Могло бы быть иначе?

Рейн. А! Я начинаю понимать. Скажите, если я восстановлю свою машину...

Радаманов. В чем, кстати говоря, я не сомневаюсь.

Рейн. Мне дадут возможность совершать на ней мои полеты самостоятельно?

Радаманов. С нами, с нами, о гениальный инженер Рейн!

Рейн. Народный Комиссар Изобретений! Мне все ясно. Прошу вас, вот мой механизм, возьмите его, но предупреждаю вас, что я лягу на диван и шагу не сделаю к нему, пока возле него будет хотя бы один контролер.

Радаманов. Не поверю, не поверю. Если вы это сделаете, вы умрете в самый короткий срок.

Рейн. Вы что же, перестанете меня кормить?

Радаманов. Поистине вы сын иного века. Такого, как вы, не кормить? Ешьте сколько угодно. Но настанет момент, когда еда не пойдет вам в рот, и вы зачахнете. Человек, совершивший то, что совершили вы, не может лечь на диван.

Рейн. Эта машина принадлежит мне.

Радаманов. Какая ветхая, но интересная древность говорит вашими устами! Она принадлежала бы вам, Рейн, если б вы были единственным человеком на земле. Но сейчас она принадлежит всем.

Рейн. Позвольте! Я человек иной эпохи. Я прошу отпустить меня, я ваш случайный гость.

Радаманов. Дорогой мой! Я безумцем назвал бы того, кто бы это сделал! И никакая эпоха не отпустила бы вас, и не отпустит, поверьте мне!

Рейн. Я не понимаю, зачем вам понадобилась эта машина?

Радаманов. Вы не понимаете? Не верится мне. Вы не производите впечатления неразвитого человека. Первый же поворот винта закончился тем, что сейчас там, в той Москве, мечется этот... как его... Василий Грозный... он в девятнадцатом веке жил?

Рейн. Он жил в шестнадцатом, и его звали Иван.

Радаманов. Прошу прощения, я плоховато знаю историю. Это специальность Авроры. Итак, там вы оставили после себя кутерьму. Затем вы кинетесь, быть может, в двадцать шестой век... И кто, кроме Саввича, который уверен, что в двадцать шестом будет непременно лучше, чем у нас, в двадцать третьем, поручится, что именно вы там встретите? Кто знает, кого вы притащите к нам из этой загадочной дали на ваших же плечах? Но это не все. Вы представляете себе, какую пользу мы принесем, когда проникнем в иные времена? Ваша машина бьет на четыреста лет, вы говорите?

Рейн. Примерно да.

Радаманов. Стало быть, она бьет по бесконечности. И, быть может, еще при нашей с вами жизни мы увидим замерзающую землю и потухающее над ней солнце! Это изобретение принадлежит всем! Они все живут сейчас, а я им служу! О Рейн!

Рейн. Я понял. Я пленник. Вы не отпустите меня. Но мне интересно, как вы осуществите контроль надо мной? Ведь не милиционера же вы приставите ко мне?

Радаманов. Единственный милиционер, которого вы можете увидеть у нас, стоит под стеклом в музее в Голубой Вертикали, и стоит уже с лишком сто лет. Кстати, ваш приятель Милославский вчера, говорят, сильно выпивши, посетил музей и проливал слезы умиления возле этого шкафа. Ну, у всякого свой вкус... Нет, дорогой мой, ваш мозг слишком развит, чтобы вас учить с азов! Мы просим вас сдать нам изобретение добровольно. Откажитесь от своего века, станьте нашим гражданином. А государство приглашает вас с нами совершить все полеты, которые мы совершим. Руку, Рейн!

Рейн. Я сдаю машину, вы убедили меня.

Радаманов *(жмет руку Рейну, открывает шкаф)*. Один ключ от шкафа будет храниться у меня, другой постановлено вручить Саввичу. Он выбран вторым контролером. С завтрашнего дня я дам вам специалистов по восстановлению памяти, и в три дня вы найдете ваш шифр, я вам ручаюсь.

Рейн. Подождите закрывать, Радаманов. Специалисты мне не нужны. Ключ с шифром нашелся, вот он. Я завтра могу пустить механизм в ход.

Радаманов. Уважаю вас, Рейн. Руку! *(Берет ключ.)*

Аврора *(вбегает)*. Сию минуту отдай ключ мне! Ты что наделал?! Я так и знала, что тебе нужна нянька!

Радаманов. Ты с ума сошла? Ты подслушала нас?

Аврора. Все до последнего слова. Расстаться с моим мечтанием увидеть все, что мы должны были увидеть!.. Ну, так имей, отец, в виду, что Рейн не полетит без меня! Правда, Рейн?

Рейн. Правда.

Аврора. Это мой муж, отец! Имей в виду это! Мы любим друг друга!

Радаманов *(Рейну)*. Вы стали ее мужем? Я на вашем месте сильно бы задумался перед тем, как сделать это. Впрочем, это ваше частное дело. *(Авроре.)* Попрошу тебя, перестань кричать.

Рейн. Павел Сергеевич...

Аврора. Нет, я не перестану!

Рейн. Павел Сергеевич, вы мне сказали, что мои желания будут исполняться?

Радаманов. Да, я это сказал. А раз я сказал, я могу это повторить.

Рейн. Так вот, я желаю, чтобы Аврора летела со мной.

Аврора. Вот это по-мужски!

Радаманов. И она полетит с вами.

Аврора *(Рейну)*. Требуй, чтоб первый полет был в твою жизнь! Я хочу видеть твою комнату! И потом подайте мне Ивана Грозного!

Радаманов. Она полетит с вами. Но раньше, чем с нею летать, я бы на вашем месте справился, каков у нее характер.

Аврора. Сию минуту замолчи.

Радаманов. Нет, ты замолчи, я еще не кончил. *(Вынимает футляр.)* Мы просим вас принять этот хронометр. На нем надпись: «Инженеру Рейну — Совет Народных Комиссаров Мира». *(Открывает футляр.)* Позвольте! Куда же он девался? Я показывал его только Милославскому, и он еще хлопал в ладоши от восторга! Нет, это слишком!

На столе вспыхивает сигнал, открывается люк, и появляется Саввич.

Саввич. Я прибыл, как условлено.

Радаманов. Да. Вот механизм. А вот ключ. Он нашелся. Прошу вас, закрывайте.

Саввич. Значит, машина пойдет в ход?

Радаманов. Да.

Закрывают шкаф.

Аврора *(Саввичу)*. Фердинанд, Рейн — мой муж, и имейте в виду, что я совершу полеты с ним.

Саввич. Нет, Аврора. Это будет еще не скоро. Слушайте постановление Института. На основании исследования мозга этих трех лиц, которые прилетели из двадцатого века, Институт постановил изолировать их на год для лечения, потому что, Радаманов, они опасны для нашего общества. И имейте в виду, что все пропажи последнего времени объяснены. Вещи похищены этой компанией. Эти люди неполноценны. Аврора и Рейн, мы разлучаем вас.

Аврора. Ах вот как! Отец, полюбуйся на директора Института Гармонии! Посмотри-ка на него! Он в бешенстве, потому что потерял меня!

Саввич. Аврора, не оскорбляйте меня. Я исполнил свой долг! Он не может жить в Блаженстве!

Рейн *(Саввичу)*. Что вы сказали насчет пропаж?! *(Схватывает со стола пресс-папье.)*

Радаманов. Рейн! Положите пресс-папье! Я приказываю вам! *(Саввичу.)* Мне надоел ваш Институт Гармонии! И я вам убедительно докажу, что он мне надоел.

Рейн. Радаманов! Я жалею, что отдал ключ!

Саввич. Прощайте. *(Опускается в люк.)*

Радаманов. Рейн, ждите меня и успокойтесь. Я беру это на себя. *(Уходит.)*

Аврора *(бежит за ним)*. Отец! Скажи им, что... *(Исчезает.)*

Рейн *(один)*. Ах вот как... вот как...

Входят Милославский и Бунша.

Милославский. Ну что, профессор, готова машина?

Рейн. Сию минуту подать сюда хронометр!

Милославский. Хронометр? Это который с надписью? Так вот он, на столе лежит. Вот он...

Бунша. Вот теперь мои подозрения перешли в уверенность.

Рейн. Оба вон! И если встретите Саввича, скажите ему, чтобы он остерегся попасться мне на дороге!

Темно.

Конец третьего действия

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Тот же день. Та же площадка.

Анна. Милый Жорж, я так страдаю за вас! Может быть, я чем-нибудь могу облегчить ваши переживания?

Милославский. Можете. Стукните кирпичом вашего вредного Саввича по голове.

Анна. Какие образные выражения у вас, Жорж.

Милославский. Это не образные выражения. Настоящих образных вы еще не слышали. Эх, выругаться б сейчас, может быть, легче бы стало!

Анна. Так ругайтесь, Жорж!

Милославский. Вы думаете? Ах ты!.. Нет, не буду. Неудобно как-то здесь. Приличная обстановка...

Анна. Жорж, я не верю в то, что вы преступник.

Милославский. Кто же этому поверит?

Анна. О, как вы мне нравитесь, Жорж!

Милославский. Я всем женщинам нравлюсь.

Анна. Какая жестокость!

Милославский. Анюточка, вы бы лучше пошли бы послушали, что они там говорят на заседании.

Анна. На что ты меня толкаешь?

Милославский. Ну, как хочешь... Пускай погибну я, но прежде я в ослепительной надежде...

Анна. Твои стихи?

Милославский. Мои.

Анна. Я иду. *(Уходит.)*

Бунша входит.

Милославский. Подслушал?

Бунша. Не удалось. Я на колонну влез, но меня заметили.

Милославский. Осел какой!

Бунша. Я и сам в отчаянии.

Пауза.

Граббе. Можно войти?

Милославский. А-а, доктор! Милости просим. Что скажете, доктор, хорошенького?

Граббе. Да, к сожалению, хорошенького мало. Институт поручил мне, во-первых, ознакомить вас с нашими исследованиями, а во-вторых, принять вас на лечение. *(Вручает Милославскому и Бунше по конверту.)*

Милославский. Мерси. *(Читает.)* Одолжите ваше пенсне на минуточку, я здесь одно слово не разберу.

Граббе. Пожалуйста.

Милославский. Это... что означает... клептомания?

Граббе. Болезненное влечение к воровству.

Милославский. Ага. Благодарю вас. Мерси.

Бунша. И я попрошу пенсне одолжить. Это что такое — деменция?

Граббе. Слабоумие.

Бунша возвращает пенсне.

Милославский. Мерси от имени обоих. Это какой же гад делал исследование?

Граббе. Извините, это мировая знаменитость профессор Мэрфи в Лондоне.

Милославский *(по аппарату)*. Лондон. Мерси. Профессора Мэрфи. Мерси.

В аппарате голос: «Вам нужен переводчик?»

Нет, не нужен. Профессор Мэрфи? Вы не профессор Мэрфи, а паразит. *(Закрывает сигнал.)*

Граббе. Что вы делаете?

Милославский. Молчать! Три раза мне палец снимали и отпечатывали: в Москве, в Ленинграде и в Ростове-на-Дону, и все начальники уголовного розыска единодушно сказали, что человек с таким пальцем не может украсть! И вдруг является какой-то фельдшер, коновал...

Граббе. Одумайтесь. Бунша, повлияйте на вашего приятеля...

Бунша. Молчать!

Граббе *(по аппарату)*. Саввич!

Саввич появляется.

Я отказываюсь их лечить. Передайте их какому-нибудь другому врачу. *(Уходит.)*

Саввич *(Милославскому)*. Вы оскорбили профессора Граббе? Ну смотрите, вам придется раскаяться в этом!

Милославский. Я оскорбил? Это он меня оскорбил! А равно также лучшего моего друга, Святослава Владимировича Буншу-Корецкого, бывшего князя и секретаря! Это что за слово такое — клептомания? Я вас спрашиваю, что это за слово такое — клептомания?!

Саввич. Попрошу вас не кричать!

Милославский. Я шепотом говорю! Это что такое — клептомания?

Саввич. Ах, вы не знаете? Клептомания — это вот что. Это когда в Блаженстве вдруг начинают пропадать одна за другой золотые вещи... Вот что такое клептомания! Скажите, пожалуйста, вам не попадался ли мой портсигар?

Милославский. Маленький, золотой, наискосок буква «С»?

Саввич. Вот, вот именно!

Милославский. Не попадался.

Саввич. Куда же он девался?

Милославский. Запирать надо, молодой человек, портсигары. А то вы их расшвыриваете по столам, людей

в грех вводите. А им потом из-за вас страдать приходится! Гляньте на этот палец! Может ли человек с этим пальцем что-нибудь украсть? Вы понимаете, что такое наука — дактилоскопия? Ах, не дочитали? Вы только клептоманию выучили! Когда мой палец рассматривали в МУРе, из всех отделов сбежались смотреть! Не может этот палец коснуться ничего чужого! На тебе твой портсигар, подавись им! На! *(Швыряет портсигар Саввичу.)*

Саввич. Хорошую компанию привез в Блаженство инженер Рейн! И в то время, когда этот человек попадается с чужой вещью, Радаманов по доброте своей пытается вас защитить! Нет, этого не будет! Вы сами ухудшили свое положение! *(Уходит.)*

Бунша. Я думал, что он успокоится от твоей речи, а он еще больше раздражился.

Вбегают Рейн и Аврора.

Евгений Николаевич! Меня кровно оскорбили.

Рейн. Попрошу вас замолчать. Мне некогда слушать вашу ерунду. Выйдите на минутку отсюда, я должен посоветоваться с Авророй.

Бунша. Такие оскорбления смываются только кровью.

Рейн. Уходите оба!

Бунша и Милославский уходят.

Ну, Аврора, говори, у нас мало времени.

Аврора. Надо бежать!

Рейн. Как? Обмануть Радаманова? Я дал ему слово!

Аврора. Бежим! Я не позволю, чтобы они распоряжались тобой! Я ненавижу Саввича!

Рейн. Да! Ну, думай, Аврора, я даю тебе несколько секунд всего! Тебе придется покинуть Блаженство, и, вероятно, навсегда! Ты больше не вернешься сюда!

Аврора. Мне надоели эти колонны, мне надоел Саввич, мне надоело Блаженство! Я никогда не испытывала опасности, я не знаю, что у нее за вкус! Летим!

Рейн. Куда?

Аврора. К тебе!

Рейн. Милославский!

Милославский и Бунша появляются.

Милославский. Я!

Рейн. Чтоб сейчас здесь были ключи от шкафа! Один в кармане у Радаманова, другой — у Саввича!

Милославский. Женя! С этим пальцем человек украсть не...

Рейн. Ах, человек не может! Ну, оставайтесь в лечебнице!

Милославский. ...украсть на заседании не может, потому что его туда не пустят. Но он может открыть любой шкаф.

Рейн. Болван! Этот шкаф закрыт тройным шифром!

Милославский. Кухонным замком такие шкафы и не закрывают. Вы, Женечка, сами болван. Буншa, на стрему! Впустишь кого-нибудь — убью. *(Рейну.)* Благоволите перочинный ножичек. *(Берет нож у Рейна и вскрывает первый замок.)*

Аврора *(Рейну.)* Ты видел?

Милославский. Бунша, спишь на часах?! Голову оторву! *(Открывает шкаф настежь.)*

Анна *(вбегает).* Они постановили... Что ты делаешь?!

Милославский. Это отпадает, что они постановили!

Анна. Ты безумен! Это государственный секретный шкаф! Значит, они говорили правду! Ты преступник!

Милославский. Анюта, ша!

Рейн вынимает из шкафа механизм и настраивает его.

Анна. Аврора, останови их! Образумь их!

Аврора. Я бегу вместе с ними.

Милославский. Анюточка, едем со мной!

Анна. Нет, нет! Я боюсь! Это страшное преступление!

Милославский. Ну, как знаешь! На суде держись смело! Вали все на одного меня! И что б судья ни спросил, говори только одну формулу — была пьяна, ничего не помню! Тебе скидку дадут!

Анна. Я не могу этого видеть! *(Убегает.)*

Милославский *(вслед).* Если будет мальчик — назови его Жоржем! В честь меня! Бунша! Складайся!

Рейн. Не смейте брать ничего из шкафа!

Милославский. Ну, нет! Один летательный аппаратик я прихвачу!

В этот момент начались тревожные сигналы. Вдали послышались голоса. И падает стальная стена, которая отрезает путь с площадки.

Рейн. Что это?

Аврора. Скорей! Это тревога! Шкаф дал сигнал! Скорей!

Вспыхивает кольцо вокруг механизма, и послышался взрыв музыки.

Милославский. Большой театр! К последнему действию поспеем!

Бунша *(схватив часы Михельсона, бросается к механизму).* Я — лицо официальное, я первый!

Милославский. Черт с тобой!

Рейн. По одному. *(Включает механизм.)*

Поднимается вихрь, свет на мгновение гаснет, и Бунша исчезает.

Милославский. Анюта! Вспоминай меня! *(Исчезает.)*

Люк раскрывается, и поднимается Саввич.

Саввич. Ах, вот что! Тревога! Тревога! Они взломали шкаф! Они бегут! Радаманов! *(Бросается, пытаясь помешать, схватывает Аврору за руку.)*

Рейн выхватывает из шкафа автоматический пистолет, стреляет в воздух. Саввич выпускает Аврору.

Рейн. Саввич! Я уже предупредил вас, чтобы вы не попадались мне на дороге! Одно движение — и я вас застрелю!

Саввич. Это гнусное насилие! Я безоружен! Аврора!

Аврора. Я вас ненавижу!

Открывается другой люк, и появляется Радаманов.

Саввич. Радаманов! Берегитесь! Здесь убийца! Он вас застрелит!

Радаманов. Я не боюсь.

Саввич. Я не могу задержать его, он вооружен!

Радаманов. Стало быть, и не нужно его задерживать. *(Рейну, указав на кассу.)* Как же так, инженер Рейн?

Рейн *(указав на Саввича).* Вот кого поблагодарите. *(Вынимает хронометр.)* Вот хронометр. Милославский отдал мне его! Возвращаю вам его, Павел Сергеевич! Я не имею на него права. Прощайте! Мы никогда не увидимся!

Радаманов. Кто знает, кто знает, инженер Рейн!

Рейн. Прощайте!

Аврора. Отец! Прощай!

Радаманов. До свиданья! Супруги Рейн! Когда вам наскучат ваши полеты, возвращайтесь к нам! *(Нажимает кнопку.)*

Стальная стена уходит вверх, открывая колоннаду и воздух Блаженства. Рейн бросает пистолет, включает механизм. Взрыв музыки, Рейн схватывает с собой механизм и исчезает вместе с Авророй. Сцена в темноте.

Саввич. Радаманов! Что мне делать? Они улетели!

Радаманов. Это ваша вина! И вы ответите за это, Саввич!

Саввич. Аврора! Вернись!

Темно.

Комната Рейна. Тот же день и час, когда наши герои вылетели в Блаженство. На сцене расстроенный Михельсон и милиция. Пишут протокол.

Милиция. На кого же имеете подозрение, гражданин?

Михельсон. На всех. Весь дом — воры, мошенники и контрреволюционеры.

Милиция. Вот так дом!

Михельсон. Берите всех! Прямо по списку! А флигель во дворе — так тот тоже населен преступниками сверху донизу!

Милиция. Без паники, гражданин. *(Смотрит список.)* Кто у вас тут проживает, стало быть? Бунша-Корецкий?

Михельсон. Вор!

Милиция. Инженер Рейн?

Михельсон. Вор!

Милиция. Гражданка Подрезкова?

Михельсон. Воровка!

Милиция. Гражданин Михельсон?

Михельсон. Это я — пострадавший. Берите всех, кроме меня!

Милиция. Без паники.

Внезапно вихрь, свет гаснет и вспыхивает. Является Бунша с часами Михельсона в руках.

Михельсон. Вот он! Хватайте его, товарищи! Мои часы!

Бунша. Товарищи! Добровольно вернувшийся к исполнению своих обязанностей секретарь Бунша-Корецкий прибыл. Прошу занести в протокол — добровольно! Я спас ваши часы, уважаемый гражданин Михельсон.

Милиция *(Бунше)*. Вы откуда взялись? Вы задержаны, гражданин.

Бунша. С наслаждением предаю себя в руки родной милиции и делаю важное заявление: на чердаке...

Свет гаснет. Гром и музыка, и является Милославский.

Михельсон. Товарищи, мое пальто!

Милославский *(внезапно вскакивает на подоконник, распахивает окно, срывает с себя пальто Михельсона)*. Полу-

чите ваше пальто, гражданин Михельсон, и отнесите его на барахолку! Надел я его временно! Также получите и ваши карманные часы и папиросницу! Вы не видели, какие папиросницы и польта бывают! Украсть же я ничего не могу! Гляньте на этот палец! Бунша, прощай! Пиши в Ростов!

Михельсон. Держите его!

Бунша. Жоржик! Отдайся в руки милиции вместе со мной и чистосердечно раскайся!

Милославский. Гран мерси! О ревуар! (*Разворачивает летательный аппарат. Улетает.*)

Бунша. Улетел! Товарищи! На чердаке...

Милиция. Ваше слово впоследствии!

Музыка, свет гаснет, являются Рейн и Аврора.

Михельсон. Вот тоже из их шайки!

Рейн. Гражданин Михельсон! Вы — болван! Аврора, успокойся, ничего не бойся!

Аврора. Кто эти люди в шлемах?

Рейн. Это милиция. (*Милиции.*) Я — инженер Рейн. Я изобрел механизм времени и только что был в будущем. Эта женщина — моя жена. Прошу вас быть поосторожнее с ней, чтобы ее не испугать.

Михельсон. Меня обокрали, и их же еще не пугать!

Милиция. С вашим делом, гражданин, повремените. Это из этого аппарата царь появился?

Бунша. Из этого, из этого. Это я звонил! Он на чердаке сейчас сидит, я же говорил!

Милиция. Товарищ Мостовой! Товарищ Жудилов!

Движение. Открывают дверь на чердак, потом все отшатываются. В состоянии тихого помешательства идет Иоанн. Увидев всех, крестится.

Иоанн. О, беда претягчайшая!.. Господие и отцы, молю вас, исполу есмь чернец...

Пауза.

Михельсон. Товарищи! Берите его! Нечего на него глядеть!

Иоанн (*мутно поглядев на Михельсона*). Собака! Смертный прыщ!

Михельсон. Ах, я же еще и прыщ!

Аврора. (*Рейну*). Боже, как интересно! Что же с ним сделают? Отправь его обратно. Он сошел с ума!

Рейн. Да.

Включает механизм. В тот же момент грянул набат. Возникла сводчатая палата Иоанна. По ней мечется стрелецкий голова.

Голова. Стрельцы! Гей, сотник! Гой да! Где царь?!

Рейн *(Иоанну).* В палату!

Иоанн. Господи! Господи! *(Бросается в палату.)*

Рейн выключает механизм, и в то же мгновение исчезают палата, Иоанн и голова.

Милиция *(Рейну.)* Вы арестованы, гражданин. Следуйте за нами.

Рейн. С удовольствием. Аврора, не бойся ничего.

Бунша. Не бойтесь, Аврора Павловна, милиция у нас добрая.

Михельсон. Позвольте, товарищи, а дело о моей краже?

Милиция. Ваша кража временно отпадает, гражданин. Тут поважнее кражи!

Милиция уводит Рейна, Аврору и Буншу.

Михельсон *(один, после некоторого отупения).* Часы, папиросница тут, пальто... Все тут... *(Пауза.)* Вот, товарищи, что у нас произошло в Банном переулке... А ведь расскажи я на службе или знакомым,— ведь не поверят, нипочем не поверят!

Темно.

Конец

Москва
23 апреля 1934 года

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

Пьеса в трех актах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Зинаида Михайловна, киноактриса.
Ульяна Андреевна, жена управдома Бунши.
Царица.
Тимофеев, изобретатель.
Милославский Жорж.
Бунша-Корецкий, управдом.
Шпак Антон Семенович.
Иоанн Грозный.
Якин, кинорежиссер.
Дьяк.
Шведский посол.
Патриарх.
Опричники.
Стольники.
Гусляры.
Милиция.

АКТ ПЕРВЫЙ

Московская квартира. Комната Тимофеева, рядом — комната Шпака, запертая на замок. Кроме того, передняя, в которой радиорупор. В комнате Тимофеева беспорядок. Ширмы. Небольших размеров аппарат, над которым работает Тимофеев. Волосы у Тимофеева всклокоченные, глаза от бессонницы красные. Он озабочен.

Тимофеев *(нажимает кнопку аппарата. Слышен приятный певучий звук).* Опять звук той же высоты... Но света нет! Почему нет света? Тьфу ты, черт! Ничего не понимаю. Проверим. *(Делает вычисления.)* А два, а три... угол между направлениями положительных осей... косинус... косинус... Верно! Не понимаю.

В радиорупоре в передней внезапно возникает радостный голос: «Слушайте! Слушайте! Начинаем нашу утреннюю лекцию свиновода...»

Будь проклят этот Бунша со своим радио! Это бедствие в квартире!

Выбегает в переднюю, выключает радио. Рупор, крякнув, умолкает. Тимофеев возвращается к аппарату.

Попробуем еще раз.

Жмет кнопки. Свет в комнате начинает угасать.

Ага! Ага! Но звука нет! Еще раз...

Комната Тимофеева погружается в полную тьму. Парадная дверь открывается, и входит Зинаида Михайловна.

Зинаида *(в передней, прислушивается к певучему звуку).* Дома. Я начинаю серьезно бояться, что он сойдет с ума с этим аппаратом. Бедняга!.. А тут еще его ждет такой удар... Три раза я разводилась... ну да, три... Зузина я не считаю... Но никогда еще я не испытывала такого волнения. Воображаю, что будет сейчас! Только бы не скандал! Они так утомляют, эти скандалы... *(Пудрится.)* Ну, вперед! Лучше сразу развязать гордиев узел... *(Стучит в дверь.)* Кока, открой!

Тимофеев *(в темноте)*. А, черт возьми... Кто там еще?

Зинаида. Это я, Кока.

Комната Тимофеева освещается. Тимофеев открывает дверь.

Кока, ты так и не ложился? Кока, твой аппарат тебя погубит. Ведь нельзя же так! И ты меня прости, Кока, мои знакомые утверждают, что это просто безумная идея.

Пауза.
Тимофеев занят вычислениями.

Ты прости, что я тебе мешаю, но я должна сообщить тебе ужасное известие... Нет, не решаюсь... У меня сегодня в кафе свистнули перчатки. Так курьезно! Я их положила на столик и... я полюбила другого, Кока... Нет, не могу... Я подозреваю, что это с соседнего столика... Ты понимаешь меня?

Тимофеев. Нет... Какой столик?

Зинаида. Ах, боже мой, ты совсем отупел с этой машиной!

Тимофеев. Ну, перчатки... Что перчатки?

Зинаида. Да не перчатки, а я полюбила другого. Свершилось!

Тимофеев мутно смотрит на Зинаиду.

Только не возражай мне... и не нужно сцен. Почему люди должны расстаться непременно с драмой? Ведь согласись, Кока, что это необязательно. Это настоящее чувство, а все остальное в моей жизни было заблуждением... Ты спрашиваешь, кто он? И, конечно, думаешь, что это Молчановский? Нет, приготовься: он кинорежиссер, очень талантлив... Не будем больше играть в прятки, это Якин.

Тимофеев. Так...

Пауза.

Зинаида. Однако это странно! Это в первый раз в жизни со мной. Ему сообщают, что жена ему изменила, ибо я действительно тебе изменила, а он — так! Даже как-то невежливо!

Тимофеев. Он... этого... как его... блондин высокий?

Зинаида. Ну уж это безобразие! До такой степени не интересоваться женой! Блондин — Молчановский, запомни это! А Якин, он очень талантлив!

Пауза.

Ты спрашиваешь, где мы будем жить? В пять часов я уезжаю с ним в Гагры, выбирать место для съемки, а когда мы вернемся, ему должны дать квартиру в новом доме, если, конечно, он не врет...

Тимофеев *(мутно)*. Наверно, врет.

Зинаида. Как это глупо, из ревности оскорблять человека! Не может же он каждую минуту врать.

Пауза.

Я долго размышляла во время последних бессонных ночей и пришла к заключению, что мы не подходим друг к другу. Я вся в кино... в искусстве, а ты с этим аппаратом... Однако я все-таки поражаюсь твоему спокойствию! И даже как-то тянет устроить тебе сцену. Ну что же... *(Идет за ширму и выносит чемодан.)* Я уже уложилась, чтобы не терзать тебя. Дай мне, пожалуйста, денег на дорогу, я тебе верну с Кавказа.

Тимофеев. Вот что... сорок... сто пятьдесят три рубля — больше нет.

Зинаида. А ты посмотри в кармане пиджака.

Тимофеев *(посмотрев)*. В пиджаке нет.

Зинаида. Ну, поцелуй меня. Прощай, Кока. Все-таки как-то грустно... Ведь мы прожили с тобой целых одиннадцать месяцев!.. Поражаюсь, решительно поражаюсь!

Тимофеев целует Зинаиду.

Но ты пока не выписывай меня все-таки. Мало ли что может случиться. Впрочем, ты такой подлости никогда не сделаешь. *(Выходит в переднюю, закрывает за собой парадную дверь.)*

Тимофеев *(тупо смотрит ей вслед)*. Один... Как же я так женился? На ком? Зачем? Что это за женщина? *(У аппарата.)* Один... А впрочем, я ее не осуждаю. Действительно, как можно жить со мною? Ну что же, один так один! Никто не мешает зато... Пятнадцать... шестнадцать...

Певучий звук. В передней звонок. Потом назойливый звонок.

Ну как можно работать в таких условиях!..

Выходит в переднюю, открывает парадную дверь. Входит Ульяна Андреевна.

Ульяна. Здравствуйте, товарищ Тимофеев. Иван Васильевич к вам не заходил?

Тимофеев. Нет.

Ульяна. Передайте Зинаиде Михайловне, что Марья Степановна говорила: Анне Ивановне маникюрша заграничную материю предлагает, так если Зинаида...

Тимофеев. Я ничего не могу передать Зинаиде Михайловне, потому что она уехала.

Ульяна. Куда уехала?

Тимофеев. С любовником на Кавказ, а потом они будут жить в новом доме, если он не врет, конечно...

Ульяна. Как с любовником? Вот так так! И вы спокойно об этом говорите! Оригинальный вы человек!

Тимофеев. Ульяна Андреевна, вы мне мешаете.

Ульяна. Ах, простите! Однако у вас характер, товарищ Тимофеев! Будь я на месте Зинаиды Михайловны, я бы тоже уехала.

Тимофеев. Если бы вы были на месте Зинаиды Михайловны, я бы повесился.

Ульяна. Вы не смеете под носом у дамы дверь захлопывать, грубиян!

Тимофеев *(возвращаясь в свою комнату).* Этот дом населен чертовыми куклами!

Нажимает кнопки в аппарате, и комната его исчезает в полной темноте. Парадная дверь тихонько открывается, и в ней появляется Милославский, дурно одетый, с артистическим бритым лицом человек, в перчатках. Прислушивается у двери Тимофеева.

Милославский. Весь мир на службе, а этот дома. Патефон починяет. *(У дверей Шпака читает надпись.)* «Шпак Антон Семенович». Ну что же, зайдем к Шпаку... Какой замок курьезный... Наверно, сидит в учреждении и думает: ах, какой чудный замок я повесил на свою дверь! Но на самом деле замок служит только для одной цели, показать, что хозяина дома нет... *(Вынимает отмычки, открывает замок, входит в комнату Шпака, закрывает за собою дверь.)* Э, какая прекрасная обстановка!.. Это я удачно зашел... Э, да у него и телефон отдельный. Большое удобство! И какой аккуратный — даже свой служебный номер записал. А раз записал, первым долгом нужно ему позвонить, чтобы не было никаких недоразумений. *(По телефону.)* Отдел междугородних перевозок. Мерси. Добавочный пятьсот один. Мерси. Товарища Шпака. Мерси. Товарищ Шпак? Бонжур. Товарищ Шпак, вы до самого конца сегодня на службе будете?.. Говорит одна артистка... Нет, не знакома, но безумно хочу

познакомиться. Так вы до четырех будете? Я вам еще позвоню, я очень настойчивая... Нет, блондинка... Контральто... Ну, пока. *(Кладет трубку.)* Страшно удивился. Ну-с, начнем. *(Взламывает шкаф, вынимает костюм.)* Шевиот... О!.. *(Снимает свой, завязывает в газету, надевает костюм Шпака.)* Как на меня шит... *(Взламывает письменный стол, берет часы с цепочкой, кладет в карман портсигар.)* За три года, что я не был в Москве, как они все вещами пообзавелись! Прекрасный патефон... и шляпа... Мой номер. Приятный день!.. Фу, устал! *(Взламывает буфет, достает водку, закуску, выпивает.)* На чем это он водку настаивает? Прелестная водка! Нет, это не полынь... А уютно у него в комнате... Он и почитать любит... *(Берет книгу, читает.)* «Без отдыха пирует с дружиной удалой Иван Васильич Грозный под матушкой-Москвой... Ковшами золотыми столов блистает ряд, разгульные за ними опричники сидят...» Славное стихотворение! Красивое стихотворение!.. «Да здравствуют тиуны, опричники мои! Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи...» Мне нравится это стихотворение. *(По телефону.)* Отдел междугородних перевозок. Мерси. Добавочный пятьсот один. Мерси. Товарища Шпака. Мерси. Товарищ Шпак? Это я опять. Скажите, на чем вы водку настаиваете?.. Моя фамилия таинственная... Из Большого театра... А какой вам сюрприз сегодня выйдет!.. «Без отдыха пирует с дружиной удалой Иван Васильич Грозный под матушкой-Москвой...» *(Кладет трубку.)* Страшно удивляется. *(Выпивает.)* «Ковшами золотыми столов блистает ряд...»

Комната Шпака погружается в тьму, а в комнату Тимофеева набирается свет.

Аппарат теперь чаще дает певучие звуки, и время от времени вокруг аппарата меняется освещение.

Тимофеев. Светится! Светится! Это иное дело...

Парадная дверь открывается, и входит Бунша. Первым долгом обращает свое внимание на радиоаппарат.

Бунша. Неимоверные усилия я затрачиваю на то, чтобы вносить культуру в наш дом. Я его радиофицировал, но они упорно не пользуются радио. *(Тычет вилкой в штепсель, но аппарат молчит.)* Антракт. *(Стучит в дверь Тимофеева.)*

Тимофеев. А, кто там, войдите... чтоб вам провалиться!..

Бунша входит.

Этого не хватало!..

Бунша. Это я, Николай Иванович.

Тимофеев. Я вижу, Иван Васильевич. Удивляюсь я вам, Иван Васильевич! В ваши годы вам бы дома сидеть, внуков нянчить, а вы целый день бродите по дому с засаленной книгой. Я занят, Иван Васильевич, простите.

Бунша. Это домовая книга. У меня нет внуков. А если бы они и были, то я отдал бы их в пионеры, а не дома бы нянчил. И если я перестану ходить, то произойдет ужас.

Тимофеев. Государство рухнет?

Бунша. Рухнет, если за квартиру не будут платить. У нас в доме думают, что можно не платить, а на самом деле нельзя. Вообще наш дом удивительный. Я по двору прохожу и содрогаюсь. Все окна раскрыты, все на подоконниках лежат и рассказывают про советскую жизнь такие вещи, которые рассказывать неудобно.

Тимофеев. Ей-богу, я ничего не понимаю, вам лечиться надо, князь.

Бунша. Николай Иванович, вы не называйте меня князем, я уж доказал путем представления документов, что за год до моего рождения мой папа уехал за границу, и, таким образом, очевидно, что я сын нашего кучера Пантелея. Я и похож на Пантелея.

Тимофеев. Ну, если вы сын кучера, тем лучше. Но у меня нет денег.

Бунша. Заклинаю вас, заплатите за квартиру.

Тимофеев. Я вам говорю, нет сейчас денег... Меня жена бросила, а вы меня истязаете.

Бунша. Позвольте, что же вы мне не заявили?

Тимофеев. А вам-то что за дело?

Бунша. Такое дело, что я должен ее немедленно выписать.

Тимофеев. Она просила не выписывать.

Бунша. Все равно, я должен отметить в книге это событие. *(Отмечает в книге.)* Я присяду.

Тимофеев. Да незачем вам присаживаться. Как вам объяснить, что меня нельзя тревожить во время этой работы?

Бунша. Нет, вы объясните. Я передовой человек.

Вчера была лекция для управдомов, и я колоссальную пользу получил. Читали про венерические болезни. Вообще наша жизнь очень интересная и полезная, но у нас в доме этого не понимают.

Тимофеев. Когда вы говорите, Иван Васильевич, впечатление такое, что вы бредите!

Бунша. Наш дом вообще очень странный. Шпак все время красное дерево покупает, но за квартиру платит туго. А вы неизвестную машину сделали.

Тимофеев. Вот мученье, честное слово!

Бунша. Я умоляю вас, Николай Иванович, вы насчет своей машины заявите. Ее зарегистрировать надо, а то во флигеле дамы уже говорят, что вы такой аппарат строите, чтобы на нем из-под советской власти улететь. А это, знаете... и вы погибнете, и я с вами за компанию.

Тимофеев. Какая же сволочь эту ерунду говорила?

Бунша. Я извиняюсь, это моя жена Ульяна Андреевна говорила.

Тимофеев. Виноват! Почему эти ведьмы болтают чепуху? Я знаю, что не дамы, это вы виноваты. Вы, старый зуда, слоняетесь по всему дому, подглядываете, ябедничаете и, главное, врете!

Бунша. После этих кровных оскорблений я покидаю квартиру и направляюсь в милицию. Я — лицо, занимающее ответственнейший пост управдома, и обязан наблюдать.

Тимофеев. Стойте, черт вас возьми!.. То есть, ради бога, повремените... Извините меня, я погорячился. Ну хорошо, идите сюда. Просто-напросто я делаю опыты над проникновением во время... Да, впрочем, как я вам объясню, что такое время? Ведь вы же не знаете, что такое четырехмерное пространство, движение... и вообще... словом, поймите, это не взорвется, не вредно и... вообще, никого не касается! Ну, как бы вам попроще... я, например, хочу пронизать сейчас пространство и пойти в прошлое...

Бунша. Пронизать пространство? Такой опыт можно сделать только с разрешения милиции. У меня, как у управдома, чувство тревоги от таких опытов.

Тимофеев. Ах ты, боже мой, боже мой! *(Пауза.)* Ах!.. Ведь я же... Нет, я кретин! Ведь я же... ведь я же работал при запертом ключе! О, рассеянный болван! Стойте! Смотрите! Смотрите, что сейчас произойдет...

Попробуем при близком расстоянии... маленький угол... *(Поворачивает ключ, нажимает кнопку.)* Смотрите... мы пойдем сейчас через пространство во время... назад... *(Нажимает кнопку.)*

Звон. Тьма. Потом свет.
Стенка между комнатами исчезла, и в комнате Шпака сидит выпивающий Милославский с книжкой в руках.

(Исступленно.) Вы видели?

Милославский. А чтоб тебя черт... Что это такое?!

Бунша. Николай Иванович, куда стенка девалась?!

Тимофеев. Удача! Удача! Я вне себя! Вот оно! Вот оно!..

Бунша. Неизвестный гражданин в комнате Шпака!

Милославский. Я извиняюсь, в чем дело? Что случилось? *(Забирает патефон, свой узел и выходит в комнату Тимофеева.)* Тут сейчас стенка была?!

Бунша. Николай Иванович, вы будете отвечать за стенку по закону. Вот вы какую машину сделали. Полквартиры исчезло!

Тимофеев. Да ну вас к черту с вашей стенкой! Ничего ей не сделается!..

Жмет кнопку аппарата.
Тьма. Свет. Стенка становится на место, закрывает комнату Шпака.

Милославский. На двух каналах был, видел чудеса техники, но такого никогда!

Тимофеев. О боже, у меня кружится голова!.. Нашел! Нашел! О человечество, что ждет тебя!..

Бунша *(Милославскому)*. Я извиняюсь, вы кто же такой будете?

Милославский. Кто я такой буду, вы говорите? Я дожидаюсь моего друга Шпака.

Бунша. А как же вы дожидаетесь, когда дверь снаружи на замок закрыта?

Милославский. Как вы говорите? Замок? Ах да... он за «Известиями» пошел на угол, купить, а меня... это... запер...

Тимофеев. Да ну вас к черту! Что за пошлые вопросы! *(Милославскому.)* Понимаете, я пронзил время! Я добился своего...

Милославский. Скажите, это, стало быть, любую стенку можно так убрать? Вашему изобретению цены нет, гражданин интеллигент! Поздравляю вас! *(Бунше.)* А что

вы на меня так смотрите, отец родной? На мне узоров нету и цветы не растут.

Бунша. Меня терзает смутное сомнение. На вас такой же костюм, как у Шпака.

Милославский. Что вы говорите? Костюм? А разве у Шпака у одного костюм в полоску в Москве? Мы с ним друзья и всегда в одном торгсине покупаем материю. А если не верите, я вам даже скажу: по восемь рублей метр. Удовлетворяет вас это?

Бунша. И шляпа такая же.

Милославский. И шляпа.

Бунша. А ваша фамилия как?

Милославский. Я артист государственных больших и камерных театров. А на что вам моя фамилия? Она слишком известная, чтобы я вам ее называл.

Бунша. И цепочка такая же, как у Шпака.

Милославский. Э, какой вы назойливый! Шляпа, цепочка... это противно!.. Без отдыха пирует с дружиной удалой Иван Васильич Грозный...

Тимофеев. Оставьте вы, в самом деле, гражданина в покое. *(Милославскому.)* Может быть, вы хотите вернуться в комнату Шпака, я открою вам стенку?

Милославский. Ни в каком случае. Я на него обижен. В самом деле, пошел за «Известиями» и пропал. Может быть, он два часа будет ходить. А мне некогда, я в торгсин спешу, я ежедневно в торгсине бываю. Я лучше на этот опыт посмотрю, он мне очень понравился.

Тимофеев *(жмет ему руку)*. Я очень рад! Вы были первый, кто увидели... Вы, так сказать, первый свидетель.

Милославский. Никогда еще свидетелем не приходилось быть! Очень, очень приятно... *(Бунше.)* Вот смотрите! Вы на мне дыру протрете!

Тимофеев. Это наш управдом.

Милославский. Ах, тогда понятно!.. Шляпа, цепочка... ах, какая противная должность! Сколько я от них неприятностей имел, если бы вы знали, гражданин ученый.

Тимофеев. Не обращайте на него внимания.

Милославский. И то правда.

Тимофеев. Вы понимаете, гражданин артист...

Милославский. Как же не понять? Скажите, и в магазине можно такое—стенку приподнять? Ах, какой увлекательный опыт!

Бунша. Вы с патефоном пришли к Шпаку?

Милославский. Он меня доконает! Это что же такое, а?

Тимофеев *(Бунше).* Вы перестанете приставать или нет? *(Милославскому.)* Поймите, дело не в стенке, это только первое движение! Дело в том, что, минуя все эти стенки, я могу проникнуть во время! Вы понимаете, я могу двинуться на двести, триста лет назад или вперед! Да что на триста!.. Нет, такого изобретения не знал мир!.. Я волнуюсь!.. Меня бросила жена сегодня, но, понимаете!.. Ах...

Милославский. Гражданин профессор, не расстраивайтесь, за вас выйдет любая! Вы плюньте, что она вас бросила!

Бунша. Я уж ее выписал.

Милославский *(Бунше).* Тьфу на вас!.. Без отдыха пирует Иван Васильич Грозный... Ах, какое изобретение! *(Стукает по стенке.)* Поднял — вошел, вышел — закрыл! Ах ты, боже мой!..

Тимофеев. У меня дрожат руки... я не могу терпеть. Хотите, проникнем в прошлое... Хотите, увидим древнюю Москву?.. Неужели вам не страшно?.. Вы не волнуетесь?

Бунша. Николай Иванович! Одумайтесь, прежде чем такие опыты в жакте делать!

Милославский. Если ты еще раз вмешаешься в опыт гражданина академика, я тебя! Что это за наказание! *(Тимофееву.)* Валяйте!

Тимофеев жмет кнопки у аппарата.

Звон. Тьма. Внезапно возникает палата Иоанна Грозного. Иоанн, с посохом, в царском одеянии, сидит в кресле, а перед Иоанном, примостившись у стола, пишет дьяк. Слышится далекое церковное пение, колокольный мягкий звон.

Иоанн *(диктует).* «...и руководителю...»

Дьяк *(пишет).* «...и руководителю...»

Иоанн. «...к пренебесному селению, преподобному игумену Козьме...»

Дьяк. «...Козьме...»

Иоанн. «...царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси...»

Дьяк. «...всея Руси...»

Иоанн. «...челом бьет».

Тимофеев. О боже! Смотрите! Да ведь это Иоанн!

Милославский. Елки-палки!..

Иоанн и дьяк поворачивают головы, услышав голоса. Дьяк вскрикивает и убегает из палаты. Иоанн вскакивает, крестится.

Иоанн. Сгинь! Пропади! Увы мне, грешному!.. Горе мне, окаянному! Скверному душегубцу, ох!.. Сгинь!

Ища выхода, Иоанн в исступлении бросается в комнату Тимофеева, крестит стены, мечется, бежит в переднюю, скрывается.

Тимофеев. Это Иоанн Грозный! Куда вы?!. Стойте!.. Боже мой, его увидят!.. Держите его! *(Убегает вслед за Иоанном.)*

Бунша бросается к телефону.

Милославский. Ты куда звонить собрался?!

Бунша. В милицию!

Милославский. Положь трубку, я тебе руки обобрываю! Не может жить без милиции ни одной секунды!

В палату врывается опричник.

Опричник. Где демоны? Гой да! Бей их! *(Бунше.)* Где царь?

Бунша. Не знаю! Караул!..

Милославский. Закрой машину! Машину закрой!

Опричник *(крестясь).* Ой, демоны!.. *(Бросает бердыш, исчезает из палаты.)*

Милославский. Закрывай! Ключ поверни! Ключ! Вот так машинка!..

Бунша жмет кнопки, вытаскивает ключ. В то же мгновенье — звон. Занавеска на окне вздувается, понесло бумаги. Буншу потащило в палату, он роняет очки.

Бунша. Караул!.. Куда меня тащит?!

Милославский. Куда же ты двинул, черт, машину?!

Понесло Милославского.

Тьма. Свет. Стенка на месте. В комнате нет ни Бунши, ни Милославского. Остался только патефон и сверток и очки.

Появляется Тимофеев.

Тимофеев. Он на чердаке заперся! Помогите мне его оттуда извлечь!.. Боже, где же они? А? *(Бросается к аппарату.)* Они двинули стрелку в обратную сторону!! Их унесло?.. Что же это будет?.. Бунша! Бунша! Иван Васильевич!

Дальний крик Иоанна.

Этот на чердаке орет!.. Но ключ, где же ключ?.. Боже, они ключ вытащили! Что делать, позвольте!.. Что делать-то, а?.. Нету ключа... Ну да, вынули ключ... Иван

Васильевич! Зачем же вы ключ-то вынули?! Впрочем, кричать бесполезно. Они ключ захватили с собою... Вернуть того в комнату?.. *(Убегает.)*

Пауза.
Открывается парадная дверь, и входит Шпак.

Шпак. Какая-то тревога у меня с тех пор, как эта блондинка из Большого театра позвонила... Не мог досидеть на службе... *(Трогает замок на своей двери.)* Батюшки!..

Комната Шпака освещается. Шпак входит, бросается к письменному столу.

Батюшки! *(Бросается к шкафу.)* Батюшки!! *(По телефону.)* Милицию! Милиция?!

Голос в радио: «Итак, товарищи, продолжаем нашу лекцию о свиньях...»

В Банном переулке, десять,— грандиозная кража, товарищ!.. Кого обокрали? Конечно, меня, Шпак! Шпак моя фамилия!.. Блондинка обокрала!

Голос в радио: «Плодовитостью, дорогие товарищи, свинья уступает только кролику, да и то с трудом. На десятом году две свиньи могут дать один миллион свиней!..»

Товарищ начальник... Это не я про свиней говорю! Не слушайте про свиней! Это радио! Не крали свиней! Пальто и костюмы!.. Что же вы сердитесь?

Голос в радио: «Древние римляне за плодовитость обожали свиней...»

Слушаете? Ну, я сам сейчас добегу до вас, сам! Батюшки мои, батюшки!.. *(Рыдая, бросается из комнаты и скрывается за парадной дверью.)*

Голос в радио, уже никем не сдерживаемый, разливается волной: «Многие считают свинью грубой, глупой и неопрятной. Ах, как это несправедливо, товарищи! Не следует ли отрицательные свиные стороны отнести за счет обхождения с этим зверем? Относитесь к свинье хорошо, и вы получите возможность ее дрессировать...»
Другой голос врывается в первый: «А теперь оркестр гармоний исполнит популярный танец Анитры...»
Музыка.

Занавес

АКТ ВТОРОЙ

Комната Тимофеева. В ней — Иоанн и Тимофеев. Оба в волнении.

Иоанн. О боже мой, господи вседержитель!

Тимофеев. Тсс... тише, тише! Только не кричите, умоляю! Мы наживем страшную беду и, во всяком случае, скандал. Я и сам схожу с ума, но я стараюсь держать себя в руках.

Иоанн. Ох, тяжко мне! Молви еще раз, ты не демон?

Тимофеев. Ах, помилуйте, я же на чердаке вам объяснил, что я не демон.

Иоанн. Ой, не лги! Царю лжешь! Не человечьим хотением, но божиим соизволением царь есмь!

Тимофеев. Очень хорошо. Я понимаю, что вы царь, но на время прошу вас забыть об этом. Я вас буду называть не царем, а просто Иваном Васильевичем. Поверьте, для вашей же пользы.

Иоанн. Увы мне, Ивану Васильевичу, увы, увы!..

Тимофеев. Что же делать, я понимаю ваше отчаяние. Действительно, происшествие удручающее. Но кто же мог ожидать такой катастрофы? Ведь они ключ унесли с собой! Я не могу вас отправить обратно сейчас!.. И вы понимаете, что они оба сейчас там, у вас! Что с ними будет?

Иоанн. Пес с ними! Им головы отрубят, и всего делов!

Тимофеев. Как отрубят головы?! Боже, я погубил двух людей! Это немыслимо! Это чудовищно!

Пауза.

Вы водку пьете?

Иоанн. О, горе мне!.. Анисовую.

Тимофеев. Нет анисовой у меня. Выпейте горного дубнячку, вы подкрепитесь и придете в себя. Я тоже. *(Вынимает водку, закуску.)* Пейте.

Иоанн. Отведай ты из моего кубка.

Тимофеев. Зачем это? Ах да... Вы полагаете, что я хочу вас отравить? Дорогой Иван Васильевич, у нас это не принято. И кильками в наш век гораздо легче отравиться, нежели водкой. Пейте смело.

Пьют.

Иоанн. Как твое имя, кудесник?

Тимофеев. Меня зовут Тимофеев.

Иоанн. Князь?

Тимофеев. Какой там князь! У нас один князь на всю Москву, и тот утверждает, что он сын кучера.

Иоанн. Ах, сволочь! Пытать его, вот он и признается!

Тимофеев. Не надейтесь. Сколько его ни пытайте, он не признается, поверьте мне. Ваше здоровье!.. Нет, как подумаю, что они там, с ума схожу!.. Пейте. Закусите ветчинкой.

Иоанн. День-то постный...

Тимофеев. Ну, кильками.

Иоанн. Ключница водку делала?

Тимофеев. Ну, пускай будет ключница... Долго объяснять...

Иоанн. Так это, стало быть, такую ты машину сделал? Ох-хо-хо!.. У меня тоже один был такой... крылья сделал...

Тимофеев. Нуте-с?..

Иоанн. Я его посадил на бочку с порохом, пущай полетает!..

Тимофеев. И правильно!

Иоанн. Ты, стало быть, тут живешь? Хоромы-то тесные.

Тимофеев. Да уж, хоромы неважные.

Иоанн. А боярыня твоя где?

Тимофеев. Моя боярыня со своим любовником Якиным на Кавказ сегодня убежала.

Иоанн. Врешь!

Тимофеев. Ей-богу!

Иоанн. Ловят? Как поймают, Якина на кол посадить. Это первое дело...

Тимофеев. Нет, зачем же? Нет... Они любят друг друга, ну и пусть будут счастливы.

Иоанн. И то правда. Ты добрый человек... Ах ты, боже! Ведь это я тут... а шведы, ведь они Кемь взяли! Боярин, ищи ключ! Отправляй меня назад!

Тимофеев. Понимаете, я сам бы сейчас побежал к слесарю, но дома ни копейки денег, все жене отдал.

Иоанн. Чего? Денег? *(Вынимает из кармана золотые монеты.)*

Тимофеев. Золото? Спасены! Иван Васильевич, все в порядке! Я сейчас в торгсин, потом к слесарю, он сделает ключ, мы откроем аппарат.

Иоанн. Я с тобой пойду.

Тимофеев. По улице? О нет, Иван Васильевич, это невозможно. Вы останьтесь здесь и ничем не выдавайте себя. Я даже вас запру, и, если кто будет стучать, не открывайте. Да никто прийти не может. Спасибо Якину, что жену увез... Словом, ждите меня, сидите тихо.

Иоанн. О господи!..

Тимофеев. Через час я буду здесь. Сидите тихо!

Тимофеев, закрыв дверь своей комнаты, уходит.
Иоанн один, рассматривает вещи в комнате.
На улице послышался шум автомобиля.
Иоанн осторожно выглядывает в окно, отскакивает. Пьет водку.

Иоанн *(тихо напевает)*. Сделал я великие прегрешения... пособи мне, господи... пособите, чудотворцы московские...

В дверь стучат.
Иоанн вздрагивает, крестит дверь, стук прекращается.

Ульяна *(за дверью)*. Товарищ Тимофеев, простите, что опять осмелилась беспокоить во время вашей семейной драмы... Что, Ивана Васильевича не было у вас? Его по всему дому ищут. Товарищ Тимофеев, вы не имеете права отмалчиваться!.. Вы, товарищ Тимофеев, некультурный человек!

Иоанн крестит дверь, и голос Ульяны пропадает.

Иоанн. Что крест животворящий делает. *(Пьет водку.)*

Пауза.
Потом в двери поворачивается ключ.
Иоанн крестит дверь, но это не помогает. Тогда Иоанн прячется за ширму.
Дверь открывается, и входит Зинаида. Бросает чемоданчик. Расстроена.

Зинаида. Какой подлец! Все разрушено! И я... зачем же я открыла все этому святому человеку?.. *(Смотрит на стол.)* Ну конечно, запил с горя!.. Да, запил... И патефон... откуда же патефон? Хороший патефон... Кока, тебя нет? Ничего не понимаю!.. Здесь оргия какая-то была... Он, наверно, за водкой пошел. С кем он пил? *(Разворачивает сверток.)* Штаны! Ничего не понимаю! *(Заводит патефон.)*

Иоанн за ширмой припадает к щелке.

И вот опять здесь... обманутая самым наглым образом.

Через некоторое время на парадном звонок.
Зинаида выходит в переднюю, открывает дверь.
Входит Якин, молодой человек в берете, в штанах до колен и с бородой, растущей из-под подбородка.

Якин. Зина, это я.

Зинаида. Как? Это вы?! Вон! *(Уходит в комнату Тимофеева.)*

Якин *(у дверей).* Зинаида Михайловна, вы одни? Откройте, прошу вас.

Зинаида. Я негодяям принципиально не открываю.

Якин. Зина! Я молю вас, Зина, я вам сейчас все объясню, Зина, выслушайте меня.

Зинаида открывает дверь.

(Входя в комнату Тимофеева.) Зиночка, что случилось? Почему вы убежали? Я не понимаю...

Зинаида. Арнольд Савельевич, вы негодяй!

Якин. Боже, какие слова! Зиночка, это недоразумение, клянусь Пятой кинофабрикой!

Зинаида. Недоразумение!.. Он объяснит!.. Я бросаю мужа, этот святой человек теперь пьянствует, как черт знает что, я покидаю чудную жилплощадь, расстаюсь с человеком, который молился на меня, сдувал пылинки, гениального изобретателя!.. Еду к этому подлецу и...

Якин. Зина, какие слова!..

Зинаида. Вы еще не знаете настоящих слов! Я бы вам сказала!.. И за два часа до нашего отъезда я застаю у него неизвестную даму...

Якин. Зина!..

Зинаида. ...которую он нежно держит за руку!..

Якин. Зиночка, я проверял с нею сцену! Это моя профессиональная обязанность!

Зинаида. Хватать за локти? Нет, хватать за локти, вы ответьте! *(Дает Якину пощечину.)*

Якин. Зинаида Михайловна! Товарищи, что это такое?!

Зинаида. Вон!

Якин. Зинаида, поймите, ведь это же эпизод! Она же курносая!

Зинаида. Как? Она будет сниматься!

Якин. Маленькая роль... Крохотный, малюсенький эпизодик! Я же не могу снимать картину без курносой! И потом, позвольте, вы меня ударили! Режиссера?

Зинаида. Снимайте курносых, безносых, каких хотите! С меня довольно! Я ухожу к Косому, в постановку «Бориса Годунова».

Якин. Косой халтурщик! Никакой постановки у него не будет!

Зинаида. Я извиняюсь, постановка утверждена! И я буду играть царицу! Я не интересуюсь больше вашими «Золотыми яблоками» в Гаграх!..

Якин. Да поймите же, что у него нет никого на роль Иоанна Грозного! Картину законсервируют, ко всем чертям, и тогда вы вспомните меня, Зинаида!

Зинаида. Нет Иоанна? Простите, я уже репетировала с ним.

Якин. Где вы репетировали?

Зинаида. Здесь же, у себя на квартире!.. И когда мы проходили то место, где Бориса объявляют царем, Косой, уж на что твердый человек, заплакал как ребенок!..

Якин. Репетировать за моей спиной? Это предательство, Зинаида! Кто играет Бориса, царя? Кто?

Иоанн *(выходя из-за ширмы)*. Какого Бориса-царя? Бориску?!

Зинаида и Якин застывают.

А подойди-ка сюда, холоп!

Зинаида. Господи, что это такое?!

Якин. Как, вы действительно репетируете? Боже, какой типаж!

Зинаида. Кто это такой?!

Иоанн. Бориса на царство?.. Так он, лукавый, презлым заплатил царю за предобрейшее!.. Сам царствовати и всем владети!.. Повинен смерти!

Якин. Браво!

Зинаида. Боже мой... Якин, объясните мне... Якин, спрячьте меня!

Иоанн. Ну ладно! Потолкует Борис с палачом опосля. *(Якину.)* Пошто ты боярыню обидел, смерд?

Якин. Замечательно! Поразительно! Невиданно!.. Я не узнаю вас в гриме. Кто вы такой?! Позвольте представиться: Арнольд Якин. Двадцать тысяч, а завтра в девять часов утра Пятая фабрика подписывает с вами контракт. Ставить буду я. Как ваша фамилия?

Иоанн. Ах ты, бродяга! Смертный прыщ!

Якин. Браво!! Зинаида, как же вы скрыли от меня это?!

Иоанн бьет Якина жезлом.

Позвольте!! Что вы, спятили?.. Довольно!..

Иоанн. На колени, червь! *(Хватает Якина за бороду.)*

Якин. Это переходит границы, это хулиганство!

Зинаида. Очевидно, я сошла с ума... Кто вы такой? Кто вы такой?

Иоанн. Князь Тимофеев, ко мне! Поймали обидчика, сукина сына Якина!

Якин. На помощь!! Граждане!.. Кто-нибудь...

Зинаида. Помогите! Кто он такой?! Разбойники! В квартире разбойник!..

В передней появляется Шпак, прислушивается к крикам.

Ах нет! Боже мой, я поняла! Это настоящий царь! Это Коке удался опыт! *(Иоанну.)* Умоляю, отпустите его!

Иоанн *(выхватив из-под кафтана нож, кричит Якину).* Молись, щучий сын!

Шпак заглядывает в дверь.

Живота или смерти? Проси у боярыни!

Якин *(хрипит).* Живота...

Иоанн. Подымайся, гад!

Якин. Что же это такое, я вас спрашиваю?! *(Шпаку.)* Гражданин, спасите от разбойника!

Шпак. Репетируете, Зинаида Михайловна?

Зинаида. Репе... репетируем...

Якин. Какая же это репе... Гражданин!..

Иоанн. Что?.. Целуй руку! Учили тебя, подлеца!

Якин. Руку? Я не жел... Сейчас, сейчас... *(Целует руку Иоанну.)*

Зинаида *(Иоанну).* Умоляю вас, сядьте.

Иоанн садится.

Шпак. Натурально как вы играете! Какой царь типичный, на нашего Буншу похож. Только у того лицо глупее. Обокрали меня, Зинаида Михайловна! *(Заливается слезами.)*

Якин пытается скрыться.

Иоанн. Куда?!

Якин. Я здесь, я здесь...

Зинаида *(Шпаку).* Погодите, я ничего не понимаю... как обокрали?

Шпак. Начисто, Зинаида Михайловна! Я извиняюсь, граждане, никто не встречал на лестнице блондинку из Большого театра? Она и обработала... Вот какой домик у нас, Зинаида Михайловна.

Иоанн. Убиваешься, добрый человек?

Шпак. Гражданин артист, как же не убиваться?..

Иоанн. Чего взяли-то у тебя?

Шпак. Патефон, портсигар, зажигалку, часы, коверкотовое пальто, костюм, шляпу... все, что нажил непосильными трудами, все погибло... *(Плачет.)*

Иоанн. Ты чьих будешь?

Шпак. Я извиняюсь, чего это — «чьих», я не понимаю?

Иоанн. Чей холуй, говорю?

Зинаида. О боже, что сейчас будет!..

Шпак. Довольно странно!..

Иоанн *(вынув монету)*. Бери, холуй, и славь царя и великого князя Ивана Васильевича!..

Зинаида. Не надо, что вы делаете!

Шпак. Извиняюсь, что это вы все — холуй да холуй! Какой я вам холуй? Что это за слово такое?

Зинаида. Он пошутил!

Шпак. За такие шутки в народный суд влететь можно. Да не нужна мне ваша монетка, она ненастоящая.

Иоанн. Ты что же, лукавый смерд, от царского подарка отказываешься?

Зинаида. Это он из роли, из роли...

Шпак. Эта роль ругательная, и я прошу ее ко мне не применять. До свиданья, Зинаида Михайловна, и не рад, что зашел. Где Иван Васильевич? Я хочу, чтобы он засвидетельствовал жуткую покражу в моей квартире... *(Уходит.)*

Зинаида. Выслушайте меня, Арнольд, только, умоляю вас, спокойно. Это — настоящий Иоанн Грозный... Не моргайте глазами.

Якин. Ваш дом, Зинаида, сумасшедший!..

Зинаида. Нет, это Кокина работа. Я вам говорила про его машину... что он вызвать хочет не то прошлое, не то будущее. Это он вызвал из прошлого царя.

Якин. Бред!

Зинаида. Я сама близка к помешательству...

Якин *(всмотревшись в Иоанна)*. Товарищи, что это такое?! *(Зинаиде.)* Что? Что? Вы правду говорите?

Зинаида. Клянусь!

Якин. Позвольте! В наши дни, в Москве!.. Нет, это... Он же умер!

Иоанн. Кто умер?

Якин. Я... я не про вас это говорю... это другой, который умер... который... Доктора мне!.. Я, кажется, сошел с ума... Да ведь он же мог меня зарезать!

Иоанн. Подойти! Подойти и отвечай! Доколи же ты...

Якин. Аз есмь... умоляю, не хватайтесь за ножик!.. Сплю... Зинаида, звоните куда-нибудь, спасите меня!.. За что он взъелся на меня? Где ваш муж? Пусть уберет его!

Иоанн. Ты боярыню соблазнил?

Якин. Я... я... Житие мое...

Иоанн. Пес смердящий! Какое житие?.. Вместо святого поста и воздержания — блуд и пьянство губительное со обещанными диаволам чашами!.. О, зол муж! Дьявол научиши тя долгому спанию, по сне зиянию, главоболию с похмелья и другим злостям неизмерным и неисповедимым!..

Якин. Пропал! Зинаида, подскажите мне что-нибудь по-славянски... Ваш муж не имеет права делать такие опыты!! *(Иоанну.)* Паки и паки... Иже херувимы!.. Ваше величество, смилуйтесь!

Иоанн. Покайся, любострастный прыщ!

Зинаида. Только не убивайте его!

Якин. Каюсь!..

Иоанн. Преклони скверную твою главу и припади к честным стопам соблазненной боярыни!..

Якин. С удовольствием! Вы меня не поняли!! Не поняли!..

Иоанн. Как тебя понять, когда ты ничего не говоришь?

Якин. Языками не владею, ваше величество!.. Во сне это или наяву?..

Иоанн. Какая это курносая сидела у тебя?

Якин. Это эпизод, клянусь кинофабрикой! Зинаида Михайловна не поняла!

Иоанн. Любишь боярыню?

Якин. Люблю безумно!..

Иоанн. Как же ее не любить? Боярыня зельною красотою лепа, бела вельми, червлена губами, бровьми союзна, телом изобильна... Чего же тебе надо, собака?!

Якин. Ничего не надо!.. Ничего!

Иоанн. Так женись, хороняка! Князь отпускает ее.

Якин. Прошу вашей руки, Зина!

Зинаида. Вы меня не обманете на этот раз, Арнольд? Я так часто была обманута...

Якин. Клянусь кинофабрикой!

Иоанн. Клянись преподобным Сергием Радонежским!

Якин. Клянусь киносергием преподобным Радонежским!..

Иоанн. Ну, слушай, борода многогрешная! Ежели я за тобой что худое проведаю... то я тебя... я...

Якин. Клянусь Сергием...

Иоанн. Не перебивай царя! Понеже вотчины у тебя нету, жалую тебя вотчиной в Костроме. *(Зинаиде.)* А тебе приданое, на... *(Дает золотые монеты.)*

Зинаида. Мерси, мерси. *(Якину.)* Ничего, ничего, мы их в торгсин сдадим.

Якин *(Зинаиде)*. Еще минута здесь, и меня свезут в сумасшедший дом!.. Едем скорее отсюда!.. Куда-нибудь!.. Везите меня!..

Зинаида. Дорогой царь, нам на поезд пора.

Иоанн. Скатертью дорога!

Зинаида *(Иоанну)*. Простите, что я вас беспокою... я не понимаю, как Кока не догадался... вам нельзя в таком виде оставаться здесь... вас могут арестовать!

Иоанн. О, господи вседержитель!.. Ведь я-то забыл, где я... Я забыл!

Зинаида *(берет костюм Милославского)*. Вы не сердитесь. Я советую вам переодеться. Не понимаю, откуда это тряпье? Арнольд, помогите ему.

Якин. Разрешите, я помогу вам. Пожалуйте за ширму.

Иоанн. Ох, бесовская одежда!.. Ох, искушение!..

Иоанн и Якин уходят за ширму.

Зинаида. Я пока записку напишу Николаю Ивановичу. *(Пишет.)* «Кока! Я возвращалась, но опять уезжаю. Он едва не зарезал Якина, тот сделал предложение. Не выписывай... Зина...»

Иоанн выходит из-за ширмы в костюме Милославского. Удручен.

Вот это другое дело! Боже, до чего на нашего Буншу похож! Только очков не хватает.

Якин. Вот очки валяются...

Зинаида. Очень советую, наденьте очки. *(Надевает на Иоанна очки.)* Вылитый!

Иоанн *(глянув в зеркало).* Тьфу ты!..

Зинаида. Ну, позвольте вас поблагодарить... Вы очень темпераментный человек!

Иоанн. Мне здесь оставаться? Ох ты, господи!.. Как это гусли-то очарованные играют?

Якин. Это, изволите ли видеть, патефон...

Иоанн. Тебя не спрашивают...

Якин. Молчу... слушаюсь.

Зинаида. Очень просто, иголочку сюда и подкрутить.

Патефон играет.

Вот видите... Вы сидите и играйте. А Кока придет, он вас выручит.

Якин. Что же это такое... У меня путаются мысли... патефон, Кока... Иоанн Грозный...

Зинаида. Да перестаньте вы нервничать! Ну, Иоанн, ну, Грозный... Ну что тут особенного?.. Ну, до свиданья!

Якин. Честь имею кланяться!

Иоанн. Ехать-то далеко?

Зинаида. О да.

Иоанн *(Якину).* Жалую тебе рясу с царского плеча.

Якин. Зачем же?..

Зинаида. Ах, не противоречьте ему.

Якин. Да, да... *(Облачается в рясу.)*

Зинаида берет чемодан и выходит с Якиным.

Зинаида *(в передней).* А все-таки я счастлива! Поцелуйте меня...

Якин. Бред!! Бред!! Бред! Клянусь Сергием Радонежским!.. *(Сбрасывает рясу и уходит с Зинаидой.)*

Иоанн один. Подходит к патефону, заводит его. Пьет водку. Через некоторое время звонит телефон.

Иоанн *(подходит, долго рассматривает трубку, потом снимает. На лице его ужас. В трубку.)* Ты где сидишь-то? *(Заглядывает под стол, крестится.)*

Ульяна *(в передней).* Есть кто-нибудь? Ивана Васильевича не видели? *(Стучит в дверь Тимофеева, потом входит.)* Здрасьте пожалуйста! Его весь дом ищет, водопроводчики приходили, ушли... жена, как проклятая, в кооперативе за селедками стоит, а он сидит в чужой комнате и пьянствует!.. Да ты что это, одурел? Шпака

ограбили, Шпак по двору мечется, тебя ищет, а он тут! Ты что же молчишь! Батюшки, во что же это ты одет?

Иоанн, отвернувшись, заводит патефон.

Да что же это такое? Вы видели что-нибудь подобное? Он угорел! Батюшки, да у него на штанах дыра сзади!.. Ты что, дрался, что ли, с кем? Ты что лицо-то отворачиваешь?

Иоанн поворачивается.

Голубчики милые!.. На кого же ты похож?! Да ты же окосел от пьянства! Да тебя же узнать нельзя!

Иоанн. Ты бы ушла отсюда. А?

Ульяна. Как это — ушла? Ты на себя в зеркало-то погляди!.. В зеркало-то погляди!

Иоанн. Оставь меня, старушка, я в печали...

Ульяна. Старушка?! Как же у тебя язык повернулся, нахал? Я на двадцать лет тебя моложе!

Иоанн. Ну, это ты врешь...

Шпак появляется в передней, затем входит в комнату.

Шпак. Да где же он? Иван Васильевич, какой же вы управдом? Вы поглядите, как мою комнату обработали!

Ульяна. Нет, вы поглядите на голубчика!.. Он же пьян, он же на ногах не стоит!

Шпак. Ай да управдом. Человека до ниточки обобрали, а он горный дубняк пьет!.. Меня артистка обворовала!..

Иоанн. Ты опять здесь? Ты мне надоел!

Шпак. Какие это такие слова — надоел? Нам такого управдома не нужно!..

Ульяна. Очнись, разбойник! Попрут тебя с должности!

Иоанн. Э, да ты ведьма! *(Берет у Ульяны селедки и выбрасывает их в переднюю.)*

Ульяна. Караул!

Иоанн *(вооружается посохом)*. Ох, поучу я тебя сейчас!

Ульяна. Помогите!.. Муж интеллигентную женщину бьет!.. *(Убегает через парадный ход.)*

Шпак потрясен.

Шпак. Иван Васильевич, вы успокойтесь... ну, выпил нервный мужчина... я вполне понимаю... Однако я не

знал, что вы такой!.. Я думал, что вы тихий... и, признаться, у нее под башмаком... а вы — орел!..

Иоанн. Ведьма!..

Шпак. Откровенно признаться, да. Вы правы. Это даже хорошо, что вы ее так... Вы с ней построже... Я к вам по дельцу, Иван Васильевич.

Иоанн. Тебе чего надо?

Шпак. Вот список украденных вещей, уважаемый товарищ Бунша... прошу засвидетельствовать... Украли два костюма, два пальто, двое часов, два портсигара, тут записано... *(Подает бумагу.)*

Иоанн. Как челобитную царю подаешь? *(Рвет бумагу.)*

Шпак. Иван Васильевич!.. Вы выпивши, я понимаю... только вы не хулиганьте.

Иоанн. Ты мне надоел! Что у тебя украли, говори!

Шпак. Два пате... то есть один патефон...

Иоанн. Ну, забирай патефон. Подавись. Надоел.

Шпак. Позвольте, как же... ведь это чужой... совершенно как мой... А впрочем, пожалуйте!.. А остальное-то как же? Ведь надо же подписать!..

Иоанн. Да я же тебе давал деньги? Ты не брал? Суще глупый!..

Шпак. Вот так пьян! Какие такие деньги? Никаких вы мне денег не давали. Вы придите в себя, Иван Васильевич... Мы на вас коллективную жалобу подадим!

Иоанн. Э, да ты не уймешься, я вижу... Что в вас, в самом деле бесы вселились?.. *(Вынимает нож.)*

Шпак. Помогите!.. Управдом жильца режет!..

Тимофеев вбегает в переднюю, потом в комнату.

Тимофеев. Что это происходит? Где он? Кто вас переодел? Как вы его впустили?.. Я же вам говорил, чтобы вы не открывали!..

Шпак. Вы гляньте, Николай Иванович, на нашего управдома!.. Караул!.. Я в милицию!..

Тимофеев *(Иоанну)*. Остановитесь, или мы погибнем оба!

Иоанн прячет нож.

Шпак *(бросаясь в переднюю)*. Я немедленно в милицию!..

Иоанн. Князь! Ты его батогами с лестницы!..

Тимофеев *(бросается вслед за Шпаком в переднюю).* Умоляю вас, подождите!.. Это не Бунша!..

Шпак. Как не Бунша?

Тимофеев. Это Иоанн Грозный... настоящий царь. Погодите, погодите... я нормален... умоляю, не бегите в милицию!.. Это мой опыт, моя машина времени!.. Я вызвал его... я открываю вам тайну, вы порядочный человек!.. Не срывайте мой опыт! Скандал все погубит!.. Я сейчас уберу его... только примерю ключ... вот ключ... Обещаете молчать? Дайте честное слово!

Шпак. Позвольте, так это царь?..

Тимофеев. Царь...

Шпак. Что делается!..

Тимофеев. Молчите, потом все объяснится, потом... Даете слово, что ни одному человеку...

Шпак. Честное благородное слово.

Тимофеев. Ну, спасибо, спасибо. *(Убегает в свою комнату. Иоанну.)* Зачем же вы открыли двери? Я вас просил не открывать!

Шпак припадает к замочной скважине.

Иоанн. Пошто ты ему по роже не дал?

Тимофеев. Что вы, Иван Васильевич, не надо никому по роже, ради бога!.. Тише, тише!.. Вот ключ. Сейчас примерим. *(Пытается вложить ключ.)* Руки дрожат... А, черт, немного велик... Ну да ладно, сейчас подпилим...

Нажимает кнопки в аппарате. Комната Тимофеева гаснет. Освещается комната Шпака.

Шпак. Монеты-то, стало быть, настоящие были!.. Эх-эх-эх!.. *(Говорит по телефону шепотом.)* Милицию. Милиция? Говорит сегодняшний обокраденный Шпак... Нет, не сердитесь, я не насчет кражи. У нас тут другое дельце, почище!.. Инженер Тимофеев Иоанна Грозного в квартиру вызвал, царя... Я непьющий... С посохом... Что делается!.. Даю честное пионерское под салютом! Ну, я сам сейчас добегу до вас, сам добегу...

Тьма.

Занавес

АКТ ТРЕТИЙ

Звон. Тьма. Освещается палата Иоанна. Бунша и Милославский влетают в палату.

Милославский. Вот черт вас возьми с этими опытами! Вот это так так!

Бунша *(кидаясь на сцену)*. Товарищ Тимофеев! Товарищ Тимофеев! Как управдом, я требую немедленного прекращения этого опыта! На помощь! Куда же это мы попали?

Милославский. Перестань орать! Это нас к Иоанну Грозному занесло.

Бунша. Не может быть! Я протестую!

Зловещий шум и набат.

Милославский *(запирает дверь на ключ, выглядывает в окно, отчего шум усиливается. Отскакивает)*. Вот попали так попали!

Бунша. Это нам мерещится, этого ничего нету. Николай Иванович, вы ответите за ваш антисоветский опыт!

Милославский. Вы дурак! Ой, как они кричат!

Бунша. Они не могут кричать, это обман зрения и слуха, вроде спиритизма. Они умерли давным-давно. Призываю к спокойствию! Они покойники.

В окно влетает стрела.

Милославский. Видали, как покойники стреляют!

Бунша. То есть... позвольте... вы полагаете, что они могут учинить над нами насилие?

Милославский. Нет, я этого не полагаю. Я полагаю, что они нас убьют, к лешему. Что бы это сделать, братцы, а? Братцы!..

Бунша. Неужели это правда? Николай Иванович, вызывайте милицию! Без номера! Погибнуть во цвете лет! Ульяна Андреевна в ужасе!.. Я не сказал ей, куда пошел... Кровь стынет в жилах!..

Грохот в дверь, голоса: «Отворяй, собака!!»

Кому это он?

Милославский. Вам.

Бунша *(в щелку двери)*. Попрошу не оскорблять! Я не собака! Поймите, что вас не существует! Это опыт инженера Тимофеева!

Грохот.

От имени жильцов дома прошу, спасите меня!

Милославский открывает дверь в соседнее помещение.

Милославский. Одежа! Царская одежа! Ура, пофартило!

Голос: «Отворяй! На дым пустим палату!»

(Надевает кафтан.) Надевай скорей царский капот, а то пропадем!

Бунша. Этот опыт переходит границы!

Милославский. Надевай, убью!..

Бунша надевает царское облачение.

Ура! Похож! Ей-богу, похож! Ой, мало похож! Профиль портит... Надевай шапку... Будешь царем...

Бунша. Ни за что!

Милославский. Ты что же, хочешь, чтобы и меня из-за тебя ухлопали? Садись за стол, бери скипетр... Дай, зубы подвяжу, а то не очень похож... Ой, халтура! Ой, не пройдет! У того лицо умней...

Бунша. Попрошу не касаться лица!

Милославский. Молчи! Садись, занимайся государственным делом. На чем они остановились? «Царь и великий князь...» повторяй... «всея Руси...»

Бунша. Царь и великий князь всея Руси...

Дверь раскрывается, вбегают опричники и с ними — дьяк. Остолбеневают.

Милославский *(Бунше)*. Так вы говорите... царь и великий князь?.. Написал. Запятая... Где это наш секретарь запропастился?

Пауза.

В чем дело, товарищи? Я вас спрашиваю, драгоценные, в чем дело? Какой паразит осмелился сломать двери в царское помещение? Разве их для того вешали, чтобы вы их ломали? *(Бунше.)* Продолжайте, ваше величество... челом бьет... точка с запятой... *(Опричникам.)* Я жду ответа на поставленный мною вопрос.

Опричники *(в смятении)*. Царь тут... царь тут...

Дьяк. Тут царь.

Милославский. А где же ему быть? Вот что, голубчики, положь оружие!.. Не люблю этого.

Опричники бросают бердыши.

Дьяк *(Бунше)*. Не вели казнить, великий государь-надежа... демоны тебя схватили, мы и кинулись... хвать, ан демонов-то и нету!

Милославский. Были демоны, этого не отрицаю, но они ликвидировались. Прошу эту глупую тревогу приостановить. *(Дьяку.)* Ты кто такой?

Дьяк. Федька... дьяк посольского приказу... с царем пишем...

Милославский. Подойди сюда. А остальных прошу очистить царскую жилплощадь. Короче говоря, все вон! Видите, вы царя напугали... Вон! *(Бунше, шепотом.)* Рявкни на них; а то они не слушают.

Бунша. Вон!

Опричники бросаются в ноги, потом выбегают вон.
Дьяк бросается несколько раз в ноги.

Милославский. Ну, довольно кувыркаться. Кинулся раз, кинулся два, хватит.

Дьяк. Не гляди на меня, аки волк на ягня... Прогневали мы тебя, надежа-государь!..

Милославский. Я думаю. Но мы тебя прощаем.

Дьяк. Что же это у тебя, государь, зубки-то подвязаны? Али хворь приключилась?

Милославский *(Бунше, тихо)*. Ты не молчи, как пень, однако! Я не могу один работать.

Бунша. Зубы болят, у меня флюс.

Милославский. Периостит у него, не приставай к царю.

Дьяк. Слушаю. *(Бросается в ноги.)*

Милославский. Федя, ты брось кланяться. Этак ты до вечера будешь падать... Будем знакомы. А ты что на меня глаза вытаращил?

Дьяк. Не гневайся, боярин, не признаю я тебя... Али ты князь?

Милославский. Я, пожалуй, князь, да. А что тут удивительного?

Дьяк. Да откуда ты взялся в палате-то царской? Ведь тебя не было. *(Бунше.)* Батюшка царь, кто же это такой? Не томи!

Бунша. Это приятель Антона Семеновича Шпака.

Милославский *(тихо)*. Ой, дурак! Такие даже среди управдомов редко попадаются... *(Вслух.)* Ну да, другими словами, я князь Милославский. Устраивает вас это?

Дьяк *(впадает в ужас)*. Чур меня! Сгинь!..

Милославский. Что такое? Опять не слава богу? В чем дело?

Дьяк. Да ведь казнили тебя намедни...

Милославский. Вот это новость! Брось трепаться, как так казнили?

Бунша *(тихо)*. Ой, начинается...

Дьяк. Повесили тебя на собственных воротах третьего дня, перед спальней, по приказу царя.

Милославский. Ай спасибо! *(Бунше.)* Неувязка вышла с фамилией... Повесили меня... Выручай, а то засыпемся. *(Тихо.)* Что же ты молчишь, сволочь? *(Вслух.)* А, вспомнил! Ведь это не меня повесили! Этого повешенного-то как звали?

Дьяк. Ванька-разбойник.

Милославский. Ага. А я, наоборот, Жорж. И этому бандиту двоюродный брат. Но я от него отмежевался. И обратно — царский любимец и приближенный человек. Ты что на это скажешь?

Дьяк. Вот оно что! То-то я гляжу, похож, да не очень. А откуда же ты тут-то взялся?

Милославский. Э, дьяк Федя, до чего ты любопытный! Тебе бы в уголовном розыске служить! Приехал я внезапно, сюрпризом, как раз когда у вас эта мура с демонами началась... Ну, я, конечно, в палату, к царю, где и охранял ихнюю особу.

Дьяк. Исполать тебе, князь!

Милославский. И всё в порядочке!

За сценой шум.

Чего это они опять разоралась? Сбегай, Федюша, узнай.

Дьяк выбегает.

Бунша. Боже мой, где я? Что я? Николай Иванович!!!

Милославский. Без истерики!

Дьяк возвращается.

Дьяк. Опричники царя спасенного видеть желают. Радуются.

Милославский. Э, нет. Это отпадает. Некогда. Некогда. Радоваться потом будем. *(Бунше.)* Услать их надо немедленно куда-нибудь. Молчит, проклятый! *(Вслух.)* А что, Фединька, войны никакой сейчас нету?

Дьяк. Как же это нету, кормилец? Крымский хан да шведы прямо заедают! Крымский хан на Изюмском шляхе безобразничает!..

Милославский. Что ты говоришь? Как же это вы так допустили? А?

Дьяк бросается в ноги.

Встань, Федор, я тебя не виню. Ну, вот чего... садись, пиши царский указ. Пиши. «Послать опричников выбить крымского хана с Изюмского шляха, к чертовой матери...»

Дьяк *(пишет)*. «К чертовой матери...»

Милославский. Точку поставь.

Дьяк. Точка. *(Бунше.)* Подпиши, великий государь.

Бунша *(шепотом)*. Я не имею права по должности управдома такие бумаги подписывать.

Милославский. Пиши. Ты что написал, голова дубовая? Управдом? И печать жакта приложил?.. Вот осел! Пиши: Иван Грозный. *(Дьяку.)* На.

Дьяк. Вот словечко-то не разберу...

Милославский. Какое словечко? Ну, ге... ре... Грозный.

Дьяк. Грозный?

Милославский. Что ты, Федька, цепляешься к каждому слову! Что, он не грозен, по-твоему? Не грозен? Да накричи ты, наконец, на него, великий государь, натопай ножками! Что же это он тебя не слушает?

Бунша. Да как вы смеете? Да вы!.. Да я вас!..

Дьяк *(валясь в ноги)*. Узнал теперича! Узнал тебя, батюшка царь...

Милославский. Ну, то-то. Да ты скажи им, чтобы они обратно не торопились. Какое бы им еще поручение дать? Поют потехи брани... дела былых времен... и взятие Казани... ты им скажи, чтобы они на обратном пути заодно Казань взяли... чтоб два раза не ездить...

Дьяк. Как же это, батюшка... чтоб тебя не прогневить... ведь Казань-то наша... ведь мы ее давным-давно взяли...

Милославский. А... Это вы поспешили. Ну да раз взяли, так уж и быть. Не обратно же ее отдавать. Ну, ступай, и чтобы их духу здесь не было через пять минут.

Дьяк выбсгает.

Ну, пошли дела кой-как. Что дальше будет, впрочем, неизвестно. Что же он не крутит свою машину назад?

Бунша. Я должен открыть вам ужасную тайну. Я с собой ключ в панике захватил. Вот он.

Милославский. Чтоб ты сдох, проклятый! Все из-за тебя, дурака! Что же мы теперь будем делать? Ну ладно, тише, дьяк идет.

Дьяк. Поехали, великий государь.

Милославский. Не удивились? Ну, и прекрасно. Дальше чего на очереди?

Дьяк. Посол шведский тут.

Милославский. Давай его сюда.

Дьяк впускает шведского посла. Тот, глянув на Буншу, вздрагивает, потом начинает делать поклоны.

Посол. Пресветлейший... вельможнейший... государ. *(Кланяется.)*

Бунша пожимает руку послу. Посол удивлен, делает поклон.

Дер гросер кениг дес шведишен кенигсрейх зандте мих, зейнен трейен диннер, цу инен, цер и фелики кнезе Иван Василович усарусса, дамит ди фраге фон Кемска волост, ди ди румфоллвюрдиге шведише арме эроберн хат, фрейвиллиг ин орднунг бринген...

Милославский. Так, так... интурист хорошо говорит... но только хоть бы одно слово понять! Надо переводчика, Фединька!

Дьяк. Был у нас толмач-немчин, да мы его анадысь в кипятке сварили.

Милославский. Федя, это безобразие! Нельзя так с переводчиками обращаться! *(Бунше.)* Отвечай ему что-нибудь... а то ты видишь, человек надрывается. Ты зачем уши заткнул?

Бунша. Я ни за какие деньги с иностранцем не стану разговаривать. Кроме того, я на иностранных языках только революционные слова знаю, а все остальное забыл.

Милославский. Ну, говори хоть революционные, а то ты ведь никаких слов не произносишь... Как рыба на троне! *(Послу.)* Продолжайте, я с вами совершенно согласен.

Посол. Ди фраге фон Кемска волост... Шведише арме хат зи эроберн... Дер гроссер кениг дес шведишен кенигсрейхс зандте мих... унд... Дас ист зер эрнсте фраге... Кемска волост...

Милославский. Правильно. Совершенно правильно. *(Дьяку.)* Интересно бы хоть в общих чертах узнать, что ему требуется... Так сказать, идейка... смысл... Я, как назло, в шведском языке не силен, а царь нездоров...

Дьяк. Он, батюшка, по-немецки говорит. Да понять-то его немудрено. Они Кемскую волость требуют. Воевали ее, говорят, так подай теперь ее, говорят!..

Милославский. Так чего же ты молчал? Кемскую волость?

Посол. О, ja... о, ja...

Милославский. Да об чем разговор? Да пущай забирают на здоровье!.. Господи, я думал, что!..

Дьяк. Да как же так, кормилец?!

Милославский. Да кому это надо? *(Послу.)* Забирайте, забирайте, царь согласен. Гут.

Дьяк. О, господи Исусе!

Посол *(обрадован, кланяется).* Канн их мих фрейцелен унд ин мейн фатерланд цурюккерен?

Дьяк. Он спрашивает, можно ли ему домой ехать?

Милославский. А, конечно! Чего же зря номер в «Метрополе» занимать? Пускай сегодня же и едет. Взять ему вторую категорию. *(Послу.)* О ревуар.

Посол *(кланяясь).* Вас бефельт цар и фелики кнезе Иван Василович ден гроссен кениг дес Шведенс хинтербринген?

Дьяк. Он спрашивает — чего королю передать?

Милославский. Наш пламенный привет.

Бунша. Я не согласен королю пламенные приветы передавать. Меня общественность загрызет.

Милославский. Молчи, бузотер. *(Обнимает посла, и у того с груди пропадает драгоценный медальон.)* Ауфидерзеен. Королю кланяйтесь и скажите, чтобы пока никого не присылал. Не надо. Нихтс.

Посол, кланяясь, уходит с дьяком.

Приятный человек. Валюты у него, наверно, в кармане, воображаю!..

Бунша. Я изнемогаю под тяжестью государственных преступлений, которые мы совершили. О боже мой! Что теперь делает несчастная Ульяна Андреевна? Она, наверно, в милиции. Она плачет и стонет, а я царствую против воли. Как я покажусь на глаза общему нашему собранию?

Дьяк входит и ищет что-то на полу.

Милославский. Ты чего, отец, ползаешь?

Дьяк. Не вели казнить, государь... Посол королевский лик с груди потерял... а на нем алмазы граненые...

Милославский. Нельзя быть таким рассеянным.

Дьяк. Вошел сюда — был, а вышел — нету...

Милославский. Так всегда и бывает. В театрах это постоянно в буфетах. Смотреть надо за вещами, когда в комнату входишь. Да отчего ты так на меня таращишься? Уж не думаешь ли ты, что я взял?

Дьяк. Что ты, что ты?

Милославский. *(Бунше).* Ты не брал?

Бунша. Может быть, за трон завалился. *(Ищет.)*

Милославский. Ну, нету! Под столом еще посмотри. Нету и нету.

Дьяк. Ума не приложу... вот горе! *(Уходит.)*

Бунша. Происшествия все ужаснее и ужаснее. Что бы я отдал сейчас, чтобы лично явиться в милицию и заявить о том, что я нашелся. Какое ликование поднялось бы в отделении!

Дьяк *(входит).* Патриарх тебя видеть желает, государь. Радуется.

Бунша. Чем дальше, тем хуже!

Милославский. Скажи ему, что мы просим его сюда в срочном порядке.

Бунша. Что вы делаете? В присутствии служителя культа я не могу находиться в комнате, я погиб.

Колокольный звон. Входит патриарх.

Патриарх. Здравствуй, государь, нынешний год и впредь идущие лета! Вострубим, братие, в златокованые трубы! Царь и великий князь, яви нам зрак и образ красен! Царь, в руцех демонов побывавший, возвращается к нам. Подай же тебе господи Самсонову силу, Александрову храбрость, Соломонову мудрость и кротость Давидову! Да славят тя все страны и всякое дыхание человечье и ныне, и присно, во веки веков!

Милославский *(аплодируя).* Браво! Аминь! Ничего не в силах прибавить к вашему блестящему докладу, кроме одного слова — аминь!

Хор запел многолетие. Милославский отдает честь, поет что-то веселое и современное.

(Бунше.) Видишь, как тебя приветствуют? А ты хныкал!.. *(Патриарху.)* Воистину воскресе, батюшка! *(Обнимает патриарха, причем у того с груди пропадает панагия.)* Еще раз благодарю вас, батюшка, от царского имени и от своего также благодарю, а затем вернитесь в собор к вашим угодникам. Вы совершенно и абсолютно свободны, в хоре надобности тоже нет. И, в случае чего-нибудь экстренного, мы вас кликнем. *(Провожает патриарха до дверей, отдавая ему честь.)*

Патриарх уходит с дьяком.
Дьяк тотчас вбегает в смятении обратно.

Чего еще случилось?

Дьяк. Ох, поношение! У патриарха панагию с груди...

Милославский. Неужто сперли?

Дьяк. Сперли.

Милославский. Ну, уж это какая-то мистика! Что же это у вас делается, ась?

Дьяк. Панагия — золота на четыре угла, яхонт лазоревый, два изумруда...

Милославский. Это безобразие!

Дьяк. Что делать прикажешь, князь? Уж мы воров и за ребра вешаем, а все извести их не можем.

Милославский. Ну зачем же за ребра вешать? Уж тут я прямо скажу, что я против. Это типичный перегиб. С ворами, Федя, если хочешь знать, надо обращаться мягко. Ты ступай к патриарху и как-нибудь так поласковее с ним... утешь его... Что, он очень расстроился?

Дьяк. Столбом стоит.

Милославский. Ну, оно понятно. Большие потрясения от этого бывают. Уж кому, кому, а мне приходилось видеть, в театрах...

Дьяк выбегает.

Бунша. Меня начинают терзать смутные подозрения. У Шпака — костюм, у посла — медальон, у патриарха — панагия...

Милославский. Ты на что намекаешь? Не знаю, как другие, а я лично ничего взять не могу. У меня так устроены... руки... ненормально. Мне в пяти городах снимки с пальцев делали ученые... и все начальники единогласно утверждают, что с такими пальцами человек присвоить чужого не может. Я даже в перчатках стал ходить, так мне это надоело.

Дьяк *(входит)*. Татарский князь Едигей к государю.

Милославский. Э, нет! Этак я из сил выбьюсь. Объявляю перерыв на обед.

Дьяк. Царь трапезовать желает.

Тотчас стольники вносят блюда, за стольниками появляются гусляры.

Милославский. Нет, у них хорошо поставлено дело. В «Метрополе» ждешь, ждешь, пока тебе салатик подадут... Душу вымотают!..

Бунша. Это сон какой-то!

Милославский *(дьяку)*. Это что?

Дьяк. Почки заячьи верченые да головы щучьи с

чесноком... икра, кормилец... Водка анисовая, приказная, кардамонная, как желаешь.

Милославский. Красота!.. Царь, по стопочке с горячей закуской!.. *(Пьет.)* Ко мне, мои тиуны, опричники мои!

Бунша пьет.

Дьяк. Услали же, батюшка князь, опричников!

Милославский. И хорошо сделали, что услали, ну их к чертям! Без отвращения вспомнить не могу. Манера у них — сейчас рубить, крошить! Секиры эти... Бандиты они, Федя. Простите, ваше величество, за откровенность, но опричники ваши просто бандиты! Вотр сантэ!

Бунша. Вероятно, под влиянием спиртного напитка нервы мои несколько успокоились.

Милославский. Ну вот. А ты, Федя, что ты там жмешься возле печки? Ты выпей, Федюня, не стесняйся. У нас попросту. Ты мне очень понравился. Я бы без тебя, признаться, как без рук был. Давай с тобой на брудершафт выпьем. Будем дружить с тобой, я тебя выучу в театр ходить... Да, ваше величество, надо будет театр построить.

Бунша. Я уже наметил кое-какие мероприятия и решил, что надо будет начать с учреждения жактов.

Милославский. Не велите казнить, ваше величество, но, по-моему, театр важнее. Воображаю, какая сейчас драка на Изюмском шляхе идет! Как ты думаешь, Федя? Что, у вас яхонты в магазин принимают?

Дьяк. Царица к тебе, великий государь, видеть желает.

Бунша. Вот тебе раз! Этого я как-то не предвидел. Боюсь, чтобы не вышло недоразумение с Ульяной Андреевной. Она, между нами говоря, отрицательно к этому относится. А впрочем, ну ее к черту, что, я ее боюсь, что ли?

Милославский. И правда.

Бунша снимает повязку.

Повязку это ты зря снял. Не царская, говоря откровенно, у тебя физиономия.

Бунша. Чего? Попрошу вас! С кем говоришь?

Милославский. Молодец! Ты бы раньше так разговаривал!

Появляется царица, и Бунша надевает пенсне.

Царица *(в изумлении).* Пресвятой государь, княже мой и господин! Дозволь рабыне твоей, греемой милостью твоею...

Бунша. Очень рад. *(Целует руку царице.)* Очень рад познакомиться. Позвольте вам представить — дьяк и... Милославский. Прошу вас к нашему столику.

Милославский. Ты что плетешь? Сними, гад, пенсне.

Бунша. Но-но-но! Человек! Почки один раз царице. Простите, ваше имя-отчество не Юлия Владимировна?

Царица. Марфа Васильевна я...

Бунша. Чудесно, чудесно!

Милославский. Вот разошелся! Э-ге-ге! Да ты, я вижу, хват! Вот так тихоня!

Бунша. Рюмку кардамонной, Марфа Васильевна...

Царица *(хихикая).* Что вы, что вы...

Бунша. Сейчас мы говорили на интереснейшую тему. Вопрос об учреждении жактов.

Царица. И все-то ты в трудах, все в трудах, великий государь...

Бунша. Еще рюмку, под щучью голову.

Царица. Ой, что это вы...

Бунша *(дьяку).* Вы что это на меня так смотрите? Я знаю, что у тебя на уме! Ты думаешь, уж не сын ли я какого-нибудь кучера или кого-нибудь в этом роде? Сознавайся!

Дьяк валится в ноги.

Нет, ты сознавайся, плут... Какой там сын кучера? Это была хитрость с моей стороны. *(Царице.)* Это я, уважаемая Марфа Васильевна, их разыгрывал. Что? Молчать! *(Дьяку.)* Скажите, пожалуйста, что, у вас нет отдельного кабинета?

Милославский. Батюшки! Да он нарезался! Да ведь как быстро, как ловко! Надо спасать положение. *(Гуслярам.)* Да что же вы, граждане, молчите? Гряньте нам что-нибудь.

Гусляры заиграли и запели.

Гусляры *(поют).* А не сильная туча затучилася... А не сильные громы грянули... Куда едет собака крымский царь...

Бунша. Какая это собака? Не позволю про царя такие песни петь! Он хоть и крымский, но не собака!

(Дьяку.) Ты каких это музыкантов привел? Распустились здесь без меня?

Дьяк валится в ноги.

Милославский. Что, Федюша, у вас нарзану нету?

Бунша. Пускай они румбо играют!

Гусляры. Ты, батюшка, только скажи, как это... а мы переймем... мы это сейчас...

Бунша напевает современный танец, гусляры играют его.

Бунша (*царице*). Позвольте вас просить на один тур, Юлия Васильевна.

Царица. Ой, срамота! Что это ты, батюшка царь...

Бунша. Ничего, ничего. *(Танцует с царицей.)*

Дьяк рвет на себе волосы.

Милославский. Ничего, Федя, не расстраивайся. Ну, перехватил царь, ну что такого... с кем не бывало! Давай с тобой! *(Танцует с дьяком.)*

Набат и шум. Гусляры замолчали.

Это мне не нравится, что еще такое?

Дьяк выбегает, потом возвращается.

Дьяк. Беда, беда! Опричники взбунтовались, сюда едут! Кричат, что царь не настоящий. Самозванец, говорят!

Царица. Охти мне, молодой! С ненастоящим плясала... Ох, чернеческий чин наложат!.. Ой, погибель моя!.. *(Убегает.)*

Милославский. Как опричники? Они же на Изюмский шлях поехали!

Дьяк. Не доехали, батюшка. Смутили их. От заставы повернули.

Милославский. Какой же гад распространил этот гнусный слух?

Дьяк. Патриарх, батюшка, патриарх.

Милославский. Дорогой самодержец, мы пропали!

Бунша. Я требую продолжения танца! Как пропали? Граждане, что делать?

Гусляры исчезают вместе с дьяком.

Николай Иванович, спасите!

Шум ближе. Звон. Тьма. Свет. Стенка распадается, и рядом с палатой появляется комната Тимофеева.

Тимофеев. Скорее, Иван Васильевич!

Иоанн *(застегивая царское облачение)*. Слава тебе господи!

Тимофеев. Вот они, живы!

Милославский. Живы, живы! *(Бунше.)* Вали, вали, вали! *(Вбегает с Буншей к Тимофееву.)*

Иоанн *(при виде Бунши).* Ой, сгинь, пропади!

Милославский. Временно, временно, отец, не волнуйся!

Иоанн вбегает в палату.

Иван Васильевич! Имейте в виду, что мы шведам Кемскую волость отдали! Так что все в порядке.

Иоанн. Шведам Кемь? Да как же вы смели, щучьи вы дети?

В палату вбегают опричники и дьяк.

Шведам Кемь? А ты, лукавый дьяк, куда смотрел?

Дьяк валится в ноги. Иоанн в ярости разбивает аппарат. Тьма. Свет. Палаты нет.

Тимофеев. Аппарат мой! Аппарат! Что вы наделали! Зачем вы его разозлили?.. Погибло мое изобретение!

В передней появляются милиция и Шпак.

Шпак. Вот они, товарищи начальники, гляньте!

Тимофеев. Ах ты, подлец!

Милиция. Угу... *(Бунше.)* Вы — царь? Ваше удостоверение личности, гражданин.

Бунша. Каюсь, был царем, но под влиянием гнусного опыта инженера Тимофеева.

Милославский. Что вы его слушаете, товарищи? Мы с маскарада, из парка культуры и отдыха мы. *(Снимает боярское облачение.)*

Бунша снимает царское облачение.
На груди Милославского — медальон и панагия.

Бунша. Оправдались мои подозрения! Он патриарха обокрал и шведского посла!

Шпак. Держите его! Мой костюм!

Милиция. Что же вы, гражданин, милицию путаете? Они воры?

Шпак. Воры, воры! Они же крадут, они же царями притворяются!

Появляется Ульяна Андреевна.

Ульяна. Вот он где! Что это, замели тебя? Дождался, пьяница?

Бунша. Ульяна Андреевна! Чистосердечно признаюсь, что я царствовал, но вам не изменил, дорогая Ульяна Андреевна! Царицей соблазняли, дьяк свидетель!

Ульяна. Что ты порешь, алкоголик? Какой он царь, товарищи начальники! Он управдом!

Тимофеев. Молчите все! Молчите все! Мой аппарат, моя машина погибла! А вы об этих пустяках... Да, это я, я сделал опыт, но нужно же такое несчастье на каждом шагу... явился этот болван управдом и ключ утащил с собой! Старый рамолик, князь-развалина... и этот разозлил Ивана Грозного! И вот нет моего аппарата! А вы об этой ерунде!..

Милиция. Вы кончили, гражданин?

Тимофеев. Кончил.

Милиция *(Милославскому).* Ваше удостоверение?

Милославский. Так чего удостоверение? Что же удостоверение? Милославский я, Жорж.

Милиция *(радостно).* А! Так вы в Москве, стало быть?

Милославский. Не скрою. Прибыл раньше времени.

Милиция. Ну-с, пожалуйте все в отделение.

Бунша. С восторгом предаюсь в руки родной милиции, надеюсь на нее и уповаю.

Милославский. Эх, Коля, академик! Не плачь! Видно, уж такая судьба! А насчет панагии, товарищи, вы не верьте—это мне патриарх подарил.

Милиция выводит всех из квартиры.

Голос в рупоре: «Передаем час западной и восточной музыки. Оркестр под управлением Сигизмунда Тачкина исполняет падеспань». Музыка в рупоре.

Занавес

Конец

1935

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Пьеса в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮТ:

Пушкина.
Гончарова.
Воронцова.
Салтыкова.
Смотрительша.
Горничная девушка.
Битков.
Никита.
Дантес.
Шишкин.
Бенедиктов.
Кукольник.
Долгоруков.
Богомазов.
Салтыков.
Николай I.
Жуковский.
Геккерен.
Дубельт.
Бенкендорф.
Ракеев.
Пономарев.
Строганов.
Данзас.
Даль.
Студент.
Офицер.
Станционный смотритель.
Тургенев.
Воронцов.
Филат.
Агафон.
Преображенец 1.
Преображенец 2.
Негр.
Камер-юнкер.
Василий Максимович.
Слуга.
Квартальный.
Жандармские офицеры.
Жандармы.
Полиция.
Группа студентов.
Толпа.

Действие происходит в конце января и в начале февраля 1837 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Вечер. Гостиная в квартире Александра Сергеевича Пушкина в Петербурге. Горят две свечи на стареньком фортепиано и свечи в углу возле стоячих часов. Через открытую дверь виден камин и часть книжных полок в кабинете. Угли тлеют в камине кабинета и в камине гостиной. Александра Николаевна Гончарова сидит за фортепиано, а часовой мастер Битков с инструментами стоит у часов. Часы под руками Биткова то бьют, то играют. Гончарова тихо наигрывает на фортепиано и напевает. За окном слышна вьюга.

Гончарова *(напевает)*. ...и печальна и темна... что же ты, моя старушка, приумолкла у окна... буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя... то, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя...

Битков. Какая чудная песня. Сегодня я чинил тоже у Прачешного мосту, на мосту иду, господи!.. крутит! Вертит! И в глаза и в уши!..

Пауза.

Дозвольте узнать, это кто же такую песню сочинил?

Гончарова. Александр Сергеевич.

Битков. Скажите! Ловко. Воет в трубе, истинный бог, как дитя... Прекрасное сочинение.

Донесся дверной колокольчик. Входит Никита.

Никита. Александра Николаевна, подполковник Шишкин просит принять.

Гончарова. Какой Шишкин?

Никита. Шишкин, подполковник.

Гончарова. Зачем так поздно? Скажи, что принять не могут.

Никита. Да ведь как же, Александра Николаевна, его не принять?..

Гончарова. Ах ты, боже мой, вспомнила... Проси сюда.

Никита. Слушаю. *(Идет к дверям.)* Ах, неволя... ах, разорение... *(Уходит.)*

Пауза.

Шишкин *(входя)*. Покорнейше прошу извинить, очки запотели. Имею честь рекомендовать себя: подполковник в отставке Алексей Петров Шишкин. Простите великодушно, что потревожил. Погодка-то, а? Хозяин собаку на улицу не выгонит. Да что же поделаешь? А с кем имею честь говорить?

Гончарова. Я сестра Натальи Николаевны.

Шишкин. Ах, наслышан. Чрезвычайно рад нашему знакомству, мадемуазель.

Гончарова. Veuilles-vous s'asseoir, monsieur...[1]

Шишкин. Парле рюс, мадемуазель[2]. Благодарствуйте. *(Садится.)* Погодка-то, говорю, а?

Гончарова. Да, метель.

Шишкин. Могу ли видеть господина камер-юнкера?

Гончарова. Очень сожалею, но Александра Сергеевича нет дома.

Шишкин. А супругу ихнюю?

Гончарова. И Наталья Николаевна в гостях.

Шишкин. Ах, ведь этакая незадача! Ведь это что же, никак не застанешь.

Гончарова. Вы не извольте беспокоиться, я могу переговорить с вами.

Шишкин. Мне бы самого господина камер-юнкера. Ну, слушаю, слушаю. Дельце-то простое. В разные сроки времени господином Пушкиным взято у меня под залог турецких шалей, жемчугу и серебра двенадцать с половиной тысяч ассигнациями.

Гончарова. Я знаю...

Шишкин. Двенадцать с половиной, как одна копеечка.

Гончарова. А вы не могли бы еще потерпеть?

Шишкин. С превеликим бы одолжением терпел, сударыня. И Христос терпел и нам велел. Но ведь и в наше положение надобно входить. Ведь туловище-то прокормить надо? А у меня сыновья, осмелюсь доложить, во флоте. Их поддерживать приходится. Приехал пре-

---

[1] Присаживайтесь, сударь *(фр.)*.

[2] Parlez russe, mademoiselle.— Говорите по-русски, мадемуазель *(фр.)*.

дупредить, сударыня, завтра продаю вещи. Персиянина нашел подходящего.

Гончарова. Убедительно прошу подождать, Александр Сергеевич уплатит проценты.

Шишкин. Верьте, не могу. С ноября месяца ждем, другие бы давно продали. Персиянина упустить боюсь.

Гончарова. У меня есть фермуар и серебро, может быть, вы посмотрели бы?

Шишкин. Прошу прощенья, канитель с этим серебром, сударыня. А персиянин...

Гончарова. Ну, помилуйте, как же так без вещей остаться? Может быть, вы все-таки взглянули бы? Прошу вас в мою комнату.

Шишкин. Ну что же, извольте. *(Идет вслед за Гончаровой.)* Квартирка славная какая! Что плотите?

Гончарова. Четыре тысячи триста.

Шишкин. Дороговато! *(Уходит с Гончаровой во внутренние комнаты.)*

Битков, оставшись один, прислушивается, подбегает со свечой к фортепиано, рассматривает ноты. Поколебавшись, входит в кабинет, читает названия книг, затем, испуганно перекрестившись, скрывается в глубине кабинета. Через некоторое время возвращается на свое место к часам в гостиную.

Выходит Гончарова, за ней Шишкин — с узелком.

Гончарова. Я передам.

Шишкин. Векселек мы, стало быть, перепишем. Только уж вы попросите Александра Сергеевича, чтобы они сами пожаловали, а то извозчики уж больно дорого стоят. Четвертая Измайловская рота, в доме Борщова, в заду во дворе маленькие оконца... да они знают. О ревуар, мадемуазель[1].

Гончарова. Au revoir, monsieur...[2]

Битков *(закрывает часы, кладет инструменты в сумку).* Готово, барышня, живут. А в кабинете... я уж завтра зайду.

Гончарова. Хорошо.

Битков. Прощенья просим. *(Уходит.)*

Гончарова у камина. В дверях появляется Никита.

---

[1] Au revoir, mademoiselle.— До свидания, мадемуазель *(фр.).*

[2] До свидания, сударь... *(фр.)*

Никита. Эх, Александра Николаевна!

Гончарова. Ну, что тебе?

Никита. Эх, Александра Николаевна!

Пауза.

Вот уж и ваше добро пошло.

Гончарова. Выкупим.

Никита. Из чего же это выкупим? Не выкупим, Александра Николаевна.

Гончарова. Да что ты каркаешь сегодня надо мною?

Никита. Не ворон я, чтобы каркать. Раулю за лафит четыреста целковых, ведь это подумать страшно... Каретнику, аптекарю... В четверг Карадыкину за бюро платить надобно? А заемные письма? Да лих бы еще письма, а то ведь молочнице задолжали, срам сказать! Что ни получим, ничего за пазухой не остается, все идет на расплату. Александра Николаевна, умолите вы его, поедем в деревню. Не будет в Питере добра, вот вспомните мое слово. Детишек бы взяли, покойно, просторно... Здесь вертеп, Александра Николаевна, и все втрое, все втрое. И обратите внимание, ведь они желтые совсем стали, и бессонница...

Гончарова. Скажи Александру Сергеевичу сам.

Никита. Сказывал-с. А они отвечают: ты надоел мне, и без тебя голова вихрем идет. Как не надоесть за тридцать лет!

Пауза.

Гончарова. Ну, Наталье Николаевне скажи.

Никита. Не буду я говорить Наталье Николаевне, не поедет она.

Пауза.

А без нее? Поехали бы вы, детишки и он.

Гончарова. Ополоумел, Никита?

Никита. Утром бы из пистолета стреляли, потом верхом бы ездили... Детишкам и простор и удобство.

Гончарова. Перестань меня мучить, Никита, уйди.

Никита уходит. Гончарова, посидев немного у камина, уходит во внутренние комнаты. Слышится колокольчик. В кабинет, который в полумраке, входит не через гостиную, а из передней — Никита, а за ним мелькнул и прошел в глубь кабинета какой-то человек. В глубине кабинета зажгли свет.

Никита *(глухо в глубине кабинета).* Слушаю-с, слушаю-с, хорошо. *(Выходит в гостиную.)* Александра Николаевна, они больные приехали, просят вас.

Гончарова *(выходя).* Ага, сейчас.

Никита уходит в столовую.

(У двери кабинета.) On entre? *(Входит в кабинет. Голос ее слышен глухо.)* Alexandre, êtes-vous indisposé?[1] Лежите, лежите. Может быть, послать за доктором? *(Выходит в гостиную, говорит Никите, который входит с чашкой в руках.)* Раздевай барина. *(Отходит к камину, ждет.)*

Никита некоторое время в кабинете, а потом уходит в переднюю, закрыв за собою дверь.

(Входит в кабинет. Слова ее слышны там глухо.) Все благополучно. Нет, нет...

Колокольчик. Никита входит в гостиную.
Гончарова тотчас выбегает к нему навстречу.

Никита *(подавая письмо).* Письмо Алек...

Гончарова *(грозит Никите, берет письмо).* А, от портнихи... Хорошо. Скажи, что буду завтра днем. Ну, чего ты стал, ступай. *(Тихо.)* Тебе сказано, не подавать писем?

Никита выходит.

(Возвращается в кабинет.) Бог с вами, Александр, говорю же, от портнихи. Право, я пошлю за лекарем. Дайте я вас перекрещу. Что? Хорошо. Я умоляю вас не тревожиться.

Свет в кабинете гаснет.
Гончарова возвращается в гостиную, закрывает дверь в кабинет, задергивает ее портьерой. Читает письмо. Прячет.

Кто эти негодяи? Опять, боже праведный! *(Пауза.)* В деревню надобно ехать, он прав.

Послышался стук. Глухо — голос Никиты.
Появляется Наталья Николаевна Пушкина. Она развязывает ленты капора, бросает его на фортепиано. Близоруко щурится.

Пушкина. Ты не спишь? Одна? Пушкин дома?

Гончарова. Он приехал совсем больной, лег, просил его не беспокоить.

---

[1] Можно войти? ... Александр, вам нездоровится? *(фр.)*

Пушкина. Ах, бедный! Да немудрено, буря-то какая, господи! Нас засекло снегом.

Гончарова. С кем ты приехала?

Пушкина. Меня проводил Дантес. Ну что ты так смотришь?

Гончарова. Значит, ты все-таки хочешь беды?

Пушкина. Ах, ради всего святого, без нотаций.

Гончарова. Таша, что ты делаешь? Зачем ты напрашиваешься на несчастье?

Пушкина. Ah, mon Dieu![1] Азя, это смешно. Ну что худого в том, что beau frère[2] меня проводил?

Гончарова подает письмо Пушкиной. Пушкина читает.

(Шепчет.) Он не видел?

Гончарова. Бог спас. Никита хотел подать.

Пушкина. Ах, старый дуралей! *(Бросает письмо в камин.)* Несносные люди! Кто это делает?

Гончарова. Это тебе не поможет. Сгорит это, но завтра придет другое. Он все равно узнает.

Пушкина. Я не отвечаю за анонимные наветы. Он поймет, что все это неправда.

Гончарова. Зачем же ты мне-то говоришь так? Нас никто не слышит.

Пушкина. Ну, хорошо, хорошо. Я сознаюсь, я точно виделась с ним один раз у Идалии, но это вышло нечаянно. Я и не подозревала, что он придет туда.

Гончарова. Таша, поедем в деревню.

Пушкина. Бежать из Петербурга? Прятаться в деревне? Из-за того, что какая-то свора низких людей... презренный аноним... Он и подумает, что я виновата. Между нами ничего нет. Покинуть столицу? Ни с того ни с сего? Я вовсе не хочу сойти с ума в деревне, благодарю покорно.

Гончарова. Тебе нельзя видеться с Дантесом. Неужели ты не хочешь понять, как ему тяжело? И притом денежные дела так запутанны...

Пушкина. Что же прикажешь мне делать? Натурально, чтобы жить в столице, нужно иметь достаточные средства.

Гончарова. Я не понимаю тебя.

---

[1] Ах, боже мой! *(фр.)*
[2] зять *(фр.)*.

Пушкина. Не терзай себя, Азя, ложись спать.

Гончарова. Прощай. *(Уходит.)*

Пушкина одна, улыбается, очевидно, что-то вспоминает. В дверях, ведущих в столовую, бесшумно появляется Дантес. Он в шлеме, в шинели, с палашом, запорошен снегом, держит в руках женские перчатки.

Пушкина *(шепотом)*. Как вы осмелились? Как вы проникли? Сию же минуту покиньте мой дом. Какая дерзость! Я приказываю вам!

Дантес *(говорит с сильным акцентом)*. Вы забыли в санях ваши перчатки. Я боялся, что завтра озябнут ваши руки, и я вернулся. *(Кладет перчатки на фортепиано, прикладывает руку к шлему и поворачивается, чтобы уйти.)*

Пушкина. Вы сознаете ли опасность, которой меня подвергли? Он за дверьми! *(Подбегает к двери кабинета, прислушивается.)* На что вы рассчитывали, когда входили? А ежели бы в гостиной был он? Он запретил пускать вас на порог! Да ведь это же смерть!

Дантес. Chaque instant de la vie est un pas vers la mort[1]. Слуга сказал мне, что он спит, и я вошел.

Пушкина. Он не потерпит, он убьет меня!

Дантес. Из всех африканцев сей, я полагаю, самый кровожадный. Но не тревожьте себя, он убьет меня, а не вас.

Пушкина. У меня темно в глазах... что будет со мною?

Дантес. Успокойтесь, ничего не случится с вами. Меня же положат на лафет и повезут на кладбище. И так же будет буря, и в мире ничего не изменится.

Пушкина. Заклинаю вас всем, что у вас есть дорогого, покиньте дом.

Дантес. У меня нет ничего дорогого на свете, кроме вас, не заклинайте меня.

Пушкина. Уйдите!

Дантес. Ах нет. Вы причина того, что совершаются безумства. Вы не хотите выслушать меня никогда. А между тем есть величайшей важности дело. Надлежит слушать. Там... да? Иные страны. Скажите мне только одно слово, и мы бежим.

Пушкина. И это говорите вы, месяц тому назад

---

[1] Каждое мгновение жизни — это шаг к смерти *(фр.)*.

женившись на Екатерине, на моей сестре? Вы и преступны, вы и безумны! Ваши поступки не делают вам чести, барон.

Дантес. Я женился на ней из-за вас, с одной целью быть ближе к вам. Да, я совершил преступление. Бежим?

Пушкина. У меня дети.

Дантес. Забудьте.

Пушкина. О, ни за что!

Дантес. Я постучу к нему в дверь.

Пушкина. Не смейте! Неужели вам нужна моя гибель?

Дантес целует Пушкину.

О, жестокая мука! Зачем, зачем вы появились на нашем пути? Вы заставили меня и лгать, и вечно трепетать... ни ночью сна, ни днем покоя...

Бьют часы.

Боже мой, уходите!

Дантес. Придите еще раз к Идалии. Нам необходимо поговорить.

Пушкина. Завтра на балу у Воронцовой, в зимнем саду, подойдите ко мне.

Дантес поворачивается и уходит.

(Прислушивается.) Скажет Никита или не скажет?.. Нет, не скажет, ни за что не скажет. *(Подбегает к окну, смотрит в него.)* О, горькая отрава! *(Подходит к двери кабинета, прикладывает ухо.)* Спит. *(Крестится, задувает свечи и идет во внутренние комнаты.)*

Тьма.
Потом из тьмы — зимний день.
Столовая в квартире Сергея Васильевича Салтыкова.
Рядом — богатая библиотека. Из библиотеки видна часть гостиной.
В столовой накрыт завтрак.
Филат стоит у дверей.

Кукольник. Разрешите, Александра Сергеевна, представить вам нашего лучшего отечественного поэта Владимира Григорьевича Бенедиктова. Вот истинный светоч и талант!

Бенедиктов. Ах, Нестор Васильевич...

Кукольник. Преображенцы, поддержите меня! Вы высоко цените его творчество!

Преображенцы, двое, — сыновья Салтыкова — улыбаются.

Салтыкова. Enchantée de vous voir...[1] Чрезвычайно рада вас видеть, господин Бенедиктов. И Сергей Васильевич любит наших литераторов.

Следом за Бенедиктовым (скромным человеком в вицмундире) подходит к руке Салтыковой хромой князь Петр Долгоруков.

Рада вас видеть, князь Петр Владимирович.

В столовой появляется Иван Варфоломеевич Богомазов.

Богомазов. Александра Сергеевна... *(Подходит к руке Салтыковой.)* А почтеннейшего Сергея Васильевича еще нет, я вижу?

Салтыкова. Он тотчас будет, просил извинить. Наверно, в книжной лавке задержали.

Богомазов *(Долгорукову).* Здравствуйте, князь.

Долгоруков. Здравствуйте.

Богомазов *(Кукольнику).* Был вчера на театре, видел вашу пиэсу. Подлинное наслаждение! Публики — яблоку негде упасть! Позвольте поздравить вас и облобызать. Многая, многая лета, Нестор Васильевич!

Филат. Сергей Васильевич приехали.

Кукольник *(тихо Бенедиктову).* Ну, брат, насмотришься сейчас.

Салтыков входит. Он — в цилиндре, в шубе, с тростью и с фолиантом под мышкой. Ни на кого не глядя, следует к Филату. Бенедиктов кланяется Салтыкову, но поклон его попадает в пустое пространство. Долгоруков, Богомазов и Кукольник смотрят в потолок, делая вид, что не замечают Салтыкова.

Филат наливает чарочку водки. Салтыков окидывает невидящим взором группу гостей, выпивает, закусывает кусочком черного хлеба, прищуривается.

Преображенцы улыбаются.

Салтыков *(сам себе).* Да-с, не угодно ли? «Секундус парс»! «Секундус»![2] *(Смеется сатанинским смехом и выходит.)*

Бенедиктов бледнеет.

Салтыкова. Mon mari...[3]

Кукольник. Александра Сергеевна, не извольте беспокоиться... Знаем, знаем... На отечественном языке

---

[1] Очень рада вас видеть... *(фр.)*

[2] Secundus pars! Secundus! — Второй часть! Второй *(лат.)* Салтыков повторяет типографскую опечатку. Правильно — «secunda pars», так как слово «pars» женского рода. Достоверный факт — в библиотеке графа Салтыкова действительно была книга с указанной опечаткой.

[3] Мой муж... *(фр.)*

говорите, Александра Сергеевна. Вы услышите, как звучит наш язык в устах поэта.

Салтыкова *(Бенедиктову).* Мой муж — страшнейший чудак. Я надеюсь, что это не помешает вам чувствовать себя у нас без церемоний.

Салтыков возвращается. Он без цилиндра, без шубы, без трости, но по-прежнему с фолиантом.
Тут все обращают к нему оживленные лица.

Салтыков. А! Весьма рад! *(Стучит по фолианту.)* «Секундус парс»! «Секундус»! Преднамеренная опечатка. «Корпус юрис романи»[1]. Эльзевир. *(Преображенцам.)* Здравствуйте, сыновья.

Преображенцы улыбаются.

Богомазов. Позвольте же поглядеть, Сергей Васильевич.

Салтыков. Назад!

Салтыкова. Серж, ну что это, право...

Салтыков. Книги не для того печатаются, чтобы их руками трогать. *(Ставит книгу на камин. Салтыковой.)* Ежели ты только ее тронешь...

Салтыкова. И не подумаю, и не надобно мне.

Салтыков. Филат, водки! Прошу вас.

Закусывают.

Салтыкова. Прошу вас к столу.

Усаживаются. Филат подает.

Салтыков *(глядя на руку Кукольника).* А, вас можно поздравить?

Кукольник. Да-с, государь император пожаловал.

Долгоруков. Рука всевышнего вас наградила, господин Кукольник.

Салтыков. Неважный перстенек.

Кукольник. Сергей Васильевич!

Салтыков. По поводу сего перстня вспоминается мне следующее... Филат! Что там на камине?

Филат. Книга-с.

Салтыков. Не ходи возле нее.

Филат. Слушаю.

---

[1] Corpus juris romani.— Свод римского права *(лат.).*

Салтыков. Да, вспоминается мне... В бытность мою молодым человеком император Павел пожаловал мне звезду, усеянную алмазами необыкновенной величины.

Преображенцы косятся на Салтыкова.

А такой перстень я и сам могу себе купить за двести рублей или за полтораста.

Салтыкова. Серж, ну что ты говоришь?

Бенедиктов подавлен.

И все ты наврал, и никакой звезды у тебя нет.

Салтыков. Ты ее не знаешь. Я ее прячу от всех вот уж тридцать семь лет с табакерками вместе.

Салтыкова. Ты бредишь.

Салтыков. Не слушайте ее, господа. Женщины ничего не понимают в наградах, которые раздают российские императоры. Только что видел... проезжал по Невскому... le grand bourgeois[1], в саночках, кучер Антип.

Богомазов. Вы хотите сказать, что видели государя императора, Сергей Васильевич?

Салтыков. Да, его.

Богомазов. У императора кучер Петр.

Салтыков. Нет, Антип кучер у императора.

Долгоруков. Ежели не ошибаюсь, Сергей Васильевич, случай со звездой был тогда же, что и с лошадью?

Салтыков. Нет, князь, вы ошибаетесь. Сие происшествие случилось позже, уже в царствование императора Александра. *(Бенедиктову.)* Итак, изволите заниматься поэзией?

Бенедиктов. Да-с.

Салтыков. Опасное занятие. Вот вашего собрата по перу Пушкина недавно в Третьем отделении собственной его величества канцелярии отодрали.

Салтыкова. С тобой за столом сидеть нет никакой возможности! Ну какие ты неприятности рассказываешь?

Салтыков. Кушайте, пожалуйста, господа. *(Салтыковой.)* Ты напрасно так спокойно относишься к этому, тебя тоже могут отодрать.

Салтыкова. Перестань, умоляю тебя.

Долгоруков. Между прочим, это, говорят, верно. Я тоже слышал. Только это было давным-давно.

---

[1] первый буржуа *(фр.)*.

Салтыков. Нет, я только что слышал. Проезжаю мимо Цепного мосту, слышу, человек орет. Спрашиваю, что такое? А это, говорят, барин, Пушкина дерут.

Богомазов. Помилуйте, Сергей Васильевич, это петербургские басни.

Салтыков. Какие же басни? Меня самого чуть-чуть не отодрали однажды. Император Александр хотел мою лошадь купить и хорошую цену давал, десять тысяч рублей. А я, чтобы не продавать, из пистолета ее застрелил. К уху приложил пистолет и выстрелил. *(Бенедиктову.)* Ваши стихотворения у меня есть в библиотеке. Шкаф «зет». Сочинили что-нибудь новое?

Кукольник. Как же, Сергей Васильевич! *(Бенедиктову.)* Прочитай «Напоминание». Преображенцы, вы любите поэзию, просите его!

Преображенцы улыбаются.

Салтыкова. Ах, да, да, мы все просим. Право, это так приятно после мрачных рассказов о том, как кого-то отодрали.

Бенедиктов. Право, я... я плохо помню наизусть...

Салтыков. Филат, перестань греметь блюдом.

Бенедиктов.

Нина, помнишь ли мгновенье,
Как певец усердный твой,
Весь исполненный волненья,
Очарованный тобой...
В шумной зале...

Ах, право, я забыл... как... как...

Как вносил я в вихрь круженья
Пред завистливой толпой
Стан твой, полный обольщенья,
На ладони огневой,
И рука моя лениво
Отделялась от огней
Бесконечно прихотливой,
Дивной талии твоей;
И когда ты утомлялась
И садилась отдохнуть,
Океаном мне являлась
Негой зыблемая грудь,—
И на этом океане,
В пене млечной белизны,

Через дымку, как в тумане,
Рисовались две волны...

Преображенцы, перемигнувшись, выпивают.

Ты внимала мне приветно,
А шалун главы твоей
Русый локон незаметно
По щеке скользил моей.
Нина, помнишь те мгновенья
Или времени поток
В море хладного забвенья
Все заветное увлек?

Кукольник. Браво! Браво! Каков! Преображенцы, аплодируйте!

Аплодируют.

Салтыкова. Блистательное произведение!

Богомазов. Прелестная пиэса!

Салтыков. А может, вас и не отдерут.

Филат *(Салтыковой)*. К вам графиня Александра Кирилловна Воронцова.

Салтыкова. Проси в гостиную. Простите, господа, я покину вас. Ежели угодно курить, прошу. *(Скрывается в гостиной.)*

Салтыков с гостями переходит в библиотеку.
Филат подает шампанское и трубки.

Кукольник. Здоровье первого поэта отечества!

Богомазов. Фора! Фора!

Салтыков. Первый поэт?

Кукольник. Голову ставлю, Сергей Васильевич!

Салтыков. Агафон!

Агафон появляется.

Агафон! Из второй комнаты, шкаф «зет», полка тринадцатая, переставь господина Бенедиктова в этот шкаф, а господина Пушкина переставь в тот шкаф. *(Бенедиктову.)* Первые у меня в этом шкафу. *(Агафону.)* Не вздумай уронить на пол.

Агафон. Слушаю, Сергей Васильевич. *(Уходит.)*

Бенедиктов подавлен.

Долгоруков. Я совершенно разделяю ваше мнение, господин Кукольник, но мне, представьте, прихо-

дилось слышать утверждение, что первым является Пушкин.

Кукольник. Светские химеры!

Агафон появляется с томиком, влезает на стремянку у шкафа.

Салтыков. Вы говорите, Пушкин первый? Агафон, задержись там.

Агафон остается на стремянке.

Кукольник. Он давно уже ничего не пишет.

Долгоруков. Прошу прощенья, как же так не пишет? Вот недавно мне дали списочек с его последнего стихотворения. К сожалению, неполное.

Богомазов, Бенедиктов, Кукольник рассматривают листок. Преображенцы выпивают.

Кукольник. Боже мой, боже мой, и это пишет русский! Преображенцы, не подходите к этому листку!

Богомазов. Ай-яй-яй... *(Долгофукову.)* Дозвольте мне списать. Люблю, грешник, тайную литературу.

Долгоруков. Пожалуйста.

Богомазов *(усаживаясь к столу).* Только, князь, никому, тссс... *(Пишет.)*

Кукольник. Ежели сия поэзия пользуется признанием современников, то, послушайся, Владимир, не пиши на русском языке! Тебя не поймут! Уйди в тот мир, где до сих пор звучат терцины божественного Аллигиери, протяни руку великому Франческо! Его канцоны вдохновят тебя! Пиши по-итальянски, Владимир!

Салтыков. Агафон! В итальянском шкафу у нас есть место?

Агафон. Есть, Сергей Васильевич.

Салтыкова *(выходя из гостиной).* Все спорите, господа? *(Скрывается, пройдя столовую.)*

Богомазов. Браво, браво, Нестор Васильевич!

Бенедиктов. Из чего ты так кипятишься, Нестор?

Кукольник. Потому что душа моя не принимает несправедливости! У Пушкина было дарование, это бесспорно. Неглубокое, поверхностное, но было дарование. Но он растратил, разменял его! Он угасил свой малый светильник... он стал бесплоден, как смоковница... И ничего не сочинит, кроме сих позорных строк! Единственное, что он сохранил, это самонадеянность. И какой надменный тон, какая резкость в суждениях! Мне жаль его.

Богомазов. Браво, браво, трибун!

Кукольник. Я пью здоровье первого поэта отечества Бенедиктова!

Воронцова *(на пороге библиотеки).* Все, что вы говорили, неправда.

Пауза.

Ах, как жаль, что лишь немногим дано понимать превосходство перед собою необыкновенных людей. Как чудесно в Пушкине соединяется гений и просвещение... Но, увы, у него много завистников и врагов!.. И вы простите меня, но мне кажется, я слышала, как именно черная зависть говорила сейчас устами человека. И, право, Бенедиктов очень плохой поэт. Он пуст и неестественен...

Кукольник. Позвольте, графиня!..

Долгоруков хихикает от счастья, завалившись за спину Богомазова.
Салтыкова возвращается в библиотеку.

Салтыкова. Ах, Александра Кирилловна... Позвольте мне представить вам литераторов Нестора Васильевича Кукольника и Владимира Григорьевича Бенедиктова.

Долгоруков от счастья давится.
Преображенцы тихо отступают в столовую и, обменявшись многозначительным взором, исчезают из нее.

Воронцова. Ах, боже мой... Простите меня великодушно, я увлеклась... простите, милая Александра Сергеевна, я убегаю, я убегаю... *(Скрывается в гостиной.)*

Салтыкова идет за ней.
Бенедиктов с искаженным лицом выходит в столовую.
Кукольник идет за ним.

Бенедиктов. Зачем ты повез меня на этот завтрак? Я сидел тихо дома... а все ты... и вечно ты...

Кукольник. Неужели ты можешь серьезно относиться к бредням светской женщины?

Салтыков *(в библиотеке).* Агафон! Снимай обоих, и Пушкина и Бенедиктова, в ту комнату, в шкаф «зет»...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Ночь. Дворец Воронцовой. Великая роскошь. Зимний сад. Фонтан. В зелени — огни, меж сетками порхают встревоженные птицы. В глубине колоннада, за ней пустынная гостиная. Издалека доносится стон оркестра, шорох толпы. У колоннады, неподвижен, негр в тюрбане. В самой чаще, укрывшись от взоров света, сидит на диванчике Долгоруков в бальном наряде. Перед Долгоруковым шампанское. Долгоруков подслушивает разговоры в зимнем саду.

Недалеко от колоннады сидит Пушкина, а рядом с ней — Николай I.

Николай I. Какая печаль терзает меня, когда я слышу плеск фонтана и шуршание пернатых в этой чаще!

Пушкина. Но отчего же?

Николай I. Сия искусственная природа напоминает мне подлинную, и тихое журчание ключей, и тень дубрав... Если бы можно было сбросить с себя этот тяжкий наряд и уйти в уединение лесов, в мирные долины! Лишь там, наедине с землею, может отдохнуть измученное сердце...

Пушкина. Вы утомлены.

Николай I. Никто не знает и никогда не поймет, какое тяжкое бремя я обречен нести...

Пушкина. Не огорчайте нас всех такими печальными словами.

Николай I. Вы искренни? О да. Разве могут такие ясные глаза лгать? Ваши слова я ценю, вы одна нашли их для меня. Я хочу верить, что вы добрая женщина... Но одно всегда страшит меня, стоит мне взглянуть на вас...

Пушкина. Что же это?

Николай I. Ваша красота. О, как она опасна! Берегите себя, берегите! Это дружеский совет, поверьте мне.

Пушкина. Ваше участие для меня большая честь.

Николай I. О, верьте мне, я говорю с открытым сердцем, с чистой душой. Я часто думаю о вас.

Пушкина. Стою ли я этой чести?

Николай I. Сегодня я проезжал мимо вашего дома, но шторы у вас были закрыты.

Пушкина. Я не люблю дневного света, зимний сумрак успокаивает меня.

Николай I. Я понимаю вас. Я не знаю почему, но каждый раз, как я выезжаю, какая-то неведомая сила влечет меня к вашему дому, и я невольно поворачиваю

голову и жду, что хоть на мгновенье мелькнет в окне лицо...

Пушкина. Не говорите так...

Николай I. Почему?

Пушкина. Это волнует меня.

Из гостиной выходит камер-юнкер, подходит к Николаю I.

Камер-юнкер. Ваше императорское величество, ее императорское величество приказала мне доложить, что она отбывает с великой княжной Марией через десять минут.

Пушкина встает, приседает, выходит в гостиную, скрывается.

Николай I. Говорить надлежит: с ее императорским высочеством великой княжной Марией Николаевной. И кроме того, когда я разговариваю, меня нельзя перебивать. Болван! Доложи ее величеству, что я буду через десять минут, и попроси ко мне Жуковского.

Камер-юнкер выходит.
Николай I некоторое время один. Смотрит вдаль тяжелым взором.
Жуковский, при звезде и ленте, входит, кланяясь.

Жуковский. Вашему императорскому величеству угодно было меня видеть.

Николай I. Василий Андреевич, скажи, я плохо вижу отсюда, кто этот черный, стоит у колонны?

Жуковский всматривается. Подавлен.

Может быть, ты сумеешь объяснить ему, что это неприлично?

Жуковский вздыхает.

В чем он? Он, по-видимому, не понимает всей бессмысленности своего поведения. Может быть, он собирался вместе с другими либералистами в Convention nationale[1] и по ошибке попал на бал? Или он полагает, что окажет мне слишком великую честь, ежели наденет мундир, присвоенный ему? Так ты скажи ему, что я силой никого на службе не держу. Ты что молчишь, Василий Андреевич?

Жуковский. Ваше императорское величество, не гневайтесь на него и не карайте.

Николай I. Нехорошо, Василий Андреевич, не первый день знаем друг друга. Тебе известно, что я никого и никогда не караю. Карает закон.

---

[1] Национальный конвент *(фр.)*.

Жуковский. Я приемлю на себя смелость сказать — ложная система воспитания... то общество, в котором он провел юность...

Николай I. Общество! Уж не знаю, общество ли на него повлияло, или он — на общество. Достаточно вспомнить стихи, которыми он радовал наших друзей четырнадцатого декабря.

Жуковский. Ваше величество, это было так давно!

Николай I. Он ничего не изменился.

Жуковский. Ваше величество, он стал вашим восторженным почитателем...

Николай I. Любезный Василий Андреевич, я знаю твою доброту. Ты веришь этому, а я нет.

Жуковский. Ваше величество, будьте снисходительны к поэту, который призван составить славу отечества...

Николай I. Ну нет, Василий Андреевич, такими стихами славы отечества не составишь. Недавно попотчевал... «История Пугачева». Не угодно ли? Злодей истории не имеет. У него вообще странное пристрастие к Пугачеву. Новеллу писал, с орлом сравнил!.. Да что уж тут говорить! Я ему не верю. У него сердца нет. Пойдем к государыне, она хотела тебя видеть. *(Выходит в колоннаду.)*

Негр снимается с места, идет вслед за Николаем I.
Жуковский тоже выходит, смотрит вдаль, кому-то исподтишка грозит кулаком.
Воронцова и Воронцов выходят навстречу Николаю I, кланяются.

Воронцова. Sire...[1]

Воронцов. Votre Majesté Impériale...[2]

Уходят.
В зимний сад, не со стороны колоннады, а сбоку, пробирается, в мундире и в орденах, Богомазов, устремляется в чащу.

Долгоруков. Осторожнее, место занято.

Богомазов. Ба! Князь! Да вы, как видно, отшельник?

Долгоруков. Вы тоже. Ну что же, присаживайтесь. Что-что, а шампанское хорошее.

Богомазов. Бал-то каков? Семирамида, а? Любите, князь, балы?

Долгоруков. Обожаю. Сколько сволочи увидишь!

---

[1] Государь... *(фр.)*
[2] Ваше императорское величество... *(фр.)*

Богомазов. Ну-ну, Петенька, вы смотрите!

Долгоруков. Я вам не Петенька.

Богомазов. Ну что там не Петенька. Вы, князенька, недавно пеленки пачкали, а я государю своему действительный статский советник.

Долгоруков. Я вынужден, ваше превосходительство, просить вас не выражаться столь тривиально.

Богомазов. На балу цвет аристократии, князь!

Долгоруков. На этом балу аристократов счетом пять человек, а несомненный из них только один я.

Богомазов. Одначе! Это как же? Любопытен был бы я знать.

Долгоруков. А так, что я от святого происхожу. Да-с. От великого князя Михаила Всеволодовича Черниговского, мученика, к лику святых причтенного!

Богомазов. На вас довольно взглянуть, чтобы видеть, что вы от святого происходите. *(Указывает вдаль.)* Это кто, по-вашему, прошел, не аристократ?

Долгоруков. Уж на что лучше! У любовницы министра купил чин гофмейстера. При всей своей подлой наружности, соорудил себе фортуну!

Богомазов. Хорошо, Петенька, а это? Ведь это, кажется, княгиня Анна Васильевна?

Долгоруков. Она, она. Животрепещущая старуха! Ей, ведьме, на погост пора, а она по балам скачет!

Богомазов. Ай да язык! С ней это Иван Кириллович?

Долгоруков. Нет, брат его, Григорий, известная скотина.

Богомазов. Смотрите, князь, услышит вас кто-нибудь, нехорошо будет.

Долгоруков. Авось ничего не будет. Ненавижу! Дикость монгольская, подлость византийская, только что штаны европейские... Дворня! Холопия! Уж не знаю, кто из них гаже!

Богомазов. Ну конечно, где же им до святого мученика Петеньки!

Долгоруков. Вы не извольте остриться.

Пьют.

Сам был.

Богомазов. Его величество?

Долгоруков. Он.

Богомазов. С кем разговаривал?

Долгоруков. С арабской женой. Что было!.. Поздно изволили пожаловать.

Богомазов. А что?

Долгоруков. Руку гладил. Будет наш поэт скоро украшен опять.

Богомазов. Что-то, вижу я, ненавидите вы Пушкина.

Долгоруков. Презираю. Смешно! Рогоносец. Здесь тет-а-тет[1], а он стоит у колонны в каком-то канальском фрачишке, волосы всклокоченные, а глаза горят, как у волка... Дорого ему этот фрак обойдется!

Богомазов. Слушок ходил такой, князь Петр, что будто он на вас эпиграмму написал?

Долгоруков. Плюю на бездарные вирши. Тссс, тише.

В сад входит Геккерен, а через некоторое время—Пушкина.

Геккерен. Я следил за вами и понял, почему вас называют северной Психеей. Как вы цветете!

Пушкина. Ах, барон, барон...

Геккерен. Я, впрочем, понимаю, как надоел вам рой любезников с их комплиментами. Присядьте, Наталья Николаевна, я не наскучу вам?

Пушкина. О нет, я очень рада.

Пауза.

Геккерен. Он сейчас придет.

Пушкина. Я не понимаю, о ком вы говорите?

Геккерен. Ах, зачем так отвечать тому, кто относится к вам дружелюбно? Я не предатель. Ох, сколько зла еще сделает ваша красота!.. Верните мне сына. Посмотрите, что вы сделали с ним. Он любит вас.

Пушкина. Барон, я не хочу слушать такие речи.

Геккерен. Нет, нет, не уходите, он тотчас подойдет. Я нарочно здесь, чтобы вы могли перемолвиться несколькими словами.

В сад входит Дантес. Геккерен отходит в сторону.

Дантес. Проклятый бал! К вам нельзя подойти. Вы беседовали с императором наедине?

Пушкина. Ради бога, что вы делаете! Не говорите с таким лицом, нас могут увидеть из гостиной.

Дантес. Ваша рука была в его руке? Вы меня упрекали в преступлениях, а сами вы вероломны.

---

[1] tête-à-tête—свидание наедине *(фр.)*.

Пушкина. Я приду, приду... в среду, в три часа... Отойдите от меня, ради всего святого.

Из колоннады выходит Гончарова.

Гончарова. Мы собираемся уезжать. Александр тебя ищет.

Пушкина. Да, да. Au revoir, monsieur le baron[1].

Геккерен. Au revoir, madame. Au revoir, mademoiselle[2].

Дантес. Au revoir, mademoiselle. Au revoir, madame.

Музыка загремела победоносно.
Пушкина и Гончарова уходят.

Геккерен. Запомни все жертвы, которые я принес тебе.

Геккерен уходит вместе с Дантесом.
В гостиной мелькнула Воронцова, к ней подходят, прощаясь, гости.
Музыка внезапно обрывается, и сразу настает тишина.

Долгоруков. Люблю балы, люблю!

Богомазов. Что говорить!

В сад оттуда, откуда выходит Богомазов, выходит Воронцова. Она очень утомлена, садится на диванчик.
Долгоруков и Богомазов ее не видят.

Долгоруков. Хорош посланник! Видали, какие дела делаются! Будет Пушкин рогат, как в короне. Сзади царские рога, а спереди Дантесовы. Ай да любящий приемный отец!

Богомазов. Ай люто вы ненавидите его, князь!.. Ну, мне,— никому, клянусь, друг до гроба,— кто послал ему анонимный пасквиль, из-за которого весь сыр-бор загорелся? Молодецкая штука, прямо скажу! Ведь роют два месяца, не могут понять, кто. Лихо сделано! Ну, князь, прямо, кто?

Долгоруков. Кто? Откуда я знаю? Почему вы задаете мне этот вопрос? А кто бы ни послал, так ему и надо! Будет помнить!

Богомазов. Будет, будет... Ну, до свиданья, князь, а то огни начнут тушить.

Долгоруков. До свиданья.

---

[1] До свидания, господин барон *(фр.)*.

[2] До свидания, мадам. До свидания, мадемуазель *(фр.)*.

Богомазов. Только, Петя, на прощанье говорю дружески: ой, придержите язык. *(Скрывается.)*

Долгоруков допивает шампанское, выходит из чащи.

Воронцова. Князь...

Долгоруков. Графиня...

Воронцова. Почему вы одни? Вы скучали?

Долгоруков. Помилуйте, графиня, возможно ли скучать в вашем доме? Упоительный бал!

Воронцова. А мне взгрустнулось как-то.

Долгоруков. Вы огорчаете меня, графиня. Но это нервическое, уверяю вас.

Воронцова. Нет, грусть безысходна... Сколько подлости в мире! Вы не задумывались над этим?

Долгоруков. Всякий день, графиня. Тот, у кого чувствительное сердце, не может не понимать этого. Падение нравов, таков век, графиня! Но к чему эти печальные мысли?

Воронцова. Pendard!..[1] Висельник! Негодяй!

Долгоруков. Вы больны, графиня! Я кликну людей!

Воронцова. Я слышала, как вы кривлялись... вы радовались тому, что какой-то подлец посылает затравленному... пасквиль... Вы сами сделали это! И если бы я не боялась нанести ему еще один удар, я бы выдала вас ему! Вас надо убить как собаку! Надеюсь, что вы погибнете на эшафоте! Вон из моего дома! Вон! *(Скрывается.)*

Начинает убывать свет.

Долгоруков *(один)*. Подслушала. Ох, дикая кошка! Тоже, наверно, любовница его. Кто-то слышал за колонной... Да, слышал... А все он! Все из-за него! Ну ладно, вы вспомните меня! Вы вспомните меня все, клянусь вам! *(Хромая, идет к колоннаде.)*

Тьма.

Потом из тьмы — свечи за зелеными экранами. Ночь. Казенный кабинет. За столом сидит Леонтий Васильевич Дубельт. Дверь приоткрывается, показывается жандармский ротмистр Ракеев.

Ракеев. Ваше превосходительство, Битков к вам.

Дубельт. Да.

Ракеев скрывается. Входит Битков.

---

[1] Висельник! *(фр.)*

Битков. Здравия желаю, ваше превосходительство.

Дубельт. А, наше вам почтенье. Как твое здоровье, любезный?

Битков. Вашими молитвами, ваше превосходительство.

Дубельт. Положим, и в голову мне не впадало за тебя молиться. Но здоров? Что ночью навестил?

Битков. Находясь в неустанных заботах, поелику...

Дубельт. В заботах твоих его величество не нуждается. Тебе что препоручено? Секретное наблюдение, каковое ты и должен наилучше исполнять. И говори не столь витиевато, ты не на амвоне.

Битков. Слушаю. В секретном наблюдении за камер-юнкером Пушкиным проник я даже в самое его квартиру.

Дубельт. Ишь ловкач! По шее тебе не накостыляли?

Битков. Миловал бог.

Дубельт. Как камердинера-то его зовут? Фрол, что ли?

Битков. Никита, ваше превосходительство.

Дубельт. Ротозей Никита. Далее.

Битков. Первая комната, ваше превосходительство, столовая...

Дубельт. Это в сторону.

Битков. Вторая — гостиная. В гостиной, на фортепиано, лежат сочинения господина камер-юнкера.

Дубельт. На фортепиано? Какие же сочинения?

Битков. Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя. То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя. То по кровле обветшалой вдруг соломой зашумит... То, как путник запоздалый, к нам в окошко застучит... Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя. То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя!

Дубельт. Экая память у тебя богатая! Дальше.

Битков. С превеликой опасностью я дважды проникал в кабинет, каковой кабинет весь заполнен книгами.

Дубельт. Какие книги?

Битков. Что успел, запомнил, ваше превосходительство. По левую руку от камина — «Сова, ночная птица», «Кавалерист-девица», «История славного вора Ваньки-Каина»... и о запое и о лечении оного в наставление каждому, в университетской типографии...

Дубельт. Последнюю книгу тебе рекомендую. Пьешь?

Битков. В рот не беру, ваше превосходительство.

Дубельт. Оставим книги. Далее.

Битков. Сегодня обнаружил лежащую на полу чрезвычайной важности записку: «Приезжай ко мне немедленно, иначе будет беда». Подпись — «Вильям Джук».

Дубельт звонит. Входит Ракеев.

Дубельт. Василия Максимовича ко мне.

Ракеев выходит. Входит Василий Максимович, чиновник в статском.

Вильям Джук.

Василий Максимович. Уж все перерыли, ваше превосходительство, такого нет в Санкт-Петербурге.

Дубельт. Надобно, чтобы к завтрему был.

Василий Максимович. Нахожусь в недоумении, ваше превосходительство, нету такого.

Дубельт. Что за чудеса, англичанин в Питере провалился!

Ракеев *(входит)*. Ваше превосходительство, Иван Варфоломеевич Богомазов по этому же делу.

Дубельт. Да.

Ракеев выходит. Входит Богомазов.

Богомазов. Прошу прощенья, ваше превосходительство. Отделение Джука ищет? Это — Жуковский, он шуточно подписываться любит.

Дубельт *(махнув рукой Василию Максимовичу)*. Хорошо. *(Богомазову.)* Извольте подождать там, Иван Варфоломеевич, я вас сейчас приму.

Василий Максимович и Богомазов выходят.

Ну, не сукин ты сын после этого? Дармоеды! Наследника-цесаревича воспитатель, Василий Андреевич Жуковский, действительный статский советник! Ведь ты почерк должен знать!

Битков. Ай, проруха! Виноват, ваше превосходительство!

Дубельт. Отделение взбудоражил! Тебе морду надо бить, Битков! Дальше.

Битков. Сегодня же к вечеру на столе появилось письмо, адресованное иностранцу.

Дубельт. Опять иностранцу?

Битков. Иностранцу, ваше превосходительство. В голландское посольство, господину барону Геккерену, Невский проспект.

Дубельт. Битков! *(Протягивает руку.)* Письмо, письмо мне сюда подай на полчаса.

Битков. Ваше превосходительство, как же так письмо? Сами посудите, на мгновенье заскочишь в кабинет, руки трясутся. Да ведь он придет, письма хватится. Ведь это риск!

Дубельт. Жалованье получать у вас ни у кого руки не трясутся. Точно узнай, когда будет доставлено письмо, кем и кем будет в посольстве принято и кем будет доставлен ответ. Ступай.

Битков. Слушаю. Ваше превосходительство, велите мне жалованье выписать.

Дубельт. Жалованье? За этого Джука с тебя еще получить следует. Ступай к Василию Максимовичу, скажи, что я приказал выписать тридцать рублей.

Битков. Что же тридцать рублей, ваше превосходительство? У меня детишки...

Дубельт. Иуда искариотский иде к архиереям, они же обещаша сребреники дати... И было этих сребреников, друг любезный, тридцать. В память его всем так и плачу.

Битков. Ваше превосходительство, пожалуйте хоть тридцать пять.

Дубельт. Эта сумма для меня слишком грандиозная. Ступай и попроси ко мне Ивана Варфоломеевича Богомазова.

Битков уходит. Входит Богомазов.

Богомазов. Ваше превосходительство, извольте угадать, что за бумага?

Дубельт. Гадать грех. Это копия письма к Геккерену.

Богомазов. Леонтий Васильевич, вы колдун. *(Подает бумагу.)*

Дубельт. Нет, это вы колдун. Как же это вы так искусно?

Богомазов. Черновичок лежал в корзине. К сожалению, неполное.

Дубельт. Благодарю вас. Отправлено?

Богомазов. Завтра камердинер повезет.

Дубельт. Еще что, Иван Варфоломеевич?

Богомазов. Был на литературном завтраке у Салтыкова.

Дубельт. Что говорит этот старый враль?

Богомазов. Ужас! Государя императора называет le grand bourgeois. *(Вынимает бумагу.)* И тогда же Петя Долгоруков дал списать.

Дубельт. Bancal?[1]

Богомазов. Он самый.

Дубельт. Так. Еще, Иван Варфоломеевич?

Богомазов. Воронцовский бал. *(Подает бумагу.)*

Дубельт. Благодарю вас.

Богомазов. Леонтий Васильевич, надобно на хромого Петьку внимание обратить. Ведь это что несет, сил человеческих нету! Холопами всех так и чешет! Вторую ногу ему переломить мало... Говорит, что от святого мученика происходит.

Дубельт. Дойдет очередь и до мучеников.

Богомазов. Честь имею кланяться, ваше превосходительство.

Дубельт. Чрезвычайные услуги оказываете, Иван Варфоломеевич. Я буду иметь удовольствие о вас графу доложить.

Богомазов. Леонтий Васильевич, душевно тронут. Исполняю свой долг.

Дубельт. Понимаю, понимаю. Деньжонок не надобно ли, Иван Варфоломеевич?

Богомазов. Да рубликов двести не мешало бы.

Дубельт. А я вам триста выпишу для ровного счета, тридцать червонцев. Скажите, пожалуйста, Василию Максимовичу.

Богомазов кланяется, выходит.

Дубельт один, читает бумаги, принесенные Богомазовым.

Буря мглою небо кроет... вихри снежные крутя... *(Слышит что-то, глядит в окно, поправляет эполеты.)*

Дверь открывается, появляется жандарм Пономарев. Вслед за ним входит Николай I в кирасирской каске и шинели, а за Николаем — Бенкендорф.

Николай I. Здравствуй.

Дубельт. Здравия желаю, ваше императорское величество. В штабе корпуса жандармов, ваше императорское величество, все обстоит в добром порядке.

Николай I. Проезжал с графом, вижу, у тебя огонек. Занимаешься? Не помешал ли я?

Дубельт. Пономарев, шинель!

Пономарев принимает шинели Николая I и Бенкендорфа, выходит.

Николай I *(садясь)*. Садись, граф. Садись, Леонтий Васильевич.

Дубельт. Слушаю, ваше величество.

---

[1] Хромой? *(фр.)*

Николай I. Над чем работаешь?

Дубельт. Стихи читаю, ваше величество. Собирался докладывать его сиятельству.

Николай I. А ты докладывай, я не буду мешать. *(Берет какую-то книгу, рассматривает.)*

Дубельт. Вот, ваше сиятельство, бездельники в списках распространяют пушкинское стихотворение по поводу брюлловского распятия. Помните, вы изволили приказать поставить к картине караул?.. К сожалению, в отрывках. *(Читает.)*

«Но у подножия теперь креста честнаго,
Как будто у крыльца правителя градскаго,
Мы зрим поставленых на место жен святых
В ружье и кивере двух грозных часовых.
К чему, скажите мне, хранительная стража?
Или распятие казенная поклажа,
И вы боитеся воров или мышей?..»

Здесь пропуск.

«...Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов искупила,
И, чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ?»

Бенкендорф. Как это озаглавлено?

Дубельт. «Мирская власть».

Николай I. Этот человек способен на все, исключая добра. Ни благоговения к божеству, ни любви к отечеству. Ах, Жуковский! Все заступается... И как поворачивается у него язык... Семью жалко, жену жалко, хорошая женщина... Продолжай, Леонтий Васильевич.

Дубельт. Кроме сего, у студента Андрея Ситникова при обыске найдено краткое стихотворение, в копии также, подписано «А. Пушкин».

Бенкендорф. Прочитайте, пожалуйста.

Дубельт. Осмелюсь доложить, ваше сиятельство, неудобное.

Николай I *(перелистывая книгу)*. Прочитай.

Дубельт *(читает)*. «В России нет закона,
А столб, и на столбе — корона».

Николай I. Это он?

Дубельт. В копии подписано «А. Пушкин».

Бенкендорф. Отменно любопытно то, что кто бы ни писал подобные гнусности, а ведь припишут господину Пушкину. Уж такова персона.

Николай I. Ты прав. *(Дубельту.)* Расследуйте.

Бенкендорф. Есть что-нибудь срочное?

Дубельт. Как же, ваше сиятельство. Не позднее послезавтрашнего дня я ожидаю в столице дуэль.

Бенкендорф. Между кем и кем?

Дубельт. Между двора его величества камер-юнкером Александром Сергеевичем Пушкиным и поручиком кавалергардского полка бароном Егором Осиповичем Геккереном-Дантес. Имею копию черновика оскорбительного письма Пушкина к барону Геккерену-отцу.

Николай I. Прочитай письмо.

Дубельт *(читает).* «...подобно старой развратнице, вы подстерегали мою жену, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного сына... И когда, больной позорною болезнью, он оставался дома, вы говорили...» пропуск... «не желаю, чтобы жена моя продолжала слушать ваши родительские увещания...» пропуск... «ваш сын осмеливался разговаривать с ней, так как он подлец и шалопай. Имею честь быть...»

Николай I. Он дурно кончит. Я говорю тебе, Александр Христофорович, он дурно кончит. Теперь я это вижу.

Бенкендорф. Он бреттер, ваше величество.

Николай I. Верно ли, что Геккерен нашептывал Пушкиной?

Дубельт *(глянув в бумагу).* Верно, ваше величество. Вчера на балу у Воронцовой.

Николай I. Посланник!.. Прости, Александр Христофорович, что такую обузу тебе навязал. Истинное мучение.

Бенкендорф. Таков мой долг, ваше величество.

Николай I. Позорной жизни человек. Ничем и никогда не смоет перед потомками с себя сих пятен. Но время отомстит ему за эти стихи, за то, что талант обратил не на прославление, а на поругание национальной чести. И умрет он не по-христиански... Поступить с дуэлянтами по закону. *(Встает.)* Спокойной ночи. Не провожай меня, Леонтий Васильевич. Засиделся я, пора спать. *(Выходит в сопровождении Бенкендорфа.)*

Через некоторое время Бенкендорф возвращается.

Бенкендорф. Хорошее сердце у императора.

Дубельт. Золотое сердце.

Пауза.

Бенкендорф. Так как же быть с дуэлью?

Дубельт. Это как прикажете, ваше сиятельство.

Пауза.

Бенкендорф. Извольте послать на место дуэли с тем,чтобы взяли их с пистолетами и под суд. Примите во внимание, место могут изменить.

Дубельт. Понимаю, ваше сиятельство.

Пауза.

Бенкендорф. Дантес каков стрелок?

Дубельт. Туз — десять шагов.

Пауза.

Бенкендорф. Императора жаль.

Дубельт. Еще бы.

Пауза.

Бенкендорф *(вставая)*. Примите меры, Леонтий Васильевич, чтобы люди не ошиблись, а то поедут не туда...

Дубельт. Слушаю, ваше сиятельство.

Бенкендорф. Покойной ночи, Леонтий Васильевич. *(Выходит.)*

Дубельт *(один)*. Буря мглою небо кроет... вихри снежные крутя... Не туда! Тебе хорошо говорить... Буря мглою небо кроет... Не туда... *(Звонит.)*

Дверь приоткрывается.

Ротмистра Ракеева ко мне.

Темно.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Квартира Геккерена. Ковры, картины, коллекция оружия. Геккерен сидит и слушает музыкальную шкатулку. Входит Дантес.

Дантес. Добрый день, отец.

Геккерен. А, мой дорогой мальчик, здравствуй. Ну, иди сюда, садись. Я давно тебя не видел и соскучился. Отчего у тебя недовольное лицо? Откройся мне. Своим молчанием ты причиняешь мне боль.

Дантес. J'étais très fatigué ces-jours-ci...[1] У меня сплин.

---

[1] Я очень утомился за эти дни... *(фр.)*

Вот уже третий день метель. Мне представляется, что ежели бы я прожил здесь сто лет, я бы все равно не привык к такому климату. Летит снег, и все белое.

Геккерен. Ты хандришь. А, это дурно!

Дантес. Снег, снег, снег... Что за тоска! Так и кажется, что на улицах появятся волки.

Геккерен. А я привык за эти четырнадцать лет. Il n'y a pas d'autre endroit au monde, qui me donne comme Pétersbourg le sentiment d'être à la maison[1]. Когда мне становится скучно, я запираюсь от людей, я любуюсь, и скука убегает. Послушай, какая прелесть! Я сегодня купил.

Шкатулка играет.

Дантес. Не понимаю твоего пристрастия к этому хламу.

Геккерен. О нет, это не хлам. Я люблю вещи, как женщина — тряпки. Да что с тобою?

Дантес. Мне скучно, отец.

Геккерен. Зачем ты это сделал, Жорж? Как хорошо, как тихо мы жили вдвоем.

Дантес. Смешно говорить об этом. Ты-то знаешь, что я не мог не жениться на Екатерине.

Геккерен. Вот я и говорю: твои страсти убьют меня. Зачем ты разрушил наш очаг? Лишь только в доме появилась женщина, я стал беспокоен, у меня такое чувство, как будто меня выгнали из моего угла. Я потерял тебя, в дом вошла беременность, шум, улица. Я ненавижу женщин.

Дантес. Ne croyez pas de grâce, que j'aie oublié cela[2]. Я это знаю очень хорошо.

Геккерен. Ты неблагодарен, ты растоптал покой.

Дантес. Это несносно! Посмотри, все смешалось и исчезло.

Геккерен. Ну, а теперь на что ты можешь жаловаться? Ведь ты увидишь ее? Твои желания исполнены. Ну, а о моих никто не думает. Нет, другой бы давно отвернулся от тебя.

Дантес. Я хочу увезти Наталью в Париж.

Геккерен. Что такое? О боже! Этого даже я не

---

[1] На всем свете нет другого места, кроме Петербурга, где бы я чувствовал себя как дома *(фр.)*.

[2] Ради бога, не думайте, что я об этом забыл *(фр.)*.

ожидал. Ты подумал о том, что ты говоришь? Стало быть, мало того, что ты меня лишил покоя, но ты хочешь и вовсе разбить жизнь. Он бросит здесь беременную жену и похитит ее сестру! Чудовищно! Что же ты сделаешь со мной? Вся карьера, все кончено! Все погибнет! Да нет, я не верю. Какая холодная жестокость, какое себялюбие! Да, наконец, какое безумие!

Стук.

Да, да.

Слуга *(подает письмо)*. Вашему превосходительству. *(Выходит.)*

Геккерен. Одну минуту, ты позволишь?

Дантес. Пожалуйста.

Геккерен читает письмо, роняет его.

Что такое?

Геккерен. Я говорил тебе. Читай.

Дантес *(читает)*. Так. Так.

Пауза.

Геккерен. Как смеет? Мне? Он забыл, с кем имеет дело! Я уничтожу его! Мне?!

Пауза.

Беда. Вот пришла беда. Что ты сделал со мною?

Дантес. Ты меня упрекаешь за чужую гнусность?

Геккерен. Это бешеный зверь! Жорж, ты отдал меня в руки бреттера.

Дантес. О, не спеши. *(Отходит к окну.)* Все занесло, все погребено... Речь идет не о тебе. У этого господина плохой стиль. Я не понимаю, почему он вообразил, что он литератор? У него плохой стиль, я всегда это утверждал.

Геккерен. Не притворяйся. Зачем ты проник в его дом? Какую роль ты меня заставил играть? Он уже бросался на нас один раз. У меня до сих пор в памяти лицо с оскаленными зубами. Зачем ты хочешь соблазнить ее?

Дантес. Я люблю ее.

Геккерен. Не повторяй! Ты никого не любишь, ты ищешь наслаждения! Не противоречь! Что мне делать теперь? Вызывать его? Но как я гляну в лицо королю? Да даже ежели бы каким-нибудь чудом мне удалось убить его... Что делать?

Стук. Слуга вводит Строганова. Тот слепой. Слуга выходит.

Строганов. Mille excuses...[1] Простите, дорогой барон, что опаздываю к обеду, но послушайте, что делается... Я не помню такой метели.

Геккерен. Во всякую минуту, граф, вы мой желанный гость.

Строганов *(нащупав руку Дантеса).* Это молодой барон Геккерен. Узнаю вашу руку. Но она ледяная. Вас что-нибудь обеспокоило?

Геккерен. Граф, у нас случилось несчастье. Помогите нам советом. Только что я получил ужасное письмо от человека, который ненавидит меня и Жоржа.

Дантес. Я против того, чтобы оглашать это письмо.

Геккерен. О нет, ты не можешь вмешиваться, письмо адресовано мне. А граф — мой друг. Письмо написано Пушкиным.

Строганов. Александром?

Геккерен. Да. Наши враги распустили злокозненный слух, и это причина мерзкой выходки. Бешеный ревнивец вообразил, что барон Дантес обращает внимание на его жену. Чтобы усугубить оскорбление, он пишет бранное письмо мне.

Строганов. Племянница моя обещала быть красавицей. Сейчас я не могу, к сожалению, судить, оправдались ли эти надежды.

Геккерен. Я заранее прошу простить меня за то, что вы услышите сейчас. *(Читает.)* «...Вы отечески сводничали вашему сыну... подобно старой развратнице, вы подстерегали мою жену в углах, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного сына...» Он чистое имя матери забрасывает грязью в злобе! Я не знаю, кто этому безумцу нашептал, что я якобы подстрекал Жоржа! Далее он пишет, что Жорж болен дурной болезнью... Он осыпает его площадной бранью, он угрожает! Нет, я не могу читать больше.

Строганов. Не веришь, что это пишет русский дворянин. Ах, какой век! Какая разнузданность! Дорогой барон, он бросает перчатку не только вам. Ежели он пишет так представителю коронованной главы, он вызывает общество. Он карбонарий. Да, барон, это плохо. Это опасное письмо.

Геккерен. Что же, я, полномочный королевский

---

[1] Тысяча извинений... *(фр.)*

представитель, должен вызвать его? Граф, я теряюсь. Помогите советом. Мне вызывать?..

Строганов. О нет.

Геккерен. Он бросается, как ядовитый зверь! Барон Дантес не подал ему повода!

Строганов. После этого письма, барон, уже не имеет значения, подавал ли барон Дантес ему повод или не подавал. Но вам с ним драться нельзя. Про барона Дантес могут сказать, что он послал отца...

Дантес. Что могут сказать про меня?

Строганов. Но не скажут, я полагаю. *(Геккерену.)* Вы должны написать ему, что его вызывает барон Дантес. А о себе прибавьте только одно, что вы сумеете внушить ему уважение к вашему званию.

Дантес. Так будет.

Геккерен. Да, будет так. Благодарю вас бесконечно, граф, мы слишком злоупотребили вашим вниманием. Но умоляю, оцените всю тяжесть оскорбления, которое нанесли. Пойдемте, граф, стол готов. *(Уводит Строганова.)*

Дантес один. Вдруг сбрасывает шкатулку на пол, та отвечает ему стоном. Берет пистолет, стреляет в картину, не целясь. Геккерен вбегает.

Геккерен. Что ты делаешь?! Ах, сердце...

Дантес молча поворачивается и уходит. Темно.

Из тьмы — багровое зимнее солнце на закате. Ручей в сугробах. Горбатый мост. Тишина и безлюдье.

Через некоторое время на мост поднимается Геккерен. Встревожен, что-то ищет взором вдали. Собирается двинуться дальше,— в этот момент донесся негромкий пистолетный выстрел. Геккерен останавливается, берется за перила. Пауза. Потом опять негромко щелкнуло вдали. Геккерен поникает. Пауза.

На мост входит Дантес. Шинель его наброшена на одно плечо и волочится. Сюртук в крови и снегу. Рукав сюртука разрезан, рука обвязана окровавленным платком.

Геккерен. Небо! О небо! Благодарю тебя! *(Крестится.)* Обопрись о меня. Платок, на платок...

Дантес. Нет. *(Берется за перила, отплевывается кровью.)*

Геккерен. Грудь, грудь цела ли?

Дантес. Он хорошо прицелился... Но ему не повезло...

На мост поднимается Данзас.

Данзас. Это ваша карета?

Геккерен. Да, да.

Данзас. Благоволите уступить ее другому противнику.

Геккерен. О да. О да.

Данзас. Кучер! Ты, в карете! Объезжай низом, там есть дорога! Что ты глаза вытаращил, дурак! Низом подъезжай к поляне! *(Убегает с моста.)*

Геккерен *(тихо).* А тот?

Дантес. Он больше ничего не напишет.

Темно.

Из тьмы — зимний день к концу.

В квартире Пушкина, у кабинетного камина, в кресле, Никита в очках, с тетрадью.

Никита *(читает).* «На свете счастья нет...» Да, нету у нас счастья... «Но есть покой и воля...» Вот уж чего нету так нету. По ночам не спать, какой уж тут покой! «Давно, усталый раб, замыслил я побег...» Куда побег? Что это он замыслил? «Давно, усталый раб, замыслил я побег...» Не разберу.

Битков *(входит).* В обитель дальнюю трудов и чистых нег. Здорово, Никита Андреевич.

Никита. Ты откуда знаешь?

Битков. Вчера в Шепелевском дворце был у господина Жуковского, подзорную трубу починял. Читали гостям эти самые стихи.

Никита. А. Ну?

Битков. Одобрительный отзыв дали. Глубоко, говорят.

Никита. Глубоко-то оно глубоко...

Битков. А сам-то он где?

Никита. Кататься поехал с Данзасом, надо быть, на горы.

Битков. Зачем с Данзасом? Это с полковником? Отчего же его до сих пор нету?

Никита. Что ты чудной какой сегодня? Выпивши, что ли?

Битков. Я к тому, что поздно. Обедать пора.

Никита. Тебе-то чего беспокоиться? К обеду он тебя, что ли, звал?

Битков. Я полагаю, камердинер все должен знать.

Никита. Ты лучше в кабинете на часы погляди. Что же ты чинил? Час показывают, тринадцать раз бьют.

Битков. Поглядим. Всю механику в порядок поставим. *(Уходит в глубь кабинета.)*

Колокольчик. Из столовой в гостиную входит Жуковский.

Никита. Ваше превосходительство, пожалуйте.

Жуковский. Как это поехал кататься? Его нет дома?

Никита. Одна Александра Николаевна. А детишки с нянькой к княгине пошли...

Жуковский. Да что же это такое, я тебя спрашиваю?

Гончарова *(входит)*. Бесценный друг! Здравствуйте, Василий Андреевич!

Жуковский. Здравствуйте, Александра Николаевна. Позвольте вас спросить, что это такое? Я не мальчик, Александра Николаевна!

Гончарова. Что вас взволновало, Василий Андреевич? Садитесь. Как ваше здоровье?

Жуковский. Ma santé est gâtée par les attaques de nerfs[1]. И все из-за него.

Гончарова. А что такое?

Жуковский. Да помилуйте! Вчера как оглашенный скачет на извозчике, с извозчика кричит, что зайти ко мне не может, просит зайти к себе сегодня, я откладываю дела, еду сюда, а он, изволите ли видеть, кататься уехал!

Гончарова. Ну, простите его, я вас прошу, тут какая-то путаница. Право, вас следует расцеловать за хлопоты об Александре.

Жуковский. Ах, не надобно мне никаких поцелуев... Простите, забылся... Отрекаюсь на веки веков! Из чего я хлопочу, позвольте спросить? Только что-нибудь наладишь, а он тотчас же испакостит! Кажется, умом он от природы не обижен, а ежели он теперь поглупел, так его драть надобно!

Гончарова. Да что случилось, Василий Андреевич?

Жуковский. А то, что царь гневается на него, вот что-с! Извольте-с: третьего дни на бале государь... и что скажешь, ну что скажешь? Я сгорел со стыда! Извольте видеть, стоит у колонны во фраке и в черных портках!.. Извините, Александра Николаевна... Никита!

Никита входит.

Ты что барину на бал подал позавчера?

Никита. Фрак.

Жуковский. Мундир надобно было подать, мундир!

Никита. Они велели, не любят они мундир.

Жуковский. Мало ли чего он не любит? А может,

---

[1] Мое здоровье испорчено нервными приступами *(фр.)*.

он тебе халат велит подать? Это твое дело, Никита. Ступай, ступай.

Никита. Ах ты, горе... *(Уходит.)*

Жуковский. Скандал! Не любит государь фраков, государь фраков не выносит. Да он и права не имеет! Ему мундир по должности присвоен! Это непристойно, неприлично!.. Да что фрак, он опять об отставке начал разговаривать! Нашел время... Ведь он не работает, Александра Николаевна! Где история, которую он посулил?.. А тут опять про какие-то стихи его заговорили! Помните, что было?.. А у него доброжелателей множество, поверьте, натрубят в уши!

Гончарова. Ужасно то, что вы говорите, Василий Андреевич! Но он так взволнован, так болен в последнее время... так, иногда глаза закроешь, и кажется, что летим в пропасть... все запуталось.

Жуковский. Распутаться надобно, это блажь. У государя добрейшее сердце, но искушать нельзя. Нельзя искушать. Смотрите, Александра Николаевна, Наталье Николаевне скажите... Оттолкнет от себя государя, потом не поправишь!

Гончарова. Чем отблагодарим вас, Василий Андреевич?

Жуковский. Да что благодарности!.. Я ему не нянька! Вредишь? Вреди, вреди, себе вредишь!.. Прощайте, Александра Николаевна.

Гончарова. Ах нет, нет. Как же так? Останьтесь, подождите, он сейчас придет, он сейчас приедет...

Жуковский. И видеть его не намерен, да мне и некогда.

Гончарова. Смените гнев на милость, он исправится...

Жуковский. Ах, полно, Александра Николаевна. Et cette dernière chose je ne compte guère!..[1] *(Идет к дверям, видит на фортепиано стопку книг.)* Я этого еще не видел, новый «Онегин»? А, хорошо!

Гончарова. Сегодня из типографии принесли.

Жуковский. А, хорошо, очень хорошо...

Гончарова. Я уже гадала сегодня по этой книге.

Жуковский. Как это по книге гадают? Погадайте мне.

Гончарова. Назовите какую-нибудь страницу.

---

[1] На это я уж не рассчитываю!.. *(фр.)*

Жуковский. Сто сорок четвертая.

Гончарова. А строка?

Жуковский. Ну, пятнадцатая.

Битков показывается у камина в кабинете.

Гончарова *(читает).* «Познал я глас иных желаний...»

Жуковский. Мне? Верно...

Гончарова. «Познал я новую печаль...»

Жуковский. Верно, верно...

Гончарова. «Для первых нет мне упований...»

Битков *(шепотом).* А старой мне печали жаль. *(Скрывается в кабинете.)*

Жуковский. А?

Гончарова. «А старой мне печали жаль».

Жуковский. Ах, ах!.. Как черпает мысль внутри себя! И ведь как легко находит материальное слово, соответственное мысленному! Крылат, крылат! О, полуденная кровь... Неблагодарный глупец! Сечь его, драть!

Сумерки окутывают квартиру.

Гончарова. А теперь вы мне.

Жуковский. Страница?

Гончарова. Сто тридцать девятая.

Жуковский. А строка?

Гончарова. Тоже пятнадцатая.

Жуковский *(читает).* «Приятно дерзкой эпиграммой взбесить оплошного врага...»

Пушкина остановилась в дверях.

Нет, что-то не то... «Приятно дерзкой эпиграммой взбесить оплошного врага... Еще приятнее в молчаньи ему готовить честный гроб...» Нет, не попали, Александра Николаевна. А, простите, Наталья Николаевна! Шумим, шумим, стихи читаем...

Пушкина. Добрый день, Василий Андреевич, рада вас видеть. Читайте, на здоровье, я никогда не слушаю стихов. Кроме ваших...

Жуковский. Наталья Николаевна, побойтесь бога!

Пушкина. Кроме ваших, Василий Андреевич. Votre dernière ballade m'a fait un plaisir infini...[1]

Жуковский. Не слушаю, не слушаю...

В кабинете пробили часы.

---

[1] Ваша последняя баллада доставила мне истинное наслаждение... *(фр.)*

Ах, батюшки! Мне к цесаревичу... Au revoir, chère madame, je m'aperçois que je suis trop bavard...[1]

Пушкина. Обедайте с нами.

Жуковский. Благодарствуйте, никак не могу. Au revoir, mademoiselle, извольте же сказать ему! *(Уходя.)* Прошу не провожать меня.

Сумерки.

Гончарова. Таша, Василий Андреевич приезжал сказать насчет неприятностей на бале из-за фрака.

Пушкина. Как это скучно! Я предупреждала.

Гончарова. Что с тобою?

Пушкина. Оставь меня.

Гончарова. Я не могу понять тебя. Неужели ты не видишь, что все эти неприятности из-за того, что он несчастлив? А ты с таким равнодушием относишься к тому, что может быть причиной беды для всей семьи?

Пушкина. Почему никто и никогда не спросил меня, счастлива ли я? С меня умеют только требовать. Но кто-нибудь пожалел меня когда? Что еще от меня надобно? Я родила ему детей и всю жизнь слышу стихи, только стихи... Ну, и читайте стихи! Счастлив Жуковский, и Никита счастлив, и ты счастлива... и оставьте меня!

Гончарова. Не к добру расположена твоя душа, не к добру. Вижу... ты не любишь его.

Пушкина. Большей любви я дать не могу.

Гончарова. Увы, я знаю твои мысли. И мне больно за семью.

Пушкина. Ну, и знай.

Пауза.

Знай, что и сегодня я должна была с ним увидеться, а он не пришел. И мне скучно.

Гончарова. Вот на какой путь ты становишься!

Пушкина. Да что тебя волнует? Разве он одинок? Ты ухаживаешь за ним, а я смотрю на это вот так... *(Подносит пальцы к глазам.)*

Гончарова. Ты с ума сошла! Не смей так говорить, не смей, не смей! Мне жаль его, его все бросили!..

Пушкина. Погляди мне в глаза...

Никита *(в дверях)*. Полковник Данзас просит вас принять.

Пушкина. Откажи, не могу принять.

Данзас *(входит в шинели)*. Приношу мои извинения.

---

[1] До свидания, мадам, я чувствую, что заболтался... *(фр.)*

Вам придется меня принять. Я привез Александра Сергеевича, он ранен. *(Никите.)* Ну, что стоишь? Помогай вносить его, только осторожнее, смотрите.

Никита. Владычица небесная... Александра Николаевна, беда!

Данзас. Не кричи. Не тряхните его.

Никита убегает.

Велите дать огня.

Пушкина сидит неподвижно.

Гончарова. Огня, огня!

Битков с зажженным канделябром появляется в дверях кабинета.

Данзас. Беги, помогай его вносить.

Битков убегает с канделябром.

Из внутренних дверей появилась горничная девушка со свечой. В кабинет из передней пробежал Битков с канделябром и скрылся в глубине, а вслед за ним группа людей в сумерках пронесла кого-то в глубь кабинета.

Данзас тотчас закрыл дверь в кабинет.

Пушкина. Пушкин! Что с тобой?

Данзас. Нет, нет, не входите, прошу вас. Он не велел входить, пока его не перевяжут. И не кричите, вы его встревожите. *(Гончаровой.)* Ведите ее к себе, я приказываю.

Пушкина *(упав на колени перед Данзасом).* Я не виновата! Клянусь, я не виновата!

Данзас. Тише, тише. Ведите ее.

Гончарова и горничная девушка увлекают Пушкину во внутренние комнаты.

Битков выбегает из кабинета и закрывает за собою дверь.

Данзас вынимает деньги.

Лети в Миллионную, не торгуйся с извозчиком, к доктору Арендту, знаешь? И вези его сюда сию минуту. Ежели его нету, где хочешь достань доктора, какого ни встретишь, вези сюда!

Битков. Слушаю. Понял, ваше высокоблагородие.

На улице за окнами послышалась веселая военная музыка.

Битков бросается к окну.

Ах ты, господи! Гвардия идет... Не пропустят. Я черным ходом, проходным двором... *(Убегает.)*

Гончарова появляется.

Гончарова. Дантес?.. Говорите правду, что с ним?

Данзас. Он ранен смертельно.

Темно.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ночь. Гостиная Пушкина. Зеркала завешены. Какой-то ящик, солома. Стоит диванчик. На диванчике, не раздевшись, спит Данзас. Все двери закрыты. С улицы доносится по временам глухой гул толпы. Из кабинета тихонько появляется Жуковский со свечкой, сургучом и печатью. Ставит свечку на фортепиано, подходит к окну, всматривается.

Жуковский. Ай-яй-яй...

Данзас. А? *(Садится.)* Мне приснилось, что я на гауптвахте. Ну, это, натурально, сон в руку.

Жуковский. Константин Карлович, я буду за вас просить государя.

Данзас. Благодарю вас, но не извольте трудиться. Уж будем отвечать по закону. *(Щупает эполеты.)* Прощайте. Эх, линейные батальоны, Кавказские горы!

Жуковский. Извольте глянуть, что на улице делается! Толпы растут и растут. Кто бы мог ожидать?

Данзас. Я уже насмотрелся.

Из дверей во внутренние комнаты выходит Пушкина, с нею — горничная девушка.

Горничная девушка. Барыня, извольте идти к себе... барыня, пожалуйте...

Пушкина *(девушке)*. Уйди.

Горничная девушка отходит.
Пушкина подходит к дверям кабинета.

Пушкин, можно к тебе?

Данзас. Вот, не угодно ли?

Жуковский *(преградив Пушкиной дорогу)*. Наталья Николаевна, опомнитесь!

Пушкина. Какие глупости! Рана неопасна... он будет жить... Но надобно дать еще опию, чтобы прекратить страданья... и тотчас, тотчас вся семья на Полотняный Завод... почему они не кончают укладку?.. Приятно дерзкой эпиграммой взбесить оплошного врага... Приятно... приятно... в молчаньи... забыла, все забыла... Пушкин, вели, чтобы меня пустили к тебе!

Жуковский. Наталья Николаевна!..

Данзас *(в дверь столовой)*. Владимир Иванович! Доктор Даль!

Даль выходит.

Помогите нам.

Даль. Наталья Николаевна, вам здесь нечего делать... *(Берет склянку с фортепиано, капает в рюмку лекарство.)*

Пожалуйте, выпейте.

Пушкина отталкивает рюмку.

Так делать не годится. Вам станет легче.

Пушкина. Они не слушают меня, я хочу говорить с вами.

Даль. Говорите.

Пушкина. Он страдает?..

Даль. Нет, он более не страдает.

Пушкина. Не смейте меня пугать! Это низко!.. Вы доктор? Извольте помогать!.. но вы не доктор, вы сказочник, вы пишете сказки... а мне не надобны сказки... Спасайте человека! *(Данзасу.)* А вы!.. сами повезли его!..

Даль. Уйдемте отсюда, я помогу вам.

Горничная девушка берет под руку Пушкину.

Пушкина. Приятно дерзкой эпиграммой... все забыла... Александрине я не верю.

Даль и горничная девушка уводят Пушкину
Пауза.

Данзас. Что она мне говорит!..

Жуковский. Константин Карлович, как можно обращать внимание?.. Женщина, скорбная главой... Ведь ее заклюют теперь, заклюют...

Данзас. Он не уехал бы от меня! Поверьте, я вызвал бы его. Но не велел!.. И как вызовешь, когда завтра меня запрут.

Жуковский. Что вы говорите? Умножить горе хотите? Все кончено, Константин Карлович...

За закрытыми дверями очень глухо донесся тихий складный хор.
Данзас уходит через дверь в столовую и закрывает ее за собою.
Из внутренних комнат выходит Гончарова, подходит к окну.

Гончарова. А он этого не видит.

Жуковский. Нет, он видит, Александра Николаевна.

Гончарова. Василий Андреевич, я не пойду к ней больше. Оденусь сейчас и выйду на улицу. Мне тяжело... я не могу здесь больше оставаться.

Жуковский. Не поддавайтесь этому голосу, это темный голос, Александра Николаевна. Разве можно ее бросить? Ее надобно жалеть, ее люди загрызут теперь.

Гончарова. Да что вы меня мучаете?

Жуковский. Я вам велю, идите, идите туда.

Гончарова уходит.

Что ты наделал?.. *(Прислушивается к хору.)* Да, земля и

пепел... *(Садится, вынимает записную книжку, берет перо с фортепиано, записывает что-то.)* ...не сиял острый ум... *(Сочиняет, бормочет.)* ...в этот миг предстояло как будто виденье... и спросить мне хотелось. что видишь?..

Дубельт входит.

Дубельт. Здравствуйте, Василий Андреевич.

Жуковский. Здравствуйте, генерал.

Дубельт. Вы собираетесь запечатывать кабинет?

Жуковский. Да.

Дубельт. Я попрошу вас повременить, я войду в кабинет, а потом мы приложим и печать корпуса жандармов.

Жуковский. Как, генерал? Государю было угодно на меня возложить опечатание и разбор бумаг... я не понимаю... я должен разбирать бумаги один... Помилуйте, зачем же другая печать?

Дубельт. А разве вам неприятно, Василий Андреевич, ежели печать корпуса жандармов станет рядом с вашей печатью?

Жуковский. Помилуйте, но...

Дубельт. Бумаги должны быть представлены на прочтение графу Бенкендорфу.

Жуковский. Как? Но там же письма частных лиц! Помилуйте, ведь меня могут назвать доносчиком! Вы посягаете на единственное ценное, что имею, на доброе имя мое... Я доложу государю императору.

Дубельт. Вы изволите полагать, что корпус жандармов может действовать вопреки повелению государя императора? Вы полагаете, что вас осмелятся назвать доносчиком? Ах, Василий Андреевич!.. Неужели вы думаете, что правительство может принять такую меру с целью вредить кому-нибудь? Не для вреда это предпринимается, Василий Андреевич. Не будемте терять времени.

Жуковский. Повинуюсь.

Дубельт с канделябром входит в кабинет, потом возвращается, предлагает сургуч Жуковскому.

Жуковский прикладывает печать.

С улицы донесся звон стекла и шум.

Дубельт *(тихо)*. Эй!

Портьера внутренних дверей отодвигается, и появляется Битков.

Ты кто таков, любезный?

Битков. Я часовой мастер, ваше превосходительство.

Дубельт. Сбегай, друг, на улицу, узнай, что там случилось.

Битков. Слушаю. *(Скрывается.)*

Дубельт начинает запечатывать дверь кабинета.

Жуковский. Кто мог ожидать, чтобы смерть его вызвала такие толпы... всенародная печаль... Я полагаю, тысяч десять перебывало сегодня здесь.

Дубельт. По донесениям с пикетов, сегодня здесь перебывало сорок семь тысяч человек.

Пауза.

Битков *(входит)*. Там, ваше превосходительство, двое каких-то закричали, что иностранные лекаря нарочно залечили господина Пушкина, а тут доктор выходил,— какой-то швырнул кирпичом, фонарь разбил.

Дубельт. Ага.

Битков скрывается.

Ах, чернь, чернь...

Хор за дверями вдруг послышался громче.
Дубельт подходит к дверям во внутренние комнаты.

Пожалуйте, господа.

Внутренние двери открываются, и из них выходят, один за другим, в шинелях, с головными уборами в руках, десять жандармских офицеров.

К выносу, господа, прошу. Ротмистр Ракеев, потрудитесь руководить выносом. А вас, полковник, прошу остаться здесь. Примите меры, чтобы всякая помощь была оказана госпоже Пушкиной своевременно и незамедлительно.

Офицеры, вслед за Ракеевым, начинают выходить в столовую, кроме одного, который возвращается во внутренние комнаты.

А вы, Василий Андреевич? Останетесь с Натальей Николаевной, не правда ли? Страдалица нуждается в утешении...

Жуковский. Нет, я хочу нести его. *(Уходит.)*

Дубельт один. Поправляет эполеты и аксельбанты, идет к дверям столовой. Темно.

Ночь на Мойке. Скупой и тревожный свет фонарей. Окна квартиры Пушкина за занавесами налиты светом.

Подворотня. У подворотни — тише, а кругом гудит и волнуется толпа.

Полиция сдерживает толпу. Внезапно появляется группа студентов, пытается пробиться к подворотне.

Квартальный. Нельзя, господа студенты! Назад! Доступа нету!

Возгласы в группе студентов: «Что такое?», «Почему русские не могут поклониться праху своего поэта?».

Назад! Иваненко, сдерживай их! Не приказано! Не приказано пускать студентов!

Внезапно из группы студентов выделяется один и поднимается на фонарь.

Студент. Сограждане, слушайте! *(Достает листок, заглядывает в него.)* Не вынесла душа поэта позора мелочных обид!..

Гул в толпе стихает.
Полиция от удивления застыла.

Восстал он против мнений света... Один, как прежде, и убит!

В группе студентов: «Шапки долой!»

Квартальный. Господин! Что это вы делаете?

Студент. Убит! К чему теперь рыданья, похвал и слез ненужный хор... и жалкий лепет...

Полицейский засвистел.

Квартальный. Снимайте его с фонаря!

В толпе смятение. Женский голос: «Убили!..»

Студент. Не вы ль сперва так долго гнали...

Свист.
Полиция бросается к фонарю. Толпа загудела. Крик в толпе: «Беги!»

Квартальный. Чего глядите! Бери его!

Студент. Угас, как светоч, дивный гений!..

Слова студента тонут в гуле толпы.

Его убийца хладнокровно навел удар... Спасенья нет!.. *(Скрывается.)*

Квартальный. Держи его!

Полиция бросается вслед за студентом. Окна квартиры Пушкина начинают гаснуть. В то же время на другой фонарь поднимается офицер в армейской форме.

Офицер. Сограждане! То, что мы слышали сейчас, правда! Пушкин умышленно и обдуманно убит! И этим омерзительным убийством оскорблен весь народ!

Квартальный. Замолчать!..

Офицер. Гибель великого гражданина свершилась потому, что в стране неограниченная власть вручена недостойным лицам, кои обращаются с народом как с невольниками!..

Полиция засвистела пронзительно во всех концах.
В подворотне возник Ракеев.

Ракеев. Э-ге-ге... Арестовать!

Появились жандармы. Офицер исчезает в толпе. В тот же момент послышался топот лошадей. Крик в толпе: «Затопчут!..» Толпа шарахнулась, взревела.

Тесните толпу!

Пространство перед подворотней очистилось. Окна квартиры Пушкина угасли, а подворотня начала наливаться светом. Стихло.

И тут из подворотни потекло тихое, печальное пение, показались первые жандармские офицеры, показались первые свечи. Темно. Пение постепенно переходит в свист вьюги.

Ночь. Глухая почтовая станция. Свеча. Огонь в печке. Смотрительша припала к окошку, что-то пытается рассмотреть в метели.

За окошком мелькнул свет фонарей, послышались глухие голоса. Первым входит станционный смотритель с фонарем и пропускает вперед себя Ракеева и Александра Тургенева. Смотрительша кланяется.

Ракеев. Есть кто на станции?

Тургенев бросается к огню, греет руки.

Смотритель. Никого нету, ваше высокоблагородие, никого.

Ракеев. А это кто?

Смотритель. Жена моя, супруга, ваше высокоблагородие.

Тургенев. Что это, чай?.. Налейте мне, ради бога, стакан.

Ракеев. И мне стакан, только поскорее. Через час дашь лошадей, под возок тройку и под... это... пару.

Тургенев, обжигаясь, пьет чай.

Смотритель. Тройку-то ведь, ваше...

Ракеев. Через час дашь тройку. *(Берет стакан, пьет.)*

Смотритель. Слушаю, слушаю.

Ракеев. Мы на час приляжем. Ровно через час... часы-то есть у тебя? Через час нас будить. Александр Иванович, угодно, час поспим?

Тургенев. О да, да, я не чувствую ни рук, ни ног.

Ракеев. Ежели будет какой-нибудь проезжий, буди раньше и дай знать жандарму.

Смотритель. Понял, понял, слушаю.

Ракеев *(смотрительше)*. А тебе, матушка, нечего в окно смотреть, ничего там любопытного нету.

Смотритель. Ничего, ничего... Слушаю. Пожалуйте на чистую половину.

Смотрительша открывает дверь, входит в другую комнату, зажигает там свечку, возвращается. Ракеев идет в другую комнату. Тургенев — за ним.

Тургенев. О боже мой!..

Дверь за ними закрывается.

Смотрительша. Кого, кого это они?

Смотритель. Ежели ты на улицу выглянешь, я тебя вожжой! Беду с тобой наживешь! Вот оказия навязалась! И нужно же было им по этому тракту... Выглянешь, я тебе... Ты с ним не шути!

Смотрительша. Чего я там не видела!

Станционный смотритель выходит. Смотрительша тотчас припадает к окошку.

Наружная дверь открывается, в нее осторожно заглядывает Пономарев, потом входит.

Пономарев. Легли?

Смотрительша. Легли.

Пономарев. Давай на пятак, кости замерзли.

Смотрительша наливает стакан водки, подает огурцы. Пономарев выпивает, закусывает, трет руки.

Давай второй.

Смотрительша *(наливая)*. Да что же вы так? Вы бы сели и обогрелись.

Пономарев. Обогреешься тут.

Смотрительша. А куда путешествуете?

Пономарев. Ох вы, бабье племя! Все равно как Ева... *(Пьет, дает смотрительше деньги и уходит.)*

Смотрительша набрасывает платок и уже собирается выйти наружу, как в двери показывается Битков. Он в шубенке, уши у него под шапкой подвязаны платком.

Битков. Заснули? *(Охает, подходит к огню.)*

Смотрительша. Озябли?

Битков. Ты в окно погляди, чего ты спрашиваешь? *(Садится, разматывает платок.)* Ты — смотрительша. То-то я сразу вижу. Как звать?

Смотрительша. Анна Петровна.

Битков. Давай, Петровна, штоф.

Смотрительша подает штоф, хлеб, огурцы. Битков жадно пьет, снимает шубенку.

Что же это такое, а? Пресвятая богородица... пятьдесят пять верст... Вот связала!

Смотрительша. Кто это связала?

Битков. Судьба. *(Пьет.)* Ведь это рыбий мех, да нешто это мыслимо?..

Смотрительша. Ну, никому! Ну, никому, язык отсохни, никому не скажу! Кого везете?

Битков. Не твое дело, а государственное.

Смотрительша. И что же это, вы нигде не отдыхаете? Да ведь замерзнете.

Битков. О нас горевать не будут, а ему теперь не холодно. *(На цыпочках подходит к внутренней двери и прислушивается.)* Захрапели, это зря. Ведь сейчас же будить.

Смотрительша. Куда везете?

Битков. Но, но, но! У меня выпытывать! Это, тетка, не твое дело, это наше занятие.

Пауза.

В Святые Горы. Как его закопают, ну, тут и мою душу наконец на покаяние. В отпуск. Его в обитель дальнюю, а меня в отпуск. Ах, сколько я стихов переучил, будь они неладны...

Смотрительша. Что это вы меня мучаете, все непонятное говорите.

Битков *(выпивает, пьянеет)*. Да, стихи сочинял... И из-за тех стихов никому покоя, ни ему, ни начальству, ни мне, рабу божьему, Степану Ильичу... я ведь за ним всюду... но не было фортуны ему... как ни напишет, мимо попал, не туда, не те, не такие...

Смотрительша. Да неужто казнили его за это?

Битков. Ну, ну, ну... Ну что с бабой разговаривать! Ох, дура!

Смотрительша. Да что вы ругаетесь?

Битков. Да как же тебя не ругать? А впрочем, может быть, ты и не дура... Только я на него зла не питал, вот крест. Человек как человек. Одна беда, эти стихи... А я за ним всюду, даже и на извозчиках гонял. Он на извозчика, а я на другого — прыг! Он и не подозревает, потеха!

Смотрительша. Да ведь теперь-то он помер, теперь-то вы чего же за ним?..

Битков. Во избежание!.. Помер! Помереть-то он помер, а вон видишь, ночью, буря, столпотворение, а мы по пятьдесят верст, по пятьдесят верст!.. Вот тебе и помер! Я и то опасаюсь, зароем мы его, а будет ли толк? Опять, может, спокойствия не настанет?..

Смотрительша. А может, он оборотень?

Битков. Может, и оборотень.

Пауза.

Что это меня мозжит?.. Налей-ка мне еще. Что это меня сосет?.. Да, трудно помирал. Ох, мучился! Пулю-то он ему в живот засадил.

Смотрительша. Ай-яй-яй!

Битков. Да, руки закусывал, чтобы не крикнуть, жена чтобы не услыхала. А потом стих.

Пауза.

Только, истинный бог, я тут ни при чем! Я человек подневольный, погруженный в ничтожество... Ведь никогда его одного не пускали, куда он, туда и я... Ни на шаг, ни-ни-ни... А в тот день меня в другое место послали, в среду-то... Я сразу учуял. Один чтобы!.. Умные! Знают, что сам придет куда надо. Потому что пришло его время. Ну, и он прямо на Речку, а там уж его дожидаются.

Пауза.

Меня не было!

Пауза.

А в ихний дом мне теперь не ходить больше. Квартира там теперь пустая, чисто...

Смотрительша. А этот господин-то с вами?..

Битков. Александр Иванович, господин Тургенев, сопровождающий. Никого не пустили, ему одному велено. Господин Тургенев...

Смотрительша. А старичок-то?

Битков. Камердинер.

Смотрительша. Что же он не обогреется?

Битков. Не желает. Уж мы с ним бились, бились, бросили. Караулит, не отходит. Я ему вынесу. *(Встает.)* Ой, буря!.. Самые лучшие стихи написал: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя. То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя...» Слышишь, верно, как дитя?.. Сколько тебе за штоф?

Смотрительша. Не обидите.

Битков *(швыряет на стол деньги широким жестом)*. То по кровле обветшалой вдруг соломой зашумит, то, как путник запоздалый, к нам в окошко...

Входит станционный смотритель, подбегает к внутренним дверям, стучит.

Смотритель. Ваше высокоблагородие, ехать, ехать...

Во внутренних дверях тотчас показывается Ракеев.

Ракеев. Ехать!

Занавес

Конец

9 сентября 1939 года

БАТУМ

Пьеса в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Сталин.
Ректор семинарии.
Инспектор семинарии.
Одноклассник Сталина.
Варсонофий, служитель.
Сильвестр, рабочий.
Наташа, его дочь.
Порфирий, его сын.

Миха, Теофил, Канделаки, Геронтий, Дариспан, Климов, Котэ, Хиримьянц, Тодрия — рабочие.

Приказчик с завода.
Военный губернатор.
Адъютант губернатора.
Трейниц, жандармский полковник.
Ваншейдт, управляющий заводом.
Полицеймейстер.
Кякива, переводчик.
Околоточный.
Реджеб.
Вано, гимназист.
Уголовный.
Начальник тюрьмы.
1-й тюремный надзиратель.
2-й тюремный надзиратель.
Николай II.
Министр юстиции.
Флигель-адъютант.
Городовой.
Женщина в толпе.

Воспитанники 6-го класса семинарии, преподаватели семинарии, батумские рабочие, городовые, стражники, жандармы, уголовные в тюрьме, тюремные надзиратели, женщины-заключенные в тюрьме, два казака и курьер при губернаторе.

Действие происходит: в прологе — в 1898 году, а в остальных картинах — в годы 1901—1904.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ — ПРОЛОГ

Большой зал Тифлисской духовной семинарии. Писанное маслом во весь рост изображение Николая II и два поясных портрета каких-то духовных лиц в клобуках и в орденах. Громадный стол, покрытый зеленым сукном. В зале никого нет. За закрытыми дверями глухо слышатся возгласы священника (в семинарской церкви кончается обедня). Неясно доносятся слова: «...истинный бог наш молитвами пречистыя своея матери, молитвами отца нашего архиепископа Иоанна Златоуста... помилует и спасет нас, яко благ и человеколюбец». В это время дверь, противоположная церковной, открывается, и в зал входит Сталин — молодой человек лет 19-ти, в семинарской форме. Садится, прислушивается.

Затем послышался церковный хор, поющий заключительное многолетие. Через некоторое время дверь, из-за которой слышалась обедня, распахивается, и возле нее вытягивается служитель Варсонофий, человек всегда несколько выпивший. Входит инспектор семинарии, а за ним в порядке человек двадцать воспитанников VI класса. Инспектор выстраивает их, а Сталин поднимается со стула и становится отдельно. Затем в зал входит ректор семинарии, за ним члены правления семинарии и преподаватели и вслед за ректором размещаются за столом.

Ректор. Достопочтеннейшие и глубочайше уважаемые господа члены правления и господа преподаватели! Престрашное дело совершилось в родимой нашей семинарии.

В то время когда все верноподданные сыны родины тесно прильнули к подножию монаршего престола царя-помазанника, неустанно пекущегося о благе обширнейшей в мире державы, нашлись среди разноплеменных обитателей отечества преступники, сеющие злые семена в нашей стране!

Народные развратители и лжепророки, стремясь подорвать мощь государства, распространяют повсюду ядовитые мнимо научные социал-демократические теории, которые, подобно мельчайшим струям злого духа, проникают во все поры нашей народной жизни.

Эти очумелые люди со звенящим кимвалом своих пустых идей врываются и в хижины простолюдинов, и в

славные дворцы, заражая своим зловредным антигосударственным учением многих окружающих.

И вот один из таких преступников обнаружился в среде воспитанников нашей семинарии!

Как же поступить с ним?

Подобно тому как искуснейший хирург соглашается на отнятие зараженного члена тела, даже если бы это была драгоценная нога или бесценная рука, общество человеческое анафематствует опасного развратителя и говорит: да изыдет этот человек! *(Становится менее красноречив, но суров и неуклонен.)* Постановлением правления Тифлисской духовной семинарии воспитанник шестого класса Иосиф Джугашвили исключается из нее за принадлежность к противоправительственным кружкам, без права поступления в иное учебное заведение.

Нам, как христианам, остается только помолиться о возвращении его на истинный путь и вместе с тем обратить горячие мольбы к небесному царю царей, дабы тихое, как говорил святой апостол, и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте, сие бо есть добро и приятно перед Спасителем нашим...

Сталин. Аминь!

Молчание.

Ректор. Это что же такое?

Сталин. Я сказал «аминь» машинально, потому что привык, что всякая речь кончается этим словом.

Ректор. Мы ожидали от него выражения сердечного сокрушения и душевного раскаяния, и вместо этого непристойная выходка. *(Инспектору.)* Освободите зал от воспитанников, Мелитон Лукич. Господ членов правления прошу покинуть зал. Мелитон Лукич, вручите уволенному его билет.

Все покидают зал, кроме Сталина и инспектора.

Инспектор. Получите билет и распишитесь.

Сталин. Он называется волчий, если я не ошибаюсь?

Инспектор. Оставьте ваши выходки, пишите имя и фамилию.

Сталин расписывается и получает билет.

Инспектор *(удаляясь).* Лучше подумали бы о том, что вас ждет в дальнейшем. Дадут знать о вас полиции... *(Закрывает за собою дверь.)*

Сталин, оставшись один, закуривает.

Одноклассник *(осторожно заглянув, входит).* Вот история! С аминем-то, а? Он до того побагровел, что я думал,— тут его за столом сейчас кондрашка и хлопнет! Однако что ж ты теперь делать-то будешь? Да... положение твое, будем прямо говорить, довольно сложное. Жаль мне тебя!

Сталин. Как-нибудь проживем.

Одноклассник. Как-нибудь-то оно, конечно, как-нибудь... а вот, например, деньги у тебя есть?

Сталин *(пошарив в карманах, изумляется).* Что такое? Нету денег!

Одноклассник. Я могу дать тебе рубль взаймы. *(Выбирает из кармана мелочь.)* Как только сможешь, отдай.

Сталин. Ну что там... У тебя у самого нет. Что по гривенникам собирать будем, как на паперти... У меня есть другой, более серьезный план.

Одноклассник. Какой там план! Ты где обедать будешь и ночевать теперь, вот что любопытно?

Сталин. Обед — это не важно. Насчет обеда у меня твердая надежда на одно место. Тут есть более существенный вопрос... *(Шарит в карманах.)*

Одноклассник. Что это ты все по карманам хлопаешь?

Сталин. Не понимаю, куда рубль девался!.. Ах да, ведь я его только что истратил с большой пользой. Понимаешь, пошел купить папирос, возвращаюсь на эту церемонию, и под самыми колоннами цыганка встречается. «Дай, погадаю, дай, погадаю!» Прямо не пропускает в дверь. Ну, я согласился. Очень хорошо гадает. Все, оказывается, исполнится, как я задумал. Решительно сбудется все. Путешествовать, говорит, будешь много. А в конце даже комплимент сказала — большой ты будешь человек! Безусловно, стоит заплатить рубль.

Одноклассник. Нет, брат ты мой! Загубил ты свой рубль зря. Все наврала тебе цыганка. Судя по сегодняшнему, далеко не так славно все это получится, как ты

задумал. Да и путешествия-то, знаешь, они разного типа бывают... Да, жаль мне тебя, Иосиф, по-товарищески тебе говорю.

Сталин. За это спасибо. Да, кстати, вот о каком одолжении я тебя попрошу. Обстоятельства складываются так, что с Арчилом мне уж увидеться не придется. Так вот, пожалуйста, передай ему от меня письмо, но в собственные руки и по секрету.

Одноклассник. Хорошо, давай его сюда.

Сталин. А сам можешь прочитать, если хочешь. Письмо открытое.

Одноклассник *(заглянув в листки)*. Забирай обратно свое письмо! *(Оглядываясь.)* Слушай, Иосиф, серьезно говорю тебе, брось это, в Сибири очутишься!

Сталин. Что же ты, согласился — и вдруг отказываешься?

Одноклассник. Ну-ну-ну! Ты это оставь, пожалуйста! Что это значит — отказываешься? Ты говорил — письмо, а это... прокламация!

Сталин. Не все ли тебе равно, что передавать — прокламацию или письмо? Прокламацию даже интереснее, она содержательнее.

Одноклассник. Да ну тебя совсем! Я отнюдь не намерен на улицу с волчьим паспортом вылететь. Я, брат, в университет собираюсь.

Сталин. Это ты хорошо задумал. А вот насчет этого — не понимаю, какой риск для тебя? По коридору пройти и отдать в руки. И ничего говорить ему не надо. Только скажи — от Иосифа,— и все. И он ничего говорить тебе не будет, только скажет — мерси.

Одноклассник. Бессмыслица это все, все эти ваши бредни!

Сталин. А если так, то постой, погоди, погоди! Тогда выслушай меня. Я давно знаю тебя. Интересно, что можно сказать о тебе? Подумаем. Первое: что ты — человек порядочный. Загибай один палец. И, конечно, если бы это было не так, я не стал бы тебя просить. Второе: ты — человек, безусловно, развитой, я бы сказал даже, на редкость развитой. Не красней, пожалуйста, я искренно говорю. И, наконец, последний палец, третий: ты — начитанный человек, что очень ценно. Итак, неужели же ты, при этих перечисленных мною блестящих твоих качествах, не понимаешь, что долг каждого честного человека бороться с тем гнусным явлением, благодаря

которому задавлена и живет под гнетом и в бесправии многомиллионная страна? Как имя этому явлению? Ему имя — самодержавие. Вот в конце этого листка и стоят простые, но значительные слова — «долой самодержавие». В чем же дело?

Одноклассник. Аминь! А передавать листки не буду.

Сталин. Так. В этой беседе выяснилось еще одно твое качество. Ты, оказывается, человек упорный. Кроме того, ты, может быть, подумал, что я тебя агитирую? Боже спаси! Зачем мне это надо? Я прошу тебя выслушать совсем другое. Я забыл сказать, что ты — хороший товарищ. Как же ты не можешь сообразить, что я с Арчилом видеться ни в коем случае не должен. А дело, между тем, спешное. Их ведь только что отпечатали, скажу тебе по секрету. Что же тебе стоит помочь твоим товарищам?

Одноклассник. Сколько их, говори?

Сталин. Десять штук всего. Да они тебя не обременят. Они на тонкой бумаге отпечатаны. Посмотри, какой шрифт хороший.

Одноклассник. Вот принесло меня к тебе прощаться! Ну, так и быть, давай. Арчил-то меня не подведет?

Сталин. Мне веришь?

Одноклассник. Верю.

Сталин. Головой отвечаю за Арчила. Режь. Да ты не беспокойся, я уж сказал, что через тебя передам, он знает.

Одноклассник. Ну уж это, брат ты мой, чересчур!

Сталин. Ничего особенного. По почте, ты сам понимаешь, я их послать не могу. Ясное дело, надо их передавать через какого-нибудь товарища, политикой не занимающегося и, кроме того, честного. Я и наметил передать через тебя.

Одноклассник. Однако ты... ты уж, знаешь ли...

Сталин. Ну, а теперь позволь мне сказать тебе на прощанье краткую благодарственную речь.

Одноклассник. Не нужно мне больше твоих речей!

Сталин. Ах, ты думаешь, что я тебе еще пачку всучу? Нет, зачем же, надо меру знать. А вот что я хотел тебе

сказать. Шесть лет мы протирали свои брюки на одной парте, и вот настало время расстаться...

Послышались шаги за дверью.

Уходи! Прощай.

Одноклассник убегает. Входит Варсонофий, в руках у него пальто и узелок.

Варсонофий. Извольте получить ваше пальто, господин Джугашвили. В кармане карандаш. Прошу проверить, все цело.

Сталин. Зачем проверять, я вам доверяю.

Варсонофий. С вас бы на полбутылки, господин Джугашвили, по случаю праздничного дня и вашего печального события. Теперь вы вольный казак, все пути перед вами закрыты. Надо бы выпить.

Сталин. С удовольствием бы, но, понимаете, такой курьез... ни копейки денег!

Варсонофий. Папиросочки нет ли?

Сталин. Папироску — пожалуйста.

Варсонофий. Покорнейше благодарю. И, господин Джугашвили, извините, велено вам передать, чтобы вы помещение семинарии немедленно покинули. Отец ректор уж очень злобствует на вас.

Сталин *(надев пальто)*. Прощайте, Варсонофий.

Варсонофий. Как это вы его аминем резанули? А? Двадцать два года служу, но такого случая при мне не было. Ну, зато, натурально, и вам теперь аминь. Куда ж с такой бумагой, как вам выдали, вы сунетесь?

Сталин *(вынув билет)*. Стало быть, это вредоносная бумага?

Варсонофий. Хуже не выдумаешь.

Сталин. В таком случае надо ее разорвать немедленно. *(Рвет билет.)*

Варсонофий. Что это вы делаете?!

Сталин. Помилуйте, какой же сумасшедший сам на себя такую бумагу будет показывать? Надо будет раздобыть хорошую бумагу.

Варсонофий. Уходите, от греха. *(Удаляется.)*

Сталин один. Окидывает взглядом стены. Потом швыряет клочки билета и выходит.

Темно.

ВТОРАЯ КАРТИНА

Прошло три года. Батум. Ненастный ноябрьский вечер. Слышен с моря шум. Комната в домике Сильвестра. Стол, над ним висячая лампа. Часы с гирями. Буфет. Кушетка. Над кушеткой на стене ковер, на нем оружие. В печке огонь. У огня Наташа. Снаружи послышался стук. Стучат условно — три раза раздельно, потом коротко, дробно.

Наташа *(выходит. Послышался ее голос).* Кто там?

Сильвестр *(его голос слышен глухо).* Это я.

Наташа *(впускает Сильвестра. Удивлена, что тот один).* А где же?..

Сильвестр *(шепотом).* Одна?

Наташа. Одна, одна... Но, понимаешь, отец, как на зло, весь вечер народ идет к нам. Сейчас только выпроводила соседку. Пришла соли попросить и застряла.

Сильвестр. А Порфирий?

Наташа. Еще не приходил.

Сильвестр. Ага... Гм... Порфирий... Порфирия пока в тайну не посвящай... Он сам с ним переговорит.

Наташа. Что ж мы от Порфирия будем прятаться? Он свой человек.

Сильвестр. Я понимаю, что свой! Мой сын, значит — свой. Я ему вполне доверяю. Но он горячий, как тигр, и неопытный. Пускай он с ним сам говорит.

Наташа *(шепотом).* А где же он?

Сильвестр. Дожидается в садике. Нужно дело делать чисто: нету его у нас и не было. Значит, днем он совсем не будет выходить из дому, а только ночью. Соседям скажи, что эту комнату сдавать не будем, скажи, что Порфирий в нее переехал.

Наташа. Ну, понятное дело.

Сильвестр. Дверь не закрывай, я сейчас его приведу.

Выходит, через некоторое время возвращается. Вслед за Сильвестром идет Сталин. Голова его обмотана башлыком, башлык надвинут на лицо.

Входи, товарищ Сосо. Вот это моя дочка Наташа, про которую я тебе уже говорил.

Наташа. Пожалуйста, погостите у нас.

Сталин. Не хотелось бы вас стеснять, но, понимаете, некоторая неудача на первых же шагах в Батуме. К Канделаки на Пушкинскую, во двор, вчера переехал околоточный. Боюсь, что мы с ним друг другу будем мешать... Ну, я к вам ненадолго, дней на пять, а потом опять на другую квартиру...

Наташа. Вы нас не стесните.

Сильвестр. Пожалуйста, живи, сколько надо. Проходи, Сосо, в эту комнату и сиди там, пока я тебя сам не выпущу, потому что может прийти кто-нибудь посторонний. Вернется с работы сын мой, Порфирий, я тебя с ним познакомлю. *(Ведет Сталина в темную комнату.)* Осторожнее, тут ширма... окно на задвижку, имей в виду, не закрыто, на всякий случай... хотя ничего такого я не жду.

Сталин *(в темной комнате).* Хорошо, хорошо...

Сильвестр *(выходя из темной комнаты, дверь, ведущую в нее, оставляет приоткрытой).* Наташа, приготовь нам поесть. А я пойду за другими. Постучу, как условились.

Наташа. Хорошо. *(Закрывает за Сильвестром наружную дверь, возвращается к печке, мешает угли и затем выходит из комнаты.)*

В темной комнате на мгновение вспыхнула спичка, погасла. Потом снаружи стук. Наташа проходит к наружной двери.

Кто тут?

Порфирий *(глухо).* Я.

Входит Порфирий, за ним Наташа. Лицо у Порфирия убитое. Он швыряет в угол шапку.

Наташа. Ты что это?

Порфирий. Ничего.

Наташа. Что с тобой случилось?

Порфирий. Ничего.

Наташа. А что ж ты так неприятно отвечаешь? А?

Порфирий. Ну, оштрафовали!

Наташа. Бедный! На сколько?

Порфирий. На пять рублей! Нож сломал.

Наташа. Ай-яй-яй!

Порфирий. А чем я виноват? Жесть не выскакивает, стал выковыривать ее, а под нож, чтоб мне руку не отхватило, подложил брусок. Что ж, руку, что ли, отдавать? Нож соскочил на брусок и сломался.

Наташа. Ведь это тебе дней десять даром работать придется? Э, бедняга! Ну, не грусти.

Порфирий. Я? Я не грущу. Пусть они подавятся моими деньгами! *(Пауза.)* Меня сегодня механик по лицу ударил! Вот чего я не прощу!

Наташа. Ну, ничего, ничего...

Порфирий. Оставь ты меня!

Наташа. Я ведь к тебе по-человечески, с сочувствием...

Порфирий. Не нужно мне человеческого сочувствия!

Наташа. Ну что ж... *(Уходит.)*

Порфирий некоторое время ходит по комнате, что-то бормочет, потом берет книжку, садится к столу. Раскрывает книгу, но лицо его внезапно искажается.

Порфирий. Пойду завтра убью механика!

Сталин *(из темной комнаты)*. А зачем?

Порфирий. А?..

Сталин *(выходит)*. Зачем убьешь механика?

Порфирий. Кто вы такой... такой?

Сталин. Зачем, говорю, убьешь механика? Какой в этом толк?

Порфирий. Да кто вы такой?!

Сталин. Нет, ты ответь мне. Ну, хорошо, ты его убьешь. Чем ты его убьешь?

Порфирий. Зубилом!.. Да вы кто такой?

Сталин. Ага, ты ему голову проломишь. Я тебе заранее могу сказать, сколько это тебе будет стоить. С заранее обдуманным намерением...

Порфирий. Каким таким намерением?

Сталин. Обязательно с намерением. Ты сегодня задумал, чтобы завтра идти убивать. Я слышал.

Порфирий. Чего вы слышали? Я вас не боюсь! Идите, говорите!

Сталин. Постой! Какой ты человек, прямо как порох! Слушай: двадцать лет тебе это будет стоить каторги. Ах да, ты, впрочем, несовершеннолетний. Одну треть скинут. И что же получится? Потеряна молодая рабочая жизнь навсегда, потерян человек! Но цех без механика не останется, и завтра же там будет другой механик, такая же собака, как и ваш теперешний, и так же будет рукоприкладствовать. Нет, это ложное решение! Оставь его.

Порфирий. Вы в квартиру к нам как попали?

Сталин. А твой отец меня пригласил. Он мой друг. Не скажу — друг детства, потому что я познакомился с ним недавно, но мы с ним очень крепко сошлись.

Порфирий. Отчего же вы в темноте сидели?

Сталин. Почему же не посидеть, если он меня попросил там посидеть, его подождать?

Порфирий. А Наташа вас видела?

Сталин. Видела. Она в кухне сейчас, ужин готовит, а я здесь сижу. Все в полном порядке.

Порфирий. А как вас зовут?

Сталин. По-разному. Сосо меня зовут. А кроме того, ваши, батумские, почему-то прозвали меня Пастырем. А за что, не знаю. Может быть, потому, что я учился в духовной семинарии, а может быть, и по каким-то другим причинам. А ты можешь меня называть как хочешь, мне это безразлично. Да, так вот механик. Я понимаю, он нанес тебе душевную рану. Ну, а другие рабочие не страдают оттого, что их бьют? Разве у них не отнимают неправедно кровные деньги, как отняли сегодня у тебя? Нет, Порфирий! Ваш холоп механик тут вовсе не самая главная пружина, зубилом ты ничего не сделаешь. Тут, Порфирий, надо весь этот порядок уничтожить.

Порфирий. А!.. Порядок? Гм... Понимаю. Вы — революционер?

Сталин. Конечно. Ну, а почему ты смотришь на меня с таким удивлением? Я ведь не один революционер на свете. А твой отец? А Наташа?

Порфирий. Вот какие дела!.. То-то они все время шепчутся...

Сталин. А как же им не шептаться? Они должны быть осторожны! Ты, понимаешь, человек молодой, пылкий... Да, кстати, ты эти свои манеры брось! Зубило и прочее... Ты же всем можешь принести величайший вред! Но теперь они шептаться не будут, потому что я тебя в это дело посвятил.

Порфирий. Предупреждаю, что в наш двор стал захаживать городовой. Один раз — говорит, пришел посмотреть, почему двор так замусорен. Другой раз спрашивал, кто в гостях сидит? Предупреждаю: полиция следит за двором.

Сталин. Конечно! Ты прав. Очень хорошо, что у тебя острый глаз.

Порфирий. Какой такой мусор? Я сразу догадался.

Сталин. Правильно, при чем тут мусор! И знаешь, о чем мы тебя попросим... сюда сейчас кое-кто придет, а покараулить некому. Так уж, пожалуйста, во дворе подежурь. А завтра вечером я тебя приглашаю, соберется небольшой кружок, побеседуем... и тут ты в кой-каких вопросах поразберешься.

Порфирий. Постойте! (*Прислушивается.*) Нет, это мне послышалось. (*Пауза.*) Нет, а все-таки не удастся вам... У царя полиция, жандармы, войска, стражники...

Сталин. ...прокуроры, следователи, министры, тюремные надзиратели, гвардия... И все это будет сметено!

Порфирий. Нет.

Сталин. Ты до этого часу доживешь.

Порфирий. Нет! Вот он, знак! (*Указывает на свой висок.*) Так и умру в рабстве!

Сталин. Долго ты еще будешь про эти побои говорить? Я тебе говорю, все это отольется и вспомнится! Доживешь!

Порфирий. Я не доживу.

Сталин. Да что такое! Я же тебе не на картах гадаю, а утверждаю это на основании тех научных данных, которые добыты большими учеными! Ты о них даже не слыхал.

Порфирий. Я понимаю, что вы образованный... но как-то веры у меня мало.

Сталин. Ах ты, боже! Доживешь!

Порфирий. Нет!

В дверях появляется изумленная Наташа с подносом, на котором еда.

Наташа. А вы... вышли?

Сталин. Да, мы уж познакомились.

Послышался стук.

Наташа. Отец.

Ставит поднос на стол, выходит, потом возвращается. За нею входят Сильвестр, Миха, Теофил и Канделаки.

Сильвестр. Ах, ты вышел уже?

Сталин. Надоело в темноте сидеть.

Сильвестр. Ну, познакомьтесь, вот наши: Миха с Манташева, Теофил — ротшильдовский. С Канделаки тебя знакомить не требуется... А это — товарищ Сосо из Тифлиса. (*Наташе, расставляющей еду на столе.*) Бутылку вина достань.

Сталин (*Порфирию*). Вот мы теперь тебя и попросим. Ты там погляди...

Порфирий. Хорошо, хорошо. (*Выходит.*)

Сильвестр (*Сталину*). Ты ему все сказал?

Сталин. Ему можно.

Миха. Порфирию? Конечно, можно.

Теофил. Порфирий — честный юноша.

Сильвестр. Садитесь, друзья! Налейте, чтобы в стаканах было вино.

Канделаки. Безобидная компания... сидим...

Сильвестр. Ну, Сосо, начинай.

Наташа шевелит догорающие угли.

Сталин. Товарищи! Я послан тифлисским комитетом Российской социал-демократической рабочей партии...

Наташа закрывает печку, свет начинает уходить.

Сталин. ...для того, чтобы организовать и поднять батумских рабочих на борьбу...

Темно.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Прошло около месяца. Ночь. И та же комната, но празднично убранная и освещенная. Сдвинутые и накрытые столы, на них вино, еда. Деревцо орешника, убранное яблоками и конфетами. За столами человек двадцать пять. Среди них Наташа, Сильвестр, Миха, Теофил, Котэ, Геронтий, Дариспан, Герасим, Мгеладзе, Тодрия и Климов. Все смотрят на стенные часы, ожидая, когда они начнут бить. Стрелка стоит у 12-ти.

Миха. Вот он, Новый год, подлетает к Батуму на крыльях звездной ночи! Сейчас он накроет своим плащом и Варцхану, болото Чаоба и наш городок!

В это время снаружи донеслось глухо хоровое пение: «Мравалжамиер»...

Сильвестр. Он уже пришел в соседний дом!

Миха. Погоди, я не давал тебе слова! Их часы впереди.

Теофил *(часам)*. Ну что же вы? Тащитесь скорей!

Миха. Погоди, не пугай их!

В это время часы начинают бить.

Раз!

Наташа. Два! Три!

Котэ. Четыре!

Присоединяются новые голоса, считают. «Одиннадцать... двенадцать!»

Миха *(по-грузински)*. С Новым годом!

Климов. С Новым годом, товарищи!

Все запели «Мравалжамиер».

Миха. Слово даю себе. Оно будет краткое. Что дала нам вереница прошлых старых лет — мы хорошо знаем.

Пусть они уйдут в вечность! А мы сдвинем чаши, пожелаем, чтобы новый, 1902-й принес нам наше долгожданное счастье!

Сильвестр. Товарищи, кто пойдет сменить Порфирия? Давайте по очереди.

Котэ. Я иду.

Выходит, через некоторое время входит Порфирий.

Наташа. Садись сюда!

Теофил. Вина ему!

Порфирий. С Новым годом, товарищи!

Входит Хиримьянц.

Хиримьянц. Поспели вовремя! *(Снимает пальто.)*

За Хиримьянцем появляются Кандelаки и Сталин.

Кандeлаки. Приветствую товарищей!

Сталин. Привет всем!

Наташа. Сосо, иди садись, вот твое место! Кандeлаки, садись рядом со мной!

Теофил. А Хиримьянца устроим здесь, на кушетке!

Порфирий. Дай мне слово.

Миха. Не даю тебе слова.

Порфирий. Не понимаю, почему? *(Поднимая бокал.)* Твое здоровье, Сосо!

Миха. Это мое слово! Здоровье товарища Сосо! Слово для новогоднего тоста предоставляется ему.

Сталин. Ночь впереди, мы скажем много слов. (*Сильвестру.*) Все в сборе?

Сильвестр. Манташев... Ротшильд... Типография... Табачная... Нобель... Бинииаит-оглы... Все в сборе.

Миха. Товарищи, внимание! Хочется, чтобы все соседи знали, как весело и шумно у Сильвестра встречали Новый год. Поэтому, когда я подниму руку, пусть нам поет Наташа. Ее голос как шелковая ткань. Когда же я подниму обе руки, мы грянем все. *(Поднимает руку.)*

Наташа тронула струны, запела негромко.

Миха. Конференцию представителей рабочих батумских социал-демократических кружков объявляю открытой. Слово предоставляется Константину.

Кандeлаки. Товарищи, мы будем кратки, у нас только один вопрос: выборы руководящего центра нашей организации.

Миха. Слово по этому вопросу предоставляется товарищу Сосо.

Сталин. В этот центр должны войти надежнейшие и лучшие товарищи. Этот центр будет называться комитетом батумской организации Российской социал-демократической рабочей партии. Мы знаем уже все и твердо все это запомним, какого он будет направления. Он будет — ленинского направления. Под этим знаком и знаменем мы начнем нашу борьбу! Вот все, что я хотел сказать.

Миха *(машет Наташе рукой, чтобы она умолкла, потом поднимает обе руки)*. Ваше здоровье!

Все коротко пропели «Мравалжамиер».

Константин, говори.

Поднимает одну руку — Наташа начинает петь другую песню.

Канделаки. Вот список тех, кого товарищи на заводах наметили в комитет. Он всем присутствующим известен?

Голоса: «Всем! Всем!»

Товарищи предлагают, чтобы возглавил этот список товарищ Сосо! Кто за то, чтобы эти лица, перечисленные в списке, вошли в состав комитета? Поднимите руки...

Все поднимают руки.

Мне остается только закончить словами: да здравствует...

Порфирий *(перебивает)*. Да здравствует батумский комитет!

Миха, махнув Наташе, поднимает обе руки. Все поют «Мравалжамиер».

Миха. Ну, а теперь, Сосо, скажи нам что-нибудь!

Сталин. Почему же непременно я? Я, товарищи, сегодня выступал в кружках четыре раза. А здесь нас, за столом, двадцать пять человек, и каждый из них оратор, я в этом убедился. Вот, например, я вижу, Порфирий порывается произнести речь, которая у него, по-видимому, уже готова.

Миха. Нет, я, как тамада, против этого! Потом Порфирий!

Многие голоса: «Потом Порфирий!»

Сталин. Ну что же... По поводу Нового года можно сказать и в пятый раз. Хотя, собственно, я и не приготовился. Существует такая сказка, что однажды в рождественскую ночь черт украл месяц и спрятал его в карман. И вот мне пришло в голову, что настанет время, когда кто-нибудь сочинит — только не сказку, а быль. О том, что некогда черный дракон похитил солнце у всего

человечества. И что нашлись люди, которые пошли, чтобы отбить у дракона это солнце, и отбили его. И сказали ему: «Теперь стой здесь в высоте и свети вечно! Мы тебя не выпустим больше!» Что же я хотел сказать еще? Выпьем за здоровье этих людей!.. Ваше здоровье, товарищи!

Порфирий. Твое здоровье, Сосо!

Все: «Твое здоровье!»

Тамада лишил меня моего существенного права произнести тост. А теперь я требую его.

Миха. Говори, но кратко.

Порфирий *(обращаясь к Сталину)*. Я хочу тебе сказать, что я никогда не забуду твой первый разговор со мной, и прибавить, что я не хочу умирать в постели! Все!

Миха. В первый раз, сколько я тебя ни слышал, ты сказал хорошо. Сядь, Порфирий.

Сталин. Доживешь?

Порфирий. Безусловно!

Сталин. Твое здоровье!

Порфирий запел «Хасан-Бегура», другие голоса к нему начинают присоединяться. В это время вбегает Котэ.

Котэ. Зарево! Где-то пожар!

Миха. Что? Пожар?

Наташа бросается к окну, отодвигает занавеску. В окне дальнее зарево.

Наташа. Смотрите!

Многие бросаются к окнам.

Климов. Постой-ка... Это где же?

Выбегает, за ним бросается Порфирий.

Миха. Постойте, это в стороне Ротшильда? Ну да.

Теофил. Там и есть!

Канделаки. Сильвестр, да это, кажется, у вас!

Сильвестр. Что ты говоришь! Быть не может, неужели!

Хиримьянц. Да там, там! Ротшильд горит!

Тодрия. Что, Ротшильд?

Вбегают Климов и Порфирий.

Климов. Вот те с новым годом, с новым счастьем! Вот те Каспийско-черноморское нефтепромышленное... Оно горит! Братцы, это Ротшильд горит!

Многие голоса: «Ротшильд? Ротшильд?»

Порфирий. Горит кровопийское гнездо! Туда ему и дорога!

Климов. Что ты плетешь? Что ж мы есть-то будем теперь?

Миха. Надо помогать тушить.

Наташа. Как же не тушить?

Теофил. Тушить?

Сталин. Конечно, тушить. Всеми мерами тушить. Но только слушай, Сильвестр: нужно потребовать от управляющего вознаграждение за тушение огня.

Сильвестр. Верно, товарищи!

В это время послышался конский топот во дворе.

Вот он, уже тут!

Приказчик *(вбегает)*. Братцы, что ж вы? Не видите, что ли?! Лесной склад на нашем заводе горит! Бросится огонь дальше, все слизнет! Братцы! Летите на завод помогать!

Сильвестр. Платить будут?

Приказчик. Обязательно! Будут платить щедрой рукой! Что же вы сидите, братцы? Аль не жалко завода?

Тодрия. Мы — типографские.

Приказчик. Независимо! Независимо! Всем будут платить! Помогайте!

Сталин *(приказчику)*. Мы список составим. Всем уплатят по списку?

Приказчик. Икону сниму, всем, конечно!

Сильвестр. Поспешим, товарищи!

Приказчик. Скорее, братцы! *(Убегает.)*

Рабочие начинают выбегать. Сталин надевает пальто, идет к двери.

Наташа. Что ж, Сосо, ты приказчику прямо в лицо показался?

Сталин. Он сейчас в таком состоянии, что ничего не видит и не понимает. Он сейчас сам себя в зеркале не узнает.

Наташа. Куда ты?

Сталин. На пожар, тушить.

Наташа. Да нельзя тебе туда, Сосо! Ведь там вся полиция будет!

Сталин *(указав в окно, где зарево уже стоит до полнеба)*. Неужели ты думаешь, что им сейчас до меня? *(Выходит.)*

Занавес

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Прошло два месяца. Начало марта.
Кабинет кутаисского военного генерал-губернатора. Губернатор сидит за письменным столом и читает «Новое время». И, судя по всему, прочитанным недоволен.

Адъютант *(входит).* Телеграмма, ваше превосходительство.

Губернатор. Нуте-с...

Адъютант *(читает).* «Кутаисскому военному губернатору. Секретно. Доношу о небывало беспокойном поведении рабочих на заводе Ротшильда. Подпись. Полицеймейстер города Батума».

Губернатор. Пожалуйста! Опять!.. Ах да... ведь это на другом заводе тогда было? У меня все путается в голове из-за этих батумских сюрпризов.

Адъютант. Тогда было на манташевском.

Губернатор. Безобразие... *(Перечитывает телеграмму.)* И притом какая манера телеграфировать! Вот я, например, сижу перед вами, вообразите — Соломон Мудрый, ничего не разберу! Что это значит — «беспокойное поведение»? Беспокойное поведение может принимать различные формы, что подтвердит вам любой врач. Можно, например, вскрикивать и заламывать руки. Но если, предположим, я вас укушу или, скажем, начну бить стекла в кабинете, то это будет уж совсем другой вид беспокойного поведения. Как вы полагаете?

Адъютант. Я полагаю, ваше превосходительство, что они хотят устроить забастовку.

Губернатор. Безобразие! Тогда так и надо телеграфировать: они хотят... и... это... устроить... эту... А то он своими телеграммами только сеет во мне тревогу. Он нервирует. И что случилось с Батумом? Было очаровательное место, тихое, безопасное, а теперь черт знает что там началось! «Небывало беспокойное...» Темно, воля ваша, темно. Пишет вот вроде этого журналиста. *(Подчеркивает ногтем место в газете.)* «Время, которое мы переживаем, исполнено глубочайшего смысла». И все! Спрашивается, какого смысла? Что это за смысл? *(Смотрит на стенную карту.)* Прямо на карту не могу смотреть... Как увижу «Батум», так и хочется, простите за выражение, плюнуть! Нервы напряжены, ну буквально как струны.

Адъютант. Что прикажете ответить полицеймейстеру, ваше превосходительство?

Губернатор. Прежде всего, чтобы он телеграфировал внятно. Внятно-с.

Адъютант. Подробности?

Губернатор. Ну да... э... нет, нет! Только, бога ради, без этого слова! Я его хорошо знаю: он накатает мне страниц семь самых омерзительных подробностей. А просто — внятно. Что там и как.

Адъютант. Слушаю. *(Выходит.)*

Губернатор *(над газетой)*. Но какого смысла? Вот в чем весь вопрос и штука!

Адъютант *(входит)*. Телеграмма, ваше превосходительство.

Губернатор. Пожалуйста.

Адъютант *(читает)*. «Вайнштед уволил на Ротшильде 375 человек. Подпись: полицеймейстер города Батума».

Губернатор. Сколько?

Адъютант. 375.

Губернатор. Гм... И опять — не угодно ли! Уволил! Почему уволил? Зачем? Ведь он целую, так сказать, роту уволил. Позвольте, этот Вайнштейн... это... э... управляющий?

Адъютант. Так точно. Вайнштед.

Губернатор. Это безразлично. А важна, опять таки, причина увольнения и смысл его. Смысл! Запросить.

Адъютант. Слушаю. *(Выходит и через короткое время возвращается.)* Срочные, ваше превосходительство.

Губернатор. Да, да. Содержание.

Адъютант *(читает)*. «Вследствие падения спроса на керосин жестянках на заводе Ротшильда Вайнштейном уволено 390 человек. Подпись: корпуса жандармов ротмистр Бобровский».

Губернатор. По крайней мере, ясная телеграмма. Толковая. Неприятная, но отчетливая телеграмма. Но, позвольте, тут уж кто-то другой, какой-то Вайнштейн?

Адъютант. Это тот же самый, просто — в одной из телеграмм ошибка.

Губернатор. Но в какой из телеграмм?

Адъютант. Затрудняюсь сказать, ваше превосходительство.

Губернатор. Ну конечно, это все равно. А важно вот что... гм... «Падения»... Полицеймейстер телеграфиру-

ет — 375 человек, а ротмистр — уже 390... Впрочем, и это не важно, а важно... э... Вторую телеграмму, пожалуйста.

Адъютант *(читает)*. «На Сидеридисе неспокойно. Умоляю обратить внимание. Подпись: Сидеридис».

Губернатор. Так. Прежде всего, кто этот, как его?..

Адъютант. Сидеридис, ваше превосходительство.

Губернатор. Ах да, завод.

Адъютант. Так точно, керосин.

Губернатор. И обратите внимание на стиль: «Сидеридис», «на Сидеридисе»... И опять это противное слово «неспокойно». Что это за пошлую манеру они взяли так телеграфировать! Не всякая краткость хороша. «Умоляю»! Вместо того чтобы умолять, он бы лучше толком сообщил, что там такое. Запросить объяснения.

Адъютант. А на телеграмму Бобровского?

Губернатор. А что же на телеграмму Бобровского? Что-с? «Падения». Что же я тут-то могу поделать? Не закупать же мне у него керосин! Законы экономики и... э... К сведению.

Адъютант. Слушаю. *(Выходит и вскоре возвращается.)* Помощник начальника жандармского управления полковник Трейниц.

Губернатор. Да, да, да, пожалуйста. *(Входящему Трейницу.)* Очень рад вас видеть, Владимир Эдуардович.

Трейниц. Здравия желаю, ваше превосходительство.

Губернатор. Прошу садиться, полковник. Я пригласил вас специально, чтобы серьезно побеседовать насчет Батума. В течение самого короткого времени этот прелестнейший, можно сказать, уголок земного шара превратился черт знает во что!

Трейниц. Да, в Батуме нехорошо.

Губернатор. Ну, вот видите! Сегодня меня буквально завалили телеграммами, одна неприятнее другой. Вдруг начал вопить этот... э... Сидеридис. Это какое-то непрерывное напряжение. Я уж говорил, нервы как струны. Вибрация... Нужно уяснить причины батумских явлений. Ведь они имеют какой-нибудь корень.

Трейниц. Как же. Мне лично корни батумских явлений уже ясны.

Губернатор. Ну, вот видите, как хорошо. Так в чем же там суть?

Трейниц. По моим сведениям, в Батуме сейчас работает целая группа агитаторов во главе с Пастырем.

Губернатор. Пастырем? А это еще кто? Пастырь...

Трейниц. Это — некий Иосиф Джугашвили.

Губернатор. Джугашвили... Кто же он такой?

Трейниц. Года три тому назад его, ваше превосходительство, исключили из Тифлисской семинарии за неблагонадежность. После этого он в течение некоторого времени работал в Тифлисе же, в обсерватории. Очень скоро сказались первые плоды его деятельности, в том числе организация социал-демократического кружка на заводе Карапетова, забастовки на конке и в железнодорожных мастерских и, наконец, прошлогодняя первомайская демонстрация. Впрочем, всего не перечислишь.

Губернатор. Я не могу понять, простите, как же тифлисский... этот... розыск не ликвидировал этого музыканта сразу?

Трейниц. Почему музыканта, ваше превосходительство?

Губернатор. Вы сказали, служил в консерватории?

Трейниц. В обсерватории.

Губернатор. Да, да. Но это безразлично. А как же они так? Э... не обезвредили?..

Трейниц. Они потеряли его, ваше превосходительство.

Губернатор. Ай-яй-яй! Да как же так? Ведь они должны же были...

Трейниц. Ну, формально они сделали что полагается. В том числе бесплодный обыск. Они отнеслись неряшливо к этому лицу, плохо взяли его в проследку, и он ушел в подполье.

Губернатор. Ай-яй-яй!

Трейниц. Да вот, не угодно ли. На мою телеграмму о приметах они отвечают буквально *(вынимает из портфеля листок, читает):* «Джугашвили. Телосложение среднее. Голова обыкновенная. Голос баритональный. На левом ухе родинка». Все.

Губернатор. Ну, скажите! У меня тоже обыкновенная голова. Да, позвольте! Ведь у меня тоже родинка на левом ухе! Ну да! *(Подходит к зеркалу.)* Положительно, это я!

Трейниц. Ну, не совсем так, ваше превосходительство. Дальше телеграфирую: «Сообщите впечатление, которое производит его наружность». Ответ: «Наружность упомянутого лица никакого впечатления не производит».

Губернатор. Действительно, это... э... Я не понимаю, что нужно для того, чтобы, ну, скажем, я произвел на них впечатление? Неужели же нужно, чтобы у меня из ноздрей хлестало пламя? Но, однако, придется заняться этим... э... семинаристом серьезно.

Трейниц. Он теперь уже не семинарист. Он, ваше превосходительство, член тифлисского комитета РСДРП.

Губернатор. Виноват?..

Трейниц. Российской социал-демократической рабочей партии.

Губернатор. Так это, стало быть, э... важное лицо?

Трейниц. Да, это очень опасный человек. Предупреждаю вас, ваше превосходительство, что движение в Батуме теперь пойдет на подъем.

Губернатор. Что же вы намерены предпринять?

Трейниц. В два двадцать пять я уезжаю в Батум.

Губернатор. Очень, очень хорошо. Желаю вам полного успеха.

Трейниц. Честь имею кланяться, ваше превосходительство. *(Выходит.)*

Губернатор подходит к зеркалу, рассматривает ухо. Скрипнула дверь.

Губернатор *(вздрогнув)*. Телеграмма?

Адъютант. Никак нет, ваше превосходительство. К вам господин Вайншед.

Губернатор. Тот самый? Сам приехал? Что такое? Пожалуйста.

Адъютант *(в дверь)*. Прошу вас. *(Пропускает входящего и скрывается.)*

В руках у вошедшего измятый котелок. Вошедший в пальто.

Ваншейдт. Ваше превосходительство. *(Кланяется.)*

Губернатор. Прошу садиться. Вы из Батума?

Ваншейдт. Из Батума.

Губернатор. Вы... э... управляющий ротшильдовским заводом? Э... этого... Черноморско-каспийского?

Ваншейдт. Управляющий.

Губернатор. Да, простите: как, собственно, точно ваша фамилия? Вайнштейн или Вайнштедт?

Ваншейдт. Ваншейдт, ваше превосходительство.

Губернатор. Тэ дэ?

Ваншейдт. Дэ тэ.

Губернатор. Ну, вот видите... это уж совсем поновому! Но что же вы так официально... э... в верхней одежде? Не угодно ли вам снять пальто?

Ваншейдт. У меня, ваше превосходительство, рукав в пиджаке с корнем вырван. Я ведь прямо с завода, на квартиру даже не заезжал, кинулся в поезд и к вам. *(Идет к вешалке в углу, снимает пальто, вешает его, кладет на полочку котелок.)*

Губернатор. Что же случилось? На вас лица нет.

Ваншейдт. Ваше превосходительство, ужас! Что у нас на заводе творится, это прямо нельзя описать! Пришлось уволить триста восемьдесят девять человек.

Губернатор. Триста восемьдесят девять? Большое количество! Я полагаю, что это вследствие падения спроса?

Ваншейдт *(удивленный проницательностью губернатора).* Вы угадали, ваше превосходительство. И они после этого устроили настоящий ад!

Губернатор. Чего же они хотят?

Ваншейдт. Они, конечно, хотят, чтобы их обратно приняли.

Губернатор. Так, так...

Ваншейдт. Но этого мало. Они такие требования выставили...

Губернатор. Агитаторы, конечно, работали?

Ваншейдт. Тучи агитаторов, нельзя себе представить, что там делается!

Губернатор. Вы пробовали повлиять на них?

Ваншейдт. Пробовал, ваше превосходительство.

Губернатор. И что же?

Ваншейдт. Они меня кровопийцей назвали.

Губернатор. Что же вы?..

Ваншейдт. Не на дуэль же мне их вызвать, ваше превосходительство. Я еле из конторы выскочил. Ведь они меня уж за пиджак хватали.

Губернатор. Что такое! Это чудовищно... Вы в список этих уволенных, я надеюсь, поместили самых беспокойных?

Ваншейдт. Само собой разумеется. Я захватил список с собой. *(Роется в карманах, вытаскивает листок.)* Ну уж это прямо чудеса! Как же это так?.. Извольте поглядеть.

Губернатор. Но позвольте... ведь это прокламация?..

Ваншейдт. Конечно, прокламация.

Губернатор. Какая наглость!

Ваншейдт. А где же список? *(Идет к вешалке, шарит*

в карманах пальто.) Пожалуйста, ваше превосходительство, еще одна.

Губернатор. Но каким же образом... э... это к вам попало?

Ваншейдт. Не знаю. Прошу на завод войска.

Губернатор. Гм... Сколько ж вам нужно войск на завод?

Ваншейдт. Два батальона.

Губернатор. Помилуйте, господин Ванштейн! У вас сколько в Батуме заводов?

Ваншейдт. Восемь керосиновых.

Губернатор. Ну вот-с! Ведь это, господин Ванштедт... язык арифметики неумолим... потребуется шестнадцать батальонов! А шестнадцать батальонов — это дивизия! И если к ней придать, как это полагается, конный дивизион артиллерии... а госпиталя, интендантство!.. Это... э... Я понимаю серьезность вашего положения и, конечно, дам вам стражников.

Ваншейдт. Сколько дадите, ваше превосходительство?

Губернатор. Пять человек.

Ваншейдт. Дайте сорок.

Губернатор. Ну, шесть.

Ваншейдт. Тридцать пять.

Губернатор. Помилуйте, господин Ваншейт... ну, семь.

Ваншейдт. Пятнадцать.

Губернатор. Господин Вайнштейн, это странно, мы как будто торгуемся...

Адъютант *(входя).* Срочная, ваше превосходительство.

Губернатор. Читайте.

Адъютант *(читает).* «Кутаисскому военному губернатору. Копия — жандармское управление, полковнику Трейницу. Секретно. Срочно. Батуме забастовал ротшильдовский завод. Стали все цеха. Тысяча пятьсот человек. Ожидаю беспорядков. Ротмистр Бобровский».

Губернатор. Что?!

Ваншейдт. Вот, ваше превосходительство!

Губернатор. Сколько времени?

Адъютант. Половина третьего.

Губернатор. Ушел! Телефонируйте сейчас же на вокзал, чтобы дали паровоз, салон. Я еду в Батум. И... это... ко мне на квартиру чтобы... это... чемодан!

Адъютант. Слушаю. *(Бежит к дверям.)*

Ваншейдт. Я с вами, ваше превосходительство.

Губернатор. Что? Ах, да, да.

Чья-то рука в самых дверях подает адъютанту телеграмму.

Адъютант. Срочная!

Губернатор. Ну, ну?

Адъютант *(читает)*. «Панаиота побили на Сидеридисе. Подпись: Сидеридис».

Губернатор *(взревел)*. Что же это такое?! Я вас спрашиваю! Это еще что? Какой Панаиот? Что это значит? Почему побили? Телеграфируйте этому Сидеридису, чтобы он сию минуту перестал телеграфировать мне глупости! Кто этот Панаиот?!

Ваншейдт. Панаиот, ваше превосходительство, это главный приказчик у Сидеридиса.

Губернатор. Так, черт же их... так и телеграфируй — почему его побили?! Шинель мне!

Курьер бросается к вешалке, Ваншейдт также.

Губернатор *(всовывая руки в рукава)*. Зачем побили? Ведь если побили, значит, есть в этом избиении какой-то смысл! Подкладка, цель, смысл!

Поспешно выходит, за ним бросается Ваншейдт.

Темно.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Через сутки. Мартовский день. Наполовину выгоревший цех на заводе в Батуме. Чувствуется, что и цех и двор залиты громаднейшей толпой (ее самое не видно). Цепь городовых не подпускает ее к какому-то помосту, на котором стоят Трейниц, полицеймейстер, Ваншейдт и Кякива. Слышен ровный гул толпы. Входит губернатор в сопровождении двух казаков.

Губернатор. Здравствуйте, господа!

Полицеймейстер. Здравия желаю, ваше превосходительство.

Губернатор. Это что же? Целая толпа, как я вижу?

Полицеймейстер вздыхает.

Губернатор. Безобразие! Здравствуйте, рабочие! *(Молчание.)* Безобразие! *(Обращает свое внимание на Кякиву.)* Это кто такой?

Трейниц. Переводчик при жандармском управлении, ваше превосходительство.

Кякива. Кякива, ваше превосходительство.

Губернатор. Безобра... а, хорошо. Вы им... ты им... э... любезнейший, будете, будешь переводить. *(Толпе.)* Ну-с, выпустите вперед главных!

Толпа закричала на русском, грузинском языках: «У нас нету главных!.. Нету у нас никаких главных!.. Все одинаково терпим!.. Все мы здесь главные!.. Все!..»

Кякива. Они, ваше превосходительство, говорят, что нету главных, все одинаково, говорят...

Губернатор. Что это значит — одинаково?

Кякива *(кричит по-русски).* Что значит — одинаково?

Губернатор. Не могут же объясняться сразу две тысячи человек! Пусть вперед выпустят того, кто изложит их желания! *(Полицеймейстеру.)* Всегда надо пробовать подействовать мерами кротости.

Полицеймейстер вздыхает. Выходят Геронтий, Порфирий и Климов.

Губернатор. Ну, вот так-то лучше. Потолкуем, разберемся в ваших нуждах. *(Геронтию.)* Ну, говори, что у вас тут, чем это вы недовольны?

Геронтий. Очень тяжко живем. Мучаемся.

Кякива. Он говорит, мучаются.

Губернатор. Понимаю я.

Толпа: «Нету житья!.. Плохо живем!.. Мучаемся!..»

Полицеймейстер. Тише вы! Один будет говорить!

Геронтий. Человек не может работать по шестнадцать часов в сутки. Поэтому рабочие выставляют такие требования: рабочий день не должен превышать десяти часов.

Губернатор. Гм...

Геронтий. Накануне воскресных и праздничных дней работу заканчивать в четыре часа пополудни. Без разбору не штрафовать. Штраф не должен превышать трети жалования. *(По-грузински повторяет эти слова.)*

Толпа: «Замучили штрафами!»

Климов. Штрафами последнюю рубаху снимают!

Ваншейдт. Это, ваше превосходительство, неправда.

Климов. Как это — неправда?

Толпа: «Как это неправда? Догола раздевают рабочего! Живодерствуют!»

Полицеймейстер. Тише!

Губернатор. Дальше!

Геронтий. Всем поденным прибавить по двадцать копеек. Рабочим, которые возят пустые банки, прибавить на каждую тысячу банок одну копейку. Заготовщикам ручек прибавить десять копеек с тысячи. В лесопильном прибавить двадцать копеек на каждую тысячу ящиков.

Ваншейдт *(полицеймейстеру)*. Нет, вы все это слышите!

Полицеймейстер вздыхает.

Геронтий. И требуем мы еще, чтобы всех уволенных до последнего человека приняли бы обратно.

Ваншейдт *(полицеймейстеру)*. Нет, вы прислушайтесь!

Геронтий. И еще мы требуем, чтобы с нами не поступали как со скотом, чтобы не избивали рабочих. Бьют рабочих на заводе.

Губернатор *(Ваншейдту)*. То есть как?..

Ваншейдт. Я никогда не видел! Этого не может быть... клевета...

Порфирий. Не может быть?..

Климов. А вы посмотрите!

Из толпы выбегает рабочий-грузин, сбрасывает башлык с головы, показывает лицо в кровоподтеках и ссадинах, что-то выкрикивает по-грузински, потом кричит по-русски: «Палкой, палкой!»

Губернатор *(Ваншейдту)*. Э?..

Ваншейдт. В первый раз вижу... может быть, он что-нибудь украл?

Климов. Он щепок взял на растопку! Цена этой растопки на базаре меньше копейки! И его били сторожа, как ломовую лошадь! Все свидетели! Весь цех видел! Били!

Толпа вскричала страшно: «Били! Истязали! Насмерть забивали! Все свидетели!»

Ваншейдт. Я же, ваше превосходительство, не могу отвечать за сторожа... сторожа уволю...

Полицеймейстер. Замолчать!

Послышался полицейский свисток. Толпа стихает.

Губернатор *(Геронтию)*. Все?

Порфирий *(выступая вперед и стараясь держаться как можно спокойнее и деловитее)*. Нет, еще не все. Есть еще одно, последнее требование: когда мы работаем, мы получаем полную плату. Но если на заводе временно не

будет для всех работы, то чтобы устроили две смены и чтобы неработающая смена получала половину платы.

Губернатор. Что? Я спрашиваю: что такое? Я ослышался или ты угорел? Э... *(Кякиве.)* Переведи ему.

Кякива укоризненно вертит пальцами перед лбом, показывая Порфирию, что тот угорел.

Губернатор. Где же это видано?.. Чтобы рабочий не работал, а деньги получал? Я просто... э... не понимаю... *(Трейницу.)* Где же тут здравый смысл?

Порфирий, поворачиваясь к толпе, говорит раздельно и внятно по-грузински. На лице у него выражение полного удовлетворения, видно, что все козыри у него на руках. Толпа в ответ весело прогудела.

Губернатор *(Кякиве).* Переведи.

Кякива *(конфузясь).* Он, я извиняюсь, ваше превосходительство, говорит про ваших лошадей...

Губернатор. Ничего не понимаю! При чем здесь лошади?

Кякива. Он, я извиняюсь, ваше превосходительство, говорит, что, когда вы на лошадях ездите, кормите их, а когда они в конюшне стоят, то ведь тоже кормите. А иначе, говорит, они околеют и вам не на чем будет ездить. А разве, говорит, человек не достоин того, чтобы его все время кормили? Разве он хуже лошади? Это он говорит!

Полное молчание.

Трейниц *(полицеймейстеру).* Ага. Ну, понятно, чья это выдумка. Не будет добра в Батуме.

Губернатор. Это... это что-то совершенно нелогичное... Возрази ему... то есть переведи... Лошади — лошадями, а люди — это совсем другой, так сказать, предмет. *(Порфирию, укоризненно.)* Драгоценнейший дружок!.. Переводи!

Кякива *(Порфирию).* Драгоценнейший дружок!

Губернатор. Что ты, черт тебя возьми, разве так переводят?!

Кякива. Он понимает, ваше превосходительство! «Драгоценнейший дружок» так и будет на всех языках — драгоценнейший дружок!

Губернатор. Пошел вон!

Кякива скрывается за спиной губернатора.

Что такое? *(Трейницу.)* Я не совсем понимаю, полковник... это какой-то идиот! Неужели жандармское управление не могло найти другого? Это же попугай!

Трейниц *(сухо).* До сих пор он, ваше превосходительство, работал толково.

Губернатор. Не понимаю-с! *(Рабочим.)* Нет, друзья мои, это невиданно и неслыханно!

Климов. А Путиловский?

Губернатор. Что Путиловский?

Климов. Когда Путиловский сгорел, покуда новые цеха отстроили, рабочие получали половину жалованья.

Губернатор. Это... э... Путиловский — это Путиловский... а тут это совершенно невозможно. Да-с! Нет, друзья мои, я вижу, что какие-то злонамеренные люди вас смутили, пользуясь вашей доверчивостью... и... требования ваши чрезмерны и нелепы. Насчет избитого будет произведено строжайшее расследование, и, всеконечно, виновный понесет заслуженную кару... а требования ваши... нет... Куда он девался, черт его возьми? *(Кякиве.)* Что ты стоишь как истукан? Переводи.

Кякива кричит толпе по-грузински. Толпа отвечает по-русски и по-грузински: «Не станем на работу, если требования не будут выполнены!»

Губернатор. Что это они?

Кякива. Они не хотят.

Губернатор. Друзья мои! Как отец обращаюсь к вам, и притом отец родной: прекратите забастовку и станьте на работу! Любя вас всей душой и жалея, говорю.

Кякива переводит эти слова. Толпа отвечает: «Не исполнят требования — не станем на работу!» Гул.

Губернатор. Что они?

Кякива. Они не хотят.

Губернатор. Ах, так? Упорствовать? Ну, так вот что: предупреждаю, что, если завтра, когда дадут гудок, не станете на работу, я вас... по этапу... в Сибирь!

Кякива *(кричит рабочим).* Сибирь!

Климов. Сибирью грозите?

Порфирий. Не пугайте, не станем!

Геронтий. Не станем на работу!

Губернатор. Ах вот что! Бунт? *(Полицеймейстеру.)* Арестовать этих трех подстрекателей! Я вам покажу!

Полицеймейстер *(городовым).* Берите этих трех!

Климов. Вон оно что! Вон оно как! Товарищи, полюбуйтесь на отца на родного, губернатора! Выманил вперед, а теперь брать!

Геронтий *(по-грузински).* Обманул нас!

Порфирий. Берите... Берите...

Рабочие: «Обманул губернатор!» Выбегает несколько человек, кричат: «Берите и нас вместе с ними!»

Губернатор. Стражников сюда!

Выбегают несколько человек стражников, бросаются на помощь городовым.

Трейниц *(полицеймейстеру).* Берите и этих, которые выбежали. Ничего.

Толпа возмущенно кричит. Послышался свист в толпе, ему отвечает свисток одного из городовых.

Губернатор. Вы у меня в Сибири опомнитесь! *(Полицеймейстеру.)* Лошадей мне!

Темно.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Серенькое мартовское утро. Широкая улица в Батуме перед зданием пересыльных казарм. Забор с воротами. Груды щебня. На улице полицеймейстер и шеренга городовых. Полицеймейстер бледен, взволнован, глядит то вдаль, то на казармы. Из-за забора казарм слышен говор и гул. А издали слышится приближающийся шум громаднейшей толпы. Городовые испуганы, волнуются. Простучали подкатившие фаэтоны. Выходит Трейниц. С ним — двое жандармов и Кякива.

Трейниц *(глядя вдаль).* Ого! Слились? Сколько же это их?

Полицеймейстер *(глухо).* Тысяч пять, а то и все шесть.

Трейниц. Ого!

Полицеймейстер *(тревожно).* А что же его превосходительство?

Трейниц. Едет. *(Глядит вдаль.)* Ну, все как полагается... флаги... так, так... и, кажется, чужие есть? Интересно... *(Кякиве.)* Кто впереди? Не различишь?

Кякива. Не могу разобрать.

Полицеймейстер. С флагом, кажется, ротшильдовский...

Трейниц. Так.

Толпа слышна все ближе и ближе. В ней поют. Слышны слова: «...нам не нужно златого кумира, ненавистен нам царский чертог...» На «Марсельезу» накатывает другая песня.

И «Марсельеза»... *(Вглядывается.)* А вот там, рядом с флагом... блуза, пальто, шарф... Ведь это, пожалуй, чужой?

Полицеймейстер. Трудно сказать...

Трейниц. Да, чужой, чужой. Полковник, надо будет, как только приблизятся, оторвать передовых и взять их.

Полицеймейстер. Трудно. С одними городовыми не справиться. Плотно идут. Надо войска.

Трейниц. Нет, до войск надо. Надо, полковник.

Полицеймейстер *(городовым).* Как подойдут, отрезать переднюю шеренгу, взять этих, у флага.

Городовой *(с сомнением).* Слушаю.

Кякива *(Трейницу).* Чужой, чужой, вижу теперь.

Трейниц. Ну конечно.

Послышался стук коляски, конский топот, входит губернатор, с ним два казака.

Губернатор *(остолбенев при виде надвигающейся толпы).* Что же это такое?

Полицеймейстер. Войска бы, ваше превосходительство.

Губернатор. Надо было раньше разрезать их! Э... как же это допустили?

Полицеймейстер. Ваше превосходительство, шесть тысяч...

Губернатор *(казаку).* Лети к капитану Антадзе, скажи, чтобы спешно выводил роту сюда, к казармам!

Казак убегает. Толпа подходит с тяжким гулом. Впереди: Хиримьянц с красным флагом, Теофил, Наташа, Миха. Сталин рядом с Хиримьянцем. За ними стеной рабочие, среди них есть женщины.

Сталин *(обращаясь к окнам казарм).* Здравствуйте, товарищи!

Теофил. Здравствуйте! Мы пришли!

Рабочие: «Мы пришли за вами!» Из окон казарм подошедших увидели, из двора казарм их услышали. Двор отвечает подошедшим криками: «Пришли! Товарищи! Глядите, пришли! Освободите нас! Освободите!»

Трейниц *(Кякиве).* Он? Как думаешь?

Губернатор *(толпе).* Что это? Бунт? Убрать флаги! Остановиться!

Сталин. Мы больше никуда и не идем. Мы пришли. Освобождайте арестованных рабочих!

Хиримьянц. Не уйдем без этого!

Рабочие: «Выпустите арестованных». В казармах крики: «Освободите нас!»

Губернатор. Убрать флаги! Разойтись!

Трейниц *(губернатору)*. Ваше превосходительство, попрошу вас немного назад...

Губернатор отступает, Трейниц обращается к полицеймейстеру.

Ну-ка, попробуйте...

Полицеймейстер *(городовым)*. Ну-ка, вперед, берите передних...

Городовые и двое жандармов врезываются в толпу.

Теофил. Куда?! Ах, драться?

Сталин. Не бойтесь их!

Толпа наваливается на городовых, мнет их.

Теофил. Не бейте их! Не бейте! Только гоните их!

Крик в толпе: «Бей их, проклятых!»

Миха. Что ты делаешь?!

Покатились две полицейские фуражки, с одного из городовых сорвали шашку.

Теофил. Вон отсюда!

Городовые побежали.

Сталин. Вы ничего не сделаете с нами! Освободите арестованных!

В казармах гул.

Губернатор *(в смятении отступая)*. Всех перестреляю!

В это время ветхие ворота казарм начинают трясти изнутри, а издали послышался приближающийся грохот барабанов, а затем солдатская песня:

«Барабан наш громко бьет,
Царский воин шибко идет...»

Приближение войска взволновало толпу. Послышались крики: «Войско идет! Ой, войско идет!» Выбежавшая из толпы женщина кричит Сильвестру по-грузински: «Ой, войско! Стрелять будет!»

Сильвестр *(кричит по-грузински)*. Не посмеют стрелять в безоружных!

Крик в толпе: «Стрелять будут!»

Миха. Не будут стрелять! Стойте крепко!

Рота поет:

«Шел я речкой, камышом,
Видел милку нагишом!..»

Сталин. Товарищи! Нельзя бежать! Стойте тесно, стеной!

Рота поет:

«Шел я с милкою в лесу,
Милку дернул за косу!..»

Иначе солдаты навалятся, озвереют! Прикладами покалечат! Пропадет народ!

Губернатор оборачивается в сторону войск, машет рукой, что-то показывает. Вдали послышались глухо слова: «Рота... стой!» Тотчас песню как будто обрубили. Донесся глухо голос: «Горнист!..» Тогда тоскливо запел вдали рожок. Кякива срывается с места и убегает.

Трейниц *(губернатору)*. Ваше превосходительство! Что вы делаете?! Ведь вы на линии!.. Сюда, сюда!.. *(Убегает вместе с губернатором.)*

Полицеймейстер *(смертельно побледнев, метнулся)*. Эй! Эй! Эй! Городовые!.. *(Убегает вместе с городовыми.)*

Вторично спел рожок.

Наташа *(вырвавшись из ряда)*. Солдаты, что вы делаете? Не смейте стрелять!

Сталин. Не смейте стрелять!

Теофил. Не смейте стрелять!

В это время ворота казарм начинают трещать. Отскакивает скобка, ворота то приоткрываются, то закрываются. В них видна спина околоточного без фуражки. Околоточный с кем-то борется. Мелькнули еще две спины городовых, потом лицо Порфирия. Околоточного выталкивают на улицу. В это время в третий раз спел рожок, глухо долетели слова: «Первая шеренга!..» Околоточный оборачивается в ту сторону, откуда слышится рожок, бросается к забору, как бы прилипает к нему. Выбегает рабочий вслед за околоточным, кричит: «Товарищи!», бежит к флагу. За ним выбегают Порфирий, еще двое рабочих, за ними Климов и Геронтий.

Порфирий. Да здравст...

В это мгновенье ударил первый залп вдали. Порфирий падает на колено. Геронтий падает, схватившись за плечо. Наташа, закрываясь рукой как будто от резкого света, бежит к забору, прижимается к нему, рядом с околоточным. Падает ничком и остается неподвижен рабочий рядом с Хиримьянцем. Выпадает из рук Хиримьянца флаг с перебитым древком.

Порфирий *(поднимается, кричит тем, что показались в воротах)*. Назад! Назад! *(Хромая, отходит к флагу, грозит кулаком, кричит.)* Да сгорит ваше право! Сгорит в аду!

Ударил второй залп, упал рабочий рядом с Теофилом.

Климов *(схватываясь за грудь)*. Ах, это мне?.. Ну, бей, бей, еще!..

В толпе послышался истерический женский крик: «Убивают!» Климов падает и затихает.

Сталин. Так?.. Так?.. *(Разрывает на себе ворот, делает несколько шагов вперед.)* Собаки!.. Негодяи!.. *(Наклоняется, поднимает камень, хочет швырнуть его, но бросает его, грозит кулаком, потом наклоняется к убитому Климову.)*

Хиримьянц, Теофил, Миха схватывают камни, швыряют их.

Сталин *(обернувшись к ним, кричит).* Не надо! Назад!

Сильвестр *(Порфирию).* Берись за меня. *(Выводит Порфирия.)*

Ударил третий залп повыше. Толпа побежала. Сталин оставляет Климова, наклоняется к Геронтию.

Геронтий. Воды дай...

Сталин. Берись этой рукой за шею... Берись! *(Поднимает Геронтия, выводит его, кричит Теофилу, который наклонился над убитым рабочим.)* Не трогай мертвых! Их поднимут! Уходите скорее!

Хиримьянц, Теофил, Миха скрываются. Вдали пропел рожок, послышался глухо, далеко голос: «Рота!.. Рота, кругом...» Сцена опустела, остаются лежащие неподвижно Климов и двое рабочих.

Околоточный *(отделяется от забора, крестится, бормочет).* Господи Иисусе... господи...

Наташа *(приближается к нему медленно, вцепляется в грудь, рвет с плеч погоны, хватает за горло).* Ах ты... ах ты, палач...

Околоточный. Что ты?.. Что ты?.. Пусти! Я не убивал... я не убивал, я не убивал... это капитан Антадзе убивал! А я... пусти!

В это время вбегают Сталин и Сильвестр.

Сильвестр. Наташа, что ты!.. Скорей!

Сталин. Бери ее силой!

Схватывают Наташу и увлекают ее со сцены. Околоточный, крадучись под забором, удаляется. Послышался вдали выкрик: «Марш!», грохнули барабаны, рота запела, удаляясь:

«Барабан наш громко бьет,
Царский воин шибко идет!..
Жить солдату тяжело,
Между прочим, ничего!..»

Занавес

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Батум. Апрельская ночь. В квартире рабочего Дариспана. За столиком сидит Сталин. Лампа с зеленым абажуром. Рядом со Сталиным висит на стуле пальто, лежит фуражка. Перед Сталиным — книга, он читает, делает пометки карандашом. Где-то послышался стук, Сталин поднимает голову, прислушивается.

Дариспан *(в дверях).* Это Константин. *(Скрывается.)*

Входит Канделаки.

Сталин. Выкопали?

Канделаки. Выкопали и отвезли. Там не найдут. *(Садится.)* Но, понимаешь, Сосо, я, клянусь богом, в жизни не видел таких беспокойных людей, как эти жандармы. Такие вредные люди, что прямо невозможно работать. Мне сейчас Качахмадзе рассказал, что они у него вчера на кладбище побывали. Говорил, чтобы в течение некоторого времени на кладбище никто носу не показывал бы. Они уж его на заметку взяли. Прямо деваться некуда. Такую суету в жизни вызвали, что немыслимо.

Сталин. Надо и в их положение входить, и им посочувствовать. Жалованье получают, пускай работают.

Пауза.

Канделаки. Сосо! У меня мрачные мысли появились. Какое-то нехорошее предчувствие.

Сталин. Да ведь предчувствия иногда обманывают. Они не всегда верные. А что такое?

Канделаки. Эту квартиру, по-моему, Сосо, надо менять. Томит меня предчувствие, что они нитку к ней нашли. За типографию теперь я спокоен. А вот квартира мне эта не нравится. Они теперь не успокоятся, они за тобой, как за зверем, будут идти.

Сталин. Завтра утром выдумаем что-нибудь. Куда же сейчас, ночью? Еще хуже можно попасться.

Пауза.

Канделаки. Да, не нравится... ох, не нравится мне Кединский переулок!.. Ну, я пойду в кухню поесть, а то я проголодался. *(Выходит.)*

Где-то стук, потом глухие голоса.

Дариспан *(в дверях).* Там этот старик пришел,

Реджеб, очень хочет с тобой поговорить. Говорит, на минутку.

Сталин. Ну конечно, зови.

Дариспан уходит. Входит Реджеб.

Здравствуй, Реджеб.

Реджеб. Здравствуй. Я к тебе пришел.

Сталин. Садись, будь гостем.

Реджеб садится. Молчит.

Что скажешь приятного?

Реджеб молчит, вздыхает.

Ты что же, помолчать со мной пришел?

Молчание.

Ну, помолчим еще.

Молчание. Сталин начинает читать.

Ты так, старик, вздыхаешь, что я заплакать могу. Скажи хоть одно слово, зачем меня мучаешь? Ты для чего пришел? Какое горе тебя терзает?

Реджеб. Я вчера важный сон видел.

Сталин. Какой сон?

Реджеб. Понимаешь, будто бы к нам в Зеленый Мыс приехал царь Николай.

Сталин. На дачу?

Реджеб. Конечно, на дачу. И, понимаешь, стал купаться. Снял мундир, брюки, сапоги, все положил на берегу, намылился и полез в море. А мы с тобой сидим на берегу и смотрим. И ты говоришь: «А он хорошо плавает!» А я говорю: «А как он голый пойдет, если кто-нибудь его мундир украдет? Солдат нету...» А он, понимаешь, поплыл и утонул. И мы с тобой побежали, кричим всем: «Царь потонул! Царь потонул!» И весь народ обрадовался.

Сталин. Хороший сон. Так ты для того из Махинджаури шел в Батум, чтобы мне сон рассказать?

Реджеб. Нарочно для этого шел.

Сталин. Хороший сон, но, что бы он такое значил, я не понимаю.

Реджеб. Значит, что царя не будет и ты всю Абхазию освободишь.

Молчание.

Я тебе скажу, что никакого сна я не видел.

Сталин. Я знаю, что ты не видел.

Реджеб. Я потому сон рассказывать стал, что не знаю, что тебе сказать. Сижу, а выговорить не могу. Меня к тебе наши старики послали, чтобы ты одну тайну открыл.

Сталин. Какую?

Реджеб. Слушай меня, Сосо. Я — старик, и ты на меня не обижайся. Все тебя уважают, говорят: модзгвари. Мы, абхазцы,— бедные и знаем, что ты нам хочешь помочь. Но мы узнали, что ты по ночам печатаешь. Ведь печатаешь?

Сталин. Да.

Реджеб. А когда ты их в ход пустишь?

Сталин. Что?

Реджеб. Фальшивые деньги. Наши старики долго ломали головы: что человек тайно печатает? Один старик, самый умный, догадался — фальшивые деньги. И мы смутились. Говорят, хороший человек, но, понимаешь, мы ему деньги помогать печатать не можем. Мы это не понимаем. Меня послали к тебе. Говорят: узнай, зачем печатает? Что, он будет раздавать их народу? Когда будет раздавать? По сколько?

Сталин. Да, дела... Коция!

Канделаки *(входит)*. Что?

Сталин. При тебе есть хоть одна прокламация?

Канделаки. Одна есть.

Сталин. Дай-ка мне ее.

Канделаки дает листок Сталину, уходит.

Вот видишь: эти листки печатаем. Краски нет, это не деньги. А печатаем вот зачем. Народу живется очень худо, и, чтобы его поднять против царя, нужно, чтобы все знали, что худо. Но если я начну по дворам ходить и говорить — худо живется, худо живется,— меня, понимаешь ли, в цепи закуют. А это мы раздаем, и тогда все знают. А деньги мы не печатаем, это народу не поможет.

Реджеб *(внезапно поднимаясь)*. До свиданья. Прости, что я тебе заниматься помешал.

Сталин. Нет, ты погоди. Ты, пожалуйста, покажи эту бумажку вашим и объясни.

Реджеб. Хорошо, хорошо.

Сталин. Только осторожно.

Реджеб. Да понимаю я! *(Идет к дверям.)* Ц... ц... Аллах, аллах... *(Останавливается.)* Одно жалко, что ты не мусульманин.

Сталин. А почему?

Реджеб. Ты прими нашу веру обязательно, я тебе советую. Примешь — я за тебя выдам семь красавиц. Ты человек бедный, ты даже таких не видел. Одна лучше другой, семь звезд!

Сталин. Как же мне жениться, когда у меня даже квартиры нет.

Реджеб. Потом, когда все устроишь, тогда женим. Прими мусульманство.

Сталин. Подумать надо.

Реджеб. Обязательно подумай. Прощай. *(Идет.)* Ц... ц... фальшивые деньги... ай, как неприятно! *(Выходит.)*

Сталин читает.

Кандела ки *(входит).* Этот гимназист пришел, Вано, которого ты звал.

Сталин. Ага...

Канделаки *(в дверях).* Вот товарищ Сосо. Входи. *(Скрывается.)*

Входит Вано — *в штатском пальто.*

Вано. Я думал, что вы пожилой.

Сталин. Я тебя тоже не знал, но догадался, что ты молодой, потому что сказали, что ты гимназист. Ты в шестом классе?

Вано. В шестом.

Сталин. Садись, закуривай. Я тоже был в шестом классе, но у нас, в семинарии, другое разделение... Кроме того, в силу некоторых причин, я не кончил курса. Работает кружок?

Вано. Работает.

Сталин. Сколько вас человек?

Вано. Двенадцать человек. Старшие классы.

Сталин. Ну конечно, не приготовишки, те от занятий политикой упорно отлынивают. У вас месаме-дасисты работали?

Вано. Да. Но мы хотим с вами объединиться для борьбы.

Сталин. Правильно. Ты читал статью Ноя в «Квали»?

Вано. Читал.

Сталин. Ну, скажи сам, к чему будут годны люди, которых они воспитывают такой литературой? Интеллигентные чернокнижники. Ты знаешь, они ко мне прислали гонца. И он меня уговаривал, чтобы я уехал из

Батума. Они говорят, что здесь, в Батуме, невозможно вести борьбу и нелегальную работу. А когда я спросил, почему? — он говорит: рабочие, говорит, темные, а кроме того, улицы хорошо освещены, прямые, все, говорит, видно как на ладони! До чего должен дойти человек, чтобы такую вещь сказать. Выходит, не боритесь, потому что рабочие темные, а улицы светлые! Впрочем, тебе нечего доказывать...

Дариспан *(внезапно появляясь).* Пастырь, беги!

Канделаки *(вбегает).* Туда, туда!

Послышался упорный стук с одной стороны, а потом застучали и в другом месте.

И здесь уже!

Сталин *(глянув в окно).* Поздно. *(Обращаясь к Вано.)* И ты еще... ах, бедняга! И нужно было, как на грех, тебе сегодня...

Вано. Я не боюсь. Лампу потушить, и в темноте...

Сталин. Что ты? Не трогай! Ну, слушай: прежде всего, не волнуйся, сиди спокойно и держи себя вежливо. Меня ты не знаешь, я — безработный, уроков ищу, вот тебя Канделаки и привел...

Стук становится громче, послышались глухие голоса.

Дариспан. Ну что же, открывать?

Сталин. Открывай.

Дариспан выходит, открывает. Громче застучали с другой стороны, туда идет Канделаки, открывает там. Со стороны кухни появляются околоточный, городовые, полицеймейстер.

Полицеймейстер. Останьтесь так, на местах.

С другого хода — два жандарма, Трейниц и Кякива.

Трейниц *(околоточному).* Сколько комнат в квартире?

Околоточный. Три комнаты, галерейка и погреб.

Трейниц. Так. *(Дариспану, Канделаки, Сталину и Вано.)* Прошу вывернуть карманы.

Дариспан. Я не понимаю, почему...

Трейниц. Прошу вывернуть карманы.

Сталин, Канделаки, Вано показывают свои карманы. Жандарм шарит в карманах сталинского пальто.

(Обращаясь к полицеймейстеру.) Прошу, полковник, приступить к обыску. В особенности погреб.

Околоточный с двумя городовыми выходит, за ними один из жандармов. Полицеймейстер выходит с двумя городовыми в соседнюю комна-

ту. Начинается обыск повсюду. Трейниц с несколькими городовыми и жандармом остается в комнате. Также и Кякива. Трейниц садится за стол.

Прошу всех сесть.

Сталин, Канделаки, Вано и Дариспан садятся, возле них четверо городовых. Жандарм становится позади Сталина.

Кто хозяин квартиры?

Дариспан. Я. А что это значит, что в карманах шарят? Кто здесь что украл?

Кякива говорит что-то по-грузински Дариспану. Тот отвечает неприязненно по-грузински же.

Трейниц. Переведи, что он сказал.

Сталин. Я могу перевести вам. Он говорит, что не хочет разговаривать с этим человеком. *(Указывает на Кякиву.)* Это ему неприятно.

Трейниц *(пристально смотрит на Сталина, но ничего ему не говорит и обращается к Дариспану).* Кто такой?

Дариспан. Паяльщик на заводе Манташева.

Трейниц. Имя как?

Дариспан. Дариспан.

Кякива. Да, он Дариспан.

Трейниц. Паспорт?

Дариспан вынимает из ящика стола паспорт, кладет на стол. Трейниц обращается к Канделаки.

Ваше имя?

Канделаки. Константин Канделаки.

Трейниц. Ваш паспорт, пожалуйста.

Канделаки. Я потерял паспорт.

Трейниц. Напрасно, напрасно... *(Обращается к Вано.)* А вы, молодой человек?

Вано. Я—Вано Рамишвили.

Трейниц. Чем занимаетесь?

Вано. Ученик шестого класса Батумской гимназии.

Трейниц. Скажите! Никак нельзя этого подумать, глядя на ваше пальто. Что же, вам, надо полагать, не нравится императорская форма, присвоенная воспитанникам средних учебных заведений? Или выгнали?

Вано. Нет, не выгоняли.

Трейниц. Ну, это не уйдет, скоро выгонят. Ваш билет.

Вано подает билет.

По всему видно, что вы делаете большие успехи в науках. Церкви и отечеству на пользу, родителям же вашим на утешение.

Сталин. Я сперва вас принял за жандармского офицера, но вы, по-видимому, классный наставник.

Трейниц *(внимательно и довольно долго смотрит на Сталина, но ничего не отвечает и обращается к Вано).* Зачем пришли в эту квартиру? Хорошо знаком с хозяином?

Вано. Нет, я в первый раз здесь.

Полицеймейстер появляется в комнате, ведет обыск.

Трейниц. На огонек, что ли, забежал к незнакомому человеку?

Городовой, шаря в буфете, уронил и разбил тарелку.

Сталин *(в это время тихо Канделаки).* Выручай мальчишку.

Трейниц *(полицеймейстеру).* Нельзя ли, полковник, чтобы люди работали поаккуратнее?

Полицеймейстер *(городовому).* Орясина! На трое суток. Ты что же? Забыл, что на обыске?

Трейниц *(Вано).* Так зачем же сюда попал?

Канделаки. Это я его привел.

Трейниц. Я его спрашивал, а не вас. Зачем привел?

Канделаки *(указывая на Сталина).* Вот он приехал безработный искать уроков. Вот я и привел Вано.

Трейниц *(глядя на Сталина).* Ах, интеллигентный человек? Очень приятно.

Полицеймейстер *(городовому).* Печку осмотри.

Трейниц *(Вано).* Почему в цивильном платье?

Вано. Я пальто разорвал под мышкой.

Трейниц. Надо было маме сказать, она бы зашила.

Полицеймейстер *(городовому).* Пепел есть?

Городовой. Никак нет, ваше высокоблагородие.

Полицеймейстер *(Дариспану).* Твоя книжка?

Дариспан. Нет.

Сталин. Это моя книжка.

Полицеймейстер *(читает).* «Философия природы. Перевод Чижова. Сочинение Гегеля». *(Кладет книжку Трейницу на стол.)*

Трейниц *(Сталину).* Философией занимаетесь? Смешанное общество в Кединском переулке мы застали, полковник: манташевский паяльщик, другой без докумен-

та, подозрительный гимназист и философ. *(Сталину.)* Итак, с кем имею удовольствие разговаривать?

Сталин *(указывая на разгром от обыска).* Признаюсь, я этого удовольствия не испытываю.

Кякива *(Трейницу).* Господин полковник, покорнейше вас прошу, чтобы я с ним не разговаривал.

Трейниц. Что это значит?

Кякива. Язык у него такой резкий, он мне что-нибудь скажет, а я человек тихий...

Трейниц. Это глупости. *(Сталину.)* Будьте добры, скажите, вы не были девятого марта у здания Ардаганских казарм в толпе, произведшей беспорядки?

Сталин. Я вообще не был девятого марта в Батуме.

Трейниц. Гм... странно... мне показалось, что я вас видел. Впрочем, возможна ошибка. *(Кякиве.)* А ты видел?

Кякива кивает головой.

Вот и он...

Сталин. Позвольте! Зачем же вы так верите с первого слова? Мало ли что ему могло померещиться? Ведь он же кривой на один глаз!

Кякива *(грустно улыбнувшись).* Я — кривой...

Трейниц. Так позвольте узнать, кто вы такой?

Сталин. Позвольте мне, в свою очередь, узнать, кто вы такой?

Трейниц. Извольте-с, извольте-с. Помощник начальника Кутаисского губернского жандармского управления полковник Трейниц. Владимир Эдуардович...

Сталин. Благодарю вас, дело не в фамилии, а я хочу узнать, чем вызвано это посещение мирной рабочей квартиры, где нет никаких преступников, полицией и жандармерией?

Трейниц. Оно вызвано тем, что наружность этих мирных квартир часто бывает обманчивой. Разрешите спросить, где вы остановились в Батуме?

Сталин. Я здесь остановился.

Трейниц *(указывая на Дариспана).* У него?

Кanделаки. Нет, у меня.

Трейниц. Ах, вы тоже здесь живете? Позвольте, а вы не жили на Пушкинской улице?

Канделаки. Жил и сюда переехал.

Трейниц. Часто квартиры меняете... *(Сталину.)* Итак, как ваша фамилия?

Сталин. Нижерадзе.

Трейниц. А имя и отчество?

Сталин. Илья Георгиевич.

Трейниц. Так.

Возвращаются околоточный и городовые, которые делали обыск в погребе.

Околоточный *(полицеймейстеру)*. Ничего не обнаружено.

Трейниц. Ну, это так и следовало ожидать. *(Сталину.)* Да, простите, еще один вопрос... а впрочем, Иосиф Виссарионович, какие тут еще вопросы... Не надо. По-видимому, от занятий философией вы стали настолько рассеянны, что забыли свою настоящую фамилию?

Сталин. Ваши многотрудные занятия и вас сделали рассеянным. Оказывается, вы меня знаете, а спрашиваете, как зовут.

Трейниц. Это шутка.

Сталин. Конечно, шутка. И я тоже пошутил. Какой же я Нижерадзе? Я даже такой фамилии никогда не слыхал.

Трейниц *(полицеймейстеру)*. У вас всё, полковник?

Полицеймейстер. Все.

Трейниц. Все четверо арестованы. *(Арестованным.)* Предупреждаю на всякий случай: чтобы в дороге без происшествий, конвой казачий. А они никаких шуток не признают.

Сталин. Мы тоже вовсе не склонны шутить. Это вы начали шутить.

Трейниц *(жандармам)*. С Джугашвили глаз не спускать! Марш!

Темно.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Прошло более года. Жаркий летний день. Часть тюремного двора, в который выходят окна двух одиночек. Вход в канцелярию. Длинная сводчатая подворотня. Что происходит в подворотне,—из окон тюрьмы не видно. Во дворе появляются несколько уголовных с метлами. С уголовными—первый надзиратель.

Первый надзиратель. Подметайте, сволочи. И чтобы у меня соринки не было, а то вы все это у меня языком вылижете.

Уголовный. Как паркет будет!

Надзиратель уходит.

Пошел ты к чертовой матери вместе со своим губернатором!

Бросает метлу, садится на скамейку, делает затяжку, передает окурок другому уголовному, который начал подметать. Тот затягивается и передает третьему.

Сталин *(появляется в окне за решеткой).* Здорово.

Уголовный. А! Мое почтение.

Сталин. Какие новости?

Уголовный. Губернатор сегодня будет.

Сталин. Уже знаю.

Уголовный. Ишь ты как!

Сталин. Просьба есть.

Уголовный. Беспокойные вы, господа политические, ей-богу, не можете просто сидеть. То у вас просьбы, то протесты, то газеты вам подай! А у нас правило: сел — сиди!

Сталин. За что сидишь?

Уголовный *(декламирует).*

А скажи-ка мне, голубчик,
Кто за что же здесь сидит?
Это, барин, трудно помнить,
Есть и вор здесь, и бандит!

Домушники мы, например.

Сталин. Письмо на волю надо передать.

Уголовный. Сегодня какой хохот у нас в камере стоял! Хватились — глядь, а папиросы кончились! Прямо животики надорвали, до того смешно: курить хочется, а курить нечего.

Сталин. Лови... *(Выбрасывает во двор пачечку.)*

Уголовный. Данке зер! Ну-ка, от окна отходи! *(Усердно подметает.)*

Проходит надзиратель, скрывается.

Письмо в пачке?

Сталин. Ну конечно.

Уголовный *(хлопнув кулаком по ладони).* Марка, штемпель, пошло ваше письмо.

Сталин. Есть еще вопрос. В женском отделении есть одна, по имени Наташа. Сидит в одиночной камере, из Батума недавно переведена. Волосы такие пышные.

Уголовный. Гм... волосы пышные? Понимаем.

Сталин. Тут очень просто понимать: сидит женщина в тюрьме, и все. Так вот, требуется узнать, как она себя чувствует.

Уголовный. Плакать стала.

Сталин. Плакать? *(Пауза.)* Ты, я вижу, человек очень ловкий и остроумный...

Уголовный. Не заливай, не заливай, мы не горим.

Сталин. Я не заливаю. А просто я тебя наблюдал из окна. Сейчас женщин поведут на прогулку, так ты бы ее научил, чтобы она прошлась здесь, а то она все в том конце, как на зло, ходит. А ты чем-нибудь займи надзирателя.

Уголовный становится грустен, свистит.

Сталин. Лови. *(Бросает пачечку.)*

Уголовный. Отходи!

Первый надзиратель. А что же вы, бестии, не поливаете?

Проходят три женщины, за ними медленно идет Наташа. Надзиратель проходит.

Уголовный *(с лейкой, перед Наташей).* Вы, барышня, здесь погуляйте, у этого окошка вам будет очень интересно. Там вас ваш главный спрашивал.

Наташа. Какой главный? Никакого я главного не знаю. Отойдите от меня.

Уголовный. Вы в тюрьме в первый раз, а я, надо вам доложить, в пятый. Домушники наседками не бывают. Наше дело — с фомкой замки проверять. Идите к тому окну. *(Уходит.)*

Наташа *(ему вслед).* Шпион проклятый!

Первый надзиратель *(появился, смотрит вдаль).* Что же вы, сукины дети, крыльцо поливаете? Это — чтобы губернатор поскользнулся? *(Устремляется вон.)*

Наташа присаживается на скамейку.

Сталин *(появляется в окне).* Что значат, орлица, твои слезы? Неужели тюрьма надломила тебя?

Наташа. Сосо?

Сталин. Не называй.

Наташа. Ты здесь? Ты... я думала, что ты уже в Сибири... ты...

Сталин. Второй год пошел, как здесь сижу. А ты, говорят люди, плачешь? А? Наташа?

Наташа. Плачу, плачу, сознаюсь. Одна сижу, тоска меня затерзала, вот и плачу.

Сталин. Когда началось?

Наташа. С неделю.

Сталин. Перестань, не плачь, они тебя сжуют... погибнешь... Что хочешь делай в тюрьме, только не плачь!

Наташа. Я повеситься хотела...

Сталин. Что ты?! Своими руками отдать им свою жизнь? Я не слыхал этих слов, а ты их не говорила. Слушай меня: тебе осталось терпеть очень немного. Имей в виду, что и Сильвестра, и Порфирия уже выпустили.

Наташа. Что? Выпустили? Правда?

Сталин. Точно знаю. И тебе, конечно, остались последние дни здесь, в тюрьме. Они за тобой ничего не могут найти. Но заклинаю — не плачь!

Уголовный *(появляется).* Эй... эй... эй...

Первый надзиратель *(как коршун, влетает за ним).* Я тебе покажу! Ты что же, мне, стерва, дорогу режешь? *(Ударяет уголовного, подбегает к Наташе.)* Это что такое? *(Бьет Наташу ножнами шашки.)*

Уголовный. Эх... сгорели.

Наташа. Не смейте! Не смейте! Он бьет меня!

Сталин *(приближает лицо к решетке, взявшись за нее обеими руками).* Эй, товарищи! Слушайте! Передавайте! Женщину тюремщик бьет! Женщину тюремщик бьет!

Канделаки *(появляется в соседнем окне).* Протестуйте, товарищи! Женщину бьют! Женщину бьют! *(Стучит металлической кружкой по решетке.)*

Крик побежал дальше по тюрьме: «Женщину бьют!»

Уголовный. Ну, теперь пошло!

Первый надзиратель *(Сталину).* Долой с окна!

Второй надзиратель выбегает, схватывает Наташу за руку.

Наташа. Не трогай меня!

Сталин. Оставь руку, собака!

Канделаки. Смотрите, во дворе женщину истязают! *(Выбрасывает в окно свою кружку.)*

Сталин выбрасывает в окно кружку.

Уголовный. Так их, так!..

Первый надзиратель. Слезай, стрелять буду!

Сталин. Стреляй.

Первый надзиратель стреляет в воздух. От этого шум разрастается, вся тюрьма кричит, грохочет. Из канцелярии выбегает начальник тюрьмы, за ним надзиратель.

А ты выстрели в окно.

Наташа. Меня бьют!

Второй надзиратель. Я тебя не трогаю!

Начальник тюрьмы. Прекратить это!

Первый надзиратель *(указывая на окно Сталина).* Вот, ваше высокоблагородие...

В тюрьме послышались разрозненные голоса: «Отречемся от старого мира!..»

Начальник тюрьмы. Уводите ее скорее отсюда!

Двое надзирателей тащат Наташу.

Наташа. Помогите!

Начальник тюрьмы *(надзирателям).* За мной!.. *(Убегает в тюрьму с надзирателями.)*

Появляются уголовные, оставшиеся без надзора.

Уголовный. Что ж, подбавим, чтоб веселей было? *(Швыряет кружку в подвальное окно.)*

Слышно, как лопнуло стекло.

(Поет, весело приплясывая.)

Царь живет в больших палатах,
И гуляет, и поет!

Уголовные *(подхватывают).*

Здесь же, в сереньких халатах,
Дохнет в карцерах народ!..

Из подворотни выходит губернатор, адъютант и казак. Уголовный немедленно выстраивает своих в шеренгу.

Губернатор. Что такое здесь?!

Уголовный. Бунт происходит, ваше высокопревосходительство!

Адъютант *(тихо).* Действительно...

Губернатор. Телефонируйте в Хоперский полк, вызывайте сотню.

Адъютант убегает в канцелярию.

А это что за люди?

Уголовный. Подметалы, ваше высокопревосходительство! *(С чувством.)*

Чистота кругом и строго!
Где соринка или вошь?
В каждой камере убогой
Подметалу ты найдешь!

Губернатор *(механически).* Молодцы! *(Опомнившись.)* Ты мне стихи какие-то сказал? Кто вы такие, политические?

Уголовный. Помилуйте, ваше высокопревосходительство, ничего такого за нами нету. Рецидивисты мы, домушники, ширмагалы, мойщики.

Губернатор. Черт знает что такое!

Уголовный подает засаленную бумагу губернатору.

Губернатор. А это что... э...

Уголовный. Прошение, ваше высокопревосходительство. Курева нет. Припадаем к вам.

Губернатор. Гм... дай сюда.

Выбегает начальник тюрьмы, столбенеет при виде губернатора. Тюрьма начинает стихать.

Что у вас происходит в тюрьме?! В тюремном замке поют, полное безначалие... Меня встречает неизвестный, рапортует почему-то стихами!

Начальник тюрьмы *(грозно уголовным)*. По камерам...

Губернатор. И, должен сказать, единственный человек со светлой головой — этот рецидивист, толково очертивший положение.

Начальник тюрьмы *(смягчаясь)*. По камерам, по камерам...

Уголовный. Кругом марш!.. *(Уводит уголовных.)*

В это время выходит из тюрьмы Сталин в сопровождении двух надзирателей. Тюрьма затихает.

Губернатор. Кто это такой?

Начальник тюрьмы. Иосиф Джугашвили, ваше превосходительство. Из-за него все и загорелось.

Губернатор. Это что же значит?

Сталин. Надзиратели вызвали беспорядки в тюрьме.

Губернатор. То есть как?! Как же надзиратели могут вызвать беспорядки в тюремном замке?

В это время появляется Трейниц и становится сзади губернатора.

Сталин. Они зверски обращаются с заключенными. Тюрьма требует, чтобы устранили вот этого человека, который сегодня избил заключенную женщину.

Губернатор. То есть как требуют? Как это тюрьма может требовать? А, Владимир Эдуардович, здравствуйте. Вот этот самый, Джугашвили.

Трейниц. Я его хорошо знаю. *(Тихо губернатору.)* Я специально приехал. Расследование по делу Джугашвили закончено. Самое лучшее было бы перевести его из этой тюрьмы в батумскую, затем останется только ждать высочайшего повеления. Что касается надзирателя, то я полагал бы, что его действительно лучше отстранить и дело разобрать. Это приведет к успокоению.

Губернатор. Вы полагаете?

Адъютант *(подходит).* Сотня выехала.

Губернатор *(Сталину).* Мы и без вас разберем дело надзирателя. *(Начальнику тюрьмы.)* Разобрать дело этого надзирателя и отстранить от службы впредь до выяснения.

Первый надзиратель. Ваше превосходительство...

Губернатор. Молчать.

Сталин. У заключенных есть еще одно требование.

Губернатор. У них не может быть требований, а только прошения.

Сталин. Заключенные требуют, чтобы им была дана возможность купить на свои деньги тюфяки. Люди спят на холодном полу и от этого болеют и мучаются.

Трейниц *(тихо губернатору).* Эту претензию можно удовлетворить.

Губернатор. Удовлетворить эту претензию! Разрешить им... э... приобрести на рынке за свой счет тюфяки.

Сталин. Товарищи! Администрация удовлетворила требования!

Канделаки *(в окне).* Товарищи, передавайте! Администрация удовлетворила требования!

Крик передается дальше.

Губернатор. Прошу не делать никаких оповещений.

Трейниц *(начальнику тюрьмы).* Будьте добры... чтобы вещи его вынесли сюда.

Начальник тюрьмы *(надзирателю).* Вещи Джугашвили сюда.

Надзиратель убегает.

Губернатор *(Сталину).* А вас оповещаю: расследование по вашему делу закончено. Вас переводят в другой тюремный замок, где вы будете пребывать до тех пор, пока не получится о вас высочайшего повеления.

Послышался топот подъехавшей к тюрьме конной сотни.

Владимир Эдуардович, вы возьмете на себя осуществить его перевод?

Трейниц. Конечно, ваше превосходительство.

Губернатор. А как быть с казаками?

Трейниц. Я попрошу сотню отпустить, оставив мне один взвод для конвоя Джугашвили.

Губернатор. Очень хорошо. Ну, я еду. До свиданья,

полковник. *(Начальнику тюрьмы.)* А вам объявляю строгий выговор. Я застал в замке у вас полное безобразие. *(Удаляется в сопровождении адъютанта.)*

Надзиратель выносит сундучок.

Трейниц *(Сталину).* Извольте следовать. *(Начальнику тюрьмы.)* Отправьте, пожалуйста, его к фаэтону.

Начальник тюрьмы делает знак надзирателям. Те выбегают в подворотню и там становятся цепью под стеной.

Сталин *(взяв сундучок).* Прощайте, товарищи! Меня переводят!

Кандела́ки *(в окне).* Прощай! Прощай! Прощай!

Побежал по тюрьме крик: «Прощай!» Один из надзирателей вынимает револьвер, становится сзади Сталина.

Трейниц. Опять демонстрируете?

Сталин. Это не демонстрация, мы попрощались. *(Идет в подворотню.)*

Начальник тюрьмы *(тихо).* У, демон проклятый... *(Уходит в канцелярию).*

Когда Сталин равняется с первым надзирателем, лицо того искажается.

Первый надзиратель. Вот же тебе!.. Вот же тебе за все... *(Ударяет ножнами шашки Сталина.)*

Сталин вздрагивает, идет дальше. Второй надзиратель ударяет Сталина ножнами.

Сталин швыряет свой сундучок. Отлетает крышка. Сталин поднимает руки и скрещивает их над головой, так, чтобы оградить ее от ударов. Идет. Каждый из надзирателей, с которым он равняется, норовит его ударить хоть раз. Трейниц появляется в начале подворотни, смотрит в небо.

Сталин *(доходит до ворот, поворачивается, кричит).* Прощайте, товарищи!

Тюрьма молчит.

Первый надзиратель. Отсюда не услышат.

Трейниц. А что же там вещи разроняли? Подберите вещи.

Первый надзиратель подбегает к сундучку, поднимает его, направляется к воротам. Сталин встречается взглядом с Трейницем. Долго смотрят друг на друга.

Сталин *(поднимает руку, грозит Трейницу).* До свиданья!

Занавес

Конец третьего действия

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

До открытия занавеса глухо слышна военная музыка, которая переходит в звон музыкальной шкатулки. Затем он прекращается, и идет занавес. Летний день. Кабинет Николая II во дворце в Петергофе. На одном из окон висит клетка с канарейкой. Музыкальная шкатулка стоит на маленьком столе недалеко от письменного стола. Николай II, одетый в малиновую рубаху с полковничьими погонами и с желтым поясом, плисовые черные шаровары и высокие сапоги со шпорами, стоит у открытого окна и курит, поглядывая на взморье. Потом открывает дверь, выходящую в сад, и садится за письменный стол. Нажимает кнопку звонка. В дверях, ведущих во внутренние помещения, показывается флигель-адъютант.

Николай. Пригласите.

Флигель-адъютант. Слушаю, ваше императорское величество. *(Выходит.)*

Входит министр, кланяется, в руках у министра портфель.

Николай *(приподнимаясь министру навстречу)*. Очень рад вас видеть, Николай Валерианович, прошу садиться. *(Пожимает руку министру.)*

Министр садится.

А вы портфель сюда... а то вам будет неудобно. *(Указывает на стол.)*

Министр кладет портфель на край стола.
Николай предлагает министру папиросы.

Прошу вас, курите.

Министр. Благодарствуйте, ваше величество, я только что курил.

Николай. Как здоровье вашей супруги?

Министр. Благодарствуйте, ваше величество, но, увы, не совсем благополучно.

Николай. Ай-яй-яй! А что такое?

Министр. Последний месяц ее беспокоят какие-то боли вот здесь... в особенности по ночам...

Николай. Между ребрами?

Министр. Да.

Николай. Я вам могу дать очень хороший совет, Николай Валерианович. У императрицы были точно такие же боли и совершенно прошли после одного купанья в Саровском прудике. Да я сам лично, искупав-

шись, получил полное физическое и душевное облегчение.

Министр. Это тот самый прудик, в котором купался святой?

Николай. Да.

Министр. Говорят, что были случаи полного исцеления от самых тяжелых недугов?

Николай. Помилуйте! Я сам на открытии видел, как вереницы людей на костылях *(приподнимается, показывает разбитого человека на костылях)* буквально ползли к прудику и, после погружения в воду, выходили, отбрасывали костыли и — хоть сейчас в гвардию!

Министр. Мне остается очень пожалеть, что моя жена не могла приехать на открытие мощей.

Николай. Этому горю можно помочь. Императрица захватила с собой оттуда ведра четыре этой воды, и мы ее разлили по пузырькам. И если б вы знали, сколько народу являлось уже к императрице благодарить ее! Я сегодня же попрошу ее, чтобы она послала вашей супруге пузыречек.

Министр. Чрезвычайно обяжете, ваше величество. Только позвольте спросить, каким способом лечить этой водой?

Николай. Просто натереть ею больное место, несильно, а потом завязать старенькой фланелькой. Недурно при этом отслужить и молебен новоявленному угоднику божию преподобному Серафиму, чудотворцу саровскому.

Министр. Сию секунду. Я запишу, ваше величество. *(Записывает сказанное Николаем.)* А я ничего этого не знал.

Николай. Не удивительно, что помогает затворник и угодник божий. А вот там же, на открытии, мне представили обыкновенного странника. Василий босоногий. Никогда сапог не надевает.

Министр. Неужели и зимой?

Николай. Да. Он мне объяснил, что раз уж снял сапоги, то не надо их надевать никогда. Так вот Владимир Борисович... у него сделались судороги в ноге там же, в Сарове. Доктора ничем не могли помочь, а выкупаться ему было нельзя, потому что он был слегка простужен. И вот этот самый Василий, на моих глазах, исцелил Владимира Борисовича. Велел ему обыкновенные бутылочные пробки нарезать ломти-

ками, как режут колбасу, и нанизать на ниточку. И это ожерелье надеть на голую ногу, предварительно намазав слюною под коленом. Владимир Борисович пять минут походил с голою ногой, и все кончилось!

Дунул ветер, шевельнул бумаги на столе. Министр кашлянул.

Простите, вы боитесь сквозняка? *(Поднимается, чтобы закрыть дверь.)*

Министр. Нет, ради бога, не беспокойтесь, ваше величество! *(Закрывает дверь.)*

Николай. Что же у вас там, в портфеле?

Министр *(вынув бумаги)*. На ваше повеление дело о государственном преступлении, совершенном крестьянином Горийского уезда Тифлисской губернии Иосифом Виссарионовичем Джугашвили.

Николай. Вот так так! Крестьянин!

Министр. Он, ваше величество, крестьянин только по сословию, землепашеством не занимался. Он проходил курс духовной семинарии в Тифлисе.

Николай. Срам!

Министр. Обвинен в подстрекательстве батумских рабочих к стачкам и в участии в мартовской демонстрации прошлого года в Батуме.

Николай. Какая же это демонстрация?

Министр *(поглядывая в бумаги)*. Шеститысячная толпа рабочих явилась к зданию казарм с требованием освобождения арестованных.

Николай. Ай-яй-яй!

Министр. Толпа была рассеяна войсками.

Николай. Были ли убитые?

Министр *(глянув в бумаги)*. Четырнадцать убитых и пятьдесят четыре раненых.

Николай. Это самое неприятное из всего, что вы мне доложили. Какая часть стреляла?

Министр. Рота 7-го кавказского батальона.

Николай. Этого без последствий оставить нельзя. Придется отчислить от командования и командира батальона, и командира роты. Батальон стрелять не умеет. Шеститысячная толпа — и четырнадцать человек.

Министр. Что угодно будет вашему величеству повелеть относительно Джугашвили? *(Закашлялся.)* Преступление, подобное совершенному Джугашвили, закон карает высылкой в Восточную Сибирь.

Николай. Мягкие законы на святой Руси.

В это время донеслась из Петергофа военная музыка. Канарейка вдруг оживилась, встопорщилась и пропела тенором: «...жавный!..», потом повторила: «...жавный ца...», засвистела и еще раз пропела: «си... жавный!»

Николай. Запела! Целое утро ничего не мог от нее добиться! *(Очень оживившись, подходит к клетке и начинает щелкать пальцами и дирижировать.)*

Канарейка засвистела.

Николай Валерианович, не в службу, а в дружбу... ей надо подыграть на органчике... будьте так добры, там, на столике... повертите ручку!

Министр подходит к шкатулочке, вертит ручку, шкатулочка играет. Канарейка начинает петь: «Боже, царя храни!», свистит, потом опять поет то же самое: «...боже, царя храни...»

Министр. Поразительно!

Военная музыка уходит.

Что же это за такая чудесная птица?

Николай. Ее презентовал мне один тульский почтовый чиновник. Год учил ее.

Министр. Потрясающее явление!

Николай. Ну, правда, у них там, в Туле, и канарейки какие! *(Щелкает пальцами.)*

Канарейка: «...бо... ря... ни... ца...», свистит, потом опять налаживается: «храни!.. боже, царя храни...» и наконец, запустив руладу, наотрез отказывается дальше петь. Министр перестает крутить ручку.

Опять что-то в ней заело!

Министр. Все-таки какое же искусство!

Николай. Среди тульских чиновников вообще попадаются исключительно талантливые люди.

Министр. Она поет только первую фразу гимна?

Николай. И то слава богу! Так на чем же мы остановились, Николай Валерианович?

Министр. Срок. Полагается трехлетний.

Николай. Эхе-хе... Ну что же...

Министр. Разрешите формулировать, ваше величество? *(Читает по бумаге, правя карандашом.)* «На основании высочайшего повеления, последовавшего сего числа июля 1903 года по всеподданнейшему докладу министра юстиции, крестьянин Иосиф Виссарионович Джугашвили, за государственное преступление, подлежит высылке

в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции сроком на три года».

Николай. Утверждаю.

Министр. Разрешите откланяться, ваше величество?

Николай. До свиданья, Николай Валерианович, был очень рад повидать вас.

Министр, кашляя, выходит. Оставшись один, Николай открывает балконную дверь, садится за стол, нажимает кнопку. Появляется флигель-адъютант.

Пригласите.

Флигель-адъютант. Слушаю, ваше величество. (*Выходит.*)

В дверях появляется военный министр Куропаткин, кланяется. Темно.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

...Из темноты — огонь в печке. Опять Батум, опять в домике Сильвестра. Зимний вечер. С моря слышен шторм.
Порфирий у огня сидит на низенькой скамеечке. Потом встает (он стал чуть заметно прихрамывать) и начинает ходить по комнате, что-то обдумывая и сам с собою тихо разговаривая.

Порфирий (*горько усмехнувшись*). Она больше Франции... Что ж тут поделаешь... тунгузы... (*Подходит к окну.*) Вот так ночка... Черт месяц украл и спрятал в карман... да...

Послышался звук отпираемой ключом двери. Входит Наташа.

Ну что, есть что-нибудь?

Наташа (*снимая пальто*). Ничего нет ни у кого.

Порфирий. Я так и ожидал. (*Пауза.*) Надо глядеть правде в глаза. Нет вести ни у кого. И больше никто и никогда от него вестей не получит.

Наташа. Что это значит? Почему?

Порфирий. Потому, Наташа, что он погиб.

Наташа. Что ты говоришь и зачем? Ведь для того, чтобы так сказать, нужно иметь хоть какое-нибудь основание.

Порфирий. Основание у меня есть. Никто так, как я, не знал этого человека! И я тебе скажу, что, куда бы его ни послали, за эти два месяца он сумел бы откуда угодно подать весть о себе. А это молчание означает, что его нет в живых.

Наташа. Что ты каркаешь, как ворон? Почему непременно он должен был погибнуть?

Порфирий. Грудь... у него слабая грудь. Они знают, как с кем обойтись: одних они хоронят, прямо в землю зарывают, а других в снег! А ты не знаешь, что такое Сибирь. Эта Иркутская губерния больше, чем Франция! Там в июле бывает иногда иней, а в августе идет снег! Стоило ему там захворать, и ему конец. Я долго ломал голову над этим молчанием, и я знаю, что говорю. Впрочем, может быть и еще одно: кто поручится, что его не застрелили, как Ладо Кецховели, в тюрьме?

Наташа. Все это может быть, но мне больно слушать. Ты стал какой-то малодушный. Что ты все время предполагаешь только худшее? Надо всегда надеяться.

Порфирий. Что ты сказала? Я малодушный? Как у тебя повернулся язык? Я спрашиваю, как у тебя повернулся язык? Кто может отрицать, что во всей организации среди оставшихся и тех, что погибли, я был одним из самых боевых! Я не сидел в тюрьме? А? Я не был ранен в первом же бою, чем я горжусь? Тебя не допрашивал полковник Трейниц? Нет? А меня он допрашивал шесть раз! Шесть ночей я коверкал фамилию Джугашвили и твердил одно и то же — не знаю, не знаю, не знаю такого! И разучился на долгое время мигать глазами, чтобы не выдать себя! И Трейниц ничего от меня не добился! А ты не знаешь, что это за фигура! Я не меньше, чем вы, ждал известий оттуда, чтобы узнать, где он точно! Я надеялся... почему? Потому что составлял план, как его оттуда добыть!

Наташа. Это был безумный план.

Порфирий. Нет! Он безумным стал теперь, когда я всем сердцем чувствую, что некого оттуда добывать! И сказал я тебе это для того, чтобы мы зря себя не терзали. Это бесполезно.

Послышался тихий стук в окно.

Кто же это может быть? Отец стучать в окно не станет. *(Подходит к окну.)*

Наташа. Кто там?

Порфирий. Такая тьма, не разберу...

Наташа *(глядя в окно)*. Солдат не солдат... Чужой...

Порфирий. Ах, чужой... Тогда это нам не надо. Я знаю, какие чужие иногда попадаются. Опытные люди! Погоди, я спрошу. *(Уходит из комнаты. Послышался глухо его голос.)* Что нужно, кто там?

Сталин *(очень глухо, неразборчиво, сквозь вой непогоды).* Сильвестр еще здесь живет?

Порфирий *(глухо).* Но его нету дома. А кто вы такой?

Сталин. А Наташу можно позвать?

Порфирий. Да вы скажите, кто спрашивает?

Сталин. А кто это говорит?

Порфирий. Квартирант.

Сталин. А Порфирия нету дома?

Порфирий. Да вы скажете, кто вы такой, или нет?

Сталин умолкает. Послышались удаляющиеся шаги.

Наташа *(смотрит в окно).* Постой, постой, постой! Что ты делаешь? *(Срывается с места.)*

Порфирий выбегает ей навстречу из передней.

Порфирий. Что такое?

Наташа *(убегая в переднюю).* Да ты глянь!..

Порфирий подбегает к окну, всматривается. Брякнул крючок, стукнула дверь в передней. Наташа выбежала из дому. Ее голос послышался глухо во дворе.

Постой! Остановись, вернись!

Порфирий *(некоторое время смотрит в окно, потом пожимает плечами).* Не разберу... *(Идет к передней.)*

Из передней входят Наташа и Сталин. Сталин в солдатской шинели и фуражке.

Наташа. Смотри!

Порфирий. Этого не может быть!.. Сосо!..

Сталин. Здравствуй, Порфирий. Ты меня поверг в отчаяние своими ответами. Я подумал, куда же я теперь пойду?

Порфирий. Но, понимаешь... понимаешь, я не узнал твой голос...

Наташа *(Сталину).* Да снимай шинель!

Порфирий. Нет, постой! Не снимай! Не снимай, пока не скажешь только одно слово... а то я с ума сойду! Как?!

Сталин. Бежал. *(Начинает снимать шинель.)*

Порфирий. Из Сибири?! Ну, это... это... я хотел бы, чтобы его увидел только один человек, полковник Трейниц! Я хотел бы ему его показать! Пусть он посмотрит! Через месяц бежал! Из Сибири! Что же это та-

кое? Впрочем, у меня было предчувствие на самом дне души...

Наташа. У тебя было предчувствие? На дне души? Кто его сейчас хоронил, только что вот? *(Сталину.)* Он тебя сейчас только похоронил здесь, у печки... у него, говорит, грудь слабая...

Сталин идет к печке, садится на пол, греет руки у огня.

Сталин. Огонь, огонь... погреться...

Порфирий. Конечно, слабая грудь, а там — какие морозы! Ты же не знаешь Иркутской губернии, что это такое!

Сталин. У меня совершенно здоровая грудь и кашель прекратился...

Теперь, когда Сталин начинает говорить, становится понятным, что он безмерно утомлен.

Я, понимаете, провалился в прорубь... там... но подтянулся и вылез... а там очень холодно, очень холодно... И я сейчас же обледенел... Там все далеко так, ну, а тут повезло: прошел всего пять верст и увидел огонек... вошел и прямо лег на пол... а они сняли с меня все и тулупом покрыли... Я тогда подумал, что теперь я непременно умру, потому что лучший доктор...

Порфирий. Какой доктор?

Сталин. А?.. В Гори у нас был доктор, старичок, очень хороший...

Порфирий. Ну?

Сталин. Так он мне говорил: ты, говорит, грудь береги... ну, я, конечно, берегся, только не очень аккуратно... И когда я, значит, провалился... там... то подумал: вот я сейчас буду умирать. Конечно, думаю, обидно... в сравнительно молодом возрасте... и заснул, проспал пятнадцать часов, проснулся, а вижу — ничего нет. И с тех пор ни разу не кашлянул. Какой-то граничащий с чудом случай... А можно мне у вас ночевать?

Наташа. Что же ты спрашиваешь?

Порфирий. Как же ты спрашиваешь?

Сталин. Наташа, дай мне кусочек чего-нибудь съесть.

Наташа. Сейчас, сейчас, подогрею суп!..

Сталин. Нет, нет, не надо, умоляю! Я не дождусь. Дай чего-нибудь, хоть корку, а то, ты знаешь, откровенно, я двое суток ничего не ел...

Порфирий *(бежит к буфету)*. Сейчас, сейчас, я ему

дам... *(Вынимает из буфета хлеб и сыр, наливает в стакан вино.)* Пей.

Сталин, съев кусок и глотнув вина, ставит стакан и тарелку на пол, кладет голову на край кушетки и замолкает.

Наташа. Сосо, ты что? Очнись...

Сталин. Не могу... я последние четверо суток не спал ни одной минуты... думал, поймать могут... а это было бы непереносимо... на самом конце...

Порфирий. Так ты иди ложись, ложись скорей!

Сталин. Нет, ни за что! Хоть убей, не пойду от огня... пусть тысяча жандармов придет, не встану... я здесь посижу... *(Засыпает.)*

Порфирий. Что же с ним делать?

Наташа. Оставь! Оставь его! Отец вернется, вы его тогда сонного перенесете.

Порфирий. Ага... Ну, хорошо...

В это время слышно, как открывают входную дверь.

Вот отец! Только молчи, ничего не говори! Стой здесь!

Сильвестр *(входит, всматривается).* Что?!

Пауза.

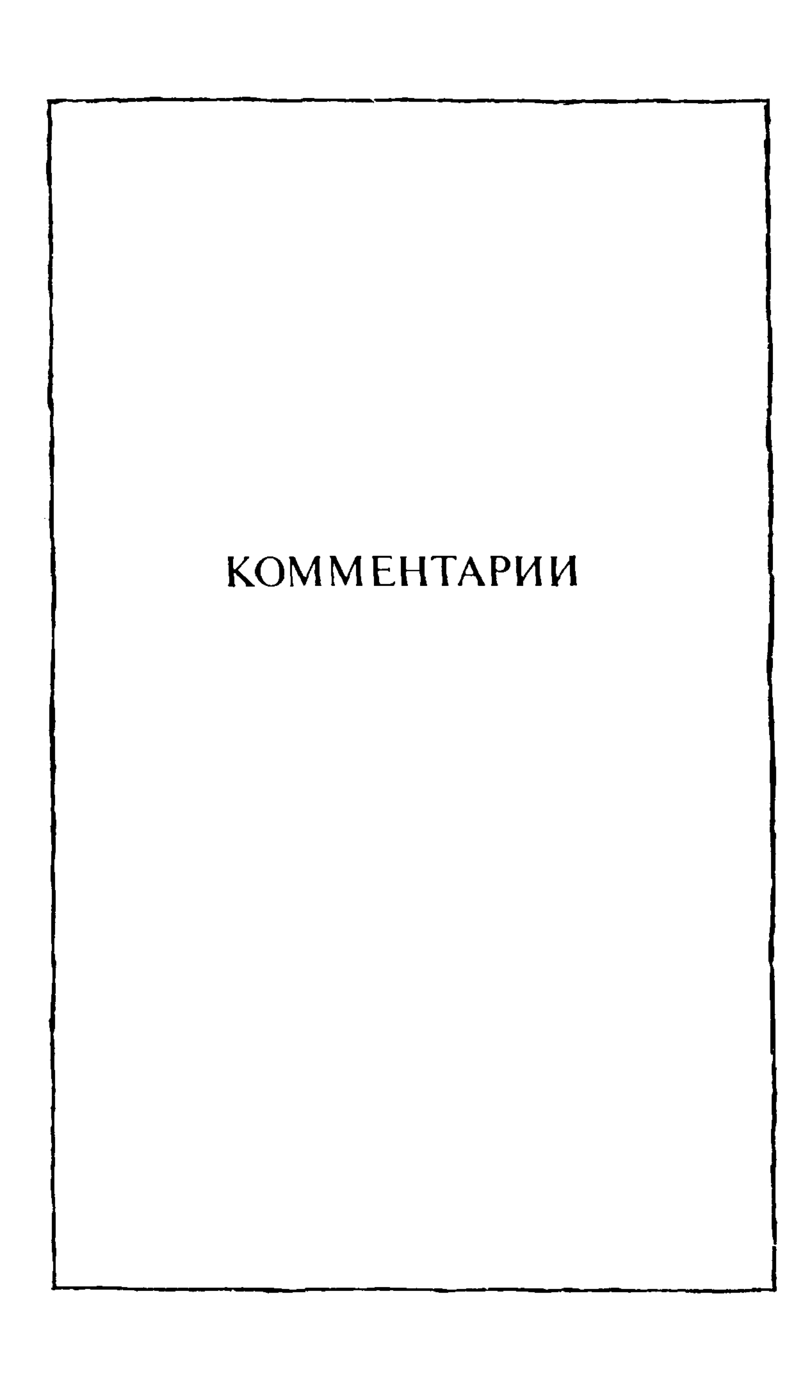
Вернулся?..

Порфирий. Вернулся!

Занавес

Конец

24 июля 1939 года

КОММЕНТАРИИ

ДРАМЫ И ТЕАТР МИХАИЛА БУЛГАКОВА

1

Когда идет речь о театре того или иного писателя, подразумевают обычно множество слагаемых: это история создания и постановок пьес, прижизненная и посмертная, источники и эволюция театральных воззрений, взаимоотношения писателя с предшественниками и современниками, наконец, судьба театрального автора в «большом времени». Применительно к Булгакову многие из этих слагаемых отсутствуют. Ранние свои пьесы он уничтожил (до нас дошел только суфлерский экземпляр «Сыновей муллы», драматургической поделки, сочиненной в соавторстве с «туземным» приятелем и голодухой в начале 1921 года во Владикавказе). Несколько пьес пролежали под запретом вплоть до новейших времен гласности. Из десяти оригинальных драм свет рампы при жизни Булгакова увидели только четыре, при этом «Багровый остров» и «Мольер» были сняты с репертуара вскоре после премьер. Большинство пьес, которые могли бы реально развернуть перед современниками «театр Булгакова», равно как и большинство его инсценировок, либретто, остались невостребованными. Если признать вслед за Гоголем, что драма без сцены не живет, то придется сказать, что театр Булгакова пытались, и не без успеха, уничтожить в зародыше.

Перед нами искалеченная театральная жизнь, в которой очень часто не было места изначальным условиям творческого существования. Театр Булгакова в большой степени остался «театром для себя», разыгранным в воображаемом пространстве белого листа бумаги. Театральный мир писателя был разорван,

он возвращался и восстанавливался по кусочкам, на протяжении десятилетий. По мере этой регенерации драматургические островки стали соединяться с материком его прозы. Проступили черты уникального внутреннего единства и целостности этого мира, открылась своеобразная поэтика, нацеленная на создание новой русской сцены.

Важнейшим обстоятельством, определившим становление Булгакова как театрального автора и как писателя вообще, была, конечно, коренная ломка всех оснований, на которых держался уклад российской жизни. Революционный катаклизм бросил вызов существующему искусству, призвал своих художников, которые должны были осмыслить проблемы существования человека в новом мире. Ответы на вызов времени были разные. Дерзкий художественный эксперимент захватил фактически все пространство послереволюционной художественной жизни — от архитектуры и музыки до поэзии и театра. Самоопределение Булгакова как прозаика и драматурга происходило, так сказать, на руинах прежней культуры. «Крушение гуманизма» не было лишь блоковской метафорой, но стало конкретным духовным событием, пережитым булгаковским поколением. «Утопия у власти» перечеркнула христианский гуманизм, а с ним заодно и все ценности прежней цивилизации. Была выдвинута идея создания нового человека, по своим масштабам и последствиям дерзнувшая сравниться с христианской и прийти ей на смену. В связи с этим все прежние мерки и человеческие ценности как бы утрачивали значение. Была оборвана та русская литературная, в том числе и драматургическая, традиция, которая покоилась на «доклассовом» понимании человека. Невозможность романа как жанра О. Мандельштам в начале 1922 года объясняет тем, что «композиционная мера романа — человеческая биография», а ныне «европейцы выброшены из своих биографий, как шары из биллиардных луз» [1]. Но ведь то же самое можно было бы сказать и о судьбе драматического жанра, не существующего вне «человеческой биографии». Попытки подменить жизнь человека «социальной маской», столь активные в новой советской драматургии и театре, Булгаков не принял ни в каком варианте.

Автор «Дней Турбиных» был выброшен «из лузы» своей наперед налаженной биографии, обеспеченной семьей, образованием и воспитанием. Общенациональный кризис он стал осмысливать в неожиданных тонах и формах, достаточно резко выделивших его среди художников послереволюционного поко-

---

[1] Мандельштам О. Конец романа.— Паруса, 1922, № 1, стлб. 31.

ления. В октябре 1925 года, вслед за публикацией «Белой гвардии» и первых крупных сатирических повестей, Леопольд Авербах дал определение, которое Булгаков не только заметил, но и привел потом как очень существенное для себя в письме «Правительству СССР»: «Появляется писатель, *не рядящийся даже в попутнические цвета*». Это была оппозиция господствующим идеям времени, выраженная на определенном художественном языке. «Глубокий скептицизм в отношении революционного процесса», происходящего в отсталой стране, «противупоставление ему излюбленной и Великой Эволюции» — философские самохарактеристики Булгакова — в том же документе сопряжены с чисто художественной самохарактеристикой: «черные и мистические краски (я — МИСТИЧЕСКИЙ ПИСАТЕЛЬ), в которых изображены бесчисленные уродства нашего быта, яд, которым пропитан мой язык <...> а самое главное — изображение страшных черт моего народа, тех черт, которые задолго до революции вызывали глубочайшие страдания моего учителя М. Е. Салтыкова-Щедрина».

Антиутопизм станет существенной чертой и основой художественного мировосприятия писателя. Он позволит ему не только видеть вещи в их реальном свете и значении, но и пророчить некоторые факты, что, как известно, свойственно «фантастическому реализму». Утверждаясь на почве классической литературной традиции, Булгаков, однако, находит мощные драматургические «усилители», способные передать цвет нового времени, стенограмму и дух того, что потом назовут «русским апокалипсисом». В драме, так же как и в прозе, «изобретение» идет рука об руку с «воспоминанием», художник дышит и «ртом» и «носом», как сказал бы поэт. Пьесы Булгакова сложно взаимодействуют не только с Гоголем, Сухово-Кобылиным, Чеховым, но и с русской театральной культурой начала века, а также с театром 20—30-х годов, что часто ускользает от внимания или толкуется крайне однозначно.

Путь Булгакова-драматурга мы знаем далеко не полностью. Владикавказский опыт, существенный в становлении писателя, реконструируется косвенно и только в самых общих чертах. Одно, во всяком случае, хорошо известно: первые скороспелые премьеры, «вымученное», по собственному определению драматурга, творчество на всю жизнь отбило у него охоту к театру как средству халтуры, быстрого и доходного сочинительства. Драма была для него подлинным и глубоко личным способом художественного высказывания. Эту простую мысль тем более важно подчеркнуть, что драматургия, в силу ее природной «неполноценности», зависимости от театрального рынка, бы-

стрее всего перешла у нас в сферу идеологического обслуживания.

В «Записках покойника», созданных на излете жизни, правит романтически окрашенное и напряженно переживаемое ощущение своей театральной избранности, призванности, если хотите, окликнутости высшей силой. Это чувство очень рано пробудилось в Булгакове. Оно диктовало ему формы отношений с крупнейшими режиссерами, театрами, критикой. Никакие авторитеты, никакие соблазны и диктат не смогли сбить его с избранного пути. «А между тем я знал, я видел, что тогда пьеса перестанет существовать. А ей нужно было существовать, потому что я знал, что в ней истина».

В письме «Правительству» Булгаков скажет о своем виртуозном знании сцены. Важная самохарактеристика требует расшифровки. Театральный опыт Булгакова к концу 20-х годов был действительно огромен. Он питался из самых разнообразных источников. Из киевской юности шло пожизненное увлечение оперой, музыкальной классикой. Это «грунт» театрального сознания Булгакова, и его следует рассматривать не только в «цитатном плане», но и в плане формирования собственной поэтики. Б. Гаспаров, один из тонких исследователей романа «Мастер и Маргарита», увидел в лейтмотивности, особым образом проведенной, особенность булгаковских художественных текстов. Прозрачная легкость драм Булгакова, как и его прозы, обнаруживает музыкальную по сути технику проведения главных и боковых тем, образующих многослойность и бездонность текста, характерную для симфонической музыки или мифа. Отсюда же идет излюбленная «художественная комбинаторика», то есть игра на постоянных мотивах и образах христианской культуры в сложном пересечении с темами и мотивами советского быта и миропорядка.

Традиционалистские установки киевского театрала прекрасно уживались у Булгакова с любовью к кабаретной культуре, к сатириконству во всех его видах и формах. Р. Вагнер соседствовал с опереттой, «Фауст» с Яроном и клоуном Виталием Лазаренко. Он глубоко почитал Михаила Чехова, но и Степан Кузнецов со времен соловцовского театра оставался его любимцем. Он владел техникой «хорошо сделанной пьесы», ценил классические «единства» и классический же способ объемного построения характера (чтобы актеру «было что играть»). Но в его драмах скрыта новаторская режиссура, которая опять-таки питалась из противоположных, порой взаимоисключающих источников. Он столкнулся в творческой работе с Художественным театром, с вахтанговцами, с А. Та-

ировым. Он был внимательным и ревнивым зрителем мейерхольдовских премьер, уроки которых не прошли для него даром. Автор «Зойкиной квартиры», «Турбиных» и «Багрового острова» практически, что называется, на ощупь изучил наиглавнейшие течения русского авангардного театра, задававшего тон мировой сцене. В его драмах, поставленных и непоставленных, он пытался встать «поверх барьеров» и развернуть тот театр, который начинал складываться в борениях и бурной полемике разных театральных школ и направлений. Трудно даже предугадать, каким было бы искусство отечественной сцены, если бы мощное и естественное движение культуры не было насильственно и безобразно прервано.

Стремительно развиваясь, Булгаков создавал свой театр. Вслед за Ибсеном он приравнял петит авторских ремарок к основному тексту драмы. Он приоткрыл в ремарках свое видение будущего спектакля, в котором на равных правах существуют и взаимодействуют актеры, музыка, свет и даже вещи, попадающие на сцену. Отточенные до символа детали исторического и бытового времени, сложно организованное пространство, искрящийся остроумием диалог, не вязнущий в болотной тине российского словоизвержения, сложный ритм, музыкальный комментарий, вскрывающий и ломающий эмоциональное и смысловое движение сцены, психологизм в сплаве с игровой, лицедейской стихией, артистизм, даже некоторое щегольство слога и тона, способность вести зрителя к определенной заостренной идее, в основе которой провидческая ясность в понимании судьбы своей страны и народа,— все это, вместе взятое, составляло глубокое своеобразие драм и театра Михаила Булгакова.

Давно отмечено, что излюбленным жанром писателя был трагифарс во всех его разновидностях и обличьях. Наблюдательный и злобно пристрастный Я. Эльсберг еще в 1926 году, после премьеры «Дней Турбиных» и «Зойкиной квартиры», обнаруживал опасную способность Булгакова сводить «значительное к фарсу, а фарс к значительному»[1]. В этом виделась идеология обывателя, не способного понять величие революции. На самом деле здесь скрывалось совершенно иное противостояние. Булгаков не принимал жизни, окрашенной в одну краску. Мир, ободранный для того, чтобы «наслаждаться голым светом»,— самое страшное, что можно устроить на земле. Однако «колдовская сила мертвой буквы» именно таким и хотела

---

[1] Эльсберг Ж. Булгаков и МХАТ.— На литературном посту, 1927, № 3, с. 47.

видеть мир. Страх перед живой жизнью выражался прежде всего в ненависти к любому несанкционированному смешению красок. Нарушение жанрового чина в отношении новой действительности оценивалось как идеологическое преступление. Прочитав в 1929 году рукопись книги Андрея Платонова «Чевенгур», Горький с прискорбием сообщает автору, что ничем не может ему помочь: «Хотели Вы этого или нет,— но вы придали освещению действительности характер лирико-сатирический, это, разумеется, не приемлемо для нашей цензуры» [1].

Лирика и сатира несовместимы. Это была определенная политика, которая на корню подрубала самые разные художественные явления, от «Самоубийцы» Н. Эрдмана и «Елизаветы Бам» Д. Хармса до «Бани» В. Маяковского. Эпоха революционного искусства умирала вместе с облюбованным ею жанром «мистерии-буфф», к созданию которого Булгаков имел самое прямое отношение.

Набрасывая в начале 30-х годов портрет Мольера, Булгаков обнаружил в его глазах «странную всегдашнюю язвительную усмешку и в то же время какое-то вечное изумление пред окружающим миром». Это определение приложимо к самым высоким уровням булгаковской прозы и драматургии, в чем мы еще будем иметь возможность убедиться.

Как и любому прирожденному драматургу, Булгакову был нужен свой театр. Работая с крупнейшими режиссерами, имея контакты с лучшими театрами своего времени, он остался однолюбом. «Театральный роман» сложился у него только с одним театром. Художественный театр был близок ему по составу «сценической крови», по исключительно актерской установке на театр «с человеческим лицом», по культурным генам, наконец. Тем больнее был разрыв и расплата. Когда закрыли театр Мейерхольда, Елена Сергеевна занесла в дневник острую и неожиданную мысль: «Потеря театра,— объяснял Булгаков жене,— Мейерхольда совершенно не волнует (а Станиславского потрясла бы и, возможно, убила, потому что это действительно создатель своего театра), а волнует мысль, чтобы у него не отобрали партбилет и чтобы с ним не сделали чего». Эту запись, редактируя дневник, Е. С. Булгакова через несколько десятилетий перечеркнет карандашом. После того, что «сделали» с Мастером, мысль Булгакова была кощунственной. Тем не менее тут скрыто глубокое убеждение автора «Бега» в

---

[1] Литературное наследство, т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., АН СССР, 1963, с. 313.

особой призванности Станиславского и его театра. Неприязнь к Мейерхольду, которому писатель не мог простить резкой и в обстановке весны 1936 года опасной критики «Мольера», сопровождалась во второй половине 30-х годов — это надо сказать с той же прямотой — глубочайшей неприязнью к руководителям Художественного театра. В дневнике Е. Булгаковой мы можем прочесть такие обвинения Станиславскому и Немировичу-Данченко, которые не идут ни в какое сравнение с язвительной филиппикой в адрес Мейерхольда. К режиссеру, надевшему комиссарскую тужурку в первые годы революции и неоднократно декларировавшему свои новые идеологические ориентиры, Булгаков не мог применять тех мерок, которые он применял для кровно близкого театра, гордившегося своей принципиальной независимостью. Этот театр вместе с Булгаковым был способен в 1926 году призвать «милость к падшим», и этот же театр в годы массовых репрессий вынужден был разделить моральную ответственность за все, что произошло в стране. Художественный театр ни себя не спас, ни своего крупнейшего послереволюционного автора. На глазах Булгакова случилась одна из самых тяжких катастроф в истории русской культуры. Эта катастрофа вытолкнула драматурга за пределы Художественного театра. Свою «бездомность» Булгаков осмыслит особым образом. Осенью 1936 года, вскоре после ухода из МХАТа, он начнет сочинять «Записки покойника», книгу, известную теперь во всем мире как «Театральный роман». Образ и облик большого тоталитаризма неожиданно откроется в этой отчаянно смешной книге, похожей на своего рода театральное завещание.

2

В послесталинские времена — из самых лучших побуждений — пытались доказать недоказуемое: близость «Дней Турбиных» и «Бега» канонической советской классике 20-х годов. Булгаков оказался в одном ряду с К. Треневым, Б. Лавреневым, Вс. Вишневским, В. Билль-Белоцерковским. Надо было доказать, часто это был единственный путь вырвать писателя из забвения, что Булгаков, пусть и не с такой идеологической глубиной, как вышеуказанные авторы, со срывами и «противоречиями», помогал разрабатывать одну из главных тем времени: тему перехода интеллигенции на сторону революции. В таком случае резкое неприятие пьес Булгакова, равно как и «суды» над мхатовским спектаклем, оказывались лишь досадной ошибкой, непониманием природы искусства и злобным искажением невинных булгаковских замыслов.

Чудовищное пренебрежение природой искусства, что говорить, было свойственно многим булгаковским оппонентам. Что же касается понимания булгаковских замыслов, то противники его пьес часто ощущали их гораздо острее, чем либеральные потомки. Первые по крайней мере чувствовали какую-то действительную пропасть между искусством Булгакова и тем, что утверждалось тогда в качестве непререкаемой «классовой психоидеологии». После премьеры «Дней Турбиных» в газетном отчете был приведен факт, великолепно проясняющий смысл спектакля и сам характер булгаковской позиции в 20-е годы: «Конкретные результаты,— заключал критик.— На просмотре во МХАТ какой-то гражданин, обливаясь слезами, орал «спасибо», а на диспуте в Доме печати одна из гражданок патетически взвизгнула «все люди братья».

Пафос общечеловеческих ценностей требовал не только гражданского, но и чисто театрального мужества. Не случайно Мейерхольд, а потом и Таиров выскажутся о мхатовском спектакле в том плане, что тут ошибка не только автора, но прежде всего театра, который не сумел поставить пьесу Булгакова так, как надо «советской общественности». С обескураживающей простотой, в «павильоне четвертьвековой давности» театр представил канувший в небытие уклад нормальной человеческой жизни. Накрахмаленная скатерть, цветы на рояле, кремовые шторы, часы, играющие нежный менуэт Боккерини, елка, весь строй турбинского дома вызывали ненависть. На мхатовской сцене были не социальные маски, не враги, но живые люди без всяких признаков классового тавра на лбу. Это был перелом, пролом, в который хлынула обжигающая правда братоубийственной войны. «Все было сделано так, чтобы можно было посмотреть в лицо человеку»,— скажет в феврале 1927 года Павел Марков.

Смотрели, однако, не в лицо, а на погоны. Придумали высокое идеологическое обоснование для истребления основ жизни, определив их как «мещанство» и «обывательщина». Вот почему Булгакову было так важно в последнем действии, после гибели Дома, отданного на поток и разграбление, использовать елку. Тема Рождества, надежды, вечного крещенского сочельника завершала пьесу. Спектакль, поставленный И. Судаковым под наблюдением К. Станиславского, вырос из отвращения к насилию и крови, пролитой в гражданской войне. Набравшись мужества, театр вслед за автором попытался «стать бесстрастно над красными и белыми». Это прекрасно почувствовали противники спектакля. Один из них тогда написал: «Дни Турбиных» в редакции МХАТ <...> исчерпывающе обнаружили свое старое

русско-интеллигентское мировоззрение»[1]. Такого рода мировоззрение связывали с Чеховым. Очевидная близость мхатовского спектакля чеховской традиции совершенно заслонила не менее важную внутреннюю полемику с Чеховым и «чеховщиной». «Старое русско-интеллигентское мировоззрение» было не только основой пьесы и спектакля, но и предметом напряженной рефлексии писателя и театра. Внутреннее движение спектакля это мировоззрение расщепляло, показывало его явную недостаточность в новых обстоятельствах. Мечты Лариосика о «покое», спроецированные на чеховский текст («мы отдохнем, мы отдохнем»), понимание личности, чуждое какому бы то ни было классовому подходу («Елена Васильевна... заслуживает счастья, потому что она замечательная женщина»),—весь этот сгусток «интеллигентского» сознания вызывал горчайшую улыбку. Дело шло о том, как сопрягаются старые понятия и представления о человеке с новой действительностью и новым пониманием вещей.

В спектакле Художественного театра первоначальный замысел пьесы Булгакова был трансформирован. Писатель представил в театр инсценировку, которую затем в совместной работе стали превращать в пьесу. В качестве образца у мхатовской молодежи была готовая форма «чеховского спектакля». В эту форму и попытались отлить «Белую гвардию». Очень многое не вместилось. Отброшенное, лишнее и «не театральное» — с точки зрения готовой формы,— часто оказывалось собственно булгаковским, только ему принадлежащим. Писатель угадывал себя, МХАТ — своего нового автора. Тут была не идиллия, а страстная художественная борьба, в которую на последнем этапе вмешались совершенно чуждые искусству внешние силы. Пьесу искорежили и покалечили, исключили важную сцену издевательства головорезов петлюровцев над евреем, перекроили финал, ввели «все усиливающийся» за сценой «Интернационал», заставили Алексея Турбина произносить некоторые совершенно немыслимые «пропагандистские» монологи. Если к этому прибавить, что в совместной работе с театром ушли сны героев и растаяла мистическая атмосфера, столь существенная в первой редакции пьесы, то можно сказать, что «Дни Турбиных» есть лишь «проба» настоящего театрального голоса. Однако эта «проба» предвещала явление самобытного национального драматурга.

Так оно и произошло. В следующей пьесе — она называлась

---

[1] Павлов В. Театральные сумерки. Статьи и очерки об академизме и о МХАТе (1926—1927).— Б-ка «Нового зрителя», 1928, с. 86.

«Бег» — фантазия Булгакова не была стеснена никакими известными театрально-драматургическими рамками. В «Днях Турбиных» писатель во многом шел за театром, поднимался до его уровня, учился мыслить категориями сцены. В «Беге» он предлагал театру свой уровень, новую и достаточно дерзкую сценичность.

Центр тяжести «Турбиных» — состояние турбинского дома, культуры. Центр тяжести «Бега» — состояние мира. Четко выделяются в «Беге» два плана: фабульный, событийный — бег Голубкова и Серафимы в Крым, «к Хлудову под крыло», а оттуда в Константинополь — и второй, внутренний план — движение, бег самой истории. Оба плана перекрещиваются в пятом сне — «тараканьих бегах», в котором действие обретает свой высший смысл.

В новой пьесе Булгаков полностью определяется на собственных драматургических позициях. Чеховская система, которую О. Мандельштам в 30-е годы назовет «экологической», то есть исходящей из проблемы мучительного соседства и сожительства людей, для «Бега» не существует как реальный театральный закон, с которым надо считаться. Людское соседство и сожительство не движет жизнь и ничего в ней не решает. Быт уничтожен, есть только бытие, разреженный и непривычный для человеческих легких воздух, в котором надо научиться дышать.

Булгаков воссоздает судьбу любимых героев вне привычного для них пространства и среды обитания. Это поэтика «вывихнутого» мира, противостоящего Дому, семье, очагу. Люди погружены в хаос стремительно несущегося гибельного потока. Логика личная, семейная, бытовая проверяется логикой надличностной, внебытовой, ирреальной. Писатель разрабатывает свой вариант фантастического или мистического реализма, пытается найти художественный фокус, чтобы собрать в драму «распыленную» биографию русского интеллигента.

Поэтика «восьми снов» держится на сочетании напряженной лирики, сатиры, фарса, подробно разработанного музыкального многоголосия, призванного передать бесконечный спектр жизни, раздвинуть эмигрантский сюжет до общечеловеческого. Булгаков в ремарках не пользуется традиционными указаниями типа «входит» или «выходит». В «Беге» «проваливаются», «исчезают», «уходят в землю», «вырастают из-под земли», «заносятся в гибельные выси», «закусывают удила», «скалятся», «сатанеют от ужаса», «вырастают из люка», «выходят из стены», «взвиваются над каруселью». Все это придает пьесе фантасмагорический тон и колорит.

Вяч. Полонский, выступая на обсуждении «Бега» в Художественном театре в октябре 1928 года, выразил сомнение относительно общей интонации пьесы, которую он хорошо почувствовал. «Бег», говорил он, написан так, «как будто борьба уже закончена». Критик был прав. Писатель апеллировал не к прошлому, а к будущему. Внутреннее напряжение пьесы питалось тем же, что и в романе, стремлением «стать бесстрастно над красными и белыми», увидеть мир с высшей, вынесенной за пределы своего дня точки зрения, заявленной в эпиграфе к «восьми снам»: «Бессмертье—тихий светлый брег. Наш путь—к нему стремленье. Покойся, кто свой кончил бег!»

В «Жизнеописании Михаила Булгакова», насыщенном богатейшим материалом и каждой своей страницей призывающем к размышлению, М. Чудакова поставила под сомнение замысел пьесы «о беге туда и беге обратно». Исследователь полагает, что драматург, познавший в 1926—1927 годах славу, поставленный на лучших сценах страны, в какой-то момент утратил остроту нравственного зрения. «В свете этих удач и оптимистических ожиданий,—пишет М. Чудакова,—судьба тех, кто в это время мыкался в Константинополе или Париже, о ком рассказывали вернувшиеся в Россию новые литературные сотоварищи, предстала в этот год перед ним как подлежащая непреложной и однозначной оценке»[1]. То, что прекрасно понимал эмигрант В. Ходасевич относительно судьбы «возвращенцев» в советской России, находившийся в Москве Булгаков не понимал. Оглушенный успехом, он попытался художественно оправдать идею «бега туда и бега обратно», пришел к «непреложной и однозначной оценке» людей, страдающих в эмиграции.

Наблюдение новое, чрезвычайно серьезное и острое, важное еще и тем, что выводит из автоматизма «прогрессивного» восприятия Булгакова, на котором много лет «буксовала» наша наука и критика. Тем не менее позволю себе оспорить этот вывод. «Удачи и оптимистические ожидания» по отношению к Булгакову в 1926—1927 годах—вещь весьма относительная. Обыск, произведенный у него 7 мая 1926 года с изъятием личных дневников и повести «Собачье сердце», травля, которой были подвергнуты «Дни Турбиных», а также запрет мхатовского спектакля, разрешенного осенью 1927 года только до первой новой постановки советской пьесы, никак не подтверждают

---

[1] Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., Книга, 1988, с. 365.

«удач и оптимистических ожиданий» (хотя 27-й год — это не 29-й, и тут автор булгаковского жизнеописания совершенно прав). Но есть возражение более основательное. Текст пьесы, все ее редакции и варианты финалов не дают оснований говорить, что Булгаков писал пьесу о «беге туда и беге обратно». Хлудов возвращается в Россию умирать — это не «бег обратно», а, скорее, приглашение на казнь (не говоря о других вариантах, где Хлудов кончает жизнь самоубийством в Константинополе). Что касается возвращения Голубкова и Серафимы, то и оно выполнено в типично булгаковских красках, крайне далеких от однозначной оценки. Голос надежды (он тут, конечно, есть!) сливается с голосом полнейшей обреченности, предчувствием смерти. Недаром судьбы всех «возвращенцев» скрепляет в финале мотив снега. «Опомнитесь, вас сейчас же расстреляют!» — «Моментально. *(Улыбается.)* Мгновенно. А? Ситцевая рубашка, подвал, снег...» И дальше словесно-музыкальный повтор: «Ничего, ничего не было, все мерещилось! Забудь! Забудь! Пройдет месяц, мы доберемся, мы вернемся, и тогда пойдет снег и наши следы заметет... Идем, идем!.. Идем! Конец!».

Снег на Караванной отсылает к чеховским «Трем сестрам», к их тоске по недостижимой духовной родине. Снег в этом контексте — это образ «тихого светлого брега», вечности, постоянного покоя и забвения, о котором мечтают все любимые герои Булгакова.

Через несколько лет после запрета «Бега» А. Афиногенов завел разговор о пьесе и стал советовать автору исправить вторую часть, чтобы пьеса стала «политически верной». Диалог двух мхатовских авторов приведен в дневнике Е. С. Булгаковой:

«Афиногенов: Ведь эмигранты не такие...

М. А.: Это вовсе пьеса не об эмигрантах, и вы совсем не об этой пьесе говорите. Я эмигрантов не знаю, я искусственно ослеплен» (запись 9 сентября 1933 года).

Булгаков задумывал пьесу не о беге туда и обратно. Он писал о «беге времени», о том, какой ценой искупаются в истории людские страсти и человеческие страдания. «Восьми снов», однако, не хватило никому. Доброжелатели, в том числе и во МХАТе, просили пояснее прописать мотивы возвращения Голубкова и Серафимы, которые должны хотеть работать в РСФСР. «Верховный чтец», как известно, поставил условием разрешения пьесы создание Булгаковым еще нескольких снов, где были бы изображены «внутренние социальные пружины гражданской войны в СССР». «Бег» в том виде, в каком он есть,

представляет антисоветское явление»[1],— формулировал Сталин в письме к Билль-Белоцерковскому.

Запрет «Бега» был одним из поворотных моментов советской театральной истории. Готовился «год великого перелома». Осенью 1928 года, когда «ослепили» автора «Бега», покинул Москву Михаил Чехов. На прощанье из Берлина он сообщает Луначарскому о причинах, по которым существование художника и самого искусства театра стало немыслимым: «Я изгнан из России, вернее, из российской театральной жизни, которую так люблю и ради которой смог бы перенести и переносил многие трудности, лишения и несправедливости. Я изгнан простым, но единственно непереносимым фактом нашей театральной жизни повседневного времени: бессмыслицей ее. Театральная жизнь с невероятной быстротой, как большая спираль, устремилась к своему центру и остановилась в нем. Все интересы, связанные с искусством театра, стали чужды театральным деятелям. Вопросы эстетики благодаря стараниям нашей узкой театральной прессы стали вопросами позорными, вопросы этики (без которой, в сущности, нет ни одной даже «современной» пьесы) считаются раз и навсегда решенными, а потому общественно бесполезными; целый ряд чисто художественных настроений подведены под рубрику мистики и запрещены. В распоряжении театра остались бытовые картины революционной жизни и грубо сколоченные вещи пропагандного характера»[2].

Через год с небольшим Булгаков, вслед за Чеховым, но не из Берлина, а из Москвы с самоубийственной решимостью объявит себя «мистическим писателем» и предскажет последствия новой театральной политики. «Бытовым картинам революционной жизни и грубо сколоченным вещам пропагандного характера» он противопоставил в 20-е годы «Зойкину квартиру» и «Багровый остров», две пьесы, которые можно было бы назвать комедиями революции.

3

«Зойкина квартира» репетировалась и выпускалась параллельно с «Днями Турбиных». Премьеры спектаклей разделяли несколько недель. Эту парность, внятную для современников, с течением времени перестали улавливать. Между тем соседство двух пьес обнаруживает масштаб булгаковской сатиры, призван-

---

[1] Сталин И. В. Соч., т. 11. М., 1949, с. 327

[2] ЦГАЛИ, ф. 1990, оп. 2, ед. хр. 46, л. 16

ной проникать, как он однажды высказался, «в запретные зоны».

Меньше всего это комедия о нэпе, издевательство над его «гримасами» или изображение его «накипи». Новое время, пришедшее на смену «голым» временам, Булгаков воспринимал совершенно иначе, чем революционно настроенные художники-утописты. «Москва гудит, кажется?... Это — нэп...— Брось ты чертово слово!.. это сама жизнь!» — так написано в очерке «Сорок сороков». Внутренним стержнем пьесы, вокруг которого вертится блестяще закрученный сюжет, становится идея «нового дома». Булгаков всю жизнь писал «трактат о жилище». Образ Дома был едва ли не важнейшим мотивом его искусства, тесно связанным с целым кругом культурных реминисценций, бытом, унаследованной традицией. В «Белой гвардии» мать оставляет детям «все семь пыльных и полных комнат», с «бронзовой лампой под абажуром, лучшими на свете шкапами с книгами, пахнущими... старинным шоколадом, с Наташей Ростовой, «Капитанской дочкой». Но «упадут стены... потухнет огонь в бронзовой лампе, а Капитанскую дочку сожгут в печи». Разрушение «белого дома» (так называлась пародия на пьесу «Дни Турбиных») сопровождается у Булгакова описанием нового «жилтоварищества». Тема «нехорошей квартиры» возникает в прозе Булгакова рано и в сложной разработке. «Москва — котел: в нем варят новую жизнь. Это очень трудно. Самим приходится вариться. Среди Дунек и неграмотных рождается новый, пронизывающий все углы бытия организационный скелет» («Столица в блокноте»). Черты этого «организационного скелета» в театре Булгакова впервые проступили в «Зойкиной квартире».

В начальной ремарке намечены существенные признаки нового жизненного порядка. Зойкина квартира увидена на фоне пылающего майского заката, излюбленного времени реалистического гротеска, в магнитном поле которого развертываются у Булгакова его наиглавнейшие истории. «Двор громадного дома играет, как страшная музыкальная табакерка». Обозначена тема «Фауста»: голос Шаляпина провозглашает: «На земле весь род людской...» В музыкальную какофонию вплетаются голоса точильщиков ножей, паяльщиков самоваров, гудки трамваев и автомобильные сигналы. В 1935 году, редактируя в последний раз «Зойкину квартиру», Булгаков завершил ремарку важнейшим смысловым образом: «Адский концерт». Начальная ремарка комедии готовит авторскую прозу «Бега», прежде всего сон о «тараканьих бегах» в Константинополе. Булгакову с самого начала важно расширить зону сценического действия, вывести

обитателей странной квартиры в иное измерение времени и пространства. В сущности, в «Зойкиной квартире» зарождается «тараканий бег», предвосхищающий «полет в осенней мгле» героев будущей пьесы. Сквозным действием трагифарса и всех его основных героев становится идея бегства. Одни мечтают о Париже, Ницце, Больших бульварах, и этот звон, стон, мечта оправдывают самые чудовищные унижения. Можно открыть публичный дом, торговать телом, чем угодно, только бы выбраться, схватить визу, «дать лататы». Мечта о Париже, объединяющая русских героев пьесы, спародирована «китайской мечтой». Херувим и Газолин, два молодых разбойника и торговца кокаином, тоже тоскуют в холодной Москве. В их душе взлелеян образ родного Шанхая, и ради этой мечты они запросто вынимают нож.

Точка ножей, предчувствие резни висит в воздухе пьесы с первой же ремарки.

Тема бегства теснейшим образом связана с мотивом лицедейства. Все и вся в личинах, какая-то дурная театрализация жизни. Пошивочная мастерская не мастерская, а публичный дом. Китайская прачечная не прачечная, а притон торговцев наркотиками. Аметистов расстрелян в Баку, но это ничуть не мешает ему всплыть в Москве, работники МУРа не работники МУРа, а представители Наркомпроса с наклеенными «под Луначарского» бородами. Рождается особый тип человека, обросшего, как шерстью, липовыми документами. Есть документ — есть человек, нет документа — нет человека. В доме, где царствует Аллилуя, уголовная психика становится нормой. Мир мнимостей «идеологически» прикрыт. Со стены Зойкиной квартиры днем взирает Карл Маркс, а вечером, когда открывается «ателье», портрет заменяют нимфой: «Слезайте, старичок. Нечего вам больше смотреть. Ничего интересного больше не будет». Тема жизни, вывернутой наизнанку, находит свое высшее разрешение в образе «бывшего графа», уподобленного «бывшей курице», которая «таперича пятух».

Драматург раздвигает уголовно-фельетонный сюжет, добиваясь разными способами трагических обертонов в общей фарсовой разработке. Достаточно вспомнить музыкальную партитуру, всегда отражающую и фокусирующую у Булгакова все иные уровни пьесы. Веселая полька и бас Шаляпина, нежный голос рояли и грустная китайская песенка, бурная Вторая рапсодия Листа и романс Рахманинова «Не пой, красавица, при мне». В двух ночных сценах «ателье», в кутежах и бесстыдном разгуле музыкальная фантасмагория достигает мистического звучания: современная советская частушка («отчего да почему,

да по какому случаю коммуниста я люблю, а беспартийных мучаю») опрокидывается «ликующим фокстротом», разухабистая цыганщина сочетается с балалайкой, «Светит месяц» с завыванием клиента, горланящего «Из-за острова на стрежень». Пьяный надрыв обрывается «Ноктюрном» Шопена, исполненным «бывшим графом» вкупе с гениальным авантюристом. И над всем этим — фокстрот, «голос Запада», и рефреном звучащий мотив: «Покинем край, где мы так страдали»

Новая жизнь ломается и кричит на все голоса. В звуковом вареве «адского концерта», среди проституток и домоуправов, китайцев и директоров трестов тугоплавких металлов рождается невиданный «организационный скелет». Он действительно пронизывает все углы бытия: трагическая подкладка фарса, на которой Булгаков настаивал, передает внутреннее напряжение пьесы, дерзнувшей проникнуть в «запретные зоны» новой действительности.

Жанровую природу пьесы, вместившей технику сабуровских фарсов, итальянской арлекинады, салонной комедии вместе с приемами «сухово-кобылинской школы», в театре сильно упростили. Алексей Попов, постановщик спектакля, решил выступить прокурором по отношению к героям Булгакова, несмотря на то что материя пьесы такому прокурорскому надзору сопротивлялась. Некоторые актеры, прежде всего Ц. Мансурова — Зойка и Р. Симонов — Аметистов, отказались от прокурорского перста и имели необыкновенный успех, впрочем, как и весь спектакль. Но драматурга успех не успокоил: «Пьеса оскоплена, выхолощена и совершенно убита»[1]. Достаточно сказать, что, спасая пьесу, режиссер заканчивал зрелище громовой репризой, уже тогда вошедшей в хрестоматию советских комедийных штампов: «Граждане, ваши документы!»[2] Впрочем, реприза, придуманная вахтанговцами, была ничуть не хуже, чем звук все усиливающегося «Интернационала», которым Илья Судаков обозначил гибель турбинского дома в мхатовском спектакле.

Первые московские премьеры Булгакова вызвали форменный скандал. Посыпался град политических обвинений драматургу и театрам. А. Луначарский объявил, что «Дни Турбиных» решили не запрещать, но встретить организованной критиче-

---

[1] Новицкий П. Современные театральные системы. М., 1933, с. 163.

[2] Гудкова В. «Зойкина квартира» М. А. Булгакова.— В сб.: М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. М., 1989, с. 111.

ской кампанией. Ход и смысл этой кампании вышли далеко за намеченные пределы. Фактически это была генеральная репетиция тех дискуссий, которые приведут к истреблению наиболее талантливой части новой драматургии и послереволюционного театра. Булгаков одним из первых понял эту угрозу не только в личном, но и в гораздо более широком плане.

Драматург, доведенный до остервенения критикой, решил ответить тем оружием, которым владел лучше всего. Он ответил памфлетом «Багровый остров» и успел увидеть спектакль на сцене Камерного театра в постановке А. Таирова. Пародия на сценические штампы затрагивала узловые моменты театральной жизни, культурной политики складывающегося государства. Новая театральная политика как определенная система приоритетов к концу 20-х годов выявилась с полной наглядностью. Была завербована и вызвана к жизни особого рода генерация художников, обслуживающих новую идеологию. Появились театры, полностью ориентированные на заданный ранжир, а никакие иные театры уже не могли появиться на свет. В деле участвовала, активно и широко, театральная критика вкупе с органами репертуарного контроля (часто критики были одновременно и работниками Реперткома). К концу 20-х годов была отработана система нормативной эстетики, а также престижных компенсаторов, которые должны были направлять театральное искусство в заданное русло. Сценические и драматургические штампы, на которые напал Булгаков в памфлете, в своей глубине и генезисе оказывались штампами и клише новой идеологии. Все роковые черты «командно-административной» системы управления искусством, как теперь бы сказали, зафиксированы в пьесе, написанной в 1927 году.

В письме «Правительству СССР» Булгаков с сочувствием процитирует статью Павла Новицкого, посвященную пьесе «Багровый остров» и спектаклю Камерного театра. Он приведет неожиданное и поразительно меткое определение критика, разглядевшего в пьесе «зловещую тень Великого Инквизитора, подавляющего художественное творчество, культивирующего рабские подхалимско-нелепые драматургические штампы, стирающего личность актера и писателя». Было бы непростительной наивностью подразумевать под «мрачной силой» только тех или иных «левтерецев», то есть левых театральных рецензентов, как их тогда называли. Рапповцы, драматурги и критики, при всей их агрессивности, были лишь отважными марионетками в руках верховного «кукловода». Когда ему было надо, он запросто уничтожал того же В. Киршона или А. Афиногенова, собствен-

норучно редактируя целые страницы в пьесе «Ложь». В самохарактеристике «Багрового острова» Булгаков резко расширяет зону критики, ставшую объектом его памфлета: «Я не берусь судить, насколько моя пьеса остроумна, но я сознаюсь в том, что в пьесе действительно встает зловещая тень, и это тень Главного Репертуарного Комитета. Это он воспитывает илотов, панегиристов и запуганных «услужающих». Это он убивает творческую мысль. Он губит советскую драматургию и погубит ее.

Я не шепотом в углу выражал эти мысли. Я заключил их в драматургический памфлет и поставил этот памфлет на сцене. Советская пресса, заступаясь за Главрепертком, написала, что «Багровый остров» — пасквиль на революцию. Это несерьезный лепет. Пасквиля на революцию в пьесе нет по многим причинам, из которых, за недостатком места, я укажу одну: пасквиль на революцию, вследствие чрезвычайной грандиозности ее, написать НЕВОЗМОЖНО. Памфлет не есть пасквиль, а Главрепертком — не революция.

Но когда германская печать пишет, что «Багровый остров» — это «первый в СССР призыв к свободе печати» («Молодая гвардия», № 1 — 1929 г.), — она пишет правду. Я в этом сознаюсь».

В архиве Булгакова сохранился перевод статьи из немецкой газеты «Deutsche Allgemeine Zeitung» от 5 января 1928 года. Зарубежный обозреватель московской театральной жизни пытается сопоставить пьесу и спектакль с театральными и драматургическими идеями Пиранделло (мотив «театра в театре»). Он определяет «Багровый остров» как драматическое каприччио, неразрывно связанное с атмосферой жизни, «где каждое свободное слово — одухотворенный поступок, каждая шутка против правящих — выражение храбрости». Он пытается понять, что «прельстило аполитичного режиссера Таирова» в булгаковской пьесе, и передает некоторые существенные черты запрещенной постановки: «Быстро меняющиеся, поразительно пестрые сценические картины: распределение ролей, гримировка в уборных, драматические и идиллические сцены на Южном острове, феодальный замок британского лорда, огнедышащий вулкан, бой на баррикадах и любовные сцены, атмосфера салона и пролетарская радость братания, масса впечатлений для глаза и уха — очень любопытный русский скетч». В той же заметке сделан вывод, который Булгаков отчасти использовал в своем обращении к Правительству: «Русская публика, которая обычно при театральных постановках так много говорит об игре и режиссере, на этот раз захвачена только содержанием. На

багровом острове Советского Союза, среди моря «капиталистических стран», самый одаренный писатель современной России в этой вещи боязливо и придушенно, посредством самовысмеивания, поднял голос за духовную свободу».

Известно, что пародируемым планом памфлета стали многие знаменитые спектакли и пьесы той поры[1]. Однако немецкий критик не зря оговорился словами о «самовысмеивании». В памфлете Булгакова отчетливо звучат мотивы его собственной драматургии, пародийно вывернутые. Автор «Дней Турбиных», «Бега» и «Зойкиной квартиры» предлагал критикам пьесу, сделанную по всем рецептам новой театральной «кулинарии». Более того, в образе халтурщика Дымогацкого, сочинившего пьесу о «белых арапах» и «красных туземцах», он остраняет свой личный владикавказский опыт с упомянутой уже пьесой о восстании ингушей против муллы Хосбата. Памфлет питался из личных источников. Возможный поворот судьбы — превращение в халтурщика, пишущего по заказу «революционные пьесы», был реальным для Булгакова, так же как и для многих его театральных современников. Недаром письмо правительству начинается с изложения дружеских советов драматургу перестроиться и сочинить «коммунистическую пьесу», чтобы спастись от нищеты и неизбежной гибели в финале. Эту возможность писатель отверг. Финал «Багрового острова» построен на бесподобном и неожиданном сломе жанра (излюбленном в драматургической технике Булгакова). Из груди халтурщика Дымогацкого извергается вопль отчаяния, тоски, безумной храбрости. Его ум помутился. Предложение цензору Савве проткнуть грудь карандашом, характерная «ошибка» в замене слова «очаковские» на «колчаковские» в перелицованном монологе «А судьи кто?», вообще вся проекция на «Горе от ума» поддерживали важную внутреннюю тему памфлета. «Багровый остров» — пьеса о театре, стоящем на распутье, о драматурге, выбирающем судьбу. Конфликт художника и Саввы углублен и расширен судьбой всей русской литературы.

В феврале 1929 года Сталин, отвечая Билль-Белоцерковскому, аттестовал «Багровый остров» как макулатуру. Сопряжение этого понятия с определением «Бега» как пьесы, вызывающей «жалость, если не симпатию, к некоторым слоям антисоветской эмигрантщины», делали драмы Булгакова и их автора обреченными. Страна вступила в «год великого перелома», нужна была свежая кровь. Булгаков (вместе с Е. Замятиным и Б. Пильняком) стал главным жертвоприноше-

---

[1] См.: Нинов А. А. Легенда «Багрового острова».— Нева, 1989, № 5.

нием новой эпохи. В марте 1929 года булгаковские пьесы были сняты с московских афиш, а осенью Р. Пикель в статье «Перед поднятием занавеса» в «Известиях» назвал расправу с драматургом большим «достижением» советской общественности.

Следует напомнить, что именно в этот год, «год катастрофы», в творческой фантазии Булгакова завязываются узлы всех будущих его крупнейших созданий — и в прозе, и в драме. В этот же год, подводя итоги своему московскому театральному пятилетию, Булгаков сочиняет пьесу о Мольере, которая в первой редакции, до цензурного вмешательства, имела название «Кабала святош». Театральная тема, только что исследованная на материале сугубо современном и пародийном, обрела исторический резонатор. Выбрав родственную судьбу в прошлом, Булгаков создает еще один трагифарс о художнике, лукавом и обольстительном комедианте, который осуществляет свое право на театр в условиях, сильно приближенных к современным. В этой пьесе, вероятно, свободнее, чем в любой иной, Булгаков заговорил своим настоящим голосом. Его представления о театре, художнике, власти, судьбе обрели черты гармонической и выстраданной завершенности.

4

В подзаголовке первой редакции сказано: «пьеса из музыки и света». Странное определение хорошо передает некую «память жанра», заключенную в драме. После премьеры Юрий Олеша, которому пьеса не нравилась, обнаружит эту память в родстве с «Сирано де Бержераком» Ростана: это, мол, ответ Булгакова на впечатление киевской театральной юности. Похоже, что ревнивый драматург угадал. Автор «Мольера» в интервью, взятом у него незадолго до премьеры, скажет совершенно определенно: «Я писал романтическую драму, а не историческую хронику. В романтической драме невозможна и не нужна полная биографическая точность. Я допустил целый ряд сдвигов, служащих к драматургическому усилению и художественному украшению пьесы. Например, Мольер фактически умер не на сцене, а, почувствовав себя на сцене дурно, успел добраться домой; охлаждение короля к Мольеру, имевшее место в истории, доведено мною в драме до степени острого конфликта, и т. д.»[1].

---

[1] Горьковец, 1936, 15 февраля.

Проникая в далекую эпоху, «в призрачный и сказочный Париж XVII века», Булгаков написал не просто «романтическую драму». Он подключился к той ее разновидности, которую немецкие романтики называли «драмой судьбы». Недаром пьеса завершалась финальным вопросом Лагранжа, постигающего суть того, что произошло с Мольером: «Причиной этого явилась ли немилость короля или черная Кабала?.. Причиной этого явилась судьба. Так я и запишу».

Последнюю фразу цензор вычеркнул. Наступили времена «исторической необходимости», драматурги соотносили свое искусство с новыми методами познания разумной действительности, не оставляющеї писателю никаких загадок жизни, смерти и судьбы. (Напомню, что именно в 1930 году А. Афиногенов издал чудовищную по схоластике и очень искреннюю монографию «Творческий метод театра. Диалектика творческого процесса», в которой «разъяснил» при помощи диамата и истмата «Черную магию» театрального сочинительства.) Представления Булгакова о жизни художника как мистически реализуемой «судьбе» были для конца 20-х годов на редкость архаичными, также как и его представления о театре. Образ этого театра в «Кабале святош» — образ тесного семейного братства («Дети Семьи»), островка, живущего по своим законам, несовместимым с законами «кабалы святош» или королевского дворца. Основная тема пьесы разворачивается в попытках комедианта и руководителя театра приспособиться к «бессудной тирании». В начальной ремарке предсказан результат такого приспособления: «Во второй уборной довольно больших размеров распятие, перед которым горит лампада».

Тема творящего с самых первых литературных шагов переживалась Булгаковым как тема жертвы и искупления. В раннем владикавказском очерке «Муза мести», посвященном Н. Некрасову, сказано: «...когда в творческой муке подходил к своему кресту (ибо тот, кто творит, не живет без креста)». Тут одно следует из другого: творец обрекает себя на крестный путь объективно, самой своей природой: был бы Мастер, а Людовик или Николай I всегда найдется.

Образ художника — пророка и искупительной жертвы, столь распространенный в романтической классике, в том числе и в русском художественном сознании начала века, приобретает у Булгакова свою собственную окраску. В разных вариантах, на протяжении всей творческой жизни, но особенно в 30-е годы, Булгаков прикован к загадочной и сложной ситуации, давно отмеченной исследователями: слабый, затравленный и безза-

щитный художник призван выполнить свое дело на земле, но выполнить его самостоятельно не может. Распинаемый организованной силой зла, он прибегает к помощи некоего могучего покровителя. Он рассчитывает на него и полностью от него зависит. Высшей силе достаточно, как говорится, пошевелить пальцем, чтобы спасти художника. Он заключает или готов заключить «договор» с этой силой, но в какой-то момент художника предают. Тот, кто должен был спасти и, казалось, спасет, уничтожает творца самым безжалостным и унизительным образом. От «Кабалы святош» до «Записок покойника» эта «схема» взаимоотношений Мастера и власти воспроизводится у Булгакова постоянно, наиболее выразительно и полно — в пьесе о Мольере.

Подлинное и единственное жизненное пространство Мольера — его театр, его искусство. Театральную тему автор «Кабалы святош» ведет средствами романтической драмы, отвечающими его идеалу свободного театра. Сценическое пространство противостоит королевскому дворцу, мраку подвала, в котором заседает Кабала, собору, полному ладана, тумана и тьмы, наконец, убогому жилищу самих актеров, жалкому реквизиту бродячей жизни, только что оторвавшейся от балагана и повозки. Сцена «приподнята над уборными», мы видим сцену и зал одновременно, на их таинственном стыке по линии рампы. Сцена парит над залом как некое одухотворенное живое существо. Театральное пространство открывается в своем преображающем могуществе. Комедиант выходит на подмостки, как на бой: «Мольер поднимается на сцену так, что мы видим его в профиль. Он идет кошачьей походкой к рампе, как будто подкрадывается, сгибает шею, перьями шляпы метет пол». «Комедианты Господина» оказываются не только слугами и лакеями короля, но и выразителями неведомой им самим высшей творческой воли, которая скрыта в отважной игре в освещенном пространстве.

Булгаков строит пьесу на перетекающих и отражающихся друг в друге мотивах жизни-игры: мы видим, как мольеровские сюжеты зарождаются в недрах актерского быта, как небольшая труппа в семь человек своими характерами, судьбами, взаимоотношениями исчерпывает, как семь нот, богатство человеческой природы. Мы наблюдаем, как реальность становится предметом театра и как театр становится второй реальностью. Мы видим, как жизнь постигают через театр и как такой способ становится общепонятным. Так, Муаррон в припадке бешенства бросает в лицо Мольера его же собственное исчерпывающее определение: «Сганарель проклятый».

Мольер в жизни будто проигрывает сюжет из собственной пьесы, и эта тонкая и странная игра заполняет драму вплоть до финала. Когда заканчивается роковой спектакль, «последняя свеча гаснет, и сцена погружается во тьму. Все исчезает. Выступает свет у распятия. Сцена открыта, темна и пуста». Темная и пустая сцена — знак смерти, небытия, уничтожения. Именно так в конце концов оборачивается в «Кабале святош» тема театра, смысл его праздничных огней, оглушительный раскат смеха тысячи людей, наполняющих темный простор зала.

Театральная тема в пьесе неотделима от темы писательской. Насколько актер, движимый высшей силой, играет и подчиняет игре свою человеческую судьбу, настолько драматург становится в каком-то смысле рабом им сотворенного. Жизнь Мольера — в булгаковской версии — имеет смысл и оправдание только в связи с «Тартюфом»: нет той цены, которую писатель не заплатил бы, чтобы написанное не было уничтожено. Обязательства перед не рожденной на сцене пьесой оказываются превыше всех иных обязательств автора «Тюртюфа». «Пьеса из музыки и света» есть пьеса о неодолимости творческого начала жизни в его бесконечном и неразрешимом споре с «Кабалой святош», будь это религиозные фанатики XVII века или «комсомольцы 20-х годов» (П. Марков в свое время передавал гулявшую по Москве фразу Сталина в связи с запретом «Бега»: «В «Беге» я должен был сделать уступку комсомолу» [1]).

Пьеса о Мольере репетировалась в Художественном театре много лет. Стремительно менялся исторический интерьер. Премьера подгадала как раз к «сумбуру вместо музыки», к дискуссии о «формализме», быстро выродившейся в погром. «Мольер» был подверстан к этой дискуссии. Спор Станиславского и Булгакова в марте 1935 года о том, как показывать на сцене гений Мольера, проявил свой подспудный смысл. Происходила явная перемена государственных вкусов. Фасадной империи нужны были фасадные классики. Идея кровосмешения, равно как трагифарсовая разработка сюжета о «бедном окровавленном мастере», получающем за свое искусство символические тридцать су, казалась совершенно немыслимой. Приближались времена «изнародования классиков» [2], готовился пушкинский юбилей. Лицемерие и бесстыдство эпохи нигде, пожалуй, не выразилось с такой откровенностью, как в этой государственной

---

[1] См.: Гудкова В. Судьба пьесы «Бег».— Проблемы театрального наследия Булгакова. Л., 1987, с. 44.

[2] См. об этом статью А. Тамарченко (Русская литература, в печати).

акции: пышное и невиданное по масштабу оплакивание убитого на Черной речке поэта открыло 1937 год. К юбилею «командора русского ордена писателей» Булгаков подоспел с пьесой «Александр Пушкин».

Пьесу о гибели Пушкина, так же как «Кабалу святош» и многое иное, сделанное Булгаковым в 30-е годы, можно рассматривать как этюды, варианты, своего рода строительный материал к его «закатному роману». Драматургические разработки судеб Мольера и Пушкина вплотную готовят художественную концепцию «Мастера и Маргариты» и пересекаются с романом во многих плоскостях. Центральный композиционный прием пьесы о Пушкине — отсутствие главного героя, которому посвящена драма,— отсылает нас к особой значительности, если хотите, святости сюжета, который невозможно выполнить традиционными театральными средствами. Живой Пушкин на сцене, вероятно, такое же кощунство, как и Христос, сыгранный актером. Литературовед М. Петровский вполне резонно предположил, что замысел пьесы о Пушкине без Пушкина мог возникнуть у Булгакова под впечатлением пьесы Константина Романова «Царь Иудейский». Мистерия, написанная братом венценосца под криптонимом К. Р., до революции не допускалась на сцену духовной цензурой. Она была сыграна в Киеве в октябре 1918 года. Булгаков мог быть зрителем спектакля, повествовавшего о «последних днях» Христа без Христа. Сильный драматургический ход запечатлелся в сознании писателя и через много лет отозвался мощным импульсом в его собственной «светской мистерии» о жизни и смерти русского поэта, занимающего в национальном самосознании совершенно особое место[1].

Евангельские параллели и отзвуки пронизывают пьесу насквозь. Дубельт выдает своим агентам все те же «Иудины» 30 серебреников, государством правит тайная канцелярия, очень напоминающая «одно учреждение» в «Мастере» или «Кабалу» в «Мольере». Покровительство Николая оказывается гибельным для поэта.

Так же как в романе и в пьесе о Мольере, ученики и друзья предают учителя. И подобно какому-нибудь римскому центуриону, сопровождавшему пророка на Голгофу, начинает прозревать мелкий филер Битков, приставленный наблюдать за поэтом.

Хорошо известен спор Булгакова и Вересаева, с которым он на первых порах пытался вместе сочинять пьесу (впервые после

---

[1] См.: Русская литература, 1989, № 1, с. 13.

Владикавказа вступив в мучительное соавторство). Коллективное творчество развалилось не только потому, что Булгаков был первородным драматургом, а Вересаев к тайнам сцены не имел решительно никакого отношения. Расхождение было глубинное, мировоззренческое. Автору «Пушкина в жизни» представлялся добротный юбилейный спектакль, проверенный и одобренный лучшими пушкинистами. Булгакову мерещилась совсем иная пьеса, тоже основанная на документах пушкинской жизни, но вбирающая в себя большое время национальной истории, в том числе и ту эпоху, современником которой был создатель «Последних дней».

Пушкин умер от отсутствия воздуха,—говорил Блок. В пьесе Булгакова физически ощущаешь, как выкачивается этот воздух: сначала в доме поэта, затем — расходясь концентрическими кругами, все шире и шире, захватывая пространство России. Немирович-Данченко, который через три года после смерти Булгакова выпустит спектакль о Пушкине на мхатовской сцене, великолепно почувствовал это «перетекание» пространства пьесы, когда она, начинаясь уютной квартирой, петербургским блеском, балом, завершается глушью, закоптелым потолком избы станционного смотрителя, сальными свечами и пронизывающей ледяной стужей. «В этом какая-то необыкновенная глубина у Булгакова»,—говорил на репетиции восьмидесятилетний режиссер.

Пушкинскому юбилею 1937 года пьеса Булгакова не понадобилась. Повторилась история, предсказанная в самой пьесе сочувствующим осведомителем: «Не было фортуны ему. Как ни напишет, мимо попал, не туда, не то, не такие...» В шкафу для первых поэтов отечества был наведен полный порядок. Блестящая ироническая сценка, в которой самодур Салтыков меняет местами в шкафу Пушкина и Бенедиктова, сильно напоминала борьбу за новую «номенклатуру», которая началась на первом писательском съезде: там Горький, с юмором и не предвидя последствий, открыл пять вакансий для гениальных писателей и сорок пять — для очень талантливых. Первая официальная пересортировка была произведена Сталиным в конце 1935 года, когда он назначил Маяковского лучшим, талантливейшим поэтом советской эпохи (тем самым сместив с этого поста Пастернака, выдвинутого на съезде Бухариным)[1]. Булгаков в перераспределении славы не участвовал и на государственные вакансии не претендовал. Напротив, пьеса, задуманная в авгу-

---

[1] Наблюдение принадлежит французской исследовательнице Лоре Трубецкой.

сте 1934 года, в дни работы писательского съезда, притязала напомнить русским литераторам о некоторых иных ценностях отечественной словесности. Автору же этой пьесы досталась своя вакансия — «незаконного явления» — по выражению того же Пастернака.

5

Тема «Булгаков и советский театр 30-х годов» не изучена и даже не поставлена как следует. Автора «Бега» приподняли над эпохой, оборвали его кровеносные связи со временем. Между тем они существовали: и в притяжении, и в отталкивании. Отверженный «незаконный» драматург не раз пытался вписаться в контекст своего театрального дня, угадать его запросы, «попасть» в цель. Печать времени легко обнаружить в «Последних днях»,— скажем, в той же сцене «На Мойке», где прогрессивные студенты читают «На смерть поэта», а не менее прогрессивные офицеры произносят свободолюбивые и очень штампованные речи. Печать времени — в само0редактуре «Зойкиной квартиры», которую Булгаков провел в 1935 году, в вымученных либретто, в инсценировке «Войны и мира», не говоря уже о «Батуме». Его комедии «Блаженство» и «Иван Васильевич», при всей нестандартности замысла, не идут ни в какое сравнение не только с булгаковской прозой, написанной вне заказа, но и с его собственными драмами 20-х годов, когда еще оставался какой-то «воздух». Рубеж и конфликт между «разрешенной» и «неразрешенной» литературой, намеченный в «Четвертой прозе» О. Мандельштама, проходил не только между писателями или определенными текстами. Он шел по тексту, по словесным «капиллярам», по всему массиву культуры.

Булгаков внимательно наблюдал за тем, что происходит на современной ему сцене. Можно восстановить цепочку его оценок «разрешенной» и «неразрешенной» драматической литературы, оценок сочувственных, но чаще — однозначных, похожих на приговоры. Описывая в дневнике премьеру «Аристократов» Н. Погодина, Е. С. Булгакова передаст короткую формулировку, явно принадлежащую создателю «Кабалы святош»: «Пьеса — гимн ГПУ». Л. Белозерская вспоминает важные оценки бабелевского «Заката», мейерхольдовского «Ревизора», «Растратчиков» В. Катаева, «Списка благодеяний» Ю. Олеши. Общий уровень театрального времени замечательно просматривается на рядовых премьерах. На спектакле «Путина» у вахтанговцев по пьесе Ю. Слезкина, в голодный год, Булгаков с женой увидели, когда раскрылся занавес, огромных судаков, застывших

в разных позах на темной сети. В этот день как раз по карточкам давали рыбу, и в театре «раздался тихий стон». Автор «Багрового острова» наблюдал, как складываются новые театральные штампы, как захватывают они лучшие сцены Москвы. Та же Л. Белозерская передает впечатление от одного из современных спектаклей А. Таирова: «По сцене крались лохматые и страшные мужики (кулаки! — сказали мы), причем крались особенно, по-таировски<...> профилем к публике — как изображались египетские фрески. Потом появился мужчина интеллигентного вида в хорошо сшитом костюме, в галстуке, в крагах, гладко причесанный<...> и мы оба воскликнули: «Вредитель!» И не ошиблись»[1].

Новые штампы, как обычно, имели отношение не только к театру. Вырабатывалось определенное представление о человеческой личности, о признаках нового человека — «гомо советикуса». Инженер Рейн в пьесе «Блаженство», отвечая на вопрос, к кому же ушла его жена, сообщает: «Кто его знает? Петр Иванович или Илья Петрович, я не помню. Знаю только, что он в серой шляпе и беспартийный». В мировой драматургии трудно сыскать что-либо подобное.

Во второй половине 30-х годов в булгаковском доме долго держалась своеобразная игра-конкурс на самую фальшивую и бездарную пьесу. Претендентов, увы, оказалось слишком много — от «Земли» Н. Вирты до «Половчанских садов» Л. Леонова. Драматургия «разрешенная» явно теснила «неразрешенную». Ломались и корежились самые высокие замыслы.

«Все-таки, как ни стараешься удавить самого себя, трудно перестать хвататься за перо»[2], — напишет Булгаков Вересаеву в 1939 году. Этот полупридушенный голос слышится сегодня в пьесах Булгакова, сочиненных по заказу разных театров в 30-е годы. Первая среди них — и хронологически, и по значению — антиутопия «Адам и Ева». Тема «о будущей войне», заказанная писателю ленинградским Красным театром в 1931 году, пробудила фантазию разгромленного драматурга. Предложение оказалось спасительным. «А тут чудо из Ленинграда, — сообщает Булгаков В. Вересаеву, — один театр мне пьесу заказал. Делаю последние усилия встать на ноги и показать, что фантазия не иссякла. Но какая тема дана, Викентий Викентьевич! Хочется безумно Вам рассказать!»[3] В дежурной теме будущей победонос-

---

[1] Белозерская-Булгакова Л. Е. Воспоминания. М., 1990, с. 188.

[2] М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. М., 1988, с. 480.

[3] Там же, с. 450.

ной войны, использованной Пончиками-Непобедами разных мастей, Булгаков разглядел скрытые возможности. Глубоко лирическая тема любящего и страдающего человека сплетается в пьесе с темой ученого, творца, столкнувшегося с мрачной силой идейного фанатизма, призванного «организовать мир». Булгаков увидел здесь возможность некоего поворота, который открывал официозную тему в совершенно ином плане. В конце июля 1931 года, в самый разгар работы над новой пьесой, писатель сообщал П. Маркову (письмо сохранилось в архиве последнего): «Пьеса будет готова, по-видимому, гораздо ранее договоренного срока. В конце августа я рассчитываю ее сдавать. 4 акта, не разбитых на картины. Цельные акты. 1 — в квартире в Ленинграде, 2-й в магазине — в Ленинграде, 3-й и 4-й все в Ленинграде... Батальных и массовых сцен нет. Грандиозные потрясения происходят за сценой, частично лишь отражаясь в павильоне сцены. Ролей немного. Главных шесть (одна женщина и пять мужчин). Сейчас я пишу последний акт и параллельно с этим одеваю 1-й в нарядную последнюю одежду.

В Москве дикая жара, но работа идет быстро. Я нашел ключ к пьесе, который меня интересует. Вне пьесы чувствую себя утомленным.

Ездил на 12 дней в г. Зубцов, купался и писал. Не умею я отдыхать в провинции. Ах и тусклая же скука там, прости господи! Коровы какие-то ходят! Куры. Но кур, впрочем, люблю. Против кур ничего не имею...»

В глухом российском городишке, наблюдая сонное перемещение кур и коров, Булгаков сочинял фантастическую историю о том, как погиб мир в результате химической войны и как на развалинах этого мира устраиваются те, кто случайно уцелел. В пьесе Булгакова тоскливо воют псы, в воздухе разлит смертный запах нежной герани, командир истребительной эскадрильи Дараган появляется в «черном с серебряной птицей, вышитой на груди». Ключ, найденный в пьесе о «крайних временах», был, вероятно, в том, что Булгакову показалось возможным изложить в жанре антиутопии свою любимую предупреждающую мысль. Главная угроза человечеству заключена в том, что люди отдали свои жизни на откуп идеям. Не идея для человека, а человек для идеи. Жизнь вплющена в идеологию, которая, как Молох, требует все новых и новых жертв. Нетерпимость и фанатизм с двух сторон стремительно ведут человечество к гибели. Художнику, поэту или ученому, в глазах которого «туман, а в тумане свечи» (так введен в пьесу профессор Ефросимов), открывается горькая и простая истина. «Капиталистический мир напоен ненавистью к социалистиче-

скому миру, а социалистический напоен ненавистью к капиталистическому...— обращается ученый к Адаму, строителю мостов и первому советскому человеку.— Война будет потому, что сегодня душно! Она будет потому, что в трамвае мне каждый день говорят: «Ишь, шляпу надел!» Она будет потому, что при прочтении газет... волосы шевелятся на голове и кажется, что видишь кошмар. ...И девушки с ружьями, девушки! — ходят у меня по улице... и поют: «Винтовочка, бей, бей, бей... буржуев не жалей!»

Сюжетная ситуация, разработанная в литературе задолго до Булгакова, оборачивается неожиданным образом. Человек, лишенный прежней защитной социальной оболочки, открывается в первозданной сущности. Оставшись наедине с богом и вселенной, писатель-халтурщик отмаливает свой колхозный роман, Ева начинает понимать свое призвание на земле как «носительницы жизни»: «И вдруг катастрофа, и я вижу, что мой муж с каменными челюстями, воинственный и организующий. Я слышу — война, газ, чума, человечество, построим здесь города... Мы найдем человеческий материал! А я не хочу никакого человеческого материала, я хочу просто людей, а больше всего одного человека. А затем домик в Швейцарии, и — будь прокляты идеи, войны, классы, стачки». Но самый неутешительный вывод Булгакова заключен, кажется, в том, что даже мировая война ничего не может изменить в психологии «истребителей». Адам, «фантазер в жандармском мундире», ведет себя в обезлюдевшем мире так, как будто ничего не произошло. «Гомо советикус» запросто распоряжается оставшимся в наличии «человеческим материалом» («в моем лице партия требует...»), проводит собрания и голосования по всем правилам той жизни, где уже прошли процессы над инженерами-вредителями.

Среди обитателей «Ноева ковчега», сооруженного в «Адаме и Еве», едва ли не самый живой персонаж — писатель Пончик-Непобеда. Тут пьеса непосредственно развивает мотивы «Багрового острова». Фигура раба и панегириста, готового обслужить любого заказчика, вылеплена с скульптурной четкостью. Катастрофа приоткрывает подпольное сознание нового писателя, сочиняющего «разрешенный» роман из колхозной жизни: «Перестань сатанеть... Генрих IV! — обращается он к другу — алкашу Захару, переименовавшему себя в Генриха.— Слушай! Был СССР и перестал быть. Мертвое пространство загорожено, и написано: «Чума. Вход воспрещается». Вот к чему привело столкновение с культурой. Ты думаешь, я хоть одну минуту верю тому, что что-нибудь случилось с Европой? Там, брат Генрих, электричество горит и по асфальту летают автомобили.

А мы здесь, как собаки, у костра грызем кости и выйти боимся, потому что за реченькой — чума... Будь он проклят, коммунизм!» И при этом, точь-в-точь как в «Багровом острове», несчастный халтурщик готов нацепить на себя трагическую маску: «Змей! Ты, серый дурак, не касайся изнасилованной души поэта!»

Фантазия Булгакова не иссякла. «Адам и Ева» демонстрирует неисчерпаемые запасы писательской фантазии, прозревающей в отдаленное будущее. И все же пьеса, в которой столько угадано и напророчено, не была любимой. В феврале 1938 года Е. С. Булгакова отметит в дневнике, что автор «Адама и Евы» ненавидит пьесу всей душой из-за того, что она создана «под давлением обстоятельств». И тут же эпитет, известный еще с владикавказских времен: «вымученная». «Давление обстоятельств» чувствуется во многом, но прежде всего в финальных разрешениях булгаковской драмы. Заказная пьеса, как-никак, предназначалась для сцены, и потребовался, как и в «Багровом острове», финал с «международной революцией». Булгаков сочинил его — в своей, конечно, манере. Носитель «великой идеи» Дараган возвращается с поля боя во главе разноязыкого эскорта всемирного правительства. На радостях он прощает гениального химика, который «в равной степени равнодушен и к коммунизму, и к фашизму». Дараган завершает пьесу «идеологическим» финалом, двусмысленность которого открылась только со временем: «Ты никогда не поймешь тех, кто организует человечество. Ну что ж... Пусть по крайней мере твой гений послужит нам! Иди, тебя хочет видеть генеральный секретарь!»

Снаряжение летчика поблескивает на солнце. Тот, у кого «в глазах туман, а в тумане свечи», стоит в тени: «в руках у него плетенка с петухом». Мирный профессор и истребитель несовместимы. Пир победителей драматург сопровождает апокалипсическим «трубным сигналом». Он придает антиутопии Булгакова оттенок обреченности. С этим, вероятно, чувством писатель отправлял своего героя к генеральному секретарю.

6

Пьесу «Батум» держали под спудом дольше всех булгаковских драм[1]. Соображения были в высшей степени либеральные: публикация пьесы о Сталине может, мол, затемнить и опорочить светлый облик писателя, занесенного в новейшие святцы. Убрав «тень», хотели наслаждаться «голым светом». Напрасное занятие.

[1] Опубл.: Современная драматургия, 1988, № 5.

Последняя пьеса Булгакова завершает его драматургические мытарства: финал жизни исполнен в тех же жанровых красках, которые создатель «Мольера» ценил больше всего. Нет никакого смысла искать виновников несчастья и соблазнителей, перекладывать вину за эту пьесу на Художественный театр. Нет так же никакого резона отделять эту пьесу от всего написанного Булгаковым как нечто совершенно чужеродное. «Батум» есть последнее сочинение Булгакова, глубочайшим образом связанное с некоторыми самыми устойчивыми мотивами его искусства. Как сказано в «Ревизоре» — если уж начали читать, так читайте все.

Ответственное решение писать «Батум» итожит десятилетие взаимоотношений писателя и диктатора. Биографическая тема была многократно развернута и осмыслена в художественном плане. Несмотря на то, что Булгаков-художник успел с абсолютной ясностью предсказать результат возможного сближения или сговора с черной гибельной силой, под занавес собственной жизни, вслед за «Мастером» он провел эксперимент на себе. Результат полностью сошелся с предсказанным.

Публикуя «Батум» в СССР, М. Чудакова сопроводила пьесу комментарием, который вызвал дискуссию. Публикатор исходил из того, что есть непроходимый рубеж между Булгаковым до «Батума» и тем человеком, который написал пьесу о Сталине. Исследователь высказывает уверенность, что Булгаков, подтолкнутый известными стихами Пастернака, в художественном азарте решил написать самую лучшую пьесу о вожде, вдобавок опасаясь, как бы его не опередил Алексей Толстой. Работа драматурга над источником — книгой «Батумская демонстрация» — напомнила ей нехитрую технику вписывания букв в готовый транспарант. В целом же история с «Батумом» напоминает в изложении М. Чудаковой изготовление «Сыновей муллы» во Владикавказе. Приняв решение писать такую пьесу, Булгаков, полагает современный ученый, «вывел за пределы размышлений какие-либо моральные оценки»[1]. Эпитет «хладнокровно» становится едва ли не ключевым в характеристике творческого процесса, приведшего к появлению «Батума». Последнее, правда, не очень согласуется с прокламированным в начале разбора тезисом о том, что высокая лесть не делается без некоторого внутреннего убеждения и даже «завороженности эпохой» (с соответствующими цитатами из А. Фета и Л. Гинзбург). Тем не менее перед нами стройная и внутри себя безошибочно логичная концепция, которая, на мой взгляд, страдает одним недо-

---

[1] Современная драматургия, 1988, № 5, с. 216.

статком. Дело выглядит так, как будто «Батум» писал не крупнейший художник, только что завершивший свой «закатный роман», но заурядный халтурщик, без особого содрогания надругавшийся над своей художественной совестью. Стоит задать простой вопрос: почему же этот «транспарант», изготовленный на чистом профессионализме, был немедленно запрещен, как только «Батум» попал наверх, к «первому читателю»? Можно, конечно, сказать, что такого рода вопрос к пьесе Булгакова отношения не имеет и пусть его обсуждают те, кто занимается психологией Сталина. Убежден, что здесь вопрос не психологический, а текстологический. Он не внеположен существу пьесы. Последние работы о «Батуме», в частности, содержательная статья М. Петровского, эту мысль подтверждают. Сравнивая варианты пьесы, сопоставляя их с важнейшими дневниковыми записями, с восприятием пьесы внимательными современниками, никак не скажешь, что Булгаков лишь вставлял буквы в заранее заготовленный транспарант. Напротив, существует настоятельная необходимость понять, как трансформировались в «Батуме» глубинные булгаковские темы пророка, власти, Бога и Дьявола. Официозная пьеса, предназначенная как подарок к 60-летию вождя народов, была исполнена необыкновенных сюрпризов: невнятные в пределах одной пьесы, они проясняют свой подспудный смысл именно в контексте искусства Булгакова 30-х годов.

Ф. Михальский, прослушав 31 августа 1939 года два акта «Батума», высказал предположение, что в запрете пьесы могли сыграть роль «цыганка, родинка, слова, перемежающиеся с песней». Не имея возможности в данной статье развернуть подробный комментарий к этому чрезвычайно важному наблюдению современника [1], остановлюсь только на одном: на этих самых словах, перемежающихся с песней. Речь идет, конечно, о сцене встречи Нового года, именно там поют под гитару, соло и хором, именно там, перемежаясь с песней, товарищ Сосо произносит загадочный новогодний тост, в котором Ф. Михальский не зря предположил крамольное содержание:

«Существует такая сказка,— начинает Сталин,— что однажды в рождественскую ночь черт месяц украл и спрятал его в карман.

И вот мне пришло в голову, что настанет время, когда кто-нибудь сочинит не сказку, а быль. О том, что некогда черный дракон похитил солнце у всего человечества. И что

---

[1] См.: Смелянский А. Михаил Булгаков в Художественном театре. М., 1989, с. 316—385.

нашлись люди, которые пошли, чтобы отбить у дракона это солнце, и отбили его. И сказали ему: «Теперь стой здесь в высоте и свети вечно! Мы тебя не выпустим больше!»

Сложная и опасная смысловая игра тут построена на сдваивании мотивов Христа и Антихриста. Дело происходит не просто в новогоднюю ночь, но в ночь на 1902 год, что специально подчеркнуто драматургом. Новый век начинается с явления Антихриста, «рябого черта», укравшего солнце: в предыдущей сцене Сталин сообщает рабочему юноше Порфирию, что его называют кличкой Пастырь, кличкой, которая в контексте сказки получает особое значение. Пастырь, изгнанный из семинарии, отпавший от Бога, и «черный дракон», укравший солнце у человечества, сопоставлены в пространстве пьесы. И это не случайное сопоставление, но некая внутренняя тема «Батума», определяющая кульминационные точки сюжета. Именно такой «точкой» Булгаков завершает третий акт «Батума». В этой сцене уголовники избивают политических, тут звучат частушки, которыми потчуют нагрянувшего в тюрьму губернатора: «Царь живет в больших палатах, // и гуляет и поет! Уголовные подхватывают. Здесь же в сереньких халатах // Дохнет в карцерах народ». Дело не только в том, что тюремная сцена могла вызвать неизбежные для 1939 года лагерные ассоциации (слова «арест» и «тюрьма» подчеркнуты и обведены Булгаковым как ключевые на первой же странице тетради, в которой осенью 1938 года была начата новая пьеса). Важнее другое: сцена и весь акт завершены беспрецедентным в сталинской театрализованной агиографии эпизодом, в котором мотив Антихриста, притворившегося Христом, явлен с вызывающей отчетливостью. Напомню финал сцены. Сталина переводят в другую тюрьму, один из надзирателей вынул револьвер и встал сзади заключенного:

«Начальник тюрьмы *(тихо)*. У, демон проклятый! *(Уходит в канцелярию.)*

Когда Сталин равняется с первым надзирателем, лицо того искажается.

Первый надзиратель. Вот же тебе!.. Вот же тебе за все! *(Ударяет ножнами шашки Сталина.)*

Сталин вздрагивает, идет дальше.

Второй надзиратель ударяет Сталина ножнами. Сталин швыряет свой сундучок. Отлетает крышка. Сталин поднимает руки и скрещивает их над головой так, чтобы оградить ее от ударов. Идет».

Конечно, можно трактовать этот эпизод в лестном для вождя плане. Второй слой сцены явно спроецирован на библей-

ский сюжет восхождения на Голгофу, понятный бывшему семинаристу. Однако под внешней лессировкой библейского сопоставления проступает неслыханный по «великолепному презренью» смысловой эффект. Брошенное в лицо Джугашвили определение — «У, демон проклятый!» (этой важнейшей реплики нет ни в одной из ранних редакций пьесы), избиение его тюремщиками как простого зэка, а не небожителя — такого рода «выдуманные положения» делали официозную юбилейную пьесу немыслимой не только на мхатовских, но и на любых иных советских подмостках той поры.

Выступая на первом писательском съезде, Емельян Ярославский, знаменитый «богоборец», предлагал писателям создать образ героя-революционера и в связи с этим напомнил некий апокриф (он назвал его «рассказом») из жизни Сталина: «Т. Сталин, будучи в тюрьме, однажды вместе с другими был избит тюремной стражей, полицейскими, согнанными туда солдатами. Он проходил через строй, держа книгу Маркса в руках, с гордо поднятой головой».

Христианская тематика, переосмысленная таким образом, вероятно, не могла пройти незамеченной. Булгаков принял кощунственный вызов и по-своему оформил его в пьесе 1939 года. Маркса над головой юного Джугашвили нет, зато есть сопровождающая реплика — «демон проклятый», имеющая в контексте булгаковского искусства совершенно особое значение.

«Технически» такие пьесы, как «Батум», равно как стихи Пастернака или Мандельштама о Сталине, не пишутся. У слов есть своя совесть, и гнуть их безнаказанно не получается у настоящего писателя. В «Батуме» завершается борьба между «разрешенной» и «неразрешенной» литературой, которая велась на протяжении всей драматургической жизни Булгакова. В «транспарант» попали не только сомнительные реплики и вызывающие сцены. Сомнительной и невозможной с точки зрения сложившихся канонов была вся пьеса, в которой сталинская эпоха была прямо сопоставлена с полицейской практикой русского самодержавия начала века. Практикой непотребной, но тем не менее не бессудной, придерживавшейся хоть каких-то законов и правил. Сквозь внешнюю оболочку революционной драмы о юности вождя, сквозь ее штампы и околичности пробивается иной голос. Не получив за десять лет обещанного свидания, пережив аресты, гибель и ссылки друзей, намолчавшийся и настрадавшийся писатель «представил» пьесу, которая в превращенном виде продолжала некоторые важнейшие для него мотивы. Речь вновь шла о достоинстве человека,

немыслимости полицейской удавки. Пьеса формировалась как напоминание «первому читателю» о том, что значит быть поднадзорным, затравленным, с волчьим билетом, когда «все выходы закрыты». И это написано не технологически, но с тем личным чувством, которое ни с каким иным не спутаешь.

Пронизывающее все месяцы работы над «Батумом» предчувствие, что «это плохо кончится», шло еще и от того, какую пьесу задумал Булгаков. Дерзкий план провалился, притом в форме самой оскорбительной для писательского достоинства автора. Сталин удовлетворился самим фактом того, что Булгаков написал о нем пьесу. Его фраза, которую передал Вс. Вишневский на одном мхатовском собрании в 1946 году,— «наша сила в том, что мы и Булгакова научили на нас работать» — есть коварное истолкование «Батума», уничтожающее драматурга. Можно, конечно, согласиться с вождем народов и другом всех артистов и на этом закрыть тему последней пьесы Булгакова. Но на этом она не закрывается. «Батум» написан той же рукой и тем же человеком, который написал «Мастера и Маргариту». Канонизация вождя, выполненная в лубочном стиле советского евангелия, содержит в себе зашифрованный, полупридушенный, но от этого не менее отчаянный вызов насилию. Признание этого факта нужно не для того, чтобы комфортабельно жилось потомкам, совершающим безнравственные поступки. Напротив, история с «Батумом» открывает, как никакой иной сюжет театральной судьбы Булгакова, сокровенный смысл писательской жизни. Насилие над собой, а «Батум» был, конечно, насилием над собой, уступкой «рогатой нечисти», не проходит даром для художника. Булгаков подорвал себя на этой пьесе, не только душевно, но и физически. Так было и с Мандельштамом, сочинителем «Оды» Сталину. Взвинчивая и настраивая себя на совершение «технологического» акта, с веревкой на шее, он разрушал свою психику. «Теперь я понимаю,— говорил он Ахматовой,— это была болезнь». В сходном плане можно, вероятно, воспринимать и строки самой Ахматовой, написанные на смерть Булгакова. Их объясняющая сила в свете «Батума» стократно возрастает: «И гостью страшную ты сам к себе пустил и с ней наедине остался».

Искусство и жизнь, как это не раз бывало у Булгакова, переплелись смертельным жгутом. «Батум» стал формой самоуничтожения писателя.

Что явилось причиной этого? Ответим словами Лагранжа, которыми Булгаков хотел завершить свою лучшую пьесу: «Причиной этого явилась судьба. Так я и запишу».

7

У Анны Ахматовой есть острое наблюдение, вынесенное «с похорон одного поэта»:

Когда человек умирает,
Изменяются его портреты.
По-другому глаза глядят, и губы
Улыбаются другой улыбкой.

Изменяются, конечно, не портреты, а понимание человека. Уходит сиюминутное, случайное, временное, проступает главное выражение лица.

Так случилось и с Булгаковым. В марте 1940 года завершилась прижизненная биография и началась посмертная, им же предсказанная. Началась она в тех же мхатовских стенах в апреле 1943 года. Булгаков написал пьесу о Пушкине без Пушкина. Художественный театр поставил булгаковскую пьесу без Булгакова. В. Станицын, один из постановщиков спектакля, пересказывал Немировичу-Данченко свою давнюю беседу с покойным драматургом: «Булгакову хотелось так: «Пьеса начинается «Буря мглою...» и кончается «Буря мглою...». Этот мотив пронизывает не только пьесу, но и все искусство Булгакова, единит его с классическим веком русской литературы. Образы ветра, вьюги, бесовской метели возникают в «Белой гвардии». В «Днях Турбиных» юнкера, распиливая гимназические парты, перед гибелью поют «Буря мглою...» на лихой солдатский напев. В «Записках юного врача» тема вьюги разработана как тема мирового катаклизма, разгула природной и социальной стихии, в которой надо найти «дорогу». В пьесе о Пушкине вечный русский мотив звучит в иной тональности. Из безначального хаоса извлечена гармония, найден заповедный путь. «Стихия свободной стихии» откликается в «стихии свободного стиха»: в этом созвучии торжество поэта, оправдание и искупление его крестного пути.

В пьесе о Пушкине нет Пушкина, а в основном только его враги и завистники, светская чернь и жандармская сволочь, занятая присмотром за «свободной стихией стиха». Но вся эта разношерстная компания постепенно повязывается и опрокидывается навзничь одной пушкинской строкой. Происходит то, о чем говорил Блок в своей предсмертной речи «О назначении поэта»: «Нельзя сопротивляться могуществу гармонии, внесенной в мир поэтом; борьба с нею превышает и личные и соединенные человеческие силы... От знака, которым поэзия отмечает на лету, от имени, которое она дает, когда это

нужно,— никто не может уклониться, так же как от смерти. Это имя дается безошибочно».

Посмертная судьба Михаила Булгакова, в том числе и судьба театральная, замечательное тому свидетельство.

А. Смелянский

В настоящем томе собраны все оригинальные пьесы М. А. Булгакова: «Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Багровый остров», «Бег», «Кабала святош», «Адам и Ева», «Блаженство», «Иван Васильевич», «Александр Пушкин», «Батум».

Драматические переложения и инсценировки Булгакова, написанные по сюжетам и мотивам некоторых произведений мировой литературы — «Мертвые души» по поэме Н. В. Гоголя, «Война и мир» по роману Л. Н. Толстого, «Полоумный Журден» по мотивам Мольера, «Дон Кихот» по роману Сервантеса,— помещены в следующем, 4-м томе Собрания сочинений. За рамками настоящего издания остались оперные либретто Булгакова «Минин и Пожарский», «Петр Великий», «Черное море», «Рашель», а также его киносценарии по «Мертвым душам» и «Ревизору».

Ни одно из названных произведений Булгакова-драматурга не было опубликовано при его жизни в СССР. Театр Булгакова стал известен его современникам лишь частично. На сцене Московского Художественного театра в разные годы были поставлены «Дни Турбиных» (1926; возобновлены в 1932 году), «Мертвые души» (1932) и «Мольер» (1936). Два сезона в Театре им. Евг. Вахтангова и в некоторых провинциальных театрах страны шла булгаковская комедия «Зойкина квартира» (1926); в московском Камерном театре был сыгран «Багровый остров» (1928). Еще при жизни писателя его основные пьесы были переведены на английский, французский, немецкий, итальянский, шведский, чешский, сербский и другие языки и много раз исполнялись в театрах Европы и Америки.

На протяжении 30-х годов, до самой смерти Булгаков тяжело переживал свое вынужденное литературное молчание и затворничество, на которое он был обречен во времена сталинщины. 11 марта 1939 года он с полной откровенностью написал В. В. Вересаеву:

«Убедившись за последние годы в том, что ни одна моя строчка не пойдет ни в печать, ни на сцену, я стараюсь

выработать в себе равнодушное отношение к этому. И, пожалуй, я добился значительных результатов. Я уже привык смотреть на всякую свою работу с одной стороны — как велики будут неприятности, которые она мне доставит? И если не предвидится крупных, и за то уже благодарен от души» (письма Булгакова, публикуемые в томе 5 наст. собр. соч., приводятся без ссылок на другие публикации).

Только с середины 1950-х годов начались эпизодические публикации пьес Булгакова в СССР, причем некоторые из них — «Зойкина квартира», «Адам и Ева», «Багровый остров» и «Батум» — были впервые опубликованы в журнальной периодике лишь в 1980-е годы.

При отсутствии прижизненных изданий булгаковских пьес, в которых была бы закреплена последняя воля автора, многие первопубликации этих пьес в СССР и за рубежом были осуществлены по случайным машинописным копиям, без тщательной проверки по архивным источникам, и потому изобилуют многочисленными ошибками, пропусками и неточностями. Эти дефектные в текстологическом отношении публикации были многократно повторены и протиражированы затем и в отдельных изданиях драматургии Булгакова.

Первое научное издание пьес Булгакова, основанное на изучении архивных материалов, рукописных редакций и вариантов, предпринято Ленинградским отделением издательства «Искусство» в рамках четырехтомного «Театрального наследия» драматурга. Результаты специальной текстологической работы, проведенной для этого издания, использованы при подготовке настоящего тома.

Пьесы «Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Багровый остров», «Бег» печатаются по книге: Булгаков Михаил. Пьесы 1920-х годов (Театральное наследие). Л., Искусство, 1989.

Тексты остальных шести пьес — «Кабала святош», «Адам и Ева», «Блаженство», «Иван Васильевич», «Александр Пушкин» и «Батум», подготовленные для второй книги «Театрального наследия» Булгакова («Пьесы 1930-х годов»), печатаются по архивным источникам Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ЦГАЛИ СССР, ИРЛИ (Пушкинского Дома) АН СССР, Музея МХАТа СССР им. А. М. Горького.

Необходимые обоснования выбора текста для публикации и история создания каждой пьесы сообщаются в комментариях к данному тому. Тексты пьес и комментарии к ним в настоящем издании подготовили:

В. В. Гудкова («Зойкина квартира», «Бег»), И. Е. Ерыкалова («Адам и Ева», «Александр Пушкин»), Е. А. Кухта («Блаженство»), Я. С. Лурье («Дни Турбиных», «Иван Васильевич»), А. А. Нинов («Багровый остров», «Батум»), О. В. Рыкова («Кабала святош»).

ДНИ ТУРБИНЫХ

В июле 1934 года, в связи с пятисотым спектаклем «Дней Турбиных», друг М. Булгакова П. С. Попов писал ему: «Дни Турбиных» — одна из тех вещей, которые как-то вдвигаются в собственную жизнь и становятся эпохой для самого себя. Можно откинуть стиль, воплощение, игру, общественную значимость, идеологическую заостренность, исторический колорит, можно взвесить и взмерить все эти ингредиенты, и все-таки сверх всего остается еще одна изюминка, в которой «вся соль». Воплощена ли она в символе кремовых штор, елки или небесного занавеса, усыпанного звездами, облекающими мир, но тут есть всепокоряющий стимул жизни, он и выступает так мощно, что стягивает все части. Это как символ у Толстого эпохи «Войны и мира»:

Что сильней, чем смерть и рок?
Сладкий Анковский пирог...»

(ИРЛИ, ф. 369, № 466).

Ощущение, выраженное П. С. Поповым, испытали едва ли не все люди, которые имели счастье видеть (людей этих, увы, становится все меньше) спектакль, шедший в Художественном театре с 1926 по 1941 год.

Читая воспоминания другого зрителя «Дней Турбиных», который, в отличие от Попова, был моложе Булгакова на два десятка лет, мы встречаем в них ту же тему, то же настроение. Зритель этот, Виктор Платонович Некрасов,— тогда студент, смотревший спектакль со ступени балкона,— писал спустя 30—40 лет: «Турбины» были для меня не театром, не пьесой <...>, а осязаемым куском жизни, отдаляющимся и отдаляющимся, но всегда очень близким <...> На сцене МХАТа была обжитая, такая же симпатичная, как населяющие ее люди, квартира с умилявшими до слез Лариосика кремовыми занавесками» (Некрасов Виктор. Дом Турбиных.— Новый мир, 1967, № 8, с. 133).

Хотя рукописи «Дней Турбиных», как и романа «Белая гвардия», не сохранились, историю написания пьесы можно

восстановить с достаточной полнотой. Булгаков начал думать о ее написании еще до того, как к нему обратились студийцы Художественного театра: согласно его собственной записи в Альбоме по истории «Дней Турбиных», «пьесу «Белая гвардия» начал набрасывать 19.1.1925 г.» (Альбом 1 (ИРЛИ, ф. 369, № 75), л. 1). В это время в журнале «Россия» (№ 4) была напечатана лишь первая часть романа. Как мы знаем теперь, к Булгакову обратились две студии Художественного театра — третья (обособившаяся уже в Театр-студию им. Евг. Вахтангова) и вторая, влившаяся в основную труппу МХАТа.

Текст первой редакции пьесы, пока еще одноименной роману, был написан в июле — сентябре 1925 года. Пьеса была дана коллективу Второй студии и принята для постановки на Большой сцене — то есть во МХАТе в собственном смысле слова. В первой редакции пьесы было 5 актов и 12—13 картин (а если считать перемены действий внутри картин — даже 16). Как и в романе, главный герой пьесы Алексей Турбин был врачом, раненным, но не убитым при завоевании Киева Петлюрой; важное место в пьесе занимали два других персонажа романа — полковник Малышев, командир мортирного дивизиона, и гусарский полковник Най-Турс, героически погибавший при нападении петлюровцев. Фигурировали в первой редакции пьесы (вслед за романом) и еще два лица, не входившие в круг друзей Турбиных: домовладелец Василиса и его жена Ванда. Две картины пьесы не имели прямого соответствия в романе — сцена в штабе «1-й кинной» (конной петлюровской дивизии) и во дворце гетмана; тема романа Елены с Шервинским, только намеченная в романе, развивалась уже с первого действия; завершалась пьеса сценой (также отсутствовавшей в романе), где герои, включая выздоровевшего после ранения Алексея, перед лицом наступающих на Киев большевистских войск решали не уходить из города вместе с петлюровцами и не служить в белой армии. Осенью 1925 года, когда Булгаков читал эту пьесу в Художественном театре, он уже, очевидно, принял решение исключить из пьесы Най-Турса и передать его реплики и героическую смерть Малышеву.

После первой читки пьесы в МХАТе и предварительного распределения ролей в октябре 1925 года Булгаков принялся за переделку и к концу января создал вторую ее редакцию. Текст пьесы был значительно сокращен; она состояла теперь из четырех актов. Главной особенностью этой редакции, в значительной степени изменившей всю композицию пьесы, было появление в ней нового центрального персонажа — полковника Алексея Турбина, сочетавшего черты доктора Турбина и пол-

ковника Малышева (персонажа, в свою очередь уже слитого с образом Най-Турса). Именно полковник Турбин, прикрывавший юнкеров, погибал в конце третьего акта. Ставил спектакль И. Судаков; Алексея Турбина играл Николай Хмелев; роль Мышлаевского, ставшего центральной фигурой в четвертом акте, где не было больше Турбина, была поручена Б. Добронравову. Расширена была и роль житомирского кузена Лариосика, бывшего в первой редакции (как и в романе) эпизодической фигурой, действующей только в конце пьесы; роль Лариосика (появляющегося уже в первом акте) получил М. Яншин. Сохранялись и сцены в другой части турбинского дома, где жил домовладелец Василиса и его жена Ванда; в этих ролях должны были выступить актеры старшего поколения — М. Тарханов и А. Зуева.

С начала зимы по начало лета 1926 года шла основная работа над пьесой. 26 марта спектакль был показан Станиславскому и получил его одобрение. Споры шли лишь об объеме пьесы (сохранять ли сцены с Василисой и Вандой) и о ее названии («Белая гвардия»). Однако и весной 1926 года, когда шла наиболее интенсивная работа над спектаклем (Булгаков участвовал не только как автор, но фактически и как режиссер), жизнь писателя отнюдь не была безмятежной. 7 мая у него произвели обыск и изъяли повесть «Собачье сердце» и дневник. 24 июня состоялась первая генеральная репетиция пьесы. Представители Главреперткома (Блюм и Орлинский) высказались против постановки, признав ее «сплошной апологией белогвардейцев»; 25 июня на заседании Главреперткома И. Я. Судаков от имени театра дал обязательство внести ряд поправок в пьесу.

Переработка второй и создание окончательной, третьей редакции, получившей название «Дни Турбиных», были осуществлены в августе — сентябре 1926 года. Пьеса вновь была сокращена: выпущены сцены с Василисой и Вандой; две сцены в гимназии сведены в одну; дополнен текст речи полковника Турбина в гимназии: он предрекал гибель белому движению не только на Украине, но и на Дону и во всей России, и т. д. Эпизод возвращения Тальберга в последнем действии, также введенный во второй редакции, был изменен: в первоначальном варианте именно Тальберг принимал решение «переменить политические вехи» и «работать в контакте с советской властью»; в третьей редакции Тальберг едет из Берлина на Дон «к генералу Краснову» и собирается взять Елену с собой.

Особенно мучительно создавалась Булгаковым и помогавшими ему участниками спектакля финальная сцена. В первой и второй редакции пьеса заканчивалась тем, что Лариосик назы-

вал вступление красных «великим прологом к новой исторической пьесе»; Мышлаевский отвечал: «Но нет, для кого пролог, а для меня эпилог. Товарищи зрители, белой гвардии конец. Беспартийный штабс-капитан Мышлаевский сходит со сцены...»; Николка вновь играл юнкерскую песню из первого акта — «Съемки». В третьей редакции оптимистические слова о «великом прологе» произносил не Лариосик, а Николка, который согласно обещанию, данному И. Судаковым Реперткому, как наиболее молодой, мог «стать носителем поворота к большевикам». Наряду со «Съемками» в пьесу вводился марш на слова пушкинского «Вещего Олега»; его играл Николка и в последней сцене. Реплика же: «Для кого пролог, а для меня эпилог» — была передана наиболее консервативному из друзей турбинского дома — Студзинскому; этим и заканчивалась пьеса.

Переделки, внесенные в третью редакцию, в значительной степени были следствием уступок Реперткому. В какой степени эта редакция пьесы, получившей теперь свое окончательное название — «Дни Турбиных», может считаться подлинной авторской редакцией, отражающей волю Булгакова? Вопрос этот был уже поставлен английской исследовательницей Л. Милн, признавшей наиболее аутентичным текстом пьесы вторую редакцию — «готовый текст, вполне годный для игры» (Булгаков М. Белая гвардия. Подгот. текста, предисл. и примеч. Л. Милн. München, 1983, с. 16—18).

Однако вопрос этот едва ли может быть решен так просто. Бесспорно, что ряд вставок и изменений третьей редакции объясняется внешним давлением на автора. Но, как и всякий подлинный художник, Булгаков, уступая внешним давлениям, продолжал при каждой переработке своего сочинения творческую работу над ним. Сама Л. Милн отмечает, что третья редакция («Дни Турбиных») «блестяще выдержала испытание временем». Наиболее важным приобретением третьей редакции было введение в нее «Песни о вещем Олеге» — военного марша на слова Пушкина. Во второй редакции «Вещий Олег» появлялся только эпизодически — в первом акте; в третьей редакции он становился лейтмотивом пьесы, органической частью великолепного мхатовского спектакля 1926—1941 годов. Характерно при этом, что пушкинский текст в пьесе начинался не первой строфой («Как ныне сбирается вещий Олег...»), а третьей: «Скажи мне, кудесник, любимец богов, // Что сбудется в жизни со мною?» Тем самым в пьесу вводилась пушкинская и летописная тема — тема судьбы. Почти фарсовая сцена обыска у Василисы во второй редакции ослабляла впечатление от поразительной реплики Николки, которой заканчивался третий акт:

«Убили командира»; недаром Булгаков (по свидетельству В. Лужского) еще до генеральной репетиции 24 июня 1926 года согласился «на вымарку двух сцен Василисы».

Но и в том виде, в котором пьеса была представлена на генеральную репетицию в сентябре 1926 года, она все еще продолжала казаться не вполне приемлемой для строгих зрителей из Реперткома. Последние поправки вносились непосредственно в суфлерский экземпляр (он сохранился в Музее МХАТа). Фраза Студзинского была превращена в эффектно звучащую под занавес формулу: «Кому — пролог, а кому — эпилог». Вступление красных в финале передавалось музыкой «Интернационала» за сценой; в последний момент решили, что музыка эта должна не стихать, а «усиливаться».

И, наконец, за три дня до последней генеральной из петлюровской сцены убрали чрезвычайно важный, едва ли не ключевой эпизод — убийство еврея.

Чем объяснялась эта переделка — срочная, перед самым спектаклем? По-видимому, решающую роль сыграли здесь соображения, прямо противоположные тем, которые могли послужить причиной исключения той же сцены через несколько десятилетий. Опасались, что сцена вызовет реакцию, неадекватную авторскому замыслу. Не вызовет ли сцена истязания еврея в «белогвардейской пьесе» одобрение, а то и демонстрацию со стороны антисоветских элементов в зале? Вероятно, нечто подобное имел в виду А. В. Луначарский, когда писал в рецензии на спектакль: «Еще хорошо, что театр имел такт выбросить из пьесы омерзительный эпизод с издевательством и истязанием еврея петлюровцами» (Красная газета. Вечерний выпуск, 1926, 5 октября).

Со всеми этими переделками «Дни Турбиных» были допущены для представления в Московском Художественном театре (всем остальным театрам страны постановка разрешена не была). 5 октября 1926 года началась долгая, хотя и далеко не легкая (в 1929 году постановка была запрещена и возобновлена лишь в начале 1932 года) жизнь «Дней Турбиных» на сцене МХАТа. Всего по 1941 год спектакль шел 987 раз.

Сценическая и литературная судьба «Дней Турбиных» парадоксальна. Успех спектакля был ошеломляющим. Он имел немалое значение и для судьбы самого МХАТа: театр, с трудом налаживавший нормальную жизнь после гражданской войны и отчасти утративший то колоссальное влияние, которое он имел до революции, вновь обретал широкого зрителя,— а в годы нэпа и хозрасчета это связано было и с материальными условиями существования. Но приятие спектакля значительным

большинством зрителей сопровождалось резко отрицательной его оценкой в печати — почти единогласной. М. Булгаков, собиравший и даже вклеивавший в специальные альбомы эти отзывы, насчитал около трехсот рецензий на пьесу; за исключением одного-двух они были ругательными и враждебными (ИРЛИ, ф. 369, № 75 и 77. Ср.: Новый мир, 1987, № 8, с. 195).

В критике «Дней Турбиных», имевшей в основном политически-обличительный характер, почти отсутствовала оценка пьесы как литературного произведения. Рецензенты, признавая успех спектакля, заслугу его целиком относили за счет актерской игры. Принципиальная эстетическая глухота борцов с «булгаковщиной» выразилась, в частности, в том, что, сравнивая «Дни Турбиных» с «Любовью Яровой» Тренева, критики твердо и уверенно настаивали на превосходстве последней из двух пьес.

Но, как ни низок был теоретический уровень всей этой критической кампании, она помогает понять идейный смысл «Дней Турбиных» в те годы, когда была написана и поставлена пьеса, и то впечатление, которое она вызывала.

«Лирический колорит» «Дней Турбиных» дал основание П. С. Попову вспомнить шуточные стихи Льва Толстого об «Анковском пироге», — любимом в доме Толстых сладком пироге, названном в честь доктора Н. Б. Анке, друга родителей Софии Андреевны Толстой. Заметим, однако, что отношение к «Анковскому пирогу» у самого Толстого резко менялось на протяжении его жизни. С годами этот пирог стал для писателя, по словам его сына — Сергея Львовича, «эмблемой особого мировоззрения», отражавшего «веру в необходимость материального благополучия и непреклонное убеждение в незыблемости современного строя» (Толстой С. Л. Юмор в разговорах Л. Н. Толстого. — Толстой. Памятники творчества и жизни, т. 2. М., 1920, с. 12—14). «Глухая борьба против Анковского пирога не только не прекращается, но растет, и слышны уже кое-где раскаты землетрясения, разрывающего пирог», — писал Толстой в 1886 году Т. Кузминской (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90-та томах, т. 63, с. 291; ср.: т. 83, с. 68).

В отличие от Толстого, Булгаков уже пережил «раскаты землетрясения, разрывающего пирог», но они не вызывали у него такого восторга, как у Льва Николаевича. Скорее он ощущал ностальгию по благоустроенному быту, «обжитой квартире» с умилявшими до слез Лариосика «кремовыми занавесками». Для того, чтобы оценить уют дома Турбиных, нужно было все время ощущать то, что окружало этот дом.

Именно «страшный год», «зимняя ночь» и ставшее обычным

убийство «человечков» превращают турбинский дом в «гавань с кремовыми шторами», которую воспевал Лариосик.

Два полюса пьесы — «трудное и страшное время» и квартира с абажуром — необходимы для «Дней Турбиных», и нарушение соотношения между ними грозило нарушить гармонию пьесы. А между тем реперткомовские цензоры и критики отвергали и то и другое. Они не могли только решить, какой из двух элементов пьесы заслуживает большего осуждения — сторона «интимная, бытовая» или сцены «у гетмана и петлюровцев, в гимназии» (Лурье Я., Серман И. От «Белой гвардии» к «Дням Турбиных».— Русская литература, 1965, № 2, с. 195—196). В период постановки и первых столкновений с Реперткомом театр больше всего боялся придирок к эпическим, массовым сценам, опасаясь, что критики усмотрят в них (как заявил впоследствии В. Блюм) изображение «парс про тота», революции в целом под видом петлюровщины. Петлюровскую сцену режиссура не прочь была совсем опустить, и в дальнейшем, в гастрольных спектаклях «Дней Турбиных», театр иногда и вовсе снимал эту сцену, оставляя только оркестровую увертюру к ней — «Яблочко».

Стараясь приглушить звучание массовых сцен, театр уделял основное внимание сценам в турбинском доме. Но и это не спасало спектакль от его гонителей. Главным объектом критики оказывались именно «кремовые шторы»; пьеса объявлялась сделанной «по чеховскому штампу». Обвинение в «чеховской манере» стало едва ли не важнейшим упреком мхатовским «Дням Турбиных».

И в этом случае критики проявили характерную для них эстетическую глухоту. В научной литературе последних лет уже отмечалось, что драматургия Булгакова не столько следует драматургии Чехова, сколько противостоит ей. Круг чеховских героев действительно был замкнут; окружающий мир был прежде всего миром рутины, в котором герои не могли и не хотели действовать. Больше всего героев Чехова угнетала пустота, неподвижность жизни: «Проживем длинный, длинный ряд дней, долгих вечеров...» — с тоской говорила Соня дяде Ване. Булгаков знал, что пройдет совсем немного времени, и Соне (и возможно, и дяде Ване) жаловаться на недостаток событий не придется. Когда после речи Лариосика, вспоминавшего тот же монолог Сони из «Дяди Вани»: «Мы отдохнем, мы отдохнем!», раздавался пушечный выстрел и Мышлаевский замечал: «Так. Отдохнули!» — ирония автора явно адресовалась не только к персонажам «Дней Турбиных», но и к чеховским героям.

Судьба интеллигенции в обстановке гражданской войны и всеобщего одичания — вот основная тема «Дней Турбиных», как и ряда других сочинений Булгакова тех лет. Окружающему хаосу противоставлялось упорное стремление сохранить нормальный быт, «бронзовую лампу под абажуром», «белизну скатерти». Достанется ли «пирог» на этой скатерти всем или только немногим,— этот вопрос в обстановке всеобщей разрухи казался ему второстепенным, праздным, выдуманным демагогами, подобными Швондеру из «Собачьего сердца». В 20-х годах главной темой, привлекавшей Булгакова, была тема «порядка», восстановления нормального быта. «Городовой! Это, и только это,— заявлял Филипп Филиппович в «Собачьем сердце».— И совершенно не важно — будет ли он с бляхой или же в красном кепи».

В 30-х годах «порядок» был восстановлен; появились и стражи его — в фуражках с красными или синими околышами. И именно в эти годы тема распределения жизненных благ заняла важное место в мыслях Булгакова. Роскошный ресторан при Доме Грибоедова, противостоящий «общей кухне», торгсин, куда нет хода «бедному человеку», не запасшемуся валютой,— все это уже не казалось ему столь привлекательным. К толстовской мечте о «землетрясении», разрушающем «пирог», Булгаков так и не пришел — но пожар в торгсине и Доме Грибоедова он все-таки устроил.

Однако темы эти появились в творчестве писателя уже позже — лет через десять после «Дней Турбиных».

Текст пьесы «Дни Турбиных» публикуется по машинописному списку 1940 года, сохранившемуся в ЦГАЛИ, ф. 2723 (Н. Г. Зографа), оп. 1, ед. хр. 468. Список имеет дату поступления — «9.XII.1940 г.» — и штамп Главного управления по репертуару Комитета по делам искусств 30 декабря 1940 года с надписью: «Только к печати». Этот текст, сохранявшийся у Булгакова в нескольких экземплярах (в «бюро или в шкафу, где лежат убитые мои пьесы») вплоть до его смерти 10 марта 1940 года, был представлен к печати еще летом 1940 года; издание не состоялось в 1941 году из-за войны, но и после нее оно не было разрешено. Опубликованы «Дни Турбиных» были лишь через два года после смерти Сталина, в 1955 году, причем текст издания обнаруживает существенные отличия от машинописных списков, представленных к печати в 1940-м и последующих годах. Текст издания 1955 года (воспроизводившийся потом в издании 1962, 1965 и 1986 годов) в значительной степени выправлен по сценическим экземплярам МХАТа, причем в него внесены многочисленные и явно вторичные поправ-

ки, сделанные в суфлерском экземпляре не рукой Булгакова, а иным почерком.

Мы не видим необходимости воспроизводить эти особенности издания 1955 года. Восстановление авторского текста «Дней Турбиных» — задача едва ли осуществимая; публикуя текст 1940 года, мы восполняем лишь пропуск, специально отмеченный Булгаковым в Альбоме «Дней Турбиных»,— сцену убийства, которая была «выброшена цензурой и театром» (ИРЛИ, ф. 369, № 75, л. 7 об.) (отмечена квадратными скобками — акт второй, картина вторая).

Стр. 25. *Скажи мне, кудесник, любимец богов...*—солдатская песня на слова «Песни о вещем Олеге» Пушкина, но с припевом: «Так громче, музыка, играй победу, // Мы победили, и враг бежит, // Так за царя, за Русь, за нашу веру // Мы грянем громкое ура!» Появилась во время первой мировой войны.

Стр. 37. *Их хабе эбен ди нахрихт... зайт ланге гевуст.*—Эти две фразы, написанные Булгаковым по-немецки, были исправлены в немецком переводе «Дней Турбиных», сделанном К. Розенберг и опубликованном в 1927 г. в Германии, на аналогичные по смыслу (но, вероятно, стилистически более правильные): «Ich habe eben die Nachricht von der schwieriegen Lage unserer Armee erhalten... Das ist uns schon längere Zeit bekannt» (Bulgakow. Die Tage der Geschwister Turbin. Die Weiße Garde. Berlin — Charlottenburg, 1927, S. 43). Эта поправка была внесена в первое издание «Дней Турбиных» на русском языке (Булгаков М. Дни Турбиных. Последние дни. М., 1955).

Стр. 41. *«Бог не дал мне силы...»... телеграммой.*—Булгаков приводит подлинный текст извещения гетмана, подписанного 14 декабря 1918 г.: «Бог не дал мне силы справиться с задачей: ныне, ввиду сложившихся обстоятельств... от власти отказываюсь» (см.: Антонов-Овсеенко В. А. Записки... о гражданской войне, т. III. М.—Л., 1932, с. 95).

Стр. 44. *«Ой, яблочко, куда котишься...»* — «Яблочко» — одна из популярных песен времен гражданской войны, распространенная (в разных вариантах) и в Советской России, и на Украине, и на Дону; существовала и ее белогвардейская версия (см. ниже, с. 620). Напев «Яблочка» взят из молдавской народной песни «Калач». В спектакле МХАТа «Яблочко» исполнялось как увертюра к «петлюровской» сцене.

Стр. 68. *Ты победил, Галилеянин!*—слова (о Христе), сказанные, по преданию, перед смертью римским императором Юли-

аном Отступником (IV в.), сделавшим последнюю попытку заменить христианство древней греко-римской религией.

Стр. 70. *Красные в Слободке.*—Красные вошли в Киев 3—5 февраля; Булгаков перенес это событие, согласно его собственным объяснениям, «к празднику Крещенья, т. е. 19 января 19 года» нового календарного стиля, ибо «важно было использовать елку в последнем действии» (ГБЛ, ф. 218, к. 1269, ед. хр. 6, л. 1).

Стр. 72. *Была у нас Россия — великая держава* — белогвардейская песня на мотив «Яблочка».

Когда вас расхлопают на Дону... — Эти слова, по воспоминаниям М. Булгакова, зафиксированным П. С. Поповым,— «вставка цензуры», внесенная в последнюю, 3-ю редакцию пьесы (ГБЛ, ф. 1269, ед. хр. 3, л. 6—6 об.). Для конца 1918 г. предсказание Мышлаевского, как и слова Алексея в конце третьего акта, были в устах белого офицера явным анахронизмом.

Стр. 75. *Я гений, Игорь Северянин* — первая строка стихотворения «Эпилог» (см.: Северянин И. Громокипящий кубок. Изд. 2. М., 1913, с. 125).

Скажи мне, кудесник, любимец богов... — В сценической версии Художественного театра вместо традиционного припева Мышлаевский пел: «Так за Совет Народных Комиссаров...» Существовал красноармейский вариант «Вещего Олега», где вводился этот припев и изменялся основной текст: «Как ныне мы властно рабочей рукой» (см.: Фурманов Д. Собр. соч., т. 1. М., 1960, с. 247; Сохор А. Русская советская песня. Л., 1959, с. 92, 102).

ЗОЙКИНА КВАРТИРА

Пьеса «Зойкина квартира» писалась Булгаковым, по его собственному выражению, «на перекладных». Только что окончена автоинсценировка «Белой гвардии», превратившаяся в драму «Дни Турбиных», у драматурга просит пьесу Студия им. Евг. Вахтангова. Известные строчки «Театрального романа» ретроспективно описывают рождение замысла «Зойкиной»: «...из-под полу по вечерам доносился вальс, один и тот же (кто-то разучивал его), и вальс этот порождал картинки в коробочке, довольно странные и редкие. Так, например, мне казалось, что внизу притон курильщиков опиума, и даже складывалось нечто, что я развязно мысленно называл — «третьим действием». Именно синий дым, женщина с асиммет-

ричным лицом, какой-то фрачник, отравленный дымом, и подкрадывающийся к нему с финским отточенным ножом человек с лимонным лицом и раскосыми глазами. Удар ножом, поток крови».

Отправной точкой фабулы пьесы послужило, по мнению Л. Е. Белозерской, сообщение в газете о «салоне» Зои Буяльской, превращавшемся по ночам в притон. Данное сообщение не разыскано, но схожих сюжетов в журналах тех лет немало. В рассказе М. Зощенко «Веселая масленица» (Красный ворон, 1923, № 7, с. 4) повествуется о «государственной» должности управдома, обязанного «по декрету» донести, если какая-нибудь из квартир вверенного ему дома окажется «веселящейся». В квартире № 48, где живут «две девицы» — Манюшка и еще одна гражданка «с эстонской фамилией»,— «пение, шум, разгул вообще». Бдительный управдом размышляет: «Хорошо бы девиц этих с поличным накрыть, с уликами». Рассказ оканчивается тем, что управдом не может устоять против соблазна — и развлекается вместе с прочими гостями подозрительной квартиры. Можно вспомнить и стихотворение Д. Цензора «Квартирка», в котором описано, как «только в ночь и по утрам // Поднимается в квартире // Невозможный тарарам...» (Красный ворон, 1924, № 34, с. 5), и т. д. Красноречивая карикатура в журнале изображала компанию сомнительных личностей в «черном воронке», обменивающихся репликами: «Нечего сказать, хороша компания! Какие-то шулера, валютчики, торговцы кокаином!..» — «А вы, сударыня, чем заниматься изволили?» — «У меня — дело чистое. Я — квартирку сдавала. Шесть девушек, и такие, что пальчики оближешь!» (Красный ворон, 1924, № 6, с. 8).

В источниках — и литературных, и жизненных,— недостатка не было.

Самый ранний по времени документ, рассказывающий о начале работы Булгакова над пьесой, датирован 16 сентября 1925 года. 1 января 1926 года было заключено соглашение автора со Студией, а 11-го — уже состоялось чтение готовой пьесы. «Зойкина» была принята вахтанговцами прекрасно, через несколько недель начались репетиции, к концу сезона спектакль должен был выйти к публике.

Первоначально репетировался не тот текст, который в конце концов стал литературной основой спектакля. Сохранился ранний вариант первой редакции «Зойкиной квартиры» (неполный) (Музей Театра им. Евг. Вахтангова, № 437), комментариями к которому могут служить письма М. А. Булгакова к А. Д. Попову, постановщику «Зойкиной». Прежде всего —

пьеса была четырехактной, в ней несколько иначе работала фабульная связь: муровцы не знали китайцев Зойкиной «мастерской», и для их опознания существовала специальная «сцена с аппаратами» в МУРе, где в «волшебном фонаре» проходили фотографии из муровских досье. «Мифическая личность» Ромуальд Муфтер, о которой в известных нам редакциях пьесы лишь упоминается,— появлялась на сцене, и проч.

Одновременно прошедшие генеральные репетиции во МХАТе и в Студии окончились запрещением обоих спектаклей — и «Дней Турбиных», и «Зойкиной». Собравшийся 6 июля совет Студии предложил Булгакову внести в пьесу коррективы (подробно о творческой истории пьесы см.: Гудкова В. В. «Зойкина квартира» М. Булгакова.— В сб.: М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. М., 1988, с. 96—124).

16 июля постановщик «Зойкиной квартиры» А. Д. Попов пишет Булгакову: «...*целиком согласен с проектом переделки, предложенным советом студии,* и еще к этому прибавил бы следующее: 1-ю и 2-ю картины II-го акта я бы соединил *в одну* картину, т. е. скомбинировал бы текст этих двух картин так, чтобы он перемежался между собой,— для этого Зойку отделил бы от «фабрики» маленькой ширмочкой. Эта комбинация *сохранила бы нам* обе картины, т. е. «фабрику на ходу» со сц<еной> «Алла — Зоя», и сэкономила бы время и перестановку и сгустила бы эти две *вялых* картины в одну густую компактную картину».

Ответ Булгакова резок: «По-видимому, происходит недоразумение: я полагал, что я продал Студии *пьесу,* а Студия полагает, что я продал ей *канву,* каковую она (Студия) может поворачивать, как ей заблагорассудится.

Ответьте мне, пожалуйста, Вы — режиссер, как можно 4-х актную пьесу превратить в 3-х актную?!»

Лето у автора уходит на переделки. В письме к В. В. Вересаеву 19 августа 1926 года Булгаков иронически описывает свое состояние: «Мотаясь между Москвой и подмосковной дачей (теннис в те редкие промежутки, когда нет дождя), добился стойкого и заметного ухудшения здоровья. Радуют многочисленные знакомые: при встречах говорят о том, как я плохо выгляжу, ласково и сочувственно осведомляются, почему я в Москве, или утверждают, что... с осени я буду богат!! (Намек на Театр)».

Тем не менее в результате летней работы драматург выполняет все требования и пожелания совета Студии, кроме сведения пьесы к трем актам. Но чуть позже находится

устраивающий и театр и автора выход: третий и четвертый акты идут в одном действии как две картины. Отметим, что исправления, произведенные Булгаковым, пошли на пользу пьесе. Совет решал художественные, не конъюнктурой продиктованные, задачи.

Осенью, перед самым выпуском, проходит еще одна редактура «Зойкиной» — теперь цензурная, снимающая острые в идеологическом отношении реплики, сценки, те самые, которые и конституируют пьесу, отличают булгаковское мышление от других авторов, сочиняющих на близкие темы. Основные смысловые купюры сосредоточены в третьем акте, на страницах которого красный карандаш особенно настойчив. И красным же карандашом приписано: «Финальная фраза всех муровцев: «Граждане, ваши документы».

28 октября 1926 года проходит премьера. Одна из зрительниц спектакля в частном письме отозвалась о «Зойкиной квартире»: «По-моему, это блестящая комедия, богатая напряженной жизненностью и легкостью творчества, особенно если принять во внимание, что тема взята уж очень злободневная и избитая и что игра и постановка посредственны. Жаль, что его писательская судьба так неудачна, и тревожно за его судьбу человеческую» (О. Ф. Головина — М. А. Волошину. Цит. по ст.: Купченко В., Давыдов З. М. А. Булгаков и М. А. Волошин.— В сб.: М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени, с. 423). Автор формулирует свое отношение к тексту, вышедшему из-под цензорской правки, еще резче: «Пьеса выхолощена, оскоплена и совершенно убита» (цит. по кн.: Новицкий Павел. Современные театральные системы. М., 1933, с. 163).

Не будет преувеличением сказать, что в сезоне 1926/27 годов Булгакову-драматургу прессой уделено внимания больше, чем кому бы то ни было. Спектакли шли в Ленинграде (БДТ), Саратовском государственном театре им. Н. Г. Чернышевского, в Тифлисском рабочем театре, Крымском государственном драматическом театре (Симферополь), Драматическом театре им. А. В. Луначарского г. Ростова-на-Дону, Бакинском рабочем театре, Театре русской драмы г. Риги, в Свердловском государственном театре им. А. В. Луначарского, повсюду принося ощутимый материальный успех (другими словами — зрительскую поддержку и признание) — и практически единодушное осуждение критики. При этом в рецензиях отсутствует эстетический анализ, рассказ о композиции спектакля, декорациях и проч. Минуя «форму», критики обращаются прямо к сути, не скупясь на политические ярлыки и обвинения. В. Павлов утверждал:

«Знакомая московскому зрителю насквозь мещанская идеология этого автора здесь распустилась поистине в махровый цветок» (Жизнь искусства, 1926, № 46, с. 11). А. Глебов обвинял Булгакова в том, что он приглашает зрителя «посочувствовать бедным приличным дамам и барышням, в столь тяжелое положение поставленным большевиками» (Печать и революция, 1926, кн. 10, с. 99). Обвинения в «мещанстве» и «пошлости» соседствуют с обвинениями в контрреволюционности: «Горьким смехом смеется Булгаков. Таким, каким смеются перед лицом своей политической смерти,— писал Н. Боголюбов.— В смысле социально-политическом булгаковские пьесы — это <...> попытка проехаться по лицу советской власти и коммунистической партии» (Программы государственных академических театров, 1926, № 64, с. 11). Имелось в виду не что иное, как «социальная принадлежность» высмеиваемых автором персонажей к той или иной группе. Так, Нусинов И. М. выстраивал уже творческий путь драматурга в целом: «Реабилитацию прошлого Булгаков дополнил дальнейшим диаволизированием советского настоящего: одновременно с драмой «Дни Турбиных» он ставит комедию «Зойкина квартира».

Драма — последние дни Турбиных, трагически погибающих под звуки «вечного Фауста». Комедия — притон, где ответственные советские люди проводят свои пьяные ночи, и носитель рабочей демократии, рабочий — представитель домкома берет взятки и укрывает притон» (Печать и революция, 1929, кн. 4, с. 52). Деление общества на «социально близких» и «социально чуждых», классифицирующее людей по их анкетным данным, представлялось истинным и все объясняющим.

Встречались и иные суждения, где, несмотря на неприятие произведения, присутствовала точность видения поэтики драматурга, направленности его творчества. «Булгаковщина» — нарицательное выражение буржуазного демократизма, сменовеховства в театральном творчестве — составляет ту классовую атмосферу, в которой сейчас предпочитает жить и дышать буржуазный интеллигент в советском театре»,— обобщал И. Дорошев (Известия, 1928, 3 ноября). А П. Новицкий дал формулу, представляющуюся и сегодня верной и точной — при условии, если снять уничижительные эпитеты: «...плоское остроумие диалога, бульварная занимательность интриги, беспринципно-циничное отношение к изображаемой действительности (опошление трагического и трагедизация пошлого) <...> — все эти качества драматурга М. Булгакова налицо и в «Зойкиной квартире» (Современные театральные системы. М., 1933, с. 163).

«Зойкина квартира», написанная одновременно с «Днями Турбиных» и предваряющая «Бег»,— все о той же сломанной жизни, о тех же утративших почву под ногами людях. «Бег» — о тех, кто уехал. «Зойкина» — о тех, кто остался.

Уже в ремарке, начинающей пьесу, заявлена антитеза: какофония дворовых криков, диссонирующая, «страшная»,— и волшебство, красота Зойкиной квартиры, как бы «осколка» прежней упорядоченной жизни, протекающей в облагороженных традицией формах, ритуалах. Старинный романс и ария из «Травиаты», звучащие у Зойки, кажется, противостоят резким, зазывным голосам улицы, пронзительным гудкам трамвая, назойливой гармонике. Но позже выясняется: противостояние того, что «внутри», и того, что «снаружи»,— ложно. Пространство искривлено, деформировано, лица искажены дьявольской ухмылкой. Зойкин «Париж на Арбате», подобно и той «Новой Баварии», куда, по уверениям Аметистова, привезли раков «с гитару»,— это московский Париж и наша Бавария, другими словами — это представления героев о том, что есть «Париж» и «Бавария». Здесь если пьют, пусть и шампанское,— то до бесчувствия, если «развлекаются» — то со взаимными оскорблениями, если начинают с романсов — то кончают непристойными частушками. Салон соскальзывает в бордель.

Пьеса запечатлевает, со свойственной Булгакову точностью и остротой видения,— сдвиги, смещения в социальной жизни, забвение недавних, но уже ушедших норм, ценностей, правил. В ней сталкиваются разные «языки», когда произносимое одним персонажем не понимается другим, либо — понимается неадекватно. Зойка сообщает Аллилуе, что ее «дома нет» (то есть — она «не принимает»). Управдому же известен лишь прямой смысл сказанного — оттого от столь нескрываемого «обмана» даже он чуть теряется: «Так вы ж дома». Граф Обольянинов отказывается понять, что он «бывший» граф — по мнению тех, кто выселяет его из дома. «Что это значит — «бывший граф»? Куда я делся... Вот же я стою перед вами».

Память о прежнем, важном Булгакову, дает фон, на котором развиваются события остро актуальной комедии. Здесь и «показательные» предприятия, и проблемы безработицы («биржи труда»), уплотнение в связи с жилищным кризисом, стремление многих к заграничным поездкам и многое другое. О быстроте социальных перемен сообщает даже имя «очень ответственной» Агнессы Ферапонтовны. В контрастном сочетании отчества, явно «из крестьян», и имени, изысканного и нерусского, читается характер дамы, скорее всего просто переделавшей на изящный манер деревенскую «Агнию».

Фамилия героя — Фиолетов — в первой редакции пьесы в сочетании с упоминанием об «ошибочном расстреле» его в Баку, по убедительному предположению Ю. М. Смирнова, вводили в «Зойкину квартиру» отсыл к до сих пор не проясненному во всей совокупности исторических обстоятельств реальному эпизоду расстрела двадцати шести бакинских комиссаров. (Смирнов Ю. Факт и образ. (К поэтике Михаила Булгакова).— В кн.: Михаил Булгаков. Материалы и исследования. Л., Наука (в печати).

Важен в «Зойкиной» мотив омертвения живой ткани реальности, превращения человеческих лиц — в маски. Выразительна ремарка, открывающая второй акт: «Манекены, похожие на дам, дамы, похожие на манекенов». Различны «степени» этого превращения: от Зойкиных «гостей» — к «Мертвому телу», то есть напившемуся допьяна «Ивану Васильевичу из Ростова»,— и, наконец, к манекену, с которым пытается танцевать персонаж. И на общем фоне оскуднения, суживания человеческих проявлений, «играет» красками, сверкает, как беспричинный фейерверк, Аметистов, не могущий «уместиться» ни в одно конкретное физиономическое лицо. Его игра всегда избыточна по отношению к ситуации, она с лихвой превышает необходимое. Начиная свое очередное превращение по житейской необходимости (угодить богатому и влиятельному клиенту, войти в доверие к Алле), он всякий раз «заигрывается», щедро выплескивая свой живой актерский (но и человеческий) дар.

Постоянен и важен в пьесе и мотив всеобщего переодевания, «смены личин», бесконечных трансформаций. Показательная мастерская — ателье — публичный дом. Аметистов — актер и заведующий «подотделом искусств», пожарный и этнограф, дворянин, «бывший кирасир» — и карточный шулер, «старый закройщик» — и приближенный ко двору, служащий у Пакэна — и «сочувствующий». Комиссия Наркомпроса — муровцы, прачечная — она же лавка наркотиков, оборотень Херувим и т. п. И лишь два устойчивых полюса есть в пьесе: швея, которая в самом деле только швея, не подозревающая, где она строчит на машинке, и граф Обольянинов, не устающий настаивать, что он «не пианист», не «товарищ», не «маэстро», не «бывший граф». «Графом» нельзя перестать быть,факт рождения неуничтожим.

По глубинной своей сути «Зойкина» (так же, как и «Бег») — размышление и о взаимосвязи средств — и цели. Хлудов в «Беге» казнит во имя «единой и неделимой» России. Зойка — совращает ради спасения графа, которого любит (сама она, сомнения нет, сумела бы устроиться и в Москве). Но, начав с репрессий, оправдываемых серьезностью, даже величием задачи, Хлудов кончает тем, что вешает солдата за слова правды

о себе. А Зойка, устроительница сравнительно безобидного «салона», приходит к невольному соучастию в убийстве. Избранные средства не могут не сказаться и на цели. Оттого Булгаков, в разные времена различно определяющий жанр пьесы («трагическая буффонада» — «трагикомедия» — «трагифарс»), при вариациях второй части определения (буффонада — комедия — фарс) оставлял неизменной первую, настаивая на трагическом элементе.

Позиция режиссера была иной. В работе над пьесой Булгакова принцип Станиславского («играешь злого — ищи, где он добрый») А. Д. Попову казался неприемлемым. Нэпманы были рядом, «сильные, зубастые, злобные», отыскивать в себе сочувствие к их запутавшимся судьбам постановщику претило. Булгаков же, наследуя гоголевской и толстовской традициям русской литературы, схематизировать и «обличать» отказывался. Драматург, как всегда, рассказывал о людях. Режиссер — судил виноватых. Если в то же самое время Художественный театр, репетируя пьесу о белых офицерах (что ставило режиссуру в положение еще более сложное), стремился к широкому, свободному взгляду на вещи, за принадлежностью к «белой гвардии» видел часть интеллигенции, ее исторической драме сопереживал, то вахтанговцы, влекомые А. Д. Поповым, проблемное поле пьесы сужали, сводя сюжет к вульгарной уголовщине.

Спектакль вахтанговцев, с краткими перерывами (его то и дело пытались снять, но из-за бесспорного зрительского успеха вновь возвращали в репертуар), продержался до весны 1929 года. Прошло около 200 представлений. Вернулась же на сцену «Зойкина квартира» лишь спустя десять лет, но уже не на родине писателя — а во Франции, на сцене театра «Vieux Colombier» («Старая голубятня»). Премьера состоялась 9 февраля 1937 года.

История парижской постановки по-своему примечательна и драматична. Рассказ о ней — отдельная тема, множество деталей и подробностей ее зафиксированы в переписке М. Булгакова с братом, Н. Булгаковым, патронирующим работу над спектаклем в Париже («Не все ли равно, где быть немым...». Письма М. А. Булгакова брату, Н. А. Булгакову.— Дружба народов, 1989, № 2, с. 199—223). Но об одном сказать необходимо: благодаря инициативе Марии Рейнгардт, обратившейся в 1933 году к драматургу с просьбой разрешить перевести пьесу на французский язык, Булгаков вновь возвращается к тексту старой вещи. Результатом авторской редактуры становится новая, вторая редакция «Зойкиной квартиры». Теперь Булгаков готовит текст пьесы для постановки за границей, в изменившей-

ся общественно-литературной ситуации. Он резко сокращает пьесу, из нее уходят острые детали, подробности, характерные для времени нэпа; категорически протестует против упоминания имен «Ленин», «Сталин» (отсебятин, появившихся в тексте из-за вольности переводчиков) (переписка М. А. Булгакова с М. Рейнгардт опубликована в «Современной драматургии», 1986, № 4, с. 260—268). Кажется, что кроме справедливого негодования автора, ревностно относящегося к своему произведению, здесь присутствует и трезвое понимание «похолодания» общественного климата. То, что было нормальным в комедиях 1920-х годов, где упоминались и Луначарский, и Троцкий, и Бухарин, и Сталин,— сейчас, в середине 1930-х, стало невозможным и могло привести к тяжелейшим последствиям.

Но, осуществляя правку «Зойкиной квартиры» с учетом политической обстановки, Булгаков не только «смягчает» пьесу, но и вносит обратные уточнения. Из самых важных отметим смену фамилии «Аллилуя» на «Портупею», превращающую сравнительно безобидного подхалима («аллилуйщика») в страшную фигуру пособника тайных арестов, военизированного соглядатая. И сотрудники МУРа, в 1925 году нарисованные не без симпатии, индивидуализированные персонажи Ванечка, Толстяк и Пеструхин,— ныне обращены в пронумерованных «Первого, Второго, Третьего и Четвертого Неизвестных». Характеры уступают место функциям. В «Адаме и Еве», пьесе, созданной «между» первой и второй редакциями «Зойкиной квартиры», Булгаков выведет следящих за профессором Ефросимовым Туллера 1-го и Туллера 2-го (один из которых перед смертью окажется Богдановым). «Зойкина квартира» теперь «уместилась» в три акта, менее конкретно обозначены место и время действия. Образы многих героев — начиная с Обольянинова и кончая «манекенщицами» ателье — заметно смягчены. Убавилось и сленга 1920-х годов, зато явственнее зазвучали языковые предвестия «главной вещи» писателя — романа «Мастер и Маргарита».

В настоящем издании публикуется первая редакция пьесы, отданная когда-то драматургом в театр, та, о которой Булгаков писал: «Я «Зойкину» очень люблю...»

Рукописных источников произведения не сохранилось (за исключением автографа начала второй редакции 1935 года — ГБЛ, ф. 562, к. 11, ед. хр. 7). В Отделе рукописей ГБЛ находится несколько машинописных экземпляров пьесы, но ни один из них не признан автором доброкачественным, авторитетным. Так, экземпляр с авторской правкой (ГБЛ, ф. 562, к. 11, ед. хр. 5), первая редакция 1926 года с авторской правкой,— сборный, сложенный из нескольких копий, на обложке надпись:

«Дефектный экземпляр», а на листе 54 (об.) рукою автора написано: «Черновики «Зойкиной квартиры». Еще один экземпляр 1926 года (ГБЛ, ф. 562, к. 11, ед. хр. 6), тоже несет на себе авторскую оценку: «Не корректировано. Экземпляр полон грубейших ошибок» и т. п.

Это понятно. Доделывая пьесу, Булгаков сдал машинопись в театр, готовить же рукопись к печати у него не было причин. Поэтому для опубликования избран экземпляр, хранящийся в Музее Театра им. Евг. Вахтангова (№ 435 и № 436). Это редакция 1926 года, которая легла в основу спектакля. При публикации не учитывается конъюнктурная правка Главреперткома, осуществленная перед премьерой. Именно эта редакция «Зойкиной квартиры» стала полноправным элементом современного ей литературно-театрального процесса, она принадлежит эпохе 1920-х годов, к которой, бесспорно, относится ее наибольшая литературная действенность.

Стр. 82. *С души как бремя скатится, // Сомненье далеко — // И верится, и плачется...*— строки из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Молитва».

Стр. 89. *«Скажите, пожалуйста, а кто она теперъ... «Кто?» Я говорю: «Курица». Он отвечает: «Она таперича пятух».*— Описанный Булгаковым эпизод вполне реален. Ср.: «Какой, казалось бы, интерес может представить для посетителя зоопарка самая обыкновенная российская курица? — спрашивал Б. С. Шихман в статье «Превращение без чудес».— Разгадка <...> столь же проста, сколь чудесна, и начертана на двух прикрепленных к клеткам табличках. У курицы: «Бывший петух...» У петуха: «Бывшая курица, получившая признаки петуха...» Таковы блестяще удавшиеся опыты, произведенные лабораторией экспериментальной биологии Московского зоопарка» (Экран, 1927, № 37, 11 сентября, с. 14).

Стр. 94. *Шмендефер* («железка») — азартная карточная игра.

Узнаю коней ретивых...—измененная Зоей строка стихотворения А. С. Пушкина «Из Анакреонта. Отрывок». В подлиннике: «Узнают коней ретивых // По их выжженным таврам...»

Стр. 98. *...нечего терять, кроме цепей.*—Строчка из «Коммунистического манифеста» К. Маркса и Ф. Энгельса. Произнесенная Аметистовым, она должна продемонстрировать владение им любой, в том числе и «партийной», фразеологией.

Итак, мы начинаем!— из Пролога оперы Р Леонкавалло «Паяцы».

Стр. 99. *Спартри*— фасон дамской шляпки (от фр. sparterie — плетение).

Стр. 100. *Ежели бы у вас было удостоверение с биржи труда* и далее.— Диалоги трех «голосов», исполненные безнадежности, с Аметистовым повествуют о реальной ситуации. Ср.: «В Брянске любят порядок. Чтобы все было по форме, толком и с умом,— рассказывал К. Мазовский в фельетоне «В трех соснах».— Пришел безработный на Биржу труда,— говорят: — Паспорт надо. Без него нельзя! Пошел за паспортом,— говорят: Вперед зарегистрируйтесь на Бирже труда! Опять — на Биржу, а оттуда опять за паспортом. Опять — на Биржу, опять — за паспортом... На Биржу, опять — за паспортом... Опять... Надоело? Вам читать надоело, а они ходят!» (Красный ворон, 1924, № 10, с. 6).

Стр. 107. *Пакэн.*—Имеется в виду знаменитый модный дом в Париже.

Стр. 117. *Что вы плачете так, одинокая бедная девочка.*— Аметистов неточно цитирует романс А. Вертинского «Кокаинетка». В подлиннике: «Что вы плачете здесь, одинокая, бедная девочка, // Кокаином распятая в мокрых бульварах Москвы... // Ваш сиреневый трупик укутает саваном тьма...»

Стр. 133. *Пароход идет прямо к пристани, будем рыб мы кормить коммунист...*—частушка времен гражданской войны. Опубликована в сб.: Князев Василий. Современные частушки. М.— Пг., 1924, с. 12 (с незначительными разночтениями).

Стр. 135—136. *...Фрины и Аспазии вертятся, как легкие сильфиды...*—Гусь в одной фразе соединяет несколько имен, ставших нарицательными. Фрина и Аспазия — знаменитые гетеры (из Беотии и Милета). Сильфиды же — в кельтской и германской мифологии, а также в фольклоре многих европейских стран — духи воздуха; во французской галантной литературе переосмыслены как «обольстительницы».

Стр. 137. *Вы прямо весталки.*—Весталки — жрицы древнеримского храма богини Весты, давшие обет целомудрия. Булгаков достигает комического эффекта, называя устами персонажа «весталками» дам Зойкиного «ателье».

Стр. 142. *...он лежит, как труп в пустыне...*—Гусь перефразирует стихотворную строку из «Пророка» А. С. Пушкина: «Как труп в пустыне я лежал...»

БАГРОВЫЙ ОСТРОВ

Первым документальным свидетельством об авторском замысле пьесы «Багровый остров» служит договор, заключенный Булгаковым с дирекцией московского Камерного театра

30 января 1926 года (со стороны дирекции его подписал Э. М. Овчинников-Волынский). Согласно договору, Булгаков должен был передать театру заказанную ему пьесу не позднее 15 июля 1926 года, а дирекция Камерного театра обязалась выпустить ее в сезоне 1926/27 годов. Театр получал исключительное право монопольной постановки в Москве и показа в Ленинграде в течение двух лет со дня премьеры (ИРЛИ, ф. 369, № 11).

Основная идея и сюжет драматического памфлета Булгакова восходит к его фельетону «Багровый остров» («Литературное приложение» к газ. «Накануне», 20 апреля 1924 года). Фельетон имел характерный подзаголовок: «Роман тов. Жюль Верна с французского на эзопский перевел Михаил А. Булгаков». Несомненна пародийная цель фельетона Булгакова, поначалу только литературная. Настоящим объектом булгаковской пародии был, конечно, не Жюль Верн, а современная «жюльверновщина», плоские «революционные» опусы текущей литературы, созданные по расхожим образцам приключенческой и детективной беллетристики. Отсюда и явление «товарища Жюль Верна», самоуверенного «пролетарского писателя», ремесленника новейшего образца, сумевшего приспособить вульгарным образом приемы авантюрно-приключенческой литературы к так называемому «социальному заказу» дня.

Подобные переделки, подделки и стилизации в духе популярных западных авторов были весьма распространены в литературе 1920-х годов. Один из постоянных литературных оппонентов Булгакова Юрий Слезкин перевел, например, свое имя и фамилию на французский — Жорж Деларм (larme — слезы) и издал под этим псевдонимом два романа: «Кто смеется последним» (М., 1925) с приложением вымышленной биографии мнимого французского автора и «Дважды два пять» (Л., 1925), обозначив последний роман как «перевод с 500 французского издания».

Пародия под знаком «тов. Жюль Верна», направленная сначала на прозу, а затем переведенная в многозначный драматический памфлет, имела и другие выразительные прецеденты в литературной и театральной жизни середины 1920-х годов: таковы юмористический роман В. П. Катаева «Остров Эрендорф» (1925), навеянный ранними романами И. Г. Эренбурга «Приключения Хулио Хуренито», «Трест Д. Е.» и др., остроумный роман-пародия С. С. Заяицкого «Красавица с острова Люлю» (1926), построенный на комическом обыгрывании типичных сюжетных ходов и положений европейского колониального романа и выпущенный под псевдонимом Пьер Дюмьель.

На пути от фельетона к пьесе «Багровый остров» Булгаков конкретизировал пародийный авторский образ-маску «тов. Жюль Верна» и превратил его из условно-литературного в индивидуально-типическое лицо. В Дымогацком — Жюль Верне собраны воедино многие живые черты и черточки современного драмодела, сделавшего политическую агитку средством пропитания, и притом искренне убежденного, что именно такие агитки новому советскому театру больше всего нужны.

Кроме персонажей из Жюль Верна, обозначенных в фельетоне, в пьесе Дымогацкого появились новые действующие лица: леди Гленарван и ее горничная Бетси, слуга Паспарту (он же Говорящий попугай), член Географического общества Жак Паганель, арап из гвардии Тохонга, первый и второй положительные туземцы Кай-Кум и Фарра-Тете, а также безымянные участники массовых сцен: арапова гвардия, красные туземцы и туземки, гарем Сизи-Бузи, английские матросы и проч. В драматизации сюжета «Багрового острова» автор пьесы Дымогацкий — Жюль Верн проявил сноровку, мало в чем уступавшую уровню иных современных пьес.

Новый ракурс, отличающий пьесу Булгакова от его же одноименного фельетона,— это трагикомедия современного театра, будни театрального закулисья, хорошо изученного писателем при постановке собственных пьес во Владикавказе и в Москве. Генеральная репетиция пьесы Дымогацкого в театре Геннадия Панфиловича уводит литературно-пародийный сюжет о Багровом острове на второй план, а на первых ролях основного действия оказываются люди театра, театральная труппа и ее директор в отношениях с драматургом и цензором,— короче говоря, сам театр как целое, как современный общественный институт.

Работа над текстом пьесы продолжалась до начала марта 1927 года. 3 марта Булгаков получил от секретаря Камерного театра Р. М. Брамсон решительное напоминание: «Михаил Афанасьевич! Вы обещали Александру Яковлевичу вчера прислать пьесу. Соответственно этому он сговорился с Реперткомом, что сегодня доставит туда пьесу. Увы! Ему нечего доставлять. А между тем сейчас очень удобный момент и настроение, которые, конечно, А. Я. хочет использовать. Очень прошу Вас переслать нам с посланным экземпляры пьесы, так как, Вы сами понимаете, это весьма важно не только для театра, но и для Вас. Момент этот упускать нельзя, т. к. через несколько дней состав весь меняется и провести пьесу будет много труднее» (ИРЛИ, ф. 369, № 113, л. 13).

4 марта 1927 года два перепечатанных экземпляра пьесы

«Багровый остров» были доставлены в Камерный театр, о чем в архиве Булгакова сохранилась соответствующая расписка. 14 марта по просьбе театра Булгаков переслал Э. М. Овчинникову-Волынскому и третий экземпляр пьесы, однако удобный момент, очевидно, был все-таки упущен: в печати нарастала крикливая кампания борьбы против «булгаковщины», левая критика поносила «Дни Турбиных» и «Зойкину квартиру», как ущербные антиреволюционные пьесы, чуждые советскому театру, Реперткомзадержал новую пьесу Булгакова «Бег», и в юбилейный сезон 1927/28 года «Багровый остров» не попал.

Театральные аспекты пародии Булгакова сообщали его драматическому памфлету особую злободневность. К замечанию Таирова о том, что местом действия «Багрового острова» является театр, следовало бы добавить одно существенное уточнение: «левый» театр. Ибо как раз «левый» театр, во главе которого с осени 1920 года в Москве стоял В. Э. Мейерхольд, более других экспериментировал на своей сцене с сугубо «идеологическими» пьесами, напоминавшими опус Дымогацкого — Жюль Верна.

Булгаков видел в Театре им. Вс. Мейерхольда (ТИМ) спектакль «Земля дыбом» (по пьесе французского драматурга Мартине «Ночь», радикально переделанной С. М. Третьяковым). Об этой пьесе с военными прожекторами и настоящими автомобилями, проезжавшими через театральную сцену, он упомянул в московском очерке «Сорок сороков». Еще одним спектаклем ТИМа в жанре большого «политического ревю» стала инсценировка «Д. Е.» о скорой «гибели Европы» по роману И. Г. Эренбурга «Трест Д. Е.», перекроенному до неузнаваемости драматургом-ремесленником М. Г. Подгаецким.

Сделав Дымогацкого автором современной «идеологической» пьесы «Багровый остров», выправленной твердой рукой Геннадия Панфиловича, Булгаков метил не в одно конкретное лицо и не в один знаменитый театр, хотя и памфлетные цели ему не были чужды. Он пародийно очертил целое явление, которое возникло в советской послеоктябрьской прозе и драматургии и особенно разрослось под сводами «левого» театра.

Двойной план пьесы, изображение «театра в театре», сложная система кривых зеркал, отражающихся друг в друге,— важнейшие стилевые особенности «Багрового острова». Подчеркнутая театральность этой пьесы и воспринимается по-настоящему не в чтении, а в атмосфере озорной игры, неожиданных сценических трансформаций, демонстративной смены масок и положений, в стремительных переходах от реального к условному и обратно. Поэтика «Багрового острова» строится на

обнажении игровых приемов, она раскрывает изнанку сцены и секреты театральной машинерии. Такой стиль был близок Камерному театру, и Булгаков ориентировался на него при создании своей пьесы.

26 сентября 1928 года — через полтора года после представления готовой пьесы в театр — Главрепертком неожиданно разрешил постановку «Багрового острова» Камерному театру. Сведения о разрешении пьесы распространились в театральной среде, и в середине октября 1928 года два ленинградских театра — Театр сатиры (режиссер Д. Г. Гутман) и театр «Комедия» (режиссер С. Н. Надеждин) телеграфировали Булгакову, что принимают его условия постановки «Багрового острова» и хотели бы срочно ознакомиться с пьесой. Булгаков в то время находился в Тифлисе и на сообщение из Москвы дал Л. Е. Булгаковой телеграмму:

«Сатире телеграфируй. Сожалению «Остров» предоставить не могу. Надеждину телеграфируй. Сожалению договору Камерным театром год не могу «Остров» дать Ленинграду. Позвони Таирову вернуть мой экземпляр с купюрами, сверь с ним остальные, также приведи порядок экземпляры «Бега», предложения театров телеграфировать мне» (ИРЛИ, ф. 369, № 119).

Телеграмма Булгакова подтверждает, что в экземпляре «Багрового острова» для Камерного театра содержались существенные авторские поправки и купюры, и именно по этому экземпляру можно установить окончательную редакцию пьесы.

Основное направление авторской правки, осуществленной Булгаковым в конце сентября — начале октября 1928 года,— сокращение длиннот текста и одновременно смысловое уточнение деталей, поиски более точных и выразительных слов. В отдельных случаях Булгаков смягчал резкие места пьесы, которые могли задеть Реперткомм.

Очевидны цензурные причины многочисленных сокращений и поправок. Но, кроме того, автор стремился придать пьесе более объективный и обобщенный характер, освободить ее даже в деталях от сугубо личных или фельетонных подробностей. Действенная линия пьесы в результате авторской правки стала отчетливей, сценичность сложной по конструкции вещи возросла.

Премьера «Багрового острова» в московском Камерном театре состоялась 11 декабря 1928 года. Постановка спектакля была осуществлена А. Я. Таировым и Л. Л. Лукьяновым, оформление — В. Ф. Рындина, музыкальная часть — А. Метнера, танцы — Н. Глан. В главных ролях выступали артисты: И. И. Аркадин (директор театра Геннадий Панфилович, он же лорд

Гленарван), В. Ганшин (Василий Артурыч Дымогацкий, он же Жюль Верн, он же Кири-Куки, проходимец при дворе), Е. Вибер (Савва Лукич), Н. Новлянский (Никанор Метелкин, помощник режиссера, он же слуга Паспарту, он же Говорящий попугай), Е. Штейн (Лидия Иванна, она же леди Гленарван), Н. Горина (Бетси, горничная леди Гленарван) и др.

В беседе с корреспондентом перед премьерой Таиров так определил общий замысел спектакля: «Ближайшая постановка нашего театра — пьеса Булгакова «Багровый остров» — рисует искажение методов и форм культурной революции. Материалом для этого показа служит наш провинциальный театр. Три героя — директор театра Геннадий Панфилович, драматург Дымогацкий и ответработник Савва Лукич — собираются приспособить под революционного пролетарского писателя <...> Жюля Верна. Драматург пишет необыкновенно революционную пьесу с буржуями, угнетенными народностями, интервенциями, извержениями вулкана и т. д. Директор театра Геннадий Панфилович инсценирует всю эту чепуху, а Савва Лукич разрешает эту постановку. В результате «генеральная репетиция пьесы гражданина Жюль Верна в театре Геннадия Панфиловича с музыкой, извержением вулкана и английскими матросами».

Пьеса Булгакова является, таким образом, острой сатирой на тех людей, которые с помощью готовых штампов думают обновить наш репертуар. Поскольку любовь к штампам и в других областях нашей жизни часто заслоняет от нас четкие перспективы революционного строительства, пьеса Булгакова имеет глубокое общественное значение, далеко выходящее за границы театральной жизни. В постановке пьесы Булгакова Камерный театр стремится подчеркнуть никчемность этого приспособленчества, готового в любой момент совместить Жюль Верна с революцией, конструктивизм с натурализмом и т. д.» (Рабочая Москва, 1928, № 280, 2 декабря).

Настоящим объектом пародии «Багрового острова» был, конечно, не «провинциальный театр» как таковой, а некоторые характерные штампы, утвердившиеся на «левом фронте» театрального искусства. В спектакле высмеивалась запретительная политика в области культуры, которая уже тогда набирала силу и грозила искусству великими бедами. Изобретательность театральной пародии, созданной совместно Булгаковым и Таировым, вынужден был подтвердить критик ВИН (С. А. Валерин), просигналивший в печати о «правой опасности», исходившей будто бы от «Багрового острова» в Камерном театре. Тем не менее он отметил отдельные «тонко и со вкусом сделанные

номера: пародия на классический балет, раскрытие тайн сценическо-декоративных эффектов, некоторые остроумные трюки художника Рындина (извержение вулкана), пародия на отдельные куски постановок других театров» (Наша газета, 1928, 14 декабря).

Подавляющее большинство критических откликов в печати о «Багровом острове» было резко отрицательным. Свой безапелляционный приговор спектаклю по пьесе Булгакова вынес в начале февраля 1929 года Сталин в ответном письме драматургу В. Н. Билль-Белоцерковскому: «Вспомните «Багровый остров», «Заговор равных» и тому подобную макулатуру, почему-то охотно пропускаемую для действительно буржуазного Камерного театра» (Сталин И. В. Соч., т. 11, с. 329).

В развитие официального мнения критик И. М. Нусинов написал несколько позже, что Булгаков «вполне сознательно издевается над революционной драматургией, над такими постановками, как «Разлом», как «Рычи, Китай!» (Печать и революция, 1929, кн. 4, с. 52). На самом деле круг театральных явлений, ставших объектом пародии в Камерном театре, был значительно шире: от «агитспектаклей» Мейерхольда («Озеро Люль», «Земля дыбом», «Д. Е.», «Рычи, Китай!») до пьесы Билль-Белоцерковского «Лево руля», вполне традиционно поставленной Л. М. Прозоровским в Малом театре. Практика этих театров давала основания Таирову говорить об эклектическом сочетании конструктивизма с натурализмом, театральной рутины с «идеологичностью».

Высмеивая привычные «общие места» современного «идеологического» спектакля, сатира «Багрового острова» преследовала не театр как таковой и даже не лицедеев, вынужденных играть что угодно, а те внешние, чуждые театру силы, которые мешали ему в настоящем и грозили упадком в будущем. Отразилась в сюжете пьесы и собственная судьба драматурга, те кризисные моменты изнуряющих «генеральных репетиций», через которые прошел Булгаков, участвуя в постановочных мытарствах «Дней Турбиных» и «Зойкиной квартиры».

Волнение московской публики, стремившейся посмотреть «Багровый остров» на сцене Камерного театра, можно понять: это был беспрецедентный в конце 1920-х годов в условиях наступавшего сталинизма вызов бюрократическому диктату, открыто заявленный протест против подавления свободы слова и казенных ограничений свободы творчества. При самых незаурядных художественных достоинствах, продержаться долго в репертуаре такой спектакль не мог — под давлением сверху и со стороны прессы «Багровый остров» был снят со

сцены в июне 1929 года; после премьеры он успел пройти на публике более шестидесяти раз.

В письме «Правительству СССР» (28 марта 1930 года) Булгаков избрал свой драматический памфлет «отправной точкой» для оценки общественной ситуации, сложившейся вокруг него после 1929 года, и изложения своих взглядов на роль писателя-сатирика в СССР.

«Я не берусь судить, насколько моя пьеса остроумна,— писал Булгаков,— но я сознаюсь в том, что в пьесе действительно встает зловещая тень, и это тень Главного Репертуарного Комитета. Это он воспитывает илотов, панегиристов и запуганных «услужающих». Это он убивает творческую мысль. Он губит советскую драматургию и погубит ее.

Я не шепотом в углу выражал эти мысли. Я заключил их в драматургический памфлет и поставил этот памфлет на сцене. Советская пресса, заступаясь за Главрепертком, написала, что «Багровый остров» — пасквиль на революцию. Это несерьезный лепет. Пасквиля на революцию в пьесе нет по многим причинам, из которых, за недостатком места, я укажу одну: пасквиль на революцию, вследствие чрезвычайной грандиозности ее, написать невозможно. Памфлет не есть пасквиль, а Главрепертком — не революция».

При жизни Булгакова пьеса не публиковалась.

Первые публикации «Багрового острова» за рубежом были осуществлены по случайным непроверенным спискам пьесы и изобилуют грубыми искажениями и ошибками в тексте (см.: Новый журнал, Нью-Йорк, 1968, кн. 93, с. 38—76; см. также: Булгаков Михаил. Пьесы. Адам и Ева. Багровый остров. Зойкина квартира. Paris, Ymca-press, 1971; 2-е изд.— 1974).

Журнальная публикация «Багрового острова» в СССР основана на неправленом машинописном экземпляре пьесы, имеющемся в архиве Булгакова (ГБЛ, ф. 562, к. 11, ед. хр. 10, 117 лл.); в этой редакции не учтены ни сокращения, ни последующие вставки и исправления в тексте, сделанные автором (см.: Дружба народов, 1987, № 8, с. 140—191. Подгот. текста и публ. Б. С. Мягкова и Б. В. Соколова). Тот же непрокорректированный Булгаковым текст «Багрового острова» повторен в кн.: Булгаков Михаил. Чаша жизни. М., Советская Россия, 1988, с. 291—374.

Пьеса «Багровый остров» в настоящем издании печатается по кн.: Булгаков Михаил. Пьесы 1920-х годов (Театральное наследие). Л., 1989, с. 296—348.

За основу текста избрана единственная авторизованная машинопись «Багрового острова» с многочисленными рукопис-

ными вставками, исправлениями и вычеркиваниями рукой Булгакова и режиссерскими пометами А. Я. Таирова. Экземпляр принадлежал московскому Камерному театру и сохранился в фонде репертуарного сектора Комитета по делам искусств (ЦГАЛИ, ф. 962, оп. 1, ед. хр. 64, 89 лл.).

Стр. 149. *Кадристы* — театральные ученики, школьники (жарг.).

Стр. 153. *Бал репетируют.* — Имеется в виду сцена бала в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

Стр. 155. *Театр, матушка, это храм...* — Пародийно использован постулат романтической концепции искусства, поддержанной, например, молодым Белинским в его статье «Литературные мечтания» (1834): «Что же такое, спрашиваю вас, этот театр?.. О, это истинный храм искусства, при входе в который вы мгновенно отделяетесь от земли, освобождаетесь от житейских отношений!» (Белинский В. Г. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 1. М., 1976, с. 104).

Я пригласил вас, товарищи, с тем, чтобы сообщить вам... — Пародируется реплика городничего из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

Стр. 157. *Мне юношество вверено государством...* — возможный намек на молодежные театральные курсы В. Э. Мейерхольда (первоначальное название ГВЫРМ — Государственные высшие режиссерские мастерские), из которых сформировался после революции его театр.

Стр. 158. *...припомните, что сказал наш великий Шекспир: «Нету плохих ролей, а есть паршивые актеры, которые портят все, что им ни дай».* — Отсылка к Шекспиру носит иронический характер, реплика восходит к известной фразе К. С. Станиславского: «Нет маленьких ролей, есть маленькие артисты» (Станиславский К. С. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 1. М., 1988, с. 250). В устах Геннадия Панфиловича эта мысль приобретает пародийный оттенок.

Стр. 159. *«Прага»* — известный ресторан в Москве в районе старого Арбата. Топонимика пьесы подтверждает ее столичный, московский адрес, несмотря на попытки А. Я. Таирова внешне закамуфлировать место действия под «провинциальный» театр.

Стр. 162. *...бог Вайдуа на том свете накажет вас.* — Вайдуа — высшее божество новозеландского племени маори, упоминается в романе Жюля Верна «Дети капитана Гранта».

Стр. 163. *Ужас, ужас, ужас!* — На протяжении пьесы Кири-Куки много раз повторяет это восклицание, восходящее к реплике Призрака о преступлении короля Клавдия в трагедии

Шекспира «Гамлет»: «Я был лишен супруги, и венца, и жизни, // Погиб во тьме греха без покаянья! // О, ужас, ужас, ужас!» (перевод Н. А. Полевого).

Стр. 164. *Вулкан Муанганам*— священная гора племени маори в романе «Дети капитана Гранта»; по сюжету романа, беглецы-европейцы, сдвинув с места огромный камень, спровоцировали извержение вулкана и таким образом спаслись от преследования туземцев.

Стр. 165. *Европейцы, на выход!*— В пьесе С. М. Третьякова «Рычи, Китай!» все действующие лица делятся на две группы — европейцев и китайцев. Булгаков явно пародирует этот прием.

С неба на тросах спускается корабль...— В спектакле «Рычи, Китай!» на сцене Театра им. Вс. Мейерхольда английская канонерка «Кокчефер» появлялась по ходу действия при помощи специальных катков. А. Я. Таиров и В. Ф. Рындин в пародийных целях спускали яхту «Дункан» на сцену прямо сверху на тросах.

Ах, далеко нам до Типперери...— строка из популярной песенки английского экспедиционного корпуса времен первой мировой войны.

Стр. 197. *Ну что же, принять, позвать, просить, сказать, что очень рад.*— Пародируется реплика Фамусова из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: «Принять его, позвать, просить, сказать, что дома, // Что очень рад».

...уж мы вас ждали, ждали, ждали.— Здесь вновь использована реплика Фамусова из «Горя от ума».

Стр. 204. *Лориган*— французский одеколон.

Стр. 206. *Черти разложили команду. Она волнуется. ...Капитан, домой! ...Из бухты вон!!*— Мотив революционного братания матросов и бунта команды против власти в лице капитана корабля широко использовался в советской драматургии 1920-х годов («Разлом» Б. Лавренева, «Иван Козырь и Татьяна Русских» Д. Смолина, «Лево руля» В. Билль-Белоцерковского и др.).

Стр. 209. *Дура лекс... дура.*—От латинской пословицы: «dura lex, sed lex» — суров закон, но закон.

...встречал рассветы на Плющихе...— Плющиха — улица в Москве; ее упоминание также подтверждает «московский» адрес пародии «Багрового острова».

Стр. 210. *Ну, вот моя грудь, пронзи ее своим карандашом...*— Пародийно использована реплика Дон Гуана из «Каменного гостя» А. С. Пушкина: «Дона Анна, // Где твой кинжал? вот грудь моя».

А судьи кто? За древностию лет к свободной жизни их вражда непримирима. Сужденья черпают из забытых газет времен колча-

ковских и покоренья Крыма...— Строки монолога Чацкого из «Горя от ума» пародийно переведены на новые времена сражений с Колчаком (1919) и разгрома армии Врангеля в Крыму (1920). По сути, Дымогацкий обвиняет Савву Лукича в прямолинейности и нетерпимости, характерных для времен гражданской войны и «военного коммунизма».

Уж втянет он меня в беду!— ответная реплика Фамусова на монолог Чацкого «А судьи кто?».

На Польском фронте контужен в голову...— попытка представить Дымогацкого — Жюля Верна в качестве благонадежного автора, участника боев с белополяками (1920).

...он уже сидел на Канатчиковой даче...— Канатчикова дача — психиатрическая городская клиническая больница № 1 им. П. П. Кащенко в Москве.

Стр. 213. *Иди, душа, во ад и буди вечно пленна!..*—неточная цитата из трагедии А. П. Сумарокова «Дмитрий Самозванец».

Стр. 215. *Что, мой сеньор? Вдохновение мне дано, как ваше мнение? Что, мой сеньор?!*— из речитатива Фигаро в опере Дж. Россини «Севильский цирюльник».

Коль славен наш господь в Сионе...— первая строка вольного переложения библейского псалма 47, сделанного М. М. Херасковым. Музыку к нему написал Д. С. Бортнянский. Эту мелодию до 1917 г. вызванивали куранты Петропавловской крепости.

Снять «Эдипа»...— Имеется в виду трагедия Софокла «Царь Эдип». Эффект соседства в одной афише собственной современной пьесы с произведениями мировой драматургии поразил Булгакова при постановке «Дней Турбиных» и был комически обыгран в «Театральном романе»: «Ну, брат,— вскричал Ликоспастов,— ну, брат! Благодарю, не ожидал! Эсхил, Софокл и ты! Как ты это проделал, не понимаю, но это гениально! Ну, теперь ты, конечно, приятелей узнавать не будешь! Где уж нам с Шекспирами водить дружбу!»

БЕГ

Самый ранний из известных экземпляров «Бега» датирован 1926—1928 годами (Пьеса в пяти действиях, «восьми снах».— ГБЛ, ф. 562, к. 11, ед. хр. 11). На титульном листе машинописи вырван клочок бумаги; пояснительная записка Е. С. Булгаковой сообщает, что здесь было посвящение актерам-турбинцам: В. С. Соколовой, Н. П. Хмелеву, М. М. Яншину. «Бег» сочинял-

ся — для них, драматург видел перед собой конкретные актерские индивидуальности.

Первые сведения о пьесе появились в печати в начале 1927 года: «Автор «Дней Турбиных» М. Булгаков также обещает дать этому театру (МХАТу.— *В. Г.*) пьесу, рисующую эпизоды борьбы за Перекоп из гражданской войны» (Программы государственных академических театров, 1927, № 10, с. 10).

В апреле 1927 года Булгаков заключает договор с театром. Будущий «Бег» именуется пока по-иному: «М. А. Булгаков обязуется передать МХАТу для постановки на Большой сцене свою пьесу «Рыцарь Серафимы» («Изгои») <...> не позднее 20 августа 1927 г.» (ИРЛИ, ф. 369, № 143).

Первый вариант пьесы в течение весны — лета 1927 года был окончен. Полярность оценки героев выявилась в двух предварительных названиях: «Рыцарь Серафимы» — и «Изгои».

По свидетельству Л. Е. Белозерской, ее устные воспоминания об эмиграции были той питательной почвой, на которой вырастал замысел «Бега». Известен еще один бесспорный документальный источник «Бега»: книга белого генерала Я. А. Слащова-Крымского («Требую суда общества и гласности. (Оборона и сдача Крыма)». Мемуары и документы. Константинополь, Книгоизд-во М. Шульман, 1921), вышедшая в 1920—1924 годах несколькими изданиями. Публикация документов, которыми располагал автор, рассказ о расстановке сил в белой армии (в частности — характеристика отношений Врангеля со Слащовым, отразившаяся в тексте пьесы при выстраивании линии главком — Хлудов), обрисованная «изнутри» ситуация крымских боев — все это уточняло фабульную канву «Бега». Не раз и не два в репликах Хлудова появятся те или иные, почти дословные реминисценции с фразами Слащова. Хлудов становится, наряду с «рыцарем» Голубковым и его дамой, одним из центральных героев пьесы.

2 января 1928 года Булгаков заключил новый договор со МХАТом — теперь уже на пьесу под названием «Бег», которую театр обязался поставить не позднее будущего сезона. 16 марта экземпляры «Бега» сданы в театр, а в конце апреля драматург уезжает на летний отдых. 17 мая он получает телеграмму от заведующего литературной частью МХАТа П. А. Маркова: «Постановка Бега возможна лишь при условии некоторых переделок просим разрешения вступить переговоры реперткомом» (ИРЛИ, ф. 369, № 130).

«Бег» был представлен в Репертком в разгар газетно-журнальных боев вокруг «Дней Турбиных» и «Зойкиной квартиры». Год назад прошло печально известное совещание при

Агитпропе, возвестившее о «конце экспериментального периода» и призвавшее к максимальной жесткости идеологического контроля. Фамилия Булгакова на совещании упоминалась выступавшими едва ли не чаще всех прочих «неблагонамеренных» литераторов. Оценки его произведений резки до грубости. Теперь противники булгаковского творчества выступают в печати не с рецензиями на отдельные вещи, а выстраивают общую линию литературного пути писателя. «Бег» той частью критико-театральной общественности, которая обладала в те годы возможностью печатных выступлений, был прочитан предвзято.

После «Зойкиной квартиры», написанной о тех, кто остался в России, Булгаков, которого пережитое «не отпускает», продолжает размышлять о частных судьбах людей на изломе истории, складывающихся в общую судьбу страны. «Бег» — рассказывает о тех, кто уехал. В «восьми снах» драматург стремится воочию увидеть то, что произошло с покинувшими Россию.

Приват-доцент Петербургского университета, играющий на шарманке. Жена министра, выходящая на панель. Бывший генерал, ныне проигравшийся в пух игрок и торговец «тещиными языками», сам себе пророчащий изгойство. Дочь губернатора (в 1-й редакции пьесы была реплика Чарноты: «Видали, дочь губернатора!»), превратившаяся в походную жену казачьего генерала, а затем решительно «устраивающая» свою жизнь с презираемым ею человеком.

Казалось бы — резче показать эмиграцию невозможно. Обсуждения пьесы Реперткомом и многочисленные статьи о «Беге» показали, что и эта пьеса Булгакова показалась абсолютно неприемлемой. Помимо сложившейся «сомнительной» репутации автора, сыграло свою роль то, что Булгаков, говоря о белой армии и «буржуях» — Голубкове и Серафиме, пишет не плакаты и схемы, а живые образы, объемные характеры. И в этом опустившемся мире Голубков продолжает любить Серафиму, Чарнота — не утрачивает озорства и не способен предать Люську, узнанную им в «мадемуазель Фрежоль», Хлудов поддерживает Голубкова, а Люська стремится оберечь Серафиму.

9 мая прошло совещание Реперткома, в резолюции которого сформулированы причины полной «неприемлемости» пьесы. Утверждалось, что скитания героев изображены «в ореоле подвижничества русской эмиграции» и «подобная установка не может быть оценена даже как сменовеховская, ибо автор сознательно отходит от какой бы то ни было характеристики своих героев, приявших Советы, в разрезе кризиса их мировоззрения...» Вывод гласил: «Подобное «хождение в Каноссу»

нужно автору не для подчеркивания исторической правоты завоеваний Октября, а для того, чтобы поднять своих героев-эмигрантов на более высшую ступень интеллектуального превосходства» (ИРЛИ, ф. 369, № 130).

Ломаются планы будущего сезона у МХАТа, и режиссура начинает хлопоты о разрешении пьесы, в которой заинтересован театр. С началом сезона, 9 октября, В. И. Немирович-Данченко, используя присутствие в Москве Горького, устраивает повторное обсуждение пьесы в театре. И. Судаков обещает, что все требования Реперткома будут учтены. А. И. Свидерский, председатель Главискусства, еще раз подчеркивает верность избранного драматургом пути: «Хотят увидеть именно Караванную, именно снег — это правда, которая понятна всем. Если же объяснить их возвращение (Голубкова и Серафимы.— *В. Г.*) желанием принять участие в индустриализации страны — это было бы не оправдано и потому плохо». А. М. Горький предсказывает «анафемский» успех спектаклю и подкрепляет свое положительное мнение еще и упоминанием о том, что он читал эту пьесу «А. И. Рыкову и другим товарищам». Завершая обсуждение, В. И. Немирович-Данченко говорит об ошибке Реперткома в оценке «Бега» и заверяет присутствующих, что «автор, увидя пьесу в работе, найдет в конце нужные тона» (Гудкова В. В. Судьба пьесы «Бег».— Сб. «Проблемы театрального наследия М. А. Булгакова». Л., 1987, с. 42).

9 октября «Правда» сообщает, что МХАТ «принял к постановке» «Бег» М. Булгакова», а уже на следующий день начаты репетиции. Но 13 октября Горький уезжает в Италию на лечение. 15 октября председатель Главреперткома Ф. Ф. Раскольников направляет в ЦК ВКП(б) «совершенно секретное» сообщение о том, что «на заседании Коллегии <Совещание ответственных работников Главискусства.— *В. Г.*> <...> в присутствии беспартийной части аппарата Главискусства, представителей МХТ-1-го и газетных корреспондентов тов. Свидерский заявил, что Главрепертком «душит творчество авторов» и «своими бюрократическими методами регулирования» обостряет репертуарный кризис» (ЦГАОР, ф. 4359, оп. 1, д. 213.) Спор вокруг «Бега» выходит далеко за рамки решения — «пропустить» на сцену пьесу либо нет. Речь идет о политике в области искусства. Свидерский отвечает продуманным письмом, бо́льшая часть которого посвящена защите булгаковской пьесы. «В своих оценках драматических произведений Главрепертком нередко скатывается к простому противопоставлению «советских» и «не советских» пьес на основании крайне грубых признаков. Если автор — коммунист или почти коммунист, если пьеса имеет

революционную тему, если белые и буржуазия показаны в отрицательном освещении, а красные в положительном и если пьеса имеет благополучный в социалистическом смысле конец, то такая пьеса признается советской», таков механизм «анализа» художественного произведения Главреперткомом. «На заседании Художественного совета Главреперткомом делается заявление, что рабочим незачем рассказывать об обывательских мытарствах в революционные дни <...> и это заявление принимается одобрительно. На другом собрании <...> провозглашается, что мы «так выросли», что можем обойтись с продукцией своих драматургов Киршона и Билль-Белоцерковского и нам не надо гоняться за продукцией «не наших» драматургов. Чудовищность такого рода заявлений очевидна, мимо нее нельзя пройти, так как подобные заявления не могут не вести к соответствующим «делам» (ЦГАОР, ф. 4359, оп. 1, д. 213),— тревожится опытный А. И. Свидерский.

Опасения председателя Главискусства сбываются. 22 октября Репертком проводит расширенное заседание Политико-художественного совета. Вновь обсуждается «Бег». М. Загорский рассказывает в отчете: «Первую половину пьесы читал режиссер МХАТ-1 тов. Судаков, будущий ее постановщик, вторую — председатель Главреперткома тов. Раскольников. Уже в самой манере их чтения <...> определилась разница в подходе к этому произведению. Для Судакова смысл пьесы <...> в «тараканьем беге» людей, несомых по белу свету <...> Наоборот, тов. Раскольников, в очень иронической манере подачи текста, остро вскрывает всю условную <...> фальшивую фразеологию белогвардейских мучеников» (Судьба пьесы «Бег», с. 42—43).

Напрасно А. И. Свидерский объяснял на заседании, что нельзя судить о пьесе по урокам бывших учителей словесности, раскладывая героев по полочкам «положительных» и «отрицательных». Против «Бега» выступили В. Киршон, И. Авербах, А. Орлинский, П. Новицкий. Решение было таким: «Не выключать «Бег» из списка запрещенных произведений, но дать возможность МХАТ-1 переделать пьесу» (З а г о р с к и й М. Спор о «Беге».— Вечерняя Москва, 1928, 23 октября).

После публикации итога обсуждения в ряде газет появляются статьи против «Бега». Часть особенно выразительных словесных клише и формул позднее Булгаков введет в художественную ткань романа «Мастер и Маргарита». И. Кор (Известия, 1928, 15 октября) призвал «ударить по булгаковщине» (в «Мастере»: «ударить по пилатчине»), И. Бачелис (Комсомольская правда, 1928, 23 октября) обвинил МХАТ в попытке «протащить булгаковскую апологию, написанную посредственным бо-

гомазом» (в «Мастере»: «попытка протащить в печать апологию Иисуса Христа» и предложение гонителей Мастера «ударить по тому богомазу, который вздумал протащить»).

В запрещении «Бега» сыграло роль и письмо В. Билль-Белоцерковского, с которым тот обратился к Сталину, с протестом против «Бега». Сталин поддержал запрет булгаковского произведения и охарактеризовал «Бег» в том виде, как он есть, как «явление антисоветское» (Сталин И. В. Соч., т. 11, с. 327). Так был завершен первый этап борьбы за пьесу. «Бег» не вышел на сцену.

После роспуска РАПП и перехода МХАТа непосредственно в ведение Президиума ЦИК — тем самым театр обрел организационно оформленную «особость» положения — МХАТ возобновляет попытки добиться разрешения пьесы.

10 марта 1933 года вновь начинаются репетиции. Более того, 29 апреля с Булгаковым заключается новый договор, «за право постановки и написание пьесы» выплачивается 6000 рублей. Указаны те коррективы, которые должен внести драматург: «переработать последнюю картину по линии Хлудова, причем линия Хлудова должна привести его к самоубийству», кроме того, Голубков и Серафима должны остаться за границей; наконец, необходимо переделать в 4-й картине сцену главкома и Хлудова («чтобы наилучше разъяснить болезнь Хлудова») (Судьба пьесы «Бег», с. 46) — опасались «достоевщины» в характеристике персонажа.

Судя по сохранившимся документальным свидетельствам, последовательность смены финалов «Бега» была такова. В первом варианте Хлудов оканчивал жизнь самоубийством в Константинополе, а Серафима с Голубковым оставались доживать свой век за границей. Во втором варианте, в дошедшей до нас редакции пьесы 1926—1928 годов — все три центральных персонажа возвращались в Россию, сломленные Серафима и Голубков и потерпевший жизненный крах Хлудов.

Другими словами, требования Главреперткома, не могущего определить, какой же конец пьесы станет более «идеологически верным», парадоксальным образом возвращали автора к его же собственному первоначальному решению, о чем Булгаков писал брату: «В «Беге» мне было предложено сделать изменения. Так как изменения эти совпадают с первым моим черновым вариантом и ни на йоту не нарушают писательской совести, я их сделал».

Весть о новом запрете «Бега» автор получил 21 ноября 1934 года. В середине 1930-х годов надежды на постановку пьесы исчезли. «Если сначала за «Бег» еще можно было

бороться — успех предсказывал Горький, хлопотал Немирович-Данченко,— то после статей «Правды» «Сумбур вместо музыки» и «Ложный блеск и фальшивое содержание» и других ничего сделать уже было нельзя»,— свидетельствовал П. А. Марков (в устной беседе с автором).

Последний раз Булгаков обратился к пьесе в сентябре 1937 года в связи с неожиданным звонком из Театрального отдела Комитета по делам искусств. Просили экземпляр «Бега». Е. С. Булгакова записала в дневнике: «Решили переписывать «Бег». И далее: «М. А. диктует, сильно сокращает».

Со времени создания первой редакции пьесы прошло десятилетие, написаны почти все драматические произведения, близится к концу и работа над «закатным» романом. Установился новый быт. Исчезла, рассеялась среда, к которой принадлежали герои пьесы, приват-доцент философии и его спутница, молодая блестящая петербургская дама. «В Москве изменилась в 1931 году уличная толпа,— рассказывает книга «Канал имени Сталина», созданная усилиями десятков писателей во главе с М. Горьким,— окончательно исчезли <...> богачи и расфранченные женщины, заметные при взгляде на улице всякой другой страны» (Канал имени Сталина. Под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. М., 1934, с. 35). Репрессии и высылки конца 1920 — начала 1930-х годов не могли не сказаться на изменении «образа города», более других — Москвы и Ленинграда. «На рассвете начинаю глядеть в потолок и таращу глаза до тех пор, пока за окном не установится жизнь — кепка, платок, платок, кепка. Фу, какая скука!» — писал Булгаков В. В. Вересаеву 17 октября 1933 года. И во второй редакции Булгаков «поэтизирует» героев, освобождает их образы от компрометирующих штрихов и деталей, которые присутствовали в первой редакции, роли Голубкова и Серафимы обретают больший лиризм. Спустя десятилетие и Хлудов, созданный некогда на основе реального лица, все больше утрачивает прямую соотнесенность с конкретными чертами кого бы то ни было.

Будучи насильственно изъятой из общественной ситуации 1920-х годов, пьеса вступает в новые связи со временем.

В 1937 году рождается еще один, новый финал. В нем Серафима и Голубков возвращаются в Россию, Хлудов же остается в Константинополе, произносит последние реплики, исполненные презрения к «тараканьим бегам»,— и пускает себе пулю в лоб. Но теперь слова героя («Позорное царство! Паскудное царство! Тараканьи бега!»),— кажется, адресованы отнюдь не стамбульским игрокам на тараканьем тотализаторе, а, скорее, рождены отечественными обстоятельствами. Теперь, в

резко изменившемся историческом, литературно-художественном контексте, финальные реплики Хлудова прозрачно адресованы писательской среде 30-х годов. Презрение к пустой суете, отвращение к бессмысленной игре самолюбий выразили хлудовские, завершающие жизнь героя, слова. Данный финал, кардинальным образом меняющий звучание пьесы в целом, до недавнего времени оставался неизвестным читателю, т. к. Комиссия по литературному наследию Булгакова, созданная вскоре после смерти писателя, на заседании 4 мая 1940 года рассматривавшая возможность напечатания сборника из шести пьес,— избрала к публикации финал без самоубийства Хлудова. Сборник вышел в свет четверть века спустя — с противоречащим авторской воле финалом «Бега». Подробно об истории текста пьесы см.: Булгаков М. А. Пьесы 20-х годов. Л., 1989.

Булгакову так и не довелось увидеть пьесу на сцене. Открыл ее сценическую историю спектакль Сталинградского драматического театра им. М. Горького в 1957 году.

При жизни автора публиковался лишь фрагмент пьесы «Бег», «сон седьмой»: Булгаков М. Бег. Седьмая картина.— Вечерняя Красная газета, 1932, 1 октября. Печатается по машинописи 1937 года (ИРЛИ, ф. 369, № 126), но с уточненным финалом (там же, ф. 369, № 125).

Стр. 216. Эпиграф — строки из стихотворения В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов».

Роман Валерьянович Хлудов.— Общепризнанным прототипом образа послужил генерал-лейтенант Я. А. Слащов (1885—1929), командир корпуса в деникинской, затем во врангелевской армии. Эмигрировав в Турцию, осенью 1921 г. вернулся в Москву, был амнистирован. Преподавал тактику на курсах командного состава, писал в военной прессе. Советский военачальник вспоминал: «Преподавал он блестяще, на лекциях народу полно, и напряжение в аудитории порой было как в бою. Многие командиры-слушатели сами сражались с врангелевцами, в том числе и на подступах к Крыму, а бывший белогвардейский генерал не жалел ни язвительности, ни насмешки, разбирая ту или иную операцию наших <...> войск» (Батов П. И. В походах и боях. М., 1974, с. 22). 11 января 1929 г. Слащов был застрелен неким Коленбергом, мстящим за убитого брата.

Парамон Ильич Корзухин.— Возможным прототипом образа Корзухина Л. Е. Белозерская считала В. П. Крымова, редактора и соиздателя петербургского журнала «Столица и усадьба», автора книги «Богомолы в коробочке». «С особым вниманием

отнесся М. А. к моему устному портрету Владимира Пименовича Крымова, петербургского литератора. <...> Из России уехал, как только запахло революцией, «когда рябчик в ресторане стал стоить вместо сорока копеек — шестьдесят, что свидетельствовало о том, что в стране неблагополучно», — его собственные слова» (Белозерская-Булгакова Л. Е. Воспоминания. М., 1990, с. 176).

Стр. 217. *Белый главнокомандующий.*— В первой редакции стояло: «Врангель». В. А. Оболенский свидетельствовал, что «крымская катастрофа произошла для него (Врангеля.— *В. Г.*) совершенно неожиданно. И для меня не подлежит сомнению, что и он, и его генералы до самого последнего момента были искренне уверены в том, что Крым действительно неприступен» (Крым при Врангеле. Мемуары белогвардейца. 1927, с. 85).

Стр. 221. *...и даст им начертание на руках или на челах их...*— Ср.: «И он (мировой зверь.— *В. Г.*) сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку или на чело их...» (Откровение Иоанна Богослова, 13, 16). В реплике архиепископа — отношение к красноармейцам как к «поклоняющимся апокалипсическому Зверю».

...в Курчулане...— Л. Е. Белозерская писала: «Помню, что на одной из карт были изображены все военные передвижения красных и белых войск и показаны, как это и полагается на военных картах, мельчайшие населенные пункты.

Карту мы раскладывали и, сверяя с текстом книги (Слащова.— *В. Г.*), прочерчивали путь наступления красных и отступления белых, поэтому в пьесе так много подлинных названий, связанных с историческими боями и передвижениями войск: Перекоп, Сиваш, Чонгар, Курчулан, Алманайка, Бабий Гай, Арабатская стрелка, Таганаш, Юшунь, Керман-Кемальчи...» (Страницы жизни.— В сб.: Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988, с. 229—230).

Стр. 224. *Владыко! Прими вновь жезл сей, им же утверждай паству...*— Ср.: «Прими сей жезл, им же утверждай паству твою да правиши...» — слова, произносимые архиереем при вручении жезла архимандриту или игумену.

Воззри с небес, боже, и виждь и посети виноград сей, его же насади десница твоя!— Божественная литургия (архиерейским служением).

Стр. 225. *...к молоканам на хутора...*— Молокане — русская религиозная секта, не признающая таинств и обрядов православного вероисповедания, со строгими правилами нравственности.

Стр. 229. *Родзянко* М. В. (1859—1924)—председатель III и IV Государственной думы, лидер октябристов. На страницах «Бега» появляется в связи с телеграммой-обращением комитета Государственной думы от 28 февраля 1917 г. по «всем железнодорожным станциям России» за его подписью.

Стр. 232. *...коварными поляками обманутые...*—12 октября 1920 г. Советская Россия и Украина, с одной стороны, и Польша, с другой, подписали договор о перемирии.

Стр. 233. *А у кого бы, ваше высокопревосходительство... ваши солдаты на Перекопе... вал удерживали?*—Слащов сообщал, что «неприступная» позиция у Перекопа на деле не была подготовлена к бою: она «оказалась без землянок, без ходов сообщения; позиционная артиллерия не пристреляна, и места для полевой артиллерии не выбраны» (указ. соч., с. 77). Мало того. «Когда представители союзных армий Франции, Америки и проч. приезжают, чтобы посмотреть укрепления Перекопа,—то ввиду того, что никаких перекопских укреплений не существует,—знатных иностранцев вместо Перекопа везут в Таганаш» (В а с и л е в с к и й (Не-Буква). Белые мемуары. Пг.—М., с. 120).

...с Чонгара на Карпову балку...—Перекопско-Чонгарская операция была проведена 7—14 ноября 1920 г.

Аще царство разделится, вскоре раззорится!..—Евангелие от Луки, 11, 17 (неточная цитата).

Стр. 234. *Ныне отпущаеши раба твоего, владыко...*—Евангелие от Луки, 2, 29—32.

...к генералу Барбовичу.—Барбович И. Г.—генерал, командующий конным корпусом в белой армии.

...к генералу Кутепову...—Кутепов А. П. (1882—1930)—белогвардейский генерал, черноморский генерал-губернатор, командир корпуса в 1-й армии у Врангеля. В ноябре 1920 г. бежал в Галлиполи.

Стр. 242. *...и множество разноплеменных людей вышли с ними...*—Исход, 12, 38.

Стр. 243. *А я весел? Я очень весел?*—Булгаков использует реально имевшийся материал. Василевский в книге мемуаров рассказывает об особых «кутеповских», «слащовских» и проч. газетах. Газета «Время» Б. А. Суворина в статье «Накануне победы» писала: «Настроение у всех бодрое и веселое <...> Генерал Врангель ходит веселый, значит, все хорошо. Радость ощущается и в бодрых, веселых лицах штабных, и среди штатской публики». 30 октября Перекоп был сдан, «голодная, обезумевшая армия Врангеля в панике покатилась к морю, но еще и назавтра после этого, 31 октября, в три часа дня газета

«Курьер» в Севастополе вышла с аншлагом на всю страницу: «Тревоге не должно быть места» (указ. изд., с. 76, 82).

Стр. 244. *И отправились сыны Израилевы из Раамсеса в Сокхоф...*— Исход, 12, 37. Смысл эпизода — в скрытой полемике Африкана, цитирующего Книгу Исхода, и Хлудова. Африкан говорит о тех, кому была дарована милость господа, Хлудов же предлагает противоположную оценку бегущих, напоминая о тех, кто был погублен богом, разгневавшимся на египтян: «Ты дунул духом своим, и покрыло их море... Они погрузились, как свинец, в великих водах...» — Исход, 5, 10.

Погонюсь, настигну, разделю добычу, насытится ими душа моя...— Исход, 15, 9.

Стр. 246. *...И аз, иже кровь в непрестанных боях // За тя, аки воду, лиях и лиях...*—строки из баллады А. К. Толстого «Василий Шибанов».

Нет, это не разрешает мой вопрос.—Парафраз «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского, где «вопрос разрешить» стремится Раскольников. Речь идет о цене идеи, воплощение которой приводит к пролитию человеческой крови.

Стр. 251. *Тараканьи бега.*— Идея «тараканьего тотализатора» сатирически обыграна Арк. Аверченко, выпустившим в 1922 г. книгу «Записки простодушного (Эмигранты в Константинополе)». Затем мотив был повторен А. Н. Толстым в «Ибикусе». Л. Е. Белозерская свидетельствует, что «на самом деле, конечно, никаких тараканьих бегов не существовало» (Белозерская-Булгакова Л. Е. Воспоминания. М., 1990, с. 176).

Стр. 258. *Ну, и питайся на женский счет!*— В первой редакции «Бега» Люська кричала Чарноте, проигравшемуся в пух: «Сутенер!»; во второй редакции автором изменено на «подлец».

Стр. 260. *Мужчин пошла ловить на Перу.*—«Пера — европейская часть Константинополя, самая шикарная,— поясняет Л. Е. Белозерская.— На ней расположены посольства, лучшие магазины, отели. Улица Пера шириной с наш старый Арбат — с трамваями, ослами, автомобилями, парными извозчиками, пешеходами» (там же, с. 7).

Стр. 273. *...Жили двенадцать разбойников...*—строка из русской народной песни (созданной на основе фрагмента поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» — «О двух великих грешниках»): «Было двенадцать разбойников, // Был Кудеяр-атаман...»

Но ты, ловец, в какую даль проник за мной...— Здесь и в пьесе в целом развивается цепочка библейских и евангельских моти-

вов: Хлудов — «мировой зверь», монастырь — «Ноев ковчег» и т. д. См. об этом: Кожевникова Н. А. О сквозных мотивах в пьесах М. Булгакова.— Вопросы стилистики. Вып. 12. М., 1977, с. 64—80.

Стр. 275. *...вот казаков пустили домой...*— 3 ноября 1921 г. был опубликован декрет ВЦИК об амнистии.

Хлудов пройдет под фонариками!— Имеется в виду смертная казнь через повешение, неоднократно примененная Хлудовым. Ср.: «фонарная деятельность» крымских генералов» — Василевский, указ. изд., с. 119.

Стр. 278. *Вечный Жид*— вечный скиталец. Существует средневековая легенда о еврее Агасфере, обреченном на вечные скитания за отказ помочь Иисусу нести крест на Голгофу.

Летучий Голландец— еще один вечный скиталец. Выражение связано с нидерландской легендой о моряке, который поклялся обогнуть в бушующем море мыс, преградивший ему путь, хотя бы на это потребовалась вечность. За свою гордыню он был обречен вечно носиться на корабле, никогда не приставая к берегу.

КАБАЛА СВЯТОШ

Пьесу «Кабала святош», получившую впоследствии по настоянию Главреперткома название «Мольер», М. А. Булгаков написал в октябре — декабре 1929 года, а 19 января 1930 года он читал ее в МХАТе, и она была принята к постановке, но 18 марта постановка спектакля была запрещена Главреперткомом. Только спустя полтора года, после того, как состоялся телефонный разговор Сталина с автором, и после дополнительного вмешательства А. М. Горького в октябре 1931 года, постановка пьесы была разрешена. С марта 1932 года начались первые репетиции, но только к началу 1936 года она была поставлена.

Трудности подготовки спектакля измучили всех: и автора, и театр. Особенно мучительным был период, когда репетициями руководил К. С. Станиславский. Это было в марте — мае 1935 года, когда проявилось совершенно разное видение спектакля автором и режиссером. М. А. Булгаков написал пьесу о кабале святош, о тирании государственной власти, подавляющей художника. Личные мотивы благодатно переплелись с фактами богатейшей Мольерианы, не случайно многие в театре заметили автобиографичность пьесы. (Булгаков, естественно, не хотел распространения этих аналогий.) Станиславский же думал

ставить пьесу в историко-биографическом плане, создать спектакль о гениальном французском драматурге XVII века. От Булгакова потребовали многочисленных изменений и дополнений текста. Автор писал своему другу П. С. Попову (14 марта 1935 года): «Коротко говоря, надо вписывать что-то о значении Мольера для театра, показать как-то, что он гениальный Мольер, и прочее. Все это примитивно, беспомощно, не нужно! И теперь сижу над экземпляром, и рука не поднимается. Не вписывать — нельзя,— идти на войну — значит сорвать всю работу, вызвать кутерьму форменную, самой же пьесе повредить, а вписывать зеленые заплаты в черные фрачные штаны!.. Черт знает, что делать!»

К этому времени ряд исправлений уже был сделан по требованию Главреперткома. В частности, изменено название; убраны слова Мольера, обращенные к Бутону в IV действии: «Ненавижу бессудную тиранию» — и вместо них вписано: «Ненавижу королевскую тиранию»; переделан конец пьесы, там, где говорится: «Причиной этого явилась судьба» (из записи Лагранжа в дневник); после замены получилось, якобы причиной смерти Мольера стала «немилость короля и черная Кабала». Были внесены и другие, более мелкие исправления, свидетельствующие о вкусе чиновников Главреперткома и их бдительности. Театр, в свою очередь, потребовал гораздо больших изменений в тексте, которые, по словам Е. С. Булгаковой, злили писателя еще более, чем вычерки Главреперткома.

В уже цитированном выше письме к П. С. Попову Булгаков писал: «В присутствии актеров (на пятом году!) он (Станиславский.— *О. Р.*) стал мне рассказывать о том, что Мольер — гений и как этого гения надо описывать в пьесе. Актеры хищно обрадовались и стали просить увеличивать им роли. Мною овладела ярость. Опьянило желание бросить тетрадь, сказать всем: пишите вы сами про гениев и про негениев, а меня не учите, я все равно не сумею. Я буду лучше играть за вас. Но нельзя, нельзя это сделать! Задавил в себе это, стал защищаться». В результате возникли многочисленные вставки в текст пьесы «Мольер» — так появилась вторая редакция пьесы, значительно отличавшаяся от первой авторской редакции. В таком измененном виде пьеса была поставлена и сыграна 7 раз — первый раз 16 февраля 1936 года. 9 марта 1936 года спектакль был снят.

Почему же пьеса оказалась неприемлемой в те годы? На первый взгляд, вполне благонамеренный сюжет: эпизод из жизни Мольера, связанный с историей постановки «Тартюфа». Но в процессе прочтения становится ясно, что цель этой

пьесы — не просто изображение значительного эпизода из истории XVII столетия, а раскрытие одной из важнейших тем всех времен и народов — темы взаимоотношения художника и власти: зависимость художника от власти в жизни и зависимость власти от художника в вечности.

Трудно переоценить значение этой темы в 1930-е годы, когда набрал силу процесс подавления художника и его права на свободное творчество. Поэтому, несмотря на то что материал был преподнесен в мягкой форме, пьеса была неприемлемой. Профессиональная бдительность чиновников из Главреперткома была на высоте, о чем свидетельствует один из их отзывов: «Очевидно, автор не без тайного замысла в такой скрытой форме хочет бить нашу цензуру, наши порядки... Однако полагаю, что «переключение» в нашу эпоху слишком замаскировано трусливо» (отзыв критика Исаева от 8 января 1930 года.— ЦГАЛИ, ф. 656 (Главрепертком), оп. 1, ед. хр. 437, л. 2).

В пьесе говорится о том, какой дорогой ценой платит художник за возможность сказать правду: и лестью, и унижением, и, в конечном итоге,— жизнью.

«Всю жизнь я ему лизал шпоры,— говорит Мольер,— и думал только одно: не раздави. И вот все-таки — раздавил! Тиран!»; «Но ведь из-за чего, Бутон? Из-за «Тартюфа». Из-за этого унижался. Думал найти союзника. Нашел! Не унижайся, Бутон! Ненавижу бессудную тиранию!».

В основе пьесы лежат реальные исторические события. М. А. Булгаков очень точно передал исторические реалии — и в фабуле пьесы — борьбе за «Тартюфа», и в описании событий личной жизни Мольера, и во многих более мелких деталях. Весьма близко к источникам даны характеры исторических персонажей: Мольера, Людовика XIV, Лагранжа, Мадлены и Арманды. Прототипом Муаррона был Мишель Барон (в первых набросках он именовался Байрон), который действительно был обнаружен в клавесине органиста Резена (в пьесе это — Шарлатан с клавесином), был усыновлен Мольером, впоследствии стал замечательным актером и был в связи с Армандой после постановки «Психеи». Имя малозначимого в пьесе актера Филибера дю Круази взято у реального дю Круази, который был в труппе Мольера. Образ Шаррона сложился из двух прототипов: архиепископа Парижского Перификса, запретившего «Тартюфа», и аббата Руле (в первых записях Шаррон именовался Рулле), настоятеля церкви св. Варфоломея. Актриса труппы Мольера Боваль стала в пьесе Риваль (в черновиках — Боваль). Няньку Мольера звали Ренэ, а ее прозвище было Ла Фаре: именно так она называлась вначале. Конфликт Мольера в

королевском дворце с герцогом де Лафейладом (полагают, что герцог узнал себя в пьесе «Урок женам») отразился в сцене «Приемная короля» (все эти события подробно описаны в книге М. Бордонова «Мольер». М., 1983). Имя де Лессака вымышлено, но эпизод с краплеными картами в игре с королем был на самом деле, за что маркиза сослали в деревню. В источниках сообщается о Справедливом сапожнике: «Был еще шут, сапожник по профессии, которого пускали для забавы даже в кабинет короля. Он знакомил изысканное французское общество с отборными ругательствами парижской черни».

Интересно сопоставить некоторые детали сюжета пьесы и реальные события. Например, эпизод с представлением интермедии для короля был в действительности. На том первом представлении в присутствии короля была играна пьеса «Никомед», но она была не особенно удачна. Тогда, чтобы спасти положение, Мольер обратился к королю с речью и с поклонами предложил дивертисмент. Молодой Людовик XIV остался очень доволен и в ответ предложил в распоряжение Мольера зал Пти-Бурбон (зал Пале-Рояля был отдан труппе позже).

Ужин короля и Мольера (тоже реальный факт) как бы взят с картины Фетера, репродуцированной в издании под редакцией С. А. Венгерова (Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова. Мольер. СПб., 1912). Существование знаменитого дневника-регистра Лагранжа — одного из основных источников по истории театра Мольера — факт широко известный (Registre de la Grange. 1658—1685).

Разговоры о кровосмесительстве портили жизнь реальному Мольеру, но донос королю послал не Мишель Барон (Муаррон), а актер Бургундского отеля Монфлери (в первых набросках предполагался персонаж по имени Монтфлери, но Булгаков почти сразу от этого отказался). О связи Арманды с Бароном говорилось выше, только уход Барона из труппы произошел на самом деле до этого: прежде между ними был конфликт и он получил пощечину от Арманды. Людовик XIV был действительно крестным отцом первого сына Мольера и Арманды (но только одного первенца!), который умер. Запрет «Тартюфа» был снят Людовиком XIV, несмотря на противодействие церкви и Общества Святых Даров (Кабалы). Это общество состояло из аристократов и клириков и активно боролось против театра, против актеров.

Наконец, о смерти Мольера. Ему стало плохо на четвертом представлении «Мнимого больного», его успели отнести домой, но священника Мольер не дождался. По этому поводу сам Булгаков говорил: «Я допустил целый ряд сдвигов, служащих к

драматургическому усилению и художественному украшению пьесы. Например, Мольер фактически умер не на сцене, а, почувствовав себя на сцене дурно, успел добраться домой; охлаждение короля к Мольеру, имевшее место в истории, доведено мною в драме до степени острого конфликта» (цит. по кн.: Смелянский А. М. Михаил Булгаков в Художественном театре. М., 1986, с. 258). Такое четкое указание на изменение сравнительно незначительных исторических реалий только подчеркивает исключительно бережное и почтительное отношение Булгакова к источнику, к историческим фактам.

Отметим еще ряд мелких деталей, использование которых характеризует метод Булгакова-историка. Например, неслучайно желание Муаррона перейти в Бургундский отель или в театр Маре: эти два театра являлись королевскими (театр Мольера был третьим), в отличие от всех остальных, менее престижных. Барро рассказывает о том, что в театр Мольера однажды ворвалась толпа юнкеров, человек в пятьдесят (Барро М. В. Мольер: его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1891, с. 44),—этому соответствует упоминание Лагранжа в последнем действии о ворвавшихся в театр мушкетерах. Известен отзыв современника Мольера, который, «заплатив тридцать су, смеялся более чем на десять пистолей» (там же, с. 47). Фраза «француз по происхождению, грек по профессии» имеется в комедии Мольера «Докучные»; у Булгакова—«француз по происхождению и болван по профессии». Зеленый цвет афиш, упоминаемый в пьесе,—любимый цвет Мольера.

В книге А. Н. Савина «Век Людовика XIV» (М., 1913) имеется деталь: во время игры в карты у короля на полу валялись тысячи золотых (вып. II, с. 86). Там же (с. 93) пересказывается обвинение, брошенное королю: «Putain, roi, machiniste, tyran» (Развратник, король, мошенник, тиран). Не исключено, что обвинение королю из уст Мольера: «Тиран!»—имеет источником эту фразу. Описание шествия католиков-фанатиков (с. 172), точнее, их фраза: «Мы—полоумные Иисуса Христа»—перекликается с соответствующей фразой Варфоломея: «Мы полоумны во Христе!» Слова Мольера в пьесе о невозможности достойных похорон также имеют реальную основу.

Особый интерес вызывает понятие «кабала», поскольку наряду с русским значением этого слова—как «полная, крайняя тяжелая зависимость угнетаемого, эксплуатируемого человека, подневольное положение»—М. А. Булгаков в первую очередь имел в виду его французское значение, а именно—«заговор», «сообщество». Во французской истории кабалы были широко распространены, поэтому данное понятие часто встречается в

сочинениях Мольера и его современников: «В сотне мест против него составляются кабалы» (Буало); «Женщины, которые составляют наиболее приятную часть высшего света и которые принадлежат к прекрасной кабале» (Скаррон); «Как ужасно трудно пробиться человеку, у которого нет почитателей и нет кабалы» (Лабрюйер). Прототипом Кабалы в «Мольере» является Общество Святого Причастия (или Общество Святых Даров), существовавшее во Франции в XVII веке. Ужасна кабала как заговор святош, ужасна кабала — зависимость. Вдвойне ужасна кабала от Кабалы святош. В этом — главный подтекст названия пьесы.

В настоящем издании текст печатается по основной редакции (ГБЛ, ф. 562, к. 12, ед. хр. 4) — тот самый вариант, который М. А. Булгаков считал окончательным и который им был отдан в Главрепертком. Восстановлены все купюры, которые были сделаны чиновниками этого учреждения, а также первыми публикаторами.

Стр. 279. Эпиграф.— В черновых рукописях другой перевод: «Для его славы ничего не нужно. Он нужен для нашей славы» (ГБЛ, ф. 562, к. 12, ед. хр. 1, л. 6).

Лагранж Шарль Варле (1639—1693) — один из лучших актеров в труппе Мольера, его близкий друг и ученик. Для истории Мольера и французского театра в целом чрезвычайно важны записи Лагранжа, изданные в 1876 г. (Registre de la Grange. 1658—1685).

Стр. 280. *Пале-Рояль*— дворец, в котором труппа Мольера играла с 1660 г. До этого труппа играла в Пти-Бурбон, но в результате козней врагов Мольера это здание было без предупреждения снесено, и артисты остались без помещения. Поэтому король отдал Мольеру зал Пале-Рояля.

Сганарель— традиционный персонаж комедий Мольера. В «Кабале святош» подразумевается действующее лицо комедии «Сганарель, или Мнимый рогоносец» (1660). Сганарель — старый ревнивец-муж, безосновательно подозревающий свою жену в неверности.

Полишинель— действующее лицо в интермедиях Мольера, комический персонаж французского народного театра.

Дю Круази (наст. фам. Филибер Гассо) — актер труппы Мольера, перешел к нему с частью своей труппы в Руане в 1658 г.

Мадлена Бежар (1618—1672) — верная подруга и соратница Мольера, вместе с ним организовывала Блистательный театр. Была одной из ведущих актрис труппы Мольера.

Стр. 281. *Интермедия* — представление, обычно комедийного характера, разыгрываемое между действиями спектакля.

Стр. 283. *Каноны* — украшения из лент, которыми заканчивались короткие панталоны, поверх колен.

Стр. 284. *Арманда Бежар* (1645—1700) — жена Мольера, актриса его труппы. Считалась сестрой Мадлены Бежар, но в обществе ходили слухи о том, что Арманда могла быть дочерью Мадлены, опровергаемые, впрочем, многими фактами (см.: Бордонов М. Мольер, с. 115—126). У Арманды было трое детей (первенца крестил король), но двое из них умерли. После смерти Мольера Арманда вместе с Лагранжем сделали все, чтобы продлить существование труппы Мольера. См. подробнее в коммент. к «Жизни господина де Мольера» в т. 4 наст. изд.

Стр. 294. *«Тартюф»* — одна из самых знаменитых пьес Мольера. Первая ее редакция была написана и поставлена в 1664 г., но Общество Святых Даров при поддержке королевы-матери, Анны Австрийской, добилось запрещения пьесы. Аббат Пьер Рулле, настоятель церкви св. Варфоломея, опубликовал пасквиль «Славный во всем свете король». До полного снятия запрещения в 1669 г. «Тартюф» исполнялся всего два раза.

Стр. 310. *Бургонский театр* — королевский Бургундский театр (или отель), созданный в 1548 г. Во времена Мольера это был враждебный ему театр. Актерам Бургундского отеля были свойственны искусственная, напыщенная манера игры и декламации.

Стр. 311. *Театр дю Маре* — второй королевский театр (после Бургундского отеля), созданный в 1634 г. Конкурировал с театром Мольера.

Стр. 320. *И вышло распоряжение архиепископа не хоронить меня на кладбище...* — Арманде с трудом удалось добиться разрешения похоронить Мольера, но при условии: хоронить только ночью, без торжественного богослужения на кладбище св. Иосифа, предназначенном для самоубийц.

АДАМ И ЕВА

Фантастическую пьесу о будущей войне Булгаков написал по заказу ленинградского Красного театра Госнардома им. К. Либкнехта и Р. Люксембург, договор с которым был заключен 5 июня 1931 года. В архиве писателя в ГБЛ сохранилась тетрадь с черновой рукописью «Адама и Евы», законченной 22 августа (ГБЛ, ф. 562, к. 12, ед. хр. 8). Часть страниц тетради заполнены рукой Л. Е. Булгаковой-Белозерской, но основная

масса текста — автограф М. А. Булгакова. Это самый полный текст «Адама и Евы», содержащий множество сокращений, вписываний, исправлений фиолетовыми чернилами, синим и красным карандашом.

С этой черновой рукописи в конце августа 1931 года была сделана машинописная перепечатка, в которой учтены все авторские сокращения (ГБЛ, ф. 562, к. 12, ед. хр. 9). Этот текст был опубликован в журнале «Октябрь» (публ. В. Лосева, Б. Мягкова, Б. Соколова). В машинописный экземпляр пьесы иностранный текст вписан не рукой Булгакова, с ошибками. К сожалению, все эти ошибки вошли в публикацию, хотя в рукописи иностранные фразы написаны Булгаковым и легко читаются. Это затруднило и перевод, подчас не соответствующий смыслу написанных Булгаковым фраз. Есть в этой публикации и другие неточности.

В архиве племянницы писателя Е. А. Земской сохранился машинописный текст первой редакции (опубликован в «Современной драматургии» В. В. Гудковой). Это неавторизованный экземпляр с пометами Н. А. Земской. Он имеет некоторые расхождения, не соответствующие ни рукописи, ни исправлениям в машинописи ГБЛ. Известен текст сокращенной редакции (ГБЛ, ф. 562, к. 64, ед. хр. 27), в котором действие возвращается в комнату Адама и Евы и катастрофа оказывается фантазией Ефросимова. Очевидно, именно об этом тексте писала Е. С. Булгакова К. Симонову 12 ноября 1964 года: «...посылаю вам <...> вариант «Адама и Евы» (ЦГАЛИ, ф. К. М. Симонова).

Редактируя рукопись, Булгаков исключает подробности химических опытов, экспериментов Ефросимова с газами, описания пораженных чумой пространств и леса, куда вместе с людьми бежали от катастрофы звери и птицы. Вычеркиваются бытовые реплики Адама, просторечные и грубые выражения Дарагана. Это соответствует замыслу и общей стилистике пьесы: «первый человек» оказывается сотканным из общих слов, понятий и лозунгов момента, образ истребителя становится крупнее. Булгаков вычеркивает финал I акта с фразой изобретателя Ефросимова: «О, как я опоздал!» — и вслед за ним пишет новый, а в акте II сокращает сцену с репликой ученого: «Я слишком поздно изобрел!» Трагедия Ефросимова не в том, что он опоздал с открытием, а в том, что гений его, попавший в машину тоталитарного государства, осуществить свое предназначение не может.

Самый существенный пласт авторской правки — исключение всех острых моментов, так или иначе затрагивающих современность. Булгаков вычеркивает упоминание о газете

«Правда», рассуждения Пончика о журнале «Безбожник», упоминание об издательстве «Содружество писателей», которое могло вызвать ассоциации с ленинградской литературной группой «Содружество» и Книгоиздательством писателей в Ленинграде. В I акте Булгаков вычеркивает описание агентов ОГПУ: «Туллер 1-й одет в белую кавказскую рубашку и галифе, Туллер 2-й в штатском костюме, в крахмальном воротничке. Клавдия подстрижена» (ГБЛ, ф. 562, к. 12, ед. хр. 8, л. 41). В финале пьесы Булгаков вычеркивает сцену последнего столкновения Ефросимова с Дараганом:

«Дараган. Я не истребитель! Смотри на мои ромбы, поднимай выше!.. и после этого боя истреблять более некого. Мы не имеем врагов!

Ефросимов. Ты в заблуждении. Пока ты живешь, всегда найдется кто-нибудь, кого, по-твоему, надо истребить!» (там же, л. 146).

Пьеса «Адам и Ева» создавалась в период, сложный в истории страны и в жизни самого писателя. Обстановка в мире накалялась. Италия уже восемь лет находилась под властью Муссолини. Веймарская республика в Германии, пораженная инфляцией, неумолимо шла к фашистской диктатуре. После захвата китайскими войсками летом 1929 года КВЖД и вторжений их на территорию СССР, а затем успешных действий Особой Дальневосточной армии под командованием В. Блюхера оборонная тематика встала в повестку дня. Фигура военного, командира Красной Армии, была одной из самых популярных в драматургии тех лет. Появились десятки произведений и о новом сверхмощном оружии, в том числе о химической войне. Мировая война казалась неизбежной. В 1931 году японская Квантунская армия на Дальнем Востоке начала войну с Китаем.

Булгаков, взявшийся за «оборонную тему», решает ее совершенно непривычно для литературы тех лет. Он предпосылает пьесе два эпиграфа. Первый из них — не что иное, как пункт военной инструкции, опубликованной во французском официальном издании «Боевые газы» (М.—Л., 1925, с. 91). В инструкции перечисляются группы лиц, чаще всего подвергавшиеся газовому поражению во время первой мировой войны. Рядом даются схемы и чертежи противогазов различной конструкции. Второй — утешительный, по словам Л. Е. Белозерской,— эпиграф взят из Библии (Бытие, 8, 21—22). Булгаков словно сразу сталкивает две системы ценностей: сиюминутные интересы и заботы современного варварства и вечные понятия человеческой нравственности. Его герой в пьесе мыслит масштабами, недоступными большинству современников писателя. За

пятнадцать лет до взрывов в Хиросиме и Нагасаки Булгаков первым в советской литературе заговорил об аморальности использования оружия массового уничтожения против любого противника.

Евангельская легенда об изгнании из рая первых людей, вкусивших от древа познания добра и зла, преломилась под пером Булгакова в современную историю об ученом, который ищет выход для человечества перед лицом всемирной катастрофы. Но более того — это история о выборе человеком своего пути из тоталитарного «рая».

Герой пьесы, несомненно, несет в себе черты автора и его времени. В эти годы были объявлены вредителями крупнейшие ученые страны: арестовали, а затем уничтожили экономистов В. Г. Громана, В. А. Базарова, Н. Д. Кондратьева, А. В. Чаянова, арестовали историков Н. Л. Лихачева, М. К. Любавского, С. Ф. Платонова, Е. В. Тарле. Не возвращались из зарубежных командировок крупнейшие биологи, физики, химики. Не вернулся в 1930 году в СССР и избранный в Академию в 1928 году знаменитый русский химик Алексей Евгеньевич Чичибабин. Следы упоминания о нем можно найти в рукописи «Адама и Евы». В записной книжке Булгакова есть адрес Е. И. Замятина в Ленинграде: «ул. Жуковского, д. 29, кв. 16» (ГБЛ, ф. 562, к. 17, ед. хр. 12). Это почти точный адрес, который называет в пьесе рассеянный профессор Ефросимов: «Я живу... Ну, словом, номер 16-й... Коричневый дом... Виноват. *(Вынимает записную книжку.)* Ага, вот. Улица Жуковского».

В конце 20-х годов в печати открыто назывались антисоветскими и контрреволюционными произведения А. Платонова, Е. Замятина, Б. Пильняка, Н. Эрдмана. Вражеская маска, которую видит на лице Ефросимова Дараган, была распространенным образом публицистики тех лет. В феврале 1929 года, например, в журнале «Книга и революция» были напечатаны портреты Булгакова и Замятина в сопровождении статьи В. Фриче «Маски классового врага».

Положение самого Булгакова в эти годы было критическим. 7 декабря 1929 года он получил справку: «Дана члену Драмсоюза М. А. Булгакову для представления Фининспекции в том, что его пьесы 1. «Дни Турбиных», 2. «Зойкина квартира», 3. «Багровый остров», 4. «Бег» запрещены к публичному исполнению. Член правления Потехин. Управляющий делами Шульц» (ГБЛ, ф. 562, к. 28, ед. хр. 8). 18 марта 1930 года драматург узнал о запрещении «Мольера». 22 июля 1931 года он вспоминал об этом времени: «...мне по картам выходило одно — поставить точку, выстрелив в себя». После телефонного

разговора со Сталиным 18 апреля 1930 года положение Булгакова как писателя, в сущности, не изменилось: пьесы по-прежнему были запрещены, проза не публиковалась. В декабре 1930 года Булгаков пишет стихотворение «Funérailles» («Похороны»), в котором возникает образ выброшенной на берег лодки — образ, явно пришедший из предсмертных стихов Маяковского. Строки «И ударит мне газом в позолоченный рот» и «Вероятно, собака завоет» прямо вошли в текст пьесы. Состояние самого Булгакова в это время сообщило герою «Адама и Евы» особую напряженность чувств. За неделю до заключения договора на пьесу, 30 мая 1931 года, Булгаков писал Сталину: «С конца 1930-го года я хвораю тяжелой формой нейрастении с припадками страха и предсердечной тоски, и в настоящее время я прикончен».

Создавая пьесу о будущей войне, Булгаков воспользовался схемой пьес и романов-катастроф, получивших распространение после первой мировой войны под влиянием романов Уэллса «Борьба миров», «Война в воздухе» и «Освобожденный мир». Роман-катастрофа чрезвычайно соответствовал представлениям того времени о неизбежности столкновения первой республики трудящихся с миром капитала, мировой гражданской войне и победе Всемирного правительства. Именно так построены самые известные романы-катастрофы — «Иприт» В. Шкловского и Вс. Иванова и «Трест Д. Е. История гибели Европы» И. Эренбурга, «Аэлита» и «Гиперболоид инженера Гарина» А. Толстого. Одним из вероятных источников пьесы был фантастический роман Джека Лондона «Алая чума» (1915), в котором рассказывается о гибели четырехмиллионного Сан-Франциско, а затем всей цивилизации. В 1931 году появилась пьеса-катастрофа А. Толстого и П. Сухотина «Это будет», в которой четвертое и пятое действия посвящены мировой гражданской войне и победе Всемирного советского правительства. Явная конъюнктурность, с которой разрешались в ней сложнейшие проблемы времени, нашла отражение в булгаковской пьесе.

Схеме романа и пьесы-катастрофы Булгаков следует лишь внешне. Он разрушает эту схему с помощью другого клише — пьес о классовой борьбе в СССР. Между моментом катастрофы и победой Всемирного правительства описываются отнюдь не события мировой гражданской войны, а столкновение внутри одного лагеря — и это, в сущности, сводит на нет победный финал. Современная писателю конъюнктурная драматургия была материалом для создания ситуаций и характеров «Адама и Евы». В пьесе действуют привычные персонажи тех лет: молодой инженер-партиец, бдительный военный, аполитичный

специалист, пьяница-люмпен. «Адам и Ева» — это, в сущности, памфлет на современную драму. В текст булгаковской «оборонной» пьесы прямо вошли названия текущего репертуара московских и провинциальных театров: «Жакт 88», «Дымная межа» А. Караваевой, «Волчья тропа» А. Афиногенова, «Золото и мозг» А. Глебова.

Полемично само название пьесы и смена ролей, происходящая в ней. «Довольно жить законом, данным Адамом и Евой...» — написал в 1918 году В. Маяковский в «Левом марше». «Покажите нового человека!» — требовала критика 20-х годов. Появление «новых Адамов» было неизбежно в литературе тех лет. Первым этот библейский сюжет использовал в послереволюционной литературе Е. Замятин в своем романе «Мы». Именно к роману Замятина восходит трактовка Булгаковым мировой гражданской войны и победы Всемирного правительства. События булгаковской пьесы — словно эпизод двухсотлетней войны, предшествовавшей установлению империи Благодетеля, населенной людьми-номерами. Одного из них — математика Д-503 — и называют в шутку «Адамом». Д-503 не способен сделать выбор между добром и злом, он послушно остается в тоталитарном «раю». Как и герой Замятина, инженер Адам Красовский исповедует философию «грамм — частица тонны». Вырванный событиями из привычного бытия, он обнаруживает себя как человек-функция, способный выполнять лишь действия, которые выполнял раньше: работать, проводить собрания и судебные заседания, произносить речи, почерпнутые с газетных полос,— но осмыслить происходящее не способен.

В 1924 году А. Толстой написал по мотивам «Р. У. Р.» К. Чапека пьесу «Бунт машин», в которой есть герой-робот по имени Адам, обладающий чувством боли, страха и пола. Несомненно, этот сюжет был использован Булгаковым при создании лишенного нравственной предыстории первого человека Адама, который занят поисками «человеческого материала». Адам имеет множество аналогий среди положительных героев пьес тех лет — молодых «ученых», «рабочих», «инженеров» из «Это будет» и «Патента 119» А. Толстого, «Поэмы о топоре» Н. Погодина, «Страха» и «Малинового варенья» А. Афиногенова, «Квадратуры круга» В. Катаева.

Дараган, напротив, тип совершенно новый в драматургии тех лет. Это человек, вознесенный революционной волной к верхним этажам власти, для которого республика трудящихся полностью воплощена в иерархии нового государства. Говоря: «Я служу республике», Дараган говорит, в сущности, о службе той государственной машине, которая сформировалась к концу

20-х годов. Это безукоризненный исполнитель верховной воли, у которого классовый инстинкт перерос в инстинкт власти. Осмысление этого образа далеко от завершенности, и, оценивая Дарагана, Булгаков обращается к образам Библии. Падение истребителя с неба на землю и внезапный вскрик в столь несвойственной примитивной речи Дарагана манере: «Но оперение мое, оперение мое!», исцеление язвы на лице Дарагана, трубные сигналы, предшествующие его появлению в финале пьесы,— все это, несомненно, восходит к образам Апокалипсиса. Традиционный победитель конъюнктурной политической фантастики 20-х годов получает совершенно определенную оценку автора, дающего ему то черты низвергнутого на землю сатаны, то апокалипсического зверя, то предводителя мучившей людей саранчи ангела бездны Авадонна.

Не случайно Булгаков так тщательно подбирает имена для покровителей Пончика: Аполлон Акимович (Аполлон — погубитель, Иаким — поддержка свыше) и Савелий Савельевич (тяжкий труд). Для Булгакова ловко перекрасившийся в багровые революционные цвета Пончик — один из тех новых типов, которых породила действительность 20-х годов. Сам Пончик даже в молитве именует себя не иначе как попутчиком: «Воззри, о Господи, на раба твоего и [попутчика] Пончика-Непобеду» (ГБЛ, ф. 562, к. 12, ед. хр. 8, л. 74). На первый взгляд отличающийся от искренне исповедующих «великую идею» Адама и Дарагана, Пончик, в сущности, стоит с ними в одном ряду. Как и для других Адамов нового времени, характернейшая черта Непобеды — огосударствленная нравственность.

Истинным Адамом в пьесе Булгакова оказывается отнюдь не «новый человек», а человек традиции — ученый Ефросимов. В сущности, история академика Александра Ипполитовича Ефросимова в «Адаме и Еве» — это сюжет грибоедовского «Горя от ума» в катастрофических обстоятельствах XX века. Но сюжет этот отягчен той ситуацией безвинного страдания, в которой оказалась русская интеллигенция в конце 20-х годов. Защитник людей Александр Ефросимов изначально обладает новым мышлением XX века. Знания ученого неразрывны с осмыслением последствий научных открытий и с духовной миссией хранителя культуры. Более того, для Булгакова сама творческая активность Ефросимова явно связана с его нравственной одаренностью, которая могла вырасти лишь на почве культурной традиции. В соответствии с глубинным авторским замыслом Ефросимов, несомненно, обречен. Его желание отдать изобретение всем странам сразу — «дело о государственной измене», его

опоздание с открытием — тоже «дело о государственной измене», разложение газа в бомбах Дарагана — «дело о государственной измене». В сущности, все поступки Ефросимова, как и все пьесы Булгакова, воспринимаются как подозрительные и преступные. Через несколько лет это отзовется в закатном романе писателя грозным, почти потусторонним: «дело об оскорблении величия». Как и Булгаков, Ефросимов «получает — несмотря на свои великие усилия СТАТЬ БЕССТРАСТНО НАД КРАСНЫМИ И БЕЛЫМИ — аттестат белогвардейца-врага, а получив его, как всякий понимает, может считать себя конченым человеком в СССР».

Появление Всемирного правительства в финале «Адама и Евы» напоминает появление Благодетеля в романе Замятина: «Является он. Новый Иегова на аэро...» Булгаков связывает опасность войны — с опасностью тоталитаризма. Даже гениальный Ефросимов, способный, подобно евангельскому Христу, исцелить слепых, увечных и обреченных на смерть, бессилен остановить катастрофу в мире, где противостояние вульгаризованных идей ведет к нетерпимости и взаимному уничтожению. Сокровенная мысль Булгакова о родстве людей, живущих на одной «грешной и окровавленной и снежной земле»,— мысль последних строк «Белой гвардии», рожденная трагической судьбой России,— приобретает в «Адаме и Еве» общечеловеческий масштаб.

Вместо оборонной пьесы Булгаков написал летом 1931 г. пьесу антивоенную. Правка рукописи была необычайно жесткой. «Читка вашей пьесы назначена двадцать четвертого Вольф»,— телеграфировал 7 августа директор Красного театра В. Е. Вольф (ИРЛИ, ф. 369, № 212, л. 9). Через некоторое время появилось первое сообщение в печати: «Драматург Булгаков закончил пьесу о будущей интервенции» (Вечерняя Москва, 1931, 11 августа). В рукописи стоит точная дата окончания работы — 22 августа. В конце месяца, по-видимому, была сделана и машинописная перепечатка текста. 18 сентября газета «Советское искусство» сообщила: «Драматург М. А. Булгаков написал новую пьесу о будущей войне. В Москве пьеса передана *для* постановки Театру им. Евг. Вахтангова, в Ленинграде — Красному театру». Пьесой заинтересовались также Ленинградский театр драмы и Бакинский рабочий театр. Но в сценическую судьбу своих пьес Булгаков в этот период не слишком верил. Характерна краткая надпись, сделанная им на вырезке из «Известий», где 30 августа была напечатана беседа с заведующим художественной частью Театра им. Евг. Вахтангова В. В. Кузой. Куза рассказывал о постановках «Гамлета» и

«Егора Булычова», о предстоящих гастролях в Новокузнецке. «Ни слова об «Адаме и Еве»,— написал поверх текста Булгаков красным карандашом (ГБЛ, ф. 562, к. 27, ед. хр. 2, л. 699). 14 сентября он получил от автора интервью записку: «Глубокоуважаемый Михаил Афанасьевич! Прошу дать подателю сего один экземпляр «Адам и Ева». Через три дня по перепечатке будет возвращен. Искренне уважающий Вас В. Куза» (ИРЛИ, ф. 369, № 212, л. 5). Об октябрьском чтении пьесы в театре рассказывает в своих воспоминаниях Л. Е. Белозерская: «М. А. читал пьесу в Театре имени Вахтангова в том же году. Вахтанговцы, большие дипломаты, пригласили на чтение Я. И. Алксниса, начальника военно-воздушных сил... Он сказал, что ставить эту пьесу нельзя, так как по ходу действия погибает Ленинград» (Белозерская-Булгакова Л. Е. Воспоминания. М., 1990, с. 181). Отзыв командира Я. И. Алксниса (1894—1938), ставшего в 1931 году начальником Военно-Воздушных Сил РККА, имел решающее значение для театра. В конце ноября Булгаков послал в Красный театр текст пьесы (возможно, переработанный). В письме В. Вольфу 23 ноября он просил ускорить ответ. И вот тогда, очевидно уже в декабре 1931 года, была получена телеграмма: «Адам и Ева» свободны. Красный театр» (цит. по ст.: Чудакова М. Адам и Ева свободны.— Огонек, 1987, № 37, с. 15). Романтический на первый взгляд текст этот мог означать только одно: пьеса была в цензуре и не прошла ее. Пьеса не была ни поставлена, ни опубликована при жизни Булгакова. Писатель никогда не боролся за «Адама и Еву», как боролся он за «Бег» и «Мольера». Черновик и машинописная перепечатка заняли место в его письменном столе. Имя «Туллер» (как позднее «Битков») стало обозначением людей определенного сорта в окружении Булгакова.

Последнее упоминание о пьесе в архиве писателя относится к 28 февраля 1938 года. В этот день стало известно из газет о предстоящем процессе над «изменниками» Бухариным, Рыковым, Ягодой, докторами, лечившими Менжинского, Горького и Куйбышева. Вечером этого дня Булгаков читал друзьям первый акт своей современной пьесы-катастрофы «Адам и Ева»...

За рубежом впервые опубликована в кн.: Булгаков Михаил. Пьесы. Paris, Ymca-press, 1971. Напечатана по дефектному экземпляру сокращенная редакция пьесы.

Первая публикация в СССР — журн. «Октябрь», 1987, № 6, с. 137—175; альм. «Современная драматургия», 1987, № 3, с. 190—225.

В настоящем издании текст пьесы публикуется по сверенному с рукописью машинописному экземпляру «Адама и Евы»,

хранящемуся в ГБЛ (ф. 562, к. 12, ед. хр. 9). Уточнены по контексту с вычеркнутыми в черновой рукописи фразами некоторые детали текста машинописи, в спорных случаях предпочтение отдано рукописному экземпляру. Восстановлены по рукописи реплики иностранцев (ф. 562, к. 12, ед. хр. 8).

Стр. 337. *...землистые лица крестьян князя Барятинского...*— В акте III Пончик заменяет Барятинского Волконским. Комизм ситуации в том, что Пончик дает крепостникам-угнетателям имена декабристов: С. Г. Волконского и А. И. Барятинского, осужденных на вечную каторгу. Не случайно и то, что истинным владельцем имения оказывается Дондуков-Корсаков. Князь М. А. Дондуков-Корсаков — известный председатель Петербургского цензурного комитета.

Стр. 351. *...сотрудничал в «Безбожнике».*— Журнал «Безбожник» принадлежал Центральному совету воинствующих безбожников. II съезд воинствующих безбожников проходил летом 1929 г. в Москве.

Стр. 356. *«...Нехорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему...»* — Бытие, 2, 8.

«...И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились...» — Бытие, 2, 25.

«...Змей был хитрее всех зверей полевых...» — Бытие, 3, 1.

БЛАЖЕНСТВО

Пьеса «Блаженство» была задумана, а может быть и начата, в 1929 году — эту дату указывает Булгаков на титуле третьей редакции; текст пьесы, относящийся к этому времени, не сохранился.

Булгаков возвратился к «Блаженству» только в 1933 году: 18 мая был заключен договор с Ленинградским мюзик-холлом на «эксцентрическую синтетическую трехактную пьесу». Ее название не устанавливалось, срок сдачи назначался на 15 октября 1933 года (ИРЛИ, ф. 368, ед. хр. 216). Первые наброски (ГБЛ, ф. 562, к. 13, ед. хр. 1) помечены датой: 26 мая 1933 года. Автор ищет название для замышляемой комедии в 3-х актах, фиксируя варианты: «Елисейские поля. Елизиум. Золотой век». Булгаков задумывает антиутопию и ассоциирует образы будущего, каким оно представляется его современникам, с мифом о сказочных блаженных островах, где царствует вечная весна.

Используя прием мифологических ассоциаций, Булгаков ищет имя для героини, перечисляя в названных набросках:

Аврора, Диана, Венера, Луна. Имя Авроры — крылатой богини утренней зари, несущей свет во вселенную,— автор счел впоследствии наиболее точно определяющим смысловую функцию женского образа в фантастическом сюжете пьесы. Выбор героини в пользу родины Рейна приобретает значимый смысл: утренняя заря, начало новой жизни, покидает Блаженство. Отказ Авроры от века «гармонии» — отказ Блаженству в жизнеспособности: у него нет будущего. Поиск имени-знака для героини указывает на типологическое родство центральных женских образов «Блаженства» и «Мастера и Маргариты». Рейн и Аврора — вариант пары тайных любовников, Мастера и его подруги.

Запланированная на лето 1933 года работа над пьесой не состоялась, договор с Ленинградским мюзик-холлом был расторгнут 16 июля 1933 г. по взаимному соглашению сторон. Булгаков вплотную принялся за «Мастера и Маргариту» и осенью был занят романом почти ежедневно. Одновременно он работал над сокращениями, новыми вариантами сцен и финала пьесы «Бег». Репетиции «Бега» во МХАТе прекратились 30 ноября 1933 года, и Булгаков возвратился к оставленной работе над «эксцентрической комедией» 8 декабря 1933 года.

В набросках к первой редакции «Блаженства» присутствует новый вариант названия — «Острова блаженные». У Гомера в «Одиссее» (песнь IV, ст. 564), у Пиндара (2-я олимпийская песня «Острова блаженных») говорится о златовласом Радаманте (Радаманфе), сопрестольнике бога Крона, правящем на Островах блаженных (то же — Елизиум, Елисейские поля). В предварительном перечне действующих лиц пьесы упомянут Радаманфов (Радаманов), имя для Комиссара Народных Изобретений (в первой и второй редакциях пьесы — председателя Совнаркома) в Блаженстве. Будущий подзаголовок пьесы: «Сон инженера Рейна» — представлен в набросках формулами заглавий «Грезы Рейна», «Рейн грезит».

Текст первого сохранившегося черновика «Блаженства» закончен 28 марта 1934 года, видимо, он близко повторил уничтоженный в 1929 году текст или реализовал замысел, в тот год сложившийся. Герой пьесы — Рейн — в этой редакции не только не принят в «новую жизнь», но и сам не принимает ее. В машине времени герой видит средство к спасению, к уходу из своей эпохи. На подозрение Авдотьи Гавриловны «из четырнадцатой квартиры», говорящей, будто на его «аэроплане» можно «из-под советской власти улететь», он отвечает: «Верно. Вообразите, верно! Я не могу постичь, каким способом эта дура Авдотья Гавриловна узнала! <...> она говорит совершенно

правильно. И поверьте мне, что, если только мне удастся добиться этой чертовой тайны, я действительно улечу» (ГБЛ, ф. 562, к. 13, ед. хр. 2, л. 14). Булгакову пришлось затем в работе над текстом приглушить этот мотив.

Будущее, куда попадает Рейн и его спутники,— результат настоящего, от которого Рейн бежит. Образ будущего в первой редакции пьесы несет отчетливые черты тоталитарного общества. Насильственная подкладка гармонии Блаженства откомментирована здесь ее идеологом — Саввичем. В его исповеди (сцене с Радамановым из третьего акта) излагаются догматы поклонника гармонии, по законам которой выстроена жизнь в Блаженстве.

Это жизнь лабораторного происхождения. Аврора называет Саввича Директором Института евгеники. Социум, моделируемый в антиутопиях XX века, это общество централизованной евгеники: человек должен быть пересоздан, чтоб стать счастливым (см.: Гальцева Р., Роднянская И. Помеха — человек. Опыт века в зеркале антиутопий.— Новый мир, 1988, № 12, с. 217). Такова родовая черта идеального общества в социалистических утопиях прошлого (воспроизведение потомства научно регламентировано еще в «Городе Солнца» Т. Кампанеллы). Эта особенность мрачно спародирована Е. Замятиным, О. Хаксли, Дж. Оруэллом, современниками тоталитарных режимов XX века. То же в пьесе Булгакова.

Саввич — в первой редакции «Блаженства» — требует депортации людей XX века: «Они анархичны! Они неорганизованны, они больны, и они заразительны. На их мутные зовы последуют отзвуки, они увлекут за собой, и вы увидите, что вы их не ассимилируете. Они вызовут брожение». Рейну и его спутникам выносится суровое наказание: назначается ссылка в колонии на неопределенный срок, ее цель — перевоспитание (надо полагать, по общему гармоническому образцу).

Идеи переделки, пересоздания человека и человечества представлялись пореволюционному обществу спасительными; так страна, не имеющая стойкой традиции демократических свобод, надеялась одним усилием преодолеть вековую привычку народа покоряться силе вещей. Вопрос формирования нового человека, расстающегося с комплексом старых понятий и бытовых навыков,— героя будущего,— центральный для 1920—1930-х годов. Набирающее силу тоталитарное государство предложило понимать обновление человека как его последовательную рационализацию, переделку природной личности в научно сформированную, стабильную и стандартную единицу государственного целого. Такой «новый человек» освобождался не

только от пагубных традиций прошлого, но от культурных традиций в целом, от комплекса извечных ценностей и качеств человечества. Так исказилась мечта о более совершенном человеке в практике авторитарного режима. Булгаков коснулся в «Блаженстве» мучительного извода высокой мечты в реальность и противопоставил заблуждениям времени память о норме — о праве человека быть самим собой.

Показательно, что критика казарменного будущего у Булгакова, как и у Замятина («Мы»), опирается на старую как мир любовную интригу, такой «старомодный» ход принципиален, он строит концепцию вещи: естественные потребности человеческой натуры неистребимы, в них — источник противостояния тоталитарной системе. Важнейший мотив пьесы — мотив любви, неизменно опрокидывающей попытки теоретически выправить и обуздать течение жизни,— в первой редакции «Блаженства» набран курсивом — ситуация противозаконных пар дублировалась. Радаманов влюблялся в женщину с «асимметричным лицом», прибывшую из XX века, Марию Павловну, жену Рейна. Беззаконная любовь и слепая ревность овладевали людьми будущего.

Булгаков перефразировал сюжетную формулу «Заговора чувств» Ю. Олеши — в его пьесе «заговор чувств» не проваливается, а удается. Сама жизнь мстит новому человеку, конструирующему счастье, как гомункула в колбе. Саввич, воображая, что управляет жизнью, не только не знает ее, но не подозревает, кто таков он сам. Между тем он — Фердинанд, тезка романтического любовника из трагедии Ф. Шиллера «Коварство и любовь». Страсть и ревность, возможность существования которых в век гармонии Саввич отрицает, губят его. Пробуя удержать беглецов, Саввич получает удар ножом от Милославского. Конец Саввича напоминает гибель Берлиоза («Мастер и Маргарита») — оба заблуждались относительно того, как устроен мир, и были уверены в своей власти над жизнью.

Образы будущего в первой редакции «Блаженства» предстают гротескно оформленными, так обнажается игрушечность благополучия будущего общества. Здесь настолько привыкли к уютной несвободе, что не замечают ее. Присвоение государством аппарата, изобретенного человеком другой эпохи, как и личной свободы самого этого человека,— дело само собой разумеющееся для добродушного Радаманова. Уверенность во всеобщем благополучии — прекраснодушная иллюзия Радаманова. Булгаков искал комическое противоречие в лидере Блаженства и обводил ироническим контуром облик благоденствующего будущего.

Устойчивая черта «идеальных обществ» в антиутопиях, крупно разработанная у Замятина, Хаксли, Оруэлла,— забвение культурной традиции. В Блаженстве Милославский безнаказанно приписывает строчки пушкинской «Полтавы» Льву Толстому, Ивана Грозного то называют Василием, то помещают в XIII век, Аврора сбивает с толку собеседников «таинственными» выражениями («бабушка надвое сказала» или «над нами не каплет»), памятью о некоем Чацком, которого напоминает ей ослепленный чувством Саввич. С точки зрения Саввича, «Чацкий — болван!», а «Горе от ума» — это галиматья.

Финал первой редакции драматичен. Ответственность за бегство пленников и гибель Саввича берут на себя Радаманов и Мария Павловна, их ожидает суд. Рейн и Аврора, появившись в XX веке, тут же арестованы. Обещание Рейна подруге: «Все объяснится» — звучит мало убедительно.

23 марта 1934 года был заключен договор с Театром сатиры на комедию, срок сдачи которой — 15 мая (ИРЛИ). Уже 11 апреля готова вторая редакция «Блаженства». Из пьесы исчезла Мария Павловна. Аврора и Рейн теперь одиноки перед лицом Блаженства. Отсутствие героини, побудившей Радаманова действовать нестандартно, существенно перестроило статус этого героя, Блаженство рациональных людей становилось монолитным. Булгаков в этой редакции пьесы укрупнил конфликт, но лишил пародирующей, иронической игры образы людей Блаженства, сдвинул всю пьесу к жанру драмы. Вперед выдвинулась тема Авроры, мотивы полета, «древних снов» и скуки в Блаженстве. Исповедь Саввича исключена из текста, что в известной мере зашифровало социально-политические корни типа и образ будущего в целом. Булгаков отказался от кровавой развязки путешествия в XXIII век, смягчил и заключительную сцену: Рейн не теряет надежды объяснить государственную важность аппарата времени своим соотечественникам. Ирония судьбы искателя свободы состоит в том, что, избежав плена в Блаженстве, он обречен на такое же положение в своей эпохе. Круг замкнулся.

Третья — последняя — редакция пьесы датирована 23 апреля 1934 года. Булгаков отказался от политической заостренности сюжета, многие смысловые мотивы ушли в подтекст. Одинокость Рейна не несет явной общественной окраски, он не изгой, но гениальный чудак, одиночка-изобретатель. В отношении Радаманова к Саввичу усилен скепсис; директор Института Гармонии действует во многом самовольно, разлучая любовников, и Радаманов надеется на возвращение Авроры и Рейна. Трагическое напряжение коллизии снято.

Вместе с тем Булгаков сохранил в пьесе важнейшие сюжетные узлы: государство XXIII века требует аппарат Рейна в свое распоряжение, Институт Гармонии накладывает запрет на брак Авроры и Рейна, Аврора и люди XX века бегут из Блаженства. Автор верен комплексу идей, в кругу которых выросла пьеса. Ее литературные собратья — «Город Правды» Л. Лунца и «Мы» Е. Замятина (модель сложения двух двоек как формула любовного союза у Саввича в первой редакции — прямая отсылка, цитата из замятинского романа).

Сюжетный прием объединяет «Блаженство» с «Баней» В. В. Маяковского (см. указание В. А. Сахновского — Панкеева.— Очерки истории русской советской драматургии 1934 — 1945, т. 2. М.—Л., 1966, с. 113). Образы будущего увязывают «Блаженство» и с «Клопом», где сквозь сатирическую призму рассмотрен не только сегодняшний день, но и возможный будущий (см.: Чудакова М. Архив М. А. Булгакова.— Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 37. М., 1976, с. 112 — 113). Пьеса Булгакова полемически соотносится с «Заговором чувств» Ю. Олеши, «Страхом» А. Афиногенова, «Хочу ребенка» С. Третьякова, посвященными проблеме «нового» человека. Ю. В. Бабичева проследила связь социальной фантастики Булгакова с «Машиной времени» Г. Уэллса (Бабичева Ю. В. Эволюция жанров русской драмы XIX — начала XX века. Вологда, 1982, с. 102 — 104). Исследовательница определила «Блаженство» как антиутопию. Возникшая сегодня возможность рассмотреть третью редакцию комедии в контексте двух предыдущих позволяет сполна оценить такое определение. Последняя редакция — попытка адаптировать сатирический замысел к «эзопову» языку, спровоцированная обстановкой 1930-х годов; ключ к ее тексту, словно переложенному на шифр,— в первом, отчасти втором вариантах пьесы. Они раскрывают связь «Блаженства» с сатирической фантастикой «Мы» Е. Замятина, а значит, помещают комедию Булгакова в общий литературный ряд с романом Дж. Оруэлла «1984».

При жизни Булгакова пьеса не публиковалась.

Впервые напечатана в журн. «Звезда Востока», Ташкент, 1966, № 7, с. 75 — 107. Переиздана в составе сборника: Булгаков М. Пьесы. М., Советский писатель, 1986, с. 605 — 649.

Черновые автографы рукописи — ОР ГБЛ.

В архиве Булгакова сохранились две черновые рукописи пьесы (редакции 1933 — 1934 годов и 1934 года) и машинописный экземпляр последней — третьей редакции 1934 года.

В настоящем издании текст пьесы печатается по единственной сохранившейся авторизованной машинописи (ГБЛ, ф. 562,

к. 13, ед. хр. 4), с восстановлением пропусков, которые были допущены в публикациях на страницах «Звезды Востока» и в указанном сборнике пьес 1986 года.

«25 апреля М. А. читал в Сатире «Блаженство». Чтение прошло вяло,— записывала Е. С. Булгакова 1 мая,— просят переделок. Картины «в будущем» никому не понравились» (Дневник. 1933, сент. 1,— 1934, сент. 6, с. 20). «...из «Блаженства» ни черта не вышло,— сообщал Булгаков П. С. Попову 28 апреля.— <...> Очень понравился всем (в театре) первый акт и последний. Но сцены в Блаженстве не приняли никак <...> Очевидно, я что-то совсем не то сочинил». Третья редакция, смягчившая остроту и определенность постановки вопроса о тоталитаризации государства, производила на слушателей все же отчетливое впечатление нелояльности. Независимость авторской позиции, ее несовпадение с официально принятой системой взглядов на исторические перспективы общества обрекало картины будущего в «Блаженстве» на цензурный запрет. Летом 1934 года отдать «Блаженство» в театр не удалось. Сценическая жизнь комедии только начинается в наши дни.

Стр. 383. *«Богат и славен Кочубей. Его луга необозримы...»* — начало песни первой поэмы А. С. Пушкина «Полтава» (1829).

Стр. 386. *«...и руководителю... к пренебесному селению... игумену Козме...»* — цитата из Послания Ивана Грозного в Кириллов Белозерский монастырь 1573 г. См.: Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986, с. 144.

Стр. 388. *Юрий Милославский* — герой одноименного романа М. Н. Загоскина (1829). Реминисценция из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (по Хлестакову, есть два «Юрия Милославских»: один «точно Загоскина; а есть другой «Юрий Милославский», так тот уж мой»). Содержательную нагрузку несет также контраст героя и его имени — в «Блаженстве» широко использован гоголевский прием, примененный и в «Мастере и Маргарите» (по аналогии с сапожником Гофманом и жестянщиком Шиллером из «Невского проспекта» председатель МАССОЛИТа носит имя Берлиоза): вор по прозвищу Солист носит фамилию известного русского дворянского рода (конец XIV в.), возвысившегося в середине XVII в. благодаря браку Марии Ильиничны Милославской с царем Алексеем Михайловичем.

Стр. 398. *...ведъ мы на балу веселимся непрописанные. Считаю долгом предупредитъ.*— 27 декабря 1932 г. был принят закон, который ввел «единую паспортную систему с обязательной пропиской по всему Союзу СССР». Институт прописки неизвестен другим странам, слово не переводимо ни на один язык —

отсюда недоумение Радаманова и Анны по поводу рассуждений Бунши о прописке.

Стр. 401. *...найдите сейчас же пластинку под названием «Аллилуйя»... Нет, не молитва, а танец.*— Аллилуйя — с др.-еврейского, означает «Хвалите Бога» или «Славьте Господа» — возглас в церковных песнопениях, в христианском богослужении — вступление или заключение молитвы с присовокуплением слов: «слава Тебе, Боже».

«Аллилуйя» — фокстрот 1920-х годов. В романе «Мастер и Маргарита» «Аллилуйя» звучит в ресторане Дома Грибоедова.

Стр. 412. *...быть может, еще при нашей с вами жизни мы увидим замерзающую землю и потухающее над ней солнце!*— Герой «Машины времени» (1895) Г. Уэллса, путешествуя в будущее, наблюдает замерзающую Землю, тусклое солнце и умирающий океан (см.: Уэллс Г. Собр. соч. в 15-ти томах, т. 1. М., 1964, с. 131—136).

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

«Он нервозен, как всякий Иоанн Грозный»,— эту реплику, предназначенную для какого-то неизвестного персонажа, Булгаков вписал в получерновой автограф пьесы «Иван Васильевич» (ГБЛ, ф. 562, к. 13, ед. хр. 7) между вторым и третьим актом. В последующие редакции фраза включена не была, но для понимания смысла пьесы она весьма существенна. Писателя явно интересовал «всякий Иоанн Грозный», а не только царь Иван IV Васильевич, занимавший престол Русского государства с 1533 по 1584 год.

Пьеса «Иван Васильевич» была создана Булгаковым в 1934—1936 годах на основе некоторых мотивов его пьесы «Блаженство», где машина времени путешествовала не в прошлое, а в будущее, а Иван Грозный появился лишь в эпизоде. Сцены будущего общества, нарисованные в «Блаженстве», театру не понравились, и Булгаков с осени 1934 года стал писать на основе одного из эпизодов «Блаженства» другую пьесу, где царь, перенесенный машиной времени в Москву 30-х годов, стал едва ли не главным действующим лицом и дал (наряду со своим тезкой — управдомом) имя пьесе.

Пьеса была завершена и прочитана сотрудникам Театра сатиры в начале октября 1935 года на квартире Булгакова; с 17 октября пьесу «Иван Васильевич» читал Репертком. Как это часто бывало с произведениями Булгакова, пьеса была разреше-

на не сразу и не без затруднений. 17 октября 1935 года Е. С. Булгакова записала в дневнике: «Замечательное сообщение об «Иване Васильевиче». Пять человек в Реперткоме читали пьесу, все искали, нет ли в ней чего подозрительного. Так ничего и не нашли... Замечательная фраза: а нельзя ли, чтобы Иван Грозный сказал, что теперь лучше, чем тогда?» 20 октября Елена Сергеевна получила сведения, что в Реперткоме «никак не решаются разрешить пьесу... никакой идеи нет»; только 29 октября пьесу «разрешили с некоторыми небольшими изменениями» (ГБЛ, ф. 562, к. 28, ед. хр. 24). Изменения эти, очевидно, предопределили переделку первой редакции пьесы во вторую.

Главное различие между первой редакцией и второй (к которой примыкает также сценическая версия, созданная в Театре сатиры) заключается в том, что история с машиной времени, созданной изобретателем Тимофеевым, описывалась в первой редакции как реально происшедшая, а во второй — как сон Тимофеева. Переделка эта была вынужденной: на одном из экземпляров второй редакции (ГБЛ, ф. 562, к. 14, ед. хр. 2) было надписано: «Поправки по требованию и приделанный сон». Другие «поправки по требованию» выразились в том, что был удален текст, читавшийся в начале и конце первого акта: лекция «свиновода» по радиорепродуктору. О том, что мотив этот имел отнюдь не безобидный характер, свидетельствуют слова Тимофеева в финале, когда его, вместе с двумя путешественниками в прошлое, арестовывает милиция: «Послушайте меня. Да, я сделал опыт. Но разве можно с такими свиньями, чтобы вышло что-нибудь путное?..» (первоначальный текст первой редакции). Тема пьесы здесь заметно перекликалась с темой «Собачьего сердца». Во второй редакции пьеса стала начинаться передачей по радио музыки «Псковитянки» (чем и мотивировался сон Тимофеева), а заканчиваться пробуждением Тимофеева. Слова управдома в первом акте, что жильцы дома «рассказывают про советскую жизнь такие вещи, которые рассказывать неудобно», были заменены во второй редакции на: «рассказывают такую ерунду, которую рассказывать неудобно».

Но переделки не помогли. За два месяца до намеченной премьеры «Ивана Васильевича» был снят, после разгромной статьи в «Правде», спектакль МХАТа «Мольер», репетировавшийся четыре года и прошедший всего семь раз. Н. Горчаков, поставивший «Мольера» и готовивший в Театре сатиры «Ивана Васильевича», был в панике. 5 апреля Е. С. Булгакова записала в дневнике: «Миша диктует исправления «Ивана Васильевича». Несколько дней назад Театр сатиры просил — хотят выпустить,

но трусят... Просят о поправках. Горчаков придумал бог знает что — ввести в комедию какую-то пионерку — положительную. Миша отказался». В сценической версии пьесы (список ЦГАЛИ, ф. 962, оп. 1, ед. хр. 62) Тимофеев был почему-то переименован в Матвеева, в текст вставлен ряд реплик (помеченных в машинописи: «от театра»), крайне неудачных и явно контрастирующих с остальным текстом пьесы. Но и это не спасло спектакль. Сразу же после генеральной репетиции 13 мая 1936 года пьеса была снята со сцены и при жизни Булгакова не ставилась.

Что же представляла собой комедия «Иван Васильевич»? Была ли это только «веселая, остроумная шутка драматурга между двумя серьезными пьесами» («Мольер» и «Пушкин»), как написал в 1940 году, сразу после смерти Булгакова, Ю. Юзовский (явно желая помочь включению пьесы в готовившийся к печати сборник пьес писателя) (Юзовский Ю. О пьесах Михаила Булгакова.— Проблемы театрального наследия М. А. Булгакова, с. 146)?

Едва ли это так. Для того, чтобы понять взгляд Булгакова на историю вообще и на историю Ивана Грозного в частности, следует сказать несколько слов об оценке Ивана IV в доступной Булгакову историографии. Неверно думать, что оценка эта была однозначной. Задолго до того, как по воле Сталина историкам была предписана безусловная апология Ивана IV как единственно «правильное, объективное толкование» его образа, в русской науке высказывались самые различные взгляды на эту фигуру: от сугубо положительного (как, например, в официозном учебнике начала XX века А. Нечволодова) до резко отрицательного (Н. М. Карамзин, Н. И. Костомаров, В. О. Ключевский). Но уже К. Д. Кавелин и особенно С. М. Соловьев пытались не столько судить и оценивать Грозного, сколько понять историческое значение его царствования. Согласно Соловьеву, деятельность Ивана Грозного была отражением борьбы между новыми — «государственными» и древними — «родовыми началами». Точка зрения Соловьева была принята, с теми или иными уточнениями, рядом историков. С известными оговорками принял эту точку зрения К. Н. Бестужев-Рюмин, чья статья об Иване IV в Энциклопедическом словаре Брокгауза — Ефрона (т. XIIIa) была, несомненно, знакома Булгакову, постоянно пользовавшемуся этим словарем. Такая точка зрения не имела характера прямой апологии Грозного, но несомненно, что дух гегелевского преклонения перед государственностью и крупными государственными деятелями заметно отразился на ней.

Совсем иной взгляд на историю был высказан в книге, оказавшей сильнейшее влияние на Булгакова,— в «Войне и

мире» Толстого. Толстой, подобно Гегелю и Соловьеву, считал исторический процесс закономерным, но никакого преклонения перед этой закономерностью и ее выразителями, «историческими личностями», у него не было. Иван IV для Толстого — пример властвования «злых» над «добрыми», воплощение «безумия и порока», «изверг». Однако уже в «Войне и мире» Толстой указывал, что суть истории XVI века не в «больном характере Иоанна IV», а в массовых движениях — таких, как «движение русского народа на восток, в Казань и Сибирь» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90-та томах, т. 12, с. 312; т. 28, с. 192; т. 36, с. 319, 323).

Этот взгляд в значительной степени воспринял и Булгаков. Уже в «Белой гвардии» явственно ощущается влияние исторической философии Толстого — его взгляд на «великих людей» как на «ярлыки», даваемые событиям, фантомы, «мифы» (ср.: Лурье Я. С. Историческая проблематика в произведениях М. А. Булгакова (М. Булгаков и «Война и мир» Л. Толстого).— В сб.: М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени, с. 190—201).

Изображение эпохи Грозного в «Иване Васильевиче» было однозначным и весьма выразительным. Изображенный в пьесе опричный террор, не только страшный, но и чудовищно-абсурдный, мог вызвать весьма неприятные ассоциации. Стоило жулику Милославскому, попавшему в XVI век, назвать свое имя, как ему сразу же сообщили, что его повесили «на собственных воротах третьего дня перед спальней»... Сообразительный Милославский объяснил, что это был, очевидно, не он, а его двоюродный брат, от которого он «отмежевался» (вспомним тот же глагол у И. Ильфа: «Иван Грозный отмежевывается от своего сына»). Репрессии затрагивают и служащих дипломатического аппарата. «Был у нас толмач-немчин, да мы его анадысь в кипятке сварили»,— сообщает Милославскому дьяк. «Забавный контраст между двумя эпохами,— заметил В. А. Каверин,— начинает выглядеть не столь уж забавным» (Булгаков М. Драмы и комедии. М., 1965, с. 14).

Но, нарисовав столь выразительный образ эпохи, Булгаков вовсе не склонен был преувеличивать значение его центральной фигуры. Скорее наоборот. Царь — «вылитый управдом»; управдом, имеющий то же имя и отчество и временно занимающий царский трон,— эта тема «двойничества» напоминает «Принца и нищего» Марка Твена, писателя, которого Булгаков знал и любил. Но в «Принце и нищем» бедняк Том Кенти, ставший королем,— умный и одаренный мальчик, и это помогает ему справиться с королевскими обязанностями. Бунша отнюдь не

обладает природными способностями Тома Кенти, но это не мешает ему, с помощью Милославского, исполнять роль царя. По справедливому замечанию В. А. Каверина, у управдома «все получается, несмотря на то что Бунша необычайно, поразительно глуп. Умный вор помогает ему. Будь управдом менее глуп, он бы и без посторонней помощи управился бы с дьяками, которые поминутно кидаются в ноги, с опричниками, которым можно приказать что угодно, с патриархом... Порядки таковы, что управиться, в общем и целом, не так уж трудно...»

«Да накричи ты, наконец, на него, великий государь, натопай ножками!» — поучает Милославский занявшего царский престол Буншу, и когда лже-Грозный начинает кричать: «Да как вы смеете? Да вы!.. Да я вас!..». дьяк сразу валится ему в ноги: «Узнал теперича! Узнал тебя, батюшка царь..» Поведение царя — не характерологическая особенность, а органическое свойство его общественного положения: «Он нервозен, как всякий Иван Грозный». Тирану вовсе не нужно быть злодеем по призванию или гением зла: он вполне может быть и «самой выдающейся посредственностью», попавшей на вершину власти.

Роль личности в истории едва ли представлялась Булгакову в «Иване Васильевиче» более значительной, чем в «Белой гвардии». Но проблема государственной власти интересовала писателя не только сама по себе. После «Белой гвардии» Булгаков обращался к теме власти главным образом в связи с проблемой взаимоотношений между ее носителями и рядовыми людьми, в частности художниками («Мольер», «Последние дни» и др.).

Этот аспект темы присутствует и в «Иване Васильевиче». В соответствии с историческими песнями об Иване IV, царь в его пьесе не только грозен, но по временам и милостив. Попав в комнату изобретателя Тимофеева, он прощает жену, ушедшую от мужа к режиссеру Якину, и жалует режиссеру «вотчину в Костроме», предлагает обворованному соседу изобретателя монету.

Повелители не творят историю, но могут быть страшны или, напротив, доброжелательны по отношению к отдельным людям. Возможно, что Булгакову был известен ответ, данный учеником Сократа и учителем Диогена, философом Антисфеном, на вопрос, как следует относиться к власти: «Как к огню: не подходить слишком близко, чтоб не обжечься; не уходить слишком далеко, чтобы не замерзнуть».

В справедливости этого афоризма Булгакову приходилось убеждаться не раз. Он хорошо помнил телефонный разговор 18 апреля 1930 года, спасший его от «нищеты, улицы и гибели»,

и данное в январе 1932 года распоряжение возобновить запрещенные в 1929 году «Дни Турбиных», вернувшее, по его словам, автору «часть жизни». В 1936 году Булгаков мог еще надеяться, что выйдут на сцену «Мольер», «Иван Васильевич» и «Последние дни» и будут напечатаны другие его произведения.

Судьба «Ивана Васильевича» (как и судьба следующей пьесы — «Батум») никак не подтверждала иллюзий писателя. «Иван Васильевич» был снят заодно с «Мольером» — вероятнее всего потому, что под сомнение было поставлено все творчество автора. Но появись «Иван Васильевич» — с упоминанием «сваренного в кипятке» деятеля ведомства внешней политики и репрессированного Милославского, от которого его родственник спешит «отмежеваться»,— в 1936 году на сцене, пьеса принесла бы, вероятно, автору не меньше неприятностей, чем «Дни Турбиных» и «Мольер».

В марте 1941 года в «Известиях» появилась явно инспирированная Сталиным статья горьковского писателя В. Костылева, осуждавшая всех критиков Ивана Грозного, от современников до историков,— которые «не стеснялись «вешать собак» на Ивана IV», хотя государство при нем «настолько окрепло, что ни «смута», ни польская интервенция не могли поколебать и умалить его могущество» (ср.: Черкасов Н. К. Записки советского актера. М., 1953, с. 380). К этому времени изображение Ивана IV в «Иване Васильевиче» стало бы просто крамольным. Но Булгаков до этого нового поворота в официальной исторической концепции не дожил — он умер за год до посмертной реабилитации Ивана Васильевича.

Текст пьесы «Иван Васильевич» публикуется по машинописному списку ЦГАЛИ, ф. 656 (Главреперткома), оп. 3, ед. хр. 329. Список имеет № 59 (9/XII—40), подписи рецензентов Реперткома 9 и 25 декабря 1940 года и штамп Главного управления по репертуару Комитета по делам искусств 30 декабря 1940 года с надписью «только к печати». Это — текст первой редакции, утвержденной к печати в 1940 году, но не изданной. В 1965 году была опубликована вторая редакция, включавшая переделки, вынужденность которых была отмечена автором («приделанный конец»).

Мы публикуем первую редакцию пьесы.

Стр. 428. *«Без отдыха пирует с дружиной удалой Иван Васильич Грозный...»* — строки из баллады А. К. Толстого «Князь Михайло Репнин».

Стр. 434. *Гой да!* — Этот выкрик связывается с опричниками

уже в рассказах иностранцев XVI в.; междометие «гайда (айда)» (ну, иди!) — татарского происхождения.

Стр. 436. *Не человечьим хотением, но божиим соизволением царь есмь!* — слова Ивана Грозного из Послания польскому королю Стефану Баторию 1581 г. — Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI в. М., 1986 (далее — ПЛДР), с. 180.

Стр. 437. *У меня тоже один был такой... крылья сделал...* — Легенда о холопе, изобретавшем при Иване Грозном летательный аппарат и казненном за это, была очень распространена в научно-популярной литературе первой половины XX в. Никаких сведений в источниках XVI в. об этом факте не обнаружено.

Стр. 443. *Хороняка* — трус, слово, которым именовал в третьем послании царю 1579 г. Курбский Ивана Грозного после сдачи Полоцка Баторию (ПЛДР, с. 98); письмо это цитировалось в трагедии А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного».

Стр. 451. *Не гляди на меня, аки волк на ягня...* — текст из «Слова (Моления) Даниила Заточника», памятника XII—XIII вв. (ПЛДР, XII в. М., 1980, с. 388). «Слово» цитируется в пьесе и далее (см. с. 680).

Стр. 452. *Крымский хан да шведы прямо заедают! Крымский хан на Изюмском шляхе безобразничает!..* — Булгаков, очевидно, колебался, к какой точно дате приурочить пребывание Бунши и Милославского в XVI в. В автографической рукописи пьесы Тимофеев говорит: «Я двину сейчас аппарат на любое количество лет, ну, скажем, на 355 (устанавливает цифру)». 1935—355= 1580 г. Но если бы их пребывание оказалось приуроченным к этой дате, то возникли бы дополнительные темы: конец Ливонской войны, поход польского короля Стефана Батория на Псков. В окончательном варианте первой редакции, как и во второй, тема Ливонской войны отсутствует (возможно, действие относится ко времени после Запольского мира с Баторием в 1582 г.); к царю является шведский посол, и прямого текста его речи нет («говорит по-шведски»). Изюмский шлях (Изюм-курган) — сторожевой пункт на так называемой засечной черте (пограничных укреплениях) на р. Донце.

Стр. 453. *Грозный* — это прозвание никогда при Иване IV не употреблялось; оно относится не ранее чем к XVII в.

Стр. 454. *Дер гросер кениг...* — Дальнейший текст по-немецки: «Великий король шведского королевства послал меня, своего верного слугу, к вам... чтобы вопрос о Кемской волости, которую завоевало славное шведское войско, добровольно привести в порядок...»

Ди фраге...— Вопрос о Кемской волости... Шведская армия ее завоевала... Великий король шведского королевства послал меня... и... Это очень серьезный вопрос...

Стр. 455. *Вас бефельт...*— Что приказывает царь... передать великому королю Швеции?

Стр. 456. *Патриарх.*— Глава русской церкви до 1589 г. имел сан митрополита, а не патриарха; в соответствии с этим в автографе он именуется митрополитом. Почему Булгаков счел нужным в окончательной версии первой и во второй редакции заменить «митрополита» «патриархом»,— неясно (в написанном Булгаковым в том же году конспекте «Курса истории СССР» время установления патриаршества указано точно).

Вострубим, братие, в златокованые трубы!.. ...во веки веков!— текст из «Слова (Моления) Даниила Заточника» (ПЛДР, XII в., с. 388, 392, 398).

Панагия— носимое на груди украшение с изображением богородицы.

Стр. 459. *Марфа Васильевна*— Марфа Васильевна (Собакина), была женой Ивана Грозного в 1571 г.

А не сильная туча затучилася...— песня о нашествии крымских татар на Русь в 1572 г., сохранившаяся в сборнике XVII в. англичанина Ричарда Джемса, бывшего в России в 1619—1620 гг. (ПЛДР, конец XVI—нач. XVII в., с. 539).

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Решение писать пьесу о Пушкине и пригласить в соавторы В. В. Вересаева, известного писателя и историка литературы, автора книг «Пушкин в жизни» и «Современники Пушкина», было принято Булгаковым летом 1934 года. 18 октября Булгаков встретился с Вересаевым и предложил ему совместную работу, причем Вересаеву предлагалось взять на себя доставку исторических и биографических материалов, Булгаков брал на себя написание текста пьесы и договоры с театрами. Замысел пьесы к этому времени уже сложился: Булгаков предлагал писать пьесу о последних днях Пушкина без... Пушкина. Вересаев согласился. Черновые тетради Булгакова содержат материалы и выписки для пьесы, сделанные осенью 1934 года. Это выписки из писем современников Пушкина, многие из которых прямо вошли затем в реплики персонажей, описания внешности героев, их положения при дворе, возраста, основных моментов карьеры.

В самом большом разделе, посвященном Николаю I, Булгаков сразу начинает писать сцену Наталии и Николая I на балу. Витиеватые фразы императора, обращенные к Наталии Николаевне, то и дело перебиваются его грубоватыми высказываниями о Пушкине: «...Похож на каналью фрачника! <...> Николай (*Наталии*). Примите мои слова за исповедь измученного сердца, обратитесь ко мне в критическую минуту...» С новой строки: «Распущенный человек... Пусть забудет он то время, когда на балы езжал во фраках...»

Уже в набросках Булгаков очерчивает круг отношений, в которых существовал Пушкин в последние годы жизни: будничная, хорошо отлаженная машина III Отделения, робкие попытки друзей защитить поэта, лицемерие императора, относящегося к Пушкину со сдержанной злобой и ведущего дело к критической развязке.

17 декабря 1934 года был заключен договор с Театром им. Евг. Вахтангова на пьесу о Пушкине. Вечер того же дня Булгаков провел у Вересаева. План его пьесы заключал в себе десять картин: «Разметка действий. Акт первый. Картина первая: 1. У Пушкина. Картина вторая: 2. У Салтыкова. Акт второй. Картина первая: 3. Бал у Воронцовых. Картина вторая: 4. III-е Отделение. Акт третий. Картина первая: 5. У Геккеренов. Картина вторая: 6. Дуэль. Картина третья: 7. Квартира Пушкиных. Акт четвертый. Картина первая: 8. Вынос. Картина вторая: 9. Мойка. Картина третья: 10. Станция» (ГБЛ, ф. 562, к. 13, ед. хр. 5, л. 194). Структура пьесы не менялась на протяжении работы: три редакции текста полностью соответствуют «разметке действий», которая была сделана Булгаковым в первой подготовительной тетради.

Запись в дневнике Е. С. Булгаковой свидетельствует о том, что к середине декабря были уже намечены две первые картины и сцена с Данзасом, привезшим раненого поэта («Квартира Пушкина»): «Прекрасный вечер: у Вересаева работа над «Пушкиным». Мишин план. Самое яркое: в начале — Наталья, облитая светом с улицы ночью, и там же, в квартире, ночью тайный приход Дантеса, в середине пьесы — обед у Салтыкова (чудак, любящий книгу), в конце — приход Данзаса с известием о ранении Пушкина» (Булгаков Михаил. Письма. М., 1989, с. 358). «Пьеса уже видна,— записала Е. С. Булгакова 28 декабря.— Виден Николай, видна Александрина, и самое сильное, что осталось в памяти сегодня,— приход слепого Строганова, который решает вопрос — драться или не драться с Пушкиным Дантесу» (там же, с. 358).

12 февраля 1935 года Булгаков читал у Вересаева написан-

ный текст — с 4-й по 8-ю картины. 27 марта черновая рукопись была закончена. В рукописи еще отсутствуют сцены Николая I с Н. Н. Пушкиной и Жуковским, намеченные в набросках, гораздо короче картина «У Салтыкова», в последней картине — «Станция» — нет персонажа — А. Тургенева, появившегося в окончательной редакции. Между тем некоторые важнейшие образы пьесы очерчены в черновой рукописи гораздо ярче. Прежде всего это Александра Гончарова, Жуковский и Дантес. Значительнее была и роль литераторов — Кукольника и Бенедиктова, которые появлялись в начале сцены на Мойке, и Воронцовых-Дашковых, оказавшихся в момент дуэли на Черной речке (ГБЛ, ф. 562, к. 13, ед. хр. 5).

Начиная рукопись пьесы, Булгаков написал сбоку: «На необработанном языке», а в специальном разделе первой черновой тетради собирал характерные выражения николаевского времени. В тексте пьесы современный язык и построение фраз сказались прежде всего в сцене «III-е Отделение». Монолог Николая I после чтения пушкинского стихотворения звучит так: «Этот человек способен на все, исключая добра. Господи вседержитель! Ты научи, как милостивым быть! Старый болван Жуковский! Вчера пристал ко мне, сравнивал его с Карамзиным!» После чтения письма Геккерену император высказывается еще определеннее: «О, головорез!»

Современная лексика в речах костюмированных персонажей, рубленые фразы, просторечный стиль, в котором разговаривают с подчиненными и Николай I, и Дубельт, придает сценам в III Отделении неистребимый налет современности. В окончательном тексте речь императора звучит более сдержанно и плавно. Исчезает и чрезвычайно характерный диалог двух жандармов после его ухода:

«Бенкендорф. Много в столице таких, которых вышвырнуть бы надо.

Дубельт. Найдется!»

Эта краткая сцена явно была навеяна Булгакову обстоятельствами 30-х годов, когда население обеих столиц заметно поредело.

Любопытно, как воспринимали сцену в III Отделении современники Булгакова, среди которых явно были и «Битковы», и «Богомазовы». «Невероятно понравилась пьеса,— записывает Е. С. Булгакова после одного из чтений в мае 1935 года.— <...> Жуховицкий говорил много о высоком мастерстве Миши, но вид у него был убитый: «Это что же такое, значит, все понимают?!» Когда Миша читал 4-ю сцену, температура в комнате заметно понизилась, многие замерли» (цит. по

кн.: Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988, с. 420).

18 мая 1935 года Булгаков читал у себя дома пьесу о Пушкине в присутствии В. В. Вересаева, его жены М. Г. Вересаевой и актеров вахтанговского театра: Л. П. Русланова, И. М. Рапопорта, Б. В. Захавы и А. О. Горюнова. С этого первого публичного чтения «Александра Пушкина» начался самый острый период разногласий между соавторами, которые с этих пор объяснялись друг с другом в письмах и, таким образом, оставили чрезвычайно любопытные свидетельства совместной работы. Как известно, В. В. Вересаева и М. А. Булгакова связывала глубокая симпатия и подлинная дружба, доказанная в самые черные дни. Именно поэтому история их несостоявшегося соавторства столь ярко выявляет разницу их художественных позиций и своеобразие художественного метода Булгакова.

«...Вы не сочли нужным изменить даже то, о чем мы с вами договорились совершенно определенно,— писал Вересаев Булгакову на следующий день.— <...> Я до сих пор минимально вмешивался в Вашу работу, понимая, что всякая критика в процессе работы сильно подсекает творческий подъем. Однако это вовсе не значит, что я готов довольствоваться ролью смиренного поставщика материала <...> Образ Дантеса нахожу в корне неверным и, как пушкинист, никак не могу принять на себя ответственность за него. Крепкий, жизнерадостный, самовлюбленный наглец, великолепно чувствовавший себя в Петербурге, у Вас хнычет, страдает припадками сплина <...> Если уж необходима угроза Дантеса подойти к двери кабинета Пушкина, то я бы уж считал более приемлемым, чтобы это сопровождалось словами: «Я его убью, чтобы освободить вас!» И много имею еще очень существенных возражений» (Булгаков Михаил. Письма, с. 334—335).

В ответном письме 20 мая Булгаков возражает, что «всякий раз шел на то, чтобы делать поправки в черновиках при первом же возражении с Вашей стороны, не считаясь с тем, касается ли дело чисто исторической части или драматургической... Я ввожу в первой картине ростовщицу. Вы утверждаете, что ростовщица нехороша и нужен ростовщик. Я немедленно меняю. Что лучше с моей точки зрения? Лучше ростовщица. Но я уступаю».

О Дантесе Булгаков пишет: «Он нигде не хнычет. У меня эта фигура гораздо более зловещая, нежели та, которую предлагаете Вы».

Исправления и пометы в черновой рукописи Булгакова соответствуют требованиям Вересаева изменить ту или иную сцену. Так, ростовщица Ольга Аполлоновна Клюшкина, урож-

денная дворянка Сновидова, превращена в реальное историческое лицо — ростовщика Шишкина. Сделаны и некоторые другие исправления. С февраля 1935 года Вересаев начинает писать собственные варианты сцен: пространную любовную сцену Дантеса и Пушкиной и диалог Долгорукова и Богомазова на балу, разговор двух придворных о том, как с помощью своих дочерей и жен, пользующихся благосклонностью императора, ловкие люди делают карьеру при дворе, в число их собеседники, смеясь, включали и «сочинителя» Пушкина. В сцене «У Геккеренов», написанной Вересаевым, голландский посланник появляется в облике жадного спекулянта, торгующего тканями. Наконец, была написана сцена смерти Пушкина, в которой появлялся сам поэт, произносящий реплики из воспоминаний Даля. Булгаков, делая некоторые исправления в собственном тексте по совету Вересаева, отказывался включать написанные им сцены в пьесу, мотивируя свой отказ их несценичностью.

29 мая 1935 года была сделана первая полная перепечатка «Александра Пушкина». Это самый обширный по размерам текст пьесы. В нем расширены сцены «У Салтыкова» и «Бал у Воронцовых», среди персонажей появляется в последней сцене А. Тургенев. Первая картина после ухода Дантеса и Наталии Николаевны заканчивается ремаркой: «Через некоторое время ручка в дверях кабинета поворачивается, возникает полоска света, дверь приоткрывается, полоска света расширяется. Потом тьма...» Впоследствии Булгаков эту сцену исключил.

Во втором действии совершенно отчетливо выявлена связь Долгорукого с III Отделением — он специально дает переписывать ходящие по рукам стихи Пушкина Богомазову, несомненно зная о его службе, именно он приносит Богомазову и эпиграмму «В России нет закона, а столб, и на столбе — корона». На балу на вопрос Богомазова «Вы послали ему пасквиль?..» Долгоруков отвечает: «Я. Будет он помнить свои эпиграммы!» Однако под давлением своего соавтора Булгаков вычеркнул эту реплику и заменил ее другой: «Откуда я знаю? Почему вы задаете мне этот вопрос?» (ИРЛИ, ф. 369, № 218).

2 июня Булгаков читал первую законченную редакцию пьесы труппе Театра им. Евг. Вахтангова. Чтение прошло с огромным успехом. 6 июня Вересаев отправил Булгакову письмо, в котором предлагал снять свое имя.

Одним из основных пунктов несогласия авторов была фигура Дантеса. В воспоминаниях Л. Е. Белозерской есть характерный эпизод: «Мы бывали у Вересаевых не раз. <...> Помню, как Викентий Викентьевич сказал: «Стоит только взглянуть на портрет Дантеса, как сразу станет ясно, что это

внешность настоящего дегенерата!» Я было открыла рот, чтобы, справедливости ради, сказать вслух, что Дантес очень красив, как под суровым взглядом М. А. прикусила язык» (Белозерская-Булгакова Л. Е. Воспоминания. М., 1990, с. 105). Теперь самому Булгакову все же пришлось вступить в спор со своим неуступчивым соавтором. «Нельзя трагически погибшему Пушкину в качестве убийцы противопоставить опереточного бального офицерика. Дантес не может восклицать: «О, ла-ла!» Дело идет о жизни Пушкина в этой пьесе. Если ему дать несерьезных партнеров, это Пушкина унизит»,— писал Булгаков Вересаеву 20 мая. Дантес в пьесе, безусловно, характер, со своими страстями, убеждениями, своим понятием о добре и зле. Булгаков написал «Этюд о Дантесе», в котором собрал противоречивые высказывания современников о нем (Булгаков Михаил. Письма, с. 340—343).

Пошловатая наглость Дантеса и его хладнокровие разительно отличаются от той «животной наглости», о которой писал Вересаев.

Булгаков противопоставляет Пушкину характер не менее яркий, чем Николай I, Бенкендорф или Дубельт. В способности Дантеса «переступить» через любую ситуацию, в его эгоцентричности и рассудочности его страстей, в той смелости, с которой он добивается своих целей, проступает система ценностей, абсолютно противоположная Пушкину, который был для Булгакова идеалом и в защите которого писатель порой поступался соображениями осторожности и безопасности (см. «Записки на манжетах»). Подобного персонажа нет ни в одной из предшествующих пьес драматурга. Дантес никак не связан с той государственной машиной, в которой существует, но между тем существует в ней естественно. Это характер, несомненно, новый и, учитывая могущественный реализм булгаковского таланта, почерпнутый из окружающей действительности, с которой сам писатель находился в разладе. Только отказ от нравственных императивов создает душевный комфорт человеку в деспотическом обществе.

Тема художника и власти, личности и государства, которая стала главной в пьесах Булгакова «Мольер», «Адам и Ева», «Блаженство», в «Александре Пушкине» воплощена по-новому. Конфликт, сосредоточенный на противопоставлении главного героя и того или тех, кто имеет власть над ним, в этой пьесе значительно расширяется. Душевная усталость и безрассудство Натальи, сосредоточенность на своей страсти Александрины, узкая, прямолинейная доблесть Данзаса, придворная прирученность Жуковского, глупость Кукольника, безмятежное отсут-

ствие в настоящем Салтыковых создают мир, в котором гений Пушкина *не может* существовать. Конфликт художника и власти в этой пьесе превращается в конфликт художника и общества, причем не того общества великосветских негодяев, которое травило Пушкина, но того, которое не смогло его защитить. Ситуация бездеятельного и беспомощного сочувствия болезненно переживалась самим Булгаковым именно в 30-е годы. Одним из характернейших признаков этой ситуации была растущая глухота общества к художественным созданиям, невосприимчивость к истинному искусству. Равнодушна к стихам Пушкина Наталья. Дантес называет его в черновой рукописи «бездарным писакой». Индифферентен к поэзии Данзас. Не понимает стихов Пушкина Никита. Публика на завтраке у Салтыковых восхищается «первым поэтом» Бенедиктовым. Кукольник заявляет, что у Пушкина «был» талант. Создания поэта — единственная его защита в волнах бытия — перестают быть значимы для общества.

Притязания В. В. Вересаева на то, чтобы вставить в пьесу собственные сцены, были невозможны для Булгакова не только потому, что Вересаев находился вне проблематики пьесы. В середине 30-х годов Вересаев, несомненно, находился под гнетом того мощного потока повествовательной литературы и драматургии, который хлынул в литературу в конце 20-х годов. Усредненно-«правильное» изложение исторических фактов и событий было актом не столько художественным, сколько идеологическим.

Противоречия соавторов не ограничивались различной трактовкой отдельных фигур пушкинского окружения. Вересаев стремился придать событиям пьесы социально-историческую уравновешенность в духе времени, расставить все точки над «i». Эта прямолинейность была неприемлема для Булгакова-драматурга. Помощь Вересаева в подборе исторических и биографических материалов была огромной, но Булгаков сохранил свой оригинальный текст.

В пьесе Булгакова новизна характеров и непредсказуемость поступков создают магическое ощущение подлинности происходящего. С первых строк пьесы Булгаков включил в драму знание каждым русским судьбы поэта. Предощущение его гибели бросает особый отсвет на лица, горечью наполняет сцены, персонажи которых, не ведая о том, стремительно движутся к трагической развязке. Для автора не столько важна была правильная расстановка друзей и врагов, сколько возможность передать столкновение воль и характеров, ведущее к неумолимому концу. Контраст бури, закружившей людей в

Петербурге, и чистоты и тишины на Черной речке, где звучат два выстрела, заставляет вспомнить об этом высоком законе вещей. Но, следуя Толстому, Булгаков вводит в этот вечный закон реалии своего времени. Наиболее расчетливой силой, включенной в интригу против Пушкина, оказывается III Отделение. Наглость Дубельта, зловещая фигура Бенкендорфа, фактически отдающего приказ об убийстве, лицемерие Николая, который, по словам Булгакова, «ничем себя не выдав, стер его с лица земли», создают ошеломительную картину всевластия тайной полиции.

После блестящего успеха на чтении 2 июня 1935 года Булгаков тем не менее беспокоился о судьбе своей пьесы. 21 июня Булгакову написал Б. Захава: «Дорогой Михаил Афанасьевич! <...> Какие могут быть сомнения?! Пьеса, разумеется, принята. Я надеюсь, что к началу сезона (1 сентября) мы получим пьесу в окончательной редакции. Со всеми замечаниями, которые были высказаны на обсуждении, Вы вольны считаться, как сами найдете нужным. Единственное, что следует считать установленным, это необходимость шире и полнее показать отношение к Пушкину широкой разночинной общественности. Как Вы это сделаете — путем ли введения новой дополнительной сцены (мой совет) или же путем развития сцены на Мойке (рецепт Миронова),— это совершенно предоставляется на Ваше с Викентием Викентьевичем усмотрение. Немедленно по открытии сезона, получив от Вас окончательную редакцию текста, мы составим режиссуру спектакля и наметим исполнителей главных ролей. До 1-го января режиссуре будет предоставлено время для кабинетной проработки замысла. С 1-го января должна будет начаться репетиционная работа и работа художника над макетом (художник, я думаю,— В. В. Дмитриев — как Вам кажется?). Летом 1936-го года осуществляется монтировка. С осени 36-го года репетируется, в монтировке и выпускается в юбилейные дни. <...> Ваш Б. Захава» (ИРЛИ, ф. 369, № 232). Превосходный план, которому, однако, не суждено было осуществиться. 5 сентября 1935 года «Вечерняя Москва» сообщила: «Драматург М. А. Булгаков закончил новую пьесу о Пушкине. Пьеса предназначается к постановке в Театре имени Вахтангова». 10 сентября пьеса сдана в театр. 20 сентября было получено известие о разрешении «Александра Пушкина» Реперткомом. Пьесой, как основой оперы, заинтересовались композиторы Сергей Прокофьев и Дмитрий Шостакович. 11 февраля 1936 года Булгаков пишет П. С. Попову: «Об Александре Сергеевиче стараюсь не думать, и так велика нагрузка. Кажется, вахтанговцы начинают работу

над ним. Во МХАТ он явно не пойдет». 9 марта в «Правде» появилась редакционная статья о булгаковском «Мольере» — «Внешний блеск и фальшивое содержание». 16 марта с Булгаковым полтора часа говорил председатель Главреперткома П. Н. Керженцев, критиковал «Мольера» и «Пушкина».

«Миша понял, что «Пушкина» снимут...» — записала в дневнике Елена Сергеевна. 10 марта в «Литературной газете» опубликована статья Б. Алперса «Реакционные домыслы М. Булгакова». 17 марта в «Советском искусстве» появилась «чудовищная по тону» заметка о «Пушкине», в которой Булгаков и Вересаев названы «драмоделами». В «Советском искусстве» появилось выступление Керженцева на всесоюзном репертуарном совещании, где было сказано о недопущении к постановке пьесы «Александр Пушкин».

Договоры с ленинградским Красным театром, Саратовским драматическим театром, Татарским государственным академическим театром, Горьковским театром драмы, киевским Театром Красной Армии, Харьковским театром революции и Харьковским театром русской драмы остались без последствий. Причем Харьковский театр русской драмы требовал через суд вернуть аванс за запрещенную пьесу. Однако Булгакову удалось выиграть этот судебный процесс.

Лишь через три года, летом 1939-го, когда в Москве стало известно, что Булгаков заключил с МХАТом договор на пьесу о Сталине (15 июня), пьеса «Александр Пушкин» была разрешена. Протокол Реперткома от 26 июня 1939 года гласит:

«Протокол № 345

«Александр Пушкин» М. Булгаков — пьеса в 4-х действиях <...>

Пьесу вернее было бы назвать «Гибель Пушкина». Автор имел целью изобразить обстановку и обстоятельства гибели Пушкина.

Широкой картины общественной жизни в пьесе нет. Автор хотел создать лирическую, «камерную» пьесу. Такой его замысел осуществлен неплохо.

Заключение политредактора: Разрешить.

Политредактор ГУРК Евстратов» (ЦГАЛИ, ф. 656, оп. 2, ед. хр. 129).

Через восемь месяцев, 10 марта 1940 года, Булгаков умер. Историю этой его пьесы действительно вернее было бы назвать «Гибель «Пушкина».

«Когда сто лет назад командора нашего русского ордена писателей пристрелили, на теле его нашли тяжелую пистолет-

ную рану,— писал Булгаков в 1932 году.— Когда через сто лет будут раздевать одного из потомков его перед отправкой в дальний путь, найдут несколько шрамов от финских ножей. И все на спине.

Меняется оружие!»

После смерти Булгакова впервые текст пьесы «Александр Пушкин» зазвучал со сцены в спектакле МХАТа «Последние дни», премьера которого состоялась в 1943 году. Спектакль продержался на сцене шестнадцать лет.

В первом издании пьес писателя в 1955 году текст был опубликован с театральными изменениями под названием «Последние дни (А. С. Пушкин)» и в дальнейшем в этом виде перепечатывался в сборниках пьес Булгакова в 1962, 1965 и 1986 годах.

В настоящем издании публикуется последняя редакция текста пьесы, датированная 9 сентября 1935 года,— по экземпляру, хранящемуся в Архиве М. А. Булгакова (ГБЛ, ф. 562, к. 13, ед. хр. 6).

В отличие от предыдущих изданий восстановлено авторское название — «Александр Пушкин», восстановлены пропущенные реплики, ремарки и авторская пунктуация.

БАТУМ

Замысел историко-биографической пьесы о Сталине Булгаков обдумывал с 1935 года, когда в печати появились сведения о раннем периоде деятельности Сталина в Закавказье и постоянных политических преследованиях со стороны властей. 7 февраля 1936 года Е. С. Булгакова записала в своем дневнике: «...Миша окончательно решил писать пьесу о Сталине» (ГБЛ, ф. 562, к. 28, ед. хр. 25). В конце 1935 — начале 1936 года, когда несколько спала огромная волна репрессий, связанных с «кировским» делом, в обществе и среди умеренной части политического руководства страной еще сохранялись надежды на демократический поворот, и Сталин умело воспользовался этими ожиданиями, возглавив новую Конституционную комиссию, с деятельностью которой были связаны определенные демократические обещания сверху и напрасные иллюзии снизу.

Летом 1936 года Н. И. Бухарин напечатал одну из своих последних политических статей, в которой прозорливо заметил: «Сложная сеть декоративного обмана (в словах и в действиях) составляет чрезвычайно существенную черту фашистских режи-

мов всех марок и оттенков» (Известия, 1936, 6 июля). Искусством декоративного обмана к середине 1930-х годов Сталин овладел в совершенстве, и в расставленную им сеть запутались многие крупные умы — не только внутри страны, но и в кругах прогрессивной общественности на Западе.

18 февраля 1936 года Булгаков разговаривал с директором МХАТа и сказал, что «единственная тема, которая его интересует для пьесы, это тема о Сталине» (ГБЛ, ф. 562, к. 28, ед. хр. 25). Трудно сказать, какой именно сюжет о вожде обдумывал тогда Булгаков, но его прежние исторические пьесы как раз в это время были снова подвергнуты официальному осуждению. На сцене МХАТа погибал «Мольер». В Театре сатиры в это время готовилась к выпуску новая комедия Булгакова «Иван Васильевич», ее ждала та же печальная участь.

12 мая 1936 года Е. С. Булгакова записала, что Михаил Афанасьевич «сидит над письмом к Сталину». Текст письма Булгакова к Сталину 1936 года пока неизвестен; неясно, было ли это письмо дописано, отправлено или уничтожено автором, но причины для нового обращения наверх у него были: после исключения «Мольера» из репертуара МХАТа Булгаков решил уйти из театра, в который он поступил благодаря личному вмешательству Сталина. Теперь он должен был по крайней мере объяснить причины своего отказа от этой милости, прежде чем перейти на предложенную штатную должность либреттиста в Большой театр СССР.

Писать пьесу о Сталине в 1936 году Булгаков не стал. 1937 год также не прибавил ни желания, ни возможности заняться вплотную этим замыслом. В начале 1938 года Булгакова побудили взяться за новое письмо к Сталину уже не личные дела, а чрезвычайные обстоятельства, связанные с судьбой его близкого друга Н. Р. Эрдмана, репрессированного в 1934 году и отбывшего трехлетнюю ссылку в Сибири. В один из самых тяжелых для страны моментов, незадолго до открытого процесса над Бухариным и Рыковым, когда потрясенная террором Москва окоченела от страха, Булгаков рискнул заступиться за друга перед Сталиным. В письме к нему от 4 февраля 1938 года Булгаков просил, в частности, о том, чтобы Эрдману «была дана возможность вернуться в Москву, беспрепятственно трудиться в литературе, выйдя из состояния одиночества и душевного угнетения».

Решающий толчок к возобновлению замысла пьесы о Сталине был дан визитом друзей Булгакова из Художественного театра — П. А. Маркова и В. Я. Виленкина, которые посетили

Булгаковых 9 сентября 1938 года. На следующий день Е. С. Булгакова записала в своем дневнике:

«Пришли после десяти и просидели до пяти утра. Вначале — убийственно трудный для них вечер. Они пришли просить Мишу написать пьесу для МХАТа.

— Я никогда не пойду на это, мне это невыгодно делать, это опасно для меня. Я знаю все наперед, что произойдет. Меня травят,— я даже знаю кто — драматурги, журналисты...

Потом Миша сказал им все, что он думает о МХАТе в отношении его,— все вины, все хамства. Прибавил — но теперь уже все это прошлое, я забыл и простил. Но писать не буду.

Все это продолжалось не меньше двух часов. И когда около часу мы пошли ужинать, Марков был черно-мрачен.

За ужином разговор как-то перешел на обще-мхатовские темы, и тут настроение у них поднялось. Дружно возмущались Егоровым.

А потом опять о пьесе.

«Театр гибнет — МХАТ, конечно. Пьесы нет. Театр показывает только старый репертуар. Он умирает, и единственное, что может его спасти и возродить, это современная замечательная пьеса; Марков это назвал «Бег» на современную тему, т. е. в смысле значительности этой вещи — «самой любимой в театре».

«И, конечно, такую пьесу может дать только Булгаков»,— говорил долго, волнуясь, по-видимому, искренно.

«Ты ведь хотел писать пьесу на тему о Сталине?»

Миша ответил, что очень трудно с материалами, нужны — а где достать?

Они предлагали и материалы достать через театр, и чтобы Немирович написал письмо Иосифу Виссарионовичу с просьбой о материале.

Миша сказал,— это очень трудно, хотя многое мне уже мерещится из этой пьесы. От письма Немировича отказался.— Пока нет пьесы на столе, говорить и просить не о чем» (ГБЛ, ф. 562, к. 28, ед. хр. 27, л. 5—6).

И в своих обращениях к Сталину, и в замысле пьесы о начале его восхождения Булгаков исходил из факта, осознанного далеко не сразу и далеко не всеми его современниками, что в лице Сталина сложился новый абсолютизм, не менее полный, чем во времена Людовика XIV или Ивана Грозного, и, конечно, гораздо более всевластный и всепроникающий, чем в старые феодальные времена. По иронии истории этот факт, еще в зародыше замеченный Лениным на пятом году революции, в полной мере обнаружился через полтора десятка лет, к 20-летию Октября. Демократическая конституция 1936 года в

момент ее провозглашения оказалась лишь ширмой возродившегося через репрессии абсолютизма.

Выступая перед железнодорожниками Тифлиса в 1926 году, Сталин указал на три «боевых крещенья», которые он прошел в революции, прежде чем стал тем, кто он есть: «От звания ученика (Тифлис), через звание подмастерья (Баку) к званию одного из мастеров нашей революции (Ленинград) — вот какова, товарищи, школа моего революционного ученичества» (Сталин И. В. Соч., т. 8. М., 1948, с. 175).

Звание «одного из мастеров революции», за которым Сталин еще в 1926 году должен был скрывать свои честолюбивые притязания на абсолютную и безраздельную власть, уже через десять лет, к 1936 году, совершенно не устраивало всевластного «вождя». Да оно и фактически не соответствовало реальному положению диктатора, осуществившего после XVII съезда партии необъявленный государственный переворот. Направленный против всех реальных и потенциальных противников Сталина, которые, как и он, еще совсем недавно принадлежали к высшей партийно-государственной когорте «мастеров революции», этот разгром старого ленинского ядра в партии и высшего комсостава Красной Армии утвердил сталинскую диктатуру на многие годы.

Особенность сталинского «термидора» 1930-х годов заключалась в том, что он был проведен «сверху» с помощью новой партийной бюрократии, поддержавшей Сталина, и карательных органов ОГПУ — НКВД при нейтрализации армии, а затем и прямом терроре против нее. Этот колоссальный по своим масштабам переворот совершался под лозунгами укрепления диктатуры пролетариата и победы социализма в СССР над его последними классовыми врагами. Он сопровождался изощренной социальной демагогией и прямым обманом всех слоев советского общества снизу доверху.

Предложение от руководства МХАТа написать пьесу о Сталине, при всей его рискованности, оставалось для Булгакова едва ли не единственной возможностью вернуться к литературному труду на правах исполняемого драматурга и публикуемого автора. Искушение было большим, но Булгаков не был бы Булгаковым, если бы взялся исполнить этот заказ в качестве холодной платы за отнятое у него право беспрепятственно трудиться и печататься. На пути приспособленчества никакой удачи, даже чисто внешней, деловой, для него не могло быть — это автор «Багрового острова» и «Мольера» понимал лучше, чем кто-либо другой из его современников.

«В отношении к генсекретарю возможно только одно —

правда, и серьезная»,—утверждал Булгаков еще в 1931 году в письме к В. В. Вересаеву. И он остался на той же позиции в конце 1938 года, когда проблема литературного изображения Сталина в качестве героя пьесы встала перед ним практически. Решение Булгакова не было проявлением малодушия или обдуманной сделкой с совестью, как это иногда пытаются доказать. Проблема всерьез интересовала его. Сталин был адресатом нескольких важнейших личных писем Булгакова; свой единственный разговор с писателем по телефону в 1930 году Сталин, по словам Булгакова, провел «сильно, ясно, государственно и элегантно». Второго обещанного разговора Булгаков так и не дождался до конца жизни. И стремление разгадать психологию, завязку характера, а может быть, и тайну возвышения Сталина не оставляло его в течение многих лет.

Интуиция драматурга подсказала Булгакову наименее стандартный выбор из возможных в обстановке официальных восхвалений и сложившихся литературных канонов изображения вождя. Обдумывая сюжет из биографии своего героя, Булгаков обратился совсем не к тем временам, когда Иосиф Джугашвили стал уже Иосифом Сталиным, заметной фигурой в партии большевиков, одним из влиятельных политиков центрального большевистского штаба, а затем и единоличным хозяином нового государства.

Ограничив время действия своей пьесы ранним тифлисским и батумским периодом из жизни Сталина (1898—1904), то есть периодом «ученичества» по его собственному определению, Булгаков написал произведение о молодом революционере начала века, об инакомыслящем, исключенном из духовной семинарии за крамольные взгляды, об организаторе антиправительственной демонстрации и политическом заключенном батумской тюрьмы, поднявшем бунт против жестокостей тюремного режима.

Но почему же тогда именно этот человек, вознесенный на вершину политической власти революционной волной, безжалостно устранив основных соперников, обрек на позорную смерть почти всех членов первого ленинского правительства, взявшего в свои руки управление Советской Россией после Октября 1917 года?

Почему жестокость советских тюрем и лагерей времен Ягоды, Ежова и Берии превзошла все, что знала история самодержавной России за многие времена, начиная с Ивана Грозного и кончая Николаем II?

Почему можно отправить в Сибирь в политическую ссылку сроком на три года отнюдь не политического бунтовщика,

каким был, например, в 1902 году Иосиф Джугашвили, а известного драматурга и литератора Николая Эрдмана, имевшего неосторожность сказать нечто в присутствии осведомителей, при которых говорить что-либо вообще не следует?

Эти и многие другие вопросы не вмещались в сюжет булгаковской пьесы о молодом Сталине, но их с возрастающей непреложностью ставило то страшное время, когда создавалась эта странная биографическая пьеса, предназначенная для юбилейного спектакля МХАТа к 60-летию Сталина. Сюжет «Батума» оказался в прямом соседстве с проблемами, о которых в конце 1930-х годов было очень опасно говорить, но о которых нельзя было не думать.

Ответ самого Булгакова на опасные вопросы, невольно возникавшие при знакомстве с мужественным арестантом батумской тюрьмы и удачливым беглецом из сибирской ссылки, не лежал на поверхности пьесы, а был заключен в конкретных подробностях воссозданной им драматической ситуации и в том резком контрасте, который являли собой молодой Сосо из Батума и сегодняшний Сталин в Кремле.

16 января 1939 года Е. С. Булгакова отметила в дневнике: «Миша взялся после долгого перерыва за пьесу о Сталине. Только что прочла первую (по пьесе — вторую) картину. Понравилось ужасно! Все персонажи живые». Через день, 18 января: «И вчера и сегодня Миша пишет пьесу, выдумывает при этом и для будущих картин положения, образы, изучает материалы» (ГБЛ, ф. 562, к. 28, ед. хр. 28).

В начале работы над рукописью у Булгакова быстро сложился основной план всей пьесы: батумская демонстрация и ее расстрел становится центральным событием (картина шестая «Батума»), ему предшествуют обстоятельства появления Сталина в Батуме в конце 1901 года, организация на основе рабочих кружков Батумского социал-демократического комитета; пожар, а затем забастовка на заводе Ротшильда, действия военного губернатора по подавлению забастовки и аресту ее руководителей. Этот акт со стороны властей и привел в марте 1902 года к политическому возмущению батумских рабочих. Развитием политической линии пьесы явились последующие картины ареста Сталина на конспиративной квартире, сцены его пребывания в батумской тюрьме, где вспыхивает бунт политических заключенных. Прологом этих событий стала картина исключения ученика шестого класса Иосифа Джугашвили из духовной семинарии в Тифлисе, относящаяся по времени к 1898 году, а эпилогом всей хроники — возвращение Сталина в Батум зимой 1904 года после побега из сибирской ссылки.

Первоначальное название пьесы — «Пастырь» — Булгаков почерпнул из перечня партийных кличек Сталина, записанных в его рабочей тетради: Давид, Коба, Нижерадзе, Чижиков, Иванович, Сосо, Пастырь (под двумя последними кличками Сталин как раз и работал в Батуме).

Один из вариантов названия пьесы, записанный в тетради рукою Е. С. Булгаковой,— «Дело было в Батуме» — ближе всего к окончательному, локальному названию «Батум». Это последнее, самое сдержанное, не заключает в себе никакого оценочного момента и характеризует лишь время и место действия, подчеркивая установку автора на строгую историческую достоверность основного драматического происшествия.

В работе над сюжетом «Батума» Булгаков опирался на опыт своих прежних историко-биографических пьес «Кабала святош» и «Александр Пушкин», при создании которых он широко использовал мемуарные свидетельства и исторические документы. Для пьесы о Сталине требовалась не менее прочная документальная основа, которой Булгаков, конечно, не располагал в необходимом объеме. Тем не менее каждая картина пьесы основана на реальном, исторически засвидетельствованном факте, а уже в рамках действительного события создается вымышленная жанровая или политическая сцена, диалоги и поступки лиц, раскрывающие смысл и характер события, его связь с предшествующим и последующим звеном драматического действия.

Одним из важнейших документальных источников пьесы «Батум» стала большая книга «Батумская демонстрация 1902 года», выпущенная в марте 1937 года Партиздатом ЦК ВКП(б) с предисловием Л. Берия.

Книга была издана в Москве молнией за рекордно короткий срок: сдана в производство 10 марта, подписана к печати 15—17 марта, выпущена в свет 20 марта 1937 года. Совершенно очевиден культовый характер книги, имевшей своей главной целью прославление Сталина и провозглашение его особо выдающейся роли в организации рабочего движения на Кавказе. Как свидетельствует экземпляр, сохранившийся в архиве Булгакова, он внимательнейшим образом проработал книгу «Батумская демонстрация 1902 года» и оставил в ней множество помет и подчеркиваний.

Первый раздел книги — «Ленинская «Искра» о революционном движении батумских рабочих» — не содержит ни единого упоминания о Сталине, но дает достаточно объективную хронику батумских событий с февраля по октябрь 1902 года. Здесь перепечатаны статьи и заметки «Искры» «Забастовка рабочих

на заводах Манташева и Ротшильда в Батуми», «Батумский процесс», «Годовщина расстрела батумских рабочих» и др. В числе руководителей рабочих «Искра» назвала Михаила Харимьянца и Теофила Гогиберидзе — оба они вошли в круг действующих лиц пьесы «Батум».

Практически все действующие лица пьесы, представляющие администрацию военного губернатора, жандармское отделение и военный гарнизон, брошенный против забастовщиков, были взяты Булгаковым из хроникальных заметок «Искры». В их числе: кутаисский военный генерал-губернатор Смагин (в списке действующих лиц — военный губернатор), жандармский полковник Зейдлиц (у Булгакова — Трейниц), полицеймейстер Ловен (в черновой редакции пьесы действует под своей фамилией, в окончательном тексте — полицеймейстер), переводчик Какива (у Булгакова — Кякива) и т. д.

Как один из участников и организаторов мартовской политической демонстрации рабочих Батума, Сталин проходил по судебному процессу 1902 года и был приговорен к ссылке в Восточную Сибирь на три года. Официальными документами этого судебного политического процесса, кроме приговора, Булгаков не располагал, и он мог опираться в данном случае лишь на воспоминания и свидетельства немногих живых участников и очевидцев тех далеких событий.

В распоряжении драматурга оказалось достаточно много подробностей и свидетельств, взаимно дополнявших и корректировавших друг друга. Рабочие, окружающие Сталина в пьесе «Батум», в большинстве случаев действуют под своими собственными фамилиями и именами. Это прежде всего Сильвестр Ломджария (в пьесе — Сильвестр), Порфирий Ломджария (в пьесе — Порфирий), Михаил Габуния (в пьесе — Миха), Теофил Гогиберидзе (в пьесе — Теофил), Котэ Каландаров (в пьесе — Котэ), Коция Канделаки (в пьесе — Канделаки), Сильвестр Тодрия (в пьесе — Тодрия), Дариспан Дарахвелидзе (в пьесе — Дариспан), Михаил Харимьянц (в пьесе — Хиримьянц), Наталья Киртадзе-Сихарулидзе (в пьесе — Наташа).

Булгаков превратил основных мемуаристов из книги 1937 года в действующих лиц своей пьесы, сохранив за ними те конкретные роли, которые они играли в батумских событиях. По сути же драматург сочинил заново каждое действующее лицо на основе реальных свидетельств, почерпнутых из их сообщений. И при этом каждому эпизодическому персонажу из среды рабочих отвел ровно столько места, сколько необходимо для развития действия пьесы и конкретизации характера ее главного сквозного героя — молодого Сталина.

На мрачном фоне ежовщины, ужаснувшей людей конца 1930-х годов масштабами подавления личности, Булгаков в пьесе «Батум» решился поставить Сталина в положение бесправного политического заключенного, вступающего в неравную борьбу против тюремного произвола и грубого (по меркам начала XX века) злоупотребления властью, характерного для всякого полицейского государства, а для русской самодержавной традиции в особенности.

Безупречное поведение «ученика революции» в этих обстоятельствах могло бы послужить примером того, как надо отвечать на жестокость, насилие и издевательство над достоинством человека со стороны репрессивной государственной машины. Вопрос заключался в том, как будет воспринят и понят прямой исторический урок тридцать пять лет спустя, когда социальные роли переменились и бывший бесправный арестант, «узник совести», сам сосредоточил в своих руках необъятную власть, заняв высшую точку громадной партийно-государственной пирамиды.

При таком взгляде на единовластие в его старой, царистской, и новой, псевдосоциалистической, форме в сюжете «Батума» можно обнаружить еще один пласт содержания, объективно заложенного в пьесе, но проясняющегося лишь на контрасте «батумской» и «московской» эпох биографии Сталина. Этот контраст обнаруживает, что Сталин был не только «учеником революции», тех батумских и тифлисских рабочих, среди которых он проповедовал радикальные антимонархические и большевистские взгляды, но прежде всего выучеником репрессивного аппарата русского самодержавия, с которым он имел дело на практике и от которого он усвоил на собственном опыте азы беззакония, жестокости, провокаторства, нравственного цинизма, привычку полагаться в борьбе с политическими и личными противниками только на беспощадную и грубую силу.

Изучая книгу «Батумская демонстрация 1902 года», Булгаков обратил внимание на одну существенную подробность, имеющую прямое отношение ко времени действия его пьесы. Автор заметки «Организатор революционных боев батумских рабочих» Доментий Вадачкория, вспоминая о Сталине, сообщил следующий факт: «Помню рассказ товарища Сосо о его побеге из ссылки. Перед побегом товарищ Сосо сфабриковал удостоверение на имя агента при одном из сибирских исправников. В поезде к нему пристал какой-то подозрительный субъект — шпион. Чтобы избавиться от этого субъекта, товарищ Сосо сошел на одной из станций, предъявил жандарму свое удостоверение и потребовал от него арестовать эту «подозрительную» личность. Жандарм задержал

этого субъекта, а тем временем поезд отошел, увозя товарища Сосо...» (Батумская демонстрация 1902 года. М., 1937, с. 140).

Это поразительное сообщение в официальной книге 1937 года — к тому же со слов самого Сталина! — наводило на далеко идущие размышления, и Булгаков резко отчеркнул на полях это место красно-синим карандашом. Сообщение нуждалось в проверке и всестороннем анализе.

Что же означало это признание, кроме восторга по поводу необыкновенной находчивости товарища Сосо, так ловко освободившегося от докучливого внимания «подозрительной личности»?

А означало оно, что, пробыв в первой сибирской ссылке чуть больше месяца, Сталин успешно бежал из нее в январе 1904 года с удостоверением агента охранки одного из сибирских исправников.

Существенный вопрос заключается в том, был ли полицейский документ на имя И. Джугашвили, лежавший в его кармане, действительно сфабрикован или это был *подлинный документ*, который его владелец при необходимости мог использовать в деле, нисколько не опасаясь возможного разоблачения?

Первая версия, что Сталин был лжеагент одного из сибирских исправников и пользовался агентурным удостоверением, собственноручно сфабрикованным (версия, открыто заявленная в официальном издании 1937 года Партиздата ЦК ВКП(б)!!!), наталкивается на серьезную техническую преграду: как мог молодой арестант из Батума, доставленный под военным конвоем в глухой сибирский поселок Иркутской губернии и находившийся под строгим надзором полиции, «сфабриковать» секретнейший полицейский документ — личное агентурное удостоверение на свое имя, тогда как каждый бланк такого удостоверения находился на особом строгом счету и был доступен лишь для высших чинов губернского жандармского управления?

Не вернее ли предположить, что, если молодой Сталин действительно пускал в ход свое агентурное удостоверение и даже, пользуясь им, мог отдавать приказы дежурным жандармам на железной дороге, то это удостоверение было не «сфабрикованное», а *настоящее, подлинное,* которое в особых случаях выдавалось арестантам, вступавшим в тайное соглашение с охранкой и переходившим к ней на постоянную службу в качестве осведомителей.

Примеры такого перехода из революционного подполья в подполье полицейское, увы, случались не раз. Эрозия политического провокаторства глубоко проникала в революционные партии, достигая порой самых высших этажей центрального

руководства,— достаточно вспомнить фигуру Азефа среди эсеров или Малиновского у большевиков, долго и «успешно» работавших на обе стороны — и на революцию и на охранку.

Подозрения по поводу связей Сталина с царской охранкой не раз возникали среди политкаторжан и высказывались в печати за рубежом — повод для подозрений давали повторявшиеся и неизменно удачные побеги Сталина из ссылки и крупные провалы подпольных организаций, с которыми он был связан. И все же прямых документов и доводов, подтверждающих подозрения такого рода, недоставало.

С выходом книги «Батумская демонстрация 1902 года» версия о возможном политическом провокаторстве Сталина, вопреки намерениям составителей этой книги, получила новые косвенные подтверждения. Невозможно предположить, что сообщение Д. Вадачкория о «сфабрикованном» агентурном удостоверении Сталина, с которым он вернулся из ссылки, появилось в книге случайно, по авторскому недомыслию или редакционной оплошности. Такого рода подробности из биографии Сталина в советской печати 1937 года «случайно» не сообщались.

Сомнительная версия о «сфабрикованном» удостоверении И. Джугашвили, ловко разыгравшего при побеге из ссылки роль тайного агента перед жандармом на какой-то станции, понадобилась только для того, чтобы *блокировать* повторявшиеся утверждения о действительном сотрудничестве Сталина с царской охранкой.

Новейшие архивные разыскания проливают дополнительный свет на эту сомнительную версию, выдвинутую в бериевском издании 1937 года, то есть санкционированную Сталиным лично по немаловажным для него мотивам. Историк З. Серебрякова обнаружила в фонде Серго Орджоникидзе в Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС копию донесения о том, что «Коба» (подпольная кличка Сталина) обменялся с секретной агентурой охранного отделения сведениями о последних событиях партийной жизни. Оригинал этого же документа, относящегося к 1912 году, указывает на особые отношения Сталина с большевиком-провокатором Малиновским. Документ этот много десятилетий пролежал в Центральном государственном архиве Октябрьской революции. По заключению З. Серебряковой, этот документ, который «каким-то чудом сохранился и ныне обнаружен, да еще в двух архивных фондах, и даже частично опубликован... дает основание считать доказанной связь Сталина с царской охранкой» (Серебрякова З. Сталин и царская охранка.— Совершенно секретно, 1990, № 7, с. 21).

Доказательства связи относятся к 1912 году — времени депу-

татства Малиновского в IV Государственной думе от большевистской социал-демократической фракции. Однако начало связи с охранкой восходит, очевидно, к более раннему, «батумскому» этапу биографии Сталина, когда он с удостоверением от сибирского исправника первый раз и вполне успешно бежал из иркутской ссылки с помощью своих настоящих покровителей.

При изучении книги «Батумская демонстрация 1902 года» этот эпизод попал в поле зрения Булгакова и вызвал его обостренное внимание, но в тексте пьесы версия бериевского издания опущена, а сам факт побега Сталина из ссылки попадает на внесценическую часть действия, в паузу между последней, девятой картиной (перевод из кутаисской тюрьмы) и эпилогом — неожиданным появлением Сталина в Батуме после побега.

Хотел Булгаков того или нет, но в фокусе его пьесы оказалась одна из самых загадочных и непроясненных страниц биографии молодого Сталина — история «пастыря» до грехопадения; из кутаисской тюрьмы в Батумский замок, а затем в ссылку уходит в последнем действии пьесы один человек, а в эпилоге появляется уже другой, и никто не может точно сказать, какой моральной ценой оплачено его возвращение. Одного этого точного «попадания» в темное место сталинской биографии было совершенно достаточно, чтобы запретить исполнение пьесы в театре без каких-либо официальных разъяснений причин такого запрета. Но даже и независимо от того, кому служил молодой Сталин в подполье, истоки политической традиции, им воспринятой, достаточно выпукло представлены в центральных картинах последней булгаковской пьесы.

Сталин обнаружил необыкновенную восприимчивость к практическим урокам жандармского полковника Трейница, заучив до конца своих дней основные приемы борьбы за власть и использования завоеванной власти, без которых не может существовать никакая самодержавно-государственная пирамида. А как способный и мстительный ученик, он пошел неизмеримо дальше своих невольных учителей из состава военной, жандармской, гражданской и духовной администрации царской России.

Его символическая угроза Трейницу в конце восьмой, «тюремной», картины — это, как доказала история, угроза удесятеренного контроля социализированной государственной машины над жизнью и смертью каждого человека. Это угроза такого чудовищного разрастания личной власти диктатора, соединившего в одних руках все функции «диктатуры пролетариата», по сравнению с которой вся прежняя система царской военно-полицейской власти в лице карателя батумских рабочих ротного капитана Антадзе, тюремных надзирателей, начальника

кутаисской тюрьмы, полицеймейстера, жандармского полковника Трейница, губернатора, министра юстиции и, наконец, самого царя Николая II, подписавшего приговор о трехлетней ссылке Джугашвили в Сибирь,— это лишь жалкая фикция абсолютизма, растерявшего свои главные атрибуты и уже не способного предотвратить свое собственное падение.

Бросив вызов одряхлевшей системе власти, Сталин возродил затем в гиперболических формах самые худшие ее качества. Генетические истоки этого феномена русской истории, ставшего явным к концу 1930-х годов, представлены в «Батуме» в лицах и положениях с полной отчетливостью, пусть даже и в сочувственном духе по отношению к молодому бунтарю.

11 июня 1939 года пьесу Булгакова слушали братья Эрдманы, художник и драматург, их мнение было для автора особенно важным. «Пришла домой,— пишет Е. С. Булгакова,— Борис Эрдман сидит с Мишей, а потом подошел и Николай Робертович. Миша прочитал им три картины и рассказал всю пьесу. Они считают, что удача грандиозная. Нравится форма вещи, нравится роль героя» (ГБЛ, ф. 562, к. 28, ед. хр. 25).

В течение месяца, до 12 июля 1939 года, были переписаны с переделками и новыми подробностями вторая, третья и шестая картины пьесы. Вместе с первой редакцией эпилога (картина десятая), где Сталин внезапно, после побега из ссылки, снова возвращается в дом Сильвестра, эти переписанные заново картины перешли во вторую рукописную тетрадь пьесы «Батум».

В дневнике Е. С. Булгаковой 12 июля 1939 года сделана краткая запись: «Чтение в Комитете». Чтение состоялось накануне, 11 июля, в узком кругу, в присутствии председателя Комитета по делам искусств М. Б. Храпченко и нескольких человек из МХАТа. Читать Булгакову пришлось по тетрадям, перепечатать пьесу набело к этому дню он не успел. Булгаков писал 14 июля 1939 года В. Я. Виленкину:

«Результаты этого чтения в Комитете могу признать, по-видимому, не рискуя ошибиться, благоприятными (вполне). После чтения Григорий Михайлович (Г. М. Калишьян, исполняющий обязанности директора МХАТа.— *А. Н.*) просил меня ускорить работу по правке и переписке настолько, чтобы сдать пьесу МХАТу непременно к 1-му августа. А сегодня (у нас было свидание) он просил перенести срок сдачи на 25 июля.

У меня осталось 10 дней очень усиленной работы. Надеюсь, что, при полном напряжении сил, 25-го вручу ему пьесу... Устав, отодвигаю тетрадь, думаю — какова будет участь пьесы. На нее положено много труда» (Воспоминания о Михаиле Булгакове, с. 303—304).

24 июля 1939 года пьеса «Батум» была перепечатана набело и представлена в МХАТ. В театре началась интенсивная подготовительная работа к спектаклю. 14 августа Булгаков вместе с небольшой постановочной группой выехал в Грузию для изучения материалов на месте, в Батуми и Кутаиси. Однако уже через несколько часов специальной телеграммой мхатовская бригада была возвращена в Москву. Булгаков вместе с Еленой Сергеевной сошли с поезда в Туле и вернулись в Москву на случайной машине. С этого дня писатель тяжело заболел и уже не смог оправиться от удара до самой смерти.

По указанию из секретариата Сталина вся работа над постановкой «Батума» была прекращена. Никаких специальных разъяснений в связи с этим неожиданным запретом не последовало. По свидетельству Е. С. Булгаковой, 10 октября 1939 года, посетив МХАТ, Сталин в разговоре с В. И. Немировичем-Данченко обронил загадочную фразу, что пьесу «Батум» он считает очень хорошей, но что ее нельзя ставить. Иначе говоря, при всех литературных достоинствах пьесы, Сталин не считал ее постановку сколько-нибудь полезной для себя. Он уловил в содержании «Батума» опасный для себя элемент иронии истории, не замеченный и не оцененный другими читателями и слушателями этой добросовестной юбилейной пьесы.

При жизни Булгакова пьеса «Батум» не публиковалась и не исполнялась на сцене.

Впервые напечатана за рубежом в сб.: Неизданный Булгаков. Под ред. Э. Проффер. Анн-Арбор, 1977, с. 137—210. Эта первопубликация осуществлена по дефектной копии, без указания архивных источников и содержит многочисленные искажения и ошибки в тексте.

Первая публикация в СССР — журн. «Современная драматургия», 1988, № 5, с. 220—243 (вступ. статья М. Чудаковой).

В архиве Булгакова сохранилась черновая рукопись пьесы под названием «Пастырь», начатая 10 сентября 1938 года и законченная в январе 1939-го (ГБЛ, ф. 562, к. 14, ед.хр.7, 8).

В июле 1939 года Булгаков закончил работу над текстом рукописи. Вся пьеса с существенными поправками, сокращениями и дополнениями была перепечатана под диктовку автора набело. Этот экземпляр машинописи может рассматриваться как основной авторский экземпляр пьесы «Батум», аутентичный официальным экземплярам, переданным в дирекцию МХАТа и в Главрепертком.

В настоящем томе «Батум» печатается по этому экземпляру (ГБЛ, ф. 562, к. 14, ед. хр. 9), сверенному с машинописными копиями пьесы, имеющимися в Музее МХАТа и ЦГАЛИ.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЬЕСЫ

Булгаков М. А.

Б 90 Собрание сочинений. В 5-ти т. Т. 3. Пьесы / Редкол.: Г. Гоц, А. Караганов, В. Лакшин и др.; Сост. А. Нинова; Статья-послесл. А. Смелянского; Подгот. текста и коммент. В. Гудковой, И. Ерыкаловой, Е. Кухта и др.— М.: Худож. лит., 1990.— 703 с., ил.

ISBN 5-280-00980-6 (Т. 3)

ISBN 5-280-00760-9

В третий том Собрания сочинений М. А. Булгакова входят все его оригинальные пьесы: «Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Багровый остров», «Бег» и др.

Б $\frac{4702010203-245}{028(01)-90}$ Подписное ББК 84Р7

В альбоме использованы фотографии из личных и государственных архивов

МИХАИЛ АФАНАСЬЕВИЧ
БУЛГАКОВ

Собрание сочинений

Том третий

Редактор *К. Нещименко*

Художественный редактор *Г. Масляненко*

Технический редактор *Л. Синицына*

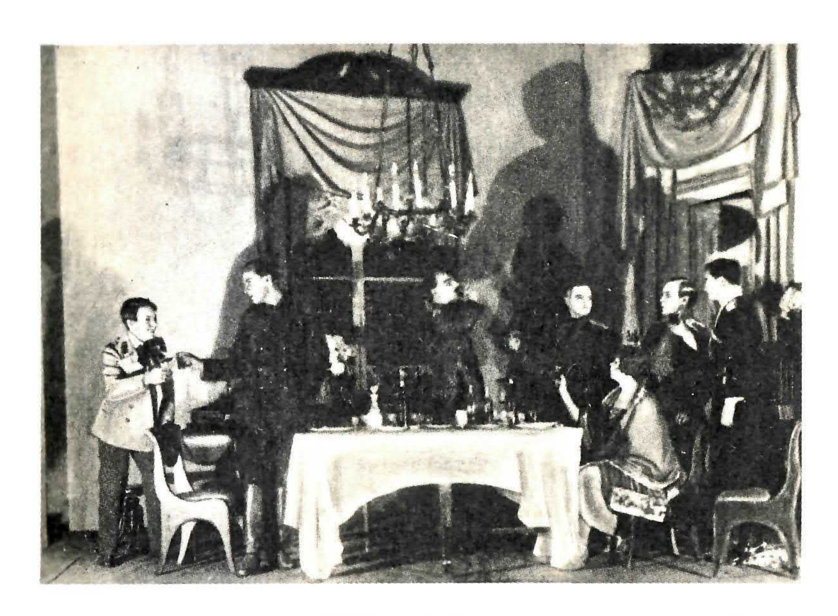
Корректоры *Т. Сидорова, Н. Замятина*

ИБ № 5690

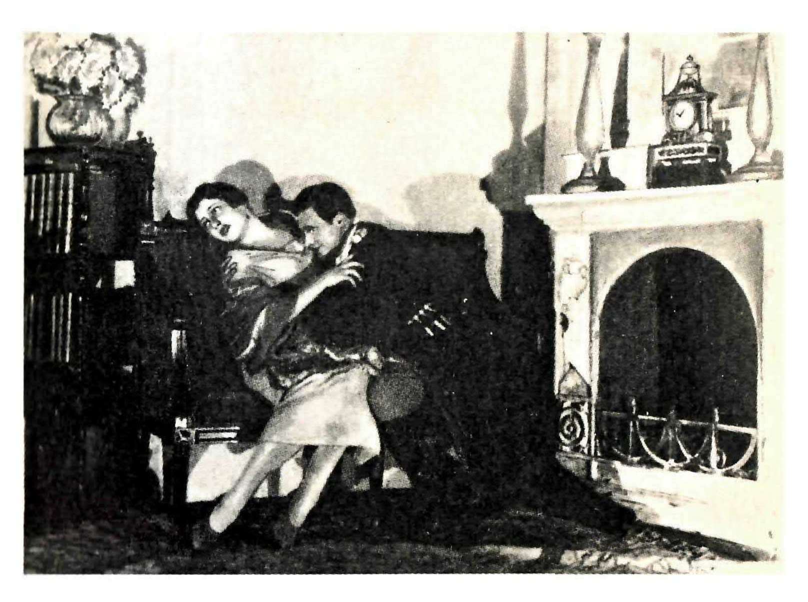
Сдано в набор 24.11.89. Подписано в печать 07.06.90. Формат 84×108 1/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Баскервиль». Печать высокая. Усл. печ. л. 36,96+вкл.+нак.=37,43. Усл. кр.-отт. 38,32. Уч.-изд. л. 40,95+вкл.+ +нак.=41,4. Тираж 400 000 (2-й зав. 200 001—400 000) экз. Изд. № II-3325. Заказ № 3462. Цена 6 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Государственного комитета СССР по печати. 113054, Москва, Валовая, 28

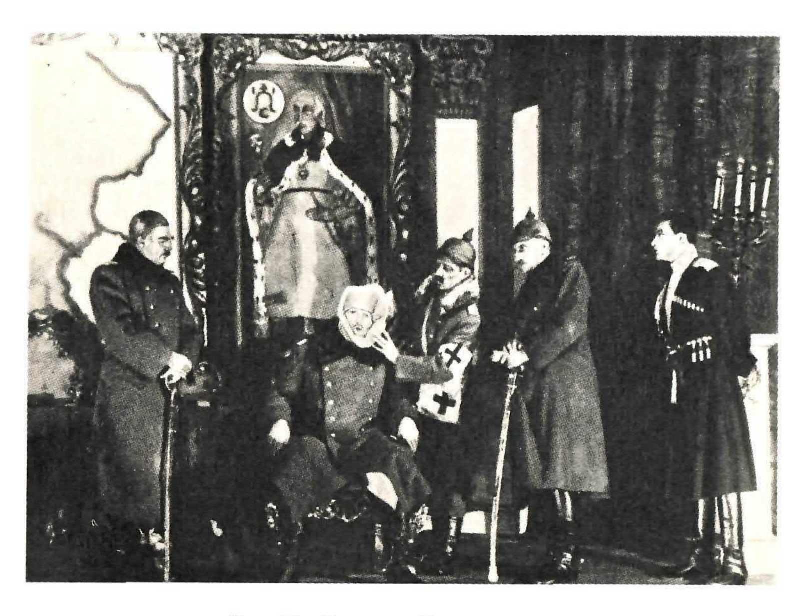
«Дни Турбиных». МХАТ, 1926. Сцена из спектакля. В квартире Турбиных

«Дни Турбиных». Сцена из спектакля. Елена — В. Соколова, Шервинский — М. Прудкин

«Дни Турбиных». Алексей Турбин — Н. Хмелев

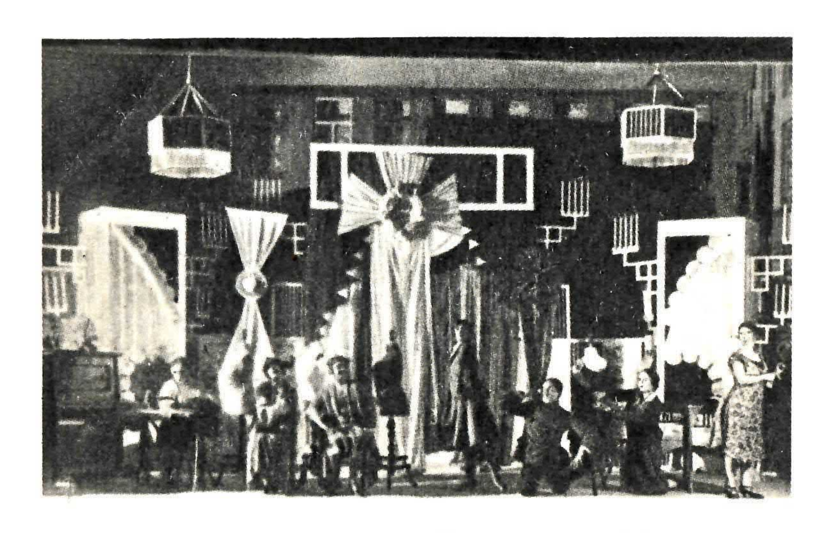

«Дни Турбиных». Сцена у гетмана

«Дни Турбиных». Сцена в гимназии

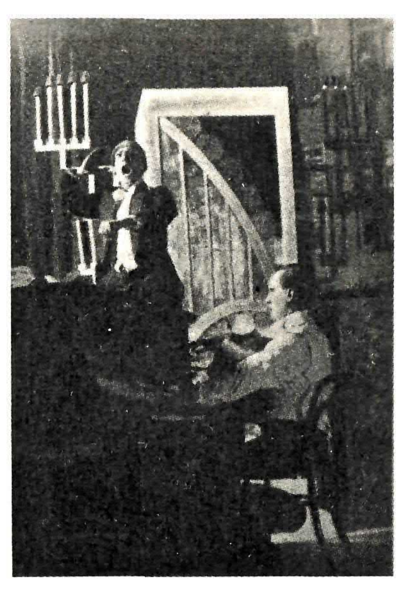
М. А. Булгаков с участниками спектакля «Дни Турбиных». 1926

«Зойкина квартира». Театр им. Евг. Вахтангова, 1926. Сцена из спектакля. Ателье

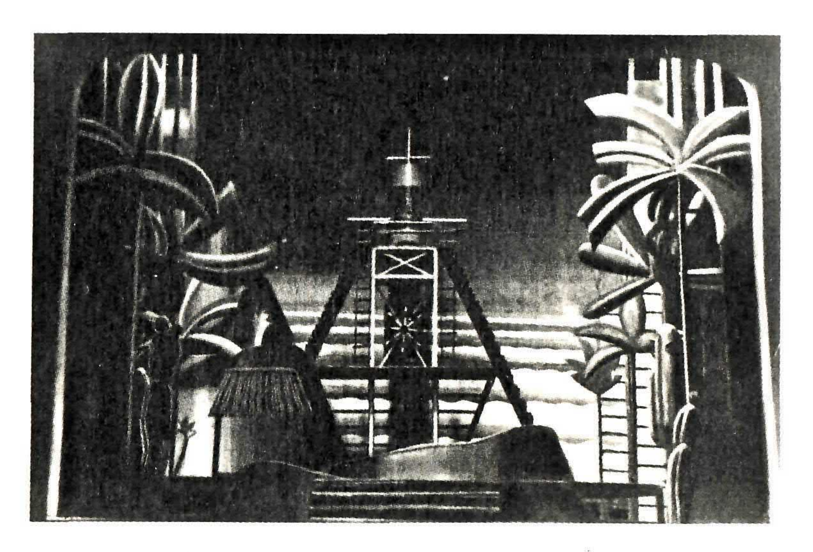
«Зойкина квартира». Зоя Пельц — Ц. Мансурова

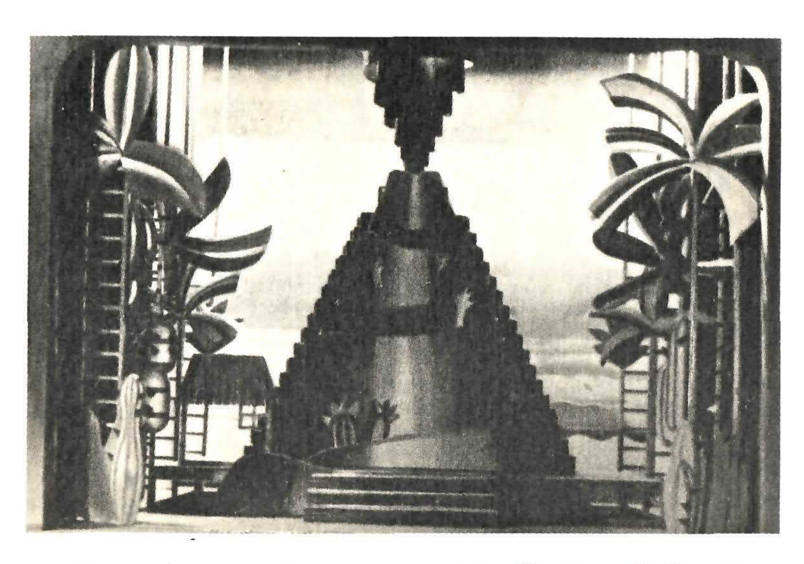
«Зойкина квартира». Сцена из спектакля. Аметистов — Р. Симонов, Обольянинов — А. Козловский

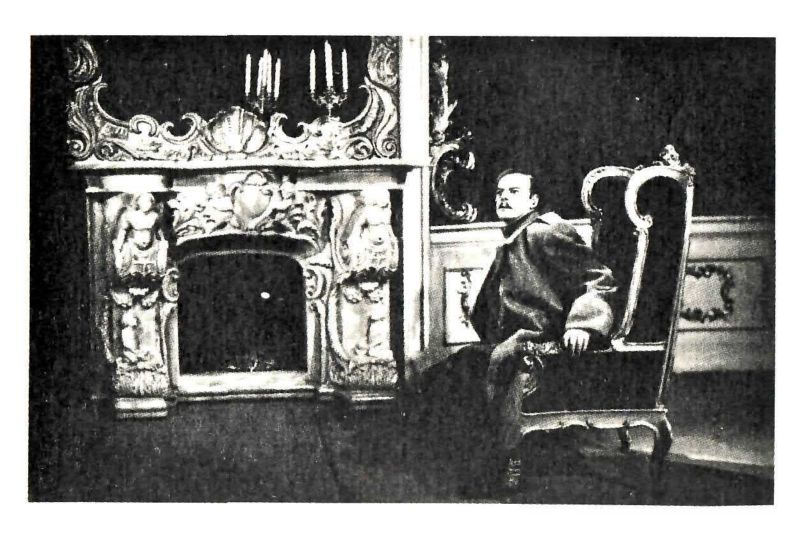
Плакат к 100-му спектаклю «Зойкина квартира». Театр им. Евг. Вахтангова, 1927

«Багровый остров». Камерный театр, 1928. Яхта «Дункан».
Художник В. Рындин

«Багровый остров». Извержение вулкана. Художник В. Рындин

«Бег». Ленинградский государственный академический театр драмы им. А. С. Пушкина. Хлудов — Н. Черкасов

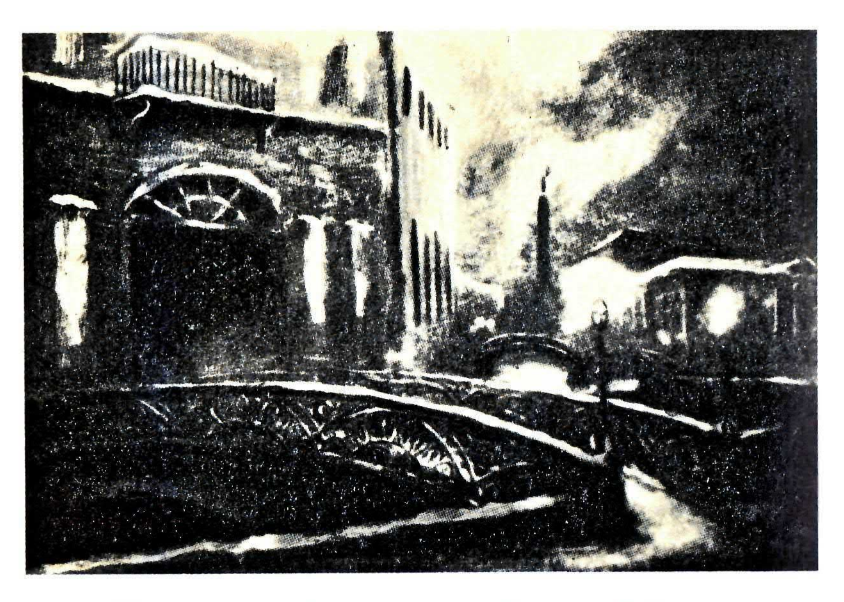
«Бег». Сцена из спектакля. Люська — Т. Алешина, Серафима — Л. Петухова, Чарнота — Ю. Толубеев

«Мольер». МХАТ.
Людовик XIV — М. Болдуман

«Последние дни». МХАТ, 1943.
Битков — В. Топорков

«Последние дни». Эскиз декорации. Художник П. Вильямс